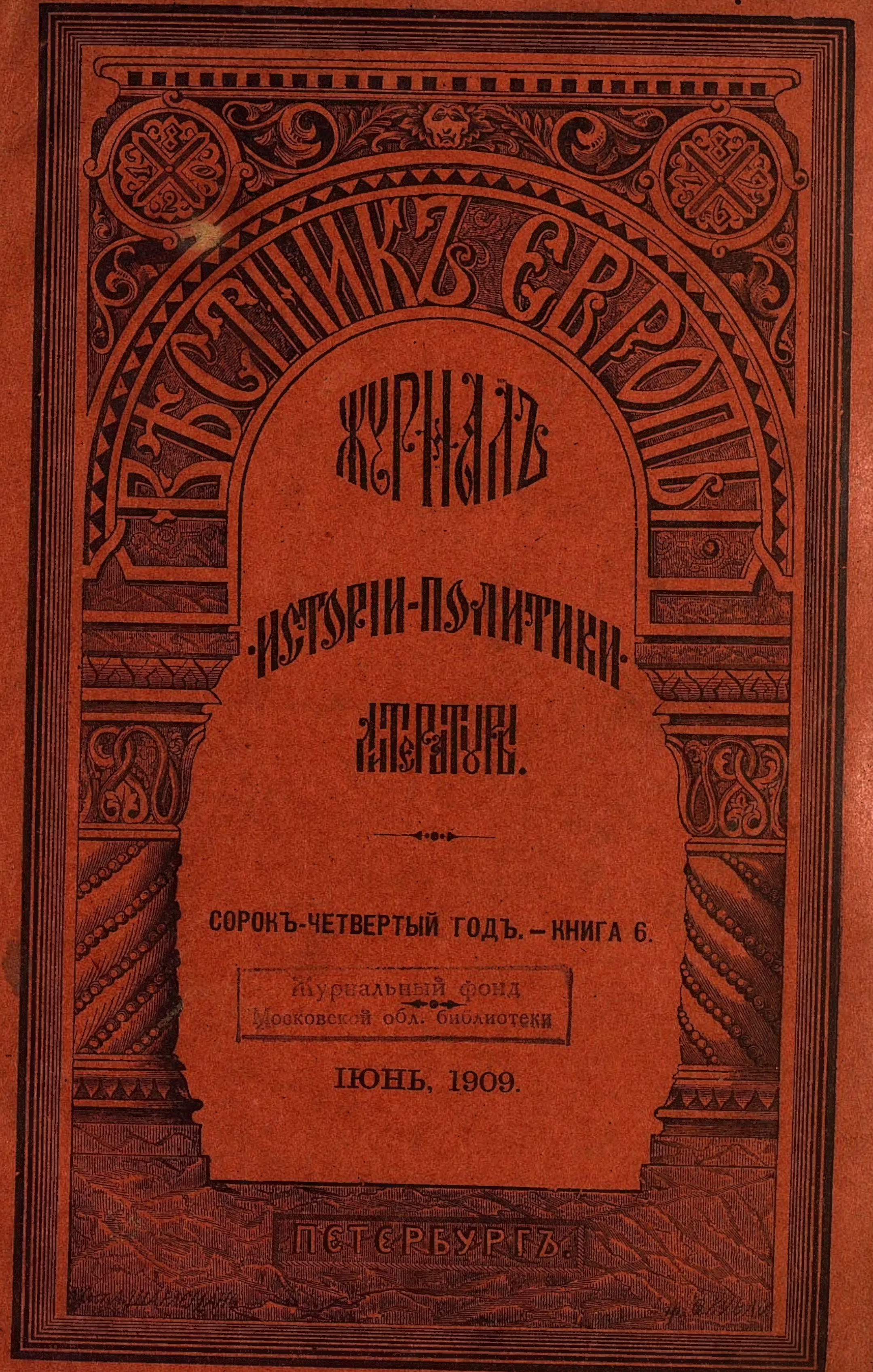

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-ЛИТЕРАТУРЫ.

СОРОКЪ-ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ. — КНИГА 6.

ІЮНЬ, 1909.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас.-Остр., 5 л., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 6-я. — ІЮНЬ, 1909.

Объ условіяхъ подписки на журналъ въ 1909-мъ году
см. на послѣдней страницѣ обертки.

Тарасъ Григорьевичъ Шевченко.

(25 фев. 1814 г.—26 фев. 1861 г.)

Съ портрета, писаннаго И. Н. Крамскимъ, 1871 г.

(Городская галлерея П. и С. Третьяковыхъ въ Москвѣ).

«Вѣстникъ Европы», 1909 г.

Александръ Николаевичъ Пыпинъ.

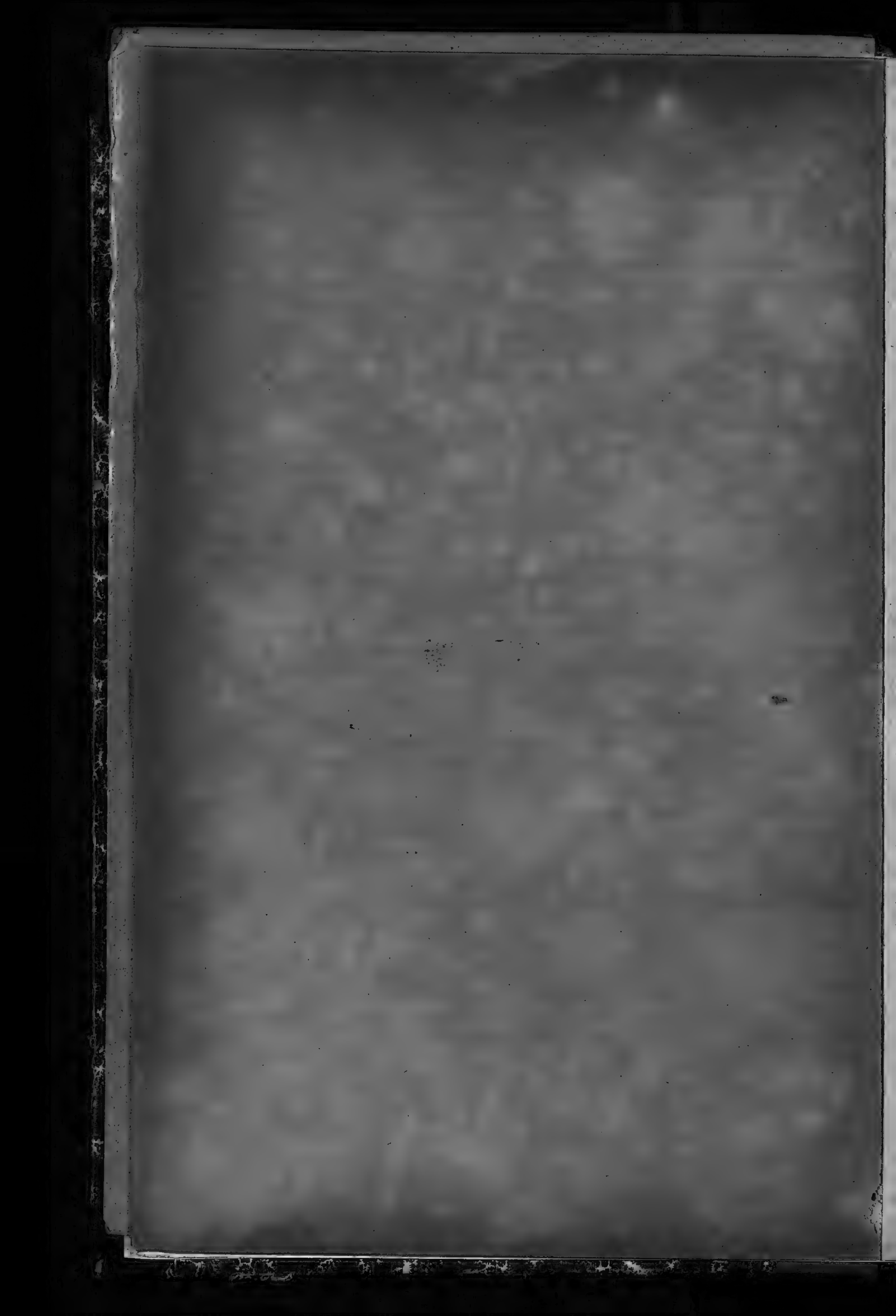
(1833—1904 гг.)

Съ портрета, писаннаго Н. Н. Ге, 1871 г.

(Городская галлерея П. и С. Третьяковыхъ въ Москвѣ).

«Вѣстникъ Европы», 1909 г.

ІОАННА ДАРКЪ

(Романическая исторія и историческая дѣйствительность.)

Окончаніе *).

Іоанна выѣхала въ Шинонъ въ концѣ февраля; наступала распутица, проселочныя дороги становились непроѣзжими, деревянные мосты мѣстами сносило. Приходилось держать путь по большимъ дорогамъ, черезъ города и прочными каменными мостами: Оксерръ (мостъ черезъ Іонну) и Жіенъ (мостъ черезъ Луару). Это значительно удлинняло путь, и все путешествіе заняло одиннадцать дней, что̀ и поставлено историками тоже въ счетъ предполагаемымъ врагамъ Іоанны. Сама Іоанна просила останавливаться почаще и подольше, „чтобы присутствовать на богослуженіи". Но у нея была къ тому и другая, чисто физическая причина. У непривыкшаго къ верховой ѣздѣ долгій переходъ производитъ неважное, но очень болѣзненное неудобство: части тѣла, находящіяся въ соприкосновеніи съ сѣдломъ, растираются до открытой язвы. Это приходится перетерпѣть, и язвы затянутся болѣе грубой кожей, но ѣхать дальше становится мученіемъ. Такъ случилось и съ Іоанной, которая вообще страдала этимъ неудобствомъ, такъ что при осмотрѣ ея во время перваго процесса, когда она уже давно не сидѣла на лошади, она „fuit laesa in inferioribus de equitando". Совершенно понятно, что ей было непріятно говорить объ этомъ мужчинамъ, и тѣ, давно перейдя черезъ этотъ періодъ верховой ѣзды, не догадались сами.

---

*) См. май, стр. 5.

Къ концу путешествія боль достигла высшей степени: Іоанна останавливается въ ничтожной деревушкѣ, близъ Шинона, и живетъ тамъ двое сутокъ. Деревушка эта, или выселокъ (hameau), и есть S-te-Catherine-de-Fierbois, игравшая важную роль въ легендѣ. Іоанна тамъ была три раза у обѣдни, и провела въ часовнѣ нѣсколько часовъ въ благочестивыхъ размышленіяхъ; отмѣтимъ это обстоятельство. Изъ Фьербуа Іоанна послала королю письмо, извѣщая о своемъ пріѣздѣ.

Историки говорятъ, что при первомъ свиданіи ея съ Карломъ VII въ Шинонѣ король, одѣвшись очень скромно, будто замѣшался въ толпѣ придворныхъ; но Іоанна прямо подошла къ нему, и на его отрицаніе увѣренно сказала, что онъ—король. Geste des Nobles, спеціально прославляющій Іоанну, какъ чудотворицу, ничего не знаетъ объ этомъ обстоятельствѣ, которое разсказываетъ орлеанистъ Шартье, очень падкій на подкупъ и разныя вліянія, и притомъ оффиціальный исторіографъ. Но и онъ проговаривается, что Іоанна, *„войдя въ залу, просила не обманывать ее и показать, къ кому она должна обратиться“* [1]). Опять придуманная легенда замѣняетъ фактъ.

Маленькая подробность рисуетъ и положеніе дѣла, и патріотическій энтузіазмъ партіи, и ея нравы: нѣсколько военныхъ устроили передъ самымъ Шинономъ засаду, чтобы захватить Іоанну и ея спутниковъ, ограбить ихъ, а главное—потребовать выкупа. Но выкупъ—съ кого? Не съ Іоанны, бѣдной крестьянки; не съ Іоанна Мецскаго или Пуланжи, у которыхъ не было денегъ, чтобы одѣться и вооружиться; не съ королевскаго посланнаго, ничтожнаго человѣка, у котораго деньги на дорогу были уже истрачены; очевидно—съ короля!!

Разсказываютъ—оффиціальные объ этомъ молчатъ—что Карлъ потребовалъ отъ Іоанны *знака* (signe), доказывающаго ея божественное посланіе, и она открыла ему *тайну*, о которой онъ молилъ Бога. Какая это была тайна?

Изабелла Баварская вела крайне распутную жизнь, и это было общеизвѣстно. Весной 1405 г. августинскій монахъ говорилъ въ своей проповѣди во дворцѣ, обращаясь къ королевѣ: „Богиня Венера одна царитъ при вашемъ дворѣ; у нея свита—развратъ, пьянство, непристойные танцы... О, королева! вездѣ говорятъ о позорѣ вашего двора“. Хроникеръ Сенъ-Дени отмѣчаетъ въ своей лѣтописи, что королева и герцогъ Орлеанскій

---

[1]) La dicte Jehanne fut amenée en sa présence, et dist qu'on ne la decevoist point et qu'on lui monstrast celuy auquel elle devroit parler.

скандализируютъ Францію и составляютъ басню чужихъ странъ. И во Франціи, и въ Европѣ законность рожденія Карла VII подвергалась большому сомнѣнію; онъ самъ думалъ, что несчастья Франціи происходятъ, можетъ быть, отъ того, что онъ не по праву занимаетъ престолъ. Его отецъ заболѣлъ душевно въ 1392 г., во второй разъ—въ 1393, и затѣмъ приступы повторялись. Ему дали Odette de Champdivers, какъ сидѣлку и любовницу, но Изабелла продолжала сожительство съ умалишеннымъ, по видимому, въ его свѣтлые промежутки. Карлъ VII родился 22 февраля 1403 г., слѣдовательно былъ зачатъ во второй половинѣ мая 1402 года 10 мая 1402 г. Карлъ VI былъ здоровъ и участвовалъ въ турнирѣ 10-го и 11-го; передъ Духовымъ днемъ (14-го) у него былъ приступъ, окончившійся въ началѣ іюня. Свѣтлый промежутокъ продолжался до половины іюля, затѣмъ Карлъ VI снова заболѣлъ до февраля 1404 г., съ свѣтлыми промежутками въ одни сутки или немного долѣе Въ виду такой неопредѣленности, самъ Карлъ VII молилъ Бога выяснить загадку его рожденія, о которой говорила вся Европа, и даже подумывалъ отказаться отъ престола и уѣхать въ Испанію или Шотландію. Конечно, это часто обсуждалось въ интимномъ кружкѣ. Его теща, энергичная и властолюбивая Іоланда Арагонская, поддерживала его мужество и увѣряла его въ его правѣ. Она же была главной сторонницей принятія Іоанны и главной ея покровительницей. Когда нужно было убѣдиться въ дѣвственности Іоанны (какъ гарантія, что она не послана отъ дьявола, такъ какъ дьяволъ былъ безсиленъ относительно дѣвственницы), то она и двѣ другія дамы, жены высшихъ лицъ [1]), взяли на себя эту обязанность повивальныхъ бабокъ. Чтобы окончательно оградить и Іоанну, и королевское правительство отъ подозрѣнія въ сношеніяхъ съ нечистыми силами, было сочтено нужнымъ прибѣгнуть еще къ духовной экспертизѣ.

Карлъ VII всегда былъ подъ сильнымъ вліяніемъ своего духовника и своихъ врачей, особенно если врачъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и астрологомъ. За пріемъ Іоанны особенно стояли духовникъ короля, Gérard Machet, и лейбъ-медикъ, самый знаменитый въ то время астрологъ Pierre de St.-Valérien. Gérard Machet, воспитанникъ арманьякской коллегіи Navarre, съ студенчества былъ ярымъ арманьякомъ; онъ участвовалъ въ коммиссіи,

---

[1]) Жена Raoul de Gaucourt, губернатора *города Орлеана*, постояннаго покровителя и охранителя Іоанны, и жена бывшаго государственнаго канцлера Robert Le Maçon.

осудившей Jean Petit и его рѣчь въ оправданіе убійства Орлеанскаго; впослѣдствіи онъ былъ „министромъ духовныхъ дѣлъ“ (по выраженію Vallet de Virivelle), предсѣдателемъ Séance Royale по вопросу о прагматической санкціи. Своихъ духовныхъ обязанностей онъ не исполнялъ, а занимался исключительно административными и дипломатическими дѣлами; получивъ кастрское епископство, онъ продолжалъ состоять при королѣ. Онъ особенно настаивалъ на принятіи Іоанны, увѣряя, что „въ священныхъ книгахъ нашелъ пророчество объ ея появленіи“ (sic!).

У Маше былъ школьный товарищъ, тоже ревностный арманьякъ, человѣкъ ученый, очень благочестивый, на рѣдкость добрый и необыкновенно глупый. Онъ благоговѣлъ передъ Маше, который устроилъ его назначеніе на богатое епископство. По примѣру своего друга, онъ тоже стоялъ за Іоанну, подписалъ актъ ея реабилитаціи, но, непосвященный въ закулисную сторону дѣла, думалъ, что вообще должно быть на сторонѣ политическихъ дѣвственницъ, безъ которыхъ дѣло обходиться не можетъ. Многочисленный штатъ приближенныхъ къ нему духовныхъ особъ представилъ ему политическую дѣвственницу, нѣкую Jeanne la Feronne, которая тоже сообщила ему *тайну*, какъ знакъ своего божественнаго посланія. Епископъ сталъ разсылать о ней, по примѣру того, что̀ дѣлалось для Іоанны, посланія къ принцамъ, высокопоставленнымъ лицамъ, городамъ, представляя имъ „*Мансскую Дѣвственницу*“ (la Pucelle de Mans), какъ посланницу Божью. Дѣвственница эта оказалась, однако, проституткой, съ которой развратничали духовныя лица, окружавшія епископа, дурача его и научая ее, что̀ говорить, пользуясь тайною исповѣди. Когда это открылось, епископъ хотѣлъ даже отказаться отъ своего сана.

Въ Пуатье находился парламентъ, состоявшій главнымъ образомъ изъ арманьякскихъ членовъ парижскаго парламента. Тогда всѣ ученые состояли въ духовномъ санѣ, чѣмъ объясняется странный на нашъ взглядъ фактъ, что врачи получали мѣста соборныхъ канониковъ, епископовъ. Парламентъ въ Пуатье состоялъ сплошь изъ духовныхъ лицъ, и потому представлялъ полную гарантію богословской учености; ему и была поручена духовная экспертиза Іоанны. Ее поселили въ семьѣ Jean Rabuteau, генералъ-адвоката этого парламента; въ его домѣ и при его участіи происходили и допросы; впослѣдствіи онъ сдѣлалъ быструю карьеру. Предсѣдателемъ парламента былъ тотъ же Маше, распоряжавшійся назначеніемъ на платныя духовныя должности, а предсѣдателемъ коммиссіи былъ канцлеръ государства, реймскій архіепископъ Régnault

de Chartres, главный покровитель Іоанны и сторонникъ предоставленія ей политической роли. Коммиссія допрашивала Іоанну въ теченіе трехъ недѣль и составила докладъ, который и былъ одобренъ парламентомъ. Не смотря на давленіе, на всѣ пущенныя въ ходъ пружины, докладъ былъ не особенно благопріятенъ. „*По необыкновенной странности*“, замѣчаетъ одинъ изъ біографовъ, „этотъ документъ, сложенный въ государственный архивъ, не дошелъ не только до насъ, но даже и до реабилитаціоннаго процесса; не менѣе „*странно*“, что на этомъ процессѣ его не потребовали и даже не призвали ни одного изъ жившихъ еще тогда членовъ коммиссіи, кромѣ ничтожнаго Séguin. Изъ доклада коммиссіи было сдѣлано *въ королевской канцеляріи* краткое извлеченіе, въ какой степени вѣрное—мы не знаемъ. *Оно было разослано во множествѣ экземпляровъ не только по Франціи, но и въ другія страны*“ (Quicherat).

Выше было говорено о рекламѣ, дѣлавшейся Іоаннѣ, когда о ней еще только шли переговоры въ Вокулерѣ. Дюнуа, сынъ Людовика Орлеанскаго, вѣстью о ней поддерживалъ мужество осажденнаго Орлеана и смягчалъ королю непріятность извѣстія о проигранномъ сраженіи при Руврэ; Изабелла, невѣстка королевы, устроила ея призывъ къ ея отцу, герцогу Лотарингскому. Странствующіе монахи-проповѣдники говорили населенію, что женщина спасетъ Францію, прославляли Іоанну, разсказывали небылицы объ ея подвигахъ, о чудесахъ ею совершаемыхъ; духовникъ Іоанны, „братъ Ришаръ“, еще раньше ея появленія бродилъ съ цѣлымъ штатомъ „вдохновенныхъ женщинъ“, изъ которыхъ однѣ, какъ Катерина Ла-Рошельская, вліяли на населеніе своими видѣніями и пророчествами, а другія, какъ Перрона Бретонка и ея подруга, принимали участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Такихъ странствующихъ проповѣдниковъ было множество; между ними были, вѣроятно, энтузіасты, но были и нанятые; да и энтузіасты должны пропитываться,—кто давалъ имъ средства на жизнь? Населеніе было слишкомъ бѣдно, а бѣлое духовенство (clergé séculier) относилось къ проповѣдникамъ враждебно: монашескіе поборы значительно уменьшали его доходы. Пропаганда въ народѣ черезъ агентовъ на жалованьѣ практиковалась очень широко въ Западной Европѣ уже въ средніе вѣка, и всего чаще такими агентами были именно странствующіе монахи-проповѣдники. Папы посылали ихъ въ Германіи и Италіи противъ Гогенштауффеновъ, даже раньше—противъ Генриха IV; монументальная исторія Франціи Лависса говоритъ, что домъ Валуа встрѣтилъ антидинастическую пропаганду, очевидно — въ пользу соперниковъ и на ихъ деньги. Лига при Генрихѣ III раз-

сылала по всей Франціи монаховъ-проповѣдниковъ на деньги и въ пользу Гизовъ. Во время Фронды Парижъ былъ переполненъ проповѣдниками—агентами принцевъ и кардинала Реца съ одной стороны, Мазарини—съ другой. Странствующіе агенты-проповѣдники и ораторы-энтузіасты на жалованьѣ, по видимому, всегда были неизбѣжнымъ факторомъ политическихъ народныхъ движеній, и только выборъ ихъ мѣнялся. За Ричарда-Львиное Сердце были пущены въ ходъ труверы и стоявшіе внѣ закона (outlaws), за Іоанну, какъ и за Гизовъ — странствующіе монахи-проповѣдники, за принцевъ и Реца — мелкіе буржуа и нищіе, за Наполеона I—денежные дѣльцы, торговцы, поставщики, за Наполеона III — старые военные, бродячіе шарлатаны, разносчики. На памяти сходящаго со сцены поколѣнія былъ истраченъ милліардъ на подкупы и пропаганду въ южной Италіи и Сициліи черезъ монаховъ — во имя единства Италіи; единство Германіи было подготовлено странствующими гимнастами, пѣвцами, доцентами университетовъ; буланжисты пустили въ ходъ camelots, кафешантанныхъ пѣвцовъ. Tempora mutantur, et nos mutamus in illis.

Іоанну прославляли еще, и очень усердно, оффиціальныя лица, исторіографы и хроникеры во Франціи, за границею — дипломаты и литераторы, какъ мы увидимъ ниже; вслѣдствіе этого и хрониками должно пользоваться только cum grano salis. Хроникеры были на жалованьѣ короля или владѣтельныхъ особъ, иногда—высшаго дворянства или городовъ; кромѣ жалованья они пользовались еще и „безгрѣшными доходами". Въ настоящее время въ газетныхъ отчетахъ о великосвѣтскихъ празднествахъ, о пріѣздахъ и отъѣздахъ, за упоминаніе имени установлена — въ Западной Европѣ — такса; простое упоминаніе въ „Figaro", „Gaulois" и т. п. стóитъ 20 фр.; эпитетъ „la belle M-me N", „la délicieuse M-me NN" стóитъ 40 фр., описаніе платья — 60 и до 100 франковъ. То же, хотя, вѣроятно, безъ таксы, было въ обычаѣ и относительно хроникъ. Монаха-хроникера мы представляемъ себѣ обыкновенно отцомъ Пименомъ изъ „Бориса Годунова"; такіе, вѣроятно, были, но большинство, по видимому, умѣло извлекать и для себя положительную пользу, а не только поученіе потомкамъ. Guillaume Trigant прямо говоритъ, что Jean de Buel отказывался платить хроникерамъ деньги за упоминаніе о немъ—и дѣйствительно, о героѣ столькихъ войнъ, занимавшемъ высшія должности, военныя и дипломатическія (какъ-разъ во времена Іоанны), игравшемъ первостепенную роль при Карлѣ VII, хроникеры упорно умалчиваютъ, и еслибы не оффиціальные документы, то мы едва знали бы объ его существованіи.

До насъ дошла суть заключенія коммиссіи въ Пуатье, хотя и не въ оффиціальномъ документѣ. Коммиссія высказалась, что „*ничто не препятствуетъ*, чтобы Іоанна была пущена въ ходъ, но совершенно полагаться на нее не должно, а слѣдуетъ принимать всѣ мѣры, указываемыя благоразуміемъ (*prudence humaine*, въ противоположность *божескимъ указаніямъ*). Объ Іоаннѣ говорится, что „*она называетъ себя посланной Богомъ, но ея обѣщанія суть дѣла человѣческія* (ses promesses sont œuvres humaines), и потому имъ не должно легкомысленно довѣряться". Ничего хотя бы отдаленно похожаго на тотъ энтузіазмъ, о которомъ говорятъ историки Іоанны, коммиссія не обнаружила. Напротивъ, она высказывается болѣе чѣмъ сдержанно, какъ бы недовольная, что ее заставляютъ заниматься такимъ вздоромъ. Она отвѣчаетъ въ сущности: да, пожалуй, попробуйте, только не очень полагайтесь на нее,—на Бога-то надѣйтесь, да и сами не плошайте. Это тѣмъ характернѣе, что, какъ мы видѣли, были пущены въ ходъ всѣ пружины, всѣ вліятельныя лица.

Экспертиза въ Пуатье не удовлетворила, конечно, ея иниціаторовъ; пришлось прибѣгнуть къ другой, которая высказалась бы болѣе благопріятно. Обращаться къ коллегіямъ оказалось опасно, на нихъ разсчитывать нельзя,—вѣрнѣе обратиться къ отдѣльной личности, которую и выбрать можно соотвѣтственно. Запросъ былъ сдѣланъ Жаку Gélu, архіепископу Embrun'а. Казалось бы, въ дѣлѣ религіозномъ—какимъ оно представлялось—должно обратиться къ особенно авторитетному богослову, а Gélu былъ богословъ очень плохой и еще худшій писатель: это несомнѣнно доказываетъ его меморандумъ [1]). Притомъ дѣло было спѣшное, а Embrun лежитъ далеко, на итальянской границѣ, въ горахъ, гдѣ весной, когда былъ посланъ запросъ, отъ тающихъ снѣговъ нѣтъ ни проѣзда, ни прохода. Неужели же не было духовнаго лица и болѣе авторитетнаго, и живущаго ближе? Конечно были, и очень много, но предпочли Желю: онъ только носилъ титулъ духовнаго лица, а въ сущности былъ человѣкъ чисто политическій, и притомъ свой человѣкъ. Этотъ *французскій патріотъ* былъ даже не французъ, а нѣмецъ, родомъ изъ Люксембурга; онъ въ

---

[1]) Меморандумъ нескончаемо длиненъ, скученъ, совершенно безсодержателенъ; Quicherat называетъ его *fatras* и помѣщаетъ его урѣзаннымъ; аббатъ Ayroles, апологистъ Желю, признаетъ эту оцѣнку справедливою, хотя и слишкомъ строгою. Это—какая-то льстивая болтовня на сквернѣйшемъ латинскомъ языкѣ. Перечисляя несчастія и грѣхи, за которые Провидѣніе караетъ, и „говоря какъ учитель съ ученикомъ, какъ духовный отецъ съ духовнымъ сыномъ" (Ayroles), Желю обходитъ молчаніемъ предательское убійство Іоанна Бургундскаго!!

Орлеанъ, гдѣ провелъ семь лѣтъ, получилъ лиценціата каноническаго и гражданскаго права; какъ юристъ, онъ поступилъ на службу *герцога Людовика Орлеанскаго* и нѣкоторое время занималъ даже должность канцлера герцогства; сверхъ того былъ назначенъ совѣтникомъ парижскаго парламента. Затѣмъ состоялъ при дофинѣ Людовикѣ въ управленіи провинціей Дофинэ *по военнымъ дѣламъ* и завѣдывалъ *финансами*. Въ 1414 г. онъ былъ назначенъ архіепископомъ въ Туръ и посланъ на Констанцскій соборъ, а оттуда, во главѣ дипломатическаго посольства, къ антипапѣ Петру de Luna, въ Испанію. Въ 1418 г. онъ сопровождалъ кардинала С.-Марка въ Парижъ; какъ *„одинъ изъ вождей арманьякской партіи"*, онъ едва былъ спасенъ архіепископомъ парижскимъ во время истребленія арманьяковъ парижанами. Затѣмъ онъ исполнялъ разныя дипломатическія порученія въ Испаніи, въ Неаполѣ, въ Бретани. Какъ одинъ изъ наиболѣе замѣтныхъ арманьяковъ, онъ не могъ оставаться въ Труа, и благоразумно перешелъ въ Embrun, церковную провинцію, входившую въ составъ Дофинэ, непосредственнаго владѣнія Карла VII, въ сосѣдствѣ и связи съ Провансомъ, т.-е. владѣніемъ *Анжуйскаго дома;* Въ Турѣ, куда онъ былъ назначенъ благодаря *герцогу Орлеанскому*, онъ тоже былъ въ непосредственной связи съ Анжуйскимъ домомъ, когда Людовикъ III Анжуйскій получилъ герцогство Турэнъ. Итакъ, Жакъ Желю участвовалъ какъ видный арманьякъ въ борьбѣ *Орлеанскаго дома* противъ Бургундскаго, и затѣмъ былъ въ зависимости отъ Анжуйскаго дома, отъ Іоланды Арагонской, герцогини Анжуйской и покровительницы Іоанны Даркъ, и отъ ея сына, брата королевы Маріи.

Жакъ Желю, очевидно, не былъ предупрежденъ о сути дѣла, когда ему сдѣлали первый запросъ; можетъ быть, думали, что онъ сообразитъ, но ошиблись. Онъ отнесся къ Іоаннѣ болѣе чѣмъ съ сомнѣніемъ, не совѣтовалъ и допускать ее къ королю, боясь чтобы она дьявольскимъ навожденіемъ не подѣйствовала на него. Но затѣмъ его отношеніе къ Іоаннѣ вдругъ совершенно мѣняется, хотя ничего новаго не случилось, самъ онъ ея не видалъ, и никакой причины къ перемѣнѣ не было. Тутъ онъ впадаетъ уже въ обратную крайность, и хвалитъ ее даже за ношеніе ею мужского платья, что теологу совсѣмъ не подобаетъ, такъ какъ Священное Писаніе говоритъ, что „мерзокъ передъ Господомъ", кто надѣваетъ платье другого пола.

Но Жакъ Желю тоже оказался недостаточно авторитетенъ, да и былъ слишкомъ явно во всей своей карьерѣ сторонникъ Орлеанскаго дома, а меморандумъ его былъ слишкомъ плохъ;

приходилось поискать еще кого-нибудь. Духовникъ короля, Жераръ, обратился къ своему другу, знаменитому Жерсону. Жерсонъ жилъ тогда на покоѣ въ Ліонѣ; онъ написалъ небольшой меморандумъ, помѣченный 14 мая 1429 г. „Меморандумъ этотъ,— говоритъ самъ Vallet de Virivelle,—весь покрытъ терніями схоластики и носитъ отпечатокъ умственнаго ослабленія вслѣдствіе старости“; Жерсонъ умеръ меньше чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ его составленія.

Очевидно лица, выдвигавшія Іоанну, обращались во всѣ стороны, но искали они не истины и разъясненія, какъ это оффиціально утверждалось, а поддержки и содѣйствія. Получаемые меморандумы распространялись въ публикѣ, чтобы воздѣйствовать на общественное мнѣніе: до насъ дошло нѣсколько *экземпляровъ* записки Жерсона. Несомнѣнно, что обращались еще ко многимъ другимъ лицамъ, вліятельнымъ или авторитетнымъ, а на народъ дѣйствовали черезъ агентовъ-монаховъ. Но наибольшимъ авторитетомъ пользуется всегда чужеземное, и потому и объ этомъ тоже очень тщательно позаботились. Когда будетъ разобранъ ватиканскій архивъ, тамъ несомнѣнно окажется многое относительно Іоанны Даркъ. За отсутствіемъ положительныхъ и прямыхъ данныхъ мы имѣемъ косвенныя указанія, что объ Іоаннѣ туда было дано знать, и притомъ очень рано, когда Іоанна еще не выступала въ своей славѣ. Такъ, *въ маѣ* кардиналъ de Foix, проѣздомъ изъ Рима домой, видѣлся съ Желю и говорилъ ему объ Іоаннѣ; если принять въ соображеніе, что свѣдѣніе изъ Шинона должно было дойти до Рима, а кардиналъ изъ Рима долженъ былъ доѣхать до французскихъ Альпъ, то намъ неизбѣжно придется отнести исходный моментъ сообщенія не позже какъ къ концу марта, когда коммиссія въ Пуатье еще не высказалась.

Другое указаніе даетъ рукопись, найденная въ ватиканскомъ архивѣ въ 1885 г., сокращенная всеобщая исторія (*Breviarium historiale*) неизвѣстнаго автора, писанная въ концѣ 1428-го или въ самомъ началѣ 1429 года. Такъ какъ этой исторіи извѣстно уже семь экземпляровъ, то очевидно, что она получила большое распространеніе. Въ ватиканскомъ экземплярѣ, единственномъ изданномъ, говорится сначала: „христіаннѣйшій принцъ король Карлъ хотя и оставленъ своими (sui), но *Небо дастъ ему въ руки знамя побѣды; Всемогущій, дающій побѣду, будетъ къ нему благосклоненъ, и ему будетъ подана помощь*“. Затѣмъ идетъ разсказъ объ осуществленіи этого пророчества, разсказъ о появленіи Іоанны, при чемъ въ двухъ мѣстахъ оставлены пробѣлы, чтобы вписать имена и даты впослѣдствіи. Приводится опра-

вданіе тому, что Дѣва (Puella) одѣвается по-мужски; говорится, что она необыкновенно сильна, ловко владѣетъ оружіемъ, что она въ три дня разнесла и обратила въ бѣгство несмѣтную рать Англіи. Какъ параллель и оправданіе военной и политической роли Іоанны цитируется Библія — Девора, Юдиѳь, даже Эсѳирь почему-то и, къ удивленію, Пентезилея; затѣмъ говорится о *чудесахъ* Іоанны.

Авторъ этой рукописи состоялъ при папѣ Мартинѣ V-мъ. Можно было бы думать, что въ венеціанскомъ архивѣ найдутся документы, относящіеся къ событіямъ 1429—30 г.; но хроника Морозими, которую издалъ Lefèvre-Pontalis въ 1901 г., не позволяетъ возлагать на этотъ архивъ надеждъ. Морозими очень плохо освѣдомленъ о французскихъ дѣлахъ.

Благодаря рекламѣ, въ другихъ странахъ многіе правители дѣлали запросы или даже посылали спеціальныхъ агентовъ освѣдомиться объ Іоаннѣ и ея чудесахъ и подвигахъ. Такъ, мы имѣемъ свѣдѣнія, доставленныя императору Сигизмунду, письмо Alain Chartier, помѣченное 29 іюля 1429 г., адресованное какому-то Illustrissimus princeps, пославшему нарочнаго въ Буржъ, и т. д.

Въ Миланѣ, гдѣ правилъ Филиппъ-Марія Висконти, братъ Валентины, вдовы убитаго герцога Орлеанскаго, жилъ нѣкій Cosma Raimondi изъ Кремоны, плохой латинистъ-преподаватель, жилъ впроголодь, такъ что просилъ сенатъ о субсидіи, но не получилъ ея. Вслѣдствіе родства и сосѣдства (Орлеаны владѣли графствомъ Асти въ Піемонтѣ) герцогъ Миланскій принималъ живѣйшее участіе во французскихъ дѣлахъ, а Орлеаны имѣли въ Ломбардіи своего представителя. И вотъ, Cosma Raimondi пишетъ для члена совѣта герцогства, Джованни Корвини, латинскій диѳирамбъ Іоаннѣ, по его словамъ — „super allatis in Italiam rumoribus". Раймонди былъ въ сношеніяхъ съ Jean Cadart, личнымъ врачомъ и важнымъ политическимъ агентомъ Карла VII. Какъ и другія близкія Карлу лица, Кадаръ нажилъ себѣ огромное состояніе, и коннетабль потребовалъ его удаленія, какъ и другихъ членовъ грабительской шайки, „державшей въ своихъ рукахъ все управленіе" (Vallet de Virivelle); того же требовалъ и герцогъ Бургундскій, такъ какъ Кадаръ былъ причастенъ къ убійству его отца. Удаленный — впрочемъ съ богатой пожизненной пенсіей,—Кадаръ поселился въ Авиньонѣ, тогдашнемъ центрѣ политическихъ интригъ, перепутьѣ дорогъ изъ Франціи, Италіи и Испаніи, гдѣ Карлъ VII вообще любилъ дѣйствовать косвенными путями, черезъ неоффиціальныхъ агентовъ, и спеціально черезъ своихъ личныхъ врачей, которымъ очень довѣрялъ и подчинялся

и которые служили ему вѣрно во всѣхъ его темныхъ политическихъ интригахъ [1]). Представивъ свое похвальное слово Іоаннѣ, Раймонди получилъ тотчасъ же, *благодаря Кадару*, мѣсто профессора въ Авиньонѣ, за что и отблагодарилъ своего покровителя, посвятивъ ему другой диѳирамбъ. Переходъ Раймонди въ Авиньонъ состоялся, по изслѣдованію Novati, въ началѣ 1429 г., въ мартѣ или не позже апрѣля, и слѣдовательно восхваленіе Іоанны было написано раньше выступленія ея на сцену исторіи.

Въ XIII—XVI в. Кельнъ считался столпомъ религіи, ученѣйшимъ богословскимъ городомъ и „вѣрной дочерью церкви" [2]); его университетъ, основанный въ 1389 г., славился своею ортодоксальностью. Архіепископъ кельнскій былъ архиканцлеромъ священной римской имперіи и папскаго престола; еще въ серединѣ XIII в. Иннокентій IV призналъ его непремѣннымъ папскимъ легатомъ. Изъ Кельна вышелъ знаменитый *Malleus maleficarum*, руководство для сыска колдуній. Понятно, какъ важно было заручиться авторитетомъ Кельна, чтобы дѣйствовать на Францію и еще болѣе на полунѣмецкую Бургундію. И вотъ, оттуда появляется нѣчто въ родѣ консультаціи, излагающей аргументы за и противъ Іоанны. Аргументы *за* очень сильны, *противъ* слабы и „представляются кажущимися, призрачными". Изложенію аргументовъ предшествуетъ краткое прославленіе Іоанны какъ святой, дѣлающей чудеса, разбивающей враговъ, и т. д. Авторъ, Генрихъ фонъ-Горикемъ (во французской транскрипціи Henri Gorcum) приводитъ, конечно, библейскіе примѣры, Юдиѳь, Эсѳирь и даже Сусанну. Этотъ документъ нѣкоторое время считался произведеніемъ Жерсона.

Мы имѣемъ еще и другое нѣмецкое произведеніе въ честь Іоанны; анонимный авторъ, духовное лицо въ Шпейерѣ, старается изо всѣхъ силъ добросовѣстно заработать обѣщанный гонораръ. Онъ восхваляетъ Францію, бранитъ Англію; Іоанна у него — Сибилла, какія были въ древности (онъ ихъ перечисляетъ), но Сибилла, посланная Богомъ; сочиненіе такъ и озаглавлено: *Sibylla Francica*. Объ Іоаннѣ онъ знаетъ отъ одного французскаго рыцаря (котораго не называетъ), бывшаго при осадѣ города, имя котораго не приводится. Но авторъ дѣлаетъ очень многозначи-

---

[1]) Послѣ смерти Кадара въ Авиньонѣ былъ поселенъ другой врачъ Карла VII, Pierre Beschebien, каноникъ и номинальный епископъ шартрскій. Посылая къ папѣ Евгенію IV посольство, Карлъ далъ ему приказаніе войти въ сношенія съ Pierre Beschebien, который, „подъ предлогомъ оказанія медицинской помощи, будетъ содѣйствовать въ дѣлахъ".

[2]) Sancta Colonia Sanctae Romanae fidelis filia.

тельное сообщеніе, упорно умалчиваемое историками: онъ слышалъ объ Іоаннѣ, ея чудесахъ, святости, предсказаніяхъ, въ концѣ 1428 г. въ городѣ *Landaya (Landau* въ Баваріи?) отъ монаха ордена Prémontré; она освободила городъ... *Но имя города пропущено и оставлено мѣсто для его вписанія.* И это во всѣхъ трехъ извѣстныхъ экземплярахъ, въ напечатанномъ въ 1606 г., въ ватиканскомъ и въ экземплярѣ S.-Victor, хотя по сличеніе текстовъ показываетъ, что они не копіи одинъ другого и не копіи съ одного и того же оригинала.

Во всѣхъ этихъ панегирикахъ не указывается никакого опредѣленнаго факта; большинство авторовъ даже не упоминаетъ Орлеана, и вообще воздерживается отъ датъ и географическихъ именъ, ограничиваясь утвержденіями святости Іоанны и выраженіемъ увѣренности въ успѣхѣ. Съ мая или іюня 1429 г. реклама дѣлается окончательно беззастѣнчивою; разсказываются случаи чудесъ, предсказаній; одинъ солдатъ выругался при ней, она предсказала ему скорую смерть, и онъ утонулъ часъ спустя; птицы слетаются по ея зову и клюютъ хлѣбъ у нея изъ рукъ. Eberhardt Windeck пишетъ въ рукописной исторіи императора Сигизмунда, что у Іоанны на плечахъ сидятъ двѣ бѣлыя птицы, что само небо истребляетъ ея враговъ; такъ, по знаку Божью (es geschah ein Zeichen von Gott), подъ англичанами провалился мостъ, и они погибли. Свѣдѣнія эти *авторъ почерпнулъ изъ оффиціальнаго сообщенія французскаго правительства Сигизмунду!*

Еще до отъѣзда въ Пуатье Іоанна посѣтила герцогиню Алансонскую (сынъ которой былъ женатъ на дочери герцога Орлеанскаго) „à l'occasion *de l'amitié et de bon vouloer qu'elle avoit au duc d'Orléans*". У нея уже въ это время былъ пажъ-дворянинъ и многочисленная мужская и женская прислуга. Отправляя ее въ войско, ее снаряжаютъ не только очень богато, но съ помпой принца крови. У нея *maison militaire,* которою завѣдуетъ écuyer королевскаго дома d'Aulon, впослѣдствіи сенешаль Бокэра, комендантъ ліонской крѣпости; ей даютъ—это совсѣмъ уже королевская почесть — *двухъ государственныхъ герольдовъ,* почетный конвой, духовника съ титуломъ aumonier и съ церковнымъ штатомъ, оруженосца, и т. д. Для нея заказываютъ бѣлое вооруженіе, очень дорогое. Мечъ она потребовала себѣ тотъ, который лежитъ у алтаря въ часовнѣ Фьербуа; на вопросъ, видѣла ли она его и откуда о немъ знаетъ, она отвѣчала, что его указалъ ей *голосъ.* Отвѣтъ этотъ не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ не только приводится у всѣхъ хроникеровъ, но запротоколированъ на руанскомъ судѣ; такимъ образомъ, мы имѣемъ здѣсь какъ бы несо-

мнѣнное чудо, что̀ и было принято какъ таковое и современниками и позднѣйшими историками,—и самый мечъ считался *божественнымъ* (espée divine). Но въ Фьербуа Іоанна прожила болѣе двухъ сутокъ, три раза была въ часовнѣ у обѣдни и провела сверхъ того въ ней нѣсколько часовъ. Въ часовнѣ было нѣсколько мечей, очевидно помѣщенныхъ ex voto военными; среди этой vieille ferraille, какъ выражается довольно неуважительно оффиціальный исторіографъ, находился и мечъ съ пятью крестами на лезвеѣ, который требовала себѣ Іоанна. Она, несомнѣнно, *видѣла его*, когда была въ часовнѣ, такъ какъ онъ лежалъ на гробницѣ [1]). Хроникеры сдѣлали изъ этого чудо: оффиціальный исторіографъ два раза говоритъ о мечѣ какъ о „чудесно найденномъ" (fut trouvée par miracle, comme ung chascun tenoit; что мечъ оказался на указанномъ мѣстѣ — было chose moult merveilleuse). Буквально это же говоритъ *Journal du siège d'Orléans*. Мечъ былъ предметомъ необыкновенной рекламы; онъ сталъ талисманомъ, „которымъ Іоанна должна была выгнать враговъ"; когда Іоанна сломила его, „ни одинъ оружейникъ не могъ ни сковать, ни перековать его, *что доказывало его божественное происхожденіе*" (elle était venue divinement), и съ того времени „Іоанна не имѣла болѣе успѣха".

Отчего Іоанна такъ высоко цѣнила этотъ мечъ? Да позволено будетъ сдѣлать предположеніе. Адмиралъ Clignet de Brébant былъ очень друженъ съ *Людовикомъ Орлеанскимъ*; они сдѣлали вмѣстѣ гіеннъскую кампанію, гдѣ Clignet оказалъ орлеанскому вождю военную услугу, сдержавъ англичанъ во время осады Орлеанскимъ одного городка. Тогда былъ обычай въ знакъ дружбы, особенно боевой, мѣняться мечами, какъ въ Россіи мѣняются крестами, и можно предположить, что Clignet de Brébant и Орлеанскій ими обмѣнялись. Clignet de Brébant умеръ проѣздомъ изъ Loches въ Chinon, „на половинѣ пути", и тутъ же и былъ похороненъ. Но на половинѣ пути какъ разъ лежитъ Фьербуа, и конечно не на деревенскомъ кладбищѣ, а въ часовнѣ былъ похороненъ адмиралъ Франціи, чему соотвѣтствуетъ и указаніе Garnieri. Если это такъ, то фьербуаскій мечъ, лежавшій на гробницѣ Clignet de Brébant, принадлежалъ *Людовику Орлеанскому*, и, конечно, былъ отмѣченъ его гербомъ, т. е. лиліями. Ножны къ нему для Іоанны были обтянуты *синимъ бархатомъ* съ *кистями*, т. е. опять-таки знаками королевскаго дома [2]).

---

[1]) Questa Pulzella si fece dare una spader chi era in una chiesa, una di quelle che s'appicano ai nobili e ai cavalieri sopro ai loro sepulture (*Guarneri Berni*).

[2]) Совершенно непостижимо, что А. Франсъ по поводу Фьербуа говоритъ о

Но Іоанна предпочитала этому мечу „въ сорокъ разъ больше" свое знамя. Въ сущности это былъ не étendart (какъ его невѣрно обыкновенно рисуютъ), а gonfanon; онъ былъ выкроенъ изъ легчайшаго полотна (linon), и не вышитъ, какъ обыкновенно дѣлалось, а раскрашенъ, для легкости. На немъ былъ изображенъ на бѣломъ фонѣ Богъ, по бокамъ—ангелы *съ лиліями*; сверху—надпись: Iesus. Maria. Предпочтеніе знамени мечу было вовсе не слѣдствіемъ филантропическаго чувства и нежеланія проливать кровь, какъ говорятъ новѣйшіе историки. Каждый фехтующій знаетъ, какъ трудно и утомительно дѣйствовать даже современнымъ эспадрономъ, который вдесятеро легче средневѣковаго рыцарскаго меча. Іоанна не умѣла владѣть мечомъ, и не замедлила сломать его. Она замѣнила его топорикомъ (hache d'armes), болѣе легкимъ и не требующимъ ни обученія, ни ловкости. Въ свое время топорикомъ же дѣйствовала другая французская героиня, извѣстная и въ исторіи по имени своего оружія, Jeanne Hachette.

Итакъ, гербъ, мечъ, знамя, государственные герольды, всѣ внѣшніе феодальные знаки происхожденія и общественнаго положенія, данные Іоаннѣ, прямо связываютъ ее съ королевскимъ домомъ, и не какъ слугу, а какъ члена этого дома, такъ какъ иначе ихъ надо признать чѣмъ-то совершенно непонятнымъ, уродливымъ, какимъ-то безсмысленнымъ нарушеніемъ всѣхъ принциповъ, всѣхъ идей того времени.

Вмѣстѣ съ тѣмъ происходитъ что-то очень странное съ фамильнымъ именемъ Іоанны. Это имя совершенно исчезаетъ; она теряетъ его, и называется или *Jehanna*, или *la Pucelle*, или *la Pucelle d'Orléans*, настоящую же ея фамилію какъ бы стараются забыть, и если она появляется въ оффиціальныхъ документахъ, то не иначе какъ извращенною. Въ актѣ возведенія ея и ея семейства въ дворянство фамилія *Darc* написана *Ay*; въ спеціально посвященной ей хроникѣ, писанной оффиціальнымъ исторіографомъ, фамилія ея пишется Daix. Это умышленное игнорированіе фамиліи Іоанны настолько очевидно, что въ немъ историки увидѣли систематическое желаніе выразить пренебреженіе къ ней, вслѣдствіе враждебнаго отношенія къ ней двора и высшихъ правительственныхъ лицъ, даже короля. Но какъ

Карлѣ-Мартелѣ, будто бы положившемъ въ часовнѣ свой мечъ. Ни малѣйшаго намека на это ни въ исторической литературѣ, ни въ фольклорѣ нѣтъ, и о Карлѣ Мартелѣ современные Іоаннѣ хроникеры и послѣдующіе историки ни однимъ словомъ не обмолвливаются. Авторъ здѣсь уже не sollicite doucement les textes, а прямо придумываетъ цѣликомъ догадку, на которую нѣтъ ни малѣйшаго указанія.

согласить эти объясненія съ царскою роскошью и пышностью, которыми окружаютъ Іоанну, съ неслыханными геральдическими почестями, *и это—когда она еще ничего не сдѣлала*, и даже не начинала дѣлать, когда она — героиня только in spe?

Но и этимъ не ограничивается странность всего дѣла. Іоанна получаетъ какъ бы имя (nomen) *la Pucelle* (Дѣвственница), точно ее хотятъ выдѣлить возможно рѣзче изъ семьи Дарковъ; ей даютъ прозвище, такъ сказать географическое, почетное указаніе на ея подвиги, какъ Сципіонъ Африканскій, Метеллъ Нумидійскій, Суворовъ Рымникскій, Нэй prince de la Moscowa. Она получаетъ это прозвище впередъ, такъ сказать въ кредитъ, за подвигъ, который она сдѣлаетъ въ будущемъ, но еще не сдѣлала. Очевидно, это прозвище имѣетъ здѣсь другое значеніе. Ее называютъ *Pucelle d'Orléans, Puella Aurelianensis*, какъ Дюнуа называютъ *Bâtard d'Orléans*. Это *d'Orléans* сдѣлалось почти оффиціальной ея фамиліей, на которую она не имѣетъ формальнаго, документальнаго права, но имѣетъ право нравственное, общепризнанное, какъ въ Италіи даютъ титулъ и имя старшей линіи членамъ младшей, *per cortesia*.

Цвѣта не только герба, но и боевой или оффиціальной одежды имѣли въ феодальныхъ понятіяхъ опредѣленное значеніе; обыкновенно это были гербовые цвѣта, но для различія линій, особенно въ суверенныхъ родахъ, принимались и условные цвѣта. У Орлеанскаго дома гербовые цвѣта были синій съ серебромъ (de France au lambel d'argent), а цвѣта одежды—красный (vermeil) съ свѣтло-зеленымъ (vert gai); но со времени смерти Людовика и плѣна Карла Орлеанскаго свѣтло-зеленый „*веселый*“ цвѣтъ былъ замѣненъ, въ знакъ печали, темно-зеленымъ (vert perdu). Городъ Орлеанъ имѣлъ гербъ не Орлеанскаго дома, а свой собственный: въ красномъ полѣ три серебряныя геометрическія фигуры, состоящія изъ соединенныхъ основаніями трехъ остріевъ копья; *chef de France*, т.-е. полосу сверху щита съ королевскимъ гербомъ, городъ получилъ впослѣдствіи, какъ и другіе города, вмѣстѣ съ титуломъ bonne ville. Къ чему относился титулъ Pucelle *d'Orléans*—къ городу или къ Орлеанскому дому? Отвѣтъ даетъ, между прочимъ, и одежда. Мы говорили уже о шапкѣ *синяго* бархата, зашитаго густо жемчугомъ, т.-е. *бѣлымъ*, цвѣта не города, а Орлеанскаго дома; но вотъ въ іюнѣ 1429 г. Іоаннѣ шьютъ великолѣпное дорогое платье для ношенія поверхъ вооруженія, слѣдовательно оффиціальное, и мы имѣемъ счетъ за сукно и работу: 2 aulnes (почти 2 метра) тончайшаго брюссельскаго сукна цвѣта *vermeil* и 1 aulne сукна *vert perdu*, т.-е. цвѣта не

города, а герцогскаго дома, и притомъ съ траурнымъ оттѣнкомъ. Прибавимъ къ этому характерную подробность: по счету было заплачено кассиромъ *герцога Орлеанскаго*.

Осада Орлеана была со стороны англичанъ большой ошибкой, и стратегической, и политической. Взятіе такого города обѣщало побѣдителю громкую славу, войскамъ богатую добычу, но движеніе на Орлеанъ показывало намѣреніе идти дальше на югъ и грозило прежде всего владѣніямъ Анжуйскаго дома, которому съ другой стороны Глочестеръ грозилъ своими претензіями на Неаполь. Видя безсиліе арманьяковъ защитить ихъ, орлеанцы рѣшились отдаться герцогу Бургундскому. Уже одно это показываетъ, какъ мало арманьякская партія имѣла національный характеръ, какъ мало шло дѣло о *національномъ единствѣ*. Филиппъ принялъ предложеніе, и изъ Турнэ поѣхалъ переговорить съ Бедфордомъ и совѣтомъ регентства. Между тѣмъ осада, продолжавшаяся уже нѣсколько мѣсяцевъ, шла, казалось, къ концу. Англичане окружили городъ цѣпью каменныхъ укрѣпленій; арманьяки бездѣйствовали, денегъ, а слѣдовательно и войска у нихъ не было; если и удалось бы собрать съ городовъ какія подати, то онѣ немедленно были бы расхищены шайкой, стоявшей у правительства. Ни регентъ, ни совѣтъ регентства не могли, при этихъ условіяхъ, согласиться на потерю, безъ всякаго вознагражденія, плодовъ столькихъ трудовъ и расходовъ, и подарить и безъ того уже опасному герцогу Бургундскому такія владѣнія въ центрѣ Франціи. Бедфордъ отвѣчалъ на предложеніе своей исторической фразой, qu'il serat bien marry de battre les buissons, et qu'un autre eût les oisillons, а другой членъ совѣта выразился еще энергичнѣе, хотя и менѣе элегантно, что было бы „неприлично, чтобы король (Генрихъ VI) жевалъ куски, а другой ихъ глоталъ“. Получивъ такой отвѣтъ, Филиппъ отозвалъ бургундскія войска, ослабивъ и безъ того уже слишкомъ слабый осадный отрядъ.

Многочисленная англійская армія (отъ 3-хъ до 4-хъ т. человѣкъ), осаждая Орлеанъ съ октября 1428 г. и много терпя въ суровую зиму 1428—29 отъ холода и недостатка продовольствія, была очень утомлена. Теперь, когда мы видимъ всѣ условія момента, намъ ясно, что весна 1429 г. могла быть поворотнымъ пунктомъ войны, если у французской партіи проснется энергія. „Когда читаешь грозный списокъ военачальниковъ, бросившихся въ Орлеанъ (Lahire, Xaintraille, Calan, Lori, Lohéal); когда видишь, что кромѣ бретонцевъ маршала Реца, гасконцевъ Буссака, Флоранъ д'Иллье увлекъ все окрестное дворянство,

освобожденіе Орлеана перестаетъ казаться чудомъ“ — сознается даже Мишле. Сборы на эту экспедицію шли очень энергично; съѣстные припасы доставила Іоланда Арагонская за счетъ герцогствъ Анжуйскаго и Турэнскаго, конвоемъ командовали знаменитѣйшіе высшіе военные чины; король далъ крупную сумму, а канцлеръ принялъ мѣры, чтобы она не была украдена первымъ министромъ La-Tremouille; численность конвоя была не меньше численности осаднаго корпуса. Іоанна пріѣхала въ Блуа, сборное мѣсто, въ сопровожденіи канцлера Реньо-де-Шартръ и Гокура, задачей которыхъ, по видимому, было руководить ею и, окружая ее почетомъ и военно-дворцовой помпой, отстранять отъ активнаго участія въ дѣлѣ. Чтобы удовлетворить ея самолюбіе и страсть къ показной военной роли, по идеѣ канцлера ей былъ данъ личный конвой, которому она надоѣдала, заставляя его безпрестанно исповѣдоваться и причащаться. Но удерживать Іоанну было нелегко, и съ первыхъ же шаговъ начались затрудненія. Историки справедливо отмѣчаютъ, что она встрѣчала помѣху со стороны высшихъ военныхъ и дипломатическихъ лицъ; но вопросъ въ томъ, можно ли было предоставить ей военное и государственное дѣло? Она предлагала нелѣпость за нелѣпостью; такъ, она требовала съ обозомъ съѣстныхъ припасовъ и стадомъ скота атаковать каменныя укрѣпленія, защищаемыя артиллеріей, т.-е. вести войско на явное пораженіе, и на всѣ возраженія отвѣчала, что „она уже знаетъ, что дѣлать“, „что самъ Богъ указываетъ ей“, и доказывала эти божественныя указанія своими *будущими* успѣхами.

Орлеанъ расположенъ на правомъ берегу Луары; англійскія укрѣпленія облегали его густою цѣпью съ запада и сѣверо-запада; съ восточной стороны англійскихъ укрѣпленій (bastilles) вовсе не было, а съ юга было одно, защищавшее мостъ. Чтобы ввести съѣстные припасы въ городъ, приходилось идти съ транспортомъ по безопасному южному берегу и зайти въ городъ съ востока, спустивъ обозъ на баркахъ по теченію. Іоанна требовала, чтобы войско шло по сѣверному берегу и атаковало англичанъ съ запада, штурмуя ихъ укрѣпленія. Она вообще представляла себѣ войну непрерывною битвою, и военачальникамъ не удавалось объяснить ей невозможность штурма транспортомъ припасовъ. Военному совѣту, наконецъ, надоѣлъ безсмысленный споръ; ей сказали, что поведутъ войско по правому берегу, какъ она хочетъ, а пошли по лѣвому. Перешли Луару, все время шли въ виду рѣки, и только увидавъ Орлеанъ на другомъ берегу, Іоанна замѣтила, что ее обманули.

Горожане приняли Іоанну съ энтузіазмомъ: показно, оффиціально, она доставила имъ припасы, въ которыхъ чувствовался большой недостатокъ, и принесла надежду освобожденія. Дюнуа (Bâtard d'Orléans) принялъ ее съ большимъ почетомъ и молча выслушалъ ея строгій окрикъ. Ее помѣстили въ домѣ Жака Буше, казначея и личнаго приближеннаго *герцога Орлеанскаго*, а войско ушло комплектоваться въ Блуа. Орлеанцы, воодушевленные божескою помощью, прониклись воинственнымъ духомъ и требовали, чтобы ихъ вели атаковать англичанъ подъ начальствомъ Дѣвы. Дюнуа, командовавшій городомъ, для удовлетворенія народа устроилъ нѣчто въ родѣ воинскаго крестнаго хода, въ первый разъ по церквамъ, во второй разъ вокругъ города, въ виду англичанъ, которымъ Іоанна кричала, чтобы они сдались. Англичане отвѣчали ругательствами: „коровница“, „дѣвка“, (ribaude), „колдунья“; они были твердо убѣждены, что она имѣетъ сношенія съ дьяволомъ.

Безполезно излагать ходъ военныхъ дѣйствій; они не рисуютъ Іоанну въ психическомъ отношеніи. Она была храбра, безусловно вѣрила въ свое призваніе, ничего не понимала изъ того, что происходитъ, и на все смотрѣла подъ совершенно своеобразнымъ угломъ, такъ что столковаться съ нею не было возможности. Вслѣдствіе этого многое приходилось скрывать отъ нея, и даже скрываться. Отъ нея хотѣли скрыть намѣреніе атаковать бастилію St.-Laurent, но она сдѣлала скандалъ, нашумѣла, и пришлось повѣрить ей часть плана, объявивъ, какъ важно держать его втайнѣ. Она обидчиво отвѣчала, что умѣетъ хранить и не такія тайны... но планъ сталъ извѣстенъ и не удался.

Подъ Орлеаномъ Іоанна была ранена стрѣлой, и перенесла свою рану—впрочемъ очень легкую—съ большимъ мужествомъ. Что касается до ея предсказанія, что она пробудетъ (durera) только годъ, и надо использовать это время, то оно появилось только на реабилитаціонномъ процессѣ, двадцать пять лѣтъ послѣ ея смерти, и слышалъ его только одинъ герцогъ Алансонскій, все показаніе котораго пропитано лживостью.

Орлеанъ былъ освобожденъ новымъ войскомъ подъ начальствомъ маршаловъ Реца и Бусака, и это освобожденіе было оповѣщено съ легендарными украшеніями не только по всей Франціи, но и въ другихъ странахъ, стараніями канцлера. Послѣ снятія осады войско, подъ командой совершенно неспособнаго и трусливаго герцога Алансонскаго, двинулось внизъ по Луарѣ, чтобы очистить владѣнія *Орлеанскаго и Анжуйскаго домовъ.* Іоанна осталась при своемъ другѣ, но безъ своего конвоя, и при штурмѣ

Жаржо (Jargeau) очень храбро пошла на приступъ, ободряя Алансонскаго. Когда Суффолькъ былъ взятъ въ плѣнъ, распустили слухъ, что онъ непремѣнно хотѣлъ сдаться Дѣвѣ, и даже на колѣняхъ просилъ объ этой чести; ничего подобнаго не было, онъ въ битвѣ сдался мелкому écuyer, котораго предварительно посвятилъ въ рыцари. Въ это же время городъ Орлеанъ поднесъ Іоаннѣ четыре бочки вина и золотыя изображенія крапивы для нашивки на платье; *золотая крапива была девизомъ герцога Орлеанскаго, а не города Орлеана.*

Въ Beaugency армія встрѣтила войско коннетабля. Выше было уже сказано, что La-Tremouille, ставленникъ коннетабля, обратился противъ него, и дѣло дошло до того, что королевскія войска *вели войну противъ Ришмона.* Алансонскому было строго запрещено даже видѣться съ коннетаблемъ, тѣмъ болѣе—соединяться съ нимъ. Но Алансонскій трусилъ, и тайно просилъ коннетабля о помощи. Ришмонъ пошелъ къ нему съ 500—600 lances fournies, т.-е. болѣе 3-хъ тыс. воиновъ. Но Алансонскій опять испугался, не англичанъ уже, а гнѣва короля, и особенно перваго министра, Ла-Тремуля, и даже собрался *„дать Ришмону битву“ (sic!).* Іоанна была совершенно согласна съ Алансонскимъ, и сама собралась напасть на Ришмона... таковъ былъ патріотизмъ арманьяковъ, таково было его пониманіе у Іоанны!

Въ изданіи хроники, сдѣланномъ Vallet de Virivelle, о большой битвѣ при Patay сказано въ заголовкѣ главы, что Іоанна одержала эту побѣду. Между тѣмъ дѣло было такъ: сильнымъ авангардомъ командовали Xaintraille и Arnault de Gugem; арміей командовали Lahire, коннетабль, герцогъ Алансонскій и графъ Вандамъ; арьергардъ былъ подъ начальствомъ Реца, St.-Gilles и Лаваля. Іоанну оставили при арьергардѣ, а чтобъ отвязаться отъ нея, ее увѣрили, что она будетъ находиться въ засадѣ и нанесетъ рѣшительный ударъ. Въ этой засадѣ она пробыла весь день, *и никакого участія ни въ диспозиціи сраженія, ни въ самомъ сраженіи не принимала.* Но, очевидно, *она думала, что побѣда одержана ею,* и въ письмѣ къ жителямъ Турнэ такъ и говоритъ.

Такъ говорила не одна Іоанна. Оффиціальныя сообщенія городамъ Франціи и иностраннымъ правительствамъ постоянно указываютъ на Іоанну какъ на непосредственную участницу всѣхъ битвъ, всѣхъ военныхъ дѣйствій, всѣхъ успѣховъ королевской партіи. Выше было сказано, что она была постоянно окружена толпой монаховъ, духовныхъ лицъ безъ мѣста и жалованья, бродячихъ проповѣдниковъ, которые пили и ѣли на казенный счетъ

и прославляли свою благодѣтельницу, разсказывая о ней совершенно фантастическія подробности, приписывая ей чудеса, глубокомысленные отвѣты ученымъ, необыкновенные военные подвиги, предсказанія и т. д. Большая часть этихъ разсказовъ сочинялась по шаблону, по образцамъ, почерпнутымъ изъ Священнаго Писанія и изъ житія святыхъ. Такъ Іоанна въ Пуатье удивляетъ духовенство своею ученостью, какъ Христосъ во храмѣ; воскрешаетъ ребенка, исцѣляетъ больныхъ; къ ней прилетаютъ птицы, какъ ко многимъ святымъ, и т. д. Понятно, что въ противоположномъ лагерѣ ее считали колдуньей, объясняли ходячія легенды сношеніемъ съ дьяволомъ, а вслѣдствіе этого, и въ виду ея жизни въ лагерѣ, среди мужчинъ, называли *putain des Armagnacs* и грозили сжечь, если она попадется имъ въ руки.

Битва при Patay была послѣднимъ подвигомъ, приписываемымъ ей; съ этого времени, даже по сознанію *Chronique de la Pucelle*, ей ничего не удавалось, и всѣ ея личныя предпріятія кончались неудачно, хотя общій ходъ дѣлъ былъ очень успѣшенъ. Успѣхъ этотъ продолжался, и даже въ большей степени, и послѣ ея плѣна, такъ какъ она уже болѣе не мѣшала. Окруживъ ее почти королевскими почестями и роскошью, сдѣлавъ ее талисманомъ и залогомъ успѣха, приходилось оберегать и дѣло, и ея особу отъ нелѣпыхъ ея выходокъ и безумныхъ предпріятій. Высшіе военачальники, особенно самый способный, Дюнуа, добровольно стушевывались передъ нею, оставляли ей честь успѣха, молча переносили ея грубыя выходки и съ опасностью жизни выручали ее изъ трудныхъ положеній. Между окружавшими ее ханжами несомнѣнно были англійскіе шпіоны, и она была очень невоздержна на языкъ. Затѣмъ она разсылала всюду хвастливыя, грубо-дерзкія и дѣтски-угрожающія письма, нарушала ходъ дипломатическихъ переговоровъ; такъ она пишетъ городу, что король заключилъ съ Бургундскимъ перемиріе, но она еще не знаетъ, согласится ли соблюдать его. Канцлеру приходилось постоянно наблюдать за нею, предупреждать или сглаживать ея выходки, терять время, проводя его въ ея обществѣ. Между тѣмъ ея разговоръ не блисталъ ни разнообразіемъ, ни интеллектуальностью; это были нескончаемые разсказы о видѣніяхъ, объ ея божественномъ призваніи, хвастовство, неопредѣленныя угрозы врагамъ внѣшнимъ и внутреннимъ, т.-е. англичанамъ и ея личнымъ недоброжелателямъ, подозрѣнія въ козняхъ противъ нея. Все это, конечно, надоѣдало и утомляло. Молодой (ему тогда было 26 лѣтъ), веселый, блестящій Дюнуа не выдержалъ и постарался удалиться, но канцлеръ

не могъ предоставить ее самой себѣ. Онъ ее создалъ, выдвинулъ, но она оказалась крайне ненадежнымъ, опаснымъ, иногда вреднымъ орудіемъ; ему было и досадно, и скучно въ ея обществѣ, его брало нетерпѣніе, и это объясняетъ его циркуляръ къ народу послѣ ея плѣна.

Какъ мы сказали, Іоанна не играла никакой дѣйствительной роли при освобожденіи Орлеана и вплоть до попытки захватить Парижъ. Въ сдачѣ Труа и при коронаціи она упоминается только по поводу ея предсказаній, жалобъ и подозрѣній. Подъ Парижемъ, взятіе котораго она предсказала, предсказаніе ея не сбылось; по ея винѣ войско безполезно потерпѣло значительныя потери. Въ день Рождества Богородицы (8 сентября) арманьяки рѣшились воспользоваться великимъ церковнымъ праздникомъ, когда отъ военныхъ дѣйствій воздерживаются, и захватить Парижъ врасплохъ. Войско двинулось въ атаку, но защитники успѣли собраться и встрѣтили атаку артиллеріей и арбалетами. Положеніе еще ухудшилось, когда арманьяки поднялись на промежуточную между рвами насыпь (dos d'âne), а внутренній ровъ оказался наполненнымъ водою. Приходилось отступать, но Іоанна ничего не слушала, древкомъ копья искала брода, хотя во рву, какъ въ искусственномъ сооруженіи, брода быть не можетъ. Ей прислано было приказаніе главнокомандующаго отступать, но она кричала своимъ, чтобы шли на штурмъ, парижанамъ—чтобъ сдавались, а иначе она еще засвѣтло войдетъ въ городъ и всѣхъ перерѣжетъ безъ всякой жалости. Со стѣнъ ей отвѣчали ругательствами: pocharde (развратница), ribaude (непотребная дѣвка). Наконецъ ее ранили стрѣлой; рана была только царапина, но этимъ воспользовались; старый Гокуръ спустился въ ровъ, поднялся къ ней и, не смотря на ея сопротивленіе, на рукахъ вынесъ ее, при помощи другого офицера, изъ рва. Когда онъ уговаривалъ ее вернуться, она съ досадой отвѣчала, что *она вовсе не одна, что вокругъ нея стоитъ множество святыхъ и воиновъ.*

Изъ-подъ Парижа, послѣ неудачной атаки, ее отправили въ Буржъ, подальше отъ короля, который былъ въ Жіенѣ. Отсюда она отправилась съ войскомъ, осаждавшимъ Charité; штурмъ былъ отбитъ, войско отступило, но и тутъ Іоанна осталась на мѣстѣ, и на замѣчаніе оруженосца, что надо уходить, отвѣчала съ досадой: *„развѣ вы не видите вокругъ меня пятьдесятъ тысячъ войска“*? Здѣсь, изъ-за ея непослушанія, войско потеряло артиллерію.

Къ этому періоду относится эпизодъ ея знакомства съ дру-

гими ясновидящими и посланными Богомъ женщинами, маленькое общество которыхъ, подъ предводительствомъ бывшаго ея сторонника, но оставившаго ее брата Ришара, состояло при войскѣ и при управленіи, по видимому, нѣкоторое время. Здѣсь были Катерина Ла-Рошельская, Перонна Бретонка съ подругой и нѣкоторыя другія. Іоанна отнеслась къ нимъ въ высшей степени недружелюбно, старалась уличить Катерину въ обманѣ и притворствѣ, и оттолкнула благоговѣвшую передъ нею Перонну. Впрочемъ надо сказать, что все это дѣло личныхъ свиданій Іоанны съ ними очень неясно. Іоанна видимо не хотѣла о нихъ говорить. Женщины эти состояли подъ особымъ покровительствомъ канцлера и короля, Катерина была даже негласнымъ агентомъ ихъ по примиренію съ герцогомъ Бургундскимъ, а Іоанна особенно ненавидѣла ее; Перонну, какъ кажется, она нѣкоторое время держала при себѣ, чтобы удалить отъ короля. Видимо, Іоанной уже очень тяготились и были бы очень непрочь замѣнить ее другою ясновидящею, болѣе удобною и послушною, оставивъ Іоаннѣ почетъ, но совершенно удаливъ отъ дѣлъ. Взбалмошная и храбрая, она не понимала простѣйшихъ соображеній, и руководилась въ своихъ поступкахъ своими бредовыми идеями, очевидно крайне нелѣпыми на глаза душевноздоровыхъ. Кромѣ того, она стоила очень дорого. Въ началѣ 1430-го года мы видимъ ее уже или одну, или въ обществѣ ничтожныхъ людей; король, канцлеръ, высшіе военачальники и высшія духовныя лица держатся подальше отъ нея, имя Дюнуа уже ни разу не цитируется рядомъ съ ея именемъ. Она утомила своимъ бредомъ, оттолкнула своей грубостью, подозрѣніями, обвиненіями, наконецъ, просто, надоѣла и, отбившись отъ рукъ, стала и практически крайне неудобною.

Проживъ около мѣсяца (мартъ) въ замкѣ Sully, вмѣстѣ съ королемъ, у Ла-Тремуля, и переждавъ холодъ и распутицу, Іоанна въ началѣ весны тайно, подъ предлогомъ прогулки, бѣжала, хотя была совершенно свободна и могла уѣхать явно. Затѣмъ она наняла себѣ банду итальянскихъ авантюристовъ— конвоя и собственной команды ей уже не давали, послѣ всѣхъ неудачныхъ опытовъ—и пустилась воевать на свою руку. Предоставленная себѣ, она во второй половинѣ мая уже попалась въ плѣнъ. Бродя безъ цѣли и плана, присоединяясь то къ одному, то къ другому отряду, Іоанна заперлась въ Компьенѣ, гдѣ комендантомъ былъ знаменитый впослѣдствіи Guillaume de Flavy. Городъ былъ осажденъ бургундскими войсками; Іоанна обѣщала жителямъ не только снять осаду, но даже взять въ плѣнъ самого

герцога Бургундскаго, котораго при осаждающемъ отрядѣ совсѣмъ не было. Она приняла участіе въ вылазкѣ, но опять отказалась слушаться, осталась за воротами, подъ вліяніемъ своихъ видѣній, и была захвачена съ нѣсколькими воинами, не хотѣвшими оставить ее.

Тетка и жена Іоанна Люксембургскаго отнеслись къ ней, плѣнной, очень сочувственно, и уговаривали хоть теперь, когда она уже не въ лагерѣ, надѣть женское платье; она отказалась, по видимому повинуясь непосредственному повелѣнію свыше. Изъ замка Beaurevoir она пыталась бѣжать, прыгнувъ съ башни, но при паденіи съ нею сдѣлался обморокъ, и побѣгъ не удался.

Въ заключеніи видѣнія ея стали очень часты, повидимому почти ежедневны, какъ они всегда усиливаются въ тишинѣ и одиночествѣ. Парижскій университетъ требовалъ надъ Іоанною церковнаго суда, какъ надъ колдуньей и заклинательницей, грозя иначе Іоанну Люксембургскому отлученіемъ отъ церкви.

Въ XIV и XV вѣкахъ парижскій университетъ, учрежденіе чисто духовное, пользовался, по учености и нравственному уровню профессоровъ и начальства, огромнымъ авторитетомъ; это было первое, наиболѣе уважаемое и авторитетное высшее учебное и ученое учрежденіе не только во Франціи, но и во всемъ христіанствѣ; „*clair soleil de la chrétienté*“—съ нимъ считались и короли, и даже папы. Университетъ имѣлъ титулъ *старшей дочери королей* [1]); въ церемоніяхъ ему принадлежало мѣсто непосредственно послѣ принцевъ крови, выше герцоговъ и высшихъ сановниковъ. Онъ имѣлъ огромныя привилегіи, не былъ подчиненъ общимъ государственнымъ судамъ, имѣлъ голосъ въ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ, не говоря уже о церковныхъ, гдѣ голосъ его былъ преобладающій. Филиппъ Красивый обращался къ нему въ своемъ спорѣ съ папою; онъ участвовалъ въ генеральныхъ штатахъ 1308 г. (дѣло тампліеровъ); благодаря ему салическій законъ получилъ общепринятое затѣмъ толкованіе, и было узаконено восшествіе на престолъ Филиппа VI-го; господствовалъ на соборахъ въ періодъ Великой Схизмы; онъ признавалъ или не признавалъ папъ произносилъ *retrait d'obédience* (отказъ въ повиновеніи папѣ), дѣлалъ *remontrances* (въ сущности выговоры) королю (Карлу VI), провозгласилъ по смерти Карла VI королемъ французскимъ Генриха V англійскаго. Высшія духовныя лица не смѣли противиться ему, монархи считались съ нимъ. Іоаннъ Люксембургскій не могъ, конечно, отказать

---

[1]) Слово университетъ—женскаго рода на всѣхъ языкахъ кромѣ русскаго.

университету, за которымъ стояло, притомъ, англійское правительство. Пропаганда въ прославленіе Іоанны, возбуждая любовь и довѣріе французовъ, вызывала у англичанъ ненависть и страхъ. Солдаты англійской партіи боялись ея „заклинаній", ея колдовства, и этотъ страхъ и отвращеніе раздѣляли и высшія лица, особенно духовныя, настолько тогда была сильна вѣра въ колдовство. Іоанна была казнена въ 1431 г.; полстолѣтіе спустя вышла книга Шпренгера „Malleus maleficorum", руководство къ производству розыска и дознанія по колдовству. XVI-й вѣкъ былъ вакханаліей инквизиціи. Въ Германіи не было такого маленькаго городка или мѣстечка, гдѣ не было бы каменнаго помоста и столба для костра. Англія не допустила у себя инквизиціи, но сожиганіе на кострѣ практиковалось тамъ въ такихъ широкихъ размѣрахъ, что авторы слѣдующей эпохи утверждаютъ, будто бы даже дрова отъ этого вздорожали. Въ серединѣ XVI вѣка, въ теченіе менѣе нежели пяти лѣтъ, было сожжено однихъ протестантскихъ пасторовъ 270 человѣкъ [1]).

Относительно плѣна Іоанны позднѣйшіе историки создали легенды. Она попалась въ плѣнъ—слѣдовательно она была *предана* [2]). Ее выдали англичанамъ—слѣдовательно она была *продана*. На самомъ дѣлѣ *Flavy* принялъ всѣ предосторожности, чтобы покрыть отступленіе Іоанны; но она, по своему обыкновенію, вдругъ остановилась передъ самыми воротами, повинуясь своимъ галлюцинаціямъ, и отказалась войти въ городъ; бургундцы и французы смѣшались, такъ что нельзя было стрѣлять со стѣнъ, и пришлось затворить ворота—иначе непріятель вошелъ бы въ городъ. Іоаннъ Люксембургскій не хотѣлъ отдавать ее англичанамъ, но по феодальному закону сюзеренъ могъ выкупить у

[1]) Надо, впрочемъ, сказать, что въ сущности на кострѣ не жгли живыми; при зажиганіи клались шары изъ смолы и жира, дававшіе такой удушливый дымъ, что жертва умирала отъ асфиксіи, прежде чѣмъ могъ ея коснуться огонь, или даже большой жаръ.

[2]) Какъ кажется, этотъ взглядъ былъ пущенъ въ ходъ впервые при Людовикѣ XII, когда *Орлеанская линія вошла на престолъ*, въ полу-романѣ, полу-панегирикѣ *Le Miroir des Femmes vertueuses*. Самъ Quicherat признаетъ несостоятельность *„этой книжонки"* (ce petit livre plein d'erreurs) и ея легендарный характеръ. Аргументація новѣйшихъ историковъ: 1) *Flavy* отчаянно защищалъ Компьенъ—чтобы искупить свое предательство. 2) Онъ впослѣдствіи былъ отданъ подъ судъ (За измѣну? Нѣтъ, за своеволіе и неподчиненіе новой дисциплинѣ). 3) Онъ былъ убитъ своей женой: это—Провидѣніе наказало его за Іоанну. 4) Онъ давалъ деньги на содержаніе отряда подъ его командою—это тѣ деньги, которыя онъ, *вѣроятно*, получилъ за Іоанну. 5) Іоанна повела всю вылазку совершенно нелѣпо. Такъ какъ она была геній военнаго искусства, то *не могла* дѣлать такихъ явныхъ глупостей; слѣдовательно ее подвели!!

своего вассала какого угодно плѣннаго, хотя бы короля, за 10 тыс. ливровъ. Это было Іоанну Люксембургскому крайне невыгодно; продавая ее, такъ сказать, по вольной цѣнѣ, онъ могъ бы получить за нее гораздо больше.

Переданная англичанамъ, Іоанна была перевезена въ Руанъ, гдѣ и былъ назначенъ надъ нею духовный судъ подъ предсѣдательствомъ епископа Бовэ, Пьерра Кошона. Ни предварительнаго слѣдствія, ни обвинителя, ни защитника при духовномъ судѣ не было; самъ судъ разслѣдовалъ, устанавливалъ факты, выводилъ заключеніе и произносилъ приговоръ. Защитникъ давался только несовершеннолѣтнему, и неисполненіе этого влекло за собою ео ipso недѣйствительность суда и приговора. Іоанна не имѣла защитника; такой ошибки не могли сдѣлать опытные юристы, профессора каноническаго и гражданскаго права, еслибы Іоанна была несовершеннолѣтнею [1]), и во всякомъ случаѣ такой существенный кассаціонный поводъ былъ бы приведенъ на реабилитаціонномъ судѣ. Несомнѣнно, совершеннолѣтіе Іоанны считалось точно установленнымъ.

Кто сочинилъ легенду, будто всѣ участвовавшіе въ судѣ вскорѣ послѣ казни Іоанны погибли ужасною смертью—сказать трудно, но эта легенда повторялась даже и позднѣйшими историками настолько утвердительно, что Quicherat счелъ нужнымъ провѣрить ее. Конечно, все оказалось вздоромъ. Cauchon, который будто былъ замученъ угрызеніями совѣсти и вскорѣ погибъ позорною смертью, въ дѣйствительности занялъ епископскую каѳедру въ Lisieux, былъ дипломатическимъ представителемъ Англіи въ переговорахъ о мирѣ, игралъ важную роль на базельскомъ соборѣ и умеръ въ старости, окруженный почетомъ. О Nicolas Midy, напутствовавшемъ Іоанну въ день казни, утверждали, что онъ, нѣсколько дней спустя, умеръ отъ проказы; оказалось, что онъ впослѣдствіи занималъ важное положеніе въ духовенствѣ и въ университетѣ и въ 1437 г. привѣтствовалъ Карла VII при его торжественномъ въѣздѣ въ Парижъ. Вообще огромное большинство членовъ суда и состоявшихъ при судѣ были доктора богословія и права, профессора, люди высокой нравственности; многіе изъ нихъ играли позже значительную роль на соборахъ и даже участвовали въ реабилитаціонномъ процессѣ.

Читая протоколы засѣданій руанскаго суда безъ предубѣ-

[1]) Совершеннолѣтіемъ передъ духовнымъ судомъ считался 21 годъ и для женщинъ, не эманципированныхъ бракомъ.

жденія, безъ предвзятой идеи, нельзя не видѣть, что судьи добросовѣстно добивались правды — или того, что̀ они считали правдою, искренно желая выяснить себѣ смыслъ и религіозную оцѣнку видѣній Іоанны. Они этого не достигли, потому что время ихъ было безконечно далеко отъ пониманія психіатрическихъ явленій, и остановились на господствовавшемъ тогда понятіи о вмѣшательствѣ злого духа, какъ нынѣшніе историки объясняютъ многое воздѣйствіемъ Благого Духа. По уровню пониманія эти два объясненія ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга. Въ самой процедурѣ суда мы несомнѣнно видимъ два теченія: какъ *слѣдователи*, члены суда желаютъ *уличить*, а какъ *судьи* указываютъ подсудимой выходъ, искренно желаютъ спасти не только душу ея—это первая ихъ забота, такъ сказать профессіональная,— но и тѣло, жизнь. Они уговариваютъ ее отказаться отъ видѣній, отъ самонадѣяннаго, еретическаго отношенія къ церкви и ея доктринамъ, отказаться отъ ношенія мужского платья, что̀ запрещено религіей и за что Іоанна держится больше чѣмъ за жизнь. Многимъ изъ судей Іоанна жалка, они отъ всего сердца желаютъ спасти ее, убѣждаютъ подписать отреченіе, и радуются, когда добились этого. Но Іоанна беретъ свое отреченіе обратно, опять одѣвается въ мужское платье—актъ совершенно имъ непонятный, въ которомъ они видятъ настойчивость дьявола — и они отступаются отъ нея, съ досадой, но и съ сожалѣніемъ.

Съ другой стороны, ужасное впечатлѣніе производятъ протоколы засѣданій относительно психики Іоанны. Здѣсь мы видимъ воочію борьбу, происходящую въ душѣ душевно-больной между ея вѣрой въ свои галлюцинаціи, въ свой мистическій систематизированный бредъ параноички—и страхомъ передъ грозящей ей ужасною казнью. Нѣчто подобное, но въ ничтожной сравнительно степени, психіатрія видѣла въ началѣ сороковыхъ годовъ, когда *Lauret* холодными ду̀шами на голову заставлялъ душевно-больныхъ отказываться отъ ихъ бредовыхъ представленій. Больные подъ ду̀шемъ заявляли такое отреченіе, но затѣмъ возвращались къ своимъ утвержденіямъ, послѣ чего ихъ опять вели подъ душъ. Нѣсколько самоубійствъ душевно-больныхъ въ отдѣленіи Lauret положили конецъ этому *„нравственному леченію умопомѣшательствъ“* [1]). Въ книгѣ Lauret мы видимъ только ухищренія психіатра поймать, уличить душевного-больного въ бредовой мысли и внѣшній фактъ борьбы между больнымъ и его врачомъ; въ протоколахъ допросовъ руанскаго процесса можно

---

[1]) *Lauret.* Du traitement moral de la folie. Paris. J. B. Baillière. 1840.

видѣть тяжелую борьбу въ душѣ самой больной. Пока Іоанна жила шумной, дѣятельной жизнью при дворѣ и въ лагерѣ, ея душевная болѣзнь сдерживалась въ извѣстныхъ рамкахъ, какъ это обыкновенно бываетъ у параноиковъ; галлюцинаціи въ этихъ условіяхъ гораздо рѣже, блѣднѣе, несравненно менѣе императивны, и потому врачи такъ противятся обыкновенно помѣщенію, по крайней мѣрѣ раннему, параноика въ психіатрическую больницу, гдѣ бредъ его *закрѣпляется*, „*фиксируется*". Въ плѣну, въ руанскомъ замкѣ, Іоанна разомъ перешла отъ шумной, дѣятельной жизни къ бездѣйствію, одиночеству, безмыслію, и это не замедлило значительно ухудшить ея психическое состояніе. Рѣдкія прежде галлюцинаціи теперь стали ежедневными, почти непрерывными; святыя ея являются къ ней почти каждый вечеръ и говорятъ ей вещи совершенно противорѣчивыя, составляющія отраженіе ея собственныхъ мыслей, колебаній, страховъ и надеждъ, — и она уже не въ состояніи замѣтить этихъ противорѣчій. Она съ ужасомъ думаетъ о смерти, о томъ, что „огонь разрушитъ ея чистое (дѣвственное), незапятнанное тѣло", плачетъ, готова на всѣ уступки; но, возвращаясь въ свое заключеніе, она снова охватывается въ своемъ одиночествѣ бредомъ. Мы не знаемъ, какой именно таинственный смыслъ она придавала мужской одеждѣ, но, очевидно, эта бредовая идея была настолько императивна, что она не имѣетъ силы преодолѣть свой бредъ. Самый страхъ смерти стирается и блѣднѣетъ передъ бредовой идеей, охватившей все существо Іоанны.

Резюмируемъ теперь психическое — и психіатрическое — curriculum vitae Іоанны. Ея первое „*видѣніе*" произошло въ періодъ *полового назрѣванія, въ одиночествѣ*, въ минуту религіозной экзальтаціи, послѣ поста. Галлюцинація была очень неполная, неясная, безъ опредѣленной формы, и хотя повторяется, но не играетъ никакой роли въ ея жизни, которая течетъ нормально до 1428 г. Въ этомъ году въ Домреми появляются Іоаннъ Мецскій и Пуланжи, посѣщаютъ нѣсколько разъ Іоанну, *но не ея родителей* — и съ нею совершается полный переломъ. Рядомъ съ прежними галлюцинаціями появляются новыя, рѣзко отличающіяся и содержаніемъ, и формою, *поражающія уже всѣ чувства*, *крайне реальныя*, императивныя, сообщающія ей *факты*, до того времени ей неизвѣстные, и имѣющія уже политическій и *партійный* характеръ (интересы *Орлеанскаго* дома); являются пророчества, о которыхъ прежде никто никогда не слыхалъ. Она узнаетъ факты, неизвѣстные еще Бодрикуру; Іоаннъ Мецскій и Пуланжи на-

стоятельно уговариваютъ ее „ѣхать къ королю“ и „защищать *Орлеанъ и Орлеанскій домъ*“.

Въ Шинонѣ она сразу попадаетъ въ атмосферу чудесности, а также роскоши, почестей, величія, которыя могутъ вскружить и болѣе сильныя головы. Она *видѣла* фьербуаскій мечъ въ часовнѣ, но ее увѣряютъ, что онъ доставленъ ей чудеснымъ, божественнымъ путемъ—и она кончаетъ тѣмъ, что вѣритъ этому, что, конечно, не доказываетъ умственной твердости. Ее привѣтствуютъ какъ посланницу неба, и въ то же время чествуютъ какъ бы члена королевскаго дома. Это положеніе сказывается очень скоро на ея психикѣ: первые дни въ Шинонѣ она скромна и тиха „какъ бѣдная пастушка“; два мѣсяца спустя она дерзка, груба, кричитъ на Дюнуа, грозитъ ему казнью.

Благодаря шумной дѣятельной жизни и массѣ новыхъ впечатлѣній, душевная болѣзнь ея не только не развивается, но даже уступаетъ, и въ разговорѣ она упоминаетъ свои видѣнія уже въ прошедшемъ. Но новыя впечатлѣнія становятся обычными, меньше отвлекаютъ ея вниманіе—и бредовыя идеи снова выступаютъ. Бредъ величія, больше мистическаго, религіознаго характера (она избрана Богомъ, „*дочь Божія*“ — filia Dei— „сестра райскихъ святыхъ“), съ мая 1429 г. становится политическимъ, военнымъ и притомъ грубо-практическимъ и личнымъ. Она—*chef de guerre*, говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ (какъ это почти всегда замѣчается у людей ограниченныхъ и некультурныхъ, когда они хотятъ принять внушительный видъ), разсылаетъ въ города письма, приказанія, обѣщанія, рѣшаетъ политическіе вопросы. Бредъ сказывается не только въ словахъ, но и въ дѣйствіяхъ, что характеризовалось во французской психіатріи какъ délire des actes. Она отмѣняетъ распоряженія высшихъ военачальниковъ, дѣйствуетъ вопреки имъ, и это, конечно, имѣетъ самыя печальныя послѣдствія. Но параноика не учитъ опытъ, онъ всегда приводитъ бредовыя объясненія своимъ неудачамъ—а благодаря сохраненію у него формальной логики и нормальной конструкціи фразъ, окружающіе не видятъ его психическаго разстройства, не вѣрятъ въ него. Впрочемъ бредъ у Іоанны сказывался и въ рѣчи: „у меня совѣтчикъ—Богъ; онъ лучше знаетъ“; „должно слушаться Дѣвственницы (la Pucelle)“; она „дочь Божья“, какъ Христосъ — Сынъ Божій; святые въ раю — ея братья и сестры; въ дѣлѣ религіи она знаетъ что-то, и потому не вѣритъ ни прелату, ни папѣ (non credet nec prelato, nec Papae); родитъ она папу, императора и короля наитіемъ Святого Духа, какъ Дѣва Марія.

Бредъ величія выражался у нея и во внѣшности, въ одеждѣ, въ роскоши. Ея бѣлое вооруженіе стоило десять тысячъ франковъ, но она поверхъ его, а въ мирное время, въ городѣ, вмѣсто него, носила мужское платье, какого не могли себѣ позволить высшія лица. Въ битву рыцари выѣзжали или безъ платья поверхъ вооруженія, или въ скромномъ темномъ, избѣгая даже гербовъ; Іоанна въ Компьенѣ выѣхала въ платьѣ изъ парчи тканаго червоннаго золота. Для ея личнаго употребленія держали *пятнадцать* лошадей, кромѣ лошадей свиты и подъ багажъ. Послѣ взятія ея въ плѣнъ, ея личное имущество въ войскѣ было оцѣнено на современныя деньги въ милліонъ франковъ, не считая купленнаго ею въ городѣ Орлеанѣ дома—обстоятельство, о которомъ умалчиваютъ всѣ историки.

Вокругъ Іоанны кишѣла толпа разнаго ханжеского отброса, преимущественно монахи нищенствующихъ орденовъ (бѣлое духовенство вообще держалось отъ нея подальше), жившіе ея милостями и прославлявшіе свою благодѣтельницу. Ихъ было такъ много и они были такъ прожорливы, что пріѣздъ Іоанны составлялъ для городовъ крупный, иногда непосильный расходъ, и они отказывались встрѣчать ее. Послѣ долгихъ переговоровъ городъ Санли согласился, наконецъ, открыть ворота ей, но не ея свитѣ, говоря, что у него слишкомъ мало съѣстныхъ припасовъ, и особенно вина, котораго требовалось особенно много этимъ монахамъ. Городамъ приходилось подносить Іоаннѣ, въ качествѣ vin d'honneur, при ея пріѣздѣ, *бочки* вина,—Орлеану, напр., *четыре бочки*, другому городу *три*, по дошедшимъ до насъ счетамъ.

Но у параноика бредъ величія идетъ рядомъ съ бредомъ преслѣдованія. Параноикъ подозрѣваетъ, видитъ противъ себя козни, интриги, злоумышленія, и потому или совершаетъ агрессивныя дѣйствія,—оттого параноики такъ опасны—или убѣгаетъ, скрываясь отъ воображаемыхъ враговъ. Это мы видимъ у Іоанны. Окруженная королевскими почестями, прославляемая и возвеличиваемая, получая славу сдѣланнаго другими, не встрѣчая ни въ чемъ отказа, она постоянно чѣмъ-то недовольна, считаетъ себя обиженной, говоритъ, что ей мѣшаютъ, подозрѣваетъ какія-то интриги противъ нея—и этотъ бредъ параноика повторяется историками, съ негодованіемъ противъ короля и государственныхъ людей эпохи. Она является непризванная на совѣтъ и спрашиваетъ Карла VII: „Повѣрите ли вы, наконецъ, тому, что̀ я вамъ скажу?“ — „Повѣрю, если вы скажете что-нибудь разумное“ (quelque chose de raisonnable)—отвѣчаетъ король. Этотъ малень-

кій обмѣнъ фразъ ясно показываетъ, какое впечатлѣніе неразумности производитъ Іоанна, хотя окружающіе и не подозрѣваютъ, что она—умалишенная.

Но если принять душевную болѣзнь Іоанны, то само собою ставятся два вопроса: 1) можно ли допустить, чтобы умалишенная играла историческую роль; 2) можно ли допустить, чтобы умалишенная жила и дѣйствовала среди душевно здоровыхъ людей въ теченіе болѣе года, и чтобы никто не видѣлъ ея умопомѣшательства?

На первый вопросъ отвѣтъ можетъ быть только утвердительный. Не только въ средніе вѣка, періодъ, который историки могли характеризовать какъ затмѣніе разума (éclipse de la raison humaine), но и въ періоды гораздо болѣе интеллигентные, вплоть до нашего времени, бывали умалишенные, игравшіе первостепенную роль, общественную, государственную, религіозную. Въ исторіи недостаточно оцѣниваютъ умопомѣшательство какъ первостепенный историческій факторъ. „Еслибы разумъ управлялъ міромъ, не было бы событій“ („si la raison gouvernait le monde, il ne s'y passerait rien“)—сказалъ великій философъ.

На второй вопросъ мы отвѣтимъ, что хроническая паранойя обыкновенно тянется много лѣтъ, и въ огромномъ большинствѣ случаевъ окружающіе долгое время не видятъ душевной болѣзни, принимая ее за выраженіе тяжелаго характера, за подозрительность, недовѣрчивость, самомнѣніе, пока наступающая, наконецъ, безумная выходка не покажетъ, что они имѣютъ дѣло съ умалишеннымъ, а призванный тогда врачъ-спеціалистъ говоритъ, что болѣзнь была на лицо уже долгое время, иногда нѣсколько лѣтъ. Въ эту форму душевнаго разстройства входитъ огромное большинство случаевъ, описанныхъ въ старой психіатріи подъ именемъ Folie raisonnante, Folie lucide, délire des actes, Vesania sine delirio, и т. п., гдѣ сохраняется видимость разсудочной способности и формальная логика рѣчи.

Современники не видѣли *умопомѣшательства* Іоанны, но они очень тяготились ея обществомъ, ея грубымъ характеромъ, ея непониманіемъ, вмѣшательствомъ и нелѣпыми выходками. Между тѣмъ перемѣнить съ ней тонъ, поставить ее въ рамки было невозможно: она была вывѣской, рекламой, porte-bonheur. Слабый и дураковатый герцогъ Алансонскій, единственный оставшійся у нея другъ, такъ и просилъ дать ее ему *на счастье* въ походъ въ Нормандію; канцлеръ однако не допустилъ этого, справедливо находя, что такимъ двумъ личностямъ никакого дѣла поручить нельзя. При Алансонскомъ были люди, ру-

ководившіе имъ, Іоанна же не поддавалась никакому вліянію, руководясь единственно своимъ бредомъ, и потому она была тѣмъ опаснѣе при такомъ слабомъ умственно главнокомандующемъ. Дюнуа, особенно выдвигавшій ее — мы увидимъ, по какой причинѣ — совершенно отступился отъ нея, какъ и Gaucourt, старый слуга Орлеанскаго дома, спасшій ей жизнь и состоявшій при ней. *Buel*, говоря о военныхъ дѣйствіяхъ этого времени, но исключительно съ точки зрѣнія техники войны [1]), даже не упоминаетъ ея имени, а его комментаторъ Trigant даетъ ей исключительно политическое показное значеніе. Жакъ Желю, такъ много сдѣлавшій для ея пріема, не подалъ голоса въ ея пользу, когда она попала въ плѣнъ. Реньо де Шартръ былъ главной пружиной всего дѣла; благодаря ему, Іоанна получила такое необыкновенное положеніе; онъ прославляетъ ее, дѣлаетъ ей невѣроятную рекламу и во Франціи, и въ другихъ странахъ, старается руководить ею, и мы постоянно встрѣчаемъ его имя связаннымъ съ именемъ Іоанны. Но затѣмъ и онъ отступаетъ, и въ своемъ посланіи къ городу Реймсу устами жеводанскаго пастуха говоритъ, что Іоанна дѣйствовала произвольно, изъ гордости не слушаясь, что она была слишкомъ роскошна въ жизни, и что все это и было причиной ея гибели. Іоланда Арагонская и дочь ея, королева Марія Анжуйская, были первыми и самыми дѣятельными покровительницами Іоанны, сторонницами плана, давшаго ей такую роль; но впослѣдствіи она ихъ не видитъ болѣе, а онѣ покровительствуютъ уже другой *святой*, Катеринѣ Ла-Рошельской, соперницѣ Іоанны. Сопоставимъ теперь эту перемѣну отношенія къ Іоаннѣ у Карла VII, Реньо-де-Шартръ, Гокура, Дюнуа, обѣихъ королевъ, другихъ высшихъ лицъ, бывшихъ въ продолжительномъ соприкосновеніи съ нею; констатируемъ, что послѣ многочисленныхъ попытокъ удержать ее отъ выходокъ всѣ эти лица махнули на нее рукой, и старались только держаться подальше, предоставивъ ее самой себѣ; вспомнимъ слова короля, что ее будутъ слушать, если она будетъ говорить *что-нибудь разумное*; представимъ себѣ, какое въ концѣ концовъ впечатлѣніе нелѣпости и безумія должны были производить ея циркулярныя письма къ городамъ, посланія и угрозы англійскимъ правителямъ, богемскимъ гусситамъ, ея обѣщаніе разрѣшить Великую Схизму, ея утвержденія, что ее окружаютъ десять тысячъ невидимыхъ воиновъ. Сопоставивъ все это, мы

---

[1]) *Le Jouvencel*, par Jean de Buel; изд. Société de l'histoire de France, Парижъ, 1899.

несомнѣнно приходимъ къ убѣжденію, что ея душевное разстройство было, наконецъ, понято высшими лицами, бывшими въ соприкосновеніи съ нею и столь рѣзко измѣнившимися къ ней. Слова Карла VII даютъ возможность прямо утверждать, что онъ, а слѣдовательно и окружающіе его убѣдились въ ея умопомѣшательствѣ.

Но умопомѣшательство для людей XV вѣка не было *болѣзнью*; оно еще не *болѣзнь* для очень многихъ нашихъ современниковъ: „какіе они *больные*, они просто сумасшедшіе", слышимъ мы и теперь даже въ земскихъ собраніяхъ. Чувство жалости къ душевно-больнымъ есть продуктъ гуманитарности конца XVIII и всего XIX вѣковъ; оно было неизвѣстно въ предыдущіе вѣка, какъ неизвѣстно многимъ и теперь, и нужно подняться въ далекое прошедшее, вплоть до классической древности, чтобы встрѣтить это пониманіе. Разъ человѣкъ „*сошелъ съ ума*", онъ этимъ уже вычеркнутъ изъ человѣчества, изъятъ изъ его солидарности, лишенъ права на сочувствіе другихъ людей; этимъ объясняется, что никакихъ попытокъ спасти Іоанну сдѣлано не было, что всѣ остались равнодушны къ ея судьбѣ, и что реабилитація ея была предпринята только двадцать пять лѣтъ спустя, когда частности были забыты и многіе свидѣтели сошли со сцены жизни. По видимому, мысль, что она была умалишенная, *fatua*, уже начинала проникать изъ высшихъ сферъ въ менѣе высокія; но признать ее оффиціально безумною не было возможности,— ее слишкомъ выдвинули и вознесли. Ея психическое разстройство скрывалось, но отталкивающее впечатлѣніе, производимое параноичкой, сказывалось, особенно въ войскѣ и его предводителяхъ. Они тяготились ею; въ лагерѣ приходилось все скрывать отъ нея, такъ какъ она разбалтывала военные планы или нарушала ихъ своимъ вмѣшательствомъ и нелѣпыми предпріятіями; въ битвѣ ее приходилось охранять и отъ непріятеля, и отъ ея собственныхъ выходокъ, а для этого держать около нея и достаточно высокопоставленное военное лицо, и достаточный конвой, что при малочисленности тогдашнихъ отрядовъ составляло чувствительную потерю военной силы. Вѣроятно, къ этому присоединялась и довольно понятная досада, что честь и славу успѣха приходилось отдавать ей, все портившей, всѣмъ мѣшавшей. Люди безъ оффиціальнаго положенія и потому свободные въ выраженіи своего сужденія, не ослѣпленные помпой обстановки и правительственною рекламой, судили Іоанну независимо и не особенно благопріятно. Такъ она написала городу Труа одно изъ тѣхъ хвастливыхъ и грозно-нелѣпыхъ писемъ, какія она

разсылала по свѣту; горожане сообщили его жителямъ Реймса, какъ письмо „*d'une cocquarde*“ (хвастунья, лгунья, пустая женщина), *сумасшедшей* („*d'une folle*“), и самое письмо характеризовали какъ *неимѣющее никакого смысла* („*ne ryme ny raison*“), надъ которымъ они *много потѣшались* („*s'en être bien tocqués*“). Jehan de Chastillon слышалъ отъ лица, присутствовавшаго при ея переговорахъ съ Рошфоромъ, Филибертомъ Molan и другими, что „она—*самая слабоумная* (*simple*), *какую можно только видѣть, что въ ней нѣтъ больше смысла, чѣмъ въ самомъ глупомъ человѣкѣ, какого ему только случалось видѣть; что ее нельзя и сравнивать съ Dame d'Or* [1]), *и что надъ нею много потѣшались*“. Mathieu Thomassin, юристъ, ученый и историкъ этой эпохи, говоритъ, что на все дѣло Іоанны смотрѣли какъ на *надувательство* („*une trufferie*“); Іоанну уже вначалѣ считали *сумасшедшей, заболѣвшей безуміемъ* („*folle, desvoyée de sa santé*“).

Іоанна Даркъ была далеко не исключительнымъ явленіемъ; и раньше, и послѣ нея были вдохновенныя женщины, галлюцинантки, игравшія политическую или военную роль. Іоанну ея покровители—мы почти рѣшились бы сказать: Барнумы—вели уже извѣстною, проторенною дорогою. Сама она не отличалась, какъ мы видѣли, никакими достоинствами или талантами, и потому совершенно необъяснимо, почему именно ее поставили въ такое неслыханно высокое положеніе. Очевидно, причины этого возвышенія лежатъ не въ фактѣ ея видѣній—такихъ галлюцинантокъ было много,—не въ ея личности, а въ какихъ-то особыхъ внѣшнихъ условіяхъ.

Іоанна, деревенская дѣвушка, дочь крестьянина, живетъ неизвѣстная въ глухой пограничной деревушкѣ. Она галлюцинируетъ, но никому это не интересно, никто на нее не обращаетъ вниманія; она служитъ въ харчевнѣ, чуть не выходитъ замужъ за деревенскаго парня, — вообще вся ея жизнь есть обычная жизнь крестьянской дѣвушки. Но вотъ англичане, соблюдавшіе до того времени договоръ не трогать владѣній *Орлеанскаго дома*, двинулись къ Орлеану, грозятъ владѣніямъ *Орлеанскаго* и *Анжуйскаго* домовъ—и въ захолустной деревушкѣ появляются Пуланжи и Іоаннъ Мецскій; они нѣсколько разъ видятся съ Іоанной, посѣщаютъ ее въ ея домѣ, но не знаютъ ея родителей, не знаютъ даже имени хозяйки дома, и уговариваютъ Іоанну ѣхать съ ними

---

[1]) Неизвѣстное въ исторіи лицо; очевидно одна—изъ „вдохновенныхъ“ женщинъ того времени, игравшая тоже какую-то политическую или военную роль.

въ армію. Получивъ ея согласіе, они исчезаютъ, и черезъ нѣсколько дней въ *Орлеанѣ* Дюнуа, *незаконный сынъ Людовика Орлеанскаго*, узнаетъ, что въ далекой пограничной деревнѣ появилась дѣвица — посланница Неба, будущая спасительница Франціи. Онъ сообщаетъ это радостное извѣстіе жителямъ города и королю. Дней черезъ четыре-пять Іоаннъ Мецскій опять появляется въ Вокулерѣ, и Іоанна говоритъ Бодрикуру о пораженіи французовъ (День Селедокъ); слова ея чудеснымъ образомъ подтверждаются двумя днями позже. Непосредственно за этимъ пріѣзжаетъ королевскій посланный, съ приказаніемъ привезти Іоанну. Бодрикуръ, относившійся раньше къ Іоаннѣ съ насмѣшкой, исполняетъ королевское приказаніе, но отклоняетъ отъ себя всякую отвѣтственность („ступай, и будь что будетъ").

При дворѣ ея сторону принимаетъ *Анжуйская партія*; она окружается сторонниками *орлеанскаго дома*, для защиты интересовъ котораго она и является. Въ ея біографіи мы встрѣчаемъ около нея исключительно *Орлеанскія имена*: Дюнуа, герцогъ Алансонскій, Гокуръ, Жакъ Желю, Кузино, Буше, Рабюто, l'Isle и т. д. Іоанна еще ничего не сдѣлала, ничѣмъ не доказала своего божественнаго посланничества, а ее уже окружаютъ роскошью, пышностью, почетомъ, какими пользуются только члены королевскаго дома. Она—*Pucelle d'Orléans*, какъ Дюнуа—*Bâtard d'Orléans*, хотя она только *собирается* освободить Орлеанъ. Ей даютъ платье, знамя, гербъ, имѣющіе геральдическое значеніе; ея носильное платье имѣетъ цвѣта *Орлеанскаго дома*, боевое — цвѣта *Орлеанской* livrée, и притомъ въ тогдашней траурной ея модификаціи. *Никогда она не имѣла платья цвѣтовъ города Орлеана*, который даже даритъ ей украшенія, составляющія девизъ *Орлеановъ*. Знамя и гербовый щитъ (armoiries) представляютъ гербъ Валуа, но съ совершенно необычнымъ добавленіемъ, какъ будто было одновременно желаніе пріобщить ее къ королевскому дому и не сдѣлать этого слишкомъ явно: въ ея гербѣ въ качествѣ brisure являются pièces honorables, вещь неслыханная въ геральдикѣ, чтобы сдѣлать ея гербъ—*armes à enquerre* [1]).

Вмѣстѣ съ этимъ Іоанну очень старательно выдѣляютъ изъ семейства Дарковъ. Объ отцѣ ея совсѣмъ не слышно; два брата

[1]) Ея гербъ: de France, гдѣ третья лилія замѣнена мечемъ, поддерживающимъ корону; какъ brisure, такія pièces honorables не могутъ быть употребляемы. Если дѣлается въ гербѣ неправильность, напр. металлъ на металлѣ или цвѣтъ на цвѣтѣ (métal sur métal, émail sur émail), и т. п., то это для того, чтобы каждый, видя такое отступленіе отъ законовъ геральдики, *справился*: отсюда—названіе.

впослѣдствіи сопровождаютъ ее, но и это не можетъ быть съ точностью установлено. Они никогда не упоминаются, ихъ держатъ въ тѣни; правительство дѣлаетъ видъ, что даже не знаетъ въ точности ихъ фамиліи; возводя ихъ въ дворянство—гораздо позже,—имъ не только не даютъ герба Іоанны, но не даютъ и лилій. Сама Іоанна и въ періодъ своей славы и величія, и въ плѣну, ни разу не вспоминаетъ о своемъ семействѣ, какъ будто оно ей совершенно чужое; и оно дѣйствительно ей чужое, такъ какъ мать и братья, живя въ Орлеанѣ, въ теченіе года ея плѣна и суда надъ нею не сдѣлали даже попытки повидать ее.

Изъ военныхъ товарищей Іоанны съ ней были близки только двое, Дюнуа и герцогъ Алансонскій: первый—*сынъ Людовика Орлеанскаго*, второй—мужъ *дочери Карла Орлеанскаго.* Дюнуа первый выдвинулъ ее оффиціально и далъ ей ореолъ героизма и военной славы. Но онъ былъ человѣкъ свѣтскій, образованный, талантливый, и общество Іоанны скоро ему надоѣло, да и она сама оттолкнула его своими грубыми выходками, jurons („par mon martin“, „par mon bâton“; она кричала на него, сломала мечъ, бивши имъ плашмя женщину и т. п.). Онъ отдалился отъ нея, но внѣшнимъ образомъ оставался ея горячимъ сторонникомъ [1]). Было естественно заподозрить между ними любовныя отношенія (Вольтеръ такъ и думалъ), но даже на руанскомъ процессѣ ни разу не было сдѣлано на эту возможность ни малѣйшаго намека,—очевидно, судьи знали причину короткости между элегантнымъ, развратнымъ молодымъ человѣкомъ и молодой дѣвушкой, причину, исключающую всякія подозрѣнія. Герцогъ Алансонскій остался ея близкимъ другомъ; грубый, дураковатый, слабый волей, онъ гораздо болѣе подходилъ къ Іоаннѣ, чѣмъ умный и блестящій Дюнуа; а что онъ былъ человѣкъ низкій, подлый, предатель (онъ и умеръ въ тюрьмѣ за измѣну отечеству и за союзъ съ англичанами)—этого Іоанна разобрать не могла.

Въ отношеніяхъ Карла VII къ Іоаннѣ видна какая-то двойственность. Онъ дѣлаетъ все, чтобы возвеличить ее, но сквозь оффиціальность чувствуется, что онъ дѣлаетъ это не по влеченію сердца, которое не лежитъ у него къ ней. Въ ея судьбѣ есть что-то, что̀ ему непріятно, что̀ отталкиваетъ его. Точно у нея

[1]) Ан. Франсъ одинъ только отмѣтилъ ироническій характеръ его показанія на реабилитаціонномъ судѣ и скрытый комизмъ его прославленія военныхъ попытокъ Іоанны. Такъ онъ особенно восхваляетъ ея талантъ располагать артиллерію; между тѣмъ она распорядилась только одинъ разъ, подъ Charité, и результатомъ былъ захватъ англичанами всей артиллеріи корпуса.

есть какія-то права, которыя нельзя игнорировать, но нельзя и оффиціально признать. Во всемъ положеніи Іоанны, въ почестяхъ и роскоши, есть что-то неясное, невысказанное, непонятное.

Отецъ Іоанны, старый крестьянинъ Даркъ, приходитъ въ ужасъ отъ ея намѣренія ѣхать въ войско; „лучше онъ ее утопитъ своими руками, если не сдѣлаютъ этого раньше его сыновья“. Но еще раньше пріѣзда королевскаго посланнаго онъ круто поворачиваетъ и совершенно стирается, а выступаютъ дядя Іоанны, Іоаннъ Мецскій, Пуланжи, постороннія лица. Ни объ отцѣ, ни о матери больше ничего не слышно; они даже не приходятъ проститься, проводить Іоанну. Получается впечатлѣніе, что они, совершенно посторонніе, боялись отвѣтственности передъ кѣмъ-то—но разъ имѣющіе право распоряжаться судьбой Іоанны этого хотятъ, разъ отвѣтственность съ нихъ снята, имъ нѣтъ дѣла до Іоанны, они равнодушно отходятъ.

Послѣ казни Іоанна совершенно забыта. Реабилитаціонный процессъ имѣетъ цѣлью доказать, что она, а слѣдовательно и королевская партія, не имѣла сношенія съ дьяволомъ, не пользовалась его содѣйствіемъ; но политическое и военное ея значеніе систематически при этомъ оставляется въ сторонѣ. При Людовикѣ XI о ней уже совсѣмъ не вспоминаютъ, хотя ея сотрудники занимаютъ теперь высшія государственныя положенія; она какъ будто вычеркнута изъ ближайшаго историческаго прошедшаго. Она снова возводится на пьедесталъ, снова окружается ореоломъ славы, воспоминаніе о ней пробуждается правительствомъ въ народной памяти при Людовикѣ XII, т.-е. *по вступленіи на престолъ Орлеанскаго дома.*

Паранойя есть психическая болѣзнь sui generis, развивающаяся обыкновенно на почвѣ дегенераціи; Ziehen считаетъ здѣсь психологическую наслѣдственность „по меньшей мѣрѣ въ 60%“; по наблюденію Kräpelin'а 85% параноиковъ—дегенераты, и съ этимъ сходится и общее впечатлѣніе врачей-спеціалистовъ. Мы мало знаемъ въ этомъ отношеніи объ Іоаннѣ, но имѣемъ однако два крайне знаменательныя явленія: отсутствіе менструаціи, что составляетъ очень тяжелый дефектъ соматическій, и пристрастіе къ одеждѣ и жизнедѣятельности другого пола, дефектъ психически не менѣе тяжелый. Мы можемъ заключить отсюда, что Іоанна страдала паранойей на дегенеративной почвѣ и принадлежала къ вырождающемуся семейству, тяжело пораженному психопатическимъ элементомъ.

Кто же была Іоанна Даркъ?

Историческое изслѣдованіе неизмѣримо свободнѣе судебнаго процесса; оно не связано обрядностями, давностью; здѣсь нѣтъ окончательныхъ приговоровъ, аппеляція и кассація всегда возможны; оно не связано вѣрой въ оффиціальный документъ, и даже recherche de la paternité ему не возбранена. Мы можемъ искать комбинаціи, строить гипотезы, и если найдемъ такую, которая разъясняла бы однимъ утвержденіемъ всѣ приведенныя выше странности, то можемъ такую гипотезу считать историческимъ пріобрѣтеніемъ, историческою правдою, по крайней мѣрѣ пока она не будетъ опровергнута. Можно ли найти такую гипотезу, которая удовлетворяла бы *всѣмъ* требованіямъ, объясняла бы *всѣ* факты, разрѣшала бы *всѣ* загадки? Авторъ настоящей работы думаетъ, что такая гипотеза можетъ быть найдена, что онъ можетъ ее указать.

Все мышленіе Іоанны, всѣ ея задачи тѣсно связаны съ *Орлеанскимъ домомъ*, всѣ ея личныя отношенія ограничиваются *Орлеанскимъ домомъ*, его членами, его слугами. Она не носитъ своей фамиліи, которую стараются заставить забыть: она—*Орлеанская* Дѣва, Pucelle d'Orléans, причемъ этотъ титулъ относится къ герцогскому дому, котораго цвѣта она носитъ, а не въ городу... Роскошь, которою ее окружаютъ, заставляетъ думать, что она имѣетъ какія-то права на почти царственныя почести, права, которыхъ нельзя признать оффиціально, и которыя имѣютъ какое-то отношеніе къ *Орлеанскому дому*. Графъ д'Арманьякъ, непосредственно связанный съ *Орлеанскимъ домомъ*, даетъ ей титулъ *dame*, который давали только женщинамъ высшаго дворянства; историкъ Lorenzo Buonincontro, бывшій на службѣ *миланскихъ герцоговъ*,—а мы знаемъ ихъ связь съ *Орлеанскимъ*—называетъ ее *principissa*. Очевидно, Іоанна находится въ какой-то генетической связи съ королевскимъ домомъ, и именно съ его *Орлеанскою* вѣтвью—связи съ лѣвой стороны, конечно, такъ какъ ее нельзя было признать оффиціально. Но la barre de bâtardise не была тогда позорнымъ клеймомъ, по крайней мѣрѣ въ высокопоставленныхъ домахъ, и незаконныхъ дѣтей признавали безъ всякаго стѣсненія. Здѣсь, однако, дѣло оказывается гораздо сложнѣе; есть какое-то особое условіе, компрометирующее одновременно и французскій, и англійскій королевскіе дома, и которое одинаково утаивается обоими.

Французскій престолъ занятъ Карломъ VII, сыномъ умалишеннаго Карла VI; но мать его, Изабелла Баварская, вела такую развратную жизнь, что законность рожденія, а слѣдовательно и право на престолъ Карла VII подвергались сомнѣнію и оспа-

ривались. На англійскомъ престолѣ былъ въ это время Генрихъ VI, и англійскія притязанія на французскую корону основывались на томъ, что Генрихъ VI былъ сынъ Катерины, дочери Карла VI и Изабеллы. Катерина, королева англійская, и Карлъ VII, король французскій, были братъ и сестра, погодки, и если одинъ былъ незаконный, то дѣлалась крайне сомнительною законность и другого; законность обоихъ, а слѣдовательно и права ихъ на французскій престолъ, становились спорными, если будетъ установлено, что Изабелла имѣла дѣтей не отъ мужа. Такимъ образомъ въ вопросѣ о законности дѣтей Изабеллы Баварской интересы обоихъ соперничавшихъ королевскихъ домовъ были одинаковы.

Изабелла Баварская вышла замужъ въ 1385 г.; у нея были роды въ 1386 (Карлъ); 1388 (Іоанна); 1389 (Изабелла); 1391 (другая Іоанна); 1392 (другой Карлъ); 1393 (Марія); 1395 (Мишелля); 1396 (Людовикъ); 1398 (Іоаннъ); 1401 (Катерина, впослѣдствіи королева англійская); 1403 (Карлъ VII). Затѣмъ наступаетъ перерывъ болѣе четырехъ лѣтъ; въ это время если и были роды, то тайные.

Мы знаемъ, что Изабелла была въ связи съ братомъ своего мужа, Людовикомъ Орлеанскимъ. У нея родился ребенокъ въ ноябрѣ 1407 г.; Людовикъ Орлеанскій, отецъ ребенка, выходя отъ нея, былъ убитъ на улицѣ; ребенокъ, какъ было объявлено оффиціально, умеръ не проживъ сутокъ; рожденіе и смерть его, совпадая съ убійствомъ Орлеанскаго, прошли незамѣченными и скоро были забыты среди бурныхъ событій, послѣдовавшихъ въ Парижѣ. Если бы ребенокъ этотъ не умеръ, его, несомнѣнно, пришлось бы скрывать, какъ плодъ позорной и преступной связи, кровосмѣсительнаго нарушенія супружеской вѣрности, и скрывать сверхъ того и изъ практическихъ соображеній, такъ какъ отецъ его былъ убитъ, партія потерпѣла полное крушеніе, и отъ бургундцевъ можно было ожидать всего худшаго. Изабелла очень любила своихъ дѣтей маленькими, становилась равнодушна, когда они подростали, и ненавидѣла взрослыхъ; несомнѣнно, она должна была позаботиться о судьбѣ этого ребенка. Очевидно, онъ долженъ былъ быть отправленъ куда-нибудь далеко, гдѣ не отражается ожесточенная борьба бургундцевъ и арманьяковъ, въ мѣстность незамѣтную, подъ наблюденіемъ приверженца Орлеанскаго дома, но мало замѣтнаго, невысокаго общественнаго положенія, и потому не привлекающаго вниманія. Домреми, на границѣ Лотарингіи, подъ наблюденіемъ de l'Isle, вполнѣ соотвѣтствуетъ этимъ условіямъ.

Теперь сопоставимъ еще слѣдующіе факты: Іоанну судили въ 1430 г. за колдовство, сношеніе съ дьяволомъ, обманъ, смертоубійство и т. д., совершонныя съ апрѣля или мая 1429 г.; судили ее безъ защитника, слѣдовательно она была совершеннолѣтняя въ апрѣлѣ 1429 г. Но всѣ показанія говорятъ, что ей было *приблизительно* (circu) 20 лѣтъ, и потому должно предположить, что отклоненіе отъ дѣйствительнаго числа лѣтъ было настолько ничтожно, что позволяло необходимую натяжку. Отсюда должно заключить, что ея рожденіе надо отнести къ концу 1407 или къ самому началу 1408 года. Ребенокъ, родившійся у Изабеллы въ ноябрѣ 1407 г. и считавшійся умершимъ въ тотъ же день, неизвѣстно гдѣ похороненъ; въ Сенъ-Дени, усыпальницу королевскаго дома, онъ принесенъ не былъ.

Будемъ продолжать гипотезу. Если ребенокъ былъ привезенъ къ Бурлемонамъ, они, очевидно, отдали его en nourrice, какъ и теперь еще во Франціи дѣлаютъ богатые люди, а недавно дѣлали всѣ горожане, даже самые состоятельные. Взявшая ребенка крестьянская семья должна была получить, конечно, экономическія выгоды,—и Даркъ получаютъ аренду, очень выгодную и ставящую ихъ въ гораздо лучшее денежное и болѣе высокое общественное положеніе.

Но время шло, и жизнь вносила свои измѣненія въ человѣческіе разсчеты. Семья Бурлемоновъ вымерла, владѣніе перешло въ другія руки и новые владѣльцы не жили тамъ. Изабелла забыла о ребенкѣ, какъ забывала о всѣхъ и остальныхъ дѣтяхъ, по мѣрѣ того какъ они подростали. Ребенокъ росъ въ крестьянской семьѣ, забытый и оставленный. Но о немъ, по видимому, вспомнили въ 1428 году, справились: оказалось, дѣвица удостоена какихъ-то видѣній и откровеній. Въ предъидущіе годы и въ это время такихъ женщинъ—особенно Дѣвъ (Pucelles)—было много, и онѣ играли роль, воодушевляли. Между тѣмъ положеніе было зловѣщее. Пока непріятель грозилъ Франціи, это не представлялось Орлеанскому и Анжуйскому патріотизму особенно важнымъ. Но теперь англичане грозили ихъ денежнымъ интересамъ; значитъ необходимо принять самыя дѣйствительныя мѣры. Явилась мысль воспользоваться *видѣніями*, т.-е. душевною болѣзнью Іоанны, но только подготовивъ ее въ должномъ направленіи—и у нея появились видѣнія уже совершенно новаго характера. Святыя говорятъ ей о политикѣ, посвящаютъ въ политическія и дворцовыя отношенія и планы. Зналъ ли Карлъ VII объ обманѣ? Едва ли; но онъ несомнѣнно зналъ происхожденіе Іоанны. Карлъ ненавидѣлъ свою мать; онъ сомнѣвался—по ви-

димому безъ основанія—въ законности своей и сестры его Катерины; но они не были дѣтьми Орлеанскаго, связь съ которымъ началась позже. Онъ не могъ имѣть особенной нѣжности къ Іоаннѣ, родившейся отъ ненавидимой матери и опозорившаго королевскую семью отца. Съ другой стороны понятно, что Іоанна встрѣтила особое расположеніе и поддержку со стороны Дюнуа, ея брата по отцу, и отъ старыхъ слугъ Людовика Орлеанскаго.

Неясные, но очень настойчивые слухи, что Іоанна была орудіемъ политической интриги, ходили уже въ ея время и непосредственно послѣ ея смерти. На это указываетъ папа Пій II; это же прямо говорятъ Thomassin и Monstrelet. Въ 1440 г., восемь лѣтъ послѣ смерти Іоанны и за шестнадцать до реабилитаціи, Martin Lefranc, въ поэмѣ, посвященной герцогу Бургундскому, говоритъ, какъ была „une grande fraude conchue" (conçue). Позже дѣло Іоанны, по видимому, усердно обсуждалось и въ литературѣ, и въ обществѣ. Эти обсужденія не дошли до насъ, но о нихъ очень положительно говоритъ Etienne Pasquier въ своихъ *Recherches sur la France*.

Выше мы сказали, что параноики почти всегда принадлежатъ къ семьямъ, пораженнымъ психопатическимъ элементомъ. Оправдывается ли это для Іоанны?

Династія Валуа вступаетъ на престолъ въ лицѣ Филиппа VI [1]); у него отъ двухъ женъ и одной любовницы 8 дѣтей; изъ нихъ *3 умираютъ въ младенчествѣ и 3 молодыми и бездѣтными*; продолжаетъ родъ Іоаннъ II Добрый, человѣкъ грубый, очень ограниченный, развратный, послѣдніе годы впавшій въ слабоуміе; умеръ 45 лѣтъ. У него 4 сына и 7 дочерей; изъ дочерей *4 умираютъ въ молодости или бездѣтными*. Сыновья: 1) Карлъ V Мудрый (Le Sage), трусливый, хитрый, лишенный, по видимому, самаго элементарнаго чувства чести и совѣсти. 2) Людовикъ Анжуйскій, честолюбивый, предпріимчивый, но совершенно неспособный; всѣ три внука его, такіе же неспособные, *умираютъ бездѣтными*, и съ ними прекращается Анжуйскій домъ. 3) Іоаннъ Беррійскій, алчный, жестокій, безсовѣстный грабитель государства; его *два сына, женатые, бездѣтны*. 4) Филиппъ Бургундскій, очень способный, выдающійся своимъ умомъ и смѣлымъ характеромъ; его династія, полная приключеній, *скоро пресѣкается въ лицѣ Карла Смѣлаго, страдавшаго помѣша-*

---

[1]) См. богато документированную графически, превосходную книгу члена парижской медиц. академіи проф. *V. Galippe*: L'Hérédité des Stigmates de Dégénérescence et les Familles souveraines. Paris. Masson. 1905.

тельствомъ. Единственная дочь Карла Смѣлаго, Марія Бургундская, вноситъ своимъ бракомъ съ Максимиліаномъ I въ императорское семейство австрійскую губу, нижній прогнатизмъ и *душевныя болѣзни*".

У Карла V-го 2 сына и 6 дочерей; *всѣ дочери умираютъ въ молодости или бездѣтными;* сыновья: 1) Карлъ VI *Безумный,* глупый, развратный, *заболѣваетъ періодическимъ умопомѣшательствомъ и умираетъ слабоумнымъ;* 2) Людовикъ Орлеанскій— о немъ уже говорено выше. У Карла VI-го 5 сыновей и 6 дочерей; изъ этихъ 11 дѣтей *8 умираютъ бездѣтными,* одна дочь (Изабелла) имѣетъ *единственную дочь, бездѣтную;* другая дочь, Катерина, глупая и развратная, выходитъ въ Англіи сначала за Генриха V, и имѣетъ отъ него сына, Генриха VI, *дураковатаго, слабоумнаго,* съ которымъ *прекращается Ланкастерскій домъ;* затѣмъ она вышла за Оуэна Тюдора, и отъ нихъ пошла *чудовищная, преступная династія Тюдоровъ,* оканчивающаяся Эдуардомъ VI, *умершимъ 17-ти лѣтъ,* и двумя сестрами (Марія получила даже прозвище Сѣверной гіены), *жестокими, ненормальными, умершими безъ потомства.*

Карла VII мы уже охарактеризовали; *онъ уморилъ себя голодомъ въ психической болѣзни.* Его сынъ Людовикъ XI возмущался противъ отца, его обвиняютъ даже въ попыткѣ отравить его; жестокій, трусливый, крайне нервный, онъ умеръ въ психическомъ разстройствѣ послѣ двухъ апоплексій мозга. У него сынъ, *слабый здоровьемъ и бездѣтный, умершій 28 лѣтъ* (вдова его, выйдя за другого, имѣла дѣтей) и дочь, *горбатая и бѣздѣтная; съ ними прекращается династія Валуа,* и на престолъ вступаетъ вѣтвь Valois-Orléans въ лицѣ Людовика XII, внука убитаго Людовика Орлеанскаго, *но съ нимъ же и прекращается.* Дочь Людовика XII бракомъ приноситъ корону въ вѣтвь Valois-Orléans-Angoulême, и потомство ея, *болѣзненное, золотушное, крайне нервное, развратное, кончается четырьмя безплодными братьями.* Изъ нихъ трое, женатые, занимаютъ поочередно тронъ Франціи: Францискъ II *умираетъ 16-ти лѣтъ отъ золотухи;* Карлъ IX, сдѣлавшій Варѳоломеевскую ночь, *жестокій, вѣроломный, умираетъ какою-то странною болѣзнью (по видимому* hämophilia) въ *приступахъ психическаго разстройства съ галлюцинаціями;* Генрихъ III—*противоестественный развратникъ.* Четвертый братъ, трусливый, предатель, всѣми презираемый, умираетъ *30-ти лѣтъ безбрачнымъ;* сестра, знаменитая Маргарита Наваррская, умная, образованная, *крайне развратная, умираетъ бездѣтною.*

Изучающему эту эпоху по первоисточникамъ не-врачу личность Іоанны Даркъ внушаетъ мало симпатіи: параноики вообще не симпатичны. Но еще менѣе симпатіи внушаютъ умственно здоровые дѣятели этого времени. Ученый издатель записокъ Buel'я („Le Jouvencel") Lefèvre-Pontalis заключаетъ свое историческое предисловіе словами: „Les hommes du XV siècle ont eu de grands vices, et ces vices s'étalent dans l'histoire avec une ampleur qui ne permet guère de les ignorer". Іоанна была слѣпымъ, несознательнымъ орудіемъ злого дѣла и роковыхъ для Франціи людей и учрежденій. Въ теченіе почти столѣтія борьбы противъ Англіи феодальное дворянство доказало свою полную несостоятельность, политическую, умственную, нравственную и даже просто боевую— и какъ бы въ наглядное подтвержденіе этого паденія правящаго военно-дворянскаго класса не только исторія, но и самъ этотъ классъ выдвигаютъ героическимъ, идеальнымъ его представителемъ — *умалишенную женщину!* Она была призвана, чтобы служить оружіемъ противъ послѣднихъ остатковъ партіи конституціонализма. По счастію для ея историческаго значенія, она оказалась оружіемъ ржавымъ, никуда негоднымъ. Но постепенно всѣ политическія партіи—монархисты и республиканцы, дворяне и демократы, клерикалы и націоналисты, галликанцы и ультрамонтаны, всѣ провозглашали ее своею, и создали ей нимбъ лойялизма, геніальности, святости, даже свободомыслія, женственности, романтизма, не останавливаясь ни передъ замалчиваніемъ, ни передъ извращеніемъ историческихъ фактовъ. Когда стало наконецъ уже трудно восхвалять военный геній и политическіе таланты Орлеанской Дѣвы, смѣлый историкъ (Du Fresne de Beaucourt), а за нимъ и другіе, рѣшились ее, несчастную душевно-больную, провозгласить героиней и представительницей *здраваго смысла* (de bon sens)!! Несчастная больная погибла ужасной смертью, какъ погибали въ ея время и послѣ нея десятки тысячъ жертвъ невѣжества и жестокости; но она погибла не только вслѣдствіе непониманія ея судей, но и потому, что ея руководители сдѣлали изъ нея политическое орудіе. Одинаково позорно, одинаково преступно и дѣлать душевно-больного орудіемъ политической партіи, и увлекаться борьбой до казни его. Потеря разсудка есть величайшее несчастіе, а къ несчастію должно относиться съ жалостью и сочувствіемъ: Res sacra miser, сказалъ еще Сенека.

Д-ръ П. Яковій.

ДВѢ ЖИЗНИ

I.

Когда для XIX столѣтія настанетъ пора окончательной оцѣнки всего сдѣланнаго имъ для исторіи прогресса, духовными его вождями признаны будутъ такіе люди, какъ Сенъ-Симонъ, Огюстъ Контъ, Спенсеръ и Карлъ Марксъ. Біографіи послѣднихъ двухъ лежатъ передо мною. Я зналъ ихъ обоихъ, зналъ не въ одинаковой степени. Съ однимъ отношенія кончились двумя-тремя встрѣчами въ домѣ философа Джорджа Льюиса и его жены, великой англійской писательницы Элліотъ. Съ другимъ я встрѣчался чуть не еженедѣльно въ теченіе двухъ лѣтъ и изрѣдка обмѣнивался письмами. Оба были современники, долгое время жили въ одномъ и томъ же городѣ—Лондонѣ; никогда не встрѣчаясь, интересовались другъ другомъ; были, повидимому, недалеки отъ того, чтобы въ молодости сойтись по нѣкоторымъ основнымъ вопросамъ, если не философіи, то общественной этики—и такъ сильно разошлись въ тѣхъ же вопросахъ впослѣдствіи, что доктрина одного можетъ считаться отрицаніемъ доктрины другого.

И Карлъ Марксъ, и Гербертъ Спенсеръ, вышли изъ рядовъ буржуазіи, испытали на себѣ весьма рано воспитательное вліяніе радикальныхъ теченій, совпавшихъ съ эпохою февральской революціи и ея отраженіемъ одинаково въ нѣмецкой и англійской средѣ. Марксъ былъ сыномъ уважаемаго трирскаго адвоката, перешедшаго изъ іудейства въ протестантизмъ. Спенсеръ—сыномъ весleянскаго педагога, поселившагося въ Darby (Дарби) и поручившаго его воспитаніе своему двоюродному брату, приходскому священнику въ Гинтонѣ. Марксъ испыталъ на себѣ съ университетской скамьи вліяніе Гегелевой философіи и тѣснаго общенія съ лѣвымъ крыломъ учениковъ и послѣдователей вели-

каго берлинскаго философа—Бруно Бауэромъ, Фейербахомъ, Руге и Максомъ Штирнеромъ. Спенсеръ, получившій математическое образованіе и посвятившій себя на первыхъ порахъ дѣятельности гражданскаго инженера, захваченъ былъ весьма рано движеніемъ въ пользу демократическихъ реформъ столько же въ области экономики, сколько и политики. Въ это же самое время Марксъ, мечтавшій, впрочемъ недолго, доцентировать въ Боннѣ по каѳедрѣ философіи, въ „Рейнской Газетѣ", которой онъ сперва былъ сотрудникомъ, а потомъ редакторомъ, сдѣлался, по словамъ его русскаго біографа, П. А. Берлина, выразителемъ доктрины радикальныхъ лѣвыхъ гегеліанцевъ; онъ настаивалъ на свободѣ печати и необходимости для государства „быть воплощеніемъ разумной свободы" въ гораздо большей степени, чѣмъ на проповѣди коммунистическихъ идей. „Рейнская Газета"—писалъ Марксъ въ 1843 году—никогда не заявляла сочувствія теоретической истинности коммунистическихъ идей въ ихъ современной формѣ и, конечно, еще менѣе стремилась къ ихъ практическому осуществленію, не считая его возможнымъ" [1]). Годомъ раньше, въ 1842 году, Спенсеръ въ газетѣ „Nonconformist" (т.-е. „раскольникъ") печаталъ письма о дѣйствительныхъ задачахъ государства и указывалъ на избытокъ законодательнаго вмѣшательства, какъ на почти никѣмъ незамѣченную первопричину существующихъ нестроеній [2]). Изъ всего сказаннаго видно, что Марксъ стоялъ въ началѣ своей литературной дѣятельности далеко не на томъ пути, какой привелъ его къ изданію знаменитаго „Манифеста Коммунистической Партіи" въ концѣ 1847 года [3]). Но уже за три года до этого, въ 1844 году, въ критикѣ гегелевской „Философіи Права" и еще болѣе въ „Святомъ семействѣ" или „Критикѣ критической критики" онъ уже доказалъ ясное пониманіе имъ того, что трансформація общества возможна только тогда, когда въ немъ приметъ участіе заинтересованная въ этой трансформаціи масса. „Пролетаріи—говорилъ онъ—поставлены въ такія соціальныя условія, что они по неволѣ должны взяться за эмансипацію всего человѣчества. Пролетаріатъ не можетъ упразднить условій своего существованія, не уничтоживъ предварительно всѣхъ безчеловѣчныхъ условій существованія современнаго общества" [4]). Что касается до Спенсера, то въ 1850-мъ году онъ напечаталъ первую свою книгу, подъ на-

---

[1]) „Карлъ Марксъ и его время". П. А. Берлина, стр. 30.

[2]) „Life and letters of Herbert Spencer", D. Duncan, стр. 36—37.

[3]) См. П. А. Берлинъ, стр. 103.

[4]) См. Берлинъ, стр. 53.

званіемъ: „Соціальная статика“. Названіе вызвало у современниковъ опасеніе, не соціалистъ ли ея авторъ. И одинъ изъ органовъ періодической печати, газета „Leader“, спѣшила разувѣрить читателей, говоря, что авторъ расходится съ Прудономъ и коммунистами, которыхъ, какъ думали ошибочно, онъ намѣренъ поддержать [1]). Въ дѣйствительности это сочиненіе Спенсера проводило тѣ самые взгляды на невмѣшательство государства въ неподобающую ему сферу, которыми авторъ озабоченъ былъ съ самаго начала своей литературной дѣятельности и которые нашли затѣмъ полное развитіе въ его извѣстномъ памфлетѣ: „Индивидъ противъ государства“. „Къ чему вы призваны, какъ руководители общества“,—спрашиваетъ въ „Соціальной статикѣ“ гражданинъ, обращаясь къ правителямъ,—„развѣ не къ тому, чтобы защищать интересы всѣхъ, кто ввѣрилъ вамъ власть? Развѣ вы не должны заботиться прежде всего о томъ, чтобы каждый пользовался необходимой для развитія его способностей возможно широкой свободой, подъ условіемъ, однако, чтобы эта свобода не нарушала равной свободы другихъ“?—„Совершенно вѣрно“,—слѣдуетъ отвѣтъ правителей:—„такова ближайшая наша обязанность. При передачѣ намъ власти было рѣшено, что мы не будемъ стѣснять ничьей свободы, разъ этого не требуетъ обезпеченіе равной свободы всѣхъ“. И тѣмъ неменѣе въ первомъ трактатѣ Спенсера есть мѣсто, которое позволило одно время и Генри Джорджу, и Энрико Ферри считать его сторонникомъ: первый—принципа національзаціи земли, второй—обобществленія всѣхъ орудій производства. Вотъ это мѣсто: „Земля принадлежала—говоритъ Спенсеръ—съ самаго начала сообща всѣмъ членамъ одного и того же племени. Отдѣльное лицо могло лишь временно пользоваться частью ея, которую и обрабатывало собственнымъ трудомъ. Само это пользованіе обусловливалось молчаливымъ согласіемъ всѣхъ членовъ племени. Характеръ совладѣнія земельная собственность носила и во времена феодализма. Сеньёръ владѣлъ однимъ голымъ титуломъ на нее, пользовался же землею тотъ, кто ее обрабатывалъ. Современное государство является наслѣдникомъ одинаково племенного союза и феодальнаго помѣстья. Оно имѣетъ, поэтому, верховное право на всѣ земли страны. А отсюда вытекаетъ и право государства національзировать недвижимыя имущества... Но—спѣшитъ прибавить Спенсеръ—цѣнность земель увеличилась, благодаря приложенію труда къ ихъ обработкѣ какъ теперешними соб-

[1]) D. Duncan, стр. 58.

ственниками, такъ и ихъ предками. За этотъ трудъ собственники имѣютъ право требовать вознагражденія". Спенсеръ не ограничивается признаніемъ, что земля можетъ сдѣлаться предметомъ совмѣстнаго обладанія. „Всѣ вещи, способныя подвергнуться частной аппропріаціи,—пишетъ онъ,—имѣютъ источникомъ землю. Индивидуальное право на нихъ должно, поэтому, быть ограничено тѣми же условіями, что и право земельнаго владѣнія. Трудъ—единственное средство пріобрѣтенія, но трудъ возможенъ только подъ условіемъ принятія пищи; всякая же пища обязана своимъ происхожденіемъ землѣ. Изъ этого слѣдуетъ, что съ нравственной точки зрѣнія такъ же трудно оправдать право собственности на любой матеріальный предметъ, какъ и на землю" [1]).

Кто прочтетъ только что приведенное разсужденіе, тому не покажется страннымъ, что Джорджъ при посѣщеніи Спенсеромъ Америки искалъ встрѣчи съ нимъ и былъ крайне разочарованъ тѣмъ, что ему пришлось услышать изъ устъ автора „Соціальной статики" [2]).

Ранѣе Джорджа Карлъ Марксъ также испыталъ нѣкоторое разочарованіе. Когда вышелъ „Капиталъ" во французскомъ переводѣ, одинъ экземпляръ его посланъ былъ авторомъ Спенсеру. Долгое время не приходило отвѣта. Тогда какъ Дарвинъ счелъ нужнымъ отблагодарить приславшаго въ хорошо извѣстномъ письмѣ, Спенсеръ хранилъ упорное молчаніе. Наконецъ, черезъ посредство профессора Бислэ и Фредерика Гаррисона наведена была справка о томъ, дошла ли книга по назначенію. Спенсеръ отдѣлался устнымъ заявленіемъ, что не имѣетъ времени на чтеніе чужихъ книгъ, особенно на иностранномъ языкѣ.

II.

Для Маркса переломъ во всемъ направленіи его практической дѣятельности и теоретическаго мышленія совпалъ съ моментомъ разрыва съ радикалами и рѣшительнаго перехода на сторону массоваго движенія сперва французскаго и англійскаго, а затѣмъ нѣмецкаго пролетаріата. „Бруно Бауэръ и его послѣдователи" — пишетъ недавній біографъ Маркса — „относились съ глубокимъ и нескрываемымъ недовольствомъ къ тому типу

---

[1]) Приведенные отрывки не встрѣчаются болѣе въ томъ изданіи „Соціальной статики", которое сдѣлано было Спенсеромъ въ 1892-мъ году.

[2]) Спенсеръ встрѣтился съ Генри Джорджемъ въ 1882 г. въ домѣ г-жи Женъ, нынѣ лэди Сенъ-Гэлье.

освободительнаго движенія, въ которомъ участвуетъ толпа. Массы, по ихъ мнѣнію, только опошляютъ и губятъ дѣло. Историческія событія, въ которыхъ онѣ принимали участіе, по тому самому оказывались безплодными". Въ издаваемой ими „Литературной газетѣ" проводился тотъ взглядъ, что критически мыслящія личности не могутъ разсчитывать на поддержку массъ. „Человѣческій духъ—писали они—имѣетъ своими врагами самообманъ и мягкотѣлость массъ". Одинъ изъ послѣдователей Бауэра, Спелига, писалъ: „Истинно критическій умъ никогда непосредственно не принимаетъ участія въ общественныхъ дѣлахъ. Онъ вообще не человѣкъ дѣла". Съ такой точкой зрѣнія Марксъ помириться не могъ. Его личныя отношенія къ Бауэру въ 1843 году окончательно оборвались, а въ слѣдующемъ году Марксъ, живя въ Брюсселѣ, уже направляетъ противъ своихъ бывшихъ единомышленниковъ рѣзкій памфлетъ, озаглавленный: „Святое семейство" или „Критика критической критики". Почти одновременно Марксъ столь же рѣзко выступаетъ и противъ утопическаго соціализма.

По поводу выхода въ свѣтъ книги Лоренца Штейна: „Соціализмъ и коммунизмъ въ современной Франціи" Марксъ, можетъ-быть въ послѣдній разъ въ своей жизни, высказывается заодно съ представителями такъ называемаго „истиннаго соціализма" въ Германіи — Мозесомъ Гессомъ и Карломъ Грюномъ. Въ „Критикѣ гегелевской Философіи права", напечатанной въ 1844 г. въ „Нѣмецко-французскомъ ежегодникѣ", Марксомъ еще поддерживается та мысль, что единственнымъ практически возможнымъ освобожденіемъ для Германіи является не политическая революція, а такое теоретическое освобожденіе, которое провозгласило бы самого человѣка „глубочайшею сущностью человѣка". „Революціонное прошлое Германіи—прибавлялъ Марксъ—носитъ теоретическій характеръ. Оно заключается въ реформаціи. Какъ тогда революція началась впервые въ головѣ монаха, такъ въ наши дни она зарождается впервые въ мозгу философа".

Не ранѣе 1845 г. Марксъ становится критикомъ началъ нѣмецкаго утопизма вообще и той формы его, которая извѣстна была подъ именемъ „истиннаго соціализма". „Весною этого года, — пишетъ Марксъ, — мы въ Брюсселѣ рѣшили заняться разработкой противорѣчій нашихъ взглядовъ съ идеологическими воззрѣніями нѣмецкой философіи, дабы тѣмъ покончить счеты съ нашей прежней „философской совѣстью". Марксъ думалъ издать цѣлыхъ два толстыхъ тома по этому предмету, но та-

кой планъ оказался неисполнимымъ. „Истинный соціализмъ“ подвергся рѣзкимъ нападкамъ Маркса только въ пренебрежительной статьѣ о Карлѣ Грюнѣ. Почти одновременно онъ разорвалъ и съ представителемъ нѣмецкаго буржуазнаго радикализма, Арнольдомъ Руге. Въ парижской нѣмецкой газетѣ „Впередъ“ напечатана была имъ полемическая статья противъ Руге. Годъ спустя одинъ изъ корифеевъ радикальной партіи, Гейнценъ, напалъ на Маркса за переходъ его на сторону тѣхъ, которые заодно съ коммунистами видятъ въ пролетаріатѣ самое, какъ онъ выразился, „цѣнное ядро человѣчества“. Въ отвѣтъ на эти нападки Марксъ въ нѣмецкой „Брюссельской газетѣ“ счелъ возможнымъ противупоставить дѣятельности нѣмецкой либеральной буржуазіи, направленной къ захвату власти, поведеніе простонародья или, какъ онъ предлагаетъ его назвать, пролетаріата—терминъ, по его выраженію, „менѣе расплывчатый и неопредѣленный, чѣмъ слово: народъ“. Пролетаріатъ, по словамъ Маркса, „не задается вопросомъ о томъ, является ли для буржуазіи народное благо главною или второстепенною задачей, стремится ли она въ своей борьбѣ съ абсолютизмомъ и бюрократіей воспользоваться народомъ, какъ пушечнымъ мясомъ или нѣтъ. Пролетаріатъ спрашиваетъ лишь о томъ, что̀ буржуазія вынуждена дѣлать. Его интересуетъ вопросъ, когда онъ можетъ лучше достигнуть своей цѣли: при теперешнемъ ли господствѣ бюрократіи, или при замѣнѣ его владычествомъ буржуазіи, котораго добиваются либералы. Чтобы правильно отвѣтить на этотъ вопросъ, нѣмецкому пролетаріату достаточно сравнить свое политическое положеніе въ Англіи, Франціи и Америкѣ съ тѣмъ, какое онъ занимаетъ въ Германіи. Изъ этого сравненія онъ сдѣлаетъ тотъ выводъ, что господство буржуазіи сравнительно даетъ ему не только орудіе для борьбы съ нею, но и ставитъ его въ новое положеніе, положеніе признанной партіи“ [1]).

Можно сказать, что такъ называемый научный соціализмъ Маркса и его доктрина историческаго матеріализма окончательно опредѣлились въ годы, предшествовавшіе революціи 1848 г., въ то время, когда онъ глубокой и одновременно рѣзкой полемикой обособилъ свое направленіе отъ того теченія критико-соціальной мысли, во главѣ котораго стоялъ Прудонъ съ своей „Системой экономическихъ противорѣчій“, и отъ того „революціоннаго соціализма“, истолкователемъ котораго для нѣмецкихъ

[1]) Берлинъ, „Карлъ Марксъ и его время“, стр. 70—71.

рабочихъ былъ Вейтлингъ. Фактъ хорошо извѣстный, что въ отвѣтъ на „Систему экономическихъ противорѣчій“ или „Философію нищеты“ Прудона Марксъ написалъ свой знаменитый памфлетъ: „Нищета философіи“. Въ немъ ученіе историческаго матеріализма было формулировано въ слѣдующихъ словахъ: „Общественныя отношенія тѣсно связаны съ производительными силами. Пріобрѣтая новые, люди измѣняютъ прежніе способы производства. А измѣняя эти средства обезпеченія своей жизни, они вносятъ перемѣны и въ свои общественныя отношенія. Ручная мельница даетъ вамъ общество съ сюзереномъ во главѣ, паровая мельница — промышленное капиталистическое общество [1]). Люди строятъ свои соціальныя отношенія соотвѣтственно ходячему у нихъ способу производства... Они высказываютъ извѣстные принципы примѣнительно къ своему общественному укладу“ [2]).

Интересныя данныя для опредѣленія причинъ ближайшаго разрыва съ Прудономъ заключаетъ въ себѣ переписка будущаго автора „Капитала“ съ нашимъ соотечественникомъ Анненковымъ, извѣстнымъ критикомъ и издателемъ Пушкина. Анненковъ включилъ это письмо въ очеркъ, напечатанный имъ въ „Вѣстникѣ Европы“ 1880-го года подъ заглавіемъ: „Замѣчательное десятилѣтіе“. „Прудонъ—читаемъ мы въ письмѣ Маркса—съ головы до ногъ любимецъ и выразитель интересовъ мелкой буржуазіи. Въ интеллигентной средѣ онъ, благодаря своему положенію, неизбѣжно становится, съ одной стороны, экономистомъ, а съ другой—соціалистомъ. Онъ одновременно и ослѣпленъ великолѣпіемъ знатной буржуазіи, и сочувствуетъ страданіямъ народа. Онъ—мѣщанинъ и вмѣстѣ съ тѣмъ плебей. Въ глубинѣ своей совѣсти онъ восхваляетъ самого себя за безпристрастіе, за открытіе тайны равновѣсія между интересами и думаетъ, что эта тайна не состоитъ въ одномъ признаніи золотой середины. Такой человѣкъ необходимо исповѣдуетъ вѣру въ противорѣчія, будучи самъ соціальнымъ противорѣчіемъ въ дѣйствіи“. Разрывъ Маркса съ Вейтлингомъ, воспослѣдовавшій въ 1846 г., разсказанъ тѣмъ же

---

[1]) Марксъ ошибается, относя ручныя мельницы къ періоду феодальнаго быта и помѣстнаго устройства. Сеньёры вели открытую борьбу съ ручными мельницами, замѣняя ихъ вотчинными. Очень характерна въ этомъ отношеніи борьба Сентъ-Альбанской обители въ Англіи съ бунтовавшими противъ нея крестьянами въ послѣдней четверти XIV в. О ней говорится подробно въ моемъ „Экономическомъ ростѣ Европы“. Ручная мельница отвѣчаетъ періоду домашняго, а не вотчинно-помѣстнаго хозяйства.

[2]) См. Карлъ Марксъ, „Нищета философіи“ (пер. В. Засуличъ, 1906 г., Спб.), стр. 79.

Анненковымъ весьма живо. Вейтлингъ, проведшій молодость въ мастерской портного, обнаружилъ несомнѣнный литературный талантъ въ своемъ сочиненіи: „Гарантіи гармоніи и свободы“. Самому Марксу пришлось хвалить его въ 1844 г., противополагая его книгу мелкой посредственности буржуазной литературы этого времени. Когда Вейтлингъ прибылъ въ Брюссель, его имя гремѣло въ Германіи. 30-го марта 1846 г. Вейтлингъ свидѣлся съ Марксомъ на его квартирѣ. Бесѣда ихъ скоро приняла чрезвычайно острый и страстный характеръ. Анненковъ присутствовалъ при ней. „Возбужденіе фантастическихъ надеждъ—говорилъ Вейтлингу Марксъ — ведетъ только къ гибели, а не къ спасенію страждущихъ. Обращаться въ Германіи къ работнику безъ строго научной мысли и положительнаго ученія равносильно пустой игрѣ въ проповѣдники“ [1]).

III.

Для Маркса періодъ соціально-политической дѣятельности начался приблизительно въ то самое время, когда закончилась для Спенсера эпоха, которую онъ самъ впослѣдствіи окрестилъ „временемъ юношескаго возбужденія“. Личныя условія жизни складывались неблагопріятно для англійскаго мыслителя. Спенсеру не удавалось посвятить себя всецѣло литературной дѣятельности. Приходилось возвращаться по временамъ къ занятію инженернымъ дѣломъ, мечтать о карьерѣ учителя и даже останавливаться на мысли объ эмиграціи въ Новую Зеландію. Въ 1848 г. ему, наконецъ, удалось устроиться. Онъ получилъ мѣсто помощника издателя газеты „Экономистъ“. Съ этого момента заканчивается, какъ Спенсеръ самъ говоритъ въ своей автобіографіи, „пустой“, „безплодный“ (futil) періодъ его жизни. Въ то время, какъ Марксъ задается впервые мыслью дать научное обоснованіе соціализму, связывая его дальнѣйшія судьбы съ торжествомъ классовыхъ интересовъ рабочихъ, Гербертъ Спенсеръ смѣло вырабатываетъ програму синтетической философіи—программу, выполненіе которой составитъ задачу всей его жизни. Если о Марксѣ можно сказать, что знаменитый „Манифестъ коммунистовъ“ содержитъ въ себѣ основныя положенія той доктрины, развитіемъ которой явится и „Критика политической экономіи“, и трехтомный трактатъ о „Капиталѣ“, то для Спенсера такимъ же

[1]) Анненковъ, „Вѣстникъ Европы“, апр. 1880 г., стр. 499.

общимъ вступленіемъ ко всей дальнѣйшей философско-научной дѣятельности надо признать его сочиненіе: „Первые принципы", а также рядъ журнальныхъ статей, появившихся въ періодъ времени между 1852-мъ и 1860-мъ годомъ. Первая изъ нихъ посвящена вопросу о „Гипотезѣ развитія" и появилась въ журналѣ Джорджа Льюиса „Leader" 20 марта 1852 года.

Въ приложеніи къ вышедшей въ 1908 году „Жизни Спенсера" впервые отпечатана не включенная въ его автобіографію и составленная значительно позднѣе послѣдней статья о филіаціи его идей [1]). Въ ней Спенсеръ возводитъ къ отдѣльнымъ главамъ своей „Соціальной статики", т.-е. къ сочиненію, написанному еще въ 1850 году, первоначальное развитіе, какъ идеи міровой эволюціи, такъ и идеи общественнаго организма. Послѣдняя мысль, полагаетъ онъ, зародилась въ немъ подъ вліяніемъ книги Райнера: „О животномъ царствѣ", въ которой указывалось, какъ гомогенность, т.-е. единообразіе частей, характеризуетъ собою низшіе организмы, а гетерогенность—высшіе. Теорія Шеллинга о жизни, какъ о тенденціи къ индивидуализаціи—теорія, воспринятая въ Англіи Кольриджемъ, — также навела Спенсера на мысль, что прогрессъ сводится къ процессу замѣны однороднаго разнороднымъ. Своему сближенію съ Льюисомъ, послѣдовавшему одновременно, Спенсеръ приписываетъ немалое вліяніе на дальнѣйшую выработку своихъ идей. Льюисъ былъ послѣдователемъ философіи Конта и написалъ въ издаваемомъ имъ журналѣ „Leader" („Руководитель") нѣсколько статей о положительной философіи. По настоянію писательницы Джорджъ Эллiотъ и съ ея помощью Спенсеръ въ 1852-мъ году приступилъ къ чтенію, какъ онъ выражается, вступительной части къ „Курсу положительной философіи". Это чтеніе, говоритъ онъ, имѣло для него два послѣдствія: онъ усумнился въ возможности принять контовскій законъ трехъ стадій развитія человѣчества и отвергъ контовскую классификацію наукъ. Когда въ 1854-мъ году вышелъ сокращенный переводъ Конта, г-жи Мартино (такъ въ цитируемой статьѣ названъ двухтомный трактатъ, долгое время служившій въ Англіи руководствомъ къ ознакомленію съ „Положительной философіей"), Спенсеръ задался-было мыслью дать критическое изложеніе всей системы французскаго мыслителя. Но, по собственному признанію, онъ не въ состояніи былъ сосредоточиться на чтеніи книги, рѣзко расходившейся съ его личными воззрѣніями. „Будучи—пишетъ онъ—нетерпѣливымъ читателемъ,

[1]) Она написана была въ февралѣ 1899 года.

особенно въ томъ случаѣ, если читаемое несогласно съ моими собственными мыслями, я скоро прекратилъ чтеніе. Но то, что мнѣ пришлось усвоить, оказало на меня большое вліяніе. Я имѣлъ случай заявить въ другомъ мѣстѣ, что Контъ воздѣйствовалъ на меня не какъ учитель на ученика. Я обязанъ ему тѣмъ, что его противоположныя воззрѣнія во многомъ выяснили мнѣ мои собственныя. Отвергнувъ его ученіе о развитии наукъ, я тѣмъ самымъ наведенъ былъ на мысль изложить мои личные взгляды на этотъ предметъ, что̀ и было сдѣлано въ статьѣ: Генезисъ знанія" [1]).

Спенсеру не разъ пришлось отстаивать оригинальность своего философскаго міросозерцанія и отрицать вліяніе, оказанное на выработку его доктрины предшествовавшими ему мыслителями. Когда ему указано было на то, что раньше его Кантъ опредѣлилъ границы государственнаго вмѣшательства въ томъ же направленіи, что и онъ самъ, Спенсеръ не пожелалъ признать въ этомъ ничего кромѣ случайной встрѣчи во взглядахъ. Въ „Филіацiи идей" онъ говоритъ по этому поводу: „Въ теченіе тридцати лѣтъ я считалъ себя первымъ, высказавшимъ ученіе о томъ, что личная свобода каждаго не знаетъ иныхъ границъ, кромѣ тѣхъ, какія кладетъ ей необходимость признанія равной свободы всѣхъ,—другими словами, что каждый вправѣ дѣлать все, что̀ хочетъ, пока онъ тѣмъ самымъ не посягаетъ на равныя права другихъ. Только тридцать лѣтъ спустя послѣ выхода моей книги я изъ случайной ссылки въ журналѣ „Mind" узналъ, что Кантъ проводилъ тотъ же принципъ. Но какъ только я познакомился съ тѣмъ, что было написано Кантомъ по этому вопросу, мнѣ не трудно было убѣдиться, что онъ додумался до этого положенія, отправляясь отъ противоположной мнѣ точки зрѣнія. Онъ старался опредѣлить границы свободной дѣятельности индивида, озабоченный въ большей степени установленіемъ границъ, чѣмъ доказательствомъ, что индивиду принадлежитъ такая свобода. Я же, наоборотъ постарался сперва утвердить право каждаго дѣйствовать свободно и вывелъ необходимость извѣстныхъ границъ для этой свободной дѣятельности изъ наличности одинаковыхъ запросовъ со стороны другихъ людей. Оба способа достигнуть одного и того же рѣшенія стоятъ, по мнѣнію Спенсера въ непосредственной связи съ различнымъ политическимъ укладомъ Пруссіи и Англіи, а также съ личными особенностями писателей, ихъ придерживавшихся. Кантъ, какъ родившійся въ странѣ, въ которой подчиненіе власти было исконнымъ, посмо-

[1]) См. Duncan, стр. 545, приложеніе В.

трѣлъ на вопросъ съ точки зрѣнія ограниченія. Индивидуальная дѣятельность должна, полагалъ онъ, быть введена въ извѣстные предѣлы. Въ то время какъ эти предѣлы признавались имъ обязательными, равной обязательности онъ не счелъ нужнымъ требовать для свободы личнаго поведенія. Что касается до меня,—прибавляетъ Спенсеръ,—то со мною случилось обратное. Принадлежа къ народу болѣе привыкшему, чѣмъ нѣмцы, къ индивидуальной свободѣ, я прежде всего остановился на отстаиваніи правъ свободной дѣятельности. Меня занимала мысль не объ установленіи субординаціи, а о доказательствѣ права, подлежащаго извѣстнымъ ограниченіямъ. Но мой способъ рѣшенія вопроса былъ характеренъ и по отношенію ко мнѣ самому, какъ человѣку, въ которомъ забота о сохраненіи индивидуальности была всегда господствующей чертою".

Когда Спенсеру такимъ же порядкомъ поставлена была на видъ близость тѣхъ или другихъ его положеній съ ученіями Конта или Тэйлора, онъ не менѣе энергично стоялъ за свою оригинальность, не отступая передъ полемикой, доказывая, напримѣръ, что отличіе защищаемой имъ теоріи анимизма, какъ первоначальнаго вѣрованія человѣчества, отъ однохарактернаго ученія автора „Первобытной культуры" Тэйлора лежитъ въ томъ, что онъ объясняетъ происхожденіе анимизма культомъ привидѣній, тогда какъ Тэйлоръ выводитъ это послѣднее явленіе изъ анимизма [1]). Особенно ревниво отнесся Спенсеръ къ тѣмъ заявленіямъ, которыя сводились къ признанію въ его доктринѣ бо̀льшаго или меньшаго сходства съ ученіями Конта. Въ 1884-мъ году онъ энергично протестуетъ противъ попытокъ Фредерика Гаррисона использовать его собственныя теоріи къ выгодѣ не столько „Положительной философіи", сколько Контовой „Религіи человѣчества". 6-го марта, въ письмѣ къ своему корреспонденту въ Америкѣ—Юмансу—Спенсеръ говоритъ, что воспользуется представившимся случаемъ для того, чтобы высказаться съ должной откровенностью противъ „Религіи человѣчества". Спенсеръ приводитъ въ исполненіе свое намѣреніе въ статьѣ, озаглавленной: „Регрессивная религія", напечатанной въ журналѣ „XIX вѣкъ". Эта статья вызвала, въ свою очередь, рѣзкую отповѣдь со стороны тогдашняго главы англійскихъ позитивистовъ, въ рѣчи, обращенной имъ къ своимъ единомышлен-

---

[1]) Ibid., стр. 356, письмо къ Андрею Ленгу отъ 21-го февр. 1894 г.; стр. 238, письмо къ Юмансу отъ сент. 1883 г.; стр. 199, письмо къ Юмансу отъ 14-го марта 1877 г.

никамъ. Спенсеръ отвѣтилъ на нее статьею въ „Times". Полемика обоихъ философовъ приняла одно время очень рѣзкій характеръ [1]). Спенсеръ встрѣтился и позднѣе съ обвиненіемъ въ присвоеніи себѣ нѣкоторыхъ мыслей Конта, на этотъ разъ со стороны американскаго соціолога Лестера Уорда. Въ статьѣ послѣдняго, озаглавленной: „Мѣсто соціологіи въ ряду другихъ наукъ", Уордъ высказалъ мысль, что, не смотря на всѣ попытки опровергнуть классификацію наукъ Конта, Спенсеръ въ сущности усвоилъ себѣ точку зрѣнія послѣдняго въ своей „Синтетической философіи". Отрицая справедливость этого замѣчанія, Спенсеръ въ письмѣ къ Уорду настаиваетъ на томъ, что тѣхъ двухъ выдѣляемыхъ имъ группъ наукъ—наукъ абстрактныхъ и наукъ абстрактно-конкретныхъ, подъ которыми онъ разумѣетъ логику и математику, съ одной стороны, механику и физику, съ другой—въ Контовой классификаціи вовсе не имѣется. Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ, что при распредѣленіи наукъ въ извѣстномъ порядкѣ онъ имѣлъ въ виду преемство въ ихъ появленіи—мысль, которою Контъ не задавался [2]). И дѣйствительно, еще въ 1854 году, въ статьѣ, напечатанной имъ въ „Британскомъ трехмѣсячномъ обозрѣніи" и озаглавленной: „Генезисъ науки", Спенсеръ останавливается на развитіи той мысли, что предложенная Контомъ научная серія—математика, астрономія, физика, химія, біологія и соціологія,—вопреки мнѣнію ея автора, не считается съ дѣйствительнымъ преемствомъ въ возникновеніи отдѣльныхъ наукъ и частей ихъ, что, съ другой стороны, она не соотвѣтствуетъ и тому принципу, на которомъ желалъ обосновать ее Контъ: принципу постепеннаго перехода отъ изученія явленій болѣе общихъ къ явленіямъ болѣе конкретнымъ. Въ доказательство Спенсеръ приводилъ, напримѣръ, такіе факты: геометрія, наука, имѣющая дѣло съ болѣе конкретными явленіями, чѣмъ алгебра, возникаетъ ранѣе ея. Она получаетъ болѣе или менѣе законченный видъ уже въ сочиненіи Эвклида, тогда какъ алгебра обязана своимъ происхожденіемъ арабскимъ ученымъ. Въ другомъ опытѣ: „О клафиссикаціи наукъ", появившемся десять лѣтъ спустя, Спенсеръ, предлагая собственную систему, борется съ построеніями Конта, а въ приложеніи посвящаетъ рядъ страницъ разбору своихъ разногласій съ авторомъ „Положительной философіи". Изъ этого разбора оказывается, что онъ не раздѣляетъ съ Контомъ ни отри-

[1]) Duncan, стр. 254 и слѣд.

[2]) Письмо къ Лестеру Уорду отъ 19-го сент. 1895 г. (Duncan, стр. 366 - 377). Письмо это воспроизведено Лестеромъ Уордомъ въ его трактатѣ, озаглавленномъ: „Чистая соціологія".

цательнаго отношенія къ психологіи и ея методу самонаблюденія, ни государственнаго идеала, требующаго, какъ онъ говоритъ, сильной власти, тогда какъ самъ Спенсеръ желалъ бы сократить до минимума вмѣшательство государства и расширить сферу свободы личности.

IV.

На 38-мъ году жизни Спенсеръ окончательно опредѣлилъ дальнѣйшую задачу своего существованія.

Письмо, посланное имъ отцу 9-го января 1858 г., содержитъ въ себѣ признаніе слѣдующаго рода: „За послѣдніе десять дней мои взгляды на разные вопросы внезапно кристаллизовались. Многія мысли, стоявшія особнякомъ, попали на свои мѣста и оказались гармоническими частями одной системы, допускающей логическое ихъ развитіе изъ наипростѣйшихъ общихъ принциповъ. Я посылаю вамъ короткій набросокъ, который дастъ вамъ нѣкоторое понятіе о всей этой схемѣ. Я надѣюсь современемъ развить въ полномъ видѣ и постепенно все здѣсь изложенное“.

Въ приложеніи къ письму послана была четвертушка бумаги, на которой обозначено было содержаніе семи будущихъ томовъ, изъ которыхъ всего двумъ подраздѣленіямъ одного тома не пришлось увидѣть свѣта. Это—отдѣлы объ „астрономической эволюціи“ и „объ эволюціи геологической“. Все же остальное вошло въ составъ „Первыхъ принциповъ“, „Принциповъ біологіи“, „Принциповъ психологіи“, „Принциповъ соціологіи“, наконецъ, „Принциповъ этики“, сперва обозначенныхъ терминомъ „Принциповъ правильнаго поведенія личнаго и общественнаго“ (Principles of rectitude). Рѣдкому писателю удалось въ такой степени привести въ исполненіе свои намѣренія и наполнить столь же богатымъ содержаніемъ вторую половину своей жизни, оправдывая, такимъ образомъ, опредѣленіе Конта, что „жизнь, достойная названія великой, предполагаетъ осуществленіе въ зрѣломъ возрастѣ задуманнаго въ молодости“. Самъ Спенсеръ не разъ приходилъ въ изумленіе отъ смѣлости, чтобы не сказать—дерзости, поставленной имъ себѣ задачи. Когда онъ приступилъ къ ея исполненію, у него не было ни здоровья, ни денегъ. Здоровье навсегда было надломлено усиленнымъ умственнымъ трудомъ, и въ послѣдующіе годы жизни Спенсеръ никогда не могъ проводить въ интенсивныхъ научныхъ занятіяхъ болѣе трехъ часовъ въ день. Что касается до средствъ, то ихъ у Спенсера,

можно сказать, никогда не было, если не говорить о небольшомъ наслѣдствѣ, оставленномъ ему дядею-воспитателемъ Томасомъ Спенсеромъ. Оно всецѣло пошло на оплату издержекъ путешествія въ Швейцарію. Напечатанные Спенсеромъ „опыты“ обыкновенно приносили ему отъ 6-ти до 10-ти фунтовъ стерлинговъ за листъ, т.-е. отъ 60-ти до 100 рублей, а между тѣмъ каждый требовалъ громаднаго умственнаго напряженія и продолжительныхъ чтеній. Получаемаго едва хватало на покрытіе издержекъ довольно скромной жизни въ одномъ изъ тѣхъ „Boarding-Houses“ или пансіоновъ, которые Спенсеръ покидалъ лишь для того, чтобы погостить у своихъ пріятелей въ горной Шотландіи или гдѣ-нибудь на морскомъ берегу. Нерѣдко Спенсеръ предпринималъ также поѣздки, всего чаще въ Парижъ. Жилъ онъ и за-границей съ большой бережливостью. Чтобы сдѣлать возможнымъ появленіе цѣлаго ряда сочиненій, совокупность которыхъ пріобрѣла извѣстность подъ названіемъ „Синтетической философіи“, Спенсеръ вознамѣрился одно время обезпечить себѣ постоянный доходъ поступленіемъ на государственную службу. Съ этой цѣлью онъ обратился письменно къ Джону Стюарту Миллю, состоявшему въ то время чиновникомъ въ главномъ управленіи Индіей. Но всѣ хлопоты друзей не увѣнчались успѣхомъ. Тогда онъ остановился на мысли о частной подпискѣ для покрытія издержекъ по изданію. Эта подписка съ трудомъ доставила бы нужныя ему суммы, если бы въ Америкѣ проф. Юмансъ, блестящій популяризаторъ научныхъ знаній и редакторъ издаваемаго съ этою цѣлью журнала, не принялся энергично хлопотать о привлеченіи возможно бо̀льшаго числа подписчиковъ. Его усиліямъ Спенсеръ обязанъ тѣмъ, что въ состояніи былъ не только покрыть всѣ расходы по выходу въ свѣтъ отдѣльныхъ томовъ „Синтетической философіи“, но и затратить еще два-три десятка тысячъ рублей на напечатаніе не оплатившихъ себя томовъ „Описательной соціологіи“. Вся работа по составленію ея выпала на трудолюбиваго и самоотверженнаго сотрудника—Дункана, автора новѣйшей біографіи англійскаго мыслителя.

Во время тяжкой и мучительной болѣзни, приведшей Юманса въ могилу, Спенсеръ писалъ ему, 26-го іюля 1888 г.: „Подобно вамъ я смотрю спокойно на необходимость разстаться съ жизнью. Я цѣню ее настолько, насколько она связана съ моимъ научнымъ трудомъ. И если бы этотъ трудъ былъ законченъ, я бы мало озабоченъ былъ исходомъ болѣзни. Но будь, что будетъ, мы во всякомъ случаѣ оба можемъ найти нѣкоторое удовлетвореніе въ

сознаніи, что исполнили нашу работу добросовѣстно, движимые все время высшими побужденіями. А когда настанетъ конецъ этой работѣ, дружба, насъ связывавшая, останется для пережившаго однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ воспоминаній его жизни" [1]).

Въ своей автобіографіи Спенсеръ даетъ Юмансу слѣдующую характеристику: „И въ умственномъ, и въ нравственномъ отношеніи, онъ обладалъ въ высочайшей степени тѣми качествами, которыя обезпечиваютъ успѣхъ при популяризаціи дорогихъ человѣку взглядовъ. Съ самаго нашего знакомства и по настоящій день [2]) онъ посвятилъ себя всецѣло распространенію въ Соединенныхъ Штатахъ доктрины эволюціи. Годами ранѣе онъ заявилъ уже о своей привязанности къ широкимъ обобщеніямъ въ лекціяхъ, посвященныхъ такимъ, напр., вопросамъ, какъ соотношеніе физическихъ силъ. Лица, присутствовавшія на этихъ чтеніяхъ, говорили мнѣ, что, благодаря необыкновенному дару изложенія, Юмансъ умѣлъ сообщить слушателямъ тотъ энтузіазмъ, какой вызывали въ немъ самомъ великія научныя истины. Я не разъ имѣлъ случай убѣдиться, что ему всего легче было овладѣть широкими обобщеніями; пренебрегая деталями, онъ усвоиваетъ себѣ существеннѣйшее, ясно продумываетъ его и излагаетъ оригинально, снабжая все сказанное иллюстраціями. Не только въ умственномъ отношеніи, но еще въ большей степени въ нравственномъ, Юмансъ показалъ себя преданнымъ миссіонеромъ. Необыкновенно энергичный, онъ затратилъ всѣ свои силы на защиту того, что онъ считалъ истиной. Онъ пожертвовалъ этому не только всѣми своими силами, но и всѣми своими средствами. Нельзя было удержать его отъ чрезмѣрной дѣятельности, вредно отразившейся на его здоровьѣ, какъ нельзя было убѣдить его въ необходимости считаться съ личными выгодами. И вотъ почему въ концѣ жизни онъ тридцатилѣтней дѣятельностью только ослабилъ свое тѣло и сократилъ свое достояніе, служа все время высокимъ задачамъ. Среди профессіональныхъ служителей человѣчества, открыто провозглашающихъ, что благополучіе всѣхъ—ихъ высшая забота, мнѣ еще не пришлось найти ни одного, который бы принесъ столько жертвъ благу людей" [3]).

---

[1]) Duncan, стр. 275.

[2]) „Автобіографія" написана частями, въ разное время и доводитъ описаніе жизни Спенсера до 1893 г. включительно. Приведенный отрывокъ написанъ былъ при жизни Юманса и сообщенъ ему во время его болѣзни. Въ перепискѣ Спенсера, напечатанной Дунканомъ, имѣется нѣсколько строкъ, выражающихъ благодарность Юманса Спенсеру (письмо отъ 5-го іюля 1886 года). Duncan, стр. 274.

[3]) II-й томъ „Автобіографіи", стр. 53—54.

Вмѣшательство Юманса довело число подписчиковъ на „Синтетическую философію“ до 600 и обезпечило тѣмъ самымъ возможность ея выхода въ свѣтъ.

Методъ, задача и значеніе этой философіи въ общей исторіи человѣческой мысли слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы была надобность напоминать о нихъ въ нашей статьѣ. Достаточно сказать, что идея эволюціи проведена Спенсеромъ одинаково при объясненіи генезиса и развитія явленій какъ органической, такъ и неорганической природы, что та же идея положена имъ въ основу при объясненіи порядка зарожденія умственныхъ процессовъ, въ частности—ассоціаціи идей, и что весь тотъ міръ суперорганическихъ явленій, который совпадаетъ въ его глазахъ съ понятіемъ различныхъ видовъ общественности, также укладывается въ его схемѣ въ рядъ трансформацій. Онѣ происходятъ въ равной степени въ сферѣ вѣрованій и учрежденій, учрежденій столько же домашнихъ, сколько политическихъ, церковныхъ и индустріальныхъ, не говоря уже о тѣхъ, источникъ которыхъ составляютъ обрядъ и обычай.

Идея эволюціи—та, обоснованію и защитѣ которой Спенсеръ посвятилъ всю свою жизнь. Онъ проводилъ ее ранѣе Дарвина, отстаивалъ принципъ наслѣдственности физическихъ и нравственныхъ пріобрѣтеній, вызванныхъ процессомъ приспособленія, и послѣ кончины автора „Происхожденія видовъ“. Онъ руководствовался въ то же время и при рѣшеніи практическихъ вопросовъ идеей эволюціи, идеей постепеннаго, но безповоротнаго перехода отъ старыхъ порядковъ къ новымъ.

Очень характерны въ этомъ отношеніи совѣты, преподанные имъ японской гражданственности въ періодъ охватившаго ее возрожденія,—совѣты, которые своей умѣренностью отчасти напоминаютъ тѣ, въ какихъ Руссо не отказалъ ни полякамъ, ни корсиканцамъ, искавшимъ укрѣпленія своей свободы реформою государственныхъ учрежденій.

V.

Къ числу любопытныхъ данныхъ, какими новый біографъ Спенсера обогатилъ матеріалъ для сужденія о послѣднихъ годахъ его жизни, несомнѣнно принадлежатъ письма Спенсера къ японскому государственному дѣятелю, барону Кентаро Канеко. Отношенія между ними завязались въ теченіе пяти лѣтъ, проведенныхъ Канеко, въ сообществѣ съ графомъ Ито, надъ

выработкой новой конституціи для Японіи. Въ 1890 году Спенсеръ, какъ одинъ изъ старшинъ клуба „Атенеумъ", предложилъ включеніе Канеко въ число временныхъ почетныхъ гостей этого клуба. Эта честь достается немногимъ. Не болѣе девяти иностранцевъ могутъ быть допущены къ посѣщенію клуба одновременно и на срокъ не болѣе одного мѣсяца. Послѣ своего возвращенія въ Японію Канеко прислалъ Спенсеру письмо, въ которомъ задавалъ англійскому философу вопросъ, въ какой мѣрѣ азіатскія націи могутъ вступить въ циклъ конституціонныхъ народовъ Европы. Съ этого времени между обоими возникъ письменный обмѣнъ, не лишенный интереса для характеристики Спенсера, какъ въ высшей степени осторожнаго политическаго новатора. 21 августа 1892 г. Спенсеръ изъ Пьюзи отправляетъ къ Канеко коротенькую записку, гласящую: „Вы, вѣроятно, помните, что когда вашъ министръ Мори предложилъ мнѣ на разсмотрѣніе проектъ японской конституціи, я счелъ нужнымъ преподать ему весьма консервативные совѣты, указывая на невозможность для японцевъ, привыкшихъ къ деспотическому образу правленія, сразу перейти къ конституціоннымъ порядкамъ. Я опасаюсь, что къ моимъ совѣтамъ отнеслись не съ достаточнымъ вниманіемъ. Насколько можно узнать изъ положенія японскихъ дѣлъ, вы уже въ настоящее время испытываете бѣдствія, связанныя съ слишкомъ широкимъ проведеніемъ начала свободы". Два дня спустя, Спенсеръ снова берется за перо, чтобы болѣе опредѣленно высказаться по вопросу о желательномъ направленіи японской политики. „Мой совѣтъ послу, господину Мори— пишетъ онъ—состоялъ въ томъ, чтобы привить новые порядки по возможности къ уже существующимъ, такъ, чтобы не было рѣзкаго перехода отъ старыхъ формъ къ новымъ, а одно лишь видоизмѣненіе прежнихъ, съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе широкое. Въ то время я не пустился въ бо̀льшія подробности о томъ, какъ это должно быть сдѣлано, но теперь мнѣ кажется, что есть къ тому очень легкій путь. Въ Японіи сохранилась, сколько мнѣ извѣстно, старинная система семейной организаціи. При ней въ каждой болѣе или менѣе многочисленной группѣ старшій мужчина сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ всю власть. Ей подчиняются одинаково всѣ нисходящіе въ первой и второй степени. Такой патріархальной семьей надо воспользоваться и при проведеніи политической реформы. Однимъ главамъ семей слѣдовало бы предоставить выборъ народныхъ представителей. Это имѣло бы уже ту выгоду, что сократило бы число избирателей. Крайнія мнѣнія, какихъ бы придерживались члены семейныхъ

группъ, нашли бы болѣе умѣренное выраженіе при передачѣ ихъ главою семьи, или патріархомъ, который въ то же время оставался бы подъ вліяніемъ взглядовъ своихъ нисходящихъ. Но главное то, что эти патріархи-избиратели имѣли бы, несомнѣнно, болѣе консервативныя тенденціи, чѣмъ молодые люди, и поэтому не склонны были бы къ рѣзкимъ перемѣнамъ. Проводя этотъ принципъ, я отправляюсь отъ той точки зрѣнія, что свободныя учрежденія, къ которымъ японцы не привыкли, не могутъ сразу найти у нихъ удачное примѣненіе. Японцы только постепенно могутъ приспособиться къ нимъ. Въ теченіе трехъ-четырехъ лѣтъ представители, избираемые старѣйшинами семей, не должны были бы имѣть другихъ полномочій, кромѣ заявленія о нестроеніяхъ, о томъ, что̀ они считаютъ вреднымъ и нуждающимся въ исправленіи. Имъ не слѣдовало бы предоставлять власти самимъ принимать мѣры къ устраненію этихъ нестроеній, а только заявлять о томъ, что̀ они считаютъ вреднымъ. Такія права отвѣчали бы тѣмъ, какими пользовались наши представители въ начальный періодъ парламентской жизни. На разстояніи трехъ-четырехъ поколѣній тѣмъ же представителямъ можно было бы предоставить право рекомендовать принятіе извѣстныхъ мѣръ къ устраненію злоупотребленій. Но они еще не могли бы законодательствовать сами по образцу того, что дѣлается палатами европейскихъ странъ. Вся ихъ власть ограничивалась бы обсужденіемъ того, какъ устранить извѣстныя злоупотребленія. Свои мнѣнія они препровождали бы палатѣ пэровъ и императору. Прошелъ бы снова рядъ поколѣній—и можно было бы дать народнымъ представителямъ полноту законодательной власти, на ряду съ двумя другими органами—императоромъ и палатой пэровъ. Такого рода организація имѣла бы то преимущество, что лица, призываемыя къ отправленію политической власти, получили бы необходимую для того продолжительную выправку. Прибавьте къ этому, что у васъ не возникали бы тѣ препирательства, отъ которыхъ вы теперь страдаете". Уже послѣ кончины Спенсера, 18 января 1904 г., „Times", характеризуя эти совѣты и нѣкоторые другіе, съ которыми мы сейчасъ познакомимъ читателя, счелъ возможнымъ признать ихъ близорукими, проникнутыми антипатіей къ дѣйствительному прогрессу и умѣстными въ устахъ самодовольнаго мандарина, воспитаннаго въ ненависти къ европейцамъ „варварамъ".

Увѣренность въ томъ, что быстрое сближеніе японцевъ съ иностранцами, какъ и рабское заимствованіе ими порядковъ европейскихъ и американскихъ, можетъ отразиться только гибельно на ихъ дальнѣйшей судьбѣ, заставила англійскаго мысли-

теля такъ же категорично высказаться противъ всякаго тѣснаго общенія жителей имперіи „Восходящаго Солнца“ съ западными народами. „По отношенію къ болѣе могущественнымъ расамъ,— пишетъ онъ 26 августа 1892 г. тому же Кентару Канеко, — вы должны были бы испытывать постоянное недовѣріе и держать ихъ по возможности на далекомъ разстояніи отъ себя. Общеніе съ ними должно ограничиться простымъ обмѣномъ матеріальныхъ благъ и идей, ввозомъ и вывозомъ какъ физическихъ, такъ и умственныхъ продуктовъ“. Спенсеръ считаетъ роковой ошибкой рѣшеніе открыть Японію для иноземцевъ и иноземныхъ капиталовъ. Стоитъ только подумать о судьбѣ Индіи. Едва одна изъ могущественнѣйшихъ націй найдетъ поддержку въ Японіи, и неизбѣжно возникнутъ съ ея стороны аггрессивныя дѣйствія, которыя поведутъ къ столкновеніямъ. Столкновенія же эти представлены будутъ какъ вызванные по винѣ японцевъ, которые, поэтому, и должны будутъ потерпѣть за нихъ заслуженное наказаніе. Военныя силы посланы будутъ, смотря по обстоятельствамъ, изъ Америки или Европы, для усмиренія японцевъ, и захвачена будетъ часть ихъ территоріи для поселенія иностранцевъ.

Послѣ недавно пережитыхъ событій страннымъ кажется читать приведенный отрывокъ. Но стоитъ только вспомнить судьбу другихъ восточныхъ народовъ, внезапно сближенныхъ ходомъ событій съ европейской культурой и потерявшихъ, благодаря этому, свободное распоряженіе собственными судьбами, чтобы понять серьезность опасеній, высказанныхъ Спенсеромъ. Автору „Описательной соціологіи“ должна была ясно рисоваться будущность народа, гостепріимно допустившаго занятіе европейцами или американцами своихъ портовъ, пріобрѣтеніе ими земель въ собственность или въ аренду, разработку чужеземцами собственныхъ рудниковъ и т. д. Вотъ почему Спенсеръ не отступаетъ передъ рекомендаціей японскому правительству закрытія страны для иноземцевъ. Японцы, по его мнѣнію, должны запретить пріобрѣтеніе иностранцами имѣній, снятіе ими фермъ, занятіе горнымъ дѣломъ и даже торговлей въ предѣлахъ самой Японіи. Онъ рекомендуетъ своему корреспонденту придерживаться по отношенію къ европейцамъ и американцамъ той же политики, какая сказалась въ запрещеніи китайской иммиграціи въ Соединенные Штаты. Онъ высказывается даже въ пользу запрещенія браковъ японцевъ съ иноземцами, увѣренный въ томъ, что смѣшанная порода уступаетъ чистой. Къ своимъ совѣтамъ онъ относится какъ къ чему-то способному вызвать противъ него враждебность собственныхъ соотечественниковъ, и потому хода-

тайствуетъ о томъ, чтобы его письмо появилось въ печати не ранѣе, какъ послѣ его кончины.

Само собою напрашивается сравненіе между отношеніемъ Спенсера къ японскому возрожденію и положеніемъ, занятымъ Жанъ-Жакомъ Руссо въ вопросѣ о надѣленіи Польши и острова Корсики конституціей.

Болѣе ста тридцати лѣтъ назадъ Руссо такъ же убѣдительно доказывалъ полякамъ и корсиканцамъ необходимость сохраненія возможно бо̀льшаго числа ихъ исторически нажитыхъ особенностей и такъ же рѣшительно предупреждалъ ихъ насчетъ опасности поспѣшной ломки ихъ старыхъ порядковъ, какъ дѣлалъ это въ 90-хъ годахъ истекшаго столѣтія Спенсеръ. Но авторъ „Общественнаго договора“ далекъ былъ отъ мысли рекомендовать полякамъ и корсиканцамъ отчужденіе отъ Европы. Онъ только старался приспособить къ ихъ мѣстнымъ условіямъ свою доктрину народнаго самодержавія, совѣтуя съ этой цѣлью сохранить въ Корсикѣ, по возможности, вѣчевые порядки, а въ Польшѣ— относительную автономію ея провинцій или воеводствъ, что̀ въ концѣ концовъ позволило бы полякамъ найти въ федералистическомъ устройствѣ примиреніе выгодъ мелкаго государства съ тѣми преимуществами по отношенію къ защитѣ отъ внѣшнихъ враговъ, какія даетъ обширность территоріи. Ни однимъ словомъ Руссо не обмолвился насчетъ пользы избѣгать гражданскаго общенія съ сосѣдними народами и необходимости законодательными мѣрами обезпечить собственную изолированность, какъ условіе сохраненія политической самостоятельности; а въ этомъ и состоятъ, какъ мы видѣли, совѣты Спенсера японцамъ. Продолжительное занятіе генетической соціологіей, исторіей постепеннаго и медленнаго роста нравовъ и учрежденій, заставило Спенсера подозрительно относиться ко всякимъ быстрымъ перемѣнамъ во внутреннемъ укладѣ общества. Въ этомъ отношеніи его точка зрѣнія рѣзко расходится съ той, которая, подъ вліяніемъ классическаго образованія, привита была французскимъ мыслителямъ XVIII вѣка и проникнутымъ ихъ міровоззрѣніемъ дѣятелямъ великой революціи. Монтескьё представлялъ себѣ задачу законодателя, насаждающаго въ странѣ государственные порядки, болѣе или менѣе близко къ тому, какъ рисовали себѣ ее древніе. Подобно Ликургу и Солону, законодатель—думалъ онъ—вводитъ у народа нравы, обычаи и привычки, отвѣчающіе характеру устанавливаемыхъ имъ учрежденій. Всякое отступленіе отъ принциповъ, положенныхъ въ основу государственнаго порядка, приближаетъ народъ къ гибели и государство къ разложенію. Идея

преемственннаго развитія и усовершенствованія конституціи чужда Монтескьё, быть можетъ потому, что самъ онъ былъ свидѣтелемъ паденія той смѣшанной „готической“ монархіи, которая въ большей степени, чѣмъ англійская, казалась ему образцовой. На совершенно иной точкѣ зрѣнія стоитъ Спенсеръ. Сравнительно-историческое изученіе роста учрежденій породило въ немъ увѣренность въ необходимости медленнаго ихъ усовершенствованія, въ связи съ большей или меньшей подготовленностью народа къ переходу къ высшимъ формамъ жизни. Спенсеру было ясно, что можно быть одновременно сторонникомъ республиканскихъ порядковъ для передовыхъ гражданственностей Европы и конституціонно-монархическихъ для государствъ, общественное и политическое развитіе которыхъ представляется болѣе или менѣе отсталымъ. Еслибы ему пришлось надѣлять новыми порядками дагомейцевъ послѣ насильственнаго прекращенія власти ихъ короля Беганзина, онъ навѣрно не остановился бы на мысли объ учрежденіи въ ихъ средѣ представительныхъ камеръ. Одинъ изъ современниковъ Спенсера, сторонникъ, подобно ему, сравнительно-историческаго изученія государственныхъ порядковъ и учрежденій—Льюисъ,—въ извѣстномъ въ свое время спорѣ о наилучшей формѣ правленія, заставляетъ выведенныхъ имъ символическихъ представителей монархіи, аристократіи и демократіи придти къ тому заключенію, что въ мірѣ нѣтъ безотносительно совершеннаго государственнаго устройства, а наилучшимъ надо признать всего болѣе отвѣчающее культурному уровню, на которомъ находится данная нація.

VI.

Но, являясь, такъ сказать, постепеновцемъ, Гербертъ Спенсеръ обнаруживалъ въ то же время рѣзкое доктринерство, когда рѣчь шла о границахъ государственнаго вмѣшательства. Въ концѣ своей литературной дѣятельности, какъ и въ самомъ ея началѣ, онъ одинаково выступаетъ сторонникомъ возможно сильнаго ограниченія функцій власти. А между тѣмъ сочиненіе, обратившее на него всеобщее вниманіе еще ранѣе выхода въ свѣтъ „Первыхъ принциповъ“—„Соціальная статика“—заключало въ себѣ нѣкоторыя положенія, дававшія поводъ думать, что въ глазахъ Спенсера государство должно обезпечить каждому не только равенство условій въ борьбѣ за существованіе путемъ даровогo обученія (то, что̀ англичане еще въ наши дни разу-

мѣютъ подъ терминомъ: „equal start“ — равенство въ точкѣ отправленія), — но и возможность существованія, доставленіемъ работы нуждающимся. Мало этого: Спенсеромъ высказаны были нѣкоторыя мысли, подавшія поводъ считать его сторонникомъ если не національизаціи земель, то обязательнаго государственнаго выкупа ихъ у собственниковъ. Отъ всего этого Спенсеръ отдѣлался въ позднѣйшемъ изданіи своей книги, а равно и въ трактатѣ „О справедливости“. Его извѣстный памфлетъ, озаглавленный: „Человѣкъ противъ государства“, заключаетъ въ себѣ самую рѣзкую критику теоріи государственнаго вмѣшательства въ экономическую жизнь. Законодательство Эдуарда III и, въ частности, нормы, изданныя его парламентомъ съ цѣлью регулированія заработной платы и удержанія ея на прежней высотѣ—нормы, вызванныя опустошеніями, произведенными моровой язвой 1348 г.,—приводятся Спенсеромъ какъ убѣдительное доказательство тому, что послѣдствія государственнаго вмѣшательства обыкновенно гибельны для большинства населенія. „Грядущее рабство“ — таково понятіе, какое онъ связываетъ съ быстрымъ проникновеніемъ идеи государственнаго соціализма въ законодательство передовыхъ народовъ Европы.

Теоретическимъ пристрастіямъ отвѣчала и практическая дѣятельность Спенсера. Мы находимъ его примыкающимъ къ протесту противъ чрезмѣрнаго обложенія, вызваннаго государственнымъ соціализмомъ лондонскаго совѣта графства („County-council“). Обнародованная Дунканомъ переписка проливаетъ значительный свѣтъ на эту сторону столько же теоретической, сколько и практической дѣятельности Спенсера. 10 іюня 1890 года онъ пишетъ: „Какъ школьное управленіе (school-board), такъ и совѣтъ графствъ дѣйствуютъ въ томъ направленіи, какое Генри Джорджъ признавалъ лучшимъ средствомъ не для того, чтобы согнать земельныхъ собственниковъ силою съ занимаемыхъ ими участковъ, а для того, чтобы принудить къ добровольному ихъ оставленію, благодаря чрезмѣрной высотѣ налоговъ. Стоитъ только настоящей соціалистической политикѣ найти дальнѣйшее примѣненіе, на что, повидимому, можно разсчитывать, и доходъ съ земель будетъ поглощенъ податнымъ обложеніемъ“. Гербертъ Спенсеръ соглашается на включеніе его въ лигу для защиты свободы и собственности, во главѣ которой стоялъ его корреспондентъ. Онъ также сочувствуетъ основанію газеты „Свободная жизнь“, которую одновременно затѣвалъ Оберонъ Гербертъ, хотя и не питаетъ надежды на возможность остановить потокъ соціалистическаго законодательства и соціалистической административной

практики. 16 іюня 1890 г. онъ пишетъ: „Я отчаяваюсь въ возможности сдѣлать что-либо на пользу индивидуализма. Общественное движеніе идетъ въ обратномъ направленіи, и это теченіе, по всей вѣроятности, будетъ только возрастать въ размѣрахъ и быстротѣ хода по той простой причинѣ, что политическая власть теперь въ рукахъ тѣхъ, чей видимый интересъ лежитъ въ предоставленіи правительству дѣлать какъ можно больше и чьи желанія, разумѣется, найдутъ поддержку во всѣхъ, кто ищетъ государственной службы". Въ другомъ письмѣ, отъ 22 октября, Спенсеръ заявляетъ: съ года на годъ и со дня на день ходъ событій убѣждаетъ въ томъ, что люди по природѣ своей способны ужиться только съ извѣстной суммой свободы, а разъ имъ предоставлена будетъ бо́льшая, они сами позаботятся о томъ, чтобы разстаться съ нею и организовать новую форму тираніи. Этого именно мы и являемся свидѣтелями въ настоящее время. Съ помощью ряда избирательныхъ реформъ люди обезпечили себѣ обладаніе большей свободой, чѣмъ та, какая можетъ быть использована ими. Послѣдствіе этого то, что они организуютъ для себя всякаго рода деспотіи въ формѣ трэдъ-юніонизма, соціализма, соціалистическаго законодательства; все это вмѣстѣ взятое приведетъ ихъ необходимо къ большей зависимости, чѣмъ прежде". Едва ли въ средѣ философовъ второй половины XIX столѣтія можно найти человѣка, болѣе рѣшительно высказывавшагося въ пользу идеаловъ англійской свободы, въ значительной степени проведенныхъ и въ „декларацій правъ человѣка и гражданина", чѣмъ Спенсеръ. Но эта преданность началамъ индивидуализма заставляла его энергически возставать противъ расширенія сферы вмѣшательства въ личную дѣятельность—все равно, со стороны ли государства, города, графства или добровольнаго профессіональнаго союза.

Въ то же время Спенсеръ являлся рѣшительнымъ проповѣдникомъ альтруизма. Въ его жизнеописаніи, составленномъ Дунканомъ, одна глава прямо обозначена словами: „Альтруизмъ, какъ факторъ соціальнаго развитія". Раздѣляя опасенія насчетъ наступленія общественнаго катаклизма, вызваннаго развитіемъ соціалистическихъ идей [1]), Спенсеръ въ то же время посвятилъ проповѣди альтруизма цѣлое сочиненіе: „О справедливости". И когда Фредерикъ Гаррисонъ, извѣстный пропагандистъ контизма и его „религіи человѣчества", сошелся съ нимъ въ нѣко-

---

[1]) Прямое указаніе на этотъ счетъ можно найти въ письмѣ Спенсера къ Джону Тиндалю отъ 30 янв. 1893 г.

торыхъ основныхъ положеніяхъ, Спенсеръ счелъ нужнымъ направить къ нему письмо слѣдующаго содержанія: „Существенное различіе между нами сводится къ словамъ. Вы, повидимому, не признаете, что этика и религія, сначала сливавшіяся воедино, постепенно дифференцировались и являются совершенно обособленными въ наше время". Считая возможнымъ полное отдѣленіе нравственности отъ религіи, Спенсеръ въ послѣднихъ главахъ своего трактата „О справедливости", посвященныхъ „положительной благотворительности", проповѣдывалъ начала альтруизма, какъ единственнаго средства примирить дальнѣйшее существованіе современной общественно-политической организаціи, построенной на началахъ индивидуализма, съ поступательнымъ развитіемъ матеріальнаго и духовнаго благосостоянія народныхъ массъ.

Наряду съ общественными вопросами вниманіе Спенсера, послѣ завершенія имъ „Синтетической философіи", постоянно занимало отстаиваніе идеи эволюціи. Отсюда его продолжительная полемика и съ Гёксли, и съ Вейсманомъ. Гёксли, писавшій въ это время научно-критическія статьи въ „Fortnightly Review", отрицалъ возможность построенія теоріи общественнаго прогресса на началѣ борьбы за существованіе. Ту же мысль онъ провелъ и въ одной изъ публичныхъ лекцій, прочитанныхъ имъ въ теченіе 1893 г., подъ заглавіемъ: „Эволюція и этика". Въ письмѣ къ Скильтону въ Нью-Іоркъ, отъ 29 іюня 1893 года, Спенсеръ говоритъ: „Въ примѣненіи къ органическому міру Гёксли дѣлаетъ смѣшное допущеніе, что эволюція ограничивается борьбой за существованіе между индивидами въ ея самыхъ жестокихъ проявленіяхъ, и что та же борьба не имѣетъ никакого вліянія какъ на развитіе соціальной организаціи, такъ и на модификацію подъ ея вліяніемъ человѣческаго разума въ періодъ развитія этой организаціи. Положеніе, занимаемое имъ въ этомъ вопросѣ, таково, что въ нашу задачу будто бы входитъ бороться и совершенствовать космическіе процессы, а это уже предполагаетъ, что въ насъ самихъ есть нѣчто, не являющееся продуктомъ этихъ процессовъ. Но развѣ такое отношеніе къ дѣлу не равнозначительно повороту къ теологической точкѣ зрѣнія, согласно которой человѣкъ является антитезою по отношенію къ природѣ"?

Причина разномыслія Спенсера съ Вейсманомъ была нѣсколько иного рода. Вейсманъ не выходилъ изъ области біологіи и отрицалъ возможность передачи по наслѣдству пріобрѣтенныхъ качествъ. Въ письмѣ къ сэру Эдуарду Фрею отъ 7 іюня 1893 г. авторъ „Синтетической философіи" относился отрицательно къ исходной

гипотезѣ Вейсмана о томъ, что наслѣдуется не плазма вообще, а „germ-plasm“ (сѣменная плазма). Между Вейсманомъ и Спенсеромъ завязалась полемика на страницахъ „Contemporary Review“ о томъ, въ какой мѣрѣ пріобрѣтенныя особенности переходятъ къ потомству. Самъ Спенсеръ въ письмѣ къ Фрею соглашается, что употребленный имъ терминъ менѣе удаченъ, чѣмъ тотъ, къ которому онъ обращался прежде въ „Принципахъ психологіи“, гдѣ рѣчь шла о передачѣ видоизмѣненій, функціонально развившихся. Въ послѣднемъ письмѣ къ Вейсману Спенсеръ, по его примѣру, признаетъ безполезность дальнѣйшаго обмѣна мыслей по этому предмету въ виду того, что его антагонистъ постоянно приводитъ новыя гипотезы, надѣясь ими восполнить недостатки старыхъ. Тѣмъ не менѣе Спенсеръ снова возвращается къ предмету спора съ Вейсманомъ въ статьѣ, вошедшей въ составъ его послѣдней книги: „Факты и комментаріи“ и озаглавленной: „Нѣкоторыя данныя объ унаслѣдованіи практикой пріобрѣтенныхъ свойствъ“ (use inheritance).

VII.

Личная жизнь Спенсера не богата событіями. Странствія по Швейцаріи, Италіи, Франціи, посѣщеніе озеръ Шотландіи, жизнь на морскомъ берегу, нѣсколько мѣсяцевъ продолжавшееся путешествіе по Америкѣ, прерывали по временамъ монотонность его существованія въ частныхъ пансіонахъ. Единственный разъ, когда мнѣ пришлось встрѣтиться съ Спенсеромъ и благодарить его за включеніе меня въ число посѣтителей литературнаго клуба „Athaeneum“, котораго онъ былъ въ то время однимъ изъ старшинъ, Фредерикъ Гаррисонъ, присутствовавшій при разговорѣ, спросилъ Спенсера, что̀ заставляетъ его держаться такого образа жизни. Безъ малѣйшей улыбки на устахъ Спенсеръ отвѣтилъ: „желаніе практическаго ознакомленія съ выгодами и невыгодами общежитія“. Такія же заданія объясняютъ его готовность принять на себя обязанности одного изъ старшинъ клуба. Вѣдь тѣмъ самымъ открывалась для него возможность познакомиться съ практикой правительственной власти. Никакого политическаго честолюбія Спенсеръ не питалъ, и когда лондонскіе избиратели предложили выставить его кандидатуру на выборахъ, онъ отнесся весьма отрицательно къ мысли сдѣлаться членомъ парламента. Въ Англіи,— объяснялъ онъ въ своемъ письменномъ отказѣ,—руководительство все болѣе и болѣе переходитъ къ общественному мнѣнію, на ко-

торое онъ, Спенсеръ, имѣетъ возможность влiять своими сочиненiями; парламенту же только приходится приводить въ исполненiе то, что предписываетъ ему общественное мнѣнiе.

Спенсеру было также чуждо всякое искательство внѣшнихъ почестей. Очень осторожно и не желая задѣть ничьего самолюбiя, онъ въ послѣднее десятилѣтiе своей жизни поставленъ былъ въ необходимость отвергнуть нѣсколько предложенiй со стороны ученыхъ академiй и иноземныхъ правительствъ, желавшихъ почтить его выборомъ въ свои члены или наградить его орденами. Парижская академiя нравственныхъ наукъ не прочь была сдѣлать его своимъ корреспондентомъ. То же желанiе высказала Accademia dei Lincei въ Римѣ и академiя вѣнская. Императоръ Вильгельмъ II готовъ былъ повѣсить на грудь Спенсера еще Фридрихомъ Великимъ созданный орденъ „pour le mérite". Всѣ эти почести были отклонены, какъ и болѣе скромныя предложенiя войти въ число членовъ возникавшихъ на континентѣ соцiологическихъ обществъ. Созданный по инициативѣ Ренэ Вормса „Международный институтъ соцiологiи" по этой только причинѣ не могъ включить Спенсера въ число своихъ учредителей. Въ присланномъ на имя генеральнаго секретаря письмѣ Спенсеръ заявлялъ, что рѣдкое предпрiятiе способно было бы вызвать въ немъ большее сочувствiе, но что ему невозможно принять выбора въ члены, разъ имъ отклонены предложенiя другихъ академiй.

Послѣднiе годы своей жизни Спенсеръ провелъ на берегу моря, въ Брайтонѣ.

Предвидя наступленiе конца, онъ распорядился сожженiемъ своего трупа и въ письмѣ къ Морлею выразилъ желанiе, чтобы по случаю этой церемонiи произнесено было имъ слово, клонящееся къ общей оцѣнкѣ его дѣятельности. Изъ всѣхъ современниковъ, не сошедшихъ еще въ могилу, Морлей казался ему всего сочувственнѣе относящимся къ идеямъ „синтетической философiи". Спенсеру къ концу его жизни пришлось разувѣриться въ быстромъ распространенiи началъ его системы въ англiйскомъ обществѣ. Журналъ „Mind", долгое время бывшiй пропагандистомъ идеи эволюцiи и научной философiи, перешелъ въ руки гегелiанцевъ—и Спенсеръ прервалъ связь съ журналомъ, основаннымъ его другомъ, Александромъ Беномъ. Въ письмѣ къ нему отъ 25 апрѣля 1902 г. онъ говоритъ между прочимъ: „Я часто думаю о томъ отчаянiи, которое вы должны испытывать при мысли о судьбѣ, постигшей журналъ „Mind". Органъ, созданный вами и столько лѣтъ содержимый на ваши средства, превратился теперь въ пропагандиста нѣмецкаго идеализма.

Оксфордъ и Кэмбриджъ подпали подъ власть этого старосвѣтнаго безсмыслія (old-world nonsense). Не знаю, что сказать о Шотландіи. Предполагаю, что и въ ней гегеліанство созрѣло". Мысль объ успѣхѣ нѣмецкой метафизики въ Англіи тревожила Спенсера въ послѣдніе годы его жизни. Его недовольство сказывается и въ письмахъ къ Массону, и въ письмахъ къ Сиджвику. Въ послѣднихъ Спенсеръ говоритъ, что далъ распоряженіе своимъ банкирамъ прекратить подписку на „Mind". „Я вполнѣ допускаю возможность философскаго журнала, дающаго выраженіе нѣсколькимъ параллельнымъ теченіямъ мысли. Но за послѣднее время „Mind" такъ мало удѣляетъ мѣста научной философіи, что я рѣшительно не вижу причины, по которой своимъ взносомъ я бы содѣйствовалъ успѣху англійскаго гегеліанства". Это возрожденіе идеологіи вызывало въ Спенсерѣ опасеніе насчетъ возможности найти въ ближайшее время объективную оцѣнку для своего міросозерцанія. Вотъ почему онъ не счелъ безполезнымъ обратиться къ Морлею съ просьбой слѣдующаго содержанія: „Я распорядился — пишетъ онъ 16 сентября 1903 г.—сожженіемъ моихъ останковъ и запретилъ, какъ вы можете предположить, совершеніе надъ моимъ тѣломъ или надъ моимъ пепломъ всѣхъ тѣхъ церемоній, которыя отвѣчаютъ требованіямъ ходячаго вѣроученія (current creed). Между тѣмъ я не могу помириться съ мыслью о совершенномъ молчаніи и радъ былъ бы, если бы по случаю этой церемоніи сдѣлано было краткое обращеніе другомъ. Бросая взглядъ на моихъ пріятелей, я нахожу, что вы стоите первымъ въ ряду тѣхъ, отъ кого было бы наиболѣе подходящимъ услышать эти слова, частью въ виду старой дружбы, насъ связывающей, частью благодаря сходству чувствъ, частью, наконецъ, благодаря общности мыслей, обособляющихъ насъ отъ другихъ". Нечего и говорить, что Морлей съ благодарностью принялъ это предложеніе. Но ему не суждено было осуществиться. Извѣстіе о кончинѣ Спенсера застало Морлея во время его путешествія въ Сицилію, и мѣсто его долженъ былъ занять Леонардъ Кортнэ. Останки Спенсера покоятся на кладбищѣ въ „High Gate". Одно время думали о перенесеніи ихъ въ Вестминстерское аббатство; рядъ великихъ именъ, прославленныхъ болѣе научной и философской дѣятельностью, чѣмъ участіемъ въ политикѣ, подписался подъ адресомъ къ декану Вестминстерскаго аббатства, заключавшимъ въ себѣ предложеніе на этотъ счетъ. Армитаджъ Робинсонъ, исполнявшій въ 1904 г. обязанности декана, не счелъ, однако, возможнымъ удовлетворить это ходатайство, главнымъ образомъ

на томъ основаніи, что Вестминстерское аббатство не можетъ быть подобающей усыпальницей для человѣка, исключавшаго христіанство изъ своей системы философіи. Одновременно онъ высказалъ сомнѣніе въ томъ, чтобы участіе Герберта Спенсера въ развитіи англійской мысли имѣло то значеніе, какое бы позволяло отдать ему въ церкви аббатства одно изъ немногихъ еще свободныхъ, мѣстъ для увѣковѣченія выдающихся соотечественниковъ. Вѣдь его философія, прибавлялъ онъ, вызвала уже строгую критику и его воззрѣнія въ разныхъ областяхъ знанія, какъ физическаго, такъ и метафизическаго, подвергнуты серьезнымъ сомнѣніямъ со стороны спеціалистовъ.

Возрожденіе метафизики, которое Англія переживаетъ въ наши дни наравнѣ съ континентомъ Европы, не обѣщаетъ того, чтобы въ близкомъ будущемъ можно было ждать справедливой оцѣнки „Синтетической философіи“ Спенсера, который, при всемъ своемъ антагонизмѣ къ Конту, явился прямымъ продолжателемъ позитивизма. Даже въ области соціологіи значеніе Спенсера значительно пало вслѣдствіе разгрома теоріи „общества-организмы“; рѣшительное же пристрастіе его къ индивидуализму, какъ несогласное съ господствующимъ теченіемъ, въ свою очередь сдѣлало мало популярною въ глазахъ современниковъ проповѣдь имъ одного альтруизма. Несомнѣнно, что въ наши дни Гартманъ, Ницше и многіе другіе писатели по философіи пользуются большимъ признаніемъ. Спенсеръ сравнительно забытъ. Но интересъ, съ какимъ молодое поколѣніе встрѣчаетъ философскія системы Авенаріуса, Маха и Освальда, позволяетъ надѣяться, что слава Спенсера не померкла навсегда и что въ исторіи развитія научной философіи и соціологіи, въ особенности генетической, онъ займетъ въ будущемъ видное мѣсто вслѣдъ за Контомъ — и ранѣе современныхъ руководителей позитивнаго или научнаго мышленія.

М. Ковалевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ДѢТСКОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ
М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

Мы очень мало знаемъ о дѣтствѣ и отрочествѣ нашего знаменитаго поэта, протекавшихъ въ глухой провинціи, въ помѣщичьей усадьбѣ „добраго стараго времени". Какъ рано пробудилось поэтическое чувство въ серьезномъ и глубокомъ не по лѣтамъ ребенкѣ-Лермонтовѣ, каковы были его первые опыты стихотворства—остается неизвѣстнымъ. Сохранившіяся раннія его поэтическія произведенія, вошедшія въ составъ полныхъ собраній его сочиненій, не восходятъ далѣе 1828-го года, когда поэту было уже 14 лѣтъ. По крайней мѣрѣ лучшія и наиболѣе полныя собранія сочиненій Лермонтова—Висковатова и А. Введенскаго—не содержатъ въ себѣ произведеній раньше этого года. Тѣмъ цѣннѣе неожиданная находка, которую счастливый случай позволилъ намъ сдѣлать на этихъ дняхъ въ одномъ изъ нашихъ старыхъ музыкальныхъ журналовъ конца царствованія Александра I, содержащемъ рядъ произведеній петербургскихъ аристократическихъ дилеттантовъ, въ родѣ князей Дм. и В. Салтыковыхъ, княжны Лидіи Горчаковой, гвардейскаго полковника С. Сумарокова, княгини Маріи Долгоруковой, урожденной княжны Салтыковой, и т. д., тогдашнихъ петербургскихъ и иногородныхъ присяжныхъ музыкантовъ, преимущественно нѣмцевъ, въ родѣ И. Г. Мюллера, Л. Блашке, Вейрауха, Габерцеттеля, Антонолини, Затценгофена (онъ же издатель журнала), Людвига Маурера, Эрнеста Ребентиша, Фр. Шольца и т. д., а также и современныхъ модныхъ европейскихъ композиторовъ: К. М. фонъ-Вебера (довольно много номеровъ изъ его оперъ „Фрейшюцъ"

и „Сильвана“), Буальдьё и Россини (отдѣльные номера изъ оперъ). Журналъ этотъ, по обычаю того времени, носитъ слѣдующее пространное заглавіе: „La Harpe du Nord. Journal de Musique destiné uniquement à recueillir ce qu'il y aura de plus intéressant en fait de pièces fugitives, composées par les amateurs et les artistes demeurant en Russie: pour le Chant, le Piano, la Harpe et la Guitarre; très humblement dédié à Sa Majesté l'Impératrice règnante Elisabeth Alexiewna par l'editeur Frédéric Satzenhoven. S.-Pétersbourg“. Выходилъ онъ въ теченіе 1822—1825 гг. по 12 литографированныхъ тетрадей въ годъ и принадлежитъ теперь къ числу большихъ библіографическихъ рѣдкостей, такъ что и наша Публичная библіотека обладаетъ лишь неполнымъ его экземпляромъ (отсутствуетъ 1823 годъ). Просматривая названный журналъ за 1824 г., мы встрѣтили въ немъ романсъ неизвѣстнаго композитора, имя котораго означено тремя звѣздочками: „La Tourterelle, Romance Russe de M-r Michel de Lermantoff, mise en musique par ***“ (вып. 6, стр. 5—6). Текстъ его слѣдующій (сохраняемъ орѳографію и интерпункцію подлинника):

Въ странѣ природой оживленной,—
Гдѣ новой жизнью все цвѣтетъ;
Тамъ въ рощицѣ уединенной,
Печальна горленка живетъ.
Весны дыханью не внимаетъ,
Не веселитъ ее зефиръ,
Печальна(о) стонетъ и вздыхаетъ,
Для ней постылымъ сталъ весь Міръ.

Туда я часто одинокой,
Хожу грусть сердца облегчать;
И горести ея глубокой; (sic!)
Хожу въ молчаніи внимать,—
Тоски ея причину знаю,
Но не могу ей пособить. — —
Я столькожъ какъ она страдаю;
Безъ милой можноль въ свѣтѣ жить!!!

Возможноль сердцу утѣшаться,
Коль не съ кѣмъ чувствъ ему дѣлить!
Возможноль жизнью наслаждаться,
Коль не съ кѣмъ душу въ душу слить!—

Мой стонъ плачевный и унылой,
Съ твоимъ я стономъ съединю,—
И общую намъ грусть—по милой
Съ тобою, птичка, раздѣлю.

Но гласъ твой можетъ пронесется,
Какъ легкій, вешній вѣтерокъ;
Подруги сердцу онъ косне(н)тся, (sic!)
И—прилетитъ къ тебѣ дружокъ!
А я!—Какъ горько мнѣ въ природѣ
Жить съ бѣднымъ сердцемъ сиротой,
Стонать, лить слезы на свободѣ,
Безъ милой дни влачить съ тоской.—

Цензурная помѣта на романсѣ гласитъ: печатать позволено. С.-Петербургъ, Генваря 14 дня 1824 года. Цензоръ Александръ Красовскій.

Какъ видно изъ этой помѣты, данное стихотвореніе должно относиться къ 1823 году, т.-е. когда будущему поэту было всего 9 лѣтъ! Прежде чѣмъ текстъ даннаго романса нашелъ композитора (едва ли таковые имѣлись въ пензенскомъ деревенскомъ захолустьѣ!), достигъ Петербурга и попалъ въ цензуру, должно было пройти навѣрно болѣе чѣмъ двѣ недѣли, отдѣляющія 1823 годъ отъ даты цензурнаго разрѣшенія. Конечно, мы не имѣемъ прямыхъ доказательствъ, что M-r Michel de Lermantoff былъ именно Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ, хотя бы еще и девятилѣтній мальчикъ. Но точно такъ же мы не имѣемъ и никакихъ указаній на существованіе тезки поэта, другого Михаила Лермонтова, который бы тоже занимался стихотворствомъ. Наивность и очевидная, дѣтская подражательность даннаго стихотворенія, навѣяннаго „поэзіей“ Дмитріевыхъ, Капнистовъ, Нелединскихъ-Мелецкихъ и т. п. „стихотворцевъ“ конца XVIII и начала XIX в., не противорѣчатъ отожествленію M-r Michel de Lermantoff съ М. Ю. Лермонтовымъ дней его дѣтства. Не противорѣчитъ этому и содержаніе стихотворенія. Задумчивый и уходящій въ себя мальчикъ могъ дѣйствительно искренно писать, что онъ, „одинокій“, ходитъ „облегчать грусть сердца“ въ „уединенную рощицу“, гдѣ живетъ „печальна горленка“, чтобы „въ молчаніи внимать ея глубокой горести“. Изъ сердца его могли вылиться и стихи:

Возможно-ль сердцу утѣшаться,
Коль не съ кѣмъ чувствъ ему дѣлить!

Возможно-ль жизнью наслаждаться,
Коль не съ кѣмъ душу въ душу слить!

Рано лишившійся матери, разлученный съ любимымъ отцомъ, мальчикъ-поэтъ могъ и о себѣ сказать съ полнымъ правомъ:

А я!—Какъ горько мнѣ въ природѣ
Жить съ бѣднымъ сердцемъ сиротой,
Стонать, лить слезы на свободѣ,
.... дни влачить съ тоской.

Грусть по „милой", тоска безъ нея, увѣренія, что „безъ милой нельзя жить въ свѣтѣ", были здѣсь просто поэтическими аксессуарами, необходимыми ингредіентами поэтическаго стиля, заимствованными у популярныхъ стихотворцевъ, начавшихъ уже выходить изъ моды въ столицахъ, но, конечно, не утратившихъ еще ореола славы и популярности въ глухой провинціи и у людей стараго закала, къ какимъ принадлежала бабушка поэта Е. А. Арсеньева, его воспитательница. Само же чувство, вылившееся въ приведенныхъ строкахъ, могло быть вызвано подлинными, дѣйствительными переживаніями недюжинной, хотя бы и дѣтской еще души. Намъ думается, поэтому, что едва ли есть основаніе сомнѣваться въ принадлежности нашему поэту вышеприведеннаго стихотворенія, свидѣтельствующаго о раннемъ пробужденіи поэтическаго дара въ ребенкѣ Лермонтовѣ и дополняющаго, хотя бы отчасти, сохранившіяся скудныя свѣдѣнія о его дѣтствѣ и отрочествѣ. Кто былъ композиторомъ музыки (крайне слабой и безцвѣтной, даже съ тогдашней точки зрѣнія) къ стихотворенію юнаго поэта [1]), какъ оно удостоилось чести быть положеннымъ на музыку и напечатаннымъ въ журналѣ, обращавшемся въ петербургскомъ высшемъ свѣтѣ—это все вопросы, на которые едва ли когда получатся удовлетворительные отвѣты. Но пройти равнодушно мимо нашей случайной находки мы не считали себя въ правѣ.

С. Буличъ.

Спб. 16 апрѣля 1909.

[1]) Имъ могъ быть его учитель музыки, которой мальчика, какъ извѣстно, обучали.

СТАРАЯ ВИЛЛА

РАЗСКАЗЪ.

Не снопы, а цѣлыя скирды сноповъ свѣта бросаетъ солнце въ мое окно на шестомъ этажѣ. Подо мною уголъ стараго Рима, налѣво вдалекѣ Джаниколо, направо вблизи — Ватиканъ. Воскресный шумъ, ѣзда, крики, смѣхъ, пѣнье — все это доносится мягко, не бьетъ по уху, такъ какъ окно мое не сжато сосѣдними стѣнами. Здѣсь, на городской окраинѣ, еще не выросли плечомъ къ плечу и грудью къ груди дома-великаны, и воздухъ не отравленъ ихъ дыханьемъ. Здѣсь еще свободно.

И я свободенъ. Отъ всѣхъ узъ, отъ всѣхъ предразсудковъ, отъ праха и пепла кораблей, которые я сжегъ за собою. Послѣ долгаго сна, послѣ изнурительной болѣзни—вернуться къ жизни... Это—счастье или залогъ счастья! Клубокъ радости подступаетъ къ горлу, но дышется глубоко и вольно. Дню прошедшему—забвенье, дню грядущему—привѣтъ!

И какъ могло случиться, что міръ сталъ тюрьмой? Какъ могла стать тюрьмой, сырой и полной міазмовъ, наша старая вилла на Ривьерѣ, среди пальмъ и розъ, на высокомъ обрывѣ, надъ синимъ моремъ, подъ лазурнымъ небомъ? На всей Ривьерѣ не было мѣста красивѣе и привольнѣе, защищеннѣе отъ всѣхъ вѣтровъ... кромѣ сирокко. И кто могъ подумать, глядя, какъ отражаютъ солнце бѣлыя стѣны Villa Vecchia, что въ ней нѣтъ угла, не затянутаго паутиной, и нѣтъ комнаты, гдѣ не звучали бы порой проклятья и не таились бы по темнымъ угламъ темныя мысли? Какъ это странно, какъ странно! Какъ хочется теперь разобраться въ этомъ, дать себѣ отчетъ въ пережитомъ, доказать себѣ, что могло быть иначе.

Сегодня я — весь въ прошломъ, какъ старая помѣщица на картинѣ Полѣнова. Мнѣ въ прошломъ дороги сказки, яркія сказки моей жизни. Я готовъ забыть все тяжелое, все мертвое, всѣ опавшіе листья,—но цвѣты цвѣтшіе не блекнутъ въ памяти. И ради нихъ, ихъ нѣжныхъ лепестковъ, ихъ душистыхъ тычинокъ и жить стоитъ, и стоитъ лелѣять живую память.

Какъ забѣгаетъ мысль впередъ... Хочется сказать: не боюсь увяданья, не боюсь смѣшного въ хорошемъ! И если циникъ разсмѣется надъ слезами и надъ жертвой — что мнѣ за дѣло? Я вѣрю въ любовь и въ подвигъ любви, и если онъ сдѣланъ для меня—я вдвойнѣ его благословляю!

Мы были связаны крѣпко и были мучениками. Наша взаимная жалость старила насъ и опошляла нашу жизнь. И она ушла, и она принесла себя въ жертву красотѣ и счастью, и она спасла себя и меня; счастливой и гордой умерла она,—счастливымъ и гордымъ живу я. Я далъ ей каплю блаженства — она отдала мнѣ весь свой источникъ свѣта и радости. И кто, плоскій и тупой, скажетъ, что мы не равны, что я перешагнулъ черезъ ея трупъ? Спросите ея тѣнь: развѣ я не оправданъ? И она скажетъ:

— О, да! Онъ правъ, онъ, мой вѣрный, мой любимый, творецъ моей сказки!..

Это подкралось незамѣтно...

Дни стояли дождливые, поблекло и выцвѣло небо. Бури не было, а былъ маленькій, сѣрый, невысокій прибой. Не текли ручьи по дорожкамъ сада, какъ бываетъ въ ливни, и въ оврагѣ не билъ водопадъ. Было грязно и скучно. Словно русская осень.

И сѣро и скучно было на душѣ. Съ почты приносили влажныя отъ сырости газеты, и со страницъ ихъ на насъ смотрѣла пустота. Намъ было не о чемъ говорить.

Калмыкъ, нашъ товарищъ по изгнанью, бродилъ изъ комнаты въ комнату, неумытый и нечесанный, и у всѣхъ просилъ совѣта, изъ какого дерева ему сдѣлать гробъ. А то выходилъ въ садъ и щупалъ веревку, на которой обычно сушились наши купальные костюмы, и неизмѣнно прибавлялъ:

— Теперь дождь, она не нужна; я бы употребилъ ее для другой цѣли. Нельзя ли проголосовать этотъ вопросъ?

Это было тягуче-скучно... Листья пальмъ намокли, отяжелѣли и повисли.

Въ одинъ изъ такихъ дней Тося сказала мнѣ, что уѣдетъ. Сказала такъ просто, и такъ трагична была эта минута. Я взялъ

ея руку и прижалъ къ своему лбу. Она стояла прямо, смотря на свѣтъ окна.

Такъ было долго. Въ насъ рѣшался трудный вопросъ.

— Такъ лучше, Андрей,—сказала она.

Я ушелъ на скалы и долго смотрѣлъ внизъ съ крутого обрыва. Чувства были полны, такъ хотѣлось ласки—и на нее не было права. И, глядя внизъ, я думалъ о томъ, что можно упасть и разбиться на смерть; только одно рѣшительное движеніе—и спастись уже невозможно. И я содрогался и невольно отходилъ отъ края пропасти.

Что я могу сказать тебѣ, Тося? Сказать: да—такъ лучше. Или сказать, что я люблю тебя? Но ты это знаешь. Или сказать, что я люблю жизнь, что ко мнѣ вернутся мои надежды? Но вѣдь мою жизнь, мое счастье ты считаешь враждебными твоей жизни, твоему счастью. Да они и правда враждебны.

Вечеромъ я спросилъ ее:

— Тося! У тебя есть опредѣленная цѣль? Куда ты ѣдешь?

— Въ Россію. А цѣль—не знаю... Прежде я все-таки хотѣла бы отдохнуть... Андрей! Я такъ устала... Я вдали отдохну лучше. И тебѣ будетъ лучше...

— Тося! Думай о себѣ, а не обо мнѣ!

— Я думаю о насъ обоихъ...

Назавтра она была оживленна, почти весела. Она объявила о своемъ отъѣздѣ. Никто не удивился,—мы всѣ давно пріучили себя не удивляться и не разспрашивать. Только Калмыкъ былъ, очевидно, пораженъ. Въ этотъ день онъ уже не заговаривалъ о гробѣ и веревкѣ. Меня онъ избѣгалъ, а за ужиномъ внезапно выпалилъ мнѣ нѣсколько грубостей. Я не отвѣтилъ ему. Онъ страдалъ отъ сказанныхъ имъ словъ и, подойдя ко мнѣ вечеромъ въ темномъ корридорѣ, пробурчалъ:

— Вы не сердитесь на меня, Андрей. Чортъ его знаетъ, что со мной дѣлается. Можетъ-быть я васъ всѣхъ тутъ люблю слишкомъ, а можетъ-быть осточертѣли вы мнѣ. Только тутъ съ вами съ ума сойдешь!

— Я не сержусь, Калмыкъ.

Помолчали, держась за руку. Онъ долго не рѣшался, потомъ спросилъ:

— Съ чего барыня-то ѣдетъ?

— Хочетъ ѣхать...

— Чего тамъ дѣлать ей, въ Россіи?

— Д-да... Ей лучше знать...

— Эхъ вы, молодые люди!..

И еще, помолчавъ, онъ заключилъ:

— Ну, чортъ съ вами, а я не виноватъ... Каждый по своему съ ума сходитъ!

И ушелъ очень разстроенный.

Три тяжелыхъ дня черной полосой очерчены въ моей жизни. Они тянулись три вѣчности...

Тося пожелала, чтобы на вокзалъ ее проводили всѣ. Она была весела и нервна. Казалось, что ей легче всѣхъ, потому что у остальныхъ лица были серьезны и грустны, какъ на похоронахъ. На вокзалѣ она при всѣхъ ласкалась ко мнѣ, чего раньше никогда не дѣлала. Было трудно...

И пришелъ поѣздъ, и свершилось это... Словно сонъ, словно миражъ какой-то. Чего-то мы не успѣли сказать, чего-то не хватило въ пожатьѣ руки и этомъ странномъ длинномъ послѣднемъ поцѣлуѣ...

Должно-быть я былъ блѣденъ, какъ смерть, когда мы возвращались домой. Та легкая, необъяснимая враждебность ко мнѣ, которую я чувствовалъ за послѣдніе дни, какъ-то сразу смѣнилась общимъ участіемъ, почти лаской.

Противъ меня былъ молчаливый заговоръ. Меня ни на минуту не оставляли одного. То заходили ко мнѣ за бумагой, то кому-нибудь нужны были справки въ моей маленькой библіотекѣ, то я долженъ былъ непремѣнно идти смотрѣть закатъ, предвѣщавшій конецъ ненастной погоды. Калмыкъ взялъ на себя роль паяца и всѣми силами старался добиться моего одобренія. Женя, не смотря на сырость, вызвалась пѣть въ саду, и когда она невольно запѣла что-то грустное, всѣ зароптали:

— Ну, затянула панихидную!

Но веселая не вышла, и мы разошлись. Калмыкъ долго еще терся вокругъ меня, пока я не погналъ его спать.

И вотъ я остался одинъ...

Передо мной листки бумаги, исписанные маленькой рукой Тоси.

— Андрей, — сказала она мнѣ, когда мы наединѣ прощались дома въ день отъѣзда.—Помнишь, ты совѣтовалъ мнѣ писать? Я пробовала, но не выходитъ, Андрей. Блѣдно выходитъ, не то, что сказать хочется, и какъ-то... плаксиво... Я тебѣ оставлю одинъ набросокъ, ты потомъ прочти... только не сейчасъ, при мнѣ не читай, не нужно...

Вотъ этотъ листокъ:

„— Зачѣмъ ты роешь яму, дѣвочка?

— Это могила, это могила.

— Кого хоронишь ты?

— Мое маленькое счастье... Мои мечты... Онѣ помѣшали ему жить, онѣ встали ему на дорогѣ. Я взяла ихъ, я вырвала ихъ изъ сердца, я обернула ихъ въ листья моихъ думъ, я засыплю ихъ цвѣтами моихъ воспоминаній. Пусть онѣ лежатъ здѣсь и не мѣшаютъ ему жить.

— А ты?

— Ахъ, я вырыла бы и себѣ могилу. Я слабая и уже устала. О! Я такъ устала! Я легла бы въ нее и уснула. Но я не смѣю, это помѣшаетъ ему жить.

— Что ты будешь дѣлать, дѣвочка?

— Когда я расчищу ему широкую дорогу, когда уберу съ нея всѣ свои мысли и надежды и засыплю ихъ этой землей, когда онъ пойдетъ по свободной дорогѣ весело и увѣренно, — я побѣгу рядомъ по тропинкѣ, прячась за кустами и держа рукой сердце,—чтобы оно не билось, чтобы не стучало, не мѣшало ему жить.

— А ты жить хочешь?

— Я? Я хотѣла...

— А теперь?

— Теперь мнѣ хотѣлось бы немножко заснуть. Хотѣлось бы мнѣ и заплакать, но нельзя: мои рыданія мѣшаютъ ему.

— Забудь его.

— Я не понимаю, что это значитъ...

— Гдѣ же онъ?

— Вотъ здѣсь, въ моемъ сердцѣ. Оно полно имъ; все остальное я вынула и похоронила; оно мѣшаетъ ему жить. Но все-таки ему здѣсь тѣсно, и оттого мнѣ такъ больно и такъ щемитъ сердце.

— Сколько тебѣ лѣтъ, бѣдняжка?

— Я люблю его полгода.

— Гдѣ ты родилась?

— Я встрѣтила его здѣсь, въ чужой странѣ.

— Какъ зовутъ тебя?

— Онъ звалъ меня своей дѣвочкой".

Бѣжать за ней и кричать ей въ догонку:

— Тося! Остановись! Твоя жертва напрасна! Она непріем-

лема! Я не стою жертвы, Тося. Между нами легла моя ложь, моя ложь, моя колоссальная ложь!..

Я обманулъ ее красивыми словами о дальнихъ цѣляхъ, о яркихъ краскахъ, которыя сулитъ мнѣ свободная жизнь, вдали отъ всѣхъ... и безъ нея. Нѣтъ этихъ яркихъ тоновъ, все сѣро, все грязно, пока ложь моя не будетъ снята!

„Тося! Я долженъ нарушить слово и написать тебѣ. Я посылаю это письмо Ольгѣ, и надѣюсь, что она съумѣетъ найти тебя и передать...“

Что скажу я ей? Какъ начну? Выдержитъ ли она мою правду, ужасную для нея правду? Имѣю ли я право переложить на нее свою тяжесть?

„Тося! На душѣ у меня тяжело! Меня гнететъ одно несдѣланное признанье...“

Но зачѣмъ хочу я убить ея душу этимъ позднимъ признаніемъ? Не лучше ли скрыть, что я оскорбилъ ее въ лучшіе дни нашей жизни?

— Ты правъ, Андрей,—скажетъ она.—Ты всегда говорилъ: „Долга нѣтъ“... но я не знала, что ты говоришь по *этому* поводу. Я думала, что ты отвѣчалъ на мои сомнѣнья, — а ты отвѣчалъ лишь своимъ мыслямъ, можетъ-быть укорамъ своей совѣсти.

Или она ничего не скажетъ... не въ силахъ будетъ ничего сказать.

„Тося! Если въ тебѣ осталась хоть капля любви и уваженья ко мнѣ,—пусть испарится и эта послѣдняя капля, такъ какъ я ея не заслуживаю. Оставь мнѣ только твою жалость, жалость къ низкому обманщику и слабому человѣку...“

— Я слабѣе тебя, Андрей,—скажетъ она.—Зачѣмъ же ты хочешь облегчить свою тяжесть, передавъ ее мнѣ? Я заслужила лучшаго... Я ушла, какъ ни тяжело мнѣ было сдѣлать это. Я просила тебя не писать мнѣ, чтобы не мучиться намъ обоимъ. И вотъ ты нарушилъ слово и шлешь мнѣ въ догонку новое оскорбленіе, новое проклятье! А я такъ хотѣла отдохнуть, отдохнуть немного!

„Тося!..“

Нѣтъ, я не напишу ей. Теперь я не могу сказать ей всего. Пусть этотъ ужасъ останется со мной...

. . . .

— „Зачѣмъ ты роешь яму, дѣвочка?

— Это могила, это могила...

— Кого хоронишь ты?

— Мое маленькое счастье, мои мечты... Онѣ помѣшали ему жить...“

. . . .

Стиснуть виски до боли, стонать, стонать сдавленнымъ голосомъ, чтобы никто не пришелъ съ неумѣстнымъ утѣшеніемъ. Проклясть себя, и весь міръ, и эту старую виллу, гдѣ мы встрѣтились, и первые дни нашей любви...

Такъ было въ наши „первые дни“... .

Пышная южная природа; теплый, влажный, весенній день; красота и покой.

— А гдѣ санкція?

Тося спрашиваетъ это робко, несмѣло.

Дѣйствительно, въ чемъ санкція этого краденаго счастья? Оно краденое, оно украдено у тѣхъ, кто остался на родинѣ со старыми богами, кто безъ сомнѣній и съ прежней вѣрой подбираетъ кирпичи разрушеннаго зданья, надѣясь опять начать съ фундамента и, быть можетъ, разбиться при стройкѣ перваго этажа...

— Гдѣ санкція? Санкція въ насъ, Тося! Наше право на жизнь — наша санкція. Развѣ мы не свободны были забывать о себѣ, какъ теперь свободны жить своимъ личнымъ счастьемъ?

Мы сидимъ у обрыва надъ моремъ, бирюзовымъ у берега, лазурнымъ вдали. Сегодня море такъ спокойно, совсѣмъ не доносится плескъ прибоя.

— А долгъ? Или ты не признаешь долга?

— Долга нѣтъ.

— Нигдѣ? Ни въ чемъ?

— Нигдѣ и ни въ чемъ.

Такъ ли я думалъ тогда? Мнѣ кажется — да! Я тогда *уже* такъ думалъ.

— Ну, хорошо,—говоритъ Тося.—А почему же чувствуется, ясно чувствуется, что это счастье — краденое? Мнѣ вотъ сейчасъ хорошо...

Она беретъ мою руку и говоритъ увѣренно:

— Мнѣ очень сейчасъ хорошо, совсѣмъ необыкновенно, и въ то же время я чувствую, что что-то неладно... Совѣстно какъ-то... Вотъ и море, и скалы эти, деревья, цвѣты, воздухъ, свобода — все это словно отнято у кого-то. Совѣсть это чувствуетъ, Андрей! Ты не чувствуешь?

— Я понимаю тебя, Тося...

— Нѣтъ, а ты чувствуешь ли?

— Тося, меня счастье не страшитъ. Я не хочу копаться въ своей душѣ и искать тамъ старыхъ словъ и понятій. Я усталъ отъ нихъ, я радъ ихъ забыть. Я чувствую себя правымъ, я беру свое. Нужно оправдать жизнь, Тося!..

У нея грустное лицо.

— Нѣтъ, ты меня не понимаешь...

Мы долго смотримъ, какъ садится красное солнце за черту горизонта. Сразу темнѣетъ и холодѣетъ. Задумчиво, не отрывая глазъ отъ заката, Тося говоритъ мнѣ:

— Вотъ ты говоришь: долга нѣтъ. Долга-то нѣтъ, я это знаю! А только нельзя жить только для себя, такая жизнь счастья не даетъ! Не можетъ быть счастье полнымъ...

— Да гдѣ оно полное, Тося?

— Нѣтъ, есть...

Молчимъ опять. Каждый думаетъ про себя, каждый заглядываетъ въ будущее.

Трехъ мѣсяцевъ не прошло съ нашей встрѣчи, нашу близость мы считаемъ недѣлями, и каждый день, каждый закатъ солнца мы провожаемъ однимъ разговоромъ... и онъ все-таки остался недоговореннымъ...

Такъ было въ наши „первые дни"...

Ночь...

Такъ свѣтелъ и ясенъ день! Такъ щедро солнце! Такъ хочется бодрой и яркой радости, полной жизни, переливовъ счастья, знойной пѣсни! И чтобы не кончался день, чтобы солнце не шло къ закату, стояло бы вѣчно надъ головой, живило бы!..

Ночь...

Точно нельзя обойтись безъ этихъ длинныхъ тѣней и безъ унылаго, холоднаго блеска луны, и безъ свѣтящихся жучковъ, и безъ кваканья лягушекъ, и безъ скрипа запоздавшей арбы по дорогѣ...

И безъ слезъ!

Ночь... Неизбѣжная ночь, длинная, томительная, полная толпящихся въ головѣ несвязныхъ, невысказанныхъ мыслей. И все, что есть красиваго въ любви, опошлено ночью, двумя кроватями и потокомъ слезъ и упрековъ, безконечнымъ, неистощимымъ столкновеніемъ жалобъ и оскорбленій, безсмысленнымъ бредомъ двухъ враговъ, крѣпко связанныхъ любовью, двухъ мучителей, полныхъ ужаса и взаимной жалости...

И въ ногахъ у каждаго, не сводя съ него стекляннаго взора

и нагло улыбаясь, стоитъ огромная, несоразмѣрная, невысказанная ложь, и простерла костлявую руку, и невидимо давитъ на черепъ.

И говоритъ одному:

— Россія, долгъ, работа для дальняго, краденое счастье— не вѣрь этимъ словамъ, словамъ, словамъ!.. Ей нуженъ ты, безраздѣльно ты, ей нужно мучить тебя любовью, искушать тебя ложью о долгѣ, топтать твое право и твою гордость!...

И говоритъ другому:

— Не лги же себѣ, не обманывай себя! Вѣдь все равно— онъ *уже* не твой! Его глаза смотрятъ мимо тебя, его мечты не берутъ тебя въ спутницы. Спроси его прямо, и онъ солжетъ...

— А если онъ отвѣтитъ... Боже мой! Если онъ отвѣтитъ правду?

— Но вѣдь ты ее знаешь и такъ...

— Да, знаю,—но... можетъ быть...

И снова грубые упреки любимому, оскорбленья тому, кто дороже всѣхъ. А потомъ слезы, обильныя, неистощимыя слезы, опухшіе глаза...

Къ утру—миръ. Какъ нѣжны и искренни объятья и какъ страшно! Неужели это—не въ послѣдній разъ, и... неужели конецъ отложенъ надолго? А силъ хватитъ ли?

И оба полны снисхожденья и жалости и нѣжной любви къ усталому врагу...

— Андрей! Не будемъ больше ссориться! Давай, рѣшимъ!

— Да, не будемъ... да, рѣшимъ...

„Будемъ, будемъ, будемъ, — колотится въ мозгъ, — будемъ, пока не умремъ, или, еще хуже, пока не состаримся отъ этой муки и отъ этихъ ночныхъ слезъ!"

— Ахъ, Тося...

— Что, милый?

И слова „я не вѣрю" застреваютъ въ горлѣ.

— Ничего, милый дружокъ! Спи! Все прошло...

Все прошло... вся жизнь проходитъ...

— Мы не будемъ переписываться, Андрей, — говорила она мнѣ.—Но у тебя всегда есть средство сказать мнѣ то, что̀ ты хочешь или что̀ тебѣ нужно... что̀ ты не досказалъ. Я всегда буду самой усердной читательницей твоихъ литературныхъ опытовъ, и въ каждой новой книжкѣ журнала буду искать твое имя...

— А я? Какъ буду я узнавать о тебѣ?

— Можетъ-быть и ты обо мнѣ услышишь... Если же нѣтъ, то, значитъ, мнѣ нечего сказать тебѣ. Можетъ-быть ты и такъ обо мнѣ не забудешь. А я, Андрей, я никогда не забуду этихъ короткихъ мѣсяцевъ съ тобой, я никогда не забуду ихъ!

Она не забудетъ... О, Тося! Мнѣ много, много нужно сказать тебѣ. Слушай же прежде всего мою первую исповѣдь.

Она не забудетъ.

„Сейчасъ получила цвѣты и ваши нѣсколько словъ. Вы пишете: не забывайте меня совсѣмъ. Я никогда, никогда васъ не забуду, а сейчасъ помню даже крѣпче и ярче, чѣмъ это слѣдовало бы! Зачѣмъ я говорю вамъ объ этомъ, сама не знаю; но кругомъ все такъ тоскливо, мнѣ такъ грустно, я все время думаю о васъ и не могу удержаться, чтобы не сказать вамъ о томъ, какъ я горячо, горячо помню васъ!

„Идетъ скучный, тяжелый дождь. Передъ окномъ—сѣрое, совсѣмъ узкое озеро, а за нимъ—близко-близко—высокія горы съ тоскливыми сѣрыми тучами. Дали нѣтъ, озеро упирается въ горы...

„Ну, прощайте, простите меня! Н.“

Маленькое письмо на простой почтовой бумагѣ, писанное юношескимъ почеркомъ...

А за нимъ кроется такъ много! Вѣдь для нея это было первымъ серьезнымъ, настоящимъ „романомъ“! Вѣдь она не знала, бѣдняжка, что, найдя ее отъ скуки, онъ терялъ ее для другой страсти, большой, сжигающей!

Было поздно. Лампа, завѣшанная темной бумагой, освѣщала только стѣну. Онъ зашелъ поздно, усталый, добрый и грустный. Она видѣла, что ему нехорошо, и старалась оживить его радостной лаской. Онъ не цѣловалъ ее сегодня, только гладилъ руку и смотрѣлъ сверху на ея рѣсницы. Ему нравился ея взглядъ снизу—бѣдная дѣвочка!

Онъ не цѣловалъ ее нѣжно, потому что сейчасъ цѣловалъ другую страстно. И страсть не улеглась еще, и онъ боялся оскорбить тѣмъ же припадкомъ дѣвочку.

Пожалъ руку и ушелъ. Не далъ даже поцѣловать своихъ глазъ—добрыхъ, красивыхъ глазъ. Не позволилъ.

— Спи, Надя!

Точно отецъ — дочери... Какъ любила она его въ эту минуту, и какъ грустно ей было! Въ немъ было что-то особенное. А онъ думалъ, лежа на кушеткѣ:

„Кто я?—Что я дѣлаю?—Искрененъ ли я?“

И отвѣчалъ:

„Да, я искрененъ! Но я не люблю ни ту, ни эту. И не знаю, за что онѣ меня любятъ, по крайней мѣрѣ эта дѣвочка,—любитъ ли та—не знаю“.

Однажды онъ сказалъ:

— Что бы ни случилось... Слушай, Надя, скажи мнѣ, что тебѣ хорошо!

— Ну да же, мнѣ чудесно! Ты мнѣ далъ такое счастье, такое счастье! Вѣдь я совсѣмъ другая стала, и я не понимаю даже...

— Знаешь, Надя, пройдетъ время, и ты будешь меня ненавидѣть, можетъ-быть презирать будешь. Но въ такія минуты всегда помни, что я былъ съ тобой искрененъ, и что мы были счастливы. Вѣдь да?

— Да, ужасно счастливы... я, по крайней мѣрѣ!..

— И я, Надя! Слушай: какъ никогда! Не помню такихъ чудныхъ минутъ! Ихъ не было, да и не будетъ уже! Вѣдь ты—сама чистота, сама прелесть, дитя...

И онъ цѣловалъ и говорилъ:

— Прости, я грѣшно цѣлую, но ты такъ красива сейчасъ!

Потомъ...

Даже вспомнить сладко и страшно! Это было такъ красиво и стыдно...

Да, онъ далъ ей счастье!

„Не забывайте меня совсѣмъ...“

Нѣтъ же, нѣтъ!

„...И не могу удержаться, чтобы не сказать вамъ о томъ, какъ я горячо, горячо помню васъ...“

Онъ не забудетъ!

Тося пріѣхала къ намъ уже въ моментъ разложенія нашей коммуны. И казалось, что ея пріѣздъ внесъ какую-то новую струю въ нашу жизнь. Веселая и рѣшительная, она дѣлала все, чтобы не давать намъ уснуть. Ея голосъ слышался вездѣ, и всѣ мы, насколько могли, отвѣчали на ея улыбку. Въ короткое время она сдѣлалась нужной всѣмъ, она стала нашимъ авторитетомъ, какъ прежде имъ были книги и цифры.

А затѣмъ...

Затѣмъ она понадобилась мнѣ, и я ее отнялъ у нихъ для себя одного...

Я не хотѣлъ ломать ея душу, ея кристальную душу. Но,

отдавая себя по частямъ,—брать я могу только цѣликомъ, навсегда и безраздѣльно...

Была весна... Послѣ долгаго сна я жаждалъ жизни и пробужденья. Я закисъ среди кислыхъ душъ, я омертвѣлъ среди этихъ инвалидовъ жизни — вчерашнихъ фанатиковъ. Я хотѣлъ юности, второй юности... Я искалъ ключъ къ обновленію и нашелъ его въ Тосѣ. И я взялъ ее, взялъ всю, создалъ сказку ей и себѣ, исчерпалъ до дна эту сказку, осушилъ ее... Меня влекло дальше, къ новымъ грезамъ и сказкамъ, къ новымъ источникамъ жизни. Послѣ долгой засухи моя почва пила и не насыщалась. Только водопадъ могъ осушить мою жажду, и я осушилъ до дна этотъ свѣтлый и чистый источникъ, я выпилъ его до капли...

И когда въ немъ уже не было больше влаги, — я пошелъ дальше и только изрѣдка, по привычкѣ, возвращался въ лѣсную прохладу, гдѣ лишь по каплѣ сочился прежній свѣтлый и игривый ручеекъ...

Да, они имѣли право меня ненавидѣть! Но у нихъ не хватило для этого смѣлости. Ихъ альтруизмъ и привычка къ самоотреченію взяли верхъ. Тѣмъ хуже для нихъ и лучше для меня; мы разстались друзьями...

Какими странными скачками развивается нить моихъ недавнихъ воспоминаній! Вотъ я снова вижу себя въ періодъ нашихъ „первыхъ дней“ съ Тосей, первыхъ для нея, а для меня уже—дней неудовлетворенности.

Часто въ эти дни я уходилъ къ морю слушать, какъ плещетъ легкій прибой о камни, какъ шепчутся струйки сбѣгающей воды, а въ бурю—сердятся и злобно мечутся громады воды. И я слушалъ волны, и много говорило мнѣ море...

Знойная сказка.

Ты просила меня разсказать, что̀ говорятъ мнѣ волны, когда я лежу среди моря на сѣромъ вздрагивающемъ камнѣ, вблизи самаго берега. Ну, слушай же!

Карандашомъ на блокнотѣ я стараюсь уловить ихъ слова сейчасъ, хотя сегодня понять ихъ говоръ труднѣе; сегодня онѣ слишкомъ взволнованы, а самъ я тревожно, тоскливо грустенъ!

Я уже старѣю, моя милая! Мой источникъ мутенъ и затянутъ по краямъ ряской; моя жизнь едва сочится. А онѣ такъ свѣтлы, такъ сильны, и говорятъ онѣ только о молодости. Я помню, однажды видѣлъ я, какъ въ бурю вышли со дна на по-

верхность сѣдыя волны,—но то было въ бурю, а сейчасъ—только легкій прибой. Но и этого прибоя довольно, чтобы дрожалъ мой старый неуклюжій сѣрый камень.

Онѣ говорятъ о молодости, о томъ, какъ загорѣлый, черноглазый Арриго ждалъ на этомъ сѣромъ камнѣ свою Марію. Надъ сѣрымъ камнемъ—ты знаешь это—подымается высокая скала берега. Когда стоишь наверху и смотришь внизъ, то волны тянутъ и манятъ къ себѣ, и хочется броситься прямо къ сѣрому камню, о который разбиваются волны. На этомъ камнѣ ждалъ Арриго, а Марія замѣшкалась дома. Она стряпала сегодня отцу и братишкамъ карчоффи съ мясомъ, такъ какъ былъ праздникъ.

Арриго скучалъ, а волны дразнили его нетерпѣніе. Онѣ безжалостны, эти волны! Сейчасъ онѣ окатили меня цѣлымъ фонтаномъ соленыхъ брызгъ,—а вѣдь и я скучаю, и мнѣ очень грустно, моя добрая дѣвочка!..

Арриго скучалъ и глядѣлъ на горизонтъ, гдѣ въ рядъ выстроились лодки съ большимъ острымъ парусомъ и двумя малыми, напряженно спокойными. Уже два раза онъ перепрыгивалъ на сосѣдніе камни и на берегъ, собирая отъ скуки ракушки. Лѣниво онъ отрывалъ ихъ отъ скалы острымъ короткимъ ножемъ и бросалъ въ мѣшокъ у пояса. Два раза солнце обсушивало его загорѣлыя ноги, и раскрытая грудь его устала дышать зноемъ. Теперь онъ раскинулся на камнѣ лицомъ вверхъ, смотрѣлъ, какъ свѣтитъ солнце сквозь темныя вѣки его глазъ, и долбилъ ручкой ножа сѣрый камень.

А сверху на него смотрѣла Марія. Сидя на краю утеса и свѣсивъ босыя ножки, она едва держалась рукой за выступъ, а другой рукой держала сердце, гдѣ билась молодость, гдѣ пылала радость. И ей такъ не хотѣлось идти въ обходъ по уступамъ—такъ просто было прыгнуть прямо къ милому въ его стальныя объятья!

Прищуривъ глаза отъ солнца, Арриго увидалъ ее на небѣ. Въ немъ вспыхнула жизнь, загорѣлись желанья... Арриго вскочилъ на ноги и—къ ней, къ своей Маріи, онъ поднялъ руки и засмѣялся! И, стараясь заглушить волны, онъ крикнулъ ей:

— Прыгай же, прыгай ко мнѣ, Марія моя!

Уже одной рукой не сдержать было сердца, которое такъ рвалось! Онъ звалъ, и она летѣла на зовъ съ послѣднимъ радостнымъ крикомъ. Она упала въ его объятья, и съ края дрожащаго камня, оба разбитые, они отдались морю—оба питомцы синяго моря. Кровь ихъ окрасила волны, потомъ пожелтѣла,

потомъ исчезла, и третья волна прибоя была уже снова синей, прозрачной, окаймленной бѣлоснѣжною пѣной.

Такъ разсказали мнѣ волны, и долго смѣялись надъ странной радостью и свѣтлой смертью Арриго и Маріи.

А ты? Поняла ли ты Марію? Могла ли не броситься она внизъ, гдѣ звали ее горячія ласки и послѣднія, стальныя объятья?

Ты должна знать, Тося, исторію моей „Знойной сказки“.

Помнишь нашъ обрывъ надъ моремъ? Помнишь... то было въ утро нашихъ дней...

Я сидѣлъ внизу и слушалъ прибой. Наверху надъ обрывомъ стояла ты, вся въ бѣломъ, ослѣпительно свѣтлая и маленькая въ лучахъ солнца.

Я протянулъ къ тебѣ руки. Ты заторопилась и въ обходъ сошла ко мнѣ по скаламъ. Я сразу сталъ скученъ, и ты скоро догадалась, что лучше меня оставить.

Тогда я закрылъ глаза и увидѣлъ другую, которая летѣла ко мнѣ съ обрыва. И тогда же я написалъ эту сказку.

А черезъ нѣсколько дней я разсказывалъ ее въ большой компаніи людей мнѣ чуждыхъ и неинтересныхъ.

Было такъ. Мы засидѣлись поздно вечеромъ. Никому не хотѣлось идти домой, и я былъ совершенно не въ силахъ въ этотъ день возвратиться на старую виллу. Всѣ дремали, развалясь на креслахъ и диванахъ,—вся эта разношерстная интернаціональная компанія, къ которой я случайно примкнулъ. Русскихъ было пятеро, зашедшихъ сюда впервые. Среди нихъ была и та, о которой я слыхалъ давно, но которую встрѣтилъ въ первый разъ. Она была очень хороша собой и очень серьезна. У нея было красивое прошлое, и ея знакомствомъ гордились. Было ясно, что въ этой странной компаніи она—человѣкъ случайный и посторонній.

Всѣмъ было скучно, только одинъ я былъ веселъ и дурачилъ публику на двухъ языкахъ. Итальянцы смѣялись съ открытыми ртами и были глупы до невинности. Русскіе просили меня разсказать сказку.

Въ ту весну у меня былъ неисчерпаемый запасъ сказокъ... Вернется ли моя весна? Не знаю!.. Но не въ томъ дѣло...

Мы потушили огни и прикрутили послѣднюю лампу. Было совсѣмъ темно. Я лежалъ на диванѣ; она сидѣла близко, почти касаясь моей головы.

Я говорилъ медленно, отдѣляя слово отъ слова, почти декла-

міруя. Въ другомъ углу товарищъ шопотомъ переводилъ мои сказки итальянцамъ; его шопотъ служилъ мнѣ аккомпаниментомъ.

И должно-быть я былъ въ ударѣ, когда разсказывалъ имъ и про дрожащую звѣзду, и про голосъ, ведшій въ лѣсу рыбака, и про весну, родившую художника, и про волну, его погубившую. А потомъ я разсказалъ имъ про любовь Арриго и Маріи...

Я не знаю, какъ случилось, что я взялъ ея руки. Нельзя было, невозможно было оборвать мою сказку, и она не отняла рукъ. И когда Арриго позвалъ свою Марію, и когда Марія не могла сдержать своего сердца и бросилась къ нему со скалы,— я почувствовалъ, что „она“ нагнулась ко мнѣ. И уже на ухо, полугромко, я спросилъ ее:

— А ты? Поняла ли ты Марію?

Она кивнула головой, касаясь волосами моего лба.

— Могла ли не броситься она внизъ, гдѣ звали ее горячія ласки?

Она покачала головой отрицательно, затѣмъ встала и сказала громко:

— Нѣтъ, не могла...

Всѣ разсмѣялись. Говорили, что я напрасно убилъ Марію и Арриго, что лучше было ей пойти въ обходъ; говорили много плоскаго.

Затѣмъ мы вышли. Была темная ночь. Вышло такъ, что мы остались вдвоемъ и молча дошли до ея дома. Тогда она сказала:

— Я живу здѣсь. Хотите зайти ко мнѣ?

— Да.

Дома она сказала мнѣ:

— Я не знаю, что̀ это такое! Что-то случилось! Что-то очень странное! Кто *ты* такой и зачѣмъ *ты* здѣсь?

— Да, что-то случилось,—сказалъ и я.—Случилось то, что̀ должно было случиться. Стоитъ ли думать объ этомъ!

— Я боюсь тебя!

Я разсмѣялся.

— Зачѣмъ жѐ ты звала меня?

— Звала? Развѣ я звала? Мнѣ кажется, что ты пришелъ самъ...

— Я могу уйти...

Тося! Я не могу забыть твоихъ слезъ... Слезами ты убила мой смѣхъ! О! Если бы ты могла знать, какъ умѣлъ я тогда смѣяться!

Часто, стоя ночью на берегу моря и слушая грохотъ прибоя, я простиралъ къ нему руки и смѣялся, ярко, радостно смѣялся. Во мнѣ было тогда такъ много силъ! Странными, дикими каррикатурами проходили передо мною образы и группы образовъ старыхъ друзей въ Россіи и на виллѣ. Я топталъ ногами повергнутые мною кумиры, но топталъ не какъ язычникъ, не удовлетворенный прежними богами, а какъ ищущій и находящій новую вѣру, новую религію—безъ идоловъ. Я былъ полонъ презрѣнія къ совамъ и филинамъ, глупо таращащимъ круглые глаза, полонъ отвращенія къ ограниченнымъ, низколобымъ сластолюбцамъ. не понимающимъ красоты жизни и думающимъ только о своей плоти. Я ставилъ и тѣхъ и другихъ на одну доску: и жалкихъ догматиковъ, програмныхъ людей, успокоившихся въ сѣдлѣ удобнаго этическаго кодекса,—и тупыхъ животныхъ, не слыхавшихъ ни объ этомъ кодексѣ, ни о самой этикѣ. Во мнѣ жилъ тогда большой художникъ, Тося! Я чувствовалъ въ себѣ такую силу творить жизнь, что не вѣрилъ въ неудачи и не ждалъ ихъ. Ихъ и не было!

Я не былъ жестокъ, Тося! Вспомни, былъ ли я жестокъ въ ту ночь, когда вернулся поздно и зашелъ къ тебѣ лишь на минуту? Былъ ли я тогда неискрененъ и... былъ ли я звѣремъ? А было это, Тося, въ ту самую ночь, когда я впервые разсказалъ свою знойную сказку... Я больше не разсказывалъ этой сказки, и больше не былъ у „нея“. Съ тѣхъ поръ мы не видались...

И я смѣялся недолго. Твои слезы убили мой яркій смѣхъ. Я остался на виллѣ среди этихъ пауковъ, среди угловъ, затянутыхъ паутиной, среди жалобно звенящихъ въ нихъ мухъ, среди скуки и ужаса пустоты въ мысли и въ сердцѣ. Развѣ ты этого не замѣтила? Или тебя обманула грусть, въ которую претворился мой ужасъ? Или ты не поняла моего паденія? Или не слыхала того аккорда, которымъ я началъ свой похоронный маршъ?

Прошло нѣсколько дней;—помню, какъ, перебирая свои послѣдніе черновые наброски, я искалъ въ нихъ прежнихъ переживаній и прежней вѣры въ себя. И я думалъ тогда... ты должна знать и это, моя бѣдная дѣвочка!.. Я думалъ тогда:

„Они не закончены. Они только начаты. Они — весенняя глава моего дождливаго лѣта.

„И уже отцвѣли мои цвѣты. Уже нѣтъ вѣры въ возрожденіе.

„И когда ко мнѣ придетъ прежняя тоскливая увѣренность въ слабенькомъ смыслѣ моей пустой жизни, когда я стану спокойнымъ и старѣющимъ,—я скажу моимъ грезамъ и снамъ:

— „Спасибо вамъ, мои мечты, мои надежды, спасибо вамъ за ваши сказки! Тѣмъ, кто любилъ меня — спасибо за любовь; тѣмъ, кто живилъ мой духъ—мое глубокое спасибо! Если я не взялъ жизни — я зналъ ей цѣну, я игралъ ея блестящими осколками.

„Сейчасъ я не помню всего, не переживаю пережитого. Но я вспомню потомъ, все вспомню съ радостью, съ туманной грустью.

„Моя жизнь, въ утрату которой мнѣ такъ не хочется, такъ страстно не хочется вѣрить, знала и драму, и трагедію, и водевиль. Она была полна осколками цѣнныхъ вазъ. Ея книга сшита изъ разрозненныхъ листковъ дорогихъ книгъ и иллюстрацій...

„И цѣннѣе всего въ ней — сказки. Только бы ихъ не забыть, когда настанетъ пора забыть все!

„Сказки жизни, полныя поэзіи! Сказки моей личной жизни!.. Кому я могъ бы ихъ разсказать?

„Ихъ не разсказываютъ, но и не забываютъ!

„Но мнѣ мало ихъ! Какъ еще молодъ я, и какая жажда жизни должна быть убита во мнѣ. Да, должна быть убита...

„И уже умираетъ она!

„И въ молчаніи ночи, въ отдаленномъ шумѣ прибоя, въ шелестѣ листьевъ мимозы у моего окна,—во всей этой чуткой предразсвѣтной тишинѣ я уже слышу аккордъ моего похороннаго марша"...

Были дивныя итальянскія ночи, и подъ вечеръ вся наша колонія выползала въ садъ. Но мы не пѣли и не разговаривали. Одинъ ложился на столъ и смотрѣлъ на звѣзды. Другой забирался въ глубь сада и смотрѣлъ, какъ черный кипарисъ врѣзывается въ лунный путь на морѣ. Третій спускался внизъ къ водѣ и замиралъ тамъ на нѣсколько часовъ. Четвертый безконечно мѣрялъ шагами аллею.

И въ головѣ каждаго мысль описывала законченный кругъ безъ конца и начала, — логическій кругъ безвыходности. И великъ былъ контрастъ красоты природы и пустоты человѣка!

Иногда мы покупали сквернаго вина и пили. Но вино не веселило насъ; почти всегда завязывался споръ по вопросамъ, всѣмъ надоѣвшимъ, никому не интереснымъ. Мы дебатировали ихъ горячо и злобно, выливая другъ на друга весь накопившійся

въ душѣ ядъ, оскорбляя поминутно, намекая гадко и неблагородно. Уставъ отъ спора или опьянѣвъ, мы шли купаться въ темной водѣ—и ночное море не освѣжало насъ.

Съ тяжелой головой каждый уходилъ къ себѣ, запирался на ключъ и проклиналъ себя, жизнь, революцію, реакцію, Европу, Италію, старую виллу и всѣхъ, въ ней жившихъ...

Это была тюрьма, страшная тюрьма, украшенная пальмами и розами, декорированная горами и моремъ, тюрьма, двери которой были открыты, и дороги отъ нихъ свободны во всѣ страны.

Какая-то странная сила держала насъ, людей безъ родины, безъ жизни и безъ убѣжденій, насъ, воображавшихъ себя борцами за родину и убѣжденія! Тотъ, кто входилъ сюда, попадалъ въ плѣнъ къ самому себѣ; рѣдко кому удавалось спастись...

Это было странно, но это было такъ. Быть-можетъ роскошь природы и разлитая повсюду красота вскрывали въ каждомъ какой-то душевный тайникъ, куда заглянуть было стыдно и страшно, и непривычно, а не заглянувъ—нельзя было жить... Всѣмъ было нужно что-то, въ чемъ было нельзя признаться, что̀ было такъ чуждо нашей прежней, уже невозвратно ушедшей, простой, несложной и удобной религіи.

А когда минули лунныя ночи,—въ опустѣвшей комнатѣ Тоси на старой виллѣ поселился ужасъ. Ночью онъ выходилъ оттуда и наполнялъ собою всѣ темные углы, пробирался къ намъ сквозь запертыя двери, заползалъ въ ящики нашихъ столовъ, перелистывалъ наши бумаги, блуждалъ по саду, сидѣлъ на обрывѣ и тяжелымъ тѣломъ скатывался по скаламъ въ море. И мы хотѣли бѣжать и не могли бѣжать.

Такъ страшна была эта безсмыслица, и такъ нужно было что-то другое, оправдывающее!

Пришло и оно. Пришло такъ странно, хотя ожиданно...

Было такъ просто, ясно, привычно, но такъ не вѣрилось, такъ страстно не хотѣлось вѣрить. Мы знали, что ошибки нѣтъ,—и жаждали ошибки.

Мы встрѣчали на станціи каждый почтовый поѣздъ и являлись на почту до разбора корреспонденціи. Ждать пришлось недолго. Все было кончено въ одну недѣлю.

Потомъ получались письма, и наши друзья писали намъ подробности о нашей подругѣ. Она умерла въ прежней вѣрѣ, гордо и красиво!

И было что-то такое въ этой смерти, что̀ дѣлало сожалѣніе

о Тосѣ унизительнымъ для ея свѣтлой памяти, что̀ примиряло насъ со старыми богами и давало силы жить дальше и искать себѣ оправданія въ новой дѣятельной вѣрѣ. Безсмысленное облачалось въ глубокій смыслъ.

Въ Римѣ есть древній храмъ Весты. Я смотрю съ благоговѣніемъ на его потемнѣвшія колонны и куполъ. Что-то дѣвственное есть въ его строгихъ круглыхъ очертаніяхъ. Это — не мишурная церковь и не жилой домъ, это—святилище!

Потомъ намъ прислали ея письмо, писанное „наканунѣ“.

Письмо ко всѣмъ намъ вмѣстѣ. Она не забыла никого и никого не выдѣлила...

„Мои дорогіе, мои милые друзья!“

. . . .

. . . .

Только въ одномъ могло быть сомнѣніе, — что она пошла отъ отчаянія, чтобы убить прежде всего себя... Это сомнѣніе она хотѣла бы разсѣять.

Нѣтъ же, она пошла съ вѣрой въ жизнь и въ дѣло! Она хотѣла творить жизнь, и только этотъ путь былъ ей возможенъ и понятенъ!

Развѣ это не творчество? Развѣ больше сдѣлала бы она, взявшись за перо или кисть и рискуя стать ремесленникомъ въ искусствѣ, да еще плохимъ?

Развѣ это не оправданье жизни? Развѣ лучше было отдаться теченію, опустить руки, заснуть въ культурничествѣ?

Она не оправдывается, — она настаиваетъ на своемъ правѣ на счастье... ее должны понять ея друзья на старой виллѣ!..

. . . .

Она думала раньше, что уходить изъ жизни трудно. Нѣтъ! Ей легко это! Она рада покинуть міръ въ то время, когда силъ еще такъ много, когда жизнь еще не исчерпана. Не увядшимъ цвѣткомъ, не уставшимъ человѣкомъ, — а въ расцвѣтѣ силъ и возможностей, съ избыткомъ вѣры и любви и счастья,—она уходитъ изъ жизни сознательно и свободно!

. . . .

Нѣтъ, ей не къ лицу мученическій вѣнокъ, и она не заслужила его! Зачѣмъ отдѣлять себя отъ другихъ? Ей не приходится жертвовать собой ради ближняго. Въ томъ-то и счастье ея, что въ ней нѣтъ этого раскола! Идя за другихъ, она идетъ

для себя, только для себя, во имя счастья личнаго. Это такъ понятно! И потому такъ легко умирать!

. . . .

Пусть поймутъ ее милые друзья на старой виллѣ, гдѣ она была такъ счастлива! Пусть ей простятъ все, въ чемъ она была неправа! А она желаетъ имъ лишь одного: легкаго и свободнаго творчества жизни!

И всѣхъ равно любитъ, и всѣхъ цѣлуетъ въ послѣдній разъ!..

Тебѣ отвѣтъ на твой послѣдній поцѣлуй!..

Изъ памяти не уйдетъ; нѣтъ, никогда не изгладится!

Ты могла бы меня проклинать, могла бы проклясть себя!..

Ты была выше лжи моей и сама была неспособна на ложь!

Чтò подсказало тебѣ тотъ путь, гдѣ должны были слиться всѣ оправданья, всѣ цѣли и всѣ надежды? Гдѣ нашла ты избытокъ счастья, чтобы отдать его мнѣ? Кто ты, Тося?

Умереть, не исчерпавъ себя, не доживъ до зрѣлаго лѣта, и увяданья, и красныхъ листьевъ, и носящейся въ воздухѣ паутины... И своей весенней смертью дать весну другому, оживить обмершаго, очистить русло ручья отъ случайной плотины изъ сучьевъ и грязи,—кто научилъ тебя этому?

Творчество рождаетъ творчество, какъ прежде плачъ рождалъ слабость...

Но вѣдь нужно быть достойнымъ жертвы! И вотъ ты говоришь: „это не жертва, это—счастье, мое личное счастье". И ты права, счастливая Тося! Ты даришь отъ избытка!

Но вѣдь нужно быть достойнымъ подарка! И вотъ ты говоришь: „И всѣхъ равно люблю, и всѣхъ цѣлую въ послѣдній разъ". Для тебя нѣтъ различій, ты одаряешь всѣхъ!..

И всѣмъ ты равно желаешь одного: легкаго и свободнаго творчества жизни!

На темномъ бархатѣ лежитъ старый, пожелтѣвшій отъ времени мраморъ—головка спящей дѣвочки. Надъ ней надругались вандалы, и нѣжный мраморъ избитъ ихъ копьями. Но въ закрытыхъ глазахъ и въ чудномъ овалѣ дѣтскаго лица столько красоты и прелести, что изъяны не видны.

Шумныя группы англичанокъ снуютъ мимо меня, останавливаясь около крупныхъ статуй и обломковъ и лишь бѣглымъ взглядомъ одаряя головку. Она спитъ, — но она жива, я знаю это! Она замерла въ этомъ покоѣ, потому что въ немъ—высшая ея

красота. И ей, истерзанной и измученной—не къ лицу былъ бы мученическій вѣнецъ; онъ нарушилъ бы божественную прелесть ея сна и счастье ея вѣчнаго чуткаго покоя!

Я бываю здѣсь каждую недѣлю и по цѣлымъ часамъ смотрю на мраморную головку. Да, ея мѣсто—здѣсь, въ лучшемъ музеѣ вѣчнаго города, среди другихъ чудесныхъ обломковъ искусства древности. Я блуждаю по комнатамъ *ея* музея, любуюсь блѣдными остатками греческой и римской живописи, идеальными очертаніями идеальныхъ тѣлъ, безстрастіемъ мраморныхъ идей—и снова возвращаюсь къ ней, къ головкѣ спящей дѣвочки...

И она не рождаетъ во мнѣ грусти... Въ ея вѣчномъ покоѣ такъ много жизни, такъ чутко сомкнуты ея рѣсницы! Такъ великъ въ ней избытокъ красоты и уравновѣшенной силы, такъ много таится возможности счастья, что ея сонъ родитъ во мнѣ бодрость, и жажду жизни, и вѣру въ счастье, и красивыя надежды... И мнѣ странно видѣть, какъ порою склоняются надъ ней задумчивыя, какъ бы жалостливыя лица форестьеровъ—надъ этой бѣдной, искалѣченной головкой дѣвочки. Ея устами мраморъ говоритъ намъ разное!

Имъ онъ говоритъ:

„Ахъ, я вырыла бы себѣ могилу! Я слабая и уже устала! О! Я такъ устала! Я легла бы въ нее и уснула!..“

Мнѣ онъ говоритъ:

„Не увядшимъ цвѣткомъ, не уставшимъ человѣкомъ,—а въ расцвѣтѣ силъ и возможностей, съ избыткомъ вѣры и любви, и счастья,—я ушла изъ жизни сознательно и свободно! И всѣхъ равно люблю, и всѣхъ цѣлую въ послѣдній разъ!..“

Мих. Осоргинъ.

ЦѢНА КРОВИ

(Продолженіе „Расплаты“ и „Боя при Цусимѣ“.)

VI *).

Ночь въ карантинѣ.— Японскіе „армейцы“.— Удзина.— Хиросима.— Генералъ Манабэ и его исторія.—Голодъ и комары.—Breakfast и lunch захватнымъ правомъ.— Прибытіе въ Кіото.

„Вчера, тотчасъ по постановкѣ на якорь, на пароходъ прибыли комендантъ острова (полковникъ) и карантинный врачъ. Они долго о чемъ-то перекорялись съ нашими спутниками, Кимура и Тедзуки. По словамъ этихъ послѣднихъ, полковникъ, не смотря на то, что мы прибыли прямо изъ Сасебо, гдѣ три съ половиной мѣсяца провели въ госпиталѣ подъ надзоромъ врачей, непремѣнно хотѣлъ продѣлать всѣ манипуляціи, положенныя для прибывающихъ съ театра военныхъ дѣйствій — полную дезинфекцію, прививку оспы и т. д. Насилу его убѣдили.

(Позже, въ Кіото, мы узнали отъ другихъ плѣнныхъ, какъ выполнялись эти манипуляціи, и благодарили Бога, что чаша сія миновала насъ.)

„Убѣдить полковника, не признававшаго ничего на свѣтѣ, кромѣ своей инструкціи, было, повидимому, нелегко. Кимура даже вспотѣлъ.

„Въ 7½ час. съѣхали на берегъ. Цѣлый городокъ дощатыхъ бараковъ. Въ ближайшемъ ко входу помѣстили адмирала и трехъ штабъ-офицеровъ, при чемъ его кровать была поставлена особо и отдѣлялась отъ нашихъ занавѣской, а наши три стояли

---

*) См. май, стр. 53.

почти вплотную одна къ другой подъ общимъ мустикэромъ. Меблировка—небольшой столъ и простыя табуретки по числу кроватей. Кровати — грубо сколоченныя изъ едва отесанныхъ брусьевъ и досокъ. На кровати—изрядно слежавшійся, жесткій соломенный матрасъ, вмѣсто подушки валикъ съ пескомъ и три грубыхъ шерстяныхъ одѣяла. Никакого признака бѣлья, а между тѣмъ и матрасы, и вальки далеко не первой свѣжести.

„Адмиралъ, обозрѣвъ отведенное ему помѣщеніе, не сказалъ ни слова, но сѣлъ на его порогѣ и замеръ въ неподвижности.

„Кимура, сопровождавшій насъ на берегъ, видимо чувствовалъ себя отвратительно, все извинялся и утѣшалъ, что вѣдь это только одна ночь.—„Да неужели нельзя достать хоть пару простынь для адмирала?" говорили ему. — „Этого здѣсь навѣрно нѣтъ!"— „А у полковника?"—Кимура даже засмѣялся:—„Я думаю, онъ и не знаетъ, что это такое! Теперь всѣ на войнѣ, а здѣсь, въ Японіи, да еще на нестроевомъ мѣстѣ, самые... самые, которые ничего не понимаютъ по-европейски. Впрочемъ, я попробую сдѣлать что-нибудь!"—Въ результатѣ онъ добылъ новый, еще не бывшій въ употребленіи чехолъ соломеннаго тюфяка, который и былъ предложенъ адмиралу въ качествѣ постельнаго бѣлья. Затѣмъ оба, Кимура и Тедзуки, откланялись, пожелали покойной ночи (какая иронія!) и поспѣшили вернуться на пароходъ.

„Адмиралъ всю ночь не спалъ, да и мы не слишкомъ благодушествовали. Баракъ помѣщался саженяхъ въ 3—4 отъ берега, а между нимъ и берегомъ были воздвигнуты будочки съ удобствами, устроенными самымъ примитивнымъ способомъ. Послѣ полуночи вѣтерокъ потянулъ съ моря, и, не смотря на закрытыя окна, баракъ наполнился ароматомъ рисовыхъ полей. Поднялись чуть свѣтъ. Для умыванья принесли ведро воды съ деревяннымъ ковшомъ и небольшой цинковый тазъ, до такой степени заросшій грязью, что пользоваться имъ никто не рѣшился. Предпочли мыться прямо на дворѣ, подавая другъ другу воду изъ ковша. Когда полковникъ, въ сопровожденіи переводчика, явился привѣтствовать адмирала съ добрымъ утромъ и спросить, всѣмъ ли онъ доволенъ, то получилъ въ отвѣтъ завѣреніе, что, несомнѣнно, породистыя свиньи въ Европѣ пользуются бо̀льшими удобствами, чѣмъ мы здѣсь...

„Полковникъ смутился, сталъ бормотать какія-то извиненія, затѣмъ исчезъ, и до самаго отъѣзда мы его больше не видѣли. Переводчикъ, какъ и Кимура, пояснялъ, что это „совсѣмъ японскій" человѣкъ, что онъ очень старался все устроить такъ, какъ

европейцы привыкли, но только не умѣетъ. Плохо вѣрилось такимъ объясненіямъ.

„Въ госпиталѣ насъ кормили не роскошно, но сытно. Не всегда было вкусно, но всегда, по меньшей мѣрѣ, съѣдобно. Зато здѣсь... Начну съ того, что ни скатерти, ни салфетокъ не полагалось. Ножи, ложки покрыты грязью, а между зубьями вилокъ скопились цѣлыя залежи ея. Но это дѣло поправимое—отмыли и отчистили. Съ тарелками было хуже, такъ какъ пища приносилась уже положенною на нихъ, а судя по захватаннымъ краямъ, и донышки не должны были отличаться чистотой. На breakfast дали овсянку съ сахаромъ (при чемъ сахаръ былъ уже насыпанъ въ тарелку) и рисъ, политый соусомъ кэрри. Думали, что придется поддерживать питаніе чаемъ съ хлѣбомъ, когда, къ общей нашей радости, появился маркитантъ, у котораго пріобрѣли американскіе консервы—ветчину, какую-то замазку, подъ названіемъ „паштетъ изъ дичи", калифорнскіе фрукты и кофе со сливками. Въ полдень опять угостили. Бульонъ (грязная вода) и желто-сѣрый омлетъ съ рѣпчатымъ лукомъ. Въ 12 час. 50 мин. дня, когда мы еще сидѣли за столомъ, баракъ закачался и заскрипѣлъ, посуда запрыгала по столу. Такъ продолжалось 10 секундъ. Черезъ три минуты—второй ударъ, слабѣе перваго и продолжительностью 5 секундъ. Въ 4 часа дня снова принесли пищу — опять овсянка съ сахаромъ и какая-то отвратительная слизь съ мелко накрошенными кусочками мяса и сала. (Брезгливый человѣкъ не выдержалъ бы одного взгляда на это крошево.) Справились—почему это вздумали кормить въ неурочный часъ? Переводчикъ пояснилъ, что вскорѣ мы выѣзжаемъ, ужинать будетъ негдѣ и поѣсть придется только завтра утромъ, а потому надо подкрѣпиться. Бросились къ маркитанту, но, увы, почти всѣ запасы его уже были раскуплены, а съѣздить въ городъ за новыми у него не хватало времени. (Надо замѣтить, что въ нашей партіи, кромѣ адмирала, было 3 штабъ-офицера, 5 оберъ-офицеровъ, 2 кондуктора и 1 юнкеръ).

„Всѣ эти злоключенія имѣли и свою хорошую сторону. Когда ихъ не было (какъ напримѣръ—послѣдніе дни въ госпиталѣ, а въ особенности на пароходѣ, въ знакомой обстановкѣ, среди полнаго комфорта), оставалось слишкомъ много времени для того чтобы думать, вспоминать прошлое, гадать о будущемъ... А думы всегда были одна безотраднѣе другой... Бывали моменты такой тоски, что... хоть за бортъ броситься! Провѣряя, вспоминая ощущенія, пережитыя на пароходѣ, скажу: случись въ то время какое-нибудь несчастье—налети пароходъ на блуждающую мину, столк-

нись съ другимъ, я бы пальцемъ не шевельнулъ для своего спасенія—такое чувствовалось угнетенное состояніе, такъ хотѣлось конца... Теперь же, когда приходится всячески изворачиваться, чтобы не остаться голоднымъ, сооружать подушку изъ пиджака, завернутаго въ полотенце, собственноручно чистить ножи и вилки и мыть посуду—весь отдаешься этимъ мелкимъ заботамъ и никакія мысли не лѣзутъ въ голову.—Однако, зовутъ. Пора ѣхать.

„Въ 4½ часа дня на портовомъ пароходикѣ отвалили отъ карантинной пристани, а черезъ полчаса высадились въ мѣстечкѣ Удзина. До желѣзнодорожной станціи дошли пѣшкомъ (кромѣ адмирала и двухъ мичмановъ съ еще незакрывшимися ранами—тѣ ѣхали на дженерикшахъ). На улицахъ было много народу, но на насъ, повидимому, не обращали никакого вниманія. Было ли такъ приказано, или просто населеніе мѣстечка давно присмотрѣлось?—Вѣдь черезъ Удзина прошло нѣсколько десятковъ тысячъ нашихъ!.. Конвоя, конечно, никакого не было. Съ нами (пѣшкомъ) шелъ переводчикъ, молодой чиновникъ, а сзади адмирала (тоже на дженерикшѣ) ѣхалъ полковникъ. (Этотъ послѣдній, несомнѣнно, уже донесъ о репримандѣ, полученномъ утромъ—у японцевъ на этотъ счетъ строго—и уже успѣлъ получить соотвѣтственныя инструкціи.) Почтительно держался въ сторонѣ, но не спускалъ глазъ съ адмирала и старался догадываться о всякомъ его желаніи: поспѣшно зажигалъ спичку, когда тотъ вынималъ папиросу, самъ побѣжалъ и принесъ стулъ, когда адмиралъ присѣлъ на перила платформы, освѣдомлялся—не угодно ли чаю, содовой воды или пива и т. п. При этомъ краснѣлъ, но не берусь сказать—отчего: отъ смущенія или отъ злости за навязанную ему роль...

„Ждать поѣзда пришлось довольно долго. Въ дальнѣйшій путь тронулись только въ 5 час. 40 мин. по полудни. Вагонъ дали не особенно комфортабельный. Два отдѣленія—одно перваго, другое второго класса. Между ними—уборная. Въ первомъ классѣ—три дивана: два по боковымъ стѣнкамъ, одинъ—у задней. Каждый диванъ на три человѣка. Сюда посадили адмирала, троихъ штабъ-офицеровъ, а также сѣли полковникъ и переводчикъ (чиновникъ). Въ отдѣленіи второго класса было только два продольныхъ дивана, каждый на четыре мѣста, а посадили туда всѣхъ остальныхъ нашихъ (8 человѣкъ) да еще, девятымъ, переводчика (не имѣющаго чина). Тѣснота у нихъ была страшная. Надѣялись, что это лишь временно, что когда пріѣдемъ въ Хиросиму, то насъ пересадятъ въ большой вагонъ, какіе ходятъ по магистральной линіи (отъ Хиросимы на Удзина — вѣтка).

Надежды не сбылись: переводчикъ пояснилъ, что ужъ больше никакихъ безпокойствъ (?) не будетъ — въ этомъ вагонѣ доѣдемъ до Кіото.

„Около 6 час. вечера пришли въ Хиросиму. При первой же остановкѣ адмирала встрѣтили и представились ему комендантъ крѣпости, его адъютантъ, вице-губернаторъ (губернаторъ былъ въ Токіо) и правитель канцеляріи. Всѣ при орденахъ и знакахъ отличія. Затѣмъ нашъ вагонъ нѣкоторое время передвигали по разнымъ путямъ, а когда его подвели къ главному вокзалу и прицѣпили къ поѣзду, отходящему въ Кіото, то здѣсь адмирала привѣтствовалъ командующій войсками генералъ-лейтенантъ Манабэ, явившійся въ сопровожденіи своего штаба.

„Средняго роста, коренастый мужчина. Умное, породистое лицо. Больше похожъ на провансальца, чѣмъ на японца. Держится съ достоинствомъ, совсѣмъ по-европейски. На шеѣ—орденъ „Сокола“ (соотвѣтствуетъ нашему Георгію), на правомъ боку—звѣзда „Восходящаго Солнца“, на лѣвомъ—наша Станиславская, съ мечами. Хорошо знакомый съ японскими взглядами, я удивился (про себя, конечно), что такой боевой генералъ не на войнѣ. Для него это должно было быть большой обидой.

(Впослѣдствіи французскій морской агентъ, лейтенантъ Martini, разъяснилъ мнѣ эту загадку. По его словамъ, генералъ сдѣлался жертвой интриги, въ которой была замѣшана женщина. Дѣло въ томъ, что въ Японіи широко распространены такъ называемые „женскіе патріотическіе кружки“, членами которыхъ состоятъ дамы высшаго общества. Это не совсѣмъ сестры милосердія, потому что онѣ не живутъ въ госпиталяхъ, но и не наши дамы-патронессы, которыя заглядываютъ въ палаты лишь ненадолго, на подобіе солнечнаго луча, полагая, что и этимъ уже „ces pauvres diables“ достаточно осчастливлены. Японскія дамы самолично ухаживаютъ за ранеными, заботятся о нихъ, удѣляютъ имъ почти все свое время.—Такъ вотъ, пока генералъ отличался подъ стѣнами Пекина, жена его дѣлала свое дѣло и положительно очаровала больныхъ и раненыхъ французовъ, оказавшихся на ея попеченіи. Въ результатѣ — ей была пожалована médaille d'honneur, но при этомъ представители французскаго правительства сдѣлали чудовищный gaffe: давъ медаль г-жѣ Манабэ, члену кружка, они ничего не дали его предсѣдательницѣ. Съ японской точки зрѣнія это было величайшимъ оскорбленіемъ, и предсѣдательница, жена генералъ-губернатора, рѣшила отомстить. Только-что генералъ, украшенный орденами за боевыя заслуги, вернулся къ домашнему очагу, какъ нагрянули судебныя

власти съ предписаніемъ произвести обыскъ. Вскрывали полы, разбирали стѣны, перекопали весь садъ и дворъ... Оказывается,— генералъ-губернаторъ донесъ, что, по имѣющимся у него свѣдѣніямъ, генералъ Манабэ вывезъ изъ Китая и прячетъ у себя цѣнныя вещи, похищенныя въ одномъ изъ пекинскихъ дворцовъ, находившихся подъ охраной его же солдатъ.—Въ такихъ случаяхъ японцы не шутятъ, считая, что затронута честь націи, и, право, взглядъ этотъ не мѣшало бы усвоить многимъ европейцамъ.—Каковы были результаты обыска—Martini, въ точности, не былъ освѣдомленъ; но только съ этой поры звѣзда генерала померкла, и на войну съ Россіей его не взяли... Прошу извинить за отступленіе и возвращаюсь къ дневнику.)

„Не допустивъ адмирала безпокоиться выходомъ на платформу, генералъ самъ, еще на ходу, вскочилъ въ вагонъ. Взаимное представленіе чиновъ штаба съ той и съ другой стороны. Нѣсколько любезныхъ фразъ о перемѣнчивости военнаго счастья: сегодня — неудача, завтра — побѣда, и наоборотъ. Потомъ всѣ сѣли. Былъ поданъ чай (по-европейски) и тутъ разыгралась маленькая комедія, очевидно заранѣе инсценированная.

„Манабэ освѣдомился: все ли было должнымъ образомъ устроено въ Ниносимѣ, и не терпѣлъ ли адмиралъ какихъ-нибудь неудобствъ?—Адмиралъ отвѣтилъ, хотя и въ мягкой формѣ, но съ полной откровенностью.—Генералъ изобразилъ на своемъ лицѣ горестное изумленіе и скороговоркой началъ отчитывать полковника, который стоялъ на вытяжку, держа руку подъ козырекъ, красный, какъ ракъ, и обливаясь потомъ. — Дальше слѣдовали всяческія извиненія и даже ссылка на некорректность госпиталя въ Сабесо, который экстренно, никого не предупредивъ, эвакуировалъ раненыхъ; иначе генералъ почелъ бы долгомъ лично встрѣтить почетнаго гостя въ Ниносимѣ и самому за всѣмъ присмотрѣть. (Ой, вретъ! — подумалъ я.) Такъ или иначе инцидентъ былъ исчерпанъ. Еще нѣсколько минутъ непринужденной бесѣды, причемъ генералъ заявилъ, что звѣзда Станислава съ мечами—это наибольшая его гордость, такъ какъ въ китайской кампаніи только четверо ее получили, а теперь, за смертью маршала Ямада, въ живыхъ осталось трое, и онъ—самый младшій. Распрощались, и въ 7 ч. вечера поѣздъ тронулся.

„Часа черезъ два всѣмъ захотѣлось ѣсть.—Да какъ еще!— Я даже ноги подогнулъ, чтобъ не такъ „подводило“... На станціяхъ и помину не было о буфетахъ. Въ десятомъ часу вечера— большая остановка. Появились дамы мѣстнаго патріотическаго кружка (поѣздъ, къ которому насъ прицѣпили, былъ санитар-

ный—съ больными и ранеными).—Нашимъ дамамъ-патронессамъ было бы на что поглядѣть и чему поучиться! — Шелестя дорогими шелковыми „кимоно" и постукивая деревянными „гэта" [1]), онѣ проворно, но безъ суеты обходили вагоны, съ улыбкой и поклонами угощая чаемъ и какимъ-то печеньемъ, тутъ же собственноручно мыли посуду, бѣгали за кипяткомъ...

„Мы освидѣтельствовали наши запасы провизіи. Оказалось—негусто. Небольшая коробка ветчины, шесть кусковъ хлѣба и полфунта шоколада... Адмиралъ предложилъ-было потерпѣть еще, такъ какъ вѣдь это—послѣднее, но говорилъ какъ-то неувѣренно. Видимо, и его мучилъ голодъ. — Рѣшили съѣсть ветчину и по одному куску хлѣба, а два куска оставить про запасъ, на случай, когда придется питаться шоколадомъ. Въ банкѣ—ветчины оказалось пять тоненькихъ ломтиковъ. Каждый получилъ по 1¼. Хлѣбъ съѣли весь, надѣясь, что ужъ если придется перейти на шоколадъ, такъ гдѣ-нибудь достанемъ къ нему варенаго риса.

„Ночь провели сидя—лечь было негдѣ—на каждомъ трехъмѣстномъ диванѣ было по-двое. Съ вечера пытались-было уговорить адмирала взять одинъ диванъ въ полное его распоряженіе, но онъ категорически отказался, а мы хорошо знали, что въ подобныхъ случаяхъ спорить съ нимъ безполезно.

„Ночь была лунная; окрестности поразительно красивыя, но никто ими не любовался. Комаровъ—туча. Какіе-то особенные: держатся понизу и кусаютъ за ноги, какъ собаки, свободно проникая жаломъ черезъ бѣлье. Кто-то увѣрялъ даже, что слышитъ, какъ они чавкаютъ. Послѣ полуночи, въ подкрѣпленіе къ этимъ кусакамъ, появились полчища другихъ, мелкихъ, въ родѣ москитовъ, которые повели атаку на лицо, шею и руки. Словно ворочаешься въ крапивѣ.

„Есть такая французская пословица: „Qui dort—dîne"; но такъ какъ мы вовсе не спали, то къ 4-мъ ч. утра опять начали изнывать отъ голода. Даже адмиралъ не стерпѣлъ, разбудилъ нашихъ конвоировъ и потребовалъ рѣшительнаго отвѣта: когда и гдѣ можно будетъ достать пищи? Полковникъ (черезъ переводчика) объяснилъ, что въ одиннадцатомъ часу утра на станціи Симедзи будетъ завтракъ „по-европейски". Адмиралъ вскипѣлъ:—„Вѣдь насъ не кормили съ парохода! Нельзя же было ѣсть ту дрянь, которую давали въ карантинѣ! Сейчасъ же телеграфируйте на слѣдующую большую станцію, чтобы приготовили на двѣнадцать человѣкъ [2]) по пяти яицъ въ крутую на каждаго, хлѣба и чаю!"

[1]) „Гэта"—родъ высокихъ деревянныхъ сандалій для ходьбы по улицамъ.

[2]) Четверо—въ нашемъ отдѣленіи и восемь во II-мъ классѣ.

Съ полковникомъ чуть не приключилось удара. Онъ клялся, что завтракъ будетъ „по-европейски", что все обдумано, что маршрутъ и расписаніе часовъ ѣды утверждены высшимъ начальствомъ, что самъ онъ не имѣетъ права распоряжаться... Но адмиралъ не слушалъ его, совалъ ему въ руки нѣсколько японскихъ кредитокъ и твердилъ:—„Скорѣй! скорѣй! посылайте телеграмму, пока поѣздъ не тронулся!" (Это происходило во время остановки на какой-то маленькой станціи.)—„Ваше превосходительство!—взывалъ переводчикъ—онъ не можетъ этого сдѣлать безъ разрѣшенія на то отъ правительства, а взять ваши деньги тоже совсѣмъ не можетъ!" — „Не можетъ?.." — и скомканныя бумажки полетѣли въ окно... Переводчикъ кинулся за ними...

„Въ 6-мъ часу утра 31 августа пришли на станцію Окаяма и здѣсь (о, радость!) получили адмиральскій заказъ. Въ первый моментъ изрядная корзинка съ яйцами и еще бо́льшая съ хлѣбомъ вызвали шутливыя замѣчанія, что тутъ на цѣлую роту хватитъ, но опустѣли онѣ съ изумительной быстротой. Запивали чаемъ, которымъ угощали дамы, не смотря на ранній часъ явившіяся къ поѣзду. Мы не отказывались и отъ японскаго (зеленаго) чая, но здѣсь съ ихъ стороны было проявлено особое вниманіе: подали китайскій чай, съ сахаромъ, въ чашкахъ европейскаго образца, съ блюдечками и даже ложечками. Хозяйничала какая-то особа почтенныхъ лѣтъ, какъ говорили—сама предсѣдательница мѣстнаго кружка. Поѣвши, пришли въ благодушное настроеніе, стали позѣвывать. Комары, съ наступленіемъ дня, куда-то скрылись. Кое-какъ, приткнувшись по угламъ дивановъ, заснули.

„Около 11-ти ч. прибыли въ Симедзи, гдѣ состоялся завтракъ „по-европейски", о которомъ такъ много говорилъ полковникъ. Европейскаго въ немъ было... ножи и вилки. Каждому подали коробочку бѣлаго дерева, въ которой лежали: небольшой, тоненькій кусокъ мяса, зажареннаго въ сухаряхъ, три кусочка (лепесточка) копченаго языка и маленькая картофелина. Все холодное. Дамы угощали не только чаемъ, но и содовой водой и пивомъ. Послѣ такого завтрака адмиралъ съ рѣшительнымъ видомъ далъ переводчику денегъ и поручилъ ему телеграфировать въ Кобэ, чтобы тамъ, на станціи, намъ приготовили по хорошему бифштексу съ картофелемъ. Переводчикъ замялся-было, обратился къ полковнику, но тотъ только рукой махнулъ: семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ.

„Въ 1 ч. 20 м. пополудни мы сидѣли за столомъ, накрытымъ

чистой скатертью, у каждаго была салфетка... Какъ все было хорошо и какъ вкусно приготовлено!

„Въ 3 ч. 20 м., прибывъ въ Осака, довольно равнодушно поглядѣли на японскую стряпню à la européenne, которою насъ собирались угостить, но изъ вѣжливости посидѣли за столомъ. Здѣсь добыли газеты и прочли, что какъ разъ въ ночь послѣ нашего отъѣзда изъ Сасебо произошелъ пожаръ на „Миказа“, закончившійся взрывомъ и потопленіемъ броненосца.—Адмиралъ послалъ Того телеграмму съ выраженіемъ соболѣзнованія.

„Въ 5 ч. 40 м. вечера, безъ особыхъ приключеній, прибыли въ Кіото. — На станціи насъ встрѣтили начальникъ гарнизона генералъ-маіоръ Окамэ, маіоръ, завѣдующій военно-плѣнными въ Кіото, поручикъ, завѣдующій тѣмъ храмомъ, гдѣ предстояло жить адмиралу, и переводчикъ, да кое-кто изъ нашихъ офицеровъ, ранѣе сюда прибывшихъ. Здѣсь же мы распрощались съ нашимъ полковникомъ, который, видимо, былъ въ восторгѣ. Радость его была мнѣ вполнѣ понятна.

„Въ экипажахъ (не на рикшахъ) поѣхали: адмиралъ и штабные чины—въ храмъ Чидзякуинъ, а прочіе—въ храмъ Хонкокудзи“.

VII.

Первыя впечатлѣнія въ Кіото.—Начальникъ гарнизона, генералъ-маіоръ Окамэ, и его нравоученія.—Дружественная бесѣда.—Вопросы продовольствія.—Мелочи жизни.—Небогатовъ.

„1 сентября.—Адмиралу и старшимъ чинамъ его штаба отведено отдѣльное зданіе (можно бы сказать—флигель), соединяющееся съ главнымъ корпусомъ храма горбатымъ деревяннымъ мостикомъ, перекинутымъ черезъ узкій протокъ пруда, имѣющаго форму „покоя“. Это зданіе, чисто японскаго устройства, предназначено для жительства высокихъ гостей, на случай ихъ посѣщенія, и состоитъ изъ двухъ частей: въ одной три комнаты или, вѣрнѣе, одна, разгороженная на три подвижными щитами, которые можно сдвинуть и даже вовсе убрать,—здѣсь помѣстили адмирала; въ другой, отдѣленной отъ первой широкимъ корридоромъ, двѣ комнаты для свиты, комната для прислуги, кладовая и проч. — Мнѣ было назначено поселиться третьимъ въ комнатѣ, гдѣ уже жили двое, ранѣе прибывшіе, люди мало знакомые и, откровенно сказать, мало мнѣ симпатичные.—По счастью, адмиралъ, обладавшій способностью сразу

подмѣчать всякую мелочь, узнавъ, какъ и съ кѣмъ меня помѣстили, приказалъ мнѣ перебраться въ третью комнату своего домика. Я слабо протестовалъ, но, какъ уже было сказано по поводу дивана въ вагонѣ, спорить съ нимъ въ такихъ случаяхъ было безполезно. „Эта комната—ваша. Живите тутъ или не живите—я ею пользоваться не буду. Пусть стоитъ пустая“.— Все это разыгралось еще вчера вечеромъ.—Адмиралу поставлена простая желѣзная кровать съ матрасомъ и подушками; у всѣхъ прочихъ—кровати деревянныя такого же образца, какъ въ Ниносимѣ; жесткій соломенный тюфякъ и, подъ голову, валекъ, набитый пескомъ.

„Послѣ двухъ безсонныхъ ночей спалъ какъ убитый. Проснувшись утромъ, долго не могъ сообразить: гдѣ я и что со мной?

„Въ 9 ч. утра прибылъ генералъ Окамэ со штабомъ.

(Подробности этого посѣщенія, тогда же мною записанныя, какъ нельзя лучше характеризуютъ японцевъ, ставшихъ въ уровень съ европейцами.)

„Всѣхъ новоприбывшихъ (отъ адмирала до юнкера, прикомандированнаго къ его штабу) пригласили въ одну комнату, посреди которой стоялъ столъ и нѣсколько стульевъ. Когда мы собрались, въ дверяхъ появился Окамэ, сопровождаемый адъютантами. Вмѣсто всякаго привѣтствія, онъ (черезъ переводчика) заявилъ: „Сегодня я здѣсь какъ начальникъ гарнизона и завѣдующій военно-плѣнными“.—Затѣмъ взялъ поданную ему бумагу, прочелъ (по-японски) рѣчь и, окончивъ чтеніе, замеръ въ неподвижности. Слѣдомъ за нимъ переводчикъ, тоже по писанному, прочелъ переводъ рѣчи на русскій языкъ. Привожу этотъ переводъ дословно, какъ онъ списанъ съ бумаги, бывшей въ рукахъ переводчика.

„Я, начальникъ гарнизона Фусими, генералъ-маіоръ Окамэ-Масансеро, объявляю вамъ, господамъ морскимъ офицерамъ, какъ военно-плѣннымъ, недавно прибывшимъ и помѣщеннымъ въ этомъ гарнизонѣ:—Господа офицеры! Вы, покинувъ еще въ прошломъ году свою отчизну, переплывя далекій сто-тысяче-мильный бурный путь, перенеся всякія лишенія, бѣдствія и непогоды, вполнѣ исполнили свой долгъ службы отечеству, твердо стоявши своею грудью и сражавшись въ бою съ патріотической энергіей и храбростью до тѣхъ поръ, пока васъ не постигла несчастная роковая судьба, принудившая васъ попасть въ плѣнъ.—А потому, принимая во вниманіе ваше положеніе, выражаю вамъ мое сочувствіе и душевно раздѣляю ваше горе“.

(До сихъ поръ рѣчь была вполнѣ умѣстна и благопристойна; курьезные обороты и шероховатость выраженія, очевидно, слѣдовало отнести за счетъ переводчика, который старался быть дословнымъ.—Дальше пошли пункты.)

„1. Во время нахожденія въ плѣну, вы должны строго соблюдать всѣ постановленія и правила, установленныя Японскимъ Императорскимъ Правительствомъ, и отнюдь не должны уклоняться отъ исполненія ихъ. Соблюденіе воинской дисциплины и благочинія есть самая важная потребность воиновъ, которая, какъ вамъ извѣстно, соблюдается въ державахъ всего свѣта; поэтому желательно, чтобы вы, господа офицеры, обращали особое вниманіе, чтобы не было нарушенія дисциплины и законовъ.

„2. Распоряженія начальника гарнизона, даваемыя черезъ надлежащихъ чиновниковъ комитета, исходятъ отъ Японской Императорской Власти и требуютъ точнаго исполненія.

„Находясь здѣсь, вы должны дружески относиться другъ къ другу и воздерживаться въ поведеніи, такъ какъ примѣрное поведеніе возвышаетъ достоинство воиновъ, помня, что соблюденіе этого плѣнными есть услуга отечеству, а пока слѣдуетъ терпѣливо ждать заключенія мира.

„Я, имѣя должность завѣдывать вами, лично даю вамъ слово наставленія при первомъ свиданіи съ вами. Желаю вамъ быть увѣренными и спокойными".

„Во время чтенія я украдкой поглядывалъ на адмирала.—Онъ стоялъ, заложивъ руки за спину, слегка наклонивъ голову, какъ бы внимательно слушая, и только хорошо всѣмъ намъ знакомое, нервное движеніе скуловыхъ мускуловъ выдавало внутреннія его ощущенія.

„Безспорно, это „слово наставленія" было бы допустимо въ обращеніи къ молодежи; штабъ-офицерамъ, дожившимъ на службѣ до сѣдыхъ волосъ, и то неловко было его слушать—но что же сказать про генералъ-адъютанта, вице-адмирала, который, стоя рядомъ съ юнкеромъ, получалъ отъ генералъ-маіора совѣты, какъ ему слѣдуетъ „воздерживаться въ поведеніи"?!

„Хотѣлось бы вѣрить, что церемоніи этого рода японцы устраивали просто по.... недоумію, не уловивъ самой сути европейскихъ правилъ вѣжливости и приличія. Съ трудомъ вѣрилось... Что̀ другое, но „это" должно было быть наиболѣе доступно ихъ пониманію. Вѣдь ни въ одной странѣ этикетъ, т.-е.

внѣшняя форма взаимоотношеній отдѣльныхъ лицъ (даже въ кругу семьи), не разработанъ такъ, какъ въ Японіи...

„Во всякомъ случаѣ, ясно видно было, что Окамэ наслаждается выполненіемъ доставшейся ему роли... Когда переводчикъ закончилъ чтеніе, онъ торжественнымъ наклоненіемъ головы и движеніемъ руки пригласилъ всѣхъ садиться и сѣлъ самъ. Затѣмъ (черезъ переводчика) имѣла мѣсто такая бесѣда:

„Переводчикъ.—Генералъ еще разъ выражаетъ уваженіе понесеннымъ вами трудамъ и высокой доблести. Онъ надѣется, что здѣшніе доктора не хуже, чѣмъ въ Сасебо, а климатъ лучше, и тяжелая рана на головѣ здѣсь скоро совсѣмъ залечится.

„Адмиралъ.—Скажите ему, что я благодарю.

„Переводчикъ.—Онъ очень безпокоился о ходѣ вашихъ ранъ и безпокоился о вашемъ здоровьѣ, видя, что день вашего пріѣзда, давно назначенный, все отдаляется, но теперь радуется, что онъ насталъ.

„Адмиралъ.—Благодарю.

„Переводчикъ.—Конечно здѣсь нѣтъ тѣхъ удобствъ, къ которымъ привыкли всѣ европейцы, но онъ со своей стороны готовъ сдѣлать все, что въ его власти.

„Адмиралъ.—Благодарю.

„Переводчикъ.—Онъ интересуется узнать: не устали ли вы послѣ дороги и какъ себя чувствуете.

„Адмиралъ.—Очень хорошо.

„Переводчикъ.—Дѣла службы не позволяютъ ему продолжать пріятнаго разговора. Онъ долженъ уйти, пожелавъ всего хорошаго.

„Адмиралъ.—До свиданья“.

„Вскорѣ послѣ отъѣзда Окамэ возвратился сопровождавшій его маіоръ и привезъ уже готовые листы, которые надо подписать, чтобы получить право „свободнаго выхода за ворота съ 8 ч. утра до 6 ч. вечера“. Подписавшій такой листъ обѣщается не пытаться бѣжать, во время прогулки не посылать писемъ, ни телеграммъ, ограничиваться указаннымъ раіономъ города, не вступать въ сношенія съ плѣнными, помѣщенными въ другихъ мѣстахъ, не заходить въ частныя квартиры (?) и т. д... Курьезный документъ начинается словами: „Обѣщаюсь подъ честнымъ словомъ воина, какъ русскій офицеръ, и клянусь Всемогущимъ

Богомъ"... Адмиралъ на предложеніе маіора отвѣтилъ кратко, но выразительно:—„Не нужно"—и ушелъ въ другую комнату.

„Такъ какъ мирный договоръ подписанъ уполномоченными уже двѣ недѣли тому назадъ и ждетъ только ратификаціи, то, конечно, строить планы бѣгства было бы безцѣльно и даже глупо, но разъ японцы находили умѣстнымъ разыгрывать такую комедію,—я тоже рѣшилъ посмѣяться и съ благородной откровенностью заявилъ маіору, что никогда не сдавался на́-слово, а взятъ въ плѣнъ раненымъ и твердо намѣренъ бѣжать при первомъ удобномъ случаѣ. Флагъ-капитанъ и флагъ-офицеръ, прибывшіе съ адмираломъ изъ Сасебо, также послѣдовали его примѣру и отказались дать подписку. Для меня лично это не представляло особаго лишенія: вѣдь просидѣлъ же я на „Суворовѣ" съ 1-го октября 1904 г. до 14-го мая 1905 г., съѣхавъ на берегъ только три раза — одинъ разъ въ Виго и два раза въ Нози-бе—да и то по дѣламъ службы и срокомъ не болѣе какъ на часъ.—А храмъ, съ садомъ, много просторнѣе броненосца. Ничего! посидимъ и еще! Зато—никакихъ обязательствъ и никакихъ милостей со стороны побѣдителей".

„2 сентября.—Остатокъ вчерашняго дня прошелъ въ хозяйственныхъ хлопотахъ—пріобрѣтали предметы первой необходимости. Въ храмѣ имѣется лавочка, хозяинъ которой (японецъ, довольно бойко говорящій по-русски) является въ то же время и коммиссіонеромъ, доставляя изъ города все, что потребуютъ (конечно, наживаетъ здорово).

„Кромѣ адмирала и его штаба (всего 8 человѣкъ) въ главномъ корпусѣ храма содержатся: съ „Ушакова"—1, съ „Ослябя"—1, съ „Мономаха"—1, съ „Сысоя"—1 и съ „Урала"—1, затѣмъ съ Небогатовскаго отряда — 22 или 24. Послѣдніе держатся какъ-то своей компаніей, не признавая не только воинской дисциплины, о которой проповѣдывалъ Окамэ, но, часто, и общепринятыхъ правилъ приличія... Тонъ задаютъ многочисленные прапорщики запаса и юноши того особаго типа, который за послѣдніе годы успѣшно культивировался въ морскомъ корпусѣ. Правда, они не составляютъ большинства, но они всего замѣтнѣе. Люди серьезные, сдержанные, дающіе себѣ отчетъ въ совершившемся и вѣрно оцѣнивающіе свое положеніе, не лѣзутъ впередъ, не шумятъ и потому незамѣтны.

„Здѣсь мы узнали, какого удовольствія счастливо избѣгли въ Ниносимѣ, благодаря энергичному заявленію доктора Тедзука, отъ имени главнаго врача госпиталя въ Сасебо свидѣтельствовавшаго, что мы не несемъ съ собою никакой заразы и не подле-

жимъ содержанію въ карантинѣ. Вотъ какъ поступали съ прочими. Партію плѣнныхъ, безъ различія чиновъ и возраста собирали въ пріемномъ баракѣ; каждому предлагали раздѣться до гола и уложить свои вещи въ парусинный мѣшокъ за номеромъ; мѣдное кольцо съ тѣмъ же номеромъ надѣвалось на палецъ владѣльца вещей. Затѣмъ толпу голыхъ людей „гнали" въ сосѣдній баракъ, гдѣ помѣщались ванны—деревянные ящики, наполненные водой, сдобренной какимъ-то дезинфецирующимъ составомъ; въ ящики „загоняли" по нѣскольку человѣкъ, причемъ санитары наблюдали, чтобы всѣ окунались съ головой; кто сопротивлялся—обливали изъ ведра. Послѣ ванны, въ слѣдующемъ помѣщеніи, всѣмъ прививали оспу. Здѣсь, въ костюмѣ Адама, сидѣли въ ожиданіи, пока прививка подсохнетъ; предъявивъ кольцо, получали мѣшокъ съ вещами, уже дезинфецированными, и наконецъ водворялись въ изоляціонныхъ баракахъ на срокъ двухъ недѣль. Все это было вполнѣ раціонально въ смыслѣ предупрежденія заноса внутрь страны различныхъ заразныхъ болѣзней, такъ какъ о санитарномъ состояніи плѣнныхъ японцы никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній не имѣли; но способъ примѣненія этихъ мѣръ и манера обращенія, конечно, могли бы быть иными. Мой собесѣдникъ особенно подчеркивалъ слова: „гнали", „загоняли" и при одномъ воспоминаніи о пережитомъ волновался, то блѣднѣлъ, то краснѣлъ... Чувствовалось, что тутъ японцы не смогли отказать себѣ въ невинномъ удовольствіи третировать европейцевъ какъ скотъ, пригнанный изъ области, охваченной эпизоотіей".

„3 сентября.—Сегодня проснулся рано—въ 6-мъ часу утра.—Солнце еще не взошло. Зданія храма, съ причудливыми крышами, горбатыми мостиками и крытыми переходами, садъ съ его прудами, путанной листвой искусно подобранныхъ декоративныхъ деревьевъ и кустарниковъ—были удивительно красивы. Кругомъ вѣяло ароматной свѣжестью, а въ себѣ я чувствовалъ такой приливъ бодрости и силы... Говорятъ, всѣ выздоравливающіе послѣ тяжелой болѣзни испытываютъ это ощущеніе. Бродя по галлереямъ, черезъ раздвинутые стѣнные щиты случайно увидѣлъ—сидятъ и играютъ въ карты, видимо, со вчерашняго дня; усталыя, возбужденныя лица, хриплые голоса... Пожалѣлъ ихъ...

„Какіе удивительные мастера японцы въ дѣлѣ созданія миніатюръ! Ходишь и удивляешься, какъ ухитрился художникъ (нельзя сказать—садовникъ) на такомъ маленькомъ клочкѣ земли создать такую иллюзію стараго, запущеннаго парка? Каждый пригорокъ, каждая ложбинка, каждая складка почвы использована.—Идешь по крутому склону, но кажется, что это не на-

рочно построенная лѣстница, а случайное нагроможденіе камней, среди которыхъ нога человѣка, выбирая удобнѣйшій путь, протоптала слѣдъ; среди густой заросли замѣчаешь чуть видную тропинку, раздвигаешь кусты и оказываешься на маленькой лужайкѣ, въ центрѣ которой — крошечная кумирня, поросшая мхомъ.—Отъ скалы отломилась длинная, нетолстая глыба и упала поперекъ узкаго протока, соединяющаго двѣ части пруда, образовавъ мостъ; оглядѣвшись, можно даже найти мѣсто, откуда она откололась, но надо ли пояснять, что это не игра природы, а дѣло искусныхъ рукъ"...

„4 сентября.—Повидимому нашъ отказъ отъ принятія какихъ-либо обязательствъ удивилъ и озаботилъ японцевъ. Сегодня утромъ приходили: къ адмиралу—маіоръ, а къ намъ—поручикъ. Убѣждали, что послѣ долгаго пребыванія въ госпиталѣ крайне полезно нѣсколько развлечься, а гулять — прямо необходимо. Успѣха не имѣли.—Вечеромъ опять прибѣжалъ поручикъ и просилъ уговорить адмирала подписать „присягу", такъ какъ вѣдь это пустая формальность.—Только посмѣялись".

„5 сентября.—Вчера за вечернимъ чаемъ у адмирала много говорили о разницѣ между службой и тѣмъ отбываніемъ „номеровъ", которое у насъ принято, о морскомъ корпусѣ, который не имѣетъ ничего общаго съ настоящимъ флотомъ. Адмиралъ оживился, говорилъ о необходимости коренныхъ реформъ, какъ въ дѣлѣ боевой подготовки личнаго состава, такъ и въ организаціи центральныхъ и портовыхъ учрежденій. Между прочимъ высказалъ мысль, что если мы до настоящаго времени были на ложномъ пути, тихо дремали подъ припѣвъ „все обстоитъ благополучно", то все же прошлое можетъ оправдываться нашимъ невѣдѣніемъ, нашимъ чистосердечнымъ заблужденіемъ — „виновны, но заслуживаемъ снисхожденія"—а теперь, когда война открыла намъ глаза, не использовать этотъ кровавый опытъ, пройти мимо него старой дорогой—будетъ уже *сознательнымъ* преступленіемъ, безъ всякихъ смягчающихъ вину обстоятельствъ.— Я не записалъ вчера же подлинныхъ его выраженій, но мысль была именно такая".

„6 сентября. — Сегодня пріѣзжалъ изъ Осака начальникъ дивизіи, генералъ-лейтенантъ Ибараки, чтобы сдѣлать смотръ ново-прибывшимъ плѣннымъ. Предполагался такой же парадъ, съ адмираломъ во главѣ, какъ въ первый день, и даже еще торжественнѣе—въ большой столовой, потому что Ибараки былъ начальникомъ Окамэ. Однако въ послѣдній моментъ вышла отмѣна. (Можетъ быть побоялись, что адмиралъ откажется выйти

изъ своего помѣщенія?) Во всякомъ случаѣ, Ибараки повелъ себя совсѣмъ непохоже на Окамэ. Пріѣхавъ въ храмъ, послалъ къ адмиралу своего адъютанта справиться: можетъ ли онъ его видѣть?—и получивъ утвердительный отвѣтъ — пришелъ въ его помѣщеніе какъ бы съ визитомъ. Конечно, по такой манерѣ и принятъ былъ соотвѣтственно. Просидѣлъ около четверти часа. При уходѣ адмиралъ проводилъ его до порога своего домика и любезно прощался (на Окамэ смотрѣлъ какъ на пустое мѣсто). Мы оффиціально представлялись генералу въ большой столовой. Даже и намъ никакихъ глупыхъ наставленій онъ не читалъ, а просто выразилъ свое глубокое сочувствіе и обнадежилъ скорымъ освобожденіемъ".

„7-го сентября.—Уже третій день стоитъ упорное ненастье. По утрамъ бѣлье, платье — совсѣмъ сырое. Отъ некрашенныхъ стѣнъ—запахъ мокраго дерева. Кормятъ отвратительно, но это не въ укоръ завѣдующему хозяйствомъ и поварамъ. Въ хищеніи ихъ обвинить нельзя. Судите сами: можно ли кормить хорошо, если на 60 коп. въ день надо дать: утренній чай съ хлѣбомъ, завтракъ и обѣдъ? И это при условіи, что мясо стоитъ 45 коп. фунтъ... Такова норма офицерскаго продовольствія. Кромѣ довольствія натурой, каждому плѣнному офицеру выдается на руки 6 рублей въ мѣсяцъ на ремонтъ одежды и обуви, покупку мыла и прочей мелочи. На продовольствіе нижнихъ чиновъ шло (какъ слышалъ) 23 коп. въ день. Руководствуясь этими цифрами и свѣдѣніями о числѣ военно-плѣнныхъ генераловъ, офицеровъ и нижнихъ чиновъ, печатавшимися въ японскихъ газетахъ, досужіе математики (а досуга было достаточно) пытались вычислить: во что обойдется Японіи содержаніе плѣнныхъ, если считать, что въ ноябрѣ эвакуація закончится? Итоги получались различные, такъ какъ вычислители не знали точно сроковъ прибытія отдѣльныхъ партій и ихъ численности, но въ общемъ колебались между 5 и 7 милліонами. Можетъ быть, въ счетъ содержанія ставились также: перевозка, приспособленіе зданій, леченіе въ госпиталяхъ? Пусть такъ. Но много ли это составитъ? Возьмемъ на кругъ по сто рублей на человѣка. Это—за глаза. Значитъ—еще 7 милліоновъ. Округлимъ цифру, скажемъ: за все про все—15 милліоновъ. Больше никакъ не наскребешь. Откуда же, по какой аптекарской таксѣ японцы насчитали 200 милліоновъ? Невольно создавалось убѣжденіе, что согласіе на такое требованіе есть не что иное, какъ замаскированная контрибуція. И такъ становилось обидно...

„Нечего и говорить, что жить на казенномъ пайкѣ можно

только впроголодь. Почти все населеніе храма (всѣ пользовавшіеся „правомъ свободной прогулки“) ходитъ завтракать въ „Miako Hôtel“ и тамъ наѣдается на цѣлыя сутки. Мы оказались въ худшемъ положеніи, такъ какъ приносить пищу изъ ресторана разрѣшено только для адмирала, и то послѣ большихъ препирательствъ. По правиламъ это не дозволено: боятся, что въ судкахъ будутъ передавать какія-нибудь секретныя свѣдѣнія. Вошли въ соглашеніе съ поваромъ, который за особую плату (и вовсе не грабительскую) готовитъ намъ дополненіе къ убогому столу. Репертуаръ у него небогатый: бифштексъ и яичница. Иногда покупаемъ окорокъ. Пріобрѣтаемъ у маркитанта разные консервы. Завели приспособленія для варки чая, кофе и какао.

„Выписалъ себѣ „Ниппонъ-кай тай кай-сенъ“—описаніе боя при Цусимѣ въ донесеніяхъ японскихъ флагмановъ и капитановъ и въ разсказахъ участниковъ и очевидцевъ (на японскомъ языкѣ въ двухъ томахъ) и, пользуясь избыткомъ свободнаго времени, взялся за переводъ. Кстати повторяю китайскіе іероглифы, которыхъ прежде зналъ болѣе $2^1/_2$ тысячъ. Оказывается, въ теченіе шести лѣтъ, за отсутствіемъ практики, многое перезабылось, но вспоминается легко.

„Изъ прочаго населенія храма очень немногіе читаютъ и занимаются. Есть два-три человѣка, работающіе совмѣстно надъ розыгрышемъ (по правиламъ военно-морской игры) цусимскаго боя при различныхъ комбинаціяхъ. Результатъ для насъ всегда получается одинъ и тотъ же — полный разгромъ. Огромное большинство рѣшительно ничего не дѣлаетъ. Днемъ бродятъ по городу (или, вѣрнѣе, сидятъ въ ресторанахъ, барахъ и чайныхъ домахъ), а вечеромъ и ночью играютъ въ карты. Не безъ попоекъ, не безъ исторій“.

„8-го сентября. — Послѣ ненастья завернули холода. По утрамъ въ комнатѣ 12° R. и все мокрое, такъ какъ туманъ стоитъ такой же, какъ на дворѣ. Еще бы! у меня три стѣны — наружныя, причемъ двѣ изъ тонкой прозрачной бумаги, а одна изъ картона. Воображаю, каково было бы тутъ оставаться на зиму!“

„9-го сентября.—Ночью простудился, лежа въ собственной постели—кашель, насморкъ и головная боль“.

„10-го сентября.—Пріѣзжалъ французскій вице-консулъ изъ Кобэ. Зачѣмъ?—неизвѣстно. Надо полагать—для исполненія номера, чтобы донести по начальству: „навѣстилъ и освѣдомился о нуждахъ“. Сталъ-было говорить ему о невозможной пищѣ, но онъ руками замахалъ, говоритъ: „это они по неумѣнью приспособиться къ европейскимъ вкусамъ“.

„Сегодня же пріѣзжалъ Танака, недавно произведенный въ капитаны 2-го ранга. Присланъ отъ имени морского министра и начальника главнаго морского штаба справиться о здоровьѣ адмирала. Привезъ посылку международнаго комитета Краснаго Креста — 5 ящиковъ египетскихъ папиросъ и 5 ящиковъ шампанскаго. Пресимпатичный типъ, въ родѣ моего стараго пріятеля Номото. Посылку адмиралъ передалъ въ общее пользованіе обитателей храма".

„11-го сентября.—Словно опять настало лѣто. Чудный теплый вечеръ".

„12-го сентября. — Небогатовъ уже два раза былъ у адмирала и подолгу сидѣлъ, но я съ нимъ не видался. Японское правительство, освѣдомившись оффиціально, что онъ и его командиры исключены изъ службы, т.-е. перестали быть военными, немедленно ихъ освободило. Завтра они уѣзжаютъ. Небогатовъ приходилъ прощаться. Случайно встрѣтились на верандѣ. Онъ меня задержалъ и разговорился... Я поколебался въ моемъ первоначальномъ сужденіи, котораго держался до сихъ поръ. (Съ офицерами его отряда я никогда не заговаривалъ о сдачѣ. Зачѣмъ бередить раны? — и такъ тяжело.) Въ самомъ дѣлѣ, положеніе было отчаянное: японцы, командуя дистанціей, держались на 50—60 кабельтововъ и разстрѣливали ихъ, какъ на ученьѣ, въ полной безопасности... Какой ужасъ! И *вотъ въ чемъ позоръ*!.. Онъ сообщилъ, что торопится въ Россію для того, чтобы просить суда. Пусть всѣ знаютъ, въ чемъ именно онъ виноватъ. Онъ не имѣлъ возможности нанести никакого вреда непріятелю; оставалось — потопить корабли и спасать команду. Онъ былъ увѣренъ, что при этомъ погибнетъ не менѣе 75%, и не рѣшился собственнымъ сигналомъ потопить полторы тысячи своихъ подчиненныхъ. „Духу не хватило! въ этомъ виноватъ... Не за себя же я безпокоился? Для меня, для адмирала, нашлись бы спасательныя средства!.. Нарочно захотѣлъ бы топиться, и то бы спасли... Да и японцы перваго бы подобрали, какъ трофей... Не за себя! за нихъ!.. Сердце не выдержало... За это пусть и судятъ!" Да, это былъ единственный аргументъ для его оправданія, но аргументъ вѣскій. За себя лично ему, конечно, бояться было нечего; значитъ, если онъ сдалъ корабли, а не уничтожилъ ихъ, то не ради спасенія собственной жизни".

„13-го сентября.—Тепло, но дождь".

„14-го сентября.—Утромъ пріѣхали французскій посланникъ Armand и морской агентъ, лейтенантъ Martini, въ сопровожденіи Окамэ и маіора. Адмиралъ, по обычаю, смотрѣлъ на Окамэ, какъ

на пустое мѣсто, и даже объяснилъ Арману, что поступаетъ такъ намѣренно, ибо этотъ генералъ-маіоръ позволилъ себѣ читать ему наставленія о воинской дисциплинѣ и благонравіи. Вечеромъ Armand давалъ намъ обѣдъ въ „Miako Hôtel“. Были и японцы“.

„15-го сентября.—День безъ приключеній“.

„16-го сентября.—Въ 10 ч. 20 м. утра легкое землетрясеніе“.

„17-го и 18-го сентября.—Холодно и тоскливо“.

VIII.

Жизнь и обычаи военно-плѣнныхъ.—Японская система булавочныхъ уколовъ.—Наши крайніе правые и крайніе лѣвые.

„19-го сентября.—Очень безпокоитъ большой палецъ на лѣвой ногѣ. Недѣли черезъ двѣ послѣ операціи онъ совсѣмъ-было зажилъ, и вскорѣ же, вмѣсто срѣзаннаго, началъ рости новый ноготь. Тутъ-то и пошли непріятности. Безъ всякой видимой причины палецъ дѣлался болѣзненнымъ, багровѣлъ, воспалялся. Доктора пожимали плечами и говорили, что это виноватъ шрамъ, изъ-за котораго новый ноготь не можетъ расти нормально. Приказали по три раза въ день размачивать его въ горячей водѣ. На время это помогало; потомъ боли возобновлялись. Путешествіе изъ Сасебо въ Кіото я совершилъ въ просторныхъ туфляхъ. Въ Кіото докторъ тоже все свалилъ на ноготь и предписалъ, пока онъ не выростетъ, держать палецъ въ согрѣвающемъ компрессѣ. Не смѣю не вѣрить, но сильно озабоченъ вопросомъ: какъ надѣну сапоги при отъѣздѣ? Правая нога медленно, но вѣрно крѣпнетъ и становится послушной, хотя все еще, когда идешь задумавшись и не наблюдаешь за ней, вдругъ начинаетъ загребать. Болитъ только при перемѣнѣ погоды“.

„20-го сентября.—Утромъ въ моей комнатѣ $+ 10^1/_2{}^0$ R“.

„21-го сентября.—Живемъ какъ въ тюрьмѣ. Разница только та, что много свѣта и воздуха. Послѣдняго, да еще холоднаго и сырого, даже въ избыткѣ“.

„22-го сентября. — Сегодня мирный договоръ прибылъ въ Японію на ратификацію.

„Откуда-то достали Апухтина и устроили литературный вечеръ. Д. недурно читаетъ. Какъ рѣзко чувствуется, что Апухтинъ писалъ не ради заработка, и даже не ради славы, а просто

потому, что въ извѣстный моментъ хотѣлось писать. Онъ не „сочинялъ“, не искалъ сюжетовъ, они сами выплывали со дна души, давая вѣрную картину настроенія, которое владѣло имъ въ данный моментъ... Какъ удивительно типично это прощальное письмо самоубійцы къ прокурору, этотъ небрежно-шутливый тонъ, за которымъ прячется такое безысходное отчаяніе, такая нестерпимая боль отъ сознанія, что все—въ прошломъ, и ничего—въ будущемъ...

„Гдѣ ты, мой грозный бичъ, каравшій такъ жестоко?
„Гдѣ ты, мой свѣтлый лучъ, ласкавшій такъ тепло?..“

„Послѣ стиховъ пошла проза. — „Дневникъ Павлика Дольскаго“ навелъ меня на странныя мысли. — Да. — Вотъ что думаетъ (что долженъ думать) заурядъ человѣкъ нашего вѣка и нашего общества, спохватившись, что подошла старость, что жизнь прожита и прожита—зря... Ничего путнаго не было сдѣлано... Но развѣ исключительно по винѣ самого Павлика?.. Невольно вспомнился, почему-то, другой, тоже бездѣтный, безсемейный человѣкъ жившій 25 вѣковъ тому назадъ и умершій 49 лѣтъ отъ роду, т.-е. приблизительно въ томъ же возрастѣ, въ которомъ Павликъ самъ себѣ писалъ некрологъ. — Когда друзья Эпаминонда жалѣли, что онъ умираетъ, не оставивъ потомства, онъ отвѣтилъ имъ, полный счастья и гордости: „Я оставляю Греціи двухъ безсмертныхъ дочерей—Левктру и Мантинею“.—Ну, а мы?..“

„23 сентября. — Я попросту стараюсь не имѣть съ японцами никакихъ сношеній, а потому мнѣ лично жаловаться не на что. Зато другіе, пользующіеся правомъ „свободной прогулки“, очень недовольны. По ихъ словамъ, японцы словно особенно стараются использовать послѣдніе дни своей власти, чтобы отравлять жизнь мелкими придирками. — Вчера лейтенантъ Б. опоздалъ на 5 минутъ—вернулся изъ города не въ 6 ч. вечера, а въ 6 ч. 5 м.—и отъ него отобрали билетъ на право выхода за ворота. Обиднѣе всего то, что de facto подобныя распоряженія—право наказать или помиловать—исходятъ не отъ кого другого, какъ отъ жандармскаго унтеръ-офицера, говорящаго по-русски и состоящаго въ распоряженіи поручика, завѣдующаго нашимъ храмомъ. И это не случай, а система, которая въ нашемъ положеніи болѣзненно чувствуется. — Приказанія передаются плѣннымъ всегда лицомъ, стоящимъ значительно ниже ихъ по своему служебному положенію. Къ адмиралу приходитъ

маіоръ, къ штабъ-офицерамъ—поручикъ, къ оберъ-офицерамъ—унтеръ-офицеръ".

„24 сентября.—Ясный, теплый осенній день".

„25 сентября.—Сегодня привезли въ Кіото англичанъ (офицеровъ и матросовъ) съ эскадры, прибывшей въ Кобэ. Чествуютъ союзниковъ. Нашимъ рекомендовали воздержаться отъ прогулокъ во избѣжаніе возможныхъ недоразумѣній".

„26 сентября. — Судя по газетамъ, мирный договоръ уже ратификованъ, но мы все еще подъ карауломъ".

„27 сентября.—Ничего новаго".

„28 сентября. — Вчера прочелъ въ „Странникѣ" (присылаютъ изъ духовной миссіи) разговоръ съ Л. Н. Толстымъ на вѣчную тему о жизни и смерти. Л. Н. считаетъ смерть пробужденіемъ, а жизнь — сномъ другой жизни, болѣе широкой, болѣе дѣйствительной, нежели окружающая насъ земная дѣйствительность.—Почему заснулъ?—этотъ вопросъ онъ оставляетъ открытымъ, а дальше проводитъ чрезвычайно заманчивую параллель: — Спитъ крѣпко, видитъ сны и считаетъ ихъ дѣйствительностью, не сознавая, что спитъ: такой человѣкъ живетъ чисто животной жизнью. — Спитъ чутко, чувствуетъ, хотя и смутно, что это лишь сонъ: такой человѣкъ ищетъ рѣшенія вопросовъ высшаго порядка, неудовлетворенъ (старается вспомнить). — Тихая, спокойная смерть отъ старости: выспался, больше спать не хочетъ. — Ранняя смерть: пробужденіе отъ внѣшнихъ причинъ. — Самоубійство: отчаянное усиліе, съ которымъ пробуждаются отъ кошмара. — Стройная, красивая гипотеза. Жаль только, что нѣтъ опыта, который бы подтвердилъ ея справедливость... Напримѣръ — тѣ друзья и товарищи (не говорю о тысячахъ незнакомыхъ людей), которые были „внезапно разбужены" при Цусимѣ? Неужели всѣ они такъ крѣпко спали, что вовсе забыли свой сонъ, и никто изъ нихъ не навѣдался ни ко мнѣ, ни къ кому другому?.. Странно... Одно скажу: судя по тому, что слышно о нашемъ морскомъ министерствѣ, и по тому, что вижу кругомъ себя,—мало надежды, чтобы впереди явилась возможность не „номера отбывать", а дѣйствительно служить и работать съ пользой для дѣла... И если такъ, то, по Толстовской теоріи, я уже выспался и, по справедливости, слѣдовало бы меня разбудить... Или же это кошмаръ, и надо... самому?..

„Нервы такъ расходились, настроеніе такое мрачное, что за вечернимъ чаемъ у адмирала „лютой тигрой" набросился на X. и отчиталъ его здорово. — Вотъ типичный транзундецъ, который уже предвкушаетъ блаженство возвращенія подъ родную

сѣнь и заранѣе заряжается непогрѣшимостью. О томъ, что̀ и ка̀къ дѣлали японцы подъ Артуромъ — ему извѣстно лучше, чѣмъ мнѣ, такъ какъ у „нихъ“ (въ Транзундѣ) все это было провѣрено научно-поставленными опытами!.. Ахъ, губители флота!..“

„29 сентября.—Martini (французскій морской агентъ) прислалъ письмо на четырехъ страницахъ. Суть та, что во французской миссіи ничего не знаютъ, когда и при какихъ условіяхъ послѣдуетъ наше освобожденіе. Имъ сообщено (изъ Парижа), что для пріема военно-плѣнныхъ прибудетъ особая русская коммиссія, которая будетъ снабжена необходимыми инструкціями и полномочіями и которой они должны оказывать всякое содѣйствіе.

„Въ газетахъ печатаютъ извѣстія изъ Россіи, до такой степени противорѣчивыя и несуразныя, что читать тошно. Впрочемъ вѣдь это—мѣстныя газеты...

„Какъ въ первые дни нашего прибытія сюда—тѣ же ясныя ночи, полная луна и зачарованный садъ... И все это — и природа, и климатъ—все имъ!.. За что?.. Можетъ быть, за то, что у насъ много охотниковъ всю жизнь посвятить родинѣ, а они, просто, всегда готовы съ восторгомъ умереть за нее.. Можетъ быть, это только справедливость?..“

„30 сентября. — Судя по газетамъ, договоръ ратификованъ 27-го, а у насъ строгости пуще прежняго. По моему, тѣшась такимъ манеромъ, японцы поступаютъ глупо. Изъ плѣна вернется много людей, сдѣлавшихся врагами Японіи, а ранѣе бывшихъ ея друзьями.—Повторяю, что я лично никакихъ сношеній съ ними не имѣю, но не могу не видѣть и не слышать. И вотъ я, который всегда былъ убѣжденнымъ сторонникомъ идеи союза съ Японіей (и даже напечаталъ нѣсколько статей, въ 1900-1901 гг., въ которыхъ доказывалъ, что мы отлично можемъ полюбовно размежеваться съ нашей сосѣдкой), которому японцы, какъ народъ, всегда были симпатичны, — теперь клянусь, что если съ Японіей будетъ новая война, то я непремѣнно приму въ ней участіе! Если за негодностью буду уже въ отставкѣ, и не возьмутъ на службу—буду проситься пассажиромъ (корреспондентомъ, что-ли). Откажутъ — наймусь ресторатором!.. Хочу еще разъ „дорваться“! Хоть поглядѣть, какъ будутъ стрѣлять въ нихъ наши пушки!..“

„1 октября.—Покровъ.—Ровно годъ тому назадъ, въ дождливый, сѣренькій день, эскадра выходила изъ либавскаго аванпорта... Служили напутственный молебенъ и суворовскій іеромонахъ, о. Назарій, провозглашалъ: „Болярину Зиновію и дружинѣ его здравія и спасенія и во всемъ благого поспѣшенія, на враги же

побѣды и одолѣнія...“ Какимъ все это кажется далекимъ, далекимъ!..

„У насъ въ большой столовой, гдѣ поставлена походная церковь, служилъ обѣдню православный священникъ (японецъ, о. Симеонъ Мія) по-русски.

„Маленькій эпизодъ, ярко характеризующій манеру японцевъ держать себя по отношенію къ военно-плѣннымъ: согласно правиламъ, при богослуженіи долженъ присутствовать японскій жандармъ, чтобы слѣдить... (чортъ его знаетъ, за чѣмъ онъ долженъ былъ слѣдить! Можетъ быть, опасались, что священнику будутъ подсовывать письма и телеграммы, помимо цензуры?) Раздвижные щиты, составлявшіе наружную стѣну столовой, были вовсе убраны, такъ что она отдѣлялась отъ веранды только рѣдкими столбами.—Такъ вотъ этотъ жандармъ принесъ стулъ, поставилъ его на верандѣ, какъ разъ противъ дверей алтаря, усѣлся на немъ, заложивъ ногу на ногу, сдвинулъ фуражку на затылокъ и закурилъ папиросу. Старшій изъ присутствующихъ (адмирала не было—онъ еще не можетъ стоять подолгу на ногахъ) указалъ жандарму на несоотвѣтствіе его поведенія съ обычаями, но получилъ въ отвѣтъ, что „онъ здѣсь при исполненіи служебныхъ обязанностей“. Флагъ-капитанъ, по просьбѣ присутствовавшихъ, подалъ о происшествіи рапортъ начальнику гарнизона.—Любопытно, что изъ этого выйдетъ [1])“.

„2, 3 и 4 октября“.—Эти страницы моего дневника я позволю себѣ пропустить и сказать лишь нѣсколько словъ по поводу событій, въ нихъ отмѣченныхъ.

Извѣстія о томъ, что происходитъ въ Россіи, не могли не найти отголоска въ средѣ военно-плѣнныхъ. Извѣстія эти черпались изъ японскихъ газетъ (хотя бы даже издававшихся на англійскомъ языкѣ, но подъ японской цензурой) и, конечно, представляли положеніе вещей въ самомъ мрачномъ свѣтѣ. Какъ водится, при томъ политическомъ невѣжествѣ, которое я отмѣтилъ еще въ Сасебо (по поводу манифеста 6 августа),—населеніе храма (не только нашего, но и другихъ) раздѣлилось на партіи самаго крайняго направленія. Не было не только центра, но даже умѣренныхъ правыхъ или лѣвыхъ. Сказать однимъ, что вы искренно радуетесь учрежденію Государственной Думы и находите желательнымъ расширеніе ея законодательныхъ правъ— значило заслужить аттестацію потрясателя основъ, революціонера,

---

[1]) Вышло то, что „во избѣжаніе недоразумѣній“ приказано было впредь вовсе не совершать богослуженія въ походной церкви..

даже анархиста. Заикнуться другимъ о пользѣ Государственнаго Совѣта, реформированнаго по образцу существующихъ верхнихъ палатъ,—и отъ васъ съ негодованіемъ отворачивались, клеймили кличкой черносотенца.

Особенное негодованіе съ обѣихъ сторонъ вызывало заявленіе, что армія и флотъ должны быть внѣ партій, внѣ политики, что это правило повсемѣстно признано, такъ какъ нигдѣ военные не имѣютъ права голоса на выборахъ.

Мнѣ не разъ приходилось вступать въ споры по этому поводу. Я указывалъ на примѣръ Польши, гдѣ шляхта составляла войско и въ то же время занималась политикой, составляла конфедераціи и—привела государство къ гибели; другой примѣръ—Испанія и государства, возникшія на развалинахъ ея колоній, съ ихъ „пронунціаменто", провозглашавшимися военными кружками...

— Каково же, по вашему мнѣнію, должно быть credo военнаго человѣка? — поставилъ однажды вопросъ ребромъ нѣкій ярый сторонникъ учредительнаго собранія.

— Да! это было бы любопытно услышать!—поддержалъ другой, не признававшій ничего, кромѣ „самодержавія, православія и народности".

— Мнѣ кажется, что это credo блестяще формулировано болѣе полутора вѣка тому назадъ однимъ не-военнымъ, но и не глупымъ человѣкомъ...

— Кѣмъ это?

— Остерманомъ. — Помните, какъ его разбудили ночью и предложили роковой вопросъ: — „Какому императору вы служите?"—а онъ, съ глубокимъ убѣжденіемъ, отвѣтилъ: — „Нынѣ благополучно царствующему".

Съ той поры, въ глазахъ представителей обоихъ теченій, я былъ одинаково... (право, затрудняюсь подобрать слово помягче, а записанное въ дневникѣ приводить неудобно).

— И вы? забывая долгъ передъ родиной, готовы служить старому режиму? защищать правительство, приведшее Россію къ позору?—восклицали одни.

— Такъ, значитъ, если при возвращеніи въ Петербургъ окажется, что тамъ засѣдаетъ Конвентъ, вы и Конвенту служить готовы?—возмущались другіе.

Старая, чисто-русская повадка. Совсѣмъ какъ во времена раскола, когда никто и никому не задавалъ основного вопроса: „Вѣруешь ли въ силу крестнаго знаменія?"—но предавали другъ друга анаѳемѣ и даже на кострахъ жгли за то, „какъ" кто крестится—двумя перстами или тремя...

Впрочемъ все это было... временное, преходящее, — угаръ новизны, отъ котораго большинство скоро опамятовалось, и, по возвращеніи въ Россію, былые революціонеры оставили мечту объ Учредительномъ Собраніи, а ярые черносотенцы вполнѣ примирились съ наличіемъ Государственной Думы. Въ иныхъ случаяхъ метаморфоза пошла даже такъ далеко (опять-таки свойство нашей натуры), что вчерашніе красные превратились въ охранителей, а бывшіе абсолютисты мечтаютъ о министерствѣ, отвѣтственномъ передъ Государственной Думой... И всѣ — служатъ...

Я счелъ себя вправѣ пропустить эти страницы, чтобы не ставить въ нѣсколько неловкое положеніе тѣхъ, чьи тогдашніе мнѣнія и отзывы были мною тогда же записаны.

Было нѣчто другое, несравненно болѣе серьезное, тревожное и даже... обидное, о чемъ умолчать не могу, но объ этомъ рѣчь впереди.

IX.

После ратификаціи мирнаго договора.—Наши японофилы.—Несостоявшійся обѣдъ.—Генералъ Даниловъ и члены его коммиссіи.—Холода.—Послѣдній день въ плѣну.—Освобожденіе.—Вновь открывшаяся рана на лѣвой ногѣ.

„5 октября. — Сегодня въ газетахъ оффиціально объявлено о состоявшейся ратификаціи мирнаго договора. Намъ сообщено, что отнынѣ караулъ при храмѣ остается лишь для охраны „бывшихъ“ военно-плѣнныхъ отъ возможныхъ покушеній со стороны невѣжественныхъ массъ, недовольныхъ условіями мира, что мы совершенно свободны, но въ случаѣ какой-нибудь дальней поѣздки (за городъ) просятъ предупреждать, чтобы администрація, отвѣтственная за нашу безопасность, могла принять необходимыя мѣры. Нашъ (японскій) поручикъ явился ко мнѣ съ ликующимъ видомъ и вручилъ кусочекъ картона (въ родѣ визитной карточки большого формата), на которомъ было, по-японски, написано, что такому-то (мое имя и званіе) предоставляется посѣщать всѣ мѣста, какія ему заблагоразсудится; дальше слѣдовали — подпись и печать. Словомъ — нѣчто въ родѣ удостовѣренія личности. Поблагодарилъ и въ тотъ же день хотѣлъ воспользоваться своимъ правомъ, но тотчасъ убѣдился, что высшее начальство (намѣренно или ненамѣренно — не знаю) въ чемъ-то недораспорядилось. Оказалось, что карточку, съ такимъ торжествомъ поднесенную мнѣ поручикомъ, нужно при уходѣ предъявлять жан-

дармскому унтеръ-офицеру и ему же сообщать, въ которомъ часу вы вернетесь. Если часъ этотъ былъ послѣ захода солнца, то слѣдовало получить разрѣшеніе, якобы, отъ начальника гарнизона, на дѣлѣ же, конечно, не отъ него, а по передовѣрію отъ маіора, поручика и въ результатѣ — отъ того же жандармскаго унтеръ-офицера, который пускался въ распросы: почему вы желаете вернуться въ такомъ-то часу, гдѣ вы намѣрены проводить время, и т. д.

„Разумѣется, отъ предположенной прогулки я отказался, вызвалъ поручика и возвратилъ ему карточку, пояснивъ, что по нашимъ обычаямъ, штабъ-офицеру непристойно испрашивать у нижняго чина разрѣшенія возвратиться въ желаемый срокъ съ рискомъ получить отказъ, въ зависимости отъ его усмотрѣнія. Подобные случаи, дѣйствительно, имѣли мѣсто въ тотъ же день: „Вы почему хотите вернуться въ 10 часовъ?“ — спрашиваетъ жандармъ. — „Собираюсь пообѣдать въ отелѣ, сыграть на бильярдѣ...“ — отвѣчаетъ необидчивый россіянинъ. — „Успѣете и до 9-ти часовъ! Я такъ и запишу!“

„6 октября.—Какими способами вытравлено изъ этихъ людей—не скажу, чувство собственнаго достоинства, это слишкомъ высоко, а просто — самолюбіе! Кажется, все забыли и готовы брататься съ японцами... Гадость!.. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ живой, наглядный примѣръ (это—въ объясненіе „гадости“). Не говоря уже про первое время послѣ франко-прусской войны, но даже теперь, 35-ть лѣтъ спустя, французъ (особенно военный) только по нуждѣ заглянетъ въ Германію. Ему неловко. Онъ боится, что любой встрѣчный можетъ взглянуть на него и подумать: „Вотъ побѣжденный“... И какъ онъ можетъ реагировать на это? А наши?.. Нѣтъ, видимо, я родился либо слишкомъ рано, либо слишкомъ поздно...

„Съ милостиваго соизволенія японскаго жандарма, наши бѣгаютъ по городу и, по возвращеніи домой, съ восторгомъ разсказываютъ, какъ мальчишки (такіе бойкіе!) показывали имъ языки и кричали: „Сей-іо-дзинъ!“ (заморскій дьяволъ); какъ въ японскомъ ресторанѣ (конечно, за деньги) ихъ принимали и учили ѣсть палочками; какъ они (превозмогая отвращеніе) ѣли сырую рыбу, чтобы не шокировать сотрапезниковъ, находившихъ ее восхитительною... Они, какъ будто, забыли (а можетъ быть и никогда не сознавали), что пораженіе—это обида, которую можно смыть только побѣдой. Забыли святую месть, которую должны были бы носить въ сердцѣ, въ жаждѣ которой надо воспитать грядущее поколѣніе! Забыли позорный разгромъ родины, а можетъ быть...

и ее—родину!..—Россія!..—неужели это слово утратило для нихъ свой смыслъ?..

„Съ нами Богъ!" —Да въ правѣ ли мы еще носить этотъ гордый девизъ?—Не скажетъ ли всякій европеецъ, увидѣвъ русскаго офицера, ласкающагося къ японцу: — „Богъ съ вами!"?

„Рухнула вѣками сложившаяся слава о непобѣдимости Россіи... И какъ воскресить ее?.. Вѣдь катаклизмъ нуженъ,—не война, а уничтоженіе царствъ и народовъ, — чтобы возстановить утраченное обаяніе!.."

„7 октября.—Сегодня былъ Окамэ и въ торжественной рѣчи сообщилъ о ратификаціи мирнаго договора. — Подозрѣваю, что хотя свои рѣчи онъ читаетъ по бумажкѣ, но сочиняетъ ихъ самъ.—На заказъ было бы лучше.

„Дождь какъ изъ ведра. — Уже три дня, какъ наступилъ праздникъ „принесенія въ храмѣ первыхъ спѣлыхъ колосьевъ", но рисъ стоитъ зеленый, о жатвѣ и думать нечего. — Все-таки утѣшеніе. (Не стыжусь злорадства)".

„8 октября.—Не могу оторваться отъ старой темы. Вчера Z ѣздилъ въ Осака и вернулся ночью, не имѣя на то разрѣшенія (уѣхалъ случайно, съ компаніей). Сегодня утромъ, когда надъ нимъ подтрунивали, пугая возмездіемъ, очень храбрился, говорилъ, что миръ заключенъ, что онъ свободный человѣкъ и, въ случаѣ чего, съумѣетъ постоять за себя, а въ одиннадцать часовъ утра, узнавъ, что, не смотря на дружбу съ жандармами, его позднее возвращеніе занесено въ книгу, прямо... пресмыкался передъ японскимъ поручикомъ! гулялъ съ нимъ подъ-ручку, звалъ куда-то обѣдать... Тотъ по началу ломался, но потомъ далъ себя убѣдить и обѣщалъ не доносить"...

„9 октября.—Ночью въ моей комнатѣ было 8° R. Это, положительно, немного".

„10 октября.—Французскій посланникъ телеграфируетъ, что вчера генералъ Даниловъ, предсѣдатель коммиссіи для пріема военно-плѣнныхъ, вышелъ изъ Владивостока въ Нагасаки (на „Богатырѣ")".

„12 октября.—Послѣдніе дни въ плѣну—самые томительные. Холодъ. Къ чорту всякія записи!"

„14 октября. — Сегодня приходилъ къ адмиралу маіоръ съ высоко-дипломатическимъ порученіемъ: сообщилъ, что начальникъ дивизіи и прочія начальствующія лица предполагаютъ устроить намъ („бывшимъ" военно-плѣннымъ) прощальный обѣдъ. Адмиралъ, конечно, благодарилъ, но, по существу, отвѣтилъ, что подобное приглашеніе дѣлается, несомнѣнно, съ вѣдома и одобре-

нія высшаго японскаго начальства, между тѣмъ какъ мы лишены возможности своевременно получить санкцію нашего правительства на его принятіе, а потому лучше было бы этого вопроса не возбуждать вовсе. Отказъ, но въ такой формѣ, что маіору оставалось только благодарить.

„Опять ставлю аналогію: послѣ франко-прусской войны могъ бы затѣять нѣчто подобное какой-нибудь нѣмецкій генералъ, стерегшій французскихъ военно-плѣнныхъ? Нѣтъ! Вѣдь нѣмцы не могли не относиться съ уваженіемъ къ своимъ врагамъ, побоялись бы подобнымъ предложеніемъ поставить въ неловкое положеніе и себя, и французовъ... Почему же рискнули японцы? По наивности? Ну, это врядъ ли... Просто потому, что они насъ не уважаютъ... И не безъ основаній. Сами даемъ тому достаточно поводовъ. Ужъ я не говорю про Z или X, которые готовы восхищаться простымъ полѣномъ, единственно потому, что оно — „настоящее японское“... Это — психопаты!.. Но вотъ сегодня (недавно) прохожу мимо канцеляріи и вижу такую сцепку: три японскихъ солдата (одинъ изъ нихъ унтеръ-офицеръ, говорящій по-русски) и русскій штабъ-офицеръ сидятъ за столомъ, курятъ и дружно бесѣдуютъ о достопримѣчательностяхъ Кіото, которыя стоитъ посмотрѣть...

„Пожалуй, что японцы вправѣ насъ третировать...“

„15 октября.—Сегодня утромъ + 7° R.!“

„16 октября. — Адмиралъ получилъ отъ французскаго посланника телеграмму, что флагманамъ съ ихъ штабами и капитанамъ кораблей разрѣшено возвращаться „по способности“.

„17 октября.—Адмиралъ рѣшительно не хочетъ возвращаться кружнымъ путемъ на иностранномъ пароходѣ. На Стесселя не похожъ. Телеграфировалъ Данилову свою просьбу: разрѣшить ему отправиться во Владивостокъ на „Воронежѣ“, который выйдетъ изъ Японіи однимъ изъ первыхъ. Я его вполнѣ понимаю.

(Характерная черта: генералъ Даниловъ не только не навѣстилъ адмирала, проѣздомъ черезъ Кіото, не только не прислалъ кого-нибудь изъ многочисленныхъ членовъ своей коммиссіи лично переговорить съ нимъ, но даже не удостоилъ его ни однимъ словомъ ни почтой, ни телеграфомъ.)

„Не хочется вѣрить газетамъ: такъ скверно пишутъ о положеніи дѣлъ въ Россіи“.

„18 октября.—Убѣдилъ NN, какъ старшаго (не считая адмирала) изъ обитателей храма, вступиться передъ японскимъ начальствомъ за нашу молодежь, надъ которой японскіе жандармы „на отдачу“ прямо-таки глумятся“.

19 и 20 октября — тѣ страницы, которыя я рѣшилъ пропускать.

„21 октября.—Видимо, японцы, не смотря на вѣжливое, но категорическое предупрежденіе со стороны адмирала, все же рѣшили попробовать устроить обѣдъ. И не безъ основаній. Правда, большинство (не только у насъ, но и въ другихъ мѣстахъ заключенія) отвѣтило благодарностью и учтивымъ отказомъ, мотивированнымъ соображеніями, уже ранѣе высказанными адмираломъ; но нашлись и такіе, которые его приняли... И знаете почему? Чтобы засвидѣтельствовать свое свободомысліе, показать, что они „не идутъ въ поводу“ у адмирала! На этихъ можно было хоть сердиться, но зато по адресу нашихъ психопатовъ-японофиловъ оставалось только развести руками: они чуть не плакали при мысли, что можетъ разстроиться „настоящій“ японскій обѣдъ съ гейшами!.. Отъ души злорадствовалъ (и до сихъ поръ не раскаяваюсь въ этомъ чувствѣ), когда получено было увѣдомленіе, что за малымъ числомъ лицъ, принявшихъ приглашеніе, обѣдъ, къ величайшему прискорбію начальника гарнизона, состояться не можетъ“.

„22 октября.—Тоска. Ничего и ни откуда. Уныло шумитъ осенній вѣтеръ; блеклые листья кружатся въ воздухѣ и бьются о бумажныя стѣны; нелѣпо мотаются полуобнаженныя деревья; прудъ—мусорный, грязный... не прудъ, а лужа... рыбы попрятались въ глубину... А на душѣ такъ скверно... Кабы тоже спрятаться куда-нибудь... да поглубже! съ головой спрятаться!..“

„23 октября.—Въ 8 час. утра + 6° R. Руки мерзнутъ. Вернулся изъ Токіо мичманъ, князь Г., котораго снаряжали туда на развѣдку. Разсказываетъ такіе анекдоты, что не рѣшаешься вѣрить. Почему-то (пути Божіи неисповѣдимы) предсѣдателемъ коммиссіи для пріема военно-плѣнныхъ назначили браваго генерала Данилова, прямо съ позиціи, откуда онъ грозилъ врагу. Генералъ освѣдомился: что̀ ему дѣлать въ Японіи? Отвѣтили: французскій посланникъ васъ научитъ, а вы, первымъ дѣломъ, выберите себѣ шесть штабъ-офицеровъ въ качествѣ членовъ коммиссіи, адъютанта, письмоводителя и штатъ писарей. Сказано—сдѣлано. Сѣли на „Богатырь“ и поѣхали. На всякій случай начальство зачислило въ коммиссію и командира „Богатыря“, но онъ оказался бойкотированнымъ, такъ какъ былъ склоненъ „миндальничать“ и, прямо, надоѣлъ разговорами о томъ, что̀ и какъ „принято“ въ международныхъ сношеніяхъ. По прибытіи въ Нагасаки, его тамъ и оставили (подъ благовиднымъ предлогомъ), а сами прослѣдовали въ Токіо. Въ Токіо—новое затрудненіе: и самъ генералъ, и его адъю-

тантъ, и члены коммиссіи знали на иностранныхъ языкахъ только „комнатныя и закусочныя слова“, и когда японцы пытались вступить съ ними въ сношенія на французскомъ или англійскомъ діалектѣ, то они категорически утверждали, что „по-японски“ не понимаютъ... Даже для переписки съ французскимъ посланникомъ пришлось нанять... японца-переводчика... За завтракомъ во французской миссіи, на который попалъ нашъ мичманъ, онъ оказался въ роли драгомана, и даже не могъ не слышать, какъ генералъ подбадривалъ своего адъютанта, приказывая ему не упускать случая и „черезъ своего“ выспросить все, что нужно... Armand писалъ адмиралу, что ожидаетъ прибытія коммиссіи, предсѣдатель которой будетъ снабженъ необходимыми инструкціями и полномочіями, а этотъ предсѣдатель спрашивалъ его же: „гдѣ и сколько плѣнныхъ? какъ ихъ будутъ эвакуировать? сообщите мнѣ инструкціи“... Въ результатѣ японцы взяли иниціативу на себя, а бравому генералу приходилось стараться только объ одномъ: какъ бы съумѣть выполнить ихъ предписанія... При „безъязычіи“ и это не всегда удавалось...

„О, милая родина! узнаю тебя изъ моего печальнаго далека. Неужто нельзя было найти одного генерала и десятокъ штабъ-офицеровъ, говорящихъ на иностранныхъ языкахъ? Вѣдь сколько ихъ было въ дѣйствующей арміи! Кому нуженъ былъ этотъ водевиль? Какая путаница, какая растерянность, какое отсутствіе не только организаціи, но даже способности къ организаціи! А вѣдь какой-то большой военный (не помню кто) сказалъ: „Организація есть мать побѣды“.

„Отъ злости ложусь спать въ 7-мъ часу вечера.

„Чорта съ два! Немного проспишь при 4° R.! Проснулся отъ холода и пошелъ пить чай къ адмиралу...“

„24 октября.—Въ 8 час. утра + 2° R.! Руки—„какъ крюки“ (по пословицѣ). Едва царапаю эти строки. Прошелся по храму. Картины въ родѣ: „Французы послѣ отступленія изъ Москвы“ или „Русскіе на Шипкѣ“. Скорчившись, завернувшись въ одѣяла, прикрывшись, чѣмъ можно, жмутся къ хибачамъ (жаровни съ горящими угольями).

„Сегодня былъ Виренъ. Почему-то—моя симпатія, хотя въ Артурѣ онъ энергично настаивалъ, что, перебравшись со своими пушками на берегъ, мы принесемъ наибольшую пользу дѣлу. Вспоминая бой при Шантунгѣ (28 іюля 1904 г.), я теперь, пожалуй, готовъ съ нимъ согласиться... Развѣ настоящіе моряки могли бы такъ проморгать выигранное сраженіе изъ-за того, что убитъ начальникъ эскадры, что флагманскій броненосецъ вышелъ

изъ строя?.. А если нѣтъ моряковъ, то развѣ можно надѣяться на успѣшныя дѣйствія въ морѣ?..

„Адмиралъ, уже получившій „довольно хладное“ разрѣшеніе Данилова—идти во Владивостокъ на „Воронежѣ“,—пригласилъ съ собою Вирена. Тотъ, конечно, обрадовался, такъ какъ тоже вовсе не склоненъ быть въ теченіе двухъ мѣсяцевъ мишенью для кодаковъ и перьевъ досужихъ корреспондентовъ.

„Полночь.—Холодъ собачій. Въ цѣляхъ отопленія сжегъ на сковородѣ цѣлую бутылку спирта. Безуспѣшно“.

„25 октября. — Проснулся въ 7-мъ часу утра. Температура + 1,2° R.“.

„26 октября.—Завелъ себѣ гигантскій „хибачъ“ (жаровню). Грѣетъ. Но насморкъ неистовый и голова тяжелая. Какой ни будь уголь, а все даетъ угаръ“.

„27 октября. — Сегодня перепились вѣстовые и устроили скандалъ, завершившійся дракой. Дѣйствовать на нихъ можно только словомъ убѣжденія, которое немногаго стоитъ въ ихъ глазахъ, а японцы... они словно подчеркиваютъ, что спиртные напитки „одинаково дозволены къ употребленію всѣмъ живущимъ въ храмѣ, и если гг. офицеры...“

28 октября—пропускаю.

„29 октября.—Получено оффиціальное увѣдомленіе, что въ понедѣльникъ 31 октября (13 ноября) насъ освобождаютъ. Пріѣзжалъ капитанъ „Воронежа“ (старый знакомый), доложилъ адмиралу, что ждетъ его прибытія“.

„30 октября. — Послѣдній день въ плѣну. Суета, сборы. Много народа приходило къ адмиралу пожелать добраго пути. Были депутаціи отъ каютъ-компаній разныхъ кораблей... „За совѣсть“, или „за страхъ“?—Дай Богъ, чтобы первое.

„Дорогая родина! Тебѣ — привѣтъ!.. Какъ много пережито, передумано... Надо ли повторять?.. Ну, не смогли, даже не съумѣли... Что-же?.. Развѣ не хотѣли? развѣ побоялись?... не пошли?.. А если только не съумѣли, то развѣ не заплатили за то своею кровью?.. Прими насъ, чудомъ спасенныхъ отъ вѣрной гибели, и вѣрь, что Тебѣ принадлежитъ каждое біеніе этого случайно неостановившагося сердца!.. Вѣдь это не я! не моя воля!—сама судьба сберегла меня, не дала мнѣ погибнуть, какъ я мечталъ... Не зря же?.. Для чего?—Для службы Тебѣ!—Нѣтъ у меня никакой другой мысли, никакого другого желанія... Клятву, страшную клятву даю: Тебѣ — весь остатокъ моей жизни, всѣ силы, всю кровь... Тебѣ—все!..

„Во французской книжонкѣ (для желѣзно-дорожнаго чтенія) случайно наткнулся на фразу: „Mon Dieu! si je ne suis bon à rien, que je meure!“ — Вотъ справедливое желаніе, котораго нельзя было бы не уважить, если высшая справедливость вообще существуетъ!.. А вотъ я — уцѣлѣлъ... Въ то время, какъ въ башняхъ, въ боевой рубкѣ, люди валились, какъ мухи, я, бродившій по палубѣ и мостикамъ, оставался невредимымъ... Три раза уничтожались тѣ пожарныя партіи, которыя работали подъ моимъ руководствомъ, а меня—только ранило... Попался въ плѣнъ—могли судить, казнить, какъ бѣглаго съ „Діаны“: сошло съ рукъ... Неужели зря?.. Все—случай?..“

„31 октября. — Пришлось встать на зарѣ. „Заря освобожденія“. И какая холодная! Все собрано и уложено. Поѣздъ пойдетъ въ 9 ч. 38 м. утра.

„Окамэ приходилъ прощаться и пожелать всякаго благополучія. Затѣмъ еще разъ прощался на станціи, гдѣ собрались всѣ начальствующія лица, до старшаго бонзы и православнаго священника включительно. Поѣздъ тронулся. По знаку генерала, всѣ японцы замахали фуражками и закричали: „ура!“— Слава Богу!—кончилось!—Въ Осака „исполнили пріятный долгъ пожелать счастливаго пути“ начальникъ дивизіи, генералъ Ибараки, со штабомъ.—Мимо! Мимо!—Въ Кобэ, на станціи, усмотрѣли генерала Данилова съ его адъютантомъ (въ чинѣ капитана—фамиліи не помню) и командира „Воронежа“, явно руководившаго дѣйствіями нашихъ воителей, которые въ японской толпѣ чувствовали себя какъ въ лѣсу.

„Не могу не отмѣтить, что, какъ выяснилось, только вмѣшательство командира избавило насъ отъ весьма непріятной процедуры. Генералъ, всецѣло отдавшійся инціативѣ японцевъ, у которыхъ „все такъ удивительно расписано“, собирался „принимать“ адмирала съ его штабомъ такъ же, какъ нижнихъ чиновъ, т.-е. на пристани, „счетомъ“, при посадкѣ на шлюпку, на глазахъ любопытной толпы. Командиръ „Воронежа“ не безъ труда убѣдилъ его, что парадъ такого рода и неумѣстенъ, и даже ненуженъ, такъ какъ японцы вовсе на немъ не настаиваютъ...

„Слава Богу! Наконецъ-то снова на русской территоріи, подъ русскимъ флагомъ! Хоть на коммерческомъ пароходѣ этого и не полагается („Добровольцы“ носятъ коммерческій флагъ), но всѣ, вступая съ трапа на палубу, снимали шляпы, какъ на военномъ кораблѣ...“

„1 ноября.—Вчера вечеромъ взялъ ванну. Спалъ, не боясь холода. Едва разбудили въ 9 ч. утра. За день переѣзда (хотя ходьбы почти не было) большой палецъ на лѣвой ногѣ сильно разболѣлся. Только что пріѣхалъ на пароходъ, поспѣшилъ скинуть сапоги и надѣть туфли. Сегодня, по особому заказу, привезли съ берега ботинки на шнуркахъ, такъ называемаго американскаго образца, такого размѣра и съ такими носами, что палецъ, въ согрѣвающемъ компрессѣ, помѣщается словно въ особой каютѣ. Не жметъ, и тепло.

„Вечеромъ. — Не могу не повторить стараго замѣчанія: въ Кіото, среди грязи и мелкихъ притѣсненій, въ холодѣ и голодѣ— было легче, чѣмъ здѣсь... Множество маленькихъ непріятностей тамъ заслоняли главное... Теперь, когда схлынула радость перваго момента освобожденія, и кругомъ такъ хорошо, такъ уютно,— опять зашевелились гнетущія мысли... Тяжело...

„Хотя всѣ пассажирскія каюты биткомъ набиты, пришлось принять еще одного пассажира—генералъ-маіора С. Пріѣхалъ— и прямо къ адмиралу: „Ради Бога, возьмите съ собой, а то при Даниловской коммиссіи не знаю, когда дождусь очереди!“ — Адмиралъ отвѣтилъ, что онъ здѣсь не хозяинъ, но такъ какъ командиръ уступилъ ему свою каюту, въ которой кромѣ койки есть еще и диванъ, то онъ проситъ располагать имъ. До такого самопожертвованія его однако же не допустили. Капитану пришла блестящая идея: онъ предложилъ мнѣ переселиться въ ординарную каюту, при обычныхъ рейсахъ занимаемую горничной, а на мое мѣсто, въ двойной каютѣ, водворить генерала. Я съ радостью согласился. Правда, вмѣсто шикарной кровати, въ моемъ новомъ обиталищѣ была узенькая и очень короткая койка (должно быть, горничныхъ выбираютъ исключительно малорослыхъ), а въ самой каютѣ съ трудомъ можно было повернуться, но зато я былъ одинъ — огромное преимущество. — Рана на лѣвой ногѣ вскрылась и гноится. Пароходный докторъ осмотрѣлъ и рѣшилъ, что тамъ есть что-нибудь лишнее — либо мелкій осколокъ снаряда, либо кусочекъ кости, которыхъ не досмотрѣли. Рѣзать теперь, въ путевой обстановкѣ, не совѣтовалъ. Рекомендовалъ: не утруждать, по два раза въ день мѣнять перевязку — „авось довезете до Петербурга, а тамъ это—плевое дѣло“.—Я, разумѣется, согласился — ужъ очень было бы обидно съ русскаго парохода снова отправиться въ японскій госпиталь“.

„2 ноября.—Сегодня садились послѣдніе эшелоны команды, и прибыли послѣдніе пассажиры — контръ-адмиралъ Виренъ со своимъ флагъ-офицеромъ.

„Въ 3 ч. 30 м. дня, пріѣхавшій изъ Кіото православный священникъ Симеонъ Мія (японецъ) служилъ напутственный молебенъ.

„Пріѣзжали проститься Martini (французскій морской агентъ), французскій консулъ въ Кобэ и (даже!) генералъ со своимъ адъютантомъ.

„Адмиралъ выглядитъ бодро, хотя отъ неудобствъ и непріятностей (за послѣднее время въ Кіото) сильно осунулся. Кожа да кости. Докторъ говоритъ, что это—пустяки. Нервы желѣзные. Ими такъ держится, что всѣхъ насъ переживетъ. Только бы они не сдали. Я съ нимъ согласенъ. Если въ Петербургѣ пустятъ къ дѣлу — оживетъ и наруститъ мяса. Сдадутъ въ архивъ — не выдержитъ".

Вл. Семеновъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

„Кто мой ликъ узрѣлъ,
Тотъ навѣкъ прозрѣлъ —
Дольній міръ навѣкъ предъ нимъ иной".
(*В. Ивановъ*. „Красота".)

Жизни безсонное море,
Далей просторъ необъятный,
Солнца металлъ раскаленный,
Радость и темное горе,
Тѣни, и тучки, и пятна
Принялъ душой умиленной.

Синяго вѣчнаго неба,
Высей лазурныхъ чертоги
Прахомъ развѣять могильнымъ
Тѣни ночныя Эреба —
Властные, строгіе боги,
Знаю и вѣрю, безсильны.

Тамъ, гдѣ земные предѣлы,
Съ небомъ сливаясь сапфирнымъ,
Время влекутъ въ неизвѣстность,
Сходитъ оттуда къ намъ смѣло
Свѣтлымъ видѣньемъ эѳирнымъ
Въ міръ Красота — безтѣлесность.

Горды и радостны очи,
Солнца восторгъ въ нихъ влюбленный,
Вѣчной улыбка идеи.
Шепчетъ намъ голосъ безсонный:
„Темное таинство ночи
Днемъ беззакатнымъ развѣю".

Вл. Княжнинъ.

ПИСЬМА
изъ
ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КРѢПОСТИ

ПИСЬМО ТРИНАДЦАТОЕ *).

17-го февраля 1903 г.

Милая, дорогая мамаша!

Каждый разъ, какъ я начинаю писать вамъ свое полугодичное письмо, мнѣ хочется представить себѣ васъ черезъ раздѣляющее насъ пространство и черезъ долгіе годы разлуки, такою, какъ вы теперь, въ своей домашней обстановкѣ, такъ знакомой и близкой мнѣ по воспоминаніямъ дѣтства и юности. И каждая фотографическая картинка, доходящая до меня изъ родного края, каждая группа близкихъ лицъ, расположившихся на крыльцахъ и балконахъ знакомой усадьбы, снова будятъ въ моей душѣ картины нашей былой жизни вмѣстѣ, и такъ хотѣлось бы въ эти мгновенія посѣтить родныя мѣста и увидать снова васъ, моя дорогая, и всѣхъ остальныхъ близкихъ людей! И я, дѣйствительно, часто вижу васъ, сестеръ и брата, но только не такими, какъ вы въ настоящее время, а какими я васъ видалъ много лѣтъ назадъ. Правда, что, разсматривая ваши фотографіи, я давно привыкъ къ вамъ и въ вашемъ современномъ видѣ и новой обстановкѣ, и пока бодрствую, я именно и представляю васъ, какими вы есть по фотографіямъ, не исключая и племянниковъ съ племянницами, и узналъ бы каждаго при первой встрѣчѣ; но стоитъ лишь немного задремать и все мгновенно мѣняется! Вы, мама, сразу молодѣете лѣтъ на тридцать и болѣе, а братъ и сестры обращаются въ дѣтей!..

*) См. май, стр. 116.

Мнѣ грустно подумать, моя дорогая, что ваше зрѣніе до такой степени ослабѣло. А то вы увидѣли бы, что многое изъ того, къ чему мы съ вами такъ привыкли въ родномъ имѣніи, сильно перемѣнилось. Развалины старо-борковскаго дома, гдѣ вы прежде жили и откуда, какъ вы мнѣ разсказывали когда-то, выскочила ночью изъ окна второго этажа и убѣжала цыганка, посаженная туда за воровство, уже совсѣмъ исчезли безъ слѣда, а старая липа, росшая въ тамошнемъ маленькомъ садикѣ, давно свалилась, такъ что, выйдя за уголъ нашего флигеля, никто уже не видитъ на горизонтѣ ея круглой вершины.

Впрочемъ, что же мнѣ говорить только о вашихъ перемѣнахъ? Окружающая насъ жизнь идетъ своимъ путемъ и понемногу накладываетъ отпечатокъ старины и на то, что я здѣсь видѣлъ новымъ въ первые годы заточенія. Все давно посѣрѣло и обросло лишайниками, да и меня самого не минула рука времени, и часто теперь приходится чинить себѣ то печень, то легкія, то сердце, то желудокъ... Однако, какъ это ни покажется удивительнымъ для посторонняго человѣка, я все-таки никакъ не могу себя представить пожилымъ человѣкомъ. Изъ моей жизни какъ бы вырѣзаны начисто всѣ впечатлѣнія, свойственныя среднему возрасту, и оставлены лишь тѣ, какими подарили меня молодые годы, а потому нѣтъ на мнѣ и того отпечатка въ манерахъ или характерѣ, который накладывается долгой жизнью. Благодаря этому обстоятельству изъ меня, должно быть, вышло нѣчто очень странное. Готовъ бы бѣгать и играть съ дѣтьми, какъ равный съ равными—и разсуждать съ взрослыми о всевозможныхъ отвлеченныхъ предметахъ... Желчности же, раздражительности и нетерпимости къ чужимъ мнѣніямъ, характеризующихъ утомленныхъ жизнью людей, во мнѣ нѣтъ даже и слѣдовъ, такъ что разговоры или обыденныя отношенія со мною ни для кого не бываютъ въ тягость...

Особенно обрадовало меня, дорогая моя мама, что въ этомъ году у васъ, повидимому, не было никакихъ простудъ или острыхъ болѣзней. Будьте же и въ будущемъ здоровы, а обо мнѣ не безпокойтесь, мое здоровье не хуже, чѣмъ прежде, и за мою жизнь нѣтъ причинъ опасаться! Все время, какое позволяютъ силы, я по прежнему посвящаю занятіямъ физико-математическими науками, хотя условія моей жизни стали страшно неблагопріятны для всякаго умственнаго труда. За невозможностью разрабатывать теперь современные вопросы теоретической физики, я привожу теперь въ порядокъ запасъ матеріала, накопившагося въ головѣ въ прежніе годы. Какими затрудненіями ни было бы обставлено стремленіе человѣка работать для науки, но если

онъ болѣе тридцати лѣтъ только и думалъ о тѣхъ же самыхъ предметахъ, то у него неизбѣжно накопится значительный матеріалъ и возникнетъ рядъ идей и обобщеній, которыя могутъ привести къ открытію очень важныхъ законовъ природы, а эти открытія неизбѣжно вызвали бы при опытной провѣркѣ и практическія примѣненія, полезныя для всего человѣчества...

Вотъ почему меня очень огорчаютъ преграды, поставленныя мнѣ для того, чтобъ я не могъ сообщать своихъ научныхъ выводовъ компетентнымъ лицамъ! И это тѣмъ болѣе жалко, что у меня есть всѣ основанія разсчитывать, что нѣкоторые изъ нихъ имѣли бы серьезное значеніе для физико-математическихъ наукъ. Если будетъ благопріятный случай, я думаю еще попросить министерство объ этомъ, но въ настоящее время, судя по всему, такое обращеніе было бы совершенно безнадежно. Повидимому даже и писать здѣсь объ этомъ мнѣ нельзя, такъ какъ вамъ, очевидно, не позволили отвѣтить на мои вопросы въ прошломъ письмѣ. Но я отъ всей души благодаренъ вамъ за ваши хлопоты и нисколько не сомнѣваюсь, что вы со своей стороны сдѣлали для меня все, что отъ васъ зависѣло [1]).

Я уже сообщалъ вамъ довольно подробно содержаніе двухъ или трехъ изъ моихъ прежнихъ научныхъ работъ, а о томъ, что выйдетъ изъ современной обработки накопившихся у меня матеріаловъ, сообщу вамъ будущимъ лѣтомъ, такъ какъ я больше люблю говорить о своихъ законченныхъ произведеніяхъ, чѣмъ о новыхъ замыслахъ, которыхъ, можетъ быть, и не придется довести до полнаго окончанія.

Сестра Груша мнѣ пишетъ, между прочимъ, что хотя она нисколько не считается молчаливой въ обществѣ, но какъ только возьметъ перо, такъ все сразу улетучивается у нея изъ головы. А вотъ у меня такъ наоборотъ: мнѣ легче писать, чѣмъ говорить. Впрочемъ это и понятно: вѣдь я каждый день аккуратно посвящаю писанію часа два или три и не считаю изученнымъ ни одного предмета, пока не представлю его въ своемъ изложеніи на бумагѣ. Какъ разъ теперь оканчиваю двадцатый томъ своихъ „Научныхъ записокъ и замѣтокъ“, въ которыхъ заключается около пятнадцати тысячъ страницъ исписанной бумаги. Онѣ-то и служатъ мнѣ главнымъ матеріаломъ, когда принимаюсь за систематическую обработку какого-либо научнаго вопроса. Что же касается

---

[1]) Все мѣсто, напечатанное здѣсь курсивомъ, было замазано въ департаментѣ полиціи и возстановлено здѣсь мною по черновику, сохранившемуся въ моихъ шлиссельбургскихъ тетрадяхъ.—*Позднѣйшее примѣчаніе.*

до частной переписки съ родными и друзьями, то мнѣ кажется, милая моя Груша, большинство людей находитъ для нея мало матеріала единственно потому, что хотятъ говорить въ своихъ письмахъ лишь однѣ умныя вещи или передавать важныя новости, которыя вообще рѣдки въ обыденной жизни. По моему, это—величайшее заблужденіе. Слѣдуетъ писать, вотъ какъ я теперь, все, что приходитъ въ голову, хотя бы это была въ сущности чепуха, конечно не очень ужъ глупая. Тогда окажется страшно много матеріала для дружеской переписки. Сидитъ, напримѣръ, муха на стѣнѣ: взять да о ней написать, и можешь быть увѣрена, что выйдетъ не хуже всего другого. Вотъ жаль только, что теперь зима и у меня въ комнатѣ нѣтъ ни одной мухи (послѣдняя, бѣдняжка, умерла послѣ непродолжительной, но тяжкой болѣзни въ началѣ декабря), а то я сейчасъ же показалъ бы тебѣ, что и этотъ предметъ для переписки не хуже всякаго другого. Пиши же и ты все, что придетъ въ голову,—вѣдь мелочи вашей жизни для меня особенно интересны! Это все равно какъ будто видишь человѣка въ его домашней обстановкѣ, а не прибравшагося для пріема гостей.

Ахъ, моя дорогая Ниночка! Прочитавъ названія твоихъ первыхъ классныхъ картинъ: „мѣдный кувшинъ передъ желто-зеленой портьерой“ и „амуръ съ головой изъ глины на зеленомъ плюшевомъ полѣ“, я очень смѣялся, да и теперь смѣюсь, хотя и знаю, что все это необходимо. Вѣдь по такимъ названіямъ можно бы было заключить, что ты отчаянная декадентка въ живописи! Напиши мнѣ непремѣнно, въ слѣдующій разъ, твои мнѣнія о различныхъ современныхъ теченіяхъ въ художествѣ, и къ какому роду живописи болѣе влекутъ тебя твои вкусы? Нѣкоторыя направленія развились уже послѣ того, какъ я исчезъ съ земной поверхности; но кое-что я все-таки успѣлъ увидѣть до того времени, забѣжавъ нѣсколько разъ въ лондонскія, парижскія, берлинскія и ваши петербургскія галлереи и выставки. О позднѣйшихъ выдающихся произведеніяхъ я могъ судить здѣсь лишь въ прежніе годы, по доходившимъ до насъ нѣсколько лѣтъ назадъ иллюстрированнымъ изданіямъ — а это, конечно, даетъ очень блѣдное представленіе объ оригиналахъ.

Среди всѣхъ направленій второй половины XIX вѣка особенно сильное впечатлѣніе производила на меня англійская школа — такъ называемые пре-рафаэлиты. Большинство картинъ Бернъ-Джонса—это чудо что такое, такъ и врѣзываются въ воображеніе! Не случалось ли тебѣ видѣть копій съ его „Золотой Лѣстницы“, по которой спускается толпа молодыхъ дѣвушекъ, или картинъ миѳо-

логическаго содержанія въ родѣ „зеркала Венеры“ и т. д.? Скажи, пожалуйста, можно ли отнести Беклина къ символистамъ, какъ ихъ понимаютъ въ новѣйшее время въ живописи, или къ ихъ родоначальникамъ? О символистахъ я не имѣю никакого представленія, кромѣ того, что они любятъ выбирать странные сюжеты и употребляютъ особые пріемы при наложеніи красокъ, а потому не могу имѣть о нихъ и никакого мнѣнія. Но вотъ въ поэзіи такъ символизмъ, по моему, выступаетъ иногда и не совсѣмъ удачно. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я читалъ по-англійски одного, чуть не лучшаго изъ этого лагеря, Мередита, и въ половинѣ фразъ не могъ доискаться никакого смысла, хотя Байрона, Томаса Мура и другихъ англійскихъ поэтовъ читаю совершенно свободно и даже знаю наизусть нѣкоторыя изъ ихъ стихотвореній. А у Мередита — только звучная діалектика, да еще необычно запутанное чередованіе риѳмъ. О русскихъ представителяхъ этого направленія я ничего не знаю, кромѣ нѣсколькихъ смѣшныхъ пародій въ родѣ Соловьевской:

Призракъ льдины огнедышащей
Въ звучномъ сумракѣ погасъ,
Гдѣ стоитъ меня не слышащій
Гіацинтовый Пегасъ...

Еще читалъ я когда-то случайно съ десятокъ стихотвореній Бальмонта, относящаго себя тоже къ символистамъ. У этого — выдающійся талантъ. Нужно признаться, что все необычное по формѣ или содержанію дѣйствуетъ на насъ заразительно. Это такъ вѣрно, что, прочитавъ его стихи, и я сейчасъ же захотѣлъ написать что-нибудь въ необычномъ родѣ, и придумалъ, между прочимъ, риѳмы на четвертомъ слогѣ отъ конца. Такихъ еще ни разу нигдѣ не употребляли, но ихъ оказалось такъ мало, что писать этимъ размѣромъ почти невозможно, и мнѣ удалось закончить только одно стихотвореніе:

Въ южномъ морѣ воющая,
    Мечется волна,
Вѣчно берегъ роющая
    Рифъ дробитъ она;
Но за рифомъ скрывшееся
    Озеро молчитъ
И надъ нимъ склонившееся
    Небо вѣчно спитъ.
Такъ стѣнами скованные
    Въ мірѣ грозъ и бѣдъ,
Словно заколдованные
    Спимъ мы много лѣтъ.

Впрочемъ вѣдь ты, Ниночка, художница, и стихи, вѣрно, не по твоей спеціальности.

Благодаря тому, что у меня существуетъ потребность поговорить въ моихъ письмахъ съ каждымъ изъ васъ отдѣльно, они неизбѣжно всегда страдаютъ отрывочностью. Приходится постоянно перескакивать отъ одного предмета къ другому: отъ Ниночкиныхъ художественныхъ успѣховъ и картинъ *вдругъ переходить къ моимъ собственнымъ огорченіямъ изъ-за того, что не хотятъ выпустить на волю мои послѣднія научныя работы и новыя математическія формулы, хотя моя компетентность въ этихъ предметахъ и признана теперь оффиціально, благодаря отзыву Д. П. Коновалова* [1]).

Всѣ ваши фотографическіе снимки я переплелъ въ одинъ томъ и вышелъ великолѣпный альбомъ, такъ что при первомъ желаніи я могу васъ всѣхъ увидѣть и прогуляться въ воображеніи почти вездѣ по роднымъ мѣстамъ. Выпавшихъ изъ гнѣздъ ласточекъ въ этомъ году намъ уже нельзя было воспитывать (*жандармы хватали и убивали*), но воробьи по прежнему прилетаютъ, ѣдятъ изъ рукъ и зимой садятся на колѣни цѣлыми стаями. Твой разсказъ, Вѣрочка, о мѣстныхъ школахъ и ежегодныхъ поѣздкахъ съ мамашей въ Никольское къ пасхальной заутрени былъ для меня очень интересенъ и впервые далъ мнѣ болѣе отчетливое представленіе о современномъ деревенскомъ бытѣ. Это хорошо, что козлогласіе въ вашихъ деревенскихъ церковныхъ хорахъ исчезаетъ, а то у меня до сихъ поръ скрипитъ въ ушахъ, какъ только вспомню, что̀ это было за пѣніе, когда къ намъ пріѣзжали „славить Христа". Что же касается до твоихъ ястребенковъ, то мнѣ кажется, моя дорогая, твои оппоненты были правы. Хищныхъ птицъ, конечно, не слѣдуетъ плодить, хотя я и понимаю вполнѣ, что тебѣ было жалко отдавать ихъ на чучелы послѣ того какъ ты сама ихъ выростила. Но вѣдь подумай только, что каждая изъ нихъ, для того, чтобы существовать, неизбѣжно должна пожирать каждый годъ сотни три невинныхъ пѣвчихъ пташекъ! Еслибъ мнѣ случилось когда-нибудь побывать лѣтомъ въ Боркѣ, я непремѣнно взялъ бы лѣстницу и осмотрѣлъ внутренность Каменныхъ воротъ. Тамъ, въ столбахъ, навѣрно, живутъ тѣ совы, которыя истребили всѣхъ соловьевъ въ нашемъ

---

[1]) Строки, набранныя курсивомъ, были вымараны въ департаментѣ полиціи и возстановлены здѣсь мною химическимъ путемъ.— *Позднѣйшее примѣчаніе.*

саду. А вотъ галкѣ твоей передай мой поклонъ... Какъ она поживаетъ?

На твой вопросъ о моихъ научныхъ занятіяхъ и предположеніяхъ не могу пока сказать ничего утѣшительнаго. Ты сама видишь, какъ плохи стали условія для научныхъ работъ. Привожу въ порядокъ накопившіеся матеріалы въ ожиданіи лучшихъ дней, какъ это приходилось дѣлать и раньше, когда условія были еще хуже. Оглядываясь назадъ на эти двадцать два года, протекшіе со времени моего послѣдняго ареста 28 января 1881 г., я не безъ облегченія вижу, что за все это время я никогда не впадалъ въ мизантропію и не терялъ способности къ умственной работѣ, хотя болѣе половины моей жизни прошло въ одиночествѣ, за семью замками. При встрѣчахъ съ другими людьми, кто бы они ни были, но особенно съ товарищами по судьбѣ, я всегда показываю веселую физіономію. А такъ какъ мнѣ разрѣшено видѣться съ другими только на прогулкахъ, то почти никто изъ товарищей и не подозрѣваетъ, сколько порошковъ и микстуръ мнѣ приходится проглатывать по временамъ, чтобъ поддерживать свое существованіе. Вообще я очень хорошо умѣю владѣть собой и, кажется, не навожу своимъ видомъ тоски ни на кого изъ окружающихъ [1]).

Чтобъ спокойнѣе спать и не видѣть во снѣ математическихъ формулъ, постоянно читаю на ночь что-нибудь болѣе легкое, по возможности иностранные романы, чтобъ не позабыть языковъ; если же случайно не сдѣлаю этого, то долго не могу заснуть. Не такъ давно читалъ дѣдушку-Дюма въ переводѣ съ родного французскаго языка на англійскій, а въ послѣднее время перечитывалъ еще Реклю: „Земля и Люди“.

Будемъ же надѣяться и теперь на лучшіе дни! Цѣлую васъ всѣхъ, мои дорогіе!

ПИСЬМО ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

25 іюня 1903 г.

Милые мои, дорогіе!

Сейчасъ я получилъ всѣ ваши письма и карточки и нахожусь еще во взволнованномъ состояніи, какъ и всегда въ такіе дни. Эти дни я посвящаю исключительно нашимъ семейнымъ

---

[1]) Все напечатанное курсивомъ было замазано въ департаментѣ полиціи, но потомъ возстановлено мною химическимъ путемъ.—*Позднѣйшее примѣчаніе.*

воспоминаніямъ и обыкновенно бросаю всякія постороннія занятія до тѣхъ поръ, пока не соберусь отвѣтить. Сегодня же я особенно доволенъ, такъ какъ получилъ вашу посылку ранѣе обыкновеннаго, и неожиданность еще прибавила къ моей радости. Кромѣ того, когда получаешь извѣстія скоро послѣ ихъ отправленія, то меньше остается опасеній, что съ тѣхъ поръ могло случиться что-нибудь дурное.

Я живу по прежнему, моя дорогая мамаша, здоровье мое не хуже, чѣмъ ранѣе; по крайней мѣрѣ, вся зима прошла безъ какихъ-либо острыхъ болѣзней, а къ обыкновеннымъ хроническимъ я давно привыкъ. Несравненно больше я безпокоюсь за ваше здоровье, и потому извѣстіе, что у васъ въ послѣднее время не было никакихъ особенныхъ болѣзней, кромѣ прошедшей уже благополучно опухоли лица, сильно облегчило мнѣ душу.

Лѣто стоитъ пока очень теплое и ясное. У васъ въ имѣніи собралось уже, навѣрно, много народу. Что-то вы подѣлываете въ этотъ вечеръ, когда я вамъ пишу? Можетъ-быть катаетесь на лодкѣ на прудѣ парка или еще сидите и толкуете за чаемъ на балконѣ дома? Или кто-нибудь читаетъ вамъ газету или журналъ, или всѣ ушли куда-нибудь въ поле, какъ это иногда дѣлали мы при отцѣ?

Я очень радъ, что Вѣрочка, а съ нею и вы всѣ уже получили отвѣтъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ о томъ, что моя рукопись „Періодическія системы“ [1]) была передана на разсмотрѣніе одному изъ профессоровъ, и что его мнѣніе уже передано мнѣ.

— Что сказалъ профессоръ?—спрашиваетъ меня Вѣрочка—сдѣлалъ ли онъ нужные опыты? Какъ онъ могъ прочитать такъ скоро всѣ пятьсотъ страницъ рукописи?

Признаюсь, что мнѣ довольно трудно вамъ отвѣтить на ваши вопросы въ такой формѣ, которая была бы понятна для незанимающихся спеціально этимъ предметомъ. Боюсь, какъ бы не вышло слишкомъ скучно. Однако все-таки попытаюсь передать вамъ сущность дѣла, насколько это возможно на одной страничкѣ моего письма.

Съ самыхъ давнихъ поръ, какъ только возникло современное естествознаніе, считается нерѣшеннымъ одинъ очень важный вопросъ: какъ произошли въ природѣ современные металлы—желѣзо, серебро, мѣдь и другіе — а вмѣстѣ съ ними и нѣкоторыя

---

[1]) Вышла отдѣльнымъ изданіемъ, послѣ освобожденія, въ 1908 году.

Позднѣйшее примѣчаніе.

не-металлическія вещества, напримѣръ сѣра, фосфоръ и главные газы воздуха? Можно ли считать ихъ абсолютно неразложимыми на болѣе простыя и первоначальныя вещества, присутствіе которыхъ астрономія указываетъ на нѣкоторыхъ звѣздахъ и въ находящихся между ними, то тамъ, то здѣсь, туманныхъ скопленіяхъ,— или же подобно тому, какъ всѣ окружающіе насъ камни и почва состоятъ, главнымъ образомъ, изъ соединенія металловъ съ газами воздуха, такъ и сами эти металлы и газы состоятъ изъ нѣкоторыхъ другихъ еще болѣе первоначальныхъ веществъ, чрезвычайно прочно соединившихся между собою?

Всѣ эти неразрѣшенные ранѣе вопросы занимали меня съ давнихъ поръ, и имъ-то (какъ я уже не разъ писалъ вамъ прежде) и была посвящена моя работа. Предметъ этотъ чрезвычайно важенъ не только для будущаго развитія физики, химіи и астрономіи, но и для всѣхъ нашихъ основныхъ представленій о прошлой и будущей жизни вселенной. Большинство самыхъ выдающихся заграничныхъ ученыхъ склонны рѣшать этотъ вопросъ въ томъ же смыслѣ, какъ рѣшаю его я въ своемъ сочиненіи, и даже думаютъ, что всѣ окружающіе насъ предметы образовались изъ одного и того же первоначальнаго вещества, называемаго міровымъ эѳиромъ. Правда, что, оставаясь на строго научной почвѣ, нельзя еще въ настоящее время довести дѣло до самаго первичнаго вещества, какъ не довелъ его и я, но все же мнѣ, послѣ многолѣтнихъ размышленій и вычисленій, удалось показать вполнѣ научно, какимъ образомъ могли образоваться всѣ современные металлы и простыя не-металлическія тѣла лишь изъ трехъ родовъ болѣе первоначальнаго вещества. При этомъ объясняются всѣ ихъ физическія и химическія свойства, исторія и время образованія ихъ на землѣ и другихъ небесныхъ свѣтилахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ предсказываются, какъ неизбѣжныя послѣдствія, и нѣкоторыя явленія, считавшіяся до сихъ поръ совершенно необъяснимыми, напримѣръ присутствіе кристаллизаціонной воды въ большинствѣ растворимыхъ кристалловъ и самое ея количество въ каждомъ изъ нихъ.

Но, къ сожалѣнію, въ послѣднія два-три десятилѣтія между русскими и особенно петербургскими химиками возникло новое направленіе, представители котораго считаютъ всѣ металлы, всѣ главные газы воздуха и нѣсколько другихъ не-металлическихъ веществъ абсолютно неразложимыми ни на что другое, т.-е. существующими вѣчно и неизмѣнно въ той или другой своей формѣ, каждый элементъ какъ своеобразное вещество, о разложеніи котораго нечего и думать. Вотъ почему при посылкѣ моей рукописи мнѣ

очень хотѣлось выбрать такого изъ видныхъ представителей русской науки, который не держался бы этихъ взглядовъ, а былъ бы, наоборотъ, склоненъ, какъ большинство иностранныхъ ученыхъ, считать металлы неразложимыми только потому, что нѣтъ такой реторты, гдѣ ихъ можно было бы нагрѣть тысячъ до десяти градусовъ...

Мнѣ казалось, что такой ученый, увидѣвъ въ моей работѣ только подтвержденіе своихъ собственныхъ взглядовъ, охотно произвелъ бы тѣ опыты, о необходимости которыхъ я говорю, между тѣмъ какъ представитель противоположныхъ воззрѣній, привыкшій считать всѣ попытки въ этомъ направленіи завѣдомо безнадежными, долженъ былъ бы прежде, чѣмъ приняться за дѣло, переубѣдиться во всѣхъ своихъ основныхъ представленіяхъ.

Но къ несчастію, мои дорогіе, мое сочиненіе было передано не Бекетову, а одному изъ самыхъ крайнихъ представителей противоположныхъ взглядовъ. Этотъ ученый—несомнѣнно очень образованный, добросовѣстный, но мои доводы его не переубѣдили, а потому онъ, конечно, не произвелъ и указываемыхъ мною опытовъ, тѣмъ болѣе, что они не изъ легкихъ [1]). Однако, не смотря на это онъ далъ (не мнѣ, а начальству, отъ имени котораго и была послана ему рукопись) очень лестный отзывъ о моей работѣ... Но такъ какъ мнѣ неловко самому себя хвалить и это всегда выходитъ очень смѣшно, то ужъ лучше я приведу, въ отвѣтъ на вашу просьбу, цѣликомъ нѣсколько строкъ изъ начала и конца его отзыва, тѣмъ болѣе, что точныя, собственныя выраженія человѣка всегда интереснѣе ихъ пересказа другими словами.

„Авторъ сочиненія—начинаетъ онъ—обнаруживаетъ большую эрудицію, знакомство съ химической литературой и необыкновенное трудолюбіе. Задаваясь общими философскими вопросами, онъ не останавливается передъ подробностями, кропотливо строитъ для разбора частностей весьма сложныя схемы“.

Затѣмъ профессоръ, разсматривавшій мою работу, дѣлаетъ нѣсколько историческихъ и общихъ замѣчаній, повидимому не имѣющихъ прямого отношенія къ моей рукописи. Такъ напримѣръ, онъ говоритъ, что „вѣсъ и непревращаемость элементовъ“, т.-е. металловъ и металлоидовъ, „сдѣлались со временъ Лавуазье основными понятіями, и все, что есть цѣннаго въ химіи, по-

---

[1]) Рукопись была передана проф. Д. П. Коновалову, но мнѣ было почему-то запрещено сообщить объ этомъ роднымъ, вѣроятно чтобы избѣжать ихъ хлопотъ черезъ него обо мнѣ—или право не знаю почему!—*Позднѣйшее примѣчаніе.*

строено на этихъ понятіяхъ“. Но такъ какъ въ этомъ своемъ сочиненіи я нигдѣ не говорилъ о возможности измѣнять вѣсъ предметовъ на земной поверхности, а относительно возможности особыми, выводимыми теоретически, способами приготовлять въ лабораторіяхъ нѣкоторыя вещества, до сихъ поръ не разложенныя химіей, я говорилъ лишь въ одномъ мѣстѣ (да и то лишь въ семнадцати строкахъ среди цѣлаго тома рукописи), то эти слова, являются, повидимому, не возраженіемъ мнѣ, а лишь желаніемъ со стороны профессора особенно настоятельно выразить свое собственное убѣжденіе въ полной самостоятельности каждаго изъ современныхъ металловъ и металлоидовъ и въ ихъ вѣчномъ существованіи въ природѣ въ томъ или другомъ состояніи, т.-е. твердомъ, жидкомъ, газообразномъ, свободномъ или соединенномъ химически съ другими веществами. Это особенно ясно изъ послѣднихъ строкъ даннаго мѣста, гдѣ онъ говоритъ, что „химическій элементъ“—т.-е. основная сущность каждаго отдѣльнаго металла, каждаго изъ газовъ воздуха и т. д.,—есть „тайна природы“, которая не будетъ разгадана гипотезой о ихъ сложности, какого бы вида самая эта гипотеза ни была.

Затѣмъ, снова возвращаясь къ моей работѣ, онъ говоритъ о ней такъ:

„Работа автора—это удовлетвореніе естественной потребности мыслящаго человѣка выйти изъ предѣловъ видимаго горизонта, но значеніе ея чисто субъективное *(т.-е. такое, гдѣ каждый имѣетъ право оставаться при своемъ мнѣніи)*. Это удовлетвореніе собственнаго ума, это личная атмосфера, ибо недостаетъ еще провѣрки, нельзя ли было бы придти къ тѣмъ же выводамъ, каковы, напримѣръ, интересныя соображенія автора о кристаллизаціонной водѣ, обыденными средствами, не прибѣгая къ гипотезамъ, требующимъ такой радикальной реформы ходячихъ понятій“.

Какимъ образомъ можно было бы получить тѣ же результаты, какіе получилъ я, если оставаться на точкѣ зрѣнія ходячихъ понятій—профессоръ не говоритъ, но, по моему, это совершенно невозможно, такъ какъ надъ даннымъ предметомъ работали почти все XIX-ое столѣтіе, и никакихъ удовлетворительныхъ результатовъ не получили, между тѣмъ какъ моя теорія подтверждена мною болѣе чѣмъ тысячью примѣровъ, почти всѣмъ, что было до сихъ поръ извѣстно относительно кристаллизаціонныхъ соединеній. Какъ жаль, что я не могу представить ему трехъ томовъ моихъ матеріаловъ объ этомъ, собранныхъ въ дру-

гомъ моемъ сочиненіи: „Строеніе вещества“ [1]). Однако, не имѣя возможности разбирать здѣсь этотъ спеціальный предметъ, я прямо перехожу къ послѣднимъ строкамъ его отзыва.

Послѣ совершенно справедливаго замѣчанія о трудности работать на почвѣ чисто „абстрактной“, т.-е. одной головой, не имѣя возможности помогать себѣ опытомъ, профессоръ снова возвращается къ моему сочиненію и говоритъ:

„Послѣ той большой работы мысли, которая затрачена авторомъ на анализъ химическихъ отношеній, съ высоты, такъ сказать, птичьяго полета, можно было бы ему посовѣтовать остановить свое вниманіе на областяхъ болѣе ограниченныхъ, съ тѣмъ, чтобы дать ихъ законченную обработку. Опытъ мышленія и пріобрѣтенный навыкъ не пропадали бы даромъ. Могло бы случиться то, что̀ случилось съ Карно, открывшимъ свой знаменитый законъ термодинамики при помощи неправильнаго представленія о теплотѣ. Представленіе о сущности теплоты, какъ видно, не играло роли въ выводѣ, созданномъ вѣрнымъ пониманіемъ реальныхъ соотношеній“.

Послѣдними словами онъ хотѣлъ сказать, что хотя представленіе о сложности металловъ, газовъ сухого воздуха и т. д. и о происхожденіи ихъ изъ болѣе первоначальныхъ веществъ и неправильно съ его точки зрѣнія, но, при моемъ вѣрномъ пониманіи реальныхъ соотношеній, т.-е. фактической части науки, оно не помѣшало бы мнѣ, какъ и знаменитому французскому физико-математику Карно, сдѣлать открытія первостепенной важности при разработкѣ подробностей моей теоріи. Въ заключеніе онъ извиняется за то, что удѣлилъ моей теоріи недостаточно времени, такъ какъ ежедневныя научныя работы пріучаютъ оставлять въ сторонѣ все субъективное, т.-е. недоказанное еще никакимъ опытомъ, такое, гдѣ каждый имѣетъ право оставаться при своемъ мнѣніи.

Вотъ, мои дорогіе, и все, что̀ онъ сказалъ. Принимая во вниманіе, что этотъ отзывъ сдѣланъ однимъ изъ сторонниковъ противоположныхъ воззрѣній на природу вещества, онъ, въ общемъ, является очень лестнымъ для меня. Мнѣ даже положительно неловко было собственноручно переписывать и пояснять вамъ нѣкоторыя изъ его выраженій, но такъ какъ въ моемъ распоряженіи нѣтъ никого другого, кто могъ бы это сдѣлать вмѣсто меня, то для меня и не остается здѣсь никакого иного выхода.

---

[1]) Эта спеціальная работа до сихъ поръ не нашла себѣ издателя.
Позднѣйшее примѣчаніе.

Поэтому я вамъ и переписалъ буквально все, что̀ непосредственно относится къ моей рукописи, а замѣтки историческаго и общаго характера, касающіяся воззрѣній самого профессора, передалъ въ краткомъ изложеніи. Никакихъ указаній на ошибки, или возраженій на научную строгость и логичность моихъ выводовъ—разъ мы станемъ на точку зрѣнія происхожденія металловъ и металлоидовъ изъ болѣе первоначальнаго вещества—въ отзывѣ нѣтъ. И дѣйствительно, разбиравшій мою работу ученый хорошо знаетъ, что тѣхъ же основныхъ убѣжденій, какъ и я, держались и держатся многіе первоклассные ученые, какъ въ Россіи, такъ особенно и за границей. Хорошо здѣсь то, что, благодаря этому отзыву, мнѣ, вѣроятно, легче будетъ получить разрѣшеніе министра на передачу другихъ моихъ работъ, если когда-нибудь наступятъ благопріятныя времена [1]). Но печально то, что никакихъ опытовъ въ подтвержденіе моихъ выводовъ не было сдѣлано, и особенно то, что рукопись моя снова возвращена мнѣ, тогда какъ я надѣялся, что она останется у того ученаго [2]), которому я просилъ ее передать, и что она принесетъ свою пользу, если какое-либо неожиданное открытіе оправдаетъ мои взгляды.

Ну, вотъ, мои дорогіе, на этотъ разъ я преподнесъ вамъ цѣлыхъ полторы страницы ученой матеріи, которая окажется, вѣроятно, очень скучной для большинства изъ васъ...

О твоей жизни, Ниночка, я уже знаю кое что, чего и ты сама не знала, когда писала мнѣ послѣднее письмо. Знаю, что бабушка твоя заготовила тебѣ сюрпризъ—красный сарафанъ—какъ въ сказкѣ. Впрочемъ, кажется, въ сказкѣ дѣло идетъ о красной шапочкѣ, ну да все равно! Навѣрно есть, или, по крайней мѣрѣ, должна быть какая-нибудь очень хорошая сказка и о красномъ сарафанѣ. Думаю, что ты уже и щеголяла въ немъ лѣтомъ.

Твой испугъ, моя дорогая, что я приму тебя за декадентку въ живописи, былъ совершенно напрасенъ: вѣдь я уже не разъ имѣлъ описаніе твоихъ картинъ, какъ отъ тебя самой, такъ и отъ сестеръ. Ты совершенно права, говоря, что старинная школа никогда не утратитъ своей прелести, хотя техника, конечно, сильно усовершенствовалась со временъ Рубенса и его современниковъ, картины которыхъ мнѣ случалось не разъ разсматри-

[1]) Это оказалось безсмысленнымъ мечтаніемъ. Послѣ вышеприведеннаго отзыва мои научныя работы стали еще усиленнѣе охраняться отъ всякаго посторонняго глаза.—*Позднѣйшее примѣчаніе.*

[2]) Н. Н. Бекетова.—*Позднѣйшее примѣчаніе.*

вать въ музеяхъ. Самое искусство сильно расширило свою область, схватило новые волнующіе или затрагивающіе насъ стороны и эффекты въ окружающей насъ природѣ, отмѣтило новыя черты одухотворенной красоты и новыя внѣшнія проявленія внутренняго чувства и мысли на лицѣ человѣка, о которыхъ старинные мастера даже и не мечтали, хотя великое историческое значеніе ихъ никто не можетъ отрицать. Въ срединѣ XIX-го вѣка искусство, мнѣ кажется, стало правдивѣе и реальнѣе даже въ самомъ идеализмѣ, а потому какъ-то ближе и родственнѣе намъ. Новыхъ картинъ, писанныхъ мазками, я, конечно, никогда не видалъ, а потому не могу о нихъ судить, но въ рисункахъ эта манера производитъ иногда положительный эффектъ. Впрочемъ, боюсь какъ бы не оказалось, что мы говоримъ совсѣмъ о разныхъ предметахъ. То, что я видѣлъ года три тому назадъ въ одномъ изъ англійскихъ иллюстрированныхъ журналовъ, были, собственно говоря, не мазки и кляксы, а смѣлыя и рѣзкія толстыя черты, гдѣ нѣсколькими взмахами вычерчивалась цѣлая фигура...

Что же касается до твоей симпатіи къ лягушкамъ, то можешь себѣ представить—вѣдь и я ее раздѣляю! Въ эту весну удалось раздобыть нѣсколько лягушечьей икры и вывести изъ нея въ глиняномъ тазу, на прогулкѣ, нѣсколько головастиковъ, а затѣмъ и настоящихъ крошечныхъ лягушенковъ. Было очень забавно, когда первый изъ нихъ началъ прыгать крошечными прыжками. Но, къ сожалѣнію, каждый вылѣзавшій изъ сосуда лягушенокъ уже не возвращался въ него, а куда-то исчезалъ.

Ты видишь сама, милая Вѣрочка, что для воспоминаній о прошломъ въ этомъ письмѣ не остается мѣста. Постараемся вознаградить себя въ слѣдующемъ. На вопросъ же твой о моихъ новыхъ ученыхъ работахъ я, повидимому, еще успѣю тебѣ отвѣтить. (Я вѣдь обязательно долженъ въ своихъ письмахъ помѣщать все, что хочу сказать вамъ, на одномъ листѣ).

Послѣ окончанія осенью моихъ „Основъ качественнаго физико-математическаго анализа", о которыхъ было уже разсказано въ прошломъ письмѣ, я нѣкоторое время отдыхалъ и читалъ англійскіе романы, а затѣмъ, черезъ мѣсяцъ, снова принялся за работу, и теперь только что окончилъ книжку, составляющую уже 21-й томъ моихъ научныхъ работъ. Она небольшая, всего полтораста страницъ, и называется: „Законы сопротивленія упругой среды движущимся въ ней тѣламъ" [1]). Надъ этимъ во-

---

[1]) Была напечатана, по освобожденіи меня изъ Шлиссельбурга, въ извѣстной

просомъ я уже давно работалъ, потому что хотѣлъ разъяснить себѣ, какимъ образомъ солнце, земля и другія небесныя свѣтила не испытываютъ замѣтныхъ замедленій при своихъ движеніяхъ въ свѣтоносной міровой средѣ, но долго натыкался въ своихъ поискахъ на непреодолимыя аналитическія затрудненія. Вопросъ этотъ въ наукѣ считается однимъ изъ самыхъ трудныхъ и надъ ними работаютъ еще со временъ Галилея.

Только въ послѣднюю зиму мнѣ удалось, наконецъ, вывести настоящія формулы, т.-е. найти такіе интегралы, которые даютъ величины, хорошо подходящія къ результатамъ опытовъ и наблюденій, и притомъ вполнѣ объясняютъ общую картину явленія. Это меня страшно обрадовало; я сейчасъ же принялся дѣлать цѣлые ряды вычисленій, которыми исписалъ нѣсколько тетрадей, и затѣмъ, подведя результаты, окончилъ всю работу въ два мѣсяца и только что переплелъ ее передъ полученіемъ вашего письма. Объ этомъ новомъ изслѣдованіи уже нельзя сказать, чтобы оно было исключительно теоретическаго интереса. Вопросъ о сопротивленіи среды составляетъ одинъ изъ главныхъ предметовъ преподаванія во всѣхъ артиллерійскихъ академіяхъ, подъ названіемъ „внѣшней балистики“. А полученныя мною формулы даютъ возможность очень точно вычислять движеніе въ атмосферѣ какихъ угодно летящихъ тѣлъ. Эти формулы сразу разрѣшили и интересовавшій меня вопросъ о сопротивленіи междузвѣздной среды движущимся въ ней небеснымъ свѣтиламъ. Величина его оказалась такой малой, что ея вліяніе можно замѣтить только въ милліоны лѣтъ.

Можете себѣ представить, Вѣрочка, да и ты, Ниночка, тоже! Какъ разъ въ срединѣ этого письма, всего полчаса назадъ, я въ первый разъ въ жизни попробовалъ, въ видѣ отдыха и для ознакомленія съ пріемами, писать масляными красками на кускѣ картона! Я въ полномъ восторгѣ не отъ своей картинки, а отъ этого способа писанія! Это просто замѣчательно! Не нужно ни резинки для исправленія карандашнаго рисунка, ни стакана съ водою для обратнаго смыванія слишкомъ густыхъ красокъ акварельнаго произведенія, ни даже языка, чтобы слизывать лишнюю воду съ кисточекъ по примѣру всѣхъ лучшихъ акварелистокъ и

„С.-Петербургской Біологической Лабораторіи Лесгафта“ (т. IX, вып. 2) и отдѣльнымъ изданіемъ въ 1908 г. „Основы качественнаго физико-математическаго анализа“ были напечатаны въ 1908 г.—*Позднѣйшее примѣчаніе.*

акварелистовъ! Какую кляксу ни намажь, все можно здѣсь покрыть новымъ слоемъ краски, какъ только немного подсохнетъ! Если же на кисть попало слишкомъ много матеріалу, то его можно прямо смазать гдѣ попало на фонъ картины,—это не только ничему не повредитъ, но даже укрѣпитъ окончательную окраску фона! Правда, что теперь, пока моя картина еще не окончена, ея фонъ, весь измазанный всевозможными цвѣтами, вышелъ совсѣмъ въ декадентскомъ вкусѣ, и красная птица кардиналъ, представляющая сюжетъ картины, выступаетъ на немъ не такою, какою она летаетъ теперь въ тропическихъ лѣсахъ Южной Америки, а какъ будто только-что образуется изъ первобытнаго хаоса, о которомъ повѣствуетъ намъ миѳологія! Но все же только теперь я вполнѣ понялъ, что живопись масляными красками—это геніальное изобрѣтеніе!

Прощайте, всѣ мои дорогіе, будьте здоровы и счастливы. Цѣлую много разъ мою добрую мамашу и всѣхъ остальныхъ близкихъ и знакомыхъ. Сегодня какъ разъ день моего рожденія и теперь ты, мамаша, вѣрно, вспоминаешь обо мнѣ!

ПИСЬМО ПЯТНАДЦАТОЕ.

13 февраля 1904 года.

Дорогая моя, милая мамаша, только что получилъ я вашу обычную посылку, и вспомнилъ при этомъ, что теперь наступилъ уже 8-й годъ нашей переписки, не считая прежнихъ отрывочныхъ извѣстій, передававшихся отъ васъ въ эти 23 года моего заключенія. День былъ сумрачный и тусклый, но онъ показался мнѣ на этотъ разъ еще тусклѣе, потому что не пришло вмѣстѣ съ письмами тѣхъ фотографій, которыя были приложены къ посылкѣ и на которыхъ я снова надѣялся увидать ваши дорогія лица и мѣста, гдѣ прошли мои дѣтскіе и юношескіе годы. Я искренно надѣюсь, что тутъ было какое-нибудь недоразумѣніе, потому что фотографіи мнѣ было разрѣшено получать отъ васъ еще въ прошлое царствованіе, и нѣкоторыя были переданы мнѣ въ декабрѣ 1893 или январѣ 1894 года. Я сейчасъ же написалъ объ этомъ вмѣстѣ съ просьбой передать ихъ мнѣ, если тутъ вышло какое-нибудь недоразумѣніе, и надѣюсь, что еще получу ихъ черезъ нѣкоторое время [1]).

---

[1]) Это было напрасно. Министръ внутреннихъ дѣлъ все запретилъ.

Позднѣйшее примѣчаніе.

Теперь же буду радоваться и тому, что узналъ, по крайней мѣрѣ, что всѣ вы живы и болѣе или менѣе здоровы.

Вотъ скоро вы дождетесь и весны, и теплыхъ солнечныхъ дней, и скоро будетъ у васъ, въ имѣніи, весело и людно, и снова вы, моя любимая мамаша, будете окружены своими близкими людьми, и будетъ вамъ куча хлопотъ, чтобы ублаготворить ихъ всѣхъ! Будьте же здоровы и счастливы, моя дорогая, и не безпокойтесь такъ много обо мнѣ, потому что моя жизнь и теперь идетъ такъ же, какъ и въ прошлые годы. Правда, здоровье по прежнему слабо и по временамъ становится тоскливо отъ однообразія, но вѣдь это продолжается уже столько лѣтъ! Если судьба не лишитъ меня когда-нибудь возможности ежедневно заниматься своими научными работами, обдумывать и рѣшать различныя загадки природы, отыскивать скрытые еще отъ насъ законы міровой жизни и стараться выразить ихъ въ точныхъ математическихъ формулахъ, то моя жизнь, вѣроятно, протянется еще не одинъ годъ, и я напишу въ своемъ уединеніи еще не одинъ томъ физико-математическихъ изслѣдованій...

Это просто удивительно, но до сихъ поръ я еще нисколько не забылъ того, что̀ когда-то окружало меня и чего я не видалъ почти четверть столѣтія!.. Ни простора полей и луговъ, ни тишины и безмолвія нашихъ сѣверныхъ лѣсовъ, ни плеска волнъ, ни бездонной глубины открытаго со всѣхъ сторонъ ночного неба съ его милліонами звѣздъ, ни лунныхъ зимнихъ ночей съ безчисленными отблесками луннаго свѣта по снѣжнымъ равнинамъ, среди которыхъ мы не разъ ѣзжали съ вами по проселочнымъ дорогамъ, однимъ словомъ—ничего, что̀ было такъ давно!.. Чѣмъ дальше уходитъ все это въ глубину прошлаго, тѣмъ становится милѣе и ближе сердцу, и часто все это представляется мнѣ въ воображеніи, какъ живое, и снова возникаютъ передъ этими призраками прошлаго прежнія чувства и прежніе вопросы, которые возникали когда-то.

„Что̀ звенитъ тамъ вдали, и звенитъ, и зоветъ?
Для чего по пути пыль столбами встаетъ?
И зачѣмъ та рѣка широко разлилась,
Затопила луга, лишь весна началась?“

Но довольно объ этомъ! Я знаю, дорогая, что вы и безъ словъ все это хорошо понимаете, потому что и сами давно не видите ничего... Но за то какая радость была бы для васъ, еслибъ вы рѣшились, наконецъ, снять со своихъ глазъ катаракты и операція вышла бы удачная!..

Среди различныхъ вопросовъ, которые мнѣ предлагаетъ Вѣрочка, есть одинъ, навѣянный, я увѣренъ, вашими мыслями обо мнѣ и вашимъ безпокойствомъ за меня. Такъ успокойтесь, моя дорогая! Къ Христу и его ученію, очищенному отъ всякаго, приставшаго къ нему впослѣдствіи суевѣрія (въ родѣ вѣдьмъ, чудесъ, чертей и тому подобной дряни, несогласной съ вѣчными законами природы), я отношусь съ величайшимъ уваженіемъ [1].

Да и какъ можно относиться иначе къ человѣку, который отдалъ себя на мученія и смерть, чтобъ научить людей любить ближняго своего какъ самого себя, а истину любить больше, чѣмъ себя, потому что „Богъ есть Истина", какъ не разъ говорится въ Евангеліи отъ Іоанна, которое мнѣ особенно нравится изъ четырехъ... А вѣдь все современное естествознаніе, къ которому влекло меня почти съ самаго дѣтства, есть не что̀ иное, какъ исканіе истины въ природѣ и вѣчныхъ законовъ, которыми управляется вселенная... Вѣдь только тотъ, кто любитъ истину болѣе всего на свѣтѣ, и можетъ быть способнымъ, какъ истинные современные ученые, безкорыстно проводить и дни, и ночи, тратить свои силы и здоровье надъ разрѣшеніемъ міровыхъ загадокъ, радоваться отъ всего сердца, когда удается что-нибудь прибавить къ тому запасу истиннаго знанія, которымъ обладаетъ въ настоящее время человѣчество, и приходить почти въ отчаяніе, когда поиски не приводятъ къ желаннымъ результатамъ...

Одно время (хотя уже и давно) у меня не было другого чтенія, кромѣ Библіи, и, перечитавъ ее нѣсколько разъ, я и до сихъ поръ помню наизусть очень многія ея мѣста... Къ нѣкоторымъ изъ библейскихъ книгъ я относился особенно внимательно, такъ какъ въ нихъ нерѣдко говорится о такихъ предметахъ, которые меня особенно интересуютъ, напримѣръ о географическихъ, физическихъ и астрономическихъ представленіяхъ прошлыхъ поколѣній человѣчества. Но болѣе всего заинтересовалъ меня Апокалипсисъ, въ которомъ, кромѣ чисто теологической части, есть прекрасныя по своей художественности описанія созвѣздій неба, съ проходившими по нимъ тогда планетами, и облаковъ бури, пронесшейся въ тотъ день надъ островомъ Патмосомъ. Однако всю прелесть этого описанія можетъ понять только тотъ, кто хорошо знакомъ съ астрономіей и ясно представляетъ себѣ всѣ виды прямыхъ и понятныхъ путей, по кото-

---

[1]) Здѣсь снова сказалась глубокая пропасть между отцами и дѣтьми въ нашемъ поколѣніи... Мать страшно страдала изъ-за моего „невѣрія" въ то, что возбуждало ея глубокое благоговѣніе... и какъ было ее успокоить?..—*Позднѣйшее примѣчаніе.*

рымъ совершаются кажущіяся движенія описанныхъ въ Апокалипсисѣ коней-планетъ, и кто хорошо помнитъ фигуры и взаимныя положенія сидящихъ на нихъ звѣрей—созвѣздій Зодіака, съ ихъ безчисленными очами-звѣздами. Тотъ, кто не знаетъ вида звѣзднаго неба, кто не можетъ сразу показать, гдѣ находятся въ данное время дня и года описанныя тамъ созвѣздія Агнца или Овна, Вѣсовъ, Тельца, Льва, Стрѣльца, Алтаря, Дракона и Персея; кто никогда не читалъ въ старинныхъ книгахъ о древнемъ символѣ смерти—созвѣздіи Скорпіона,—по которому несся тогда блѣдный конь Сатурнъ, или о созвѣздіи Возничаго съ его Конскими Уздами, до которыхъ протянулась тогда, послѣ грозы, кровавая полоса вечерней зари, или о созвѣздіи Дѣвы, которое было тогда „одѣто Солнцемъ“; кто не видалъ въ темную звѣздную ночь, какъ двадцать-четыре старца-часа, на которые раздѣляется въ астрономіи небо, обращаются вокругъ вѣчно неподвижнаго небеснаго полюса, символа вѣчности, — для того будетъ совершенно потеряна вся чудная прелесть и поэзія лучшихъ мѣстъ этой книги, и въ головѣ его не останется ничего, кромѣ какого-то кошмара отъ всѣхъ этихъ „звѣриныхъ фигуръ“, съ которыми онъ не можетъ связать надлежащаго представленія!

Только потому, что мнѣ пришлось читать эту книгу уже послѣ того, какъ я хорошо узналъ астрономію и помнилъ много типическихъ формъ облаковъ, встрѣчающихся постоянно во время грозъ, она и могла произвести на меня такое сильное впечатлѣніе! Она мнѣ такъ понравилась, что не смотря на свою нелюбовь къ греческому языку, которымъ меня такъ неумѣренно упитывали въ гимназіи, я не только прочелъ эту книгу въ подлинникѣ, по-гречески, но даже и перевелъ ее съ объясненіями, потому что на греческомъ она оказалась внѣ сравненія лучше и яснѣе, чѣмъ въ обычныхъ переводахъ на русскій и другіе языки...

Но даже и этимъ не ограничились мои *теологическія* занятія этого лѣта!.. Еще при первомъ чтеніи Апокалипсиса я замѣтилъ, что описанные тамъ виды звѣзднаго неба и положенія планетъ среди созвѣздій даютъ полную возможность вычислить астрономическими способами, когда небо имѣло такой видъ, и, слѣдовательно, опредѣлить и годъ, и мѣсяцъ, и день, когда была написана эта книга, о времени составленія которой не только историки, но даже и теологи, не могутъ придти къ соглашенію, считая достовѣрнымъ лишь то, что она написана очень поздно, не ранѣе конца перваго столѣтія нашей эры.

Вычисленіе это, относящееся къ такому далекому прошлому, конечно очень трудно безъ таблицъ Леверрье, т.-е., вѣрнѣе, уто-

мительно и сложно и распадается на нѣсколько рядовъ различныхъ вычисленій, а каждый рядъ распадается въ свою очередь на нѣсколько другихъ, подчиненныхъ. Но я былъ такъ заинтересованъ, что все-таки принялся за это и, исписавъ цифрами слишкомъ девяносто страницъ бумаги и прослѣдивъ такимъ путемъ движенія всѣхъ планетъ по небу за первыя восемьсотъ лѣтъ послѣ Рождества Христова, получилъ, наконецъ, двумя различными способами, что въ описанномъ въ Апокалипсисѣ видѣ звѣздное небо представлялось съ острова Патмоса только въ воскресенье 30-го сентября *триста девяносто пятаго* юліанскаго года, между четырьмя и восемью часами вечера! Я хотѣлъ было сдѣлать и еще провѣрочное вычисленіе третьимъ способомъ, но это пока не удалось. Дѣло въ томъ, что такого рода вычисленія нельзя перервать—иначе потеряешь связующую нить, а надъ первыми двумя мнѣ уже пришлось подъ рядъ заниматься каждый вечеръ въ продолженіе почти цѣлаго мѣсяца. Это такъ меня утомило, что, наконецъ, затрещала голова, и я началъ ходить какъ въ туманѣ. Пришлось дать себѣ отдыхъ, принявшись для отвлеченія мыслей за чтеніе иностранныхъ романовъ, какъ я обыкновенно дѣлаю въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ. Послѣ же отдыха, когда снова просвѣтлѣло въ головѣ, я уже не возвращался къ занятіямъ теологіей, а принялся снова за разработку различныхъ вопросовъ по физикѣ и физической математикѣ, такъ какъ этотъ предметъ меня менѣе утомляетъ, чѣмъ какіе-нибудь другіе, непривычные.

Спасибо тебѣ, дорогой мой Петя, за такое полное сочувствіе и моимъ трудамъ по „строенію вещества". Это сочувствіе—именно то, чего мнѣ болѣе всего хотѣлось отъ тебя получить. Братскія чувства всегда останутся братскими, но когда имѣешь не только брата, но и человѣка интересующагося тѣми же самыми вопросами, которыми интересуешься самъ, то это вдвое дороже. Очень мнѣ хотѣлось бы, чтобъ ты получилъ когда-нибудь возможность прочитать мои работы не въ тѣхъ краткихъ изложеніяхъ ихъ содержанія, какія я давалъ вамъ въ прошлыхъ письмахъ, но въ полномъ видѣ. Тогда ты не спросилъ бы меня, какъ теперь, даю ли я указанія, какъ разложить неразложенныя до сихъ поръ вещества.

Въ головѣ моей и въ моихъ черновыхъ замѣткахъ есть немало способовъ, которые подсказываются самой теоріей и которые я непремѣнно попытался бы осуществить, еслибъ была хоть какая-нибудь возможность. Что же касается до того моего сочиненія—„Періодическія системы", — которое было разсмотрѣно

Д. П. Коноваловымъ [1]), то въ немъ я только вскользь указывалъ на два способа, потому что я хорошо зналъ скептицизмъ большинства русскихъ ученыхъ по этому предмету. Вотъ еслибъ я былъ въ Англіи, то, конечно, написалъ бы совершенно иначе, потому что выдающіеся британскіе ученые держатся совершенно противоположнаго мнѣнія, чѣмъ наши. И можешь себѣ представить!.. Ихъ опыты уже подтвердили очень многое изъ того, что я нѣсколько лѣтъ тому назадъ вывелъ теоретически въ этой моей работѣ. Помнишь, я говорилъ вамъ не разъ [2]), что моя теорія строенія предсказываетъ, какъ совершенно необходимую вещь, что въ составъ современныхъ металловъ и металлоидовъ входятъ гелій, водородъ и еще третій, до сихъ поръ неизслѣдованный элементъ, свойства котораго я указывалъ... И что же?— Почти все это теперь уже подтвердилось опытами и наблюденіями англійскихъ и американскихъ ученыхъ! Присутствіе структурнаго водорода въ атомахъ металловъ указано англійскимъ астрофизикомъ Локьеромъ путемъ спектроскопическаго изслѣдованія нѣкоторыхъ звѣздъ, гдѣ металлическіе пары отчасти разложились отъ страшно высокой температуры; а гелій и еще какой-то новый неизвѣстный газъ оказались постоянно выдѣляющимися изъ недавно открытаго металла — радія, и потому должны присутствовать и въ остальныхъ металлахъ. Поэтому можно сказать съ увѣренностью, что черезъ нѣсколько лѣтъ пребыванія здѣсь мои работы будутъ лишь запоздалыми пророчествами о такихъ предметахъ, которые сдѣлаются общепризнанными... Еслибъ я былъ мелочно-самолюбивымъ человѣкомъ, то я очень огорчался бы такой потерей своего труда... Но для меня, наоборотъ, каждый такой случай подтвержденія бываетъ настоящимъ праздникомъ. Только бы больше было свѣта и истиннаго знанія въ человѣческихъ головахъ, а откудо оно пришло, изъ Англіи, Америки или Австраліи—не все ли это равно?

Очень бы хотѣлось мнѣ, дорогая Груша, исполнить твою просьбу и разсказать тебѣ что-нибудь о своей жизни... Но для воспоминаній о прошломъ теперь нѣтъ мѣста, а современное не представляетъ подходящихъ предметовъ для переписки. Могу только сказать, что и у меня, какъ у тебя, есть порядочно друзей изъ животнаго міра: воробьи, о которыхъ я не разъ писалъ, и нѣсколько галокъ и голубей по прежнему не перестаютъ навѣщать меня

---

[1]) Фамилію Коновалова вычеркнули, чтобъ не дать моимъ роднымъ возможность повидаться съ нимъ.—*Позднѣйшее примѣчаніе.*

[2]) Въ прежнихъ письмахъ, напримѣръ въ письмѣ 11-мъ, отъ 2-го марта 1902 г. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

на прогулкахъ. Да вотъ еще хромая ворона прилетаетъ по временамъ и проситъ себѣ чего-нибудь поѣсть. Ласточекъ въ это лѣто не удалось воспитывать, да и синички почему-то исчезли въ эту зиму, а то ранѣе одна изъ нихъ даже забралась зимой на воротникъ моей шубы и долго чего-то искала носикомъ у меня за ухомъ, хотя никакихъ насѣкомыхъ здѣсь, слава Богу, не водится...

Я чувствую по временамъ симптомы малокровія. Всего лишь нѣсколько дней назадъ, возвратившись къ себѣ въ комнату съ прогулки, гдѣ пришлось расчищать себѣ дорожку отъ снѣга, я вдругъ увидѣлъ отъ утомленія передъ обоими глазами свѣтлыя, большія пятна, почкообразной формы, замѣчательно хорошо обрисовывавшіяся на тускломъ освѣщеніи противоположной стѣны. Такихъ я еще никогда не видалъ, и потому присѣлъ, не раздѣваясь, чтобы наблюдать ихъ измѣненія, пока не пройдутъ совсѣмъ, но они лишь постепенно ослабѣвали и, наконецъ, исчезли, не обнаруживъ ничего особенно интереснаго. По причинѣ этой слабости я и не занимаюсь совсѣмъ физическимъ трудомъ, за исключеніемъ переплетнаго, да и то не болѣе двухъ недѣль въ году. Вообще я пришелъ къ заключенію, что физическій трудъ мѣшаетъ умственнымъ занятіямъ, а потому и раздѣленіе обоихъ является неизбѣжнымъ, конечно не въ смыслѣ общаго образованія, а въ смыслѣ спеціализаціи человѣка въ той или другой области.

Цѣлую тебя семьдесятъ семь разъ, дорогая Вѣрочка, за то, что ты такъ хлопочешь и заботишься о моихъ работахъ... Какой отвѣтъ получила ты о нихъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ? Твое письмо по женскому обыкновенію безъ обозначенія года и мѣсяца, но мнѣ кажется, что оно написано въ началѣ ноября, а потому и все, что̀ ты говоришь въ немъ, относится еще къ осени.

Ты спрашиваешь меня, что̀ я сдѣлалъ со своей работой: „Законы сопротивленія упругой среды“.—И много, и мало, мой милый другъ! Еще въ іюнѣ прошлаго года я имѣлъ случай просить министра о посылкѣ этой работы (вмѣстѣ съ „Качественнымъ физико-математическимъ анализомъ“ и первымъ томомъ „Строенія вещества“) на разсмотрѣніе нѣкоторымъ ученымъ, особенно компетентнымъ въ этихъ предметахъ по моему мнѣнію, и къ величайшей своей радости получилъ разрѣшеніе. Всѣ три рукописи были сданы мною еще въ іюнѣ, но къ сожалѣнію до сихъ поръ не удалось осуществить ихъ передачу этимъ

лицамъ [1]), и потому въ январѣ я попросилъ министра внутреннихъ дѣлъ сдѣлать это иначе (именъ я, повидимому, не могу тебѣ называть [2]), и потомъ передать ихъ вамъ, въ виду того, что вамъ такъ хотѣлось этого. Не знаю, окажется ли это возможнымъ теперь... Мнѣ такъ хотѣлось бы, чтобъ мои работы, на которыя я потратилъ столько лѣтъ, не лежали простымъ научнымъ балластомъ. Я знаю, что въ нихъ есть выводы, которые должны показаться неожиданными для большинства спеціалистовъ, но всѣ они относятся къ такимъ вопросамъ, которые еще считаются нерѣшенными, а потому и оцѣнка ихъ неизбѣжно будетъ носить субъективный характеръ, въ зависимости отъ взглядовъ того лица, которое будетъ ихъ читать.

Въ такихъ работахъ неизбѣжно приходится критиковать нѣкоторыя изъ старыхъ воззрѣній и высказывать новыя, потому что вѣдь еслибъ всѣ повторяли только старое, то какъ могла бы наука двигаться впередъ? Мнѣ очень хотѣлось бы, чтобъ послѣ разсмотрѣнія учеными мои рукописи сохранялись у васъ, потому что въ моемъ положеніи легче написать нѣсколько томовъ научныхъ работъ, чѣмъ переслать ихъ потомъ на разсмотрѣніе комунибудь компетентному, кто могъ бы воспользоваться ими.

Ну, да довольно объ этомъ предметѣ, моя дорогая Вѣрочка. Ну, и насмѣшила же ты меня своимъ желаніемъ увидать мою прошлогоднюю попытку писать масляными красками! Вѣдь это нѣчто невообразимое, сдѣланное съ цѣлью посмотрѣть, какъ накладываются краски! Съ тѣхъ поръ я больше и не брался за живопись: пришлось въ этотъ годъ лишь сдѣлать нѣсколько рисунковъ перомъ для моихъ сочиненій.

Ты спрашиваешь меня о моихъ новѣйшихъ занятіяхъ. Лѣтомъ и осенью, послѣ отсылки вамъ письма, я занялся главнымъ образомъ писаніемъ второго тома „Основъ качественно физико-

[1]) Онѣ все время лежали у „Удава“, какъ мы называли нашего коменданта, и совсѣмъ никому не были посланы до года моего освобожденія. Всѣ сообщенія мнѣ о ихъ посылкѣ Д. И. Менделѣеву и Н. Н. Бекетову были, какъ оказалось потомъ, обманомъ, неизвѣстно зачѣмъ сдѣланнымъ.—*Позднѣйшее примѣчаніе.*

[2]) Я сказалъ дежурному офицеру (узнавъ, наконецъ, что мои рукописи все еще лежатъ у коменданта): „Если даже такіе люди, какъ Д. И. Менделѣевъ и академикъ Н. Н. Бекетовъ, кажутся въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ подозрительными, то пусть перешлютъ ихъ просто въ академію наукъ, какъ это принято за границей“. Офицеръ сказалъ, что сообщитъ объ этомъ черезъ департаментъ полиціи министру, и черезъ двѣ недѣли передалъ отвѣтъ министра внутреннихъ дѣлъ: *„О передачѣ въ академію наукъ нечего и думать“.—Позднѣйшее примѣчаніе.*

математическаго анализа", а затѣмъ въ промежутки написалъ три небольшихъ изслѣдованія о структурѣ атомовъ вещества. Въ одномъ изъ нихъ я изложилъ въ возможно общедоступной формѣ взгляды на этотъ предметъ выдающихся ученыхъ XIX вѣка и приводилъ новыя доказательства сложности атомовъ. Въ другомъ разсматривалъ причины самосвѣченія радія и другихъ подобныхъ ему веществъ, а третье было посвящено электрическимъ явленіямъ и электрическимъ атомамъ. Такъ и проходило мое время день за день, а на сонъ грядущій, для отвлеченія мыслей, прочитывалъ по обыкновенію по нѣскольку десятковъ страницъ изъ какого-либо иностраннаго романа, чтобы не забывать языковъ. Только—страшная досада!—большинство изъ тѣхъ романовъ, которые пришлось читать въ послѣднемъ году, были съ преотвратительными концами, а ты знаешь, какъ я не люблю этого. И безъ того жизнь невесела, а тутъ еще и въ романѣ дополнительное горе! Единственнымъ оправданіемъ такого безжалостнаго обращенія авторовъ съ дѣйствующими лицами въ этомъ случаѣ можетъ служить развѣ только то, что они помѣщены въ чрезвычайно дешевомъ изданіи, чуть не по десяти копѣекъ за романъ, такъ что я вспомнилъ, читая ихъ, одну каррикатуру въ какомъ-то старинномъ иллюстрированномъ журналѣ. Тамъ изображена была толстая уличная торговка пирожками, а передъ ней покупатель—мастеровой, только что откусившій отъ купленнаго у нея пирожка одинъ изъ концовъ и вытащившій изъ него при этомъ зубами лоскутокъ сукна вмѣсто говядины.

— Что же это такое? — говоритъ онъ торговкѣ, показывая ей этотъ лоскутокъ.—Пирогъ-то съ сукномъ!

— А ты что же,—отвѣчаетъ ему она, упершись руками въ бока,—за двѣ-то копѣйки съ бархатомъ что-ли захотѣлъ?

Такъ и съ этими моими романами! Еслибъ кто-нибудь изъ читателей захотѣлъ пожаловаться на то, что въ концѣ каждаго изъ нихъ всѣ дѣйствующія лица погибаютъ отъ чахотокъ, самоубійствъ и всевозможныхъ напастей и никто не можетъ уцѣлѣть, то авторъ могъ бы съ такимъ же правомъ, какъ и эта торговка, отвѣтить ему:

— А ты что же, за десять-то копѣекъ, да еще съ хорошимъ окончаніемъ захотѣлъ?..

Обнимаю и цѣлую васъ всѣхъ! Мой привѣтъ тѣмъ, кто меня еще не забылъ!

Николай Морозовъ.

КАКЪ РОСЛА МОЯ ВѢРА

Отрывки изъ автобіографіи.

X *).

Постепенно начиналъ меркнуть въ моихъ глазахъ тотъ ореолъ, которымъ я окружалъ личность моего дорогого Б.

Когда онъ принялъ мѣсто гувернера въ такую глушь, какъ нашъ Царевококшайскъ, въ его планы входило не только увидать настоящіе медвѣжьи углы далекой невѣдомой страны, но и желаніе быть оторваннымъ отъ нѣмецкихъ колоній, съ которыми онъ могъ бы сблизиться въ столицѣ или большомъ губернскомъ городѣ. Онъ хотѣлъ быть исключительно между русскими, чтобы какъ можно скорѣй практически выучиться русскому языку, а потомъ уже вернуться въ Москву или въ Петербургъ и занять тамъ мѣсто преподавателя латинскаго или греческаго языка въ какой-либо гимназіи. Русскому языку онъ дѣйствительно понемногу выучивался, но съ гораздо бо́льшимъ трудомъ, чѣмъ онъ этого ожидалъ; черезъ годъ послѣ его пріѣзда онъ говорилъ, коверкая слова и съ ясно выраженнымъ нѣмецкимъ акцентомъ.

Зато пить водку онъ выучился за это время совсѣмъ по-русски. Меня это иногда печалило, иногда возмущало; чѣмъ выше ставилъ я его духовную личность въ моемъ сознаніи, тѣмъ непріятнѣе было мнѣ видѣть его въ такомъ состояніи, до котораго могъ унизиться любой „нищій духомъ“, — особенно когда это случалось съ нимъ не у насъ дома, а гдѣ-нибудь въ гостяхъ, откуда онъ возвращался домой плохо говорящимъ не только по-

---

*) См. май, стр. 214.

русски, но и по-нѣмецки. Мнѣ больно вспоминать одну сцену, но именно она-то чаще другихъ вспоминается мнѣ.

Нашего милаго протопопа А. В. переводили на другое, лучшее мѣсто, чуть ли не въ Москву. За нѣсколько дней до его отъѣзда Б. вечеромъ пошелъ къ нему прощаться. Отецъ былъ въ то время, кажется, по дѣламъ въ Казани. Я долженъ былъ около полуночи пріѣхать за Б., чтобы привезти его отъ протопопа домой. Дѣло это было обыкновенное. По ночамъ, при лунѣ, въ особенности зимой, мы часто катались, и я часто правилъ за кучера, не только одиночкой, но и тройкой. Такъ и въ этотъ разъ: была дивная морозная лунная ночь.

Санки подали мнѣ къ крыльцу немного раньше полночи. Когда я поѣхалъ, тишина спящаго города и жившее полной своей жизнью звѣздное небо настроили меня поэтически. Мнѣ захотѣлось подольше остаться одному, захотѣлось слиться душой со всѣмъ великимъ міромъ. Въ той частицѣ матеріи, которую представлялъ собой я, проявлялась въ то время та же великая божественная сила, которая заставляла плавать въ безграничномъ пространствѣ всѣ эти звѣзды, всѣ эти видимые и невидимые міры. Я опустилъ возжи, давая лошади идти шагомъ. Я зналъ, что торопиться незачѣмъ, свернулъ въ боковую улицу, выходившую къ пахатнымъ полямъ, а тамъ, за гранью города и этихъ полей, было кладбище. Я смотрѣлъ, какъ мой конь, пофыркивая, крупнымъ шагомъ шелъ по этому направленію. И мнѣ страстно захотѣлось именно теперь подъѣхать къ кладбищу, объѣхать его кругомъ, постоять около него, почувствовать тамъ, среди могилъ, связь своей тѣлесной оболочки и оживляющаго ее духа со всѣми тѣми, кто, какъ теперь я, когда-то жилъ въ этомъ мірѣ, вотъ на этомъ мѣстѣ.

Полночь была близка. Часъ привидѣній! Я зналъ, что мои глаза горѣли, я улыбался навстрѣчу приближавшимся ко мнѣ очертаніямъ высокихъ, покрытыхъ инеемъ березъ кладбища... Я такъ любилъ въ то время стихи Гейне, а вѣдь они полны привидѣніями. И мнѣ такъ захотѣлось теперь, чтобы передо мной повторилась воочію гейневская сцена на кладбищѣ.

Я проѣхалъ мимо кладбищенскихъ воротъ по полевой дорогѣ, подъѣхалъ къ самой глухой сторонѣ кладбища и остановился. Я долго смотрѣлъ въ полумракъ кладбищенской рощи, гдѣ лунныя тѣни отъ деревьевъ перекрещивались съ тѣнями отъ намогильныхъ крестовъ. Эти кресты, занесенные снѣгомъ, въ прихотливой игрѣ тѣней принимали очертанія человѣческихъ фигуръ, казались мертвецами въ бѣлыхъ саванахъ, стоящими, сидящими, обнимающи-

мися, сгрудившимися или удалившимися отъ толпы, одиноко облокотившимися о стволъ какой-нибудь старой березы... Но все это только казалось. Только имѣло подобіе. Я зналъ, что ничего этого не было, я не сомнѣвался, что привидѣній нѣтъ, и не испытывалъ даже жуткаго чувства.

И повернувъ лошадь, я поѣхалъ назадъ.

Когда я пріѣхалъ къ протопопу, тамъ, кромѣ Б., было еще человѣка два знакомыхъ, и было пьяно. Я не раздѣвался; протопопъ вышелъ поздороваться со мной въ переднюю; и, не заставивъ меня долго ждать, вышелъ и Б. Мы распрощались съ протопопомъ. Я долженъ былъ поддержать моего гувернера, когда онъ спускался по маленькой деревянной лѣстницѣ стараго крыльца; я усадилъ его въ сани, сѣлъ на козлы, и мы поѣхали.

Б. покачивался изъ стороны въ сторону и коснѣющимъ языкомъ говорилъ мнѣ ласковыя слова, хвалилъ меня за храбрость, за доброту, говорилъ, что протопопъ очень хорошій человѣкъ, ein feiner Kerl, но что русская водка verdammt stark. Я ѣхалъ ровной рысью, стараясь поддерживать непрерывный разговоръ съ Б., чтобы онъ не заснулъ. Но по мѣрѣ приближенія къ дому, мой конь шелъ все быстрѣе и быстрѣе—я едва сдерживалъ его. И въ одномъ ухабѣ онъ какъ-то такъ тряхнулъ санями, что Б. вылетѣлъ. Почуявъ легкость, конь готовъ былъ подхватить и понести, но я, что̀ было силы, передернулъ удилами, и, откинувшись съ козелъ спиной назадъ, осадилъ-таки упрямаго и повернулъ обратно. Лошадь успокоилась, пошла тише. Я остановилъ ее, слѣзъ, и, взявъ подъ-уздцы, подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ Б.

А онъ, приподнявшись и облокотившись ладонями о снѣгъ, стоналъ, смотря, какъ изъ его виска падали на дорогу крупныя капли крови. Оказалось, что онъ попалъ на замерзшую кочку и раскроилъ високъ. Съ трудомъ сдерживая лошадь, я успокоилъ моего гувернера, досталъ носовой платокъ, перевязалъ ему голову, приложивъ вмѣсто примочки комокъ снѣга. Потомъ помогъ Б. сѣсть въ сани, уже не на сидѣнье, а на корточкахъ, внизъ, и въ такомъ видѣ быстро домчалъ его домой.

Ранка оказалась неопасной. Дома была аптечка, чѣмъ-то примочили, завязали. А на утро у Б., выражаясь фигурально, сочилась кровью не ранка на вискѣ, а сердце отъ досады и обиды. Его успокоила моя добродушная улыбка; онъ обнялъ, поцѣловалъ меня. Онъ радовался тому, что въ это время отецъ былъ въ отъѣздѣ, и цѣлый день Б. могъ не выходить изъ ком-

наты, сказавшись больнымъ. Уже вечеромъ, перевязывая ранку, онъ съ добродушной улыбкой ворчалъ:

— Hol' ihn der Teufel, den Protopop!

Но потомъ, когда уже протопопъ уѣхалъ, а ранка зажила, Б. иногда возьметъ да и заиграетъ аккомпаниментъ „Бородушки“ и вспомнитъ добрымъ словомъ милаго А. В.

Съ отъѣздомъ протопопа у меня связано еще другое неизгладимое воспоминаніе.

На мѣсто А. В. въ соборъ былъ назначенъ не кто иной, какъ священникъ сосѣдней Троицкой церкви, той самой, гдѣ былъ скульптурный „Истинный Христосъ“. И тогда у насъ въ городѣ разсказывали, что въ ближайшую же темную ночь этотъ Христосъ изъ Троицкой церкви, невѣдомо какими путями, перебрался въ соборъ и очутился и тамъ въ такой же нишѣ-темницѣ, такъ же съ лампадкой и за шерстяной занавѣской. Переполохъ, который это обстоятельство вызвало въ Троицкой церкви, продолжался, однако, недолго. Не помню всѣхъ подробностей этого событія, но „Истинный Христосъ“ водворился опять на старое мѣсто, и черемисскіе трешники и семишники продолжали по прежнему составлять одну изъ важныхъ статей бюджета Троицкой церкви [1]).

Такія побочныя обстоятельства продолжали укрѣплять у меня вѣру въ невѣріе, и реализмъ торжествовалъ въ ущербъ не только идеализму, но даже и поэзіи.

Сначала столь любимый гувернеръ теперь не могъ дать мнѣ ничего, что̀ послужило бы толчкомъ къ поднятію ослабѣвшаго влеченія моего къ нему. Въ его рѣчахъ не было уже прелести новизны, а каждый новый его „подвигъ“ отрицательнаго характера только удалялъ меня отъ него.

Въ этомъ была своя хорошая сторона. Я стряхивалъ съ себя и эту послѣднюю духовную опеку, какъ освободился уже отъ опеки отцовской. Я мужалъ.

И мужая, я больше уходилъ въ самого себя, я дѣлался духовно одинокимъ, и въ то же время, какъ пчела, бралъ свои познанія со всѣхъ цвѣтовъ, какіе попадались на пути. Уже не одинъ Б. или Ю. были моими духовными руководителями, а каждый посторонній человѣкъ, чѣмъ-нибудь отличавшійся отъ безцвѣтной массы людей, давалъ мнѣ возможность чему-нибудь научиться отъ него. Но это самоученіе все же шло теперь въ

---

[1]) Объ этомъ разсказывается и въ статьѣ: „Городъ Царевококшайскъ“ В. А. Мошкова (Литер. прилож. къ „Нивѣ“, мартъ 1901 г.).

томъ направленіи, какое далъ ему Ю-нъ: я уже на все старался смотрѣть съ точки зрѣнія „мыслящаго реалиста“, придавая многому и своеобразное толкованіе.

Я былъ сынъ купца, и ничто купеческое было мнѣ въ то время нечуждо. Я выросъ въ атмосферѣ постоянныхъ разговоровъ о приходахъ и расходахъ, о прибыляхъ и убыткахъ. Мальчишкой я уже понималъ, что̀ можетъ быть выгодно и что̀ невыгодно. Скупости въ нашемъ домѣ не было и въ поминѣ, но всякая *непроизводительная* трата была въ моихъ глазахъ если не преступленіемъ, то профанацiей искусства хорошо вести торговыя дѣла. Съ другой стороны разговоры съ Ю. уже направили мой умъ въ сторону размышленій о справедливомъ вознагражденіи труда и въ защиту его отъ эксплуатаціи капиталомъ. Но *только труда:* бездѣльникъ, паразитъ не долженъ былъ встрѣчать сочувствія, въ какой бы маскѣ онъ ни являлся. Съ этой точки зрѣнія во мнѣ возбуждали особенное отвращеніе монахи. Но точно также и благотворительность, и милосердіе я кичливо называлъ тогда „метафизикой“.

И помню, что эти убѣжденія „реалиста“ заставляли меня смотрѣть враждебно на нѣкоторыя дѣйствія отца, меня совершенно не касавшіяся.

Въ числѣ ссыльныхъ поляковъ былъ какой-то старый каноникъ. Тяжело ему было существовать на тѣ гроши, которые давало ссыльнымъ на пропитаніе правительство. Заработковъ въ городѣ не было, и старый Ѳома Егорычъ все просилъ отца, какъ человѣка со средствами и связями, чтобы онъ исхлопоталъ ему разрѣшеніе переселиться въ Казань и пристроиться къ тамошнему костелу. Отецъ этого сдѣлать, конечно, не могъ, но сдѣлалъ другое. Онъ поручилъ ему обязанность, которая лежала прежде на матеріальномъ приказчикѣ: звонить въ маленькій колоколъ для созыва рабочихъ на работу, на обѣдъ и для отпуска ихъ по окончаніи домой; и назначилъ ему за это небольшое жалованье. Въ глазахъ отца старикъ былъ все-таки лицомъ духовнымъ, хотя и другой вѣры.

А молодой матеріальный приказчикъ разсуждалъ такъ:

— Лучше бы мнѣ лишнихъ пять рублей въ мѣсяцъ прибавили. А то этотъ старый чортъ за свою прогулку три раза въ день отъ квартиры къ намъ получаетъ почти половину того, что̀ мнѣ даютъ, а я съ утра до ночи мечусь по кладовымъ.

И вмѣстѣ съ приказчикомъ совершенно такъ же разсуждалъ и я.

Хотя приказчикъ получалъ пропорціонально съ другими слу-

жащими и достаточно, но обиднымъ казалось то, что для старика, за его духовное званіе, отецъ создалъ эту ненужную должность „звонаря“.

Винокуромъ у насъ на заводѣ былъ еврей, старикъ лѣтъ за шестьдесятъ. Очень красивый — благообразная фигура съ длинной сѣдой бородой, — онъ могъ служить натурщикомъ для изображенія Авраама или Моисея. Своей религіозностью онъ, можетъ-быть, превосходилъ даже моего отца. И отецъ чрезвычайно любилъ его за это. Помощниками винокура были его племянники и родственники, молодые люди, изъ которыхъ про каждаго можно было сказать: хорошій, веселый, работящій малый. Они-то и вели все трудное и отвѣтственное дѣло винокуренія. Старикъ только наблюдалъ. Но за это наблюденіе получалъ львиную долю того вознагражденія, которое обусловливалось контрактомъ съ винокуромъ. Молодежь возмущалась:

— За что все ему? Мы работаемъ, мы ночи не спимъ, мы паримся въ пару, мы мерзнемъ на морозѣ, а старикъ только и дѣлаетъ, что молится. Да пройдетъ по заводу, посмотритъ.

Возмущался съ ними и я. Возмущался потому, что то благоволеніе, которое отецъ проявлялъ къ винокуру, объяснялось опять-таки только ихъ обоюдной религіозностью. Въ пятницу вечеромъ старикъ Григорій Леонтьичъ становится на молитву: надѣнетъ полосатую хламиду, привяжетъ ко лбу деревянныя шишки съ заповѣдями Моисеевыми, и ужъ тутъ хоть заводъ гори — не обернется, бормочетъ свои молитвы. Въ субботу утромъ тоже. И всю субботу его не видно. А молодые помощники, забывъ и Бога, и молитву, бѣгаютъ-хлопочутъ. И если бы въ это время случайно старикъ былъ почему-нибудь нуженъ конторѣ или отцу, отецъ не пошлетъ за нимъ, не позволитъ никому потревожить его молитву. Въ субботу вечеромъ отецъ у всенощной. Придетъ отъ всенощной, молится у себя въ спальнѣ. Утромъ у обѣдни. Какъ придетъ отъ обѣдни, непремѣнно пошлетъ за винокуромъ: пьютъ вмѣстѣ чай, поговорятъ о дѣлахъ и перейдутъ на толкованіе книги Іова, или на какія-нибудь пророчества Іереміи или Исаіи. Я иногда подойду къ кабинету, гдѣ идетъ этотъ разговоръ, заслышу его еще изъ передней, съ досадой махну рукой и проворчу про себя: „Заладили!“ И уйду, унося въ своей душѣ новый зародышъ нетерпимости, новый доводъ въ подтвержденіе того, что всѣ религіи равны лишь въ одномъ: всѣ онѣ мѣшаютъ правильному реалистическому пониманію жизни, всѣ способствуютъ развитію несправедливаго отношенія людей другъ къ другу.

И только много-много позднѣе сталъ я замѣчать, какъ эта моя собственная „вѣра въ невѣріе" выростала уже въ своего рода религіозный фанатизмъ.

Сложившееся у меня въ то время убѣжденіе, что религіи приносятъ только вредъ, что онѣ послужили источникомъ многихъ золъ, не только въ тѣ отдаленные вѣка, которые сдѣлались уже достояніемъ безпристрастной исторіи, но еще и въ наше время, въ нашей личной борьбѣ за счастье, за свѣтъ, за радость жизни,—это убѣжденіе поддерживалъ во мнѣ еще одинъ, близкій мнѣ тогда человѣкъ. Я рѣшительно не помню теперь, какого онъ былъ вѣроисповѣданія. Фамилія была нѣмецкая, Ф-ръ, и какъ будто онъ былъ лютеранинъ; а имя и отчество могли одинаково быть и православными, и католическими: Антонъ Ипполитычъ. Онъ былъ, кажется, изъ Одессы или изъ Кіева,—но не еврей. Въ какой степени Ф-ръ былъ замѣшанъ въ польскомъ возстаніи — не знаю, но онъ былъ въ числѣ ссыльныхъ, нуждался въ заработкѣ, и отецъ далъ ему на нашемъ заводѣ мѣсто хлѣбнаго приказчика. Ф-ръ былъ изъ хорошей семьи, красивъ, образованъ, когда-то богатъ. Изъ-за мачихи поссорился съ отцомъ и ушелъ безъ гроша изъ родительскаго дома. Еще сравнительно молодъ, но уже много пожилъ, многое видѣлъ, и сохранилъ и въ бѣдности изящество манеръ. Въ компанію моего отца въ качествѣ собутыльника онъ не приглашался, въ домѣ у насъ бывалъ рѣдко. Но я съ нимъ скоро сдружился. Я ходилъ къ нему въ его приказчичью комнату около хлѣбнаго амбара, и мы тамъ вмѣстѣ занимались упражненіями въ стрѣльбѣ въ цѣль изъ револьвера, не жалѣя голыхъ бревенчатыхъ стѣнъ приказчичьей комнаты. Я учился попадать въ туза, садить пулю въ пулю, и въ то же время мы съ Ф. цѣлыми часами говорили. Но не о томъ, о чемъ я говорилъ съ гувернеромъ или съ Ю-нымъ Ф-ръ читалъ мало, къ новѣйшему теченію въ литературѣ и наукѣ относился какъ-то равнодушно, и жилъ своимъ прошлымъ, своими прежними переживаніями, умственными, религіозными, любовными. Это была жизнь полная всякихъ увлеченій и разочарованій. Съ горькимъ разочарованіемъ разсказывалъ мнѣ Ф-ръ и о польскомъ возстаніи, въ особенности же о той роли, какую играло въ немъ и вообще играетъ въ Польшѣ католическое духовенство.

Прибавить что-нибудь новое къ моему отрицательному отношенію къ религіямъ вообще было бы въ то время трудно. Разсказы Ф-ра о фанатизмѣ и продѣлкахъ польскихъ ксендзовъ были для меня только добавочными доводами къ тому, что я уже

считалъ доказаннымъ. Но эти мои бесѣды съ Ф-ромъ имѣли для меня новое и совсѣмъ особенное значеніе: я выносилъ изъ нихъ отвращеніе ко всякому фанатизму вообще, отвращеніе ко всякому давленію на свободную мысль.

Ф-ръ мнѣ нравился всѣмъ складомъ своего довольно безпечнаго ума, всей своей какъ-то просто, свободно и въ то же время красиво прожитой жизнью. И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ стоялъ совершенно особнякомъ и отъ жизни нашего дома, и отъ жизни колоніи ссыльныхъ, и отъ моего гувернера Б., и отъ моего учителя Ю-на. Онъ былъ интересенъ для меня самъ по себѣ и дѣйствовалъ на меня не столько содержаніемъ своихъ рѣчей, сколько эпикуреизмомъ своего неизмѣнно благодушнаго настроенія. Каждый разъ, выходя отъ него, я испытывалъ неопредѣленное чувство, въ которомъ еще не могъ бы тогда дать себѣ яснаго отчета, — чувство зарождавшагося внутренняго протеста противъ моего увлеченія отрицаніемъ и тогдашними отрицателями.

Но гораздо болѣе сильный толчокъ къ развитію этого протеста противъ моего подчиненія „нигилистическимъ“ идеямъ былъ данъ мнѣ представителемъ поколѣнія нигилистовъ 60-хъ годовъ, новымъ акцизнымъ надсмотрщикомъ нашего винокуреннаго завода Со-вымъ.

Предшественникъ его на этомъ мѣстѣ былъ тоже изъ неблагонадежныхъ студентовъ, тоже „нигилистъ“, но это былъ милый человѣкъ, мягкаго характера, поэтическая душа, мастерски читавшій стихотворенія Некрасова и любившій больше романы, чѣмъ естественныя и соціальныя науки. Потомъ онъ, кажется, получилъ какое-то повышеніе, и на его мѣсто пріѣхалъ другой „неблагонадежный“ — Со-въ.

Этотъ былъ изъ красныхъ архи-красный.

Прежде всего поражала его наружность. Низенькаго роста, некрасивый, не то угреватый, не то рябоватый, съ коротко подстриженными, темно-русыми, щетинистыми волосами — ежомъ, съ небольшими, но очень живыми, проницательными глазами, — онъ казался старше своихъ лѣтъ. И это впечатлѣніе усиливалось еще тѣмъ, что онъ, кажется, никогда не смѣялся, а всегда былъ какъ будто чѣмъ-то недоволенъ. Ходячій воплощенный протестъ противъ всѣхъ и всего. Онъ носилъ высокіе сапоги, красную рубаху на выпускъ, неопредѣленнаго цвѣта пиджакъ, лѣтомъ кожанъ, зимой короткій „арестантскій“ полушубокъ. Шапка ли, фуражка ли — всегда на затылкѣ, а въ рукахъ зимой и лѣтомъ толстая суковатая палка.

Внѣшности соотвѣтствовали манера говорить и всѣ поступки

и сужденія. Со-въ былъ живая каррикатура нигилиста 60-хъ годовъ, каррикатура, вѣроятности которой можно было повѣрить, только видя ее воочію. Я не думаю, чтобы онъ представлялся мнѣ теперь такимъ только черезъ призму протекшихъ съ тѣхъ поръ десятилѣтій. Напротивъ, я воскрешаю въ моей памяти лишь мое тогдашнее впечатлѣніе — а тогда я былъ склоненъ прежде всего къ тому, чтобы увлекаться людьми именно этого закала, льнуть къ нимъ.

Я не помню, долго ли онъ былъ у насъ и куда онъ исчезъ потомъ; но, если не ошибаюсь, его встрѣтилъ потомъ гдѣ-то В. Г. Короленко, говорившій мнѣ о немъ, какъ о курьезномъ человѣкѣ, а потомъ, въ Парижѣ, П. Д. Боборыкинъ, слышавшій о какихъ-то его тамошнихъ подвигахъ. Со-въ кончилъ жизнь чуть ли не на баррикадахъ въ Парижѣ.

У насъ онъ заставилъ говорить о себѣ съ перваго же дня своего пріѣзда.

По уставу винокуренный заводчикъ обязанъ давать надсмотрщику комнату въ заводскихъ помѣщеніяхъ. На нашемъ заводѣ подходящаго помѣщенія не было, и для надсмотрщика нанималась комната въ сосѣднемъ съ нами домѣ приходскаго священника. Направили туда и Со-ва. О. Алексѣй любезно встрѣтилъ его, и самъ повелъ его въ большую, просторную залу, которую онъ, за ненадобностью, сдавалъ намъ въ наймы. Въ переднемъ углу, какъ и подобаетъ въ поповскомъ домѣ, висѣла большая икона въ серебряной ризѣ. Прежній надсмотрщикъ относился къ этому индифферентно. Но Со-въ, какъ вошелъ, сразу нахмурился. Не снимая своего кожана и фуражки, онъ всталъ въ позу и, указавъ священнику своей толстой, суковатой палкой на икону, кратко и внушительно сказалъ:

— Убрать.

О. Алексѣй смутился, ничего не сказалъ и вышелъ.

А Со-въ, сбросивъ кожанъ и поставивъ въ уголъ палку, не снимая фуражки, сталъ разбирать принесенныя въ его комнату ямщикомъ вещи.

Священникъ тѣмъ временемъ, должно-быть, долго совѣтовался съ попадьей, какъ ему быть. Хорошій прихожанинъ былъ мой отецъ, богатый, тароватый, да и глубоко вѣрующій. Душа его, должно-быть, вся была открыта его духовнику, и никогда не рѣшился бы о. Алексѣй сдѣлать ему что-нибудь непріятное. Слыхалъ онъ, вѣроятно, отъ отца немало убѣдительныхъ словъ о вѣротерпимости, о необходимости дѣйствовать въ дѣлахъ вѣры не насиліемъ, а убѣжденіемъ. И не только о терпимости, но и

о терпѣніи, должно быть, не разъ говорилъ отецъ съ нашимъ приходскимъ священникомъ, какъ говорилъ онъ объ этомъ со своими собутыльниками. Быть-можетъ о. Алексѣй къ тому же придавалъ надсмотрщику больше значенія въ нашемъ дѣлѣ, чѣмъ слѣдовало, быть-можетъ боялся, чтобы тотъ какъ-нибудь не повредилъ его доброму прихожанину. И не нашлось у попа стойкости въ своихъ убѣжденіяхъ, не захотѣлъ онъ входить въ пререканія съ своимъ новымъ жильцомъ.

Когда Со-въ, разобравъ свой чемоданъ, потребовалъ самоваръ, и кухарка принесла его, Со-въ повторилъ и поповой кухаркѣ, указывая на икону:

— Я просилъ, чтобы это убрали!

Ничего не сказала ему и кухарка. А немного погодя, вошелъ попъ съ работникомъ и, такъ же молча, снялъ икону въ кіотѣ съ гвоздя и вынесъ ее въ свою столовую.

Надсмотрщикъ обыкновенно столовался у того же попа. Но Со-ва о. Алексѣй не пожелалъ взять на хлѣба, и новый жилецъ долженъ былъ ходить обѣдать куда-то въ другое мѣсто. Когда пришла Страстная, Со-въ не могъ тамъ достать въ великую пятницу мясного кушанья. Тогда онъ явился домой съ живой курицей подъ мышкой, самъ закололъ ее на дворѣ, самъ выпотрошилъ, явился къ попу на кухню и потребовалъ у попадьи горшокъ, чтобы сварить себѣ супъ. Попадья сначала-было не хотѣла пустить его; но такъ какъ въ это время шли уже всякія скоромныя приготовленія къ Пасхѣ, то, чтобы не входить съ нимъ въ пререканія, она велѣла кухаркѣ взять его курицу и сварить.

— Только чтобы харю его богопротивную у себя въ кухнѣ не видѣть!—разсказывала она потомъ.

Въ такомъ своеобразномъ пониманіи своихъ и чужихъ правъ Со-въ не давалъ пощады никому — не только другимъ, но и самому себѣ. Самые крайніе взгляды онъ былъ готовъ отстаивать до послѣдней капли крови, безплодно споря иногда съ людьми, не понимавшими и половины того, что̀ онъ говорилъ. Какъ-то разъ, немного подвыпивши, онъ съ однимъ изъ нашихъ гостей, осматривавшихъ заводъ, поспорилъ въ заводской конторѣ о какомъ-то гражданскомъ вопросѣ, и тутъ же предложилъ противнику своеобразную дуэль: зарѣзаться по жребію въ доказательство стойкости своихъ убѣжденій. И галстухъ снялъ, и воротъ разстегнулъ. И сдѣлалъ бы,—да противникъ сдался.

Такихъ смѣшныхъ по своей грубости выходокъ у Со-ва было

немало. И все-таки въ немъ было что-то, что̀ манило меня къ нему. Не симпатію я чувствовалъ, а какую-то странную жалость.

Въ кружкѣ моего отца онъ не бывалъ. Отецъ не хотѣлъ его приглашать, а самъ онъ не желалъ участвовать въ разговорахъ, гдѣ съ нимъ никто не хотѣлъ согласиться съ перваго же слова. И мой отецъ всегда пользовался ссылками на нетерпимость Со-ва, когда хотѣлъ выставить превосходство своихъ взглядовъ надъ новѣйшими идейными теченіями въ тогдашней литературѣ и наукѣ. Онъ противопоставлялъ свою религіозную терпимость фанатическому нигилизму надсмотрщика и говорилъ:

— Вы хотите свободы во всѣхъ отношеніяхъ между людьми и Богомъ: такъ вѣрьте въ Бога. Только человѣкъ религіозный можетъ уважать религіозность у другого человѣка. Кто понимаетъ смыслъ словъ „Блажени нищіи духомъ“, тотъ не посмѣетъ поставить свою вѣру выше вѣры другого на столько, чтобы желать подчинить его себѣ духовнымъ насиліемъ. Меня подчиниться не заставишь, а я не хочу подчинять себѣ, не посмѣю. Я былъ крестнымъ отцомъ нѣсколькихъ взрослыхъ татаръ, перешедшихъ въ православіе, крестилъ и еврея,—но я не уговаривалъ ихъ на это. Я думаю, что они перешли потому изъ ихъ вѣры въ нашу, что тамъ, въ ихъ вѣрованіяхъ, ихъ что-нибудь не удовлетворяло, что тамъ они не чувствовали близости Бога, къ которому рвались ихъ души. Это съ душами чуткими, религіозными по природѣ бываетъ. Можетъ-быть они думали, что найдутъ эту близость къ Богу въ новой вѣрѣ. По-моему, хорошій религіозный еврей или татаринъ куда лучше худого христіанина. Богъ одинъ, а религіи—только пути къ нему. Иди тѣмъ путемъ, на которомъ ты видишь Бога вдали. Иди къ нему. А если у тебя нѣтъ этого желанія идти, такъ на какую дорогу тебя ни поставь, въ какой санъ тебя ни возводи, ты все равно останешься пустымъ человѣкомъ. Со-въ не только не видитъ Бога, но и человѣка-то не видитъ. Онъ признаетъ только тѣло человѣческое, а душу отрицаетъ.

Отцу возражали:

— Отрицается только существованіе души, какъ чего-то отдѣльнаго отъ человѣка, могущаго существовать внѣ его и притомъ безсмертнаго. То, что̀ вы называете душой, живетъ только благодаря жизни тѣла, и вмѣстѣ съ нимъ умираетъ.

Отецъ продолжалъ свое:

— Нѣтъ!.. Какой-то мудрецъ сказалъ: „человѣкъ—это душа, пользующаяся тѣломъ, какъ случайной оболочкой“. И это вѣрно. Посмотрите, сколько въ жизни встрѣчается людей, похожихъ

другъ на друга тѣломъ и непохожихъ душой, и наоборотъ. Если бы душа зависѣла только отъ тѣла, не встрѣчалось бы такихъ противорѣчій. Въ какихъ только тѣлахъ не погостила русская душа, да вотъ изъ вѣка въ вѣкъ не измѣняется. Ее всегда узнаешь. А ваши Со-вы готовы изъ всего народа вынуть эту *живую* душу. Но народъ Со-ву душу свою не уступитъ даже и за большой выкупъ. И что̀ можетъ Со-въ дать народу взамѣнъ его вѣры? Посмотрите кругомъ: развѣ русскій народъ мѣшаетъ татарамъ быть магометанами? Онъ не отнимаетъ отъ татарина его вѣры, но и свою не отдастъ никому.

Я не совсѣмъ раздѣлялъ эту точку зрѣнія отца, тѣмъ болѣе, что Ю-нъ съ улыбкой возражалъ ему:

— Зачѣмъ отнимать? Только если народу, взамѣнъ его слѣпой вѣры, дать настоящее знаніе, то онъ отъ этого въ убыткѣ не будетъ.

Вдумываясь тогда въ эти разговоры, я готовъ былъ признать что вѣра для темной народной массы есть нѣчто положительное, а знаніе, такое знаніе, которое могло бы *замѣнить* ее—нѣчто очень и очень спорное. Смутно я это чувствовалъ тогда и на себѣ. Конечно, я ставилъ себя, по своему умственному развитію, несмотря на свои отроческіе годы, значительно выше милліона бородатыхъ мужиковъ, но вѣдь мое тогдашнее знаніе не удерживало же меня отъ слабости еще повѣрить иногда, если не въ Господа Бога, то въ какихъ-нибудь прекрасныхъ демоновъ, въ незримыхъ духовъ. Я вѣдь тогда уже прочелъ „Фауста". Я не зналъ, былъ ли Фаустъ, существуетъ ли еще гдѣ-нибудь невидимый другимъ Фаустамъ Мефистофель, но я думалъ: если тотъ и другой могли явиться фантазіи Гёте, значитъ, они должны быть гдѣ-нибудь въ мірѣ.

А кромѣ „Фауста" я уже зналъ въ то время наизусть еще и стихотвореніе А. Толстого:

Тщетно, художникъ, ты мнишь, что твореній твоихъ ты создатель!
Вѣчно носились они надъ землею, незримыя оку.
. . . .
Нѣтъ, то не Гёте великаго Фауста создалъ, который
Въ древне-германской одеждѣ, но въ правдѣ глубокой, вселенской,
Съ образомъ сходенъ предвѣчнымъ своимъ отъ слова до слова!
. . . .

И я не зналъ, благодарить ли мнѣ, или ненавидѣть Со-ва за то, что онъ поставилъ меня на распутьи, за то, что онъ своимъ каррикатурнымъ фанатизмомъ отрицанія пошатнулъ во мнѣ мою новую „вѣру въ невѣріе".

XI.

Когда въ 66-мъ году, передъ началомъ австро-прусской войны, была объявлена мобилизація прусской арміи, мой гувернеръ, какъ резервистъ, долженъ былъ вернуться на родину.

Отъѣздъ его вышелъ довольно неожиданнымъ съ внѣшней стороны, но, въ сущности, въ томъ, что̀ составляло незримую, неосязаемую сторону нашихъ отношеній, все было подготовлено къ разлукѣ. Мы разставались, конечно, со слезами на глазахъ; но когда онъ уѣхалъ, я недолго испытывалъ ощущеніе пустоты отъ его отсутствія. Все, что̀ онъ духовно могъ дать мнѣ, все это было мною взято. Да и онъ самъ какъ будто сознавалъ, что его роль здѣсь сыграна; ему и самому уже становилось скучно въ нашемъ медвѣжьемъ углу.

Я не помню, переписывались ли мы съ нимъ послѣ его отъѣзда, но я какъ-то скоро и надолго потерялъ его изъ виду.

На его мѣсто отецъ тотчасъ же выписалъ другого. Родомъ бельгіецъ, человѣкъ пожилой, Г. пріѣхалъ къ намъ съ женой и двумя дѣтьми. Онъ былъ уже раньше гдѣ-то преподавателемъ французскаго языка въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, и совершенно свободно говорилъ по-русски. Опытный педагогъ средняго достоинства, Г. могъ отлично руководить нашими занятіями по всѣмъ предметамъ гимназическаго курса; но съ точки зрѣнія вліянія на умственное развитіе онъ уже не далъ мнѣ рѣшительно ничего новаго. Человѣкъ онъ былъ безусловно трезвый, на отцовскихъ вечеринкахъ ему дѣлать было нечего, въ спорахъ объ отвлеченныхъ предметахъ онъ участія не принималъ; отсюда — мое личное пребываніе въ отцовской компаніи если не совершенно прекратилось, то въ очень значительной степени сократилось.

Около этого же времени мой учитель Ю-нъ поступилъ на службу въ акцизъ, а мой новый учитель русскаго языка оказался довольно скромнымъ и безцвѣтнымъ молодымъ человѣкомъ.

Такимъ образомъ, въ смыслѣ дальнѣйшаго духовнаго развитія, я былъ уже окончательно предоставленъ самому себѣ. Мнѣ шелъ 14-й годъ; но я казался гораздо старше. По росту меня, пожалуй, сейчасъ бы въ солдаты приняли.

Горячій интересъ къ религіознымъ вопросамъ значительно ослабѣлъ у меня въ это время. Что Бога не существуетъ, это было не ново; что существованіе Его можетъ вдругъ какъ-ни-

будь обнаружиться—это меня не смущало, объ этомъ я такъ же мало думалъ, какъ о возможности землетрясенія въ нашемъ городѣ.

Когда отецъ уѣзжалъ надолго въ Казань, я теперь уже совсѣмъ не ходилъ въ церковь, не боясь даже, что объ этомъ ему могутъ сказать. Мнѣ казалось, что отецъ уже не рѣшается оказывать давленіе на меня, вѣроятно понимая, что религіозное воспитаніе, которое онъ хотѣлъ дать мнѣ, не привело ни къ чему.

Помню, однако, что онъ очень серьезно какъ-то сдѣлалъ мнѣ выговоръ за то, что я не пошелъ къ обѣднѣ. Я съ усмѣшкой отвѣтилъ ему, что за это я и буду наказанъ на томъ свѣтѣ. Онъ съ огорченіемъ посмотрѣлъ на меня и, помолчавъ, сказалъ мнѣ какимъ-то особенно убѣжденнымъ и въ то же время сердечнымъ тономъ:

— Но помни, что и я долженъ дать отвѣтъ передъ Богомъ за твою душу.

Я, кажется, ничего не возразилъ ему, я должно-быть потупился и замолчалъ. Эти слова его запомнились мнѣ, и, вѣроятно, не желая подвергать любимаго отца душевному страху за его собственное благо на томъ свѣтѣ, я старался казаться внѣшне религіознымъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это было неизбѣжно. Но я страшно тяготился этой двойственностью, этимъ разладомъ между мыслью и дѣломъ. Я бранилъ себя за фарисейство, проклиналъ общія условія, существованіе которыхъ вызывало необходимость такого фарисейства... и шелъ на компромиссъ, всякій разъ подыскивая себѣ оправданіе. „Вѣдь отца щадилъ даже Ю-нъ! Вѣдь прямолинейность Со-ва приводила прямо къ отрицательному результату!“—говорилъ я себѣ.

Въ душѣ поднимались сложные вопросы. Являлась необходимость уяснить себѣ, какъ жить по правдѣ на этомъ свѣтѣ, совершенно независимо отъ участія въ моей жизни Господа Бога и святыхъ Его. И вопросъ о томъ, какъ найти примиренье между любовью къ отцу и любовью къ тому, что̀ идетъ въ разрѣзъ со всѣми его религіозными и житейскими понятіями, ставился въ первую очередь.

Ни годы, ни все, что̀ отецъ сдѣлалъ за это время въ смыслѣ самообразованія, ничуть не измѣнили его твердой вѣры въ спасительность постовъ, молитвъ и обрядовъ. Но по отношенію насъ, дѣтей, были уже допущены нѣкоторыя уступки. Такъ какъ вся семья гувернера никакихъ постовъ не соблюдала, а мы съ братомъ обѣдали вмѣстѣ съ ними, то и для насъ были упразднены посты по средамъ и пятницамъ, и соблюдались только

постъ Рождественскій да первая и послѣдняя недѣли Великаго поста.

Но я всегда находилъ случаи нарушать и эти посты — въ особенности въ Страстную недѣлю.

Къ Пасхѣ у насъ обыкновенно дѣлались такія колоссальныя приготовленія на кухнѣ, что и Петръ Петровичъ Пѣтухъ могъ бы имъ позавидовать. О тѣхъ куличахъ и пасхахъ, какіе приводили меня въ восторгъ при жизни матери, о сдобномъ сыромъ тѣстѣ, теперь и вспоминать не хотѣлось! Теперь варились и запекались окорока ветчины, фаршировались многочисленныя куры и индѣйки, поросята, пеклись куличи, мазурки, пляцки, дѣлались изъ сливочнаго масла барашки, вазы изъ карамели, сахарныя яйца, выращивались газоны изъ крессалата. Пасхальный столъ, сажени три въ длину, представлялъ собою цѣлую выставку кулинарнаго искусства.

При такихъ условіяхъ заговѣнья у меня никогда не было, а розговѣнье начиналось наканунѣ исповѣди, во вторникъ на Страстной.

Младшій поваръ, малый лѣтъ двадцати-пяти, не имѣвшій у насъ, по тогдашнему обычаю, другого имени, какъ Сашка, былъ весельчакъ и балагуръ. Я охотно избралъ его своимъ товарищемъ по рыбной ловлѣ, по катанью на лодкѣ. Не разъ мы съ нимъ варили по ночамъ уху на берегу или пекли на кострѣ картошку. Естественно, что онъ по-пріятельски приготовлялъ мнѣ всякую снѣдь въ поварской каморкѣ въ великопостные дни. Съ дѣтства попавъ въ поварскіе ученики и прокочевавъ много лѣтъ по разнымъ господскимъ и клубнымъ кухнямъ, онъ практическимъ путемъ дошелъ до твердаго убѣжденія въ ненужности постовъ. Вѣдь на Страстной-то ему и приходилось больше всего скоромиться, пробуя разныя кушанья. А чѣмъ больше онъ прегрѣшалъ въ этомъ, тѣмъ больше совершенствовался въ своемъ искусствѣ, тѣмъ больше улучшалось его положеніе и повышалось его жалованье. Не покаралъ его за это никто и какъ-нибудь иначе: съ каждымъ годомъ онъ становился все здоровѣе и веселѣе. И затѣмъ уже не только постами, но и никакой святостью вообще онъ не интересовался. Мы съ нимъ объ этомъ и не разговаривали.

За гостепріимство я въ свою очередь угощалъ Сашку и старшаго повара ликерами, которые приносилъ отъ водочнаго мастера въ маленькихъ шкаликахъ. Ликеры всѣхъ сортовъ дѣлались у насъ къ Пасхѣ свѣжіе, и на Страстной фильтровались на водочномъ заводѣ; утечка ихъ при этомъ, болѣе или менѣе

значительная, считалась явленіемъ нормальнымъ. Водочный мастеръ, молодой еврей, не вѣровавшій ни въ Моисея, ни въ Аарона, ни въ Мессію, ни въ самого Саваоѳа, считалъ за особенное удовольствіе угощать меня своими лучшими ликерами—ванильнымъ и кюрасо. Такимъ образомъ, въ то время какъ на главной сценѣ — въ парадныхъ комнатахъ — разыгрывалась мистерія покаянія, суроваго поста и молитвъ, Страстная недѣля была для меня сплошь днями маленькихъ закулисныхъ пиршествъ,—по счастію еще не заслуживавшихъ названія оргій.

Я можетъ-быть нашелъ бы такое свое поведеніе не совсѣмъ красивымъ и не совсѣмъ достойнымъ ни той Redlichkeit, которой училъ меня мой дорогой гувернеръ Б., ни той серьезности „мыслящаго реалиста", которою я старался проникнуться, читая Писарева, но вѣдь надо же было отцу подарить мнѣ въ то время прекрасное иллюстрированное изданіе Шекспира во французскомъ переводѣ! Я хохоталъ надъ „Виндзорскими кумушками" и былъ безъ ума отъ его историческихъ хроникъ, отъ его „Генриха IV" и „Генриха V". Кутящій съ негодяями наслѣдникъ англійскаго престола, милый „царственный Галь" былъ моимъ кумиромъ въ то время. Я зналъ, что придетъ время, когда я моимъ Пистолю и Бардольфу — Сашкѣ и водочному мастеру — скажу, какъ сказалъ, ставъ королемъ, Генрихъ V Фальстафу: „Старикъ, поди творить твои молитвы, я не знаю тебя", — но до тѣхъ поръ... Развѣ мой религіозный, богобоязненный отецъ не подавалъ мнѣ примѣра любви къ благамъ жизни въ свои скоромные дни!..

И притомъ, весело настроенный, я утѣшалъ себя тѣмъ, что въ дни поста и молитвы мой отецъ всего менѣе поддавался суетѣ мірской, а слѣдовательно не былъ онъ склоненъ и къ тому, чтобы выслѣживать мое поведеніе въ эти дни: это поведеніе было въ его глазахъ дѣломъ моей совѣсти. Никто не рѣшился бы также нарушить его молитвеннаго настроенія доносомъ на меня.

Зато съ своей стороны не хотѣлъ и я нарушать благоговѣйной религіозности отца въ эти дни отказомъ отъ хожденія въ церковь: я ходилъ вмѣстѣ съ нимъ на всѣ службы. Я старался думать въ эти часы о чемъ угодно другомъ, и время проходило для меня незамѣтно. А молились у насъ на Страстной не только въ церкви, молились и на дому. Послѣ исповѣди священникъ приходилъ къ намъ на домъ читать правила.

Теперь къ исповѣди я уже относился не такъ, какъ въ тѣ времена, когда меня еще пугали желѣзнымъ стуломъ. Я совер-

шенно равнодушно, съ чистой совѣстью говорилъ нашему духовнику о. Алексѣю, что ѣлъ скоромное, что ходилъ мимо церкви не крестясь, перечислялъ всякіе другіе грѣхи, какіе слѣдуетъ по положенію, и зналъ, что мнѣ за это рѣшительно ничего ни отъ кого не будетъ. Зналъ, что перечисленію этихъ грѣховъ подведется одинъ итогъ:

— „Господь и Богъ нашъ Іисусъ Христосъ, благодатію и щедротами своего человѣколюбія, да проститъ ти, чадо, вся согрѣшенія твоя: и азъ, недостойный іерей, властію его, мнѣ данною, прощаю и разрѣшаю тя отъ всѣхъ грѣховъ твоихъ, во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь".

И даже это милосердіе нисколько не трогало меня. Я былъ къ нему совершенно равнодушенъ. Идя на исповѣдь съ досадой о потерянномъ времени, я уходилъ съ нея, испытывая довольно слабое удовольствіе отбытой повинности. Если бы за мои церковные грѣхи меня ожидало какое-нибудь церковное наказаніе, я бы, вѣроятно, просто не признавался въ нихъ. Разъ вступивъ на почву лжи въ соблюденіи обрядовъ, какими бы хорошими мотивами эта ложь ни была обусловлена, я уже не считалъ бы и другую ложь грѣхомъ предъ своей чистой совѣстью.

Самый большой грѣхъ, какой я зналъ за собой въ то время— это то, что я не могъ остановить накипавшее во мнѣ озлобленіе противъ всего, что мѣшало мнѣ быть самимъ собой. Чѣмъ больше старался отецъ поддержать во мнѣ хотя бы внѣшнюю религіозность, тѣмъ отвратительнѣе казалась мнѣ всякая религія. Всякій религіозный человѣкъ казался мнѣ существомъ низшаго порядка. И мнѣ было особенно больно, что я именно отца-то не могъ выдѣлить изъ разряда этихъ людей.

Между тѣмъ я, помнится, не замѣчалъ противорѣчій въ моей собственной душевной жизни. Не вѣря въ Бога, я конечно не вѣрилъ и въ чорта. И все-таки: знаю, что никакихъ дýховъ нѣтъ, — а вотъ нѣтъ-нѣтъ да и захочется, чтобы они были! Если не тамъ, внѣ меня, то хоть бы въ моемъ воображеніи. Если не какъ нѣчто постигаемое моими пятью чувствами, то хоть какъ галлюцинація. Хоть какъ сонъ на яву! Пусть и самое это желаніе, пусть и появленіе ихъ передо мной будетъ хотя бы результатомъ все той же невѣдомой мнѣ, но понятной, реальной *силы въ матеріи* моего мозга, но только пусть это будетъ! Я такъ хотѣлъ этого! Вѣдь вся исторія міра, вся поэзія, все искусство, самая музыка — все располагало меня къ тому, чтобы желать существованія чего-то еще неизвѣданнаго, чего-то существующаго внѣ меня, чего-то существовавшаго во всѣ вѣка.

И я помню, въ минуты такихъ вдохновеній, въ минуты такихъ мечтаній, въ одиночествѣ, въ лунныя ночи, я не только вызывалъ Мефистофеля „по Фаусту", но еще придумалъ какой-то стихотворный призывъ невидимымъ духамъ и сочинилъ къ нему музыку. Бывало, въ полночь, сидя за роялемъ, я тихо перебиралъ клавиши, я шопотомъ звалъ неземныя видѣнія ко мнѣ, въ мои грезы.

Они не являлись.

Огорченный, я утѣшалъ себя сознаніемъ, что все это вздоръ, что я взамѣнъ этого имѣю реальное знаніе міра. Но это было грустное утѣшеніе. Въ эти минуты оно мнѣ было совсѣмъ ненужно.

И, случалось, иногда я почти мирился съ религіозностью отца: не съ ея формой, не съ ея сущностью, а съ самымъ *фактомъ существованія* ея. Я думалъ тогда приблизительно такъ: „Если реальная земная жизнь, какими бы благопріятными условіями она ни была обставлена, кажется мнѣ вотъ сейчасъ скучной и ненужной, быть-можетъ даже потому, что мнѣ съ одной реальной точки зрѣнія нечего больше желать,—если я хочу еще другого общенія съ чѣмъ-то внѣ реальнаго міра стоящимъ, если я хочу невѣдомыхъ ду́ховъ, — отчего же отцу не хотѣть Бога? И даже не *Невѣдомаго*, а того Бога, котораго онъ уже ясно представляетъ себѣ. Если для меня мое вызываніе духовъ въ извѣстной степени забава, игра, то не гораздо ли выше стремленіе отца къ общенію съ Богомъ и святыми Его? Если для меня это настроеніе лишь временное, почему религіозное душевное состояніе отца, такъ сходное съ моимъ, не можетъ быть постояннымъ? Пусть въ водоворотѣ реальной жизни оно остается скрытымъ, дремлющимъ — онъ всегда можетъ вызвать его, сказать ему: „воспряни!", когда земная жизнь начнетъ тяготить его душу".

Чувствуя себя виновнымъ въ желаніи имѣть право на красивыя грезы о невѣдомыхъ мнѣ неземныхъ существахъ, я готовъ былъ простить отцу его вѣру въ его Бога.

XII.

Нашъ третій гувернеръ не пробылъ у насъ и года. За это время въ нашей семьѣ произошли разныя перемѣны. Тетки переѣхали въ Казань, а отецъ женился—женился на восемнадцатилѣтней институткѣ, дочери знакомаго купца.

Этой женитьбой было обусловлено прекращеніе моего домашняго воспитанія съ гувернерами. Насъ съ братомъ отвезли въ Казань и отдали въ гимназію: меня, по годамъ, въ четвертый классъ, его—въ первый.

За исключеніемъ этой перемѣны, появленіе молодой мачихи въ нашемъ домѣ не внесло никакихъ новыхъ условій въ отношеніяхъ между мной и отцомъ, не оказало никакого вліянія и на условія жизни моего отца, кромѣ развѣ нѣкотораго уменьшенія его товарищескихъ пирушекъ. Скромная молодая дѣвушка изъ купеческой богобоязненной семьи, мачиха всего менѣе была въ состояніи повліять на характеръ отца въ какомъ бы то ни было отношеніи. Да и прожила она замужемъ, кочуя съ моимъ отцомъ изъ Царевококшайска въ Казань и обратно, меньше года, и умерла въ послѣднемъ періодѣ беременности, кажется—отъ воспаленія легкихъ.

Но этотъ эпизодъ изъ жизни отца интересенъ для меня въ области моего религіознаго развитія по тѣмъ мыслямъ, которыя были этимъ семейнымъ событіемъ вызваны.

Смерть мачихи была для отца тяжелой потерей, не только потому, что онъ ее любилъ, но и потому, что она была уже его третьей женой, а слѣдовательно и послѣдней: православная церковь вѣдь не разрѣшаетъ четвертаго брака. Но мой отецъ видимо горевалъ въ этотъ разъ уже меньше и утѣшился скорѣе, чѣмъ это было, какъ мнѣ помнилось, послѣ смерти моей матери.

Была ли это меньшая любовь къ третьей женѣ? Не думаю. Быть-можетъ болѣе ясно выраженная, твердая покорность волѣ Божіей? Возможно. Скорѣе же—съ годами притупившаяся чувствительность.

Мнѣ приходилось тогда сопоставить степень этого горя съ тѣмъ, про которое мнѣ разсказывалъ и самъ отецъ, и наши родные, — съ горемъ, которому онъ предавался, когда умерла его первая жена. Ему было тогда, вѣроятно, около 25-ти лѣтъ. И съ первой женой, какъ и съ третьей, онъ жилъ меньше года; и та жена тоже умерла въ послѣднемъ періодѣ беременности. Тогда отцу казалось, что все въ жизни для него кончено: нѣтъ больше радости и не будетъ! Онъ хотѣлъ идти въ монахи. Однако, намѣренія этого не осуществилъ.

Но насколько было глубоко его тогдашнее горе, я могъ себѣ представить по тому, ка̀къ онъ о немъ разсказывалъ, и по тому, что̀ онъ разсказывалъ. Это вѣдь была *первая* его женитьба, и женитьба по страстной любви. Онъ былъ бѣдный молодой человѣкъ, съ образовательнымъ цензомъ только уѣзднаго училища.

Служилъ по откупамъ. Невѣста — изъ очень богатой по тамошнимъ мѣстамъ купеческой семьи. Но онъ пользовался превосходной репутаціей и умѣлъ завоевать не только любовь невѣсты, но и симпатіи родителей. Согласіе на бракъ было дано легко. И не только согласіе, но и приданое, о которомъ онъ даже и не справлялся, и не думалъ. Послѣ вѣнца тесть вручилъ ему шкатулку и ключъ отъ нея со словами:

— Вотъ тутъ въ серіяхъ приданое твоей жены. Тебѣ на разживу.

Отецъ шкатулку взялъ и, благодаря тестя, сказалъ:

— Пусть *это* женинымъ и останется.

Въ шкатулкѣ было, кажется, тысячъ сорокъ. Отецъ сдалъ ее на храненіе въ казначейство, да такъ къ ней и не прикоснулся во все время, пока была жива жена. Онъ не хотѣлъ, чтобы на его счастливую любовь легла хоть маленькая тѣнь корыстныхъ отношеній.

А когда жена умерла, и онъ похоронилъ ее, онъ досталъ эту шкатулку, и въ томъ же видѣ, какъ она была, съ тѣмъ же ключикомъ, отнесъ ее обратно къ тестю. Онъ не хотѣлъ, чтобы память объ его свѣтлой любви была затемнена прикосновеніемъ къ этимъ деньгамъ. А вопросъ о поступленіи въ монастырь былъ имъ рѣшенъ тогда безповоротно.

Но тесть, любившій его, отсовѣтовалъ ему въ монастырь поступать, да и деньги обратно не взялъ.

— Твои,—говоритъ,—онѣ теперь.

Совѣта тестя отецъ послушался. Но съ деньгами распорядился по-своему: на кладбищѣ, гдѣ была похоронена его жена, онъ на эти деньги построилъ новую церковь. Это былъ какъ бы памятникъ надъ любимой усопшей.

Но жизнь взяла свое. Прошло нѣсколько лѣтъ, онъ снова влюбился, женился, и съ своей новой женой жилъ въ томъ же городѣ, гдѣ похоронилъ прежнюю. Эта вторая жена была моя мать. Когда она умерла и была похоронена въ Казани,—церкви отецъ уже не построилъ. Но надъ могилой матери все же была поставлена большая каменная часовня, и въ этой часовнѣ стоялъ чугунный, выкрашенный въ бѣлую краску, молящійся ангелъ.

Между смертью моей матери и третьей женитьбой отца прошло семь лѣтъ. Часовня на могилѣ—потому ли, что она была плохо построена, потому ли, что произошла осадка земли—дала трещину и приходила въ упадокъ. Но ее какъ-то все не собрались поправить. И когда умерла мачиха, и ее похоронили за общей чугунной оградой всѣхъ нашихъ фамильныхъ могилъ, по-

хоронили рядомъ съ моей матерью, то часовеньку сломали, а кирпичъ ея употребили на склепъ для могилы мачихи. Вѣроятно, для такой экономіи было основаніе въ спѣшности работы или въ желаніи использовать старый кирпичъ тамъ, гдѣ онъ былъ незамѣтенъ — подъ землею. Но вмѣстѣ съ этимъ надъ могилой мачихи очутился и старый чугунный ангелъ. Могила матери осталась покрыта однимъ кирпичнымъ фундаментомъ сломанной часовни. И оставалась такъ много лѣтъ.

Внѣшне я былъ къ этому обстоятельству безучастенъ. Но про-себя я судилъ о немъ по-своему. Мысленно я часто разговаривалъ объ этомъ съ отцомъ. И я какъ бы говорилъ ему:

„Вы вѣрите въ безсмертіе душъ. Вы вѣрите и въ Бога-то быть-можетъ только потому, что вѣрите въ безсмертіе душъ,— иначе вѣдь и самъ Богъ былъ бы вамъ ненуженъ. Всѣ ваши земные поступки вы сообразуете, или по крайней мѣрѣ желали бы сообразовать, съ вашей загробной жизнью, съ вашимъ отношеніемъ къ Богу. Если ваши дѣянія кажутся вамъ не всегда достойными Царства Небеснаго, вы въ нихъ каетесь, вы надѣетесь на милосердіе Божіе, вы стараетесь загладить ихъ. Пусть милосердый Богъ проститъ все то, что вамъ самимъ кажется недостойнымъ, что̀ несогласно съ тѣми правилами жизни, которыя вы сами же установили, которыя вы сами же выдумали. Пусть такъ. Пусть Царство Небесное вамъ уготовано. А какъ должны отнестись тамъ къ вашимъ поступкамъ души вашихъ умершихъ близкихъ, понимавшія жизнь такъ же, какъ и вы? Вотъ ваши три жены теперь на небѣ. Безплотныя, онѣ все же вѣдь не безличны. Онѣ—души, жившія, любившія, страдавшія. Онѣ не только видятъ, что̀ дѣлается на землѣ, — имъ должны быть ясны всѣ ваши помыслы, всѣ ваши чувства. Вѣдь вы *такъ* понимаете эти души? Если же для нихъ все земное безразлично, если онѣ остаются безразличными ко всѣмъ дѣяніямъ вашимъ послѣ ихъ смерти, то зачѣмъ, для чего эти намогильные памятники надъ ними? Зачѣмъ эти панихиды по нимъ, сорокоусты, поминовенія? Если для нихъ безразлично, построите ли вы надъ ихъ могилами церковь или оставите голый фундаментъ, снявъ съ него прежнее украшеніе, чтобы отдать его другому, то не безразличны ли всѣ ваши дѣйствія и тому Богу, которому вы молитесь и о помощи въ дѣлахъ вашихъ, и о прощеніи грѣховъ вашихъ, и за упокой душъ умершихъ? Если вы все это—и памятники, и панихиды, и поминки — дѣлаете для себя, на показъ людямъ, то это недостойно ни уваженія къ умершимъ, ни страха передъ вашимъ Богомъ; если вы это дѣлаете для себя,

какъ средство залечить ваши душевныя раны, какъ средство заглушить боль, то, какъ завѣдомое средство такого рода, оно не выше любого другого развлеченія. Если же вы думаете, что вы дѣлаете *это* для душъ умершихъ, то подумайте и о нихъ! Вотъ ваши три жены встрѣтились *тамъ*. Вотъ первая изъ нихъ съ грустью и всепрощающей улыбкой скажетъ моей матери: — „Ты будешь позабыта такъ же, какъ и я". — И моя мать, съ грустной улыбкой взглянувъ на свою маленькую часовеньку, сравнивъ ее съ большой церковью надъ могилой первой жены, съ грустью будетъ смотрѣть на ваше уже сократившееся въ своихъ размѣрахъ горе, будетъ предвидѣть скорое забвеніе. Она проститъ вамъ и забвеніе. Она, сама жившая, сама любившая и страдавшая, найдетъ естественнымъ, чтобы мертвый мирно спалъ въ гробу, а живущій пользовался жизнью. Благосклоннымъ взглядомъ взглянетъ она на вашу новую любовь; съ сочувствіемъ она отзовется на ваше новое горе, когда умретъ и ваша третья жена. Но проститъ ли она вамъ то, что вы такъ мало думаете о ней, что вы такъ безцеремонно отнеслись къ ея памяти даже и въ вашей собственной душѣ, что сняли украшенія съ ея могилы для того, чтобы отдать ихъ другой? Какъ встрѣтитъ она вновь пришедшую въ ихъ горнюю обитель вашу третью жену? И не потупитъ ли свой духовный взоръ эта третья жена передъ нею, увидавъ оттуда то, что вы сдѣлали здѣсь на землѣ во имя ея памяти съ памятью вашей второй жены? Представьте себѣ ихъ встрѣчу, представьте себѣ ихъ настроеніе!.. Я, вашъ сынъ, я, сынъ моей матери, я, живой, извиняю вашъ образъ дѣйствій, потому что понимаю его. Я знаю, что вамъ въ эту минуту не до того, чтобы подумать о другомъ памятникѣ. Я знаю, что вы дѣлаете то, что кажется возможнымъ въ ближайшую минуту. Я знаю, что вы откладываете — на неопредѣленный, дальній срокъ! — возстановленіе старой часовни. Я знаю, что и онѣ *тамъ*, на небѣ, души умершихъ, не будутъ мелочны. Онѣ простятъ вамъ все, даже если вы и совсѣмъ забудете о нихъ. Но я знаю, что вы и не *задумывались* надъ тѣмъ, каково можетъ быть ихъ отношеніе къ этому вашему поступку, какъ и ко всякому другому, связанному съ ихъ памятью. И это потому, что нѣтъ и не можетъ быть настоящей, живой вѣры въ безсмертіе и всевѣдѣніе душъ. Потому что если бы эта вѣра была, она бы должна была наполнить наши живыя души ужасомъ за многіе наши поступки, совершенные нами послѣ смерти дорогихъ намъ покойниковъ, поступки такъ или иначе связанные съ ихъ памятью! Какъ вы-то сами будете смотрѣть въ глаза моей матери, когда вы встрѣти-

тесь съ ней *тамъ*, въ загробной жизни? Или вы, быть-можетъ, думаете, что не встрѣтитесь,—что она будетъ въ одномъ мѣстѣ, а вы въ другомъ?.. И какъ вы это думаете? Съ увѣренностью или „на всякій случай"?.. И если вы думаете, что *тамъ* и ей, и вамъ будетъ безразлично все, что̀ вы совершили здѣсь относительно ея памяти, какъ и относительно ея самой, такъ зачѣмъ же въ такомъ случаѣ условія загробной жизни вы такъ тѣсно связываете съ земной? Почему хорошее и худое *тамъ* обусловливается непремѣнно хорошимъ и худымъ *здѣсь?* Зачѣмъ вообще нужна тогда здѣшняя жизнь, если не для отбора хорошихъ и худыхъ для будущей жизни? Зачѣмъ все это? Вы можетъ-быть думаете, что никто изъ умершихъ не попадетъ еще ни въ адъ, ни въ рай до Страшнаго Суда? Но въ такомъ случаѣ гдѣ же ихъ души? Въ какомъ мѣстѣ ожидаютъ онѣ этого далекаго суда? И всѣ ли онѣ находятся вмѣстѣ—праведныя и грѣшныя? Если праведныя, какъ и грѣшныя, ждутъ *суда*, такъ вѣдь такое ожиданіе само по себѣ адская мука. Или онѣ, быть-можетъ, лежатъ въ летаргическомъ снѣ вмѣстѣ съ своими гніющими тѣлами въ могилахъ?.."

Чѣмъ больше я развивалъ тогда свои мысли въ этомъ направленіи, тѣмъ больше казалось мнѣ невозможнымъ существованіе безсмертныхъ душъ. Я не хотѣлъ быть безсмертною душою! Мнѣ казалось, что нѣтъ и не можетъ быть такого рая, въ которомъ я могъ бы остаться безучастнымъ къ земнымъ страданіямъ и къ поступкамъ тѣхъ, кто могъ быть мнѣ близокъ и дорогъ на землѣ. Если бы Богъ далъ мнѣ блаженство гдѣ-то тамъ, внѣ земли, — сознаніе, что есть эта страдающая земля, сдѣлало бы мое внѣземное блаженство адомъ. Мысль, что я къ моей родинѣ-землѣ безучастенъ, хотя она и существуетъ такой, какова она есть, лишила бы меня сознанія даже моего человѣческаго достоинства и заставила бы меня возстать противъ моего Бога. Нѣтъ, я не хотѣлъ безсмертія! Мнѣ казалось тогда, что лучшее безсмертіе, какого можетъ желать человѣкъ, не оставившій безсмертныхъ дѣлъ, это — память въ сердцахъ близкихъ. Память, съ которой они считались бы въ своихъ поступкахъ и въ своихъ помыслахъ. А какъ напоминаніе о себѣ— что̀ можетъ быть лучше маленькой урны съ пепломъ, какъ это было у римлянъ!

Но если смерть мачихи и возникшія у меня по этому поводу мысли дали мнѣ еще разъ поводъ относиться отрицательно къ отцовской религіозности и снова желать совратить его въ ту единую спасительную „вѣру въ разумъ", которую я исповѣдывалъ тогда вмѣстѣ со всѣми невѣрующими въ Бога и боговъ, — то

было другое обстоятельство, относящееся къ той же эпохѣ моей жизни, которое, напротивъ, — и уже гораздо больше, чѣмъ моя игра съ вызовомъ ду́ховъ,—заставило меня понять всю цѣнность для отца его непосредственной вѣры въ Бога. Въ такого Бога, который одинъ могъ утѣшить его въ тяжелую минуту жизни и освѣтить лучомъ надежды мракъ предстоящихъ тяжелыхъ дней испытанія.

При своемъ винокуренномъ заводѣ отецъ построилъ сначала небольшой заводъ для выдѣлки спиртового лака и свѣтильнаго газа, а потомъ большую, хорошо оборудованную паровую мельницу. Значительная часть свободныхъ денегъ была на это затрачена. Лаковый заводъ, просуществовавъ недолго, сгорѣлъ, не застрахованный. Убытокъ былъ въ десятокъ тысячъ, и это еще не могло повліять на дѣла моего отца, хотя въ эти годы его дѣла вообще шли уже значительно хуже, чѣмъ прежде.

Въ то время страховыя общества не принимали на страхъ въ уѣздахъ торгово-промышленныхъ заведеній. Но мой отецъ, немного напуганный пожаромъ лаковаго завода, сталъ теперь усиленно хлопотать, чтобы застраховать винокуренный заводъ и мельницу. Послѣ долгихъ стараній это ему наконецъ удалось. Казанскій агентъ одного изъ главнѣйшихъ петербургскихъ страховыхъ обществъ составилъ планъ, опись и оцѣнку этихъ строеній и принялъ ихъ на страхъ. Но прежде вступленія страхованія въ свою силу, опись и оцѣнка должны были быть утверждены непосредственно правленіемъ общества въ Петербургѣ.

И случилось, что въ тотъ день, когда страховой агентъ, получивъ страховыя описи, подписанныя моимъ отцомъ, отправилъ ихъ на утвержденіе въ Петербургъ по почтѣ, — заводъ и мельница сгорѣли. Постройки были деревянныя; остались только пепелъ да каменныя трубы и печи. На этотъ разъ убытокъ былъ уже тысячъ въ пятьдесятъ, и это ставило дѣла отца въ крайне затруднительное положеніе: это не только лишало его значительной части его имущества, но и подрывало кредитъ.

И вотъ, когда изъ Царевококшайска пришла въ Казань эстафета — телеграфа тамъ тогда еще не было — съ роковымъ извѣстіемъ, я увидалъ отца въ совершенно новомъ для меня видѣ. Онъ долго, въ раздумьи, смотрѣлъ на письмо, лицо его было глубоко серьезно, но я не могъ уловить на немъ слѣдовъ горя или унынія. Потомъ по лицу побѣжали слезы, отецъ всталъ на колѣни, и съ вдохновеннымъ лицомъ, со слезами на глазахъ долго молился, шепча молитвы и кладя земные поклоны. А я стоялъ тутъ же, опершись спиной о косякъ двери, и смотрѣлъ

на него. Я еще не понималъ смысла его молитвы, но слезы катились и у меня по щекамъ, — и это были слезы жалости, слезы любви къ отцу. Я уже не думалъ въ то время о безплодности его обращенія къ Богу, я уже не относился отрицательно къ его религіозности. И не вѣротерпимость говорила во мнѣ въ то время, а уваженіе къ его горю, къ нашему общему горю, уваженіе къ его вѣрованіямъ и надеждамъ. Я не просто мирился въ душѣ съ отцомъ, нѣтъ — мое сердце билось въ согласіи съ его сердцемъ на молитвѣ.

Когда онъ всталъ и повернулъ ко мнѣ свое лицо, я увидалъ, что оно было радостное и просвѣтленное. Я двинулся къ нему, онъ сдѣлалъ шагъ ко мнѣ, онъ обнялъ, поцѣловалъ меня. Я могъ ему только сказать:

— Папа, успокойтесь...

А онъ уже улыбнулся и говоритъ мнѣ:

— Да понимаешь ли ты, о чемъ я молился?!.. Я благодарилъ Бога! Я не могъ придумать словъ молитвы, какъ благодарить Его...

— За что?—спросилъ я въ недоумѣніи.

— За то, что Онъ спасъ меня отъ горшаго горя. Хуже котораго и представить себѣ нельзя.

И я видѣлъ, какъ опять въ глазахъ его заблестѣли слезы, но я понималъ уже, что это были слезы благодарности.

Я только опять спросилъ:

— Что такое, папа?

— Богъ спасъ меня отъ обвиненія въ поджогѣ! — торжественно сказалъ отецъ.

— Какъ!..

И отецъ объяснилъ, что если бы пожаръ случился не въ этотъ день, а спустя недѣлю или больше,—когда изъ Петербурга получился бы утвержденный правленіемъ страховой полисъ, дававшій право на полученіе страховой преміи,—могли бы заподозрить поджогъ. Хотя страховая сумма была, какъ водится, ниже дѣйствительной стоимости, но рядъ побочныхъ обстоятельствъ могъ дать поводъ думать, что пожаръ былъ выгоденъ страхователю: заводъ уже былъ далеко неновый, а мельница давала постоянные большіе убытки — хоть закрывай ее. Неосторожность въ обращеніи съ огнемъ, отъ которой вспыхнулъ пожаръ, была, какъ описывалось въ письмѣ, такого рода, что можно было усмотрѣть умышленный поджогъ въ интересахъ хозяина со стороны лицъ, пользовавшихся хозяйскимъ расположеніемъ и довѣріемъ.

— Но теперь ничего этого нѣтъ! — говорилъ радостно

отецъ.—Страховые документы только-что отправлены, преміи я получить не имѣю права, и никто ни въ чемъ заподозрить меня не посмѣетъ. А убытки, Богъ поможетъ, вернутся!

И, уже совершенно спокойный, онъ сталъ писать распоряженія на заводъ. А потомъ, точно выигралъ въ лотерею, радостный, поѣхалъ извѣстить страхового агента, что страхованіе на этотъ разъ не состоится.

Я помню, что его бодрое, немного торжественное настроеніе передалось и мнѣ. И когда отецъ произносилъ слово Богъ, оно звучало въ моихъ ушахъ уже не какъ что-то мѣшающее правильному постиженію міра человѣческимъ умомъ, а какъ нѣчто возвышающее человѣческую душу надо всѣми горестями и радостями этого реальнаго міра.

Такова была моя религіозная подготовка, когда съ поступленіемъ въ гимназію мнѣ пришлось приступить къ изученію катехизиса и его текстовъ.

Ал. Луговой.

Конецъ первой части.

ПИСЬМА И. С. ТУРГЕНЕВА

КЪ ЕГО НѢМЕЦКИМЪ ДРУЗЬЯМЪ

VI.—Письма къ Пичу *)

(Продолженіе: 1874—1883 гг.).

Парижъ, 5-го января 74 г.

Милѣйшій Пичъ!

Отвѣчаю поздно на ваше милое письмо, но у меня не то было въ головѣ. Вы поймете меня, если я скажу вамъ, что существо, которое я люблю больше и нѣжнѣе всѣхъ—Диди, обручилась недѣлю тому назадъ. Ея будущій мужъ называется Georges Chamerot; это — великолѣпная, благородная, молодая и сильная натура (иначе я бы никогда не далъ своего согласія). Онъ — владѣлецъ одной изъ первыхъ парижскихъ типографій; отецъ и мать его — прекрасные во всѣхъ отношеніяхъ люди; въ семьѣ, кромѣ хорошаго и правдиваго, ничего нельзя найти. Сближеніе продолжается уже давно (это—рѣдкость во Франціи); оно расло и крѣпло на моихъ глазахъ. Диди любитъ его недавно, всего мѣсяца полтора, и такого очарованія я еще никогда не видѣлъ... Мы всѣ, такъ называемые писатели (!), почти слѣпые въ подобнаго рода вещахъ.

Къ счастью, я не пишу теперь ничего больше, и потому лишенъ соблазна изобразить то, что̀ вижу. Но глотаю я все, все!

Вы можете себѣ представить, какъ весь домъ радостно и весело оживленъ. Свадьба будетъ въ началѣ марта.

---

*) См. май, стр. 135.

Хочу подписаться на „Gegenwart“, чтобы видѣть, какъ меня будутъ тамъ отдѣлывать; говорятъ, что вообще это — хорошій журналъ.

Парижъ, 21-го марта 74 г.

Милѣйшій другъ!

Вотъ уже десять дней, какъ у меня подагра въ лѣвой ногѣ— не могу двигаться: но это мало имѣетъ значенія.

Двѣ недѣли уже, какъ Диди стала m-me Chamerot. Она сіяетъ такимъ блескомъ молодости, счастья, цѣломудренно-нѣжной прелести, что и описать нельзя. И это имѣетъ большое значеніе.

Я сталъ завзятымъ любителемъ и варваромъ искусства и пріобрѣлъ, среди другихъ картинъ, лѣсной ландшафтъ Діаца: онъ превосходитъ все существующее красотой—и это тоже что-нибудь да значитъ. Въ общемъ все идетъ хорошо—только литература вовсе не идетъ—и вся семья здорова.

Въ Россію хочу поѣхать ради тысячи соображеній. Эту фразу объясню вамъ устно.

Что касается Юліана Шмидта, то скажите ему, что со стыда готовъ валяться въ пыли у его ногъ: такъ долго я не писалъ ему. Но я ношу въ своемъ сердцѣ (какъ говорятъ французы) его и его симпатичную жену.

Парижъ, 2-го апрѣля 74 г.

Милый Пичъ!

Вы скоро получите или, быть можетъ, уже получили книгу моего друга Флобера: „Tentation de St. Antoine“. Прочтите ее, и если она, въ чемъ я не сомнѣваюсь, вамъ понравится, то возьмите въ руки свое тонкое и остроумное перо и напишите о ней торжественную статью, за что буду вамъ очень благодаренъ.

Сообщите мнѣ, въ какой газетѣ появится эта статья. „La casa Viardot“ здорова и благополучна. Моя подагра почти оставила меня.

Парижъ, 22-го апрѣля 74 г.

Мой дорогой другъ!

Не могу понять, отчего вы не получили книжки Флобера. Поругаюсь на этотъ разъ съ издателемъ. Радъ очень, что вамъ и Ю. Шмидту понравились мои „Живыя мощи“.

Москва, 13-го (1-го) мая 74 г.

Мой милый другъ!

Что̀ мнѣ сказать вамъ объ этомъ несчастномъ переводѣ? Даю вамъ cartissima blanchissima. Дѣлайте что̀ и какъ хотите— самое лучшее было бы, конечно, отослать всю эту музыку „не-

истовому", потому что французскій переводъ тяжелъ, но точенъ. Но повторяю еще разъ — провозглашаю васъ диктаторомъ! И такимъ ловкимъ маневромъ избавляю себя отъ всякой отвѣтственности!

Мнѣ живется такъ себѣ. Все-таки моя cara patria — удивительная страна! Въ семьѣ Віардо тоже благополучно.

Парижъ, 7-го октября 74 г.

Мой милый Пичъ!

Только что получилъ ваше письмо, написанное въ красивѣйшемъ C-dur, и радуюсь, что вамъ такъ хорошо живется. О себѣ не могу, къ сожалѣнію, сказать того же. Ковыляю на своихъ больныхъ ногахъ все еще какъ совсѣмъ дряхлый, разбитый старикъ. Пріѣзжайте въ Парижъ зимою и будьте увѣрены, что встрѣтите самый теплый пріемъ. Посылаю вамъ сегодняшней почтой „Tentation de St. Antoine". Не знаете, получилъ ли Ю. Шмидтъ экземпляръ? Превосходную статью Линдау я прочиталъ и отослалъ ее, по его порученію, Флоберу.

„Колоссально богатымъ", какъ вы говорите, я не сталъ; но, дѣйствительно, у меня въ рукахъ теперь больше денегъ, чѣмъ обыкновенно. Я не замедлилъ ихъ, разумѣется, выбросить въ окошко, такъ что у меня не осталось даже суммы, достаточной для того, чтобы предложить за картину бѣдному Гиремскому. Если двѣсти или 250 талеровъ—достаточно, то устройте это. Но если это—chef d'œuvre, то, конечно, стòитъ больше.

Въ семьѣ все благополучно. Живутъ въ ожиданіи большого событія (касающагося Диди).

„Récits d'un chasseur" я получилъ—большое спасибо. Мнѣ посылаютъ на просмотръ корректурные листы „Записокъ"; переводчикъ не силёнъ въ русскомъ языкѣ, и многое у него выворочено наизнанку — за это вы, конечно, не можете быть отвѣтственны. Я думаю, что такимъ манеромъ текстъ будетъ наконецъ возстановленъ въ точности.

Парижъ, 16-го ноября 74 г.

Мой милый Пичъ!

Ваше письмо доставило мнѣ большую радость. Въ вашей дружбѣ я никогда не сомнѣвался, но все-таки такое теплое рукопожатіе всегда пріятно. Въ Парижъ вы должны непремѣнно пріѣхать. Г-жа Віардо написала уже директору „Grand Opéra" (Halanzier) и получила любезный отвѣтъ. Вы будете имѣть мѣсто (что̀, кстати сказать, такъ же легко или трудно, какъ укусить

свой собственный локоть). Открытіе произойдетъ, вѣроятно, въ началѣ января.

Новеллу Шторма я еще не прочелъ, но прочту ее скоро. Силы небесныя! какъ у васъ въ Берлинѣ дороги всякія художественныя произведенія! Совершенно недоступны для нашего брата!

Ко времени вашего пріѣзда въ Парижъ портретъ г-жи Віардо работы моего земляка Харламова будетъ готовъ. Онъ стòитъ только три тысячи франковъ, и все-таки я утверждаю упорно, что нѣтъ теперь на всемъ земномъ шарѣ другого художника, который бы создалъ нѣчто подобное. Правда, теперь ему за портреты платятъ по 100.000 франковъ. Мы захватили его въ моментъ начала расцвѣта.

Только что получилъ послѣдніе корректурные листы „Записокъ охотника". Нѣтъ, такого жалкаго переводчика еще не было на свѣтѣ! Я напишу объ этомъ „неистовому". Напр., въ „Концѣ Чертопханова" дьяконъ говоритъ: „Ihr seid ein kluger Mann, Aki Lebb!" Что это за новый, будто выскочившій изъ Талмуда, персонажъ? По-русски сказано: „Вы человѣкъ умный, *аки левъ*", т.-е. какъ левъ. И такъ до безконечности! Это исправленіе было настоящей мукой! Совать носъ въ свою собственную стряпню— уже непріятность, а тутъ еще это проклятое „приблизительно"! Другой примѣръ: „сажалка" значитъ по-русски лужа—une mare. Господинъ переводчикъ не зналъ этого слова, но предположилъ, что оно происходитъ отъ глагола „сажать"—pflanzen. И такимъ образомъ у него получилось „дерево". Въ оригиналѣ при словѣ „сажалка" стоитъ эпитетъ, гласящій: „грязная". Онъ изъ него сдѣлалъ „темный, мрачный", и вотъ вмѣсто „грязной лужи" у него получилось „тѣнистое дерево". И прочее въ томъ же родѣ. Чортъ бы побралъ этого „неистоваго"!

P. S. Въ семьѣ Віардо все обстоитъ благополучно, хотя у всѣхъ гриппъ. Диди страшно нервна.

Парижъ, 27-го ноября 74 г.

Ради Бога, Pietschissime carissime, какъ вы можете такъ волноваться и дѣлать себѣ столько жестокихъ упрековъ изъ-за „Записокъ охотника"?! Вы вѣдь сдѣлали все, что было въ вашихъ силахъ. Я досадовалъ на г-на переводчика. Но теперь это все поглощено волнами времени, и мнѣ остается только горячо поблагодарить васъ за трудъ. Итакъ, вы пріѣзжаете въ Парижъ. Браво! это отличная мысль! Мы устроимъ прелестный

маленькій обѣдъ, даже если моя подагра не оставитъ меня въ покоѣ.

Я набросился тотчасъ на „Waldwinkel"; долженъ признаться, что въ данномъ случаѣ, думается мнѣ, ваша обычная критическая проницательность измѣнила вамъ. Другъ мой, Штормовская повѣсть слаба, „клянусь въ томъ нашей любовью", какъ поетъ Октавіо въ „Донъ-Жуанѣ". Все—рѣзко, не мотивировано; ни одна изъ трехъ фигуръ не увлекаетъ, даже собакѣ это не удается, хотя она довольно литературна, а поэзія намазана толстымъ слоемъ, какъ масло. Быть-можетъ я ошибаюсь; но быть-можетъ ошибаетесь вы. Здѣсь все идетъ обычнымъ путемъ; всѣ полны ожиданія (à propos: что вы скажете о муниципальныхъ выборахъ?).

Парижъ, 22-го декабря 74 г.

Милый другъ!

Я задолжалъ вамъ отвѣтъ, и вы, навѣрно, рѣшили, что я очень небрежный корреспондентъ. Но я хотѣлъ дождаться чего-нибудь положительнаго, а этотъ негодный Halanzier (директоръ оперы) до сихъ поръ не даетъ опредѣленнаго отвѣта. Большое событіе произошло позавчера, 20-го числа, въ 7½ час. утра. Появился на свѣтъ чудный ребенокъ, дѣвочка; но къ сожалѣнію страданія матери были очень велики и продолжительны, и Диди сильно измучена! Состояніе ея не опасно, но пока пройдетъ девять дней (роковые девять дней!), души наши будутъ, какъ говорятъ испанцы, висѣть на ниточкѣ.

„Неистовый" обѣщаетъ раздобыть мнѣ другого переводчика; онъ пришлетъ вамъ сейчасъ по выходѣ экземпляръ „Записокъ".

Ребенку дали имена „Jeanne" и „Edmée".

Парижъ, 19-го апрѣля 75 г.

Милѣйшій Пичъ!

На этотъ разъ я невиненъ, какъ новорожденный агнецъ! На ваше письмо я отвѣтилъ, но вы, очевидно, не получили его. Это было довольно длинное и небезъинтересное письмо. Но теперь оно погребено въ безднѣ забвенія, и я могу вамъ только сказать, что всему дому, а въ томъ числѣ и мнѣ грѣшному, живется хорошо, и жизнь складывается довольно пріятно.

Получилъ я послѣдній номеръ „Gegenwart" со статьей, лестной для меня свыше мѣры. Одно тамъ совершенно неправильно: моего отца звали дѣйствительно Сергѣемъ, но Николаевичемъ, а не Ивановичемъ. Затѣмъ, братъ его никогда не былъ военнымъ, а служилъ по дипломатической части. Онъ умеръ

въ 1827 году, въ Дрезденѣ, а отецъ — въ 1834 г., въ Петербургѣ.

Семейныхъ традицій я вовсе не зналъ. Юность я провелъ далеко отъ всякой шумной и городской жизни. Раннюю ненависть къ рабству и крѣпостному праву внушила мнѣ окружающая среда, которая была по истинѣ отвратительна.

Если вы полагаете, что исправленіе было бы нелишнимъ, то сдѣлайте его отъ моего имени и пошлите его съ Богомъ въ „Gegenwart“ — даю вамъ полномочіе на это.

P. S. Если по вашему я долженъ самъ дать редакціи „Gegenwart“ письменное объясненіе, то будьте великодушны—пришлите мнѣ стилистическій образецъ, который я, какъ нѣкогда въ другомъ случаѣ, *рабски скопирую*.

Карлсбадъ, 9 іюня 75 г.

Мой милый Пичъ!

Я здѣсь уже шесть дней и пробуду по всей вѣроятности еще пять недѣль. Къ восемнадцатому іюля (день рожденія г-жи Віардо) я пріѣду въ Буживаль, гдѣ вся семья прелестно устроилась. Они теперь собрались всѣ вмѣстѣ, и Диди со своимъ маленькимъ ангельчикомъ-дочуркой. Всѣ поживаютъ прекрасно, я тоже—недурно. Очень обрадовало меня извѣстіе, что вы опять возстановлены „in integrum“. Теперь опять можно развернуться, и вы, дѣйствительно, развернетесь. Вы вѣдь вѣчно - юны и вѣчносвѣжи.

Я здѣсь познакомился съ однимъ драматическимъ поэтомъ. Зовутъ его Г. фонъ-Мозеръ, и онъ очень любитъ васъ. Старикъ Лаубе тоже здѣсь; видъ у него крайне свирѣпый, но онъ чрезвычайно добродушный человѣкъ. Г-жа Вревская ѣдетъ въ Маріенбадъ. Мнѣ, вѣроятно, удастся ее видѣть.

Зола—тридцать шесть лѣтъ, Додэ—около тридцати четырехъ. Рубинштейнъ произвелъ въ Парижѣ огромный фуроръ. Въ „Маккавеяхъ“ есть чудесныя страницы. Зависитъ ли это отъ еврейской окраски, или это индивидуально? Это мы увидимъ впослѣдствіи.

Смерть молодого французскаго композитора Бизэ — большая потеря. Если его оперу „Карменъ“ будутъ ставить гдѣ-нибудь въ Германіи, не упустите случая посмотрѣть. Это наиболѣе оригинальная вещь, появившаяся во Франціи со времени „Фауста“ Гуно. — Разсказы, о которыхъ вы пишете, появились по-французски въ одномъ томѣ подъ заглавіемъ: „Etranges histoires“, но, кажется, уже распроданы.

Буживаль, 6-го ноября 75 г.

Дорогой другъ!

Давно уже хотѣлось написать вамъ, но куда? „A Louis Pietsch en Europe“ — это будетъ возможно въ будущемъ, но пока—преждевременно. Но я подумалъ, что вы должны были уже вернуться въ Берлинъ. Въ сущности разсказывать мнѣ нечего, хочу только подать голосъ. Лѣнивое спокойствіе, слабость органическихъ функцій, ничегонедѣланіе и отсутствіе даже „радостной безутѣшности“ — вотъ главные симптомы жизни человѣка, которому черезъ три дня минетъ пятьдесятъ семь лѣтъ. Исчезни, сонъ! Единственное, что̀ еще можетъ занимать нашего брата—это смотрѣть на чужія молодыя, счастливыя жизни. Это у меня всегда передъ глазами. Всей семьѣ Віардо живется хорошо и благополучно.

Писательству моему—рѣшительно конецъ. Мнѣ нечего больше сказать, и я не хочу, чтобы было еще что̀ говорить.

Парижъ, 29 декабря 75 г.

Милѣйшій Пичъ!

Съ новымъ годомъ! Еще живущій старый годъ не долженъ сойти въ могилу, прежде чѣмъ я хоть немного не искуплю вину своего долгаго молчанія. Прошу васъ также передать мою сердечнѣйшую благодарность тѣмъ незнакомымъ прекраснымъ молодымъ дамамъ и другимъ лицамъ, которыя такъ любезно поздравили меня. Меня очень обрадовала та бодрость духа и тѣла, которой пропитана каждая строчка вашего письма. Наконецъ-то видишь человѣка, которому живется хорошо, который чувствуетъ и высказываетъ это. Впрочемъ, въ домѣ Віардо тоже живется неплохо. „Sin novedad“, какъ говорятъ испанцы—здоровье и спокойствіе по всѣмъ пунктамъ. Теперь какъ разъ семья представлена такъ полно, какъ никогда. Мануэль здѣсь, Луиза — тоже. Она останется и въ Парижѣ, но будетъ жить не у родителей.

Мнѣ живется тоже недурно: поэзія и подагра оставили меня въ покоѣ—къ сожалѣнію и охота также (во Франціи вообще ея нѣтъ). Работаю крайне мало. Въ „Gegenwart“ появится еще одинъ маленькій мой разсказъ. (Заглавіе: „Часы“, цѣнность—незначительная).

Во Франціи республика повидимому пускаетъ корни. Здѣсь боятся, что Бисмаркъ вырветъ ихъ прежде чѣмъ они дадутъ побѣги, но я думаю, что у Бисмарка сейчасъ въ виду другіе ходы.

Парижъ, 28-ое января 1876 года.

Получилъ ваше длинное и любезное письмо и большую, прекрасную фотографію. Долженъ былъ сейчасъ же отвѣтить, но я, видите ли, лѣнтяй. Теперь сообщу вамъ слѣдующее: свидѣтельницей желѣзнодорожной катастрофы была не г-жа Віардо, которая не выѣзжала изъ Парижа, а ея дочь, Луиза Гериттъ-Віардо, которая ѣхала въ Парижъ изъ Брюсселя. Она едва не была раздавлена на смерть вагономъ. Когда она пріѣхала (двѣ недѣли тому назадъ), лицо было совершенно синее и распухшее, рука очень повреждена, почти сломана. Теперь она уже оправилась, и черезъ недѣлю, надо надѣяться, не останется никакихъ слѣдовъ непріятнаго происшествія.

Въ семьѣ Віардо все обстоитъ хорошо. У меня былъ къ счастью не сильный припадокъ подагры, который теперь уже почти прошелъ. Я написалъ очень маленькую вещицу, которая появится черезъ нѣсколько дней въ „Deutsche Rundschau". Отнеситесь къ ней снисходительно. Можетъ быть, напишу теперь что-нибудь болѣе длинное, но не лучшее. Чувствую къ этому охоту.

Харламовъ написалъ съ меня чудесный портретъ. Со вчерашняго дня онъ стоитъ внизу, въ галлереѣ.

P. S. Только что получилъ отъ Менцеля письмо, написанное необычайно лапидарнымъ стилемъ. Онъ говоритъ о своей исторической картинѣ и предлагаетъ мнѣ купить ее, не для себя, а для какой-нибудь московской рисовальной школы. Не можете ли вы съ присущей вамъ дипломатичностью узнать приблизительно, сколько это будетъ стоить?

Парижъ, 25-ое ноября 1876 года.

Съ моей стороны прямо позорно было не отвѣтить на ваше любезное поздравительное письмо; я и не хочу оправдываться, но все же это не доказательство моей забывчивости или равнодушія! Нѣтъ, я васъ горячо люблю, и ваше письмо очень обрадовало меня! Но я сталъ старъ, лѣнивъ и тяжелъ на подъемъ, къ тому же пришлось повозиться съ рукописью, которую только позавчера отослалъ въ Петербургъ. Да и время таетъ, какъ масло—et voilà!—Теперь буду писать подробно и серьезно. Если война будетъ объявлена (я все еще сомнѣваюсь въ этомъ), могу вамъ переслать два письма: одно—военному министру Д. Милютину, другое — князю Черкаскому, который будетъ стоять во главѣ госпитальнаго и санитарнаго дѣла. Съ обоими я зна-

комъ, и они, можетъ быть, придадутъ значеніе моей рекомендаціи. Мой романъ появится лишь въ январѣ, а переводъ, вѣроятно, только въ февралѣ. Штормъ прислалъ мнѣ свой разсказъ „Aquis submersis". Въ семействѣ Віардо все обстоитъ благополучно. Поль дебютировалъ съ большимъ успѣхомъ въ Cirque National передъ 4.000 слушателей, Мендельсоновскимъ концертомъ. Г-жа Віардо здорова и бодра. Моя подагра молчитъ, но боли въ почкахъ отъ времени до времени даютъ о себѣ знать. Мое настроеніе—сѣрое съ желтоватыми пятнами.

Парижъ, 28 декабря 1876 года.

Съ Новымъ Годомъ, дорогой Пичъ!

Боюсь, что это будетъ тяжелый годъ для Россіи. Въ Петербургъ я навѣрное поѣду въ началѣ февраля и, если хотите и можете, ѣдемъ вмѣстѣ отъ Берлина.

Здѣсь все обстоитъ хорошо и радостно. Ваша красивая и дружеская рецензія о Полѣ доставлена госпожѣ Віардо. Вы по прежнему остаетесь вѣрнымъ другомъ! Разсказъ „Aquis submersis" написанъ нѣжно и хорошо, но, ради Бога, какъ это возможно заставить мальчика, прежде чѣмъ утонуть, пѣть объ ангелахъ въ раю! — Первая попавшаяся дѣтская пѣсенка произвела бы въ десять разъ большее впечатлѣніе. Нѣмцы дѣлаютъ двѣ ошибки, когда разсказываютъ: первая — несносное мотивированіе, вторая — проклятая идеализація дѣйствительности. Описывайте правду просто и поэтично: идеальное проявится само собою. Нѣтъ, нѣмцы могутъ завоевать весь міръ, но разсказывать они разучились или, вѣрнѣе, никогда хорошо не умѣли.

Когда нѣмецкій авторъ мнѣ разсказываетъ что-нибудь трогательное, онъ не можетъ обойтись безъ того, чтобы указать однимъ пальцемъ на свои плачущіе глаза, а другимъ — скромненько дать мнѣ знакъ, чтобы я не оставилъ безъ вниманія трогательность разсказа.

Парижъ, 4-ое февраля 1877 года.

Меня очень радуетъ, что вамъ пришелся по вкусу мой маленькій полу-фантастическій, полу-физіологическій разсказъ. Боюсь, что большой романъ покажется вамъ скучнымъ изъ-за безконечныхъ продолженій въ фельетонахъ. „E pur si muove", скажу я, какъ Галилей. И хотя мальчикъ въ разсказѣ Шторма *могъ* пѣть пѣсенку, онъ *не долженъ* былъ этого дѣлать. Вѣдь распоряжается авторъ и Гётевское выраженіе остается вѣчно новымъ: „man merkt die Absicht"! Нѣмецкіе писатели, избѣгайте

указаній пальцемъ, какъ бы ни были красивы ваши пальцы и какъ бы ни были нѣжны ихъ движенія!

Въ семействѣ Віардо все обстоитъ благополучно. Вчера у насъ здѣсь былъ балъ, который затянулся до шести часовъ утра. Диди и Маріанна были, конечно, les reines du bal; было еще нѣсколько очень красивыхъ русскихъ дамъ. Мнѣ очень больно, что вы себя не совсѣмъ хорошо чувствуете и что у васъ наступило дурное настроеніе. Этотъ ядъ надо сейчасъ же уничтожать, иначе мы, старики, погибли.

„Assommoir“ Зола — ужасная книга; слово „merde“ встрѣчается въ ней десятки разъ и „en toutes lettres“ — но все же чувствуется большой талантъ. Нѣмцамъ эта книга покажется слишкомъ сильной. Я ее читалъ со смѣшаннымъ чувствомъ отвращенія и восхищенія; наконецъ, отвращеніе взяло верхъ. Но это все же „un signe du temps“, какъ говорятъ французы, и книга имѣетъ огромный успѣхъ.

Парижъ, 12 марта 1877 года.

Ради Бога, какимъ образомъ вы, вѣчно юный, эластичный, крѣпкій, неуязвимый, вдругъ — сломали руку?

И къ тому же въ собственной комнатѣ, и просто поскользнулись, а не упали съ испанскаго балкона, къ которому была привязана шелковая лѣстница, или васъ не сбросилъ дикій, неукротимый конь? Шутки въ сторону, бѣдный другъ, жалѣю васъ отъ души. Я самъ „non ignotus mali“. Я три раза сломалъ себѣ руку; это очень непріятно, но черезъ шесть недѣль все заживаетъ. Надѣюсь увидѣть васъ скоро въ полной силѣ вашего аполлоновскаго тѣлосложенія.

Вся семья Віардо произнесла протяжное „Oh!“, когда я сообщилъ печальное извѣстіе, и шлетъ вамъ наилучшіе „compliments de condoléance“. Здѣсь все хорошо, „sin novedad“, какъ говорятъ испанцы. Мнѣ очень жаль, что вы принуждены глотать мой романъ по каплѣ; во-первыхъ, это очень плохой методъ; во-вторыхъ, переводъ, между нами говоря, очень посредственный. Переводчикъ знаетъ тотъ мертвый русскій языкъ, который можно найти въ словарѣ; о живомъ языкѣ онъ имѣетъ очень слабое понятіе, и то, чего не понимаетъ, просто пропускаетъ. Французскій переводъ, который появится въ „Temps“, превосходенъ. Лучше бы вы не читали романа до этого времени!..

Я пріѣду въ Берлинъ въ апрѣлѣ (à propos: первое путешествіе госпожи Віардо въ Россію относится къ 1843 году).

Буживаль, 17 сентября 1877 года.

Дорогой другъ!

Мое душевное состояніе очень печально; вы, вѣроятно, знаете, почему. Въ этомъ кроется причина того, что я тайкомъ проѣхалъ черезъ Берлинъ. Я все заранѣе предвидѣлъ, долженъ былъ бы объясняться и т. д. И тогда уже я избѣгалъ встрѣчи съ людскими физіономіями.

Начало вашего письма очень грустно; будемъ надѣяться, что вамъ съ вашей астмой станетъ лучше и вы снова станете „несокрушимо-крѣпкимъ юношей“.

Здѣсь все обстоитъ благополучно. Маріанна отъ души благодаритъ васъ за поздравленія; она и онъ воркуютъ какъ голубки. Свадьба будетъ въ концѣ октября. Къ этому времени вся семья вернется въ Парижъ.

P. S. Пришлите мнѣ вашу книгу, которую я, конечно, прочту, какъ до сихъ поръ читалъ всѣ ваши книги.

Мои воспоминанія вовсе не существуютъ въ видѣ отдѣльной книги. Въ видѣ предисловія къ русскому изданію моихъ сочиненій я собралъ нѣсколько маленькихъ статей подъ общимъ названіемъ: „Литературныя и житейскія воспоминанія“.

Я разсказываю о своихъ встрѣчахъ съ Бѣлинскимъ (нашимъ великимъ критикомъ), Пушкинымъ, Гоголемъ и т. д. и, конечно, возможно меньше о себѣ. Въ своей послѣдней книгѣ Юліанъ Эккардтъ многое извлекъ оттуда. То, о чемъ онъ не упоминаетъ, не можетъ быть вамъ полезно. Охотно далъ бы вамъ какую-нибудь мелкую вещицу для перевода. Но такъ какъ я навѣрное не напишу ничего, ни маленькаго, ни крупнаго, то ничего и не могу обѣщать...

Буживаль, 8 октября 1878 г.

Много необычайнаго пережилъ я въ Россіи, о чемъ нотую поболтаемъ съ вами, когда вы пріѣдете въ Парижъ (мнѣ кажется, что я написалъ грамматически-невѣрную нѣмецкую фразу, но это не имѣетъ значенія).

Мой „Сонъ“ вы пересказали совершенно вѣрно [1]); меня только немного удивляетъ, что вы это нашли достойнымъ преподнести почтенной публикѣ. Но послушайте, ужасный другъ, вы меня

---

[1]) *Прим. Л. Пича.* Рѣчь идетъ о разсказѣ, который позже былъ напечатанъ въ „Стихотвореніяхъ въ прозѣ“ или „Senilia“. Тургеневъ при своемъ послѣднемъ посѣщеніи Берлина разсказалъ Ю. Шмидту и мнѣ сонъ, который ему незадолго передъ тѣмъ приснился, а я пересказалъ его въ „Schlesische Zeitung“.

награждаете настоящимъ потокомъ комплиментовъ. Теперь я рта не посмѣю открыть безъ того, чтобы не подумать:

— Вниманіе! Ты долженъ пустить въ ходъ все свое обаяніе!— Такимъ волшебникомъ я себя, право, не считаю.

Парижъ, 9 января 1879 года.

Дорогой Пичъ!

Я долженъ поговорить съ вами серьезно—прошу вниманія. Изъ Веймара получилось извѣстіе, что если опера Луизы не прибудетъ въ одинъ изъ ближайшихъ дней, то ея постановка 8-го марта (имянины герцогини) будетъ невозможна.

Рукопись съ переведеннымъ текстомъ, прежде чѣмъ попасть въ Веймаръ, должна быть послана въ Парижъ, чтобы Луиза могла приспособить текстъ къ музыкѣ, кое-что, можетъ быть, измѣнить и переписать — а рукописи еще нѣтъ въ Парижѣ. Такимъ образомъ бѣдная Луиза, которой вовсе не нуженъ былъ такой ударъ, теряетъ единственную надежду видѣть свою оперу на сценѣ!

Заклинаю васъ нашей старой дружбой, покажите Доому (въ рукахъ котораго была рукопись) это письмо, дайте ему прочесть его; если и это не поможетъ, то буду знать — чего стоитъ нѣмецкая внимательность, нѣмецкая дружба, и т. д., и т. д.

Парижъ, 14 января 1879 года.

Дорогой Пичъ!

Вы не поняли моего письма. Все сказанное въ немъ относилось не къ вамъ. Вы невинны во всей этой исторіи, какъ агнецъ. Рѣзкія выраженія относились къ Доому, которому вы должны были показать письмо. Если вы посмотрите объективно на дѣло, то убѣдитесь, что онъ поступилъ непозволительно.

Ему вѣдь такъ легко было дать уклончивый отвѣтъ и возвратить рукопись. Теперь же, не смотря на стараніе герцога и театральной дирекціи, вся затѣя провалилась, и отъ этого удара бѣдняжка Луиза не скоро оправится.

Но довольно объ этомъ! Sapienti sat!

Въ моей дружбѣ вы можете такъ же мало сомнѣваться, какъ я—въ вашей.

Буживаль, 12 ноября 1879 года.

Большое спасибо, дорогой Пичъ, за ваше любезное поздравительное письмо! Г-жа Віардо не даромъ называетъ васъ „le vieux fidèle“! Я очень радъ, что вамъ, въ общемъ, хорошо живется. Я тоже не могу жаловаться. Къ сожалѣнію, семейство

Віардо всегда либо болѣетъ, либо выздоравливаетъ. Только старикъ Віардо крѣпокъ, какъ гранитная скала, не смотря на свои 80 лѣтъ. Когда мы гуляемъ съ нимъ, то меня принимаютъ за его отца. Съ нѣкотораго времени журналисты осыпаютъ меня письмами; они хотятъ, чтобы я имъ далъ что-нибудь новое, а у меня нѣтъ ни новаго, ни стараго! — Слава Богу, я больше не пишу. Написалъ издателю „Tageblatt", чтобы онъ обратился къ вамъ относительно перевода „Нахлѣбника", но 1) сомнѣваюсь, кончили ли вы переводъ; 2) сомнѣваюсь еще больше въ томъ, годится ли вообще такая драматическая вещь для фельетона. Даю вамъ, конечно, полную свободу: дѣлайте что хотите. Если издатель захочетъ печатать, тѣмъ лучше!

P. S. О, Господи, чуть не забылъ о политикѣ. Вы хотите знать мое мнѣніе объ отношеніяхъ Россіи и Германіи? Вотъ вамъ мое мнѣніе: не пройдетъ и пяти лѣтъ, какъ начнется между обѣими странами опустошительная война, и начнетъ ее Германія. Но такъ какъ я съ увѣренностью знаю, что умру въ 1881 году, вѣроятно въ октябрѣ, то для меня это совершенно безразлично.

Буживаль, 11 ноября 1880 года.

Спасибо за ваше письмо. Изъ всѣхъ дальнихъ друзей поздравили меня только вы и одна русская дѣвушка, ярая нигилистка. Еще разъ благодарю васъ! — Вся семья Віардо съ понедѣльника въ Парижѣ. Я здѣсь совершенно одинъ. Хочу попробовать, не заставитъ ли меня одиночество взяться за работу. Вѣроятно, нѣтъ. Своимъ здоровьемъ я доволенъ. Катался даже верхомъ, чего не могъ дѣлать уже двадцать лѣтъ. Диди и ея мужъ (удивительно красивая парочка) были, конечно, всегда впереди, а я плелся сзади на неповоротливой лошади. Диди увѣряетъ, что я похожъ на вюртембергскаго генерала въ отставкѣ. Все семейство чувствуетъ себя хорошо. Дѣти Диди очаровательны. Г-жа Віардо сочинила кое-что и удивительно удачно. Поль концертируетъ въ Испаніи съ большимъ успѣхомъ; Маріанна красивѣе чѣмъ когда-либо, но все еще не замужемъ.

Что сказать о жизни? Она такова, какъ всегда: прекрасная для молодыхъ и тѣхъ, которые остаются молодыми, печальная для стариковъ и для тѣхъ, которые родились стариками. Мнѣ все это безразлично, потому что, какъ, вѣроятно, вы знаете, я умру въ октябрѣ 1881 года.

Стряхните же свой ревматизмъ! Пичіусъ grandiflorus, Аполлонъ всей области рѣки Шпрее и вдругъ — ревматизмъ?!

Парижъ, 21 ноября 1880 года.

Дорогой другъ!

Когда я вамъ телеграфировалъ о томъ, что разрѣшаю переводить мою статью о Пушкинѣ, то подумалъ про себя: неужели Пичъ научился и русскому языку? Потому что у меня нѣтъ французской статьи о Пушкинѣ. Въ маѣ, когда было открытіе памятника Пушкину, я произнесъ рѣчь, но не слыхалъ, чтобы она была переведена на французскій языкъ. Эта рѣчь появилась въ іюльской книжкѣ „Вѣстника Европы" въ Петербургѣ. Какъ это вы, мой старый другъ и доброжелатель, могли подумать, что я когда-нибудь написалъ хоть строчку на другомъ языкѣ, кромѣ русскаго? Вы меня такъ позорите?! Человѣкъ, который считаетъ себя писателемъ и который пишетъ больше чѣмъ на одномъ своемъ родномъ языкѣ, по моему мнѣнію—несчастный, жалкій субъектъ, бездарная свинья. Кромѣ того, эта рѣчь имѣетъ значеніе только для Россіи, для иностранца она ничего не стоитъ. Поэтому оставимъ лучше эту статью въ покоѣ.

Парижъ, 23 января 1881 года.

Дорогой Пичъ!

У меня къ вамъ слѣдующая просьба. Зайдите къ г-жѣ Эккертъ и раньше всего передайте ей отъ меня сердечный привѣтъ, затѣмъ спросите ее, не находится ли среди бумагъ ея мужа *scenarium* къ большой 5-ти-актной оперѣ „Мировичъ"? Это *scenarium* написано мной и въ моемъ присутствіи переведено Эккертомъ съ французскаго. Тогда онъ еще вѣрилъ въ возможность сочинить оперу. Къ сожалѣнію, его намѣреніе не было приведено въ исполненіе, и теперь эта вещь не имѣетъ уже никакой цѣны для г-жи Эккертъ. Не будетъ ли она такъ любезна передать вамъ въ руки этотъ листъ бумаги, а вы мнѣ перешлете его сюда. Я былъ бы вамъ очень благодаренъ, потому что изъ этого еще можно было бы что-нибудь сдѣлать. Одинъ изъ моихъ друзей, молодой французскій композиторъ, ищетъ текста для оперы, и, можетъ быть, „Мировичъ" пригодился бы ему. Я едва успѣлъ оправиться отъ сильнаго подагрическаго припадка. Пролежалъ три недѣли и еще очень слабъ.

Буживаль, 31 октября 1881 года.

Сегодня посылаю Дернбургу („Nationalzeitung") французскіе корректурные листы моего фантастическаго разсказа [1]). Я его

[1]) „Пѣснь торжествующей любви".

прошу послать одновременно вамъ нѣмецкіе корректурные листы для просмотра. Было бы еще гораздо лучше, если бы вы согласились взяться за переводъ. Вещица очень невелика, и „Nationalzeitung“ вамъ, конечно, заплатитъ. Что касается моего гонорара, то объ этомъ нечего говорить: Дернбургъ дастъ мнѣ что-нибудь, или ничего, лишь послѣ того, какъ вамъ заплатитъ.

Буживаль, 10 ноября 1881 года.

Только что получилъ ваше письмо и отъ души благодарю васъ за его сердечность. Я здѣсь совершенно одинъ; семейство Віардо вернулось въ Парижъ, и я хочу попробовать, могу ли еще работать. Мнѣ жаль, что не вы переводите легенду. Вещица въ общемъ довольно незначительная. Обѣщаю вамъ, что если кончу большую вещь, то никто другой, кромѣ васъ, не будетъ ее переводить. Мѣсяцъ тому назадъ послалъ Юліану Шмидту романъ Толстого, но не знаю, получилъ ли онъ его, прочелъ ли. Можетъ быть, онъ ему совсѣмъ не понравился? Во всякомъ случаѣ спросите его объ этомъ и, если возможно, прочтите сами. Мое сужденіе о немъ непоколебимо: это—величайшій современный эпосъ. Переводъ, къ сожалѣнію, очень слабъ... Женская и дилеттантская работа!

Сегодня получилъ поздравительную телеграмму отъ нѣмецкихъ и русскихъ художниковъ. Узнаю въ этомъ вашу руку.

Парижъ, 19 ноября 1881 года.

У меня къ вамъ слѣдующая просьба: какъ вы знаете, я послалъ редактору „Nationalzeitung“, по его просьбѣ, корректурные листы французскаго перевода моего итальянскаго разсказа, и нѣмецкій переводъ долженъ былъ появиться 15-го ноября. Редакторъ даже не сообщилъ мнѣ, получилъ ли онъ эту вещь. Вѣроятно, нашелъ разсказъ негоднымъ. Мнѣ совершенно все равно, будетъ ли разсказъ переведенъ или нѣтъ; но вотъ появляется другой субъектъ и проситъ позволенія перевести. Я ему отвѣтилъ, что уже далъ свое согласіе на переводъ (собственно, переводчикъ не нуждается въ такомъ разрѣшеніи и можетъ перевести эту вещь съ французскаго на нѣмецкій). Но такъ какъ ничего не было напечатано, то пусть онъ съ Божьей помощью дѣлаетъ что угодно. Будьте добры и разскажите редактору „Nationalzeitung“ всю исторію, если вообще считаете que le jeu vaut la chandelle.

Парижъ, 15 февраля 1882 года.

Carissimo Пичъ!

Со мной случилось нѣчто очень забавное; хочу вамъ разсказать объ этомъ. Недавно получаю январскій номеръ „Magazin“ иностранной литературы со статьей Бира о моей незначительной особѣ. (Прилагаю ее къ письму). Вся аргументація остроумнаго и глубокаго критика (который хочетъ обнаружить незнакомую мнѣ самому сущность моей писательской дѣятельности) основывается на томъ, чего я совсѣмъ не писалъ. А именно, прибавка, помѣщенная въ концѣ разсказа „Первая любовь“, написана моимъ французскимъ переводчикомъ (говоря между нами—Віардо) по соображеніямъ моральнаго свойства. Въ русскомъ оригиналѣ нѣтъ и слѣда этого. Я не протестовалъ. Быть можетъ, мнѣ слѣдовало сдѣлать это, но вы знаете, какъ мало я забочусь о своихъ произведеніяхъ, когда они уже напечатаны. Къ сожалѣнію, упомянутая прибавка попала и въ нѣмецкій переводъ, и произошло это противъ моего желанія. Вы знаете, что разсужденія, сочиненныя переводчикомъ, совсѣмъ не въ моей натурѣ. Такое рефлективное пережевываніе мыслей напоминаетъ мнѣ кудахтанье курицы, послѣ того какъ она снесла яйцо; оно въ высшей степени безполезно и только запутываетъ дѣло. Но какое великолѣпіе — эта критика: вширь, вкривь и вкось! Такую вещь не каждый день встрѣчаешь. Думаете ли вы, что стоитъ сообщить редакціи „Magazin“ обо всемъ этомъ хотя бы для того, чтобы попросить нѣмецкихъ читателей игнорировать назидательный хвостикъ, прибавленный переводчикомъ къ моему разсказу.

Здѣсь все идетъ хорошо; ждемъ каждый день родовъ Маріанны.

Парижъ, 6 мая 1882 года.

Я заболѣлъ, лежу, но не въ Лондонѣ, а въ Парижѣ, откуда и не уѣзжалъ. Моя болѣзнь неизлечима: angina pectoralis, осложненная подагрой.

Я здѣсь въ хорошихъ рукахъ, т.-е. я могу надѣяться на то, что не всегда придется лежать, что, можетъ быть, возможно будетъ сидѣть, но о томъ, чтобы ходить, стоять, тѣмъ менѣе—подниматься по лѣстницѣ—никогда ужъ не можетъ быть и рѣчи. Мнѣ уже изжарили все плечо points de feu; завтра это снова начнется, но лишь принципа ради. Надежды на выздоровленіе нѣтъ никакой. Съ моей личностью все кончено.

Буживаль, 20 іюля 1882 года.

Моя болѣзнь вполнѣ опредѣлилась, какъ хроническая; сколько она продлится—ни одинъ врачъ не можетъ мнѣ сказать. Ходить и стоять я могу очень недолго, около пяти минутъ (и то лишь съ помощью машинки): иначе боль дѣлается слишкомъ непріятной. Кромѣ того, я чувствую рвущую боль въ правомъ плечѣ, похожую на зубную; обыкновенно она становится невыносимой ночью и заставляетъ меня прибѣгать къ опіуму. Но аппетитъ у меня хорошій и нѣтъ лихорадки. Сотрясеніе при ѣздѣ, даже писаніе я переношу лишь очень короткое время. Въ результатѣ—нечего и думать о какой-либо работѣ, о какомъ-либо путешествіи, и такъ можетъ тянуться годами. Можетъ ли жизнь при такихъ условіяхъ казаться особенно привлекательной—предоставляю рѣшить вашей проницательности.

Завтра насъ покидаетъ Маріанна съ мужемъ и дѣтьми, а черезъ нѣсколько дней уѣдетъ Клавдія съ семьей. Они всѣ вернутся только черезъ шесть недѣль. Старики останутся пока одни въ Буживалѣ.

Буживаль, 17 сентября 1882 года.

Дорогой Пичъ!

Получилъ ваше письмо изъ Стокгольма и сейчасъ передалъ его содержаніе семейству Віардо. Они начинаютъ постепенно съѣзжаться: вчера вернулась Маріанна съ мужемъ, скоро пріѣдетъ Клавдія съ семьей. Всѣ здоровы, мнѣ тоже стало немного лучше; пью 12 стакановъ молока въ день, что̀ дѣлаетъ меня, къ сожалѣнію, еще болѣе нравственнымъ, чѣмъ я отъ природы! О быстрыхъ движеніяхъ тѣла, конечно, нечего и думать. Я все еще представляю изъ себя неподвижное „нѣчто“—„le patriarche des mollusques“. Въ Парижъ поѣду только въ концѣ октября; что̀ со мной послѣ этого будетъ—одинъ Богъ знаетъ! Послѣ продолжительнаго бездѣйствія написалъ короткій и довольно дикій разсказъ.

Еще не перевелъ его для г-жи Віардо, такъ что даже не знаю, каковъ онъ.

Буживаль, 8 октября 1882 года.

Мой новый разсказъ появится въ Петербургѣ въ „Вѣстникѣ Европы“ 13 января 1883 года; въ то же время онъ появится во французскомъ переводѣ въ Парижѣ въ „Nouvelle Revue“. За недѣлю до этого, то-есть 5 января, вы получите французскіе корректурные листы и, значитъ, можете сейчасъ же взяться за переводъ. Въ разсказѣ приблизительно около 50 печатныхъ стра-

ницъ.—Отъ васъ вполнѣ зависитъ, что съ нимъ дѣлать. Мнѣ не нужно никакого гонорара. Все семейство Віардо съѣхалось здѣсь, старъ и младъ: всѣ веселы и здоровы. Я тоже здоровъ, только не могу ни ходить, ни стоять, ни ѣздить, и потому превратился въ неподвижную устрицу. Такъ какъ не испытываю никакихъ болей (при условіи абсолютной неподвижности) и ночью сплю довольно спокойно, то я доволенъ. „Веселая безутѣшность" теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, можетъ быть моимъ девизомъ. Чего еще можетъ хотѣть такой старикъ, какъ я? Остаюсь здѣсь до конца ноября; о дальнѣйшемъ даже не думаю.

Буживаль, 19 октября 1882 года.

Дорогой другъ!

Вотъ отвѣтъ на вашъ вопросъ: мой новый разсказъ, который называется: „Послѣ смерти" [1]) (за границей это должно остаться тайной до напечатанія), занимаетъ 48 страницъ „Revue des deux Mondes" (45 строкъ въ страницѣ, 50 буквъ въ строкѣ). Сообразуйтесь съ этимъ. Надо надѣяться, что вы получите французскую корректуру 20-го декабря; раньше 15 января не долженъ появляться нѣмецкій переводъ. Это все *conditiones sine qua non* моего русскаго издателя; отъ строгаго исполненія этихъ требованій будетъ зависѣть уплата гонорара. Итакъ: cave canem!

Парижъ, 8 декабря 1882 года.

Дорогой Пичъ!

Посылаю вамъ тщательно просмотрѣнные корректурные листы моего разсказа. Онъ будетъ напечатанъ въ Петербургѣ и Парижѣ 15-го января. Такимъ образомъ, у васъ будетъ достаточно времени для перевода. „Conditiones sine qua non" таковы: 1) нѣмецкій переводъ не долженъ появляться раньше 15 января; 2) вы не должны до тѣхъ поръ сообщать ни заглавія разсказа, ни его содержанія. Во всемъ прочемъ переводъ — въ полномъ вашемъ распоряженіи. „Berliner Tageblatt" спрашивалъ меня объ этомъ, и я направилъ ихъ къ вамъ.

Здѣсь все хорошо. Ораторія Дювернуа „Сарданапалъ" имѣла большой успѣхъ. Я все еще не могу ни ходить, ни стоять—но въ общемъ здоровъ.

Парижъ, 28 декабря 1882 года.

Вы правы, это была крупная ошибка со стереоскопомъ [2]).

---

[1]) „Клара Миличъ".

[2]) *Примѣчаніе Л. Пича:* Тургеневъ сдѣлалъ слѣдующую ошибку: герой его

Въ оригиналѣ этого, къ сожалѣнію, уже исправить нельзя. Но въ переводѣ вы можете это очень легко сдѣлать. А именно: Араповъ не самъ дѣлаетъ снимокъ, а покупаетъ его у фотографа (Клара, какъ артистка, могла сняться въ Москвѣ въ той позѣ, въ какой она на карточкѣ), или же сестра даетъ Арапову стереоскопическій снимокъ, вмѣсто фотографіи! Даю вамъ, словомъ, *carte blanche*—дѣлайте какъ хотите. Что касается страничекъ дневника, то это длинная исторія. За послѣднія семь лѣтъ, въ продолженіе которыхъ я не писалъ ничего большого и значительнаго, я набросалъ цѣлый рядъ маленькихъ стихотвореній въ прозѣ на отдѣльныхъ листочкахъ. О напечатаніи ихъ я никогда и не думалъ. Мой русскій издатель узналъ объ этомъ и убѣдилъ меня дать ему 50 изъ этихъ „Senilia“ для его журнала, вычеркнувъ, конечно, все имѣющее личное и автобіографическое значеніе. Около тридцати изъ нихъ будутъ переведены на французскій языкъ при помощи г-жи Віардо и напечатаны здѣсь въ „Revue politique et littéraire“. Я вижу, что и „Petersburger Zeitung“ даетъ ихъ въ переводѣ. Особой цѣны я имъ никогда не придавалъ и мало говорилъ о нихъ. Эти маленькіе наброски годятся лишь для немногихъ; для большинства, особенно въ Россіи, они ничего не стоютъ. Если хотите, могу вамъ прислать французскій переводъ; онъ, по крайней мѣрѣ, удивительно точенъ. Эти вещицы—не что иное, какъ послѣдніе вздохи (вѣжливо выражаясь) старика. У меня все по-старому—немного хуже въ послѣдніе дни. Мнѣ очень больно, что и вамъ, вѣчно юному, приходится отвѣдать кислаго яблока старости. Всѣмъ нашимъ живется хорошо,—и это, конечно, самое главное.

Парижъ, 29 февраля 1883 года.

Дорогой Пичъ! [2])

Моя старая болѣзнь еще ухудшилась, я даже не могу самъ писать (операція, хотя и очень болѣзненная, не имѣетъ къ этому отношенія). Мнѣ вырѣзали опухоль не изъ кишокъ, а изъ живота, на которомъ остался рубецъ въ 10 сантиметровъ длиной. Но мой старый недугъ, нервная судорога въ груди, проявился въ полной силѣ; боли не прекращаются. Я не могу ни ходить, ни стоять, ни ѣздить, ни спать, ни писать. Пріятная перспектива. Мнѣ отъ души жаль, что и вы должны мучиться съ бо-

---

разсказа послѣ смерти Клары Миличъ по имѣющейся фотографіи дѣлаетъ стереоскопическій ея снимокъ. Я обратилъ его вниманіе на техническую невозможность этого.

[2]) Продиктованное письмо.

лѣзнью. На старости чувствуешь шипы отъ розы, которую срывалъ или не срывалъ въ молодости. Терпѣніе, говорю вамъ, какъ часто повторяю и себѣ самому. Горькое средство, которое такъ же плохо излечиваетъ, какъ и другія лекарства.

Что касается моихъ стихотвореній въ прозѣ, то они напечатаны въ Лейпцигѣ у Дункера подъ общимъ названіемъ: „Senilia“. Переводъ довольно вѣрный, но, конечно, не обошлось безъ промаховъ. Сейчасъ же на первой страницѣ лошади „ржутъ“, вмѣсто того чтобы „фыркать“, и т. д. Но это, какъ я уже вамъ говорилъ, неизбѣжно. Вы, собственно, должны были прислать мнѣ вашъ переводъ разсказа „Послѣ смерти“, но пусть будетъ такъ, Богъ съ вами. Въ семействѣ Віардо, слава Богу, все благополучно, а это—самое главное.

Письмо г-жи Віардо къ Людвигу Пичу,

написанное послѣ смерти Тургенева, на французскомъ языкѣ, въ сентябрѣ 1883-го года.

Ахъ, дорогой другъ, это слишкомъ, слишкомъ много горя для одного сердца! Не понимаю, какъ мое еще не разорвалось! Нашъ горячо любимый другъ потерялъ сознаніе за два дня до смерти. Онъ не страдалъ; жизнь прекратилась медленно, послѣ двухъ вздоховъ. Мы всѣ были возлѣ него. Онъ умеръ какъ мой бѣдный Луи [1])—не приходя въ сознаніе. Онъ снова сталъ красивымъ, съ величавымъ спокойствіемъ смерти. Въ первый день судорогами, вызванными болью, были сдвинуты брови, что̀ вмѣстѣ съ неподвижностью придавало ему строгій и энергичный видъ. На второй день къ нему вернулось его доброе и кроткое выраженіе лица; минутами казалось, что онъ улыбнется.—Боже мой, какое страданіе!

Съ него сняли маску и сфотографировали его. Я пошлю вамъ пробную карточку, если она будетъ удачна. Религіозный обрядъ былъ совершонъ вчера въ русской церкви. Было много любопытныхъ и мало друзей, такъ какъ многихъ теперь нѣтъ въ Парижѣ. Черезъ нѣсколько дней тѣло будетъ перевезено въ Россію. Онъ выразилъ желаніе быть похороненнымъ въ Россіи, возлѣ своего друга Бѣлинскаго. Доктора думали, что больной еще про-

---

[1]) Г-нъ Віардо, который умеръ за нѣсколько мѣсяцевъ до этого.

тянетъ: почти внезапный упадокъ дѣятельности сердца въ нѣсколько минутъ привелъ къ концу. Пожалѣйте меня, дорогой другъ, и сохраните вашу дружбу ко мнѣ; мнѣ необходима поддержка и любовь моихъ друзей.

Полина Віардо.

Это я вамъ послала телеграмму.

КРЕСТЪ НА РАВНИНѢ

Романъ Клары Фивихъ.

„Das Kreuz im Venn", Roman von Clara Viebig. Berlin, 1908.

VI *).

Сегодня ткачу Генсу незачѣмъ было отправляться на фабрику.

Вчера вечеромъ онъ пріѣхалъ изъ Аахена съ послѣднимъ поѣздомъ для рабочихъ—усталый, въ нечищенной одеждѣ и, вдобавокъ сердитый. Тяжелая это была жизнь. Теперь, когда начинали сказываться года́, недѣля зачастую приходилась ему солоно. Вѣчно работать и вдобавокъ даже не видѣть семьи, ночевать съ неженатыми парнями на постоялыхъ дворахъ! А ко всему этому—еще больная жена. Вернешься домой—и никакого тебѣ удовольствія!

Поздно вечеромъ ткачъ выбрился—все лицо у него поросло сѣдоватою щетиной. Катринхенъ притащила ведро съ водою, чтобы вымыть ему ноги, а Барбеле принялась чинить его платье. Жена сидѣла рядомъ съ нимъ на краю постели, держа у груди спящаго младенца, и держала въ рукѣ заскорузлую руку мужа. Ей такъ много надо было ему разсказать! Подъ вліяніемъ ея вѣры его упавшее-было мужество поднялось и ожило, какъ быстро растущее деревцо; исчезли усталость и недовольство, онъ почувствовалъ себя такъ хорошо, словно ему поднесли стаканчикъ. И жена казалась здоровѣе, чѣмъ въ прошлую субботу; на ще-

---

*) См. май, стр. 160.

кахъ ея игралъ легкій румянецъ, она помолодѣла. Онъ основательно закусилъ, она поджарила ему яйца съ саломъ, и сама поѣла вмѣстѣ съ нимъ, а раньше ей кусокъ въ горло не шелъ. Онъ макалъ хлѣбъ въ сало и давалъ кусокъ за кускомъ дѣтямъ, жадно раскрывавшимъ рты. Ткачъ смѣялся и ласково похлопывалъ ихъ по головамъ; красивыя, славныя дѣти были у него! И Доресъ такимъ же выростетъ. Отечески любящимъ взоромъ глядѣлъ онъ на грудного младенца. Жена должна была распеленать его и показать ему, какъ крѣпко сложенъ ребенокъ. Нѣтъ, нельзя жаловаться на то, что дѣтей много, они— Божій даръ.

За окномъ луна мирно совершала свой путь. Здѣсь, на окраинѣ деревни, не было слышно никакого шума, здѣсь царили тишина и миръ.

Поутру зазвонили колокола, и ткачъ отправился съ женою къ обѣднѣ; она чувствовала себя настолько окрѣпшею, что рѣшилась пойти. Люди по двое, по трое шли въ церковь. Сегодня привели туда и арестантовъ; въ чистыхъ курткахъ и темныхъ фуражкахъ они имѣли приличный видъ, но все же между ними и остальными прихожанами замѣчалась слишкомъ большая разница.

Занятыя женщинами скамьи напоминали гряду пестрыхъ тюльпановъ: на головахъ у нихъ красовались ихъ лучшіе платки— красные, желтые, зеленые, фіолетовые, синіе, оранжевые... Со своего мѣста жена бургомистра замѣтила среди другихъ, румяныхъ и здоровыхъ лицъ блѣдное лицо жены Генса. Хорошо, что она была здѣсь.

„Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь“.

Молящіеся благоговѣйно склонили головы. Служилъ пасторъ, семидесятилѣтній старикъ. Голосъ у него былъ слабый, высокіе своды поглощали латинскія слова, но ладанъ благоухалъ, мальчики изъ хора преклоняли колѣна, неугасимая лампада лила красноватое сіяніе на фигуру Спасителя, исполненную въ натуральную величину и расписанную красками. Сквозь цвѣтныя стекла въ церковь проскользнулъ единственный солнечный лучъ, похожій на золотую лѣстницу. Не смотря на холодъ, которымъ вѣяло отъ каменныхъ высокихъ стѣнъ, скоро въ церкви сдѣлалось душно; пахло мыломъ, помадой, платьями, висѣвшими въ затхлыхъ, непровѣтриваемыхъ шкафахъ. Ноги зябли, лицу было жарко. Старый пасторъ поднялъ руки, призывая благословеніе Божіе...

Былъ ли Господь по близости?

Со стороны женскихъ скамей послышался вздохъ, почти стонъ. Недовольные взоры обратились на поблѣднѣвшее лицо Анны-Лизы. Не лучше ли ей выйти, если ей нехорошо? Сосѣдка что-то шепнула ей, но она покачала головою. Все пройдетъ. Сегодня она ничего не ѣла и не пила. Вотъ и выносъ Св. Даровъ. Скоро кончится... На лбу у нея проступилъ потъ. Зазвонили серебряные колокольчики, но тихій звукъ ихъ вдругъ зазвенѣлъ въ ея ушахъ какъ оглушительный трезвонъ. Онъ потрясалъ все ея существо, онъ не умолкалъ... И внезапно въ солнечномъ лучѣ она увидѣла передъ собою Матерь Божію и сначала страшно испугалась... Затѣмъ она со вздохомъ закрыла глаза.

Ее пришлось вывести изъ церкви, почти вынести на рукахъ. Теперь она лежала дома на кровати, и мужъ сидѣлъ рядомъ съ нею—разстроенный и смущенный. Онъ не думалъ, что она такъ слаба. Онъ грустно посмотрѣлъ на Дореса, хныкавшаго и перепачканнаго, который валялся на полу, не позволяя Катринхенъ поднять себя. Теперь и Доресъ не поправится. У матери недостанетъ силъ отправиться на богомолье.

Онъ тихо вышелъ изъ комнаты. Что̀ подумаютъ дѣти, если они увидятъ, что отецъ плачетъ? Онъ прошелъ въ хлѣвъ къ коровѣ, наполнявшей все низенькое полутемное строеніе своимъ крупнымъ тяжелымъ тѣломъ, и, ласково погладивъ ее, прислонился на минуту головою къ ея широкому лбу...

Бербеле видѣла, что отецъ пошелъ въ хлѣвъ. Она послѣдовала за нимъ.

— Чего тебѣ? — спросилъ онъ испуганно: — развѣ матери хуже?

— Нѣтъ,—она покачала головою и подобрала свое праздничное платье: она еще не успѣла снять его.—Мнѣ нужно вамъ что-то сказать,—проговорила она, сильно покраснѣвъ.

Онъ сначала испугался, Бербеле была молода и красива. Не случилось ли какой бѣды?

— Я хочу идти на богомолье черезъ двѣ недѣли!..

Бербеле собралась съ мужествомъ. Почему бы отцу быть противъ этого? Она уже все разузнала. Дорога до Эхтернаха сто̀итъ недорого въ четвертомъ классѣ, такса для богомольцевъ понижена. Бояться за нее нечего, поѣдутъ многіе, она будетъ не одна. Дома управятся два-три дня и безъ нея, Катринхенъ уже все понимаетъ, а такъ какъ она возьметъ съ собою Дореса, то главной обузы въ домѣ не будетъ.

Отецъ въ знакъ согласія молча кивнулъ головою. Что жъ? Пускай идетъ.

А дѣвушка продолжала высказывать то, что все утро не выходило у нея изъ головы при видѣ больной матери. Она молода, сильна и прыгать умѣетъ — совсѣмъ такъ, какъ требуется по обряду: на пять шаговъ впередъ и на четыре — назадъ... Она все въ точности исполнитъ.

— Святой Виллибродъ, помилуй насъ!—Она перекрестилась и тутъ же весело и увѣренно разсмѣялась:—тогда и матери, и Доресу полегчаетъ... Ужъ это вѣрно.

Ткачъ снова кивнулъ. Онъ ничего не имѣлъ противъ плана дочери, только рабочіе дни она прогуляетъ: среду, а можетъ быть и четвергъ...

Бербеле принялась считать по пальцамъ. Въ воскресенье и въ понедѣльникъ—праздники, процессія будетъ во вторникъ. Въ тотъ же вечеръ она отправится въ обратный путь, и въ среду уже будетъ на мѣстѣ. Въ четвергъ она, какъ ни въ чемъ не бывало, явится на фабрику. Вся ея молодая бодрость, вся ея молодая сила сказались въ этихъ разсчетахъ.

Вдругъ корова глухо замычала, тѣло ея содрогнулось, словно она ощутила боль.

— Родная, что съ тобой?—Дѣвушка озабоченно поглядѣла на нее и ласково похлопала ее по спинѣ рукою.—Слушай, ты не надѣлай тутъ безъ меня дѣловъ... Подожди, покуда я вернусь.

Ткачъ усмѣхнулся. Одно утѣшеніе послалъ ему Господь въ горести: добрыхъ дѣтей.

Въ темномъ хлѣву, гдѣ они стояли нагнувшись—такъ низка была кровля,—отецъ положилъ руку на голову дочери и проговорилъ не безъ торжественности:

— Отправляйся съ Богомъ!

VII.

Уже давно угрожавшая деревнѣ коммиссія появилась наконецъ и пошла вынюхивать по всѣмъ угламъ. Окружной врачъ сопровождалъ инспектора по водопроводной части и строителя колодцевъ. Адамсъ съ Зеленаго Луга, такъ смѣло разглагольствовавшій на собраніи, не рѣшился однако не допустить коммиссію къ себѣ во дворъ. Правда, что члены ея не могли похвастать, что имъ былъ оказанъ хорошій пріемъ. Ни одинъ крестьянинъ не провелъ ихъ къ находившемуся позади дома колодцу, къ которому съ трудомъ можно было пробраться изъ-за крапивы и грязныхъ лужъ. Женщины, какъ болѣе словоохотли-

вым, выступали впередъ; онѣ упорно увѣряли, что вода съ незапамятныхъ временъ была свѣжая и холодная. Члены коммиссіи не понимали ихъ болтовни; одинъ окружной врачъ зналъ, что тамъ, гдѣ женщины особенно много болтали, колодезь былъ навѣрно по сосѣдству съ выгребною ямою.

— Что за срамъ!—сказалъ инспекторъ главному врачу:—не могутъ устроить водопровода... Такая большая и зажиточная деревня.

— Они пожелали выстроить прежде церковь!—пожалъ плечами врачъ.

Члены коммиссіи привезли завтракъ съ собою, но жидкое пиво въ трактирчикѣ показалось имъ невкуснымъ и они зашли къ бургомистру, гдѣ Марихенъ, словно ожидавшая ихъ, сейчасъ же принесла вино и стаканы.

Бургомистръ все утро шагалъ по комнатѣ взадъ и впередъ; онъ не боялся за доброкачественность воды, а все-таки ему не сидѣлось на мѣстѣ.

— Ну, что же?—спросилъ онъ съ живостью.

— Вотъ уже сколько!—отвѣтилъ врачъ, показывая на пальцахъ восемь.

— Какъ? — Ленкуленъ побагровѣлъ: — вы нашли въ нихъ дурную воду?

— Въ точности опредѣлить нельзя, это покажетъ анализъ, но вода подозрительная, очень подозрительная.

Инспекторъ заговорилъ въ свою очередь. Деревня находится въ серьезной опасности.

Окружной врачъ говорилъ, что здѣсь ежегодно бываютъ случаи тифа. У Адамса — богатаго крестьянина къ тому же — нечистоты изъ конюшенъ стекаютъ прямо въ колодезь. У сосѣдей—не лучше. Но въ случаѣ закрытія колодцевъ—что̀ бы стало дѣлать населеніе?

— Мы стали бы брать воду изъ прудовъ, — отвѣтилъ спокойно бургомистръ, почувствовавшій вдругъ презрѣніе къ людской мудрости.

Врачъ громко разсмѣялся.

— Удивляюсь такимъ словамъ съ вашей стороны, Ленкуленъ! Если бы это сказалъ какой-нибудь глупый крестьянинъ...

— Я тоже крестьянинъ, г. окружной врачъ; мы пили въ теченіе многихъ лѣтъ изъ этихъ колодцевъ и были здоровы,—почему бы намъ не пить и изъ прудовъ? Здѣшняя вода останется здѣшнею водою. Можетъ-быть она не очень хороша, но въ душѣ я такъ думаю: кому суждено быть здоровымъ, тотъ и будетъ здоровъ. Мы—въ руцѣ Божіей...

Господа обмѣнялись взглядомъ, ясно говорившимъ: мужикъ и есть. Ни на іоту не умнѣе. Ленкуленъ понялъ этотъ взглядъ, но не разсердился, онъ ощущалъ въ себѣ великое спокойствіе; пусть говорятъ, что̀ хотятъ. Онъ чокнулся съ ними.

— За ваше здоровье!

Послѣ отдыха осмотръ продолжался. Результатомъ его было закрытіе половины колодцевъ. Жители были внѣ себя. Придется Богъ знаетъ какую даль таскаться за водою и одолжаться у сосѣдей...

Полуслѣпая вдова старушка съ бранью набросилась на бургомистра, встрѣтивъ его у своего дома какъ разъ въ то время, когда она тащила ведро съ водою. Вчера жандармъ привезъ ей бумагу: она должна вычистить и обшить внутри свой колодезь, иначе онъ останется навсегда закрытымъ и она уже никогда, никогда не будетъ пить изъ него. Ея покойный Іозефъ такъ любилъ эту воду, и покойная мать ея, и дѣти, и всѣ близкіе пили ее, а ей вдругъ запрещаютъ... Слезы лились изъ ея полузакрытыхъ глазъ.

Ленкулену было жаль ее, но что̀ могъ онъ сдѣлать? Всюду онъ встрѣчалъ то же неудовольствіе. Люди приходили къ нему съ требованіемъ, чтобы онъ похлопоталъ о снятіи запора. Теперь къ празднику требовалось двойное количество воды: нужно все вымыть, вычистить, тѣсто поставить; невозможно носить воду издалека...

Ленкуленъ обращался къ ландрату, но тотъ—не смотря на все свое желаніе съ нимъ ладить — остался неумолимъ. Бургомистръ былъ не въ духѣ; порою онъ даже упрекалъ себя за то, что не построилъ водопроводъ вмѣсто церкви, но каждый разъ при взглядѣ на нее изъ окна онъ ощущалъ укоры совѣсти за такія мысли.

Наканунѣ праздника св. Троицы лейтенантъ Гансъ Абекингъ былъ на стрѣльбищѣ. Мѣсто командующаго было подъ высокою березою, одна изъ вѣтвей которой засохла и протягивалась далеко впередъ, какъ рука. Покуда солдаты отыскивали пули, онъ задумчиво слѣдилъ за огненнымъ шаромъ заходящаго солнца. Отсюда волнистая равнина казалась моремъ, и солнце какъ будто погружалось въ него, окрашивая его своимъ сіяніемъ...

Лейтенантъ вспомнилъ о матери, о сестрѣ, помолвленной за такого же юнаго офицера, какъ онъ, и разсердился на себя за то, что такъ много тратитъ у Елены и даже задолжалъ товарищамъ. Отвратительно! Мать во всемъ себя урѣзываетъ... Стòитъ онъ того, чтобы его повѣсить на этомъ сукѣ...

Но когда онъ поглядѣлъ въ сторону лагеря, палатки котораго и бѣлое зданіе казино сверкали издали какъ матовое серебро, уютно разбросанныя въ тѣни сосенъ, ему стало веселѣе. Славно все-таки быть офицеромъ! Его отецъ и дѣдъ были военными. Почему бы и ему не дослужиться до высокаго чина? А что значатъ, въ сущности, маленькіе долги? Завтра товарищи снова поѣдутъ къ Еленѣ. Въ ея комнатѣ часто бываетъ маленькая игра, въ которой можно однако чертовски проиграться... Одна Елена постоянно выигрываетъ; она садится рядомъ съ кѣмъ-нибудь, но чаще всего она опиралась на его плечо... Ему казалось, что онъ еще слышитъ біеніе ея сердца... Нѣтъ, завтра онъ не поѣдетъ туда; праздники и безъ того дорого ему обойдутся.

Равнина рдѣла все ярче и ярче. Ея коричневые тона казались теперь пурпуровыми и ихъ сіяніе совершенно затмѣвало окраску небесъ. Солнечный шаръ уже исчезъ, но равнина все ярче разгоралась, словно вся она была охвачена полымемъ. И вдругъ поднялся туманъ, похожій на дымъ при пожарѣ... Онъ становился гуще; сначала онъ стлался по землѣ, но затѣмъ поднялся на высоту человѣческаго роста.

Лейтенантъ отдалъ приказъ окончить стрѣльбу. Самая настоящая пора для того, чтобы схватить лихорадку. Чортъ возьми! Какимъ рѣзкимъ холодомъ повѣяло сразу!

Рота скорымъ шагомъ вернулась въ бараки.

Была ночь—до такой степени холодная, что съ трудомъ можно было повѣрить, что на дворѣ іюнь мѣсяцъ. Казалось, что лунный свѣтъ заморозилъ лужи, и онѣ сверкаютъ какъ стальные щиты, на которые лунные лучи падаютъ какъ стрѣлы. Но полевымъ цвѣтамъ, пестрившимъ равнину, не было холодно; мерзли только люди подъ кровлею одинокаго дома.

Надзирателю Симону Брейеру тоже не было холодно, онъ ушелъ на деревню; сегодня этотъ жесткій человѣкъ сіялъ отъ радости, согрѣвшей все его существо. Жена его пріѣхала съ нимъ повидаться и остановилась въ гостинницѣ. Она могла бы пожить подолѣе; теперь онъ не понималъ: какъ могъ онъ такъ долго не видѣть ее? Но какъ быть съ дѣтьми? Теплое чувство переполнило его сердце. Онъ былъ строгимъ отцомъ, но отдалъ бы за дѣтей кровь своего сердца. Хорошо ли они учатся, много ли выросли за это время, научился ли младшій говорить: „папа"?

Тѣмъ временемъ въ общей камерѣ сорокъ человѣкъ арестантовъ безпокойно метались на своихъ койкахъ подъ низко нависшею, неплотно сколоченною кровлею, равно пропускавшею и тепло, и холодъ. Они не могли заснуть, несмотря на смертельную усталость. Надзиратель былъ сегодня требовательнѣе обыкновеннаго; онъ заставилъ ихъ все перемыть, перечистить, прибрать, докончить дорожку, ведущую къ шоссе, нарубить березокъ и обсадить ими домъ.

И все это—ради бабы, которую онъ ждетъ! Они слышали, какъ мальчикъ-пастухъ сообщилъ ему объ ея пріѣздѣ; они видѣли румянецъ, вспыхнувшій на его бронзовыхъ щекахъ! Онъ раньше времени загналъ ихъ сюда на ночь и заперъ на замокъ, а самъ подралъ туда. Подобно скалящимъ зубы обезьянамъ, они слѣдили за нимъ изъ окошка. Какъ онъ бѣжалъ! Какъ бѣжалъ!

Съ насмѣшливымъ хохотомъ рыжій Якобъ отошелъ отъ окна съ рѣшеткою и глухо закашлялся. Онъ постоянно былъ простуженъ; здѣшній воздухъ и полевыя работы не шли ему въ пользу. Въ прежнія времена онъ былъ столяромъ-рѣзчикомъ. Его присудили на три года: слишкомъ долгій срокъ! Что̀ такого онъ сдѣлалъ этой Тринѣ, встрѣтивъ ее одну въ полѣ? Почему съ нею не было ни отца, ни брата? Онъ сбросилъ ее въ канаву, но почему она такъ отчаянно кричала, что ему пришлось сдавить ей горло пальцами? Но вѣдь онъ не задушилъ ее. Прибѣжали люди, его схватили — и вотъ онъ попалъ сюда на три года. Срокъ былъ бы мѐньшій, еслибы съ нимъ и ранѣе не было такой же исторіи... Чортъ побери проклятое бабьё! Здѣсь, по крайней мѣрѣ, онъ въ безопасности отъ бабъ.

Рыжій задрожалъ какъ отъ озноба. Одна мысль охватила его и не отпускала; отъ нея его колотила лихорадка. Онъ все это представлялъ себѣ, все это придумывалъ! Какъ онъ обнялъ ее, какъ она упала въ его объятія! Только бы она не вздумала придти сюда... Дикія, жадныя мысли преслѣдовали, травили его, какъ свора собакъ—вепря.

Блѣдный человѣкъ, лежавшій на жесткой постели, застоналъ и дрожащими руками натянулъ на себя одѣяло. Оно было тонкое, но подъ нимъ его сейчасъ же кинуло въ жаръ, и онъ мокрыми отъ испарины руками провелъ по лицу. Въ вискахъ у него стучало, передъ глазами ходили огненные круги... Онъ ощущалъ смертельную усталость, злобу на себя, и въ то же время—безумное желаніе. Онъ снова застоналъ.

Ближайшій сосѣдъ его—воръ—осторожно повернулъ къ нему голову; то же самое сдѣлалъ и „живодеръ“. Они стали перешепты-

ваться; люди такъ привыкли говорить шепотомъ, что даже и въ отсутствіе надзирателя не рѣшались говорить громко.

— Что съ тобой?

— Ничего,—пробормоталъ Якобъ хрипло.

Рыжаго не любили; онъ былъ такъ же грубъ, какъ его волосы, но тутъ имъ стало жаль его. Онъ всегда казался больнымъ,—не захворалъ ли онъ совсѣмъ?

Старикъ-бродяга, котораго прозвали ханжею за то что онъ крестился и молился, спросилъ добродушно:

— Не хочешь ли поѣсть, сынокъ?

Похлебка и черный хлѣбъ казались ему самому такими вкусными: раньше онъ никогда до сыта не ѣдалъ.

— Постой! — Онъ вытащилъ изъ-подъ тюфяка корку хлѣба и протянулъ товарищу.—Поѣшь... Веселѣе будетъ на душѣ...

Рыжій не взялъ хлѣба, даже не отвѣтилъ. Онъ сидѣлъ на постели, высоко поднявъ колѣни и крѣпко обхвативъ голову руками. Въ тускломъ лунномъ свѣтѣ лицо его казалось смертельно блѣднымъ. Онъ скрежеталъ зубами.

Съ нимъ больше не заговаривали, но молчаніе было нарушено; днемъ, за работою, они не говорили другъ съ другомъ; теперь языки развязались: сперва заговорили лежавшіе на ближайшихъ койкахъ, а затѣмъ — и на дальнихъ. При блѣдномъ свѣтѣ луны они сидѣли на своихъ постеляхъ блѣдные, съ жесткими волосами и опухшими лицами: ихъ уже успѣли искусать комары... Сегодняшняя ночь сдѣлала ихъ разговорчивыми. Всѣ они думали о надзирателѣ и его женѣ, завидовали ему и желали, чтобы чортъ подставилъ ему ножку, когда онъ будетъ возвращаться домой...

Кто-то шепнулъ сосѣду, что „живодеръ“ кого-то укокошилъ, но тотъ услышалъ и зарычалъ:

— Врешь! Просто я хватилъ его въ пьяномъ видѣ... Еслибы онъ умеръ, мнѣ бы самому не поздоровилось, а я скоро отбуду свой срокъ.

Всѣ стали припоминать, кому сколько осталось сидѣть. Только бродяга потиралъ себѣ руки; ему не хотѣлось уходить. Хотя и приходится работать, зато ѣшь досыта...

— Вотъ чудакъ-человѣкъ!—послышалось съ нижней койки.— А по моему — лучше всю недѣлю голодать, только бы жить на волѣ! На волю! На волю!—Онъ сжалъ кулаки и выпрямился, но стукнулся головою о верхнія нары и съ проклятіемъ снова улегся.

— А ты за что собственно сидишь? — обратился къ Якобу бродяга.

— За что!—отрѣзалъ Якобъ.

— Нѣтъ, ты скажи: слямзилъ что-нибудь или пристукнулъ кого съ пьяныхъ глазъ, или чѣмъ другимъ согрѣшилъ? Ужъ мнѣ ты все можешь сказать...

— Я—по статьѣ 177-й!—пробормоталъ, наконецъ, Якобъ, которому прискучили приставанья старика. Какую-то рожу скорчитъ старый хрѣнъ?

— Ахъ, вотъ что! — Бродяга не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что это за статья, но почувствовалъ себя вполнѣ удовлетвореннымъ.

Рыжій удивился. Неужели старику не страшно? Онъ самъ начиналъ бояться себя. Въ эту лунную ночь мысли его неотступно слѣдовали за тѣмъ человѣкомъ и за женщиной, къ которой онъ пошелъ. Онъ уже былъ у нея—у женщины!

Рыжему хотѣлось вопить отъ боли и ярости; онъ повернулся на бокъ, и у него вырвалось что-то въ родѣ рыданія. Одинъ изъ сосѣдей обѣщалъ запустить въ него деревяннымъ башмакомъ, если онъ будетъ мѣшать людямъ спать.

— Спи, малый, спи,—бормоталъ бродяга, крестясь на сонъ грядущій:—завтра—праздникъ, намъ дадутъ сала и колбасы, а можетъ быть и... кофею...—Послѣднія слова онъ произнесъ уже въ сладкомъ полуснѣ.

Луна зашла за лѣсокъ, въ камерѣ сдѣлалось совершенно темно, а сонъ все не шелъ къ Якобу. Его охватывало отчаяніе. Заснуть бы, избавиться отъ этихъ видѣній!.. Ужъ не помолиться ли, какъ совѣтовалъ ему старый ханжа? Ба! Не поможетъ. А проклинать, колотить себя кулаками по головѣ и груди, впиваться зубами въ собственныя руки—тоже не помогаетъ.

Онъ заплакалъ горькими слезами... Какъ болѣла грудь! При каждомъ вздохѣ онъ чувствовалъ колотье. Сухой кашель никогда такъ не мучилъ его. Съ тяжело дышащею грудью и яркимъ румянцемъ на скулахъ онъ, полуприподнявшись на постели, ожидалъ утра. Неужели же никогда, никогда не настанетъ день?

VIII.

Бербеле не подозрѣвала, что ей предстоитъ пересадка въ пути. Съ непривычки путешествіе скоро утомило ее, такъ какъ она не спала наканунѣ почти всю ночь, занявшись починкой и приведеніемъ въ порядокъ своего платья. Когда поѣздъ остановился и пассажиры четвертаго класса стали выходить, она про-

должала сидѣть съ Доресомъ на колѣняхъ; по счастію, кондукторъ, къ которому она обратилась съ вопросомъ: „развѣ это уже Эхтернахъ?“, поспѣшилъ высадить ее съ ребенкомъ.

Дѣвушка не рѣшилась войти въ залу; притомъ Доресъ, напуганный кондукторомъ, поднялъ нечеловѣческій крикъ. Поэтому она дошла до конца платформы, спустилась внизъ и сѣла на одномъ изъ опрокинутыхъ ящиковъ. Ребенокъ мало-по-малу затихъ; она дала ему поѣсть; онъ весь вымазался, но зато угомонился и сталъ играть камешками. Бербеле страшно устала; она приласкала брата и хотѣла поиграть съ нимъ, но сонъ непреодолимо одолѣвалъ ее. Ей послышался голосъ матери, мычаніе коровы, крики ребятишекъ, отрадное чувство отдыха охватило ее, глаза ея закрылись...

Когда она проснулась, Доресъ оказался тоже спящимъ у ея ногъ, но солнца уже не было видно и поѣзда—тоже.

— Поѣздъ въ Эхтернахъ?—Человѣкъ въ красной фуражкѣ, къ которому она кинулась съ отчаяніемъ, только пожалъ плечами:—Вольно же ей было опаздывать! Поѣздъ уже ушелъ.

— Іезусъ-Марія! — Она залилась горючими слезами. — Что̀ теперь дѣлать? Не лучше ли вернуться? — Но она устыдилась своего желанія—ей нельзя вернуться. Она стала разспрашивать, когда идетъ другой поѣздъ, и узнавъ, что онъ идетъ вечеромъ, успокоилась. Только бы добраться туда!

У Бербеле была съ собою книжечка: „Житіе св. Виллиброда“, и она принялась читать о подвигахъ святого, о чудесахъ, совершавшихся у его гроба. Сердце ея преисполнилось надежды, глаза блестѣли, она шептала: „Св. Виллибродъ, моли Бога о насъ“!

Наступившій сумракъ и холодъ заставили ее войти въ залъ для пассажировъ. Къ счастью, Доресъ былъ сегодня необычайно послушенъ. Облака табачнаго дыма стояли въ залѣ. Бербеле, опустивъ глаза, пробралась къ мѣстечку въ уголкѣ, но Доресъ смотрѣлъ на все большими глазами и вдругъ потянулъ сестру за ухо. Какой-то солдатъ, сидѣвшій за пивомъ, кивнулъ ему.

При видѣ стакана въ его рукѣ, Доресъ захотѣлъ пить, онъ издалъ свой обычный звукъ:—Пе, пе, пе!—выражавшій всѣ его желанія и ощущенія.

Сидѣвшіе за столикомъ солдаты громко расхохотались. Это были четыре веселыхъ, ловкихъ молодца, получившихъ отпускъ на праздники и ѣхавшихъ домой. Одинъ изъ нихъ поманилъ ребенка:—Поди, поди сюда!

— Пе, пе, пе!

Бербеле не могла удержать мальчика, онъ барахтался у нея на колѣняхъ и наконецъ укусилъ ее. Красивый солдатъ въ одно мгновенье очутился возлѣ нея.

— Пустите ребенка, барышня! — сказалъ онъ. — Разъ-два-три!—Онъ поднялъ мальчика и далъ ему пить изъ своего стакана. Ишь ты, какъ присосался!—Солдатики покатывались со смѣху.

Бербеле вспыхнула яркимъ румянцемъ, но не разсердилась: видно, что они—отъ добраго сердца...

— Куда вы ѣдете, барышня? — спросилъ одинъ изъ четверыхъ.

— Въ Эхтернахъ!—отвѣтила она тихо и застѣнчиво.

— Вотъ какъ! Прыгать будете?

Она кивнула. Солдаты переглянулись, трое чуть не засмѣялись, но четвертый, самый красивый, замѣтилъ серьезно, что сегодня она уже не попадетъ туда. Бербеле разсказала о несчастіи съ поѣздомъ. Ей пріятно было излить душу передъ знакомымъ человѣкомъ: вѣдь они были оттуда же... откуда и она. Кончилось тѣмъ, что она пересѣла за ихъ столъ; Доресъ переходилъ съ рукъ на руки, а ей предложили выпить. Ее мучила жажда—и она не отказалась. Красные воротники и свѣтлыя пуговицы неудержимо привлекали ея взоръ: никогда еще она не видѣла солдатъ такъ близко. Жаль, что имъ придется проѣхать вмѣстѣ только часть дороги.

Веселость четверыхъ заразила Бербеле; она никогда такъ не веселилась, она была въ какомъ-то чаду. Дома все было по иному, приходилось обо всемъ заботиться, хлопотать... Всего шесть часовъ тому назадъ она видѣла крестъ на Маріиномъ лугу, а теперь все это казалось далеко-далеко... Она позволила красивому солдатику обнять ее за плечи, она пила изъ его стакана и казалась такою хорошенькою въ своемъ возбужденномъ состояніи, что всѣ четверо пили за ея здоровье и осыпали ее комплиментами—не особенно тонкими, конечно. Когда одинъ изъ нихъ говорилъ:—А я все-таки тебя поцѣлую!—она, не задумавшись, отвѣчала:—Завтра объ эту пору!

Кавалеры Бербеле были отъ нея въ восторгѣ, въ особенности—самый красивый изъ четверыхъ!

Дѣвушка сіяла, и мысленно молилась св. Виллиброду. Что если, вдобавокъ ко всему, она привезетъ съ богомолья и красиваго жениха?

Что это было за путешествіе въ надвигающихся сумеркахъ! Доресъ спалъ на скамьѣ, а у Бербеле горѣли уши и шумѣло въ головѣ отъ всѣхъ милыхъ, ласковыхъ словъ, которыя ей

пришлось выслушать. Это походило на блаженный сонъ. Она еще не очнулась отъ него, когда четверо ея спутниковъ вышли въ Ульфлингенѣ. Въ вагонъ съ крикомъ и шумомъ ввалилась цѣлая толпа людей-богомольцевъ. Ей наступали на ноги, ревущаго Дореса столкнули со скамьи. Бербеле испугалась. Ей казалось, что для нея уже не найдется мѣста, что ее задавятъ. На одномъ колѣнѣ она держала Дореса, на другомъ сидѣлъ какой-то толстякъ. Напротивъ нея помѣстилась женщина съ колоссальнымъ зобомъ, постоянно толкавшая ее своею корзинкою. А Доресъ велъ себя хуже чѣмъ когда-либо: онъ колотилъ ногами по корзинѣ, и владѣлица ея громко бранилась. Бербеле готова была заплакать отъ отчаянія, но св. Виллибродъ помогъ ей. Повсюду говорили о его безчисленныхъ чудесахъ. Бывалые богомольцы поучали новичковъ. Толстякъ, отдавливавшій колѣно Бербеле, разсказалъ о себѣ, что онъ умиралъ отъ истощенія и, конечно, самъ прыгать не могъ. За него поѣхала жена его, и къ ея возвращенію онъ уже настолько окрѣпъ, что могъ выйти ей на встрѣчу.

Но разсказъ толстяка былъ ничто по сравненію съ легендами объ исцѣленіи параличныхъ и хромыхъ, теперь принимавшихъ участіе въ процессіи.

Бербеле разинула ротъ и онъ такъ у нея и не закрывался. Она прижала Дореса къ своему сильно бьющемуся сердцу. Пройдутъ эти страшные припадки, во время которыхъ его всего сводитъ судорогами, онъ станетъ такой же, какъ братья, и слабая мать оправится, все будетъ хорошо...

Женщина съ зобомъ разсказала объ исцѣленіи слѣпой—дочери богатыхъ крестьянъ, промывавшихъ глаза водою изъ чудотворнаго источника. Сначала она увидѣла какое-то мерцаніе, а на седьмой день—и самый свѣтъ Божій.

Кто-то запѣлъ акаѳистъ св. Виллиброду, и многіе голоса подхватили:

„Святой Виллибродъ, моли Бога о насъ! Св. Виллибродъ — учитель истины!

„Святой Виллибродъ, сокрушитель кумировъ и краса церкви католической!

„Святой Виллибродъ, цвѣтъ смиренія, зеркало чистоты, лилея цѣломудрія!

„Святой Виллибродъ, примѣръ терпѣнія, исцѣленіе недугующихъ, отецъ неимущихъ!

„Святой Виллибродъ, помилуй насъ!“

Бербеле удивлялась, что люди могутъ запомнить столько

словъ. Общая молитва всѣхъ сблизила, люди сдѣлались мягче и снисходительнѣе другъ къ другу. Толстякъ подвинулся къ сторонкѣ; женщина съ зобомъ поставила на полъ свою корзину и уложила на нее ноги Дореса: надо же ребенку заснуть. Бербеле сама задремала, прислонившись головою къ плечу толстяка.

— Неужели это ея ребенокъ?—спросила какая-то любопытная, указавъ пальцемъ на Дореса.

Толстякъ разсердился. — Никакъ вы спятили? Она совсѣмъ молоденькая. Братишка ея должно быть. Она везетъ его къ св. Виллиброду—видать, что мальчикъ слабоумный...

Поѣздъ быстро мчался при свѣтѣ звѣздъ. Доресъ чуть не свалился съ колѣнъ задремавшей сестры; онъ проснулся и поднялъ страшный крикъ, причемъ повелъ себя не очень хорошо, и Бербеле не знала, куда дѣвать глаза отъ стыда. Ахъ, скорѣе бы доѣхать до мѣста!

Въ Эттельбрюнѣ пассажиры высадились. Большинство осталось на вокзалѣ; они примостились на полу, на собственныхъ узлахъ. Бербеле тоже осталась подъ защитою толстяка.

Поутру, когда она продрогла и почувствовала себя нехорошо, онъ угостилъ ее чѣмъ-то крѣпкимъ, отъ чего она пріободрилась, хотя голова у нея отяжелѣла. Если уже наканунѣ дѣвушка испугалась множества людей, то что же она должна была сказать теперь, при видѣ вновь прибывающаго безчисленнаго количества новыхъ богомольцевъ, запрудившихъ всю платформу? Ежеминутно подкатывали новые и новые поѣзда. Люди стояли голова къ головѣ, тутъ были цѣлыя общины съ хоругвями и крестами, съ собственнымъ духовенствомъ и оркестрами музыки.

„Святой Виллибродъ, пламень чистѣйшей любви, покровитель здѣшнихъ мѣстъ!“

Одна мысль оживляла эти усталыя души и лица: Эхтернахъ!

Видъ нѣкоторыхъ больныхъ привелъ Бербеле въ ужасъ. Нѣтъ, ея Доресъ далеко не былъ такой страшный! Она поцѣловала его, и онъ похлопалъ ее дряблыми ручонками по лицу. Больше всего пугала Бербеле одна дѣвушка: блондинка, высокая, полная, хорошо одѣтая, съ безпокойно бѣгающими глазами, она все рвалась впередъ, отрывисто выкрикивая имя святого; мать и тетка—зажиточныя крестьянки—едва были въ состояніи удерживать ее.

Когда подали поѣздъ, толпы людей ринулись въ вагоны и произошла такая давка, что Бербеле сама не понимала, какъ она очутилась на скамьѣ напротивъ пугавшей ее дѣвушки.

Безумная — ее звали Анжела (мать произносила это имя

какъ „Аншела“)—сначала охорашивалась и что-то болтала, но вдругъ брови ея сдвинулись, полныя губы сжались и словно поблѣднѣли, она вся какъ-то задергалась и начала громкимъ, повышенно-экзальтированнымъ тономъ выкрикивать имена святыхъ, заглушая свистъ локомотива и шумъ поѣзда. Сначала мать и тетка, а затѣмъ и всѣ сидѣвшіе въ вагонѣ стали вторить ей:

„Святые Михаилъ, Гавріилъ, Рафаилъ, Іосифъ, Петръ, Павелъ, Ѳома, Филиппъ, Маркъ, Варѳоломей, Стефанъ, Лаврентій, Викентій, Фабіанъ и Себастіанъ, и свѣтлые хоры блаженныхъ духовъ, молите Бога о насъ!“

Анжела выкликала имена всѣхъ ангеловъ и архангеловъ, пророковъ и мучениковъ, епископовъ и отшельниковъ, цитируя чуть не всѣ святцы. Бербеле начала удивляться ей, взоры богомольцевъ устремлялись въ ея сторону. Сначала мать конфузилась и дергала ее за рукавъ, но теперь она положительно возгордилась вниманіемъ, привлеченнымъ ея дочерью. Кругомъ шептали:—Она не больная, она—боговдохновенная...

Въ головѣ у Бербеле опять все помутилось отъ этого потока молитвенныхъ словъ. Со вчерашняго дня она была какъ въ чаду...

Вотъ и Эхтернахъ, городокъ, утонувшій въ садахъ, земля обѣтованная для измученныхъ богомольцевъ. Духовные вожди собирали свое стадо, ряды пилигримовъ выстраивались, и скоро грянули разомъ всѣ оркестры, и тысячи людей затянули гимнъ св. Виллиброду.

Измученныя лица вспыхнули отъ ожиданія: передъ ними вдали поднимался куполъ церкви, въ алтарѣ которой находились мощи святого. Колокола звонили. Отовсюду развѣвались флаги, стѣны были увѣшаны гирляндами, во всѣхъ окнахъ были выставлены изображенія святого Виллиброда. Эхтернахцы привѣтствовали богомольцевъ, приносившихъ имъ благосостояніе. Людской потокъ перекатывался изъ улицы въ улицу. На площади Бербеле увидѣла тиръ для стрѣльбы, карусель, качели, лотерею, звѣринецъ, все что угодно. Мальчики, дѣвочки и даже взрослые предлагали свои услуги въ качествѣ „скакуновъ“ тѣмъ изъ паломниковъ, которые сами были не въ состояніи прыгать. И вдругъ весь городъ огласился звуками танцовальнаго напѣва. Его пиликали скрипки, высвистывали флейты, скрипѣли шарманки, выбивали клавиши:

„Семь сыновъ имѣлъ Адамъ.
Къ семерымъ его сынамъ
Дочерей семерку надо...“ и т. д.

— Пе, пе!—Доресъ поднялъ пальчикъ и принялся подпрыгивать на рукахъ у сестры, но у Бербеле, ошеломленной, оглушенной, голова шла кругомъ; ей хотѣлось убѣжать, скрыться отъ этой музыки... Къ счастію, она наткнулась на спутника своего—толстяка, и тотъ разъяснилъ ей, что это—тотъ самый маршъ, подъ звуки котораго они будутъ завтра прыгать въ процессіи. И напѣвая мотивъ, толстякъ стѣлалъ антрша—къ испугу Бербеле, подумавшей: не выпилъ ли онъ лишнее? Но онъ добродушно разсмѣялся и предложилъ ихъ угостить. Дѣвушка умирала отъ жажды и съ радостью согласилась. Затѣмъ онъ посовѣтовалъ ей пойти поискать ночлега. Долго бродила она по улицамъ города, въ который прибыло сегодня тридцать-сорокъ тысячъ паломниковъ—Доресъ заснулъ у нея на плечѣ,—и кончила тѣмъ, что расположилась на отдыхъ съ ребенкомъ въ тѣнистомъ городскомъ паркѣ, гдѣ нашли себѣ пристанище многія влюбленныя парочки и немало бродягъ. Она проспала крѣпкимъ, но тревожнымъ сномъ до вечеренъ и, проснувшись, не могла сначала понять: гдѣ она? Уже звонили. Бербеле заторопилась въ церковь, ей казалось, что народу еще прибавилось, всюду виднѣлись новыя лица.

„Святой Виллибродъ, моли Бога о насъ!“

У подножія широкой соборной лѣстницы расположились лавочки, торговавшія священными предметами. Внутренность церкви сіяла красными и синими огнями. Паломники безконечной процессіей—по двое, по трое въ рядъ—дефилировали передъ гробницею св. Виллиброда, изображеннаго въ епископскомъ облаченіи. Бербеле поставила Дореса на ноги. Онъ такъ и рвался впередъ. Еслибы онъ могъ хотя коснуться края гробницы! Но толпа молящихся увлекла ихъ съ собою на противоположную сторону. Тамъ въ ризницѣ сидѣли за столомъ безмолвные и важные священнослужители, принимавшіе даянія. Тысячи рукъ протягивались къ столу со своею лептою. Женщина съ зобомъ положила звонкій талеръ, мать безумной Анжелы—золотой. Когда дошла очередь до Бербеле, она, краснѣя и блѣднѣя, вытащила изъ кармана свою единственную марку и положила ее на блюдо; а такъ какъ ей показалось, что священнослужитель строго взглянулъ на нее, она порылась въ карманѣ и нашла еще монетку въ 50 пфенниговъ. Бербеле отдала и ее. Теперь у нея ничего не осталось.

Когда вечерня окончилась, Бербеле сразу почувствовала свое одиночество. Ребенокъ плакалъ отъ усталости и она сама еле могла удерживать слезы. Куда ей дѣваться? Уже темнѣло. Тысячи людей наполняли улицы и всѣмъ имъ нужно было пристанище. Почти въ каждомъ домѣ горѣли огни и двери были отворены, но все было полно. На площади стоялъ невообразимый шумъ: тамъ кружилась карусель, гремѣла музыка, дикій человѣкъ глоталъ горящую паклю, а толстая женщина—почти голая—ходила по канату... Въ толпѣ попадались и полупьяные люди, и Бербеле въ страхѣ жалась къ стѣнѣ. Во что бы то ни стало нужно найти убѣжище. Иногда она обращалась къ хозяевамъ съ робкимъ вопросомъ, но ей отвѣчали, что мѣста нѣтъ, или совсѣмъ не удостоивали ее отвѣтомъ. Наконецъ, какая-то старушонка согласилась пустить ее въ лавочку. Она можетъ просидѣть на стулѣ, а ребенка уложить на прилавкѣ, только это будетъ стоить цѣлую марку и—деньги впередъ...

Бербеле опустила руку въ карманъ, но вдругъ вспомнила, что у нея ничего нѣтъ кромѣ желѣзнодорожнаго билета, и сердце ея замерло. Ничего не видя сквозь ослѣплявшія ее слезы, она поплелась далѣе. Крикъ, шумъ, толкотня—пугали ее, какіе-то шелопаи ее окружили и не хотѣли выпускать... Господи, хотя бы встрѣтить въ толпѣ знакомое лицо!

Многіе расположились на ночлегъ на берегу рѣки; они двигались какъ тѣни вокругъ зажженныхъ огней. Тамъ были цѣлыя семьи бѣдняковъ, захватившія съ собою все необходимое. Онѣ издалека пришли пѣшкомъ, у нихъ не было денегъ даже на желѣзнодорожный билетъ... Отъ нихъ исходилъ запахъ нищеты, настолько сильный, что его не могло заглушить благоуханіе жасмина и цвѣтущихъ липъ, запахъ нищеты и убожества—тѣлеснаго и душевнаго.

„Святой Виллибродъ, помилуй насъ!"

Бербеле приблизилась было къ одному изъ огоньковъ, но мужчина съ женщиною грубо прогнали ее, и она, испуганная, побѣжала дальше, споткнулась, чуть не ударилась лбомъ о какую-то стѣнку, отшатнулась и упала въ чьи-то объятія.

IX.

Рѣка тихо плескалась о берегъ, звѣзды сіяли надъ городомъ св. Виллиброда. Измученные паломники спали. Мирно спала и Бербеле, поддерживая рукою ребенка: она нашла себѣ

защитника. Ея темныя рѣсницы еще были влажны отъ слезъ, но губы улыбались: св. Виллибродъ не далъ ее въ обиду.

Защитникомъ Бербеле оказался юноша, пришедшій помолиться объ освобожденіи его отъ воинской повинности. У него, какъ и у нея, не было ни денегъ, ни знакомыхъ. Они шепотомъ говорили между собою, оба они были изъ Эйфеля, его звали Никласъ Клосъ. Онъ взялъ Дореса на руки, и они пошли искать мѣстечка для ночлега. У Бербеле еще оставался хлѣбъ, а у Никласа—колбаса, и они дружески подѣлили свои припасы. Дѣвушка чувствовала себя въ безопасности, а восемнадцати-лѣтній юноша гордился своею ролью защитника.

Они расположились на берегу рѣки, неподалеку отъ парка, откуда доносилась пѣснь соловья. Каждый подложилъ себѣ подъ голову свой узелокъ. Никласъ прикрылъ Бербеле и Дореса шерстяною, взятою съ собой курткою и самъ легъ рядомъ съ ними. Вдругъ дѣвушка вспомнила:

— Я забыла помолиться на ночь!

— Такъ помолись.

Бербеле начала читать молитву ангелу-хранителю, и Никласъ повторялъ слова вслѣдъ за нею. Затѣмъ они оба перекрестились.

— Аминь. Покойной ночи, Бербхенъ.

— Аминь. И тебѣ тоже, Клосъ.

Юноша проснулся до восхода солнца, онъ былъ поденщикомъ и привыкъ рано уходить на работу. Если его возьмутъ въ солдаты, старики хоть съ голоду умирай.

— Святой Виллибродъ, помилуй насъ!—Снова со всѣхъ сторонъ уже раздавались знакомые возгласы, на берегу начиналось движеніе. Люди умывались, причесывались, собирали свое имущество... Никласъ, опершись на локоть, смотрѣлъ на лицо спящей дѣвушки; вчера онъ не разглядѣлъ ее. Какая она была хорошенькая! Онъ тихо позвалъ ее, но она не проснулась. Рѣсницы у нея черныя, длинныя; вѣроятно и глаза тоже черные... Онъ любилъ черные глаза. Никласъ тихо коснулся рукою ея щеки. Она проснулась, глаза ея открылись и радостно блеснули при видѣ юноши. Она уже не одна, ихъ двое.

— Доброе утро, Клосъ.

— Съ добрымъ утромъ, Бербхенъ.

Онъ помогъ ей умыть Дореса. Мальчикъ былъ очень блѣденъ и спалъ какъ убитый; подъ глазами у него были темные круги, ротикъ болѣзненно сжатъ.

— Онъ всегда бываетъ такимъ въ жаркіе дни!—вздохнула

Бербеле, но тутъ же улыбнулась. Скоро на него не будетъ влiять ни жаръ, ни холодъ, онъ поправится. Она перекрестила Дореса, умылась сама и причесалась. А жарко становится! Позади линiи горъ поднимались тучи; похоже было, что соберется гроза...

Когда соборный колоколъ ударилъ къ обѣднѣ, было еще рано, но въ толпѣ уже многiе отирали потъ съ лица. Нѣкоторые открыли зонтики, но жандармъ приказалъ ихъ закрыть.

— Смотри, не потеряйся... Ишь, какая давка!—шепнулъ Никласъ дѣвушкѣ:—Послѣ процессiи у источника св. Виллиброда. Я тамъ подожду.

Она кивнула головою. Зрѣлище было диковинное. Впереди шло трое мужчинъ въ красныхъ длинныхъ одеждахъ, затѣмъ—хоръ мальчиковъ—пѣвчихъ. Кресты, хоругви... А позади—тысячи молящихся людей, пѣвшихъ гимнъ св. Виллиброду. Голоса звучали все громче, одна толпа слѣдовала за другою. Духовенство—изъ монастырей и церквей, изъ городовъ и деревень, изъ чужихъ земель: Францiи, Англiи, Голландiи, отовсюду—стеклось сегодня сюда и соединилось подъ знаменемъ св. Виллиброда.

Имя святого повторялось горнымъ эхомъ, слышалось въ звонѣ колоколовъ, трепетало въ душномъ воздухѣ; оно неслось приливами и отливами, звуча то громко, то тихо, то ликующе, то жалобно, то радостно, то горестно; оно повторялось на всѣ лады сотни и тысячи разъ.

Но вотъ городской оркестръ заигралъ маршъ.

„Семь сыновъ имѣлъ Адамъ“.

Кто могъ бы устоять на мѣстѣ? Бербеле почувствовала себя увлеченной въ водоворотъ скачущихъ: пять шаговъ впередъ, три назадъ!

Длинными рядами прыгали дѣти изъ прiютовъ. Имъ это было легко: тяжесть тѣла и духа еще не тянула ихъ къ землѣ.

„Семерымъ его сынамъ...“

Вотъ такъ музыка! Ноги сами поднимаются, трудно устоять на мѣстѣ. Старики становятся юношами, страдающiе подагрою—рѣзвыми козликами. Люди скачутъ и все же еле подвигаются: пять шаговъ впередъ, три назадъ...

Позади Бербеле кто-то громко выкрикнулъ имя святого. Она узнала голосъ блондинки, обернулась и пропустила свой прыжокъ. По раскраснѣвшемуся лицу Анжелы струился потъ, она

потеряла шляпку и растеряла всѣ шпильки. Ея толстыя косы колотили ее по спинѣ при каждомъ прыжкѣ. Рядомъ съ нею были мать и тетка; онѣ держались не за руки, а за носовые платки. Бербеле замѣтила, что большинство дѣлало то же самое: мужчины держали другъ друга за куртки, женщины — за передники. Это походило на качели: то вверхъ, то внизъ.... Волна скачущихъ то отхлынетъ направо, то налѣво.

Бербеле прыгала одна, да у нея и не было свободной руки: она обѣими руками держала Дореса, тяжело повисшаго у нея на шеѣ. Она добросовѣстно исполняла свою обязанность, сожалѣя лишь о томъ, что не можетъ при этомъ молиться какъ слѣдуетъ. Она не могла ни о чемъ думать, стараясь не пропустить прыжка. Притомъ крики бѣлокурой дѣвушки звенѣли у нея въ ушахъ. Та уже вырвалась отъ матери и тетки, на губахъ ея была пѣна, глаза вылѣзали изъ орбитъ...

А вотъ старушка со старымъ-престарымъ старикомъ! У обоихъ были изжелта-сѣдые волосы, они держались за руки и прыгали въ тактъ. На ихъ добродушныя лица пріятно было смотрѣть среди другихъ—разгоряченныхъ и вспотѣвшихъ. Сколько лѣтъ должны были упражняться старики для того, чтобы такъ станцоваться!

Зрители буквально вывѣшивались изъ оконъ. На блѣдное лицо Бербеле съ широко раскрытыми въ горестномъ изумленіи глазами былъ направленъ не одинъ кодакъ. Всюду любители фотографировали отдѣльныя части процессіи.

„Святой Виллибродъ, моли Бога о насъ!“

Новая толпа присоединилась къ процессіи. Бербеле увидѣла знакомыя лица: женщину съ зобомъ и толстяка. Женщина прыгала, держа на рукѣ корзину, зобъ ея болтался какъ тяжелый мѣшокъ.

А толстякъ? Матерь Божія! На что онъ былъ похожъ? Бербеле охотно предложила бы ему руку, но съ нея было достаточно тащить и Дореса. Теперь толстякъ не походилъ на прежняго добродушнаго человѣка. Онъ сорвалъ съ шеи воротникъ, изъ его полураскрытаго рта со стономъ вырывались въ два пріема слова: „Святой Виллибродъ!“—Онъ задыхался и даже не пробовалъ утирать катившійся у него съ лица потъ...

И Бербеле вспотѣла, да оно и не могло быть иначе. Съ неба словно огонь струился сквозь заволакивавшее солнце тучи и жегъ тѣло сквозь одежду. Среди непроницаемой мглы отъ пыли и пота двигалась процессія скачущихъ. Въ узкихъ улицахъ не чувствовалось ни малѣйшаго вѣтерка. Воздухъ былъ тя-

желый какъ свинецъ, тѣла казались налитыми свинцомъ, молитвы звучали глуше.

„Святой Виллибродъ, помилуй насъ!“

Нѣкоторые уже выбыли изъ рядовъ. Молодая женщина пошатнулась, ее прислонили къ стѣнѣ дома, ей дали напиться, вынесли стулъ, но она не сѣла. Отдышавшись, она присоединилась къ новому ряду женщинъ.

Вспотѣвшія руки крѣпче ухватывались за платки и юбки, свившіяся веревками, шляпы съѣхали на затылокъ, на всѣхъ лицахъ выражались усталость, изнеможеніе, но—„у Адама семь сыновъ!“—пять шаговъ впередъ, три назадъ. Кто не выполнитъ обрядъ, тотъ не можетъ надѣяться на исцѣленіе. А дорога до церкви еще длинная.

Покуда музыканты останавливаются для того, чтобы продуть свои инструменты и хаосъ звуковъ замолкаетъ, богомольцы тоже переводятъ духъ, имъ выносятъ изъ домовъ въ кружкахъ, ведрахъ, стаканахъ—вино, воду, лимонадъ. Съ жадностью рвутъ они изъ рукъ кружки, пьютъ жадно, захлебываясь, льютъ себѣ воду на голову. Ничто не кажется достаточно прохладнымъ, ничто не можетъ утолить жажду. Огонь—сверху, огонь въ горлѣ и во всемъ тѣлѣ, но въ сердцахъ тоже — огонь вѣры. Какъ только начинается музыка — священная пляска возобновляется, люди горятъ и пылаютъ жаждою чуда.

Чѣмъ болѣе устаютъ ноги, тѣмъ громче подъ свинцовымъ удушливымъ небомъ раздаются мольбы. Лица поблѣднѣли, они разгорячены, но румянецъ ихъ исчезъ, они блѣдны, очень блѣдны. Тутъ и тамъ люди шатаются, они въ полуобморочномъ состояніи, глаза у нихъ закрыты, но сосѣди поддерживаютъ ихъ, и они продолжаютъ свои прыжки.

Вонъ тамъ съ эпилептикомъ начались корчи и онъ съ пѣною на губахъ падаетъ на мостовую. Никто не останавливается... Мимо! Мимо!

Бербеле казалось, что въ груди у нея стучитъ молотъ. Объятая ужасомъ, она выкрикивала имя святого. Неужели еще далеко до источника? Нужно пройти и всю высокую лѣстницу... Долго ли все это продлится? Она выбилась изъ силъ. Ребенокъ оттянулъ ей руки своею тяжестью. Да поможетъ ей св. Виллибродъ! Подобно ласточкамъ передъ грозою, мысли проносились въ ея оглушенномъ мозгу. Почему всѣ эти люди скачутъ какъ безумные? Неужели простая молитва не дойдетъ къ Богу и къ святому?

Нѣтъ! пять шаговъ впередъ, три назадъ—святой Вилли-

бродъ!.. „Семь сыновъ имѣлъ Адамъ"... Кто не доскачетъ до конца, вверхъ по лѣстницѣ, черезъ весь храмъ, вокругъ гробницы святого, кто не войдетъ черезъ лѣвое крыло и не выйдетъ черезъ правое крыло, тотъ не получитъ просимаго...

Бербеле собралась съ послѣдними силами и крѣпко прижала къ себѣ плачущаго братишку. Она высоко поднимаетъ его, чтобы святой его увидѣлъ.

Крикъ заразителенъ: теперь и она кричала вмѣстѣ со всѣми. Женщины неслись какъ безумныя, каждая хотѣла быть первою. Бербеле была похожа на пьяную, всѣ онѣ опьянѣли... Плясовая музыка увлекала и смертельно уставшихъ... Но вдругъ произошла остановка. На мостовой лежалъ человѣкъ съ сизобагровымъ лицомъ. Толстякъ! Бербеле ощутила мимолетную дрожь сожалѣнія, но останавливаться было некогда.

Теперь она уже ничего не думала, не чувствовала, она могла только прыгать. Утомленія—какъ не бывало, и Доресъ казался ей легкимъ какъ перышко.

Теперь уже близко. Платье ея было оборвано, башмаки развязались... Она снова увидѣла бѣлокурую дѣвушку, но прежній страхъ Бербеле исчезъ: она удивлялась ей. Именно такъ надо призывать святого.

Блондинка скакала какъ менада. Она разорвала свой корсажъ, виднѣлась ея полная трепещущая грудь, глаза ея горѣли безумнымъ огнемъ. Прыжокъ—и она миновала источникъ; еще прыжокъ—и она уже на ступеняхъ лѣстницы. Ея крикъ походилъ на рычаніе, она была уже почти наверху, но вдругъ въ горлѣ у нея заклокотало, она покачнулась—мать съ теткою едва успѣли подхватить ее... Она билась въ судорогахъ.

— Святой Виллибродъ, моли Бога о насъ!

Церемонія началась въ восемь часовъ утра, а теперь было уже два часа пополудни. Все кончилось. Безпокойная, подпрыгивающая, подзадоривающая, зажигательная, одуряющая музыка смолкла. Но опьяненіе еще оставалось.

Люди спѣшили на базарную площадь—ѣсть, пить и веселиться на послѣдніе гроши. Св. Виллибродъ услышалъ ихъ: теперь все будетъ хорошо.

Бербеле стояла у источника, она освѣжала водою свое горящее лицо и ловила воду губами съ ладони. Передъ нею отецъ омылъ здѣсь рану своему ребенку, но ей не было противно. Чудная вода! Священная вода! Носильщики пронесли мимо но-

силки съ покойникомъ; она узнала толстяка и окропила его святой водою.

Затѣмъ она вспомнила о Никласѣ. Его еще не было. За эти часы она совсѣмъ забыла его, но теперь ей захотѣлось подѣлиться съ нимъ тѣмъ, что переполняло ея сердце... Да вотъ онъ! Она кинулась къ нему.

Онъ уже давно стоялъ здѣсь, но за толпою они не могли увидѣть другъ друга.

Они обмѣнялись рукопожатіемъ, радуясь тому, что свидѣлись. Онъ былъ взволнованъ, разгоряченъ и веселъ, какъ она; онъ хорошо прыгалъ и былъ увѣренъ, что святой его услышитъ. Въ уголкѣ, въ тѣни церковныхъ стѣнъ, онъ привлекъ ее къ себѣ и приласкалъ; она не сопротивлялась: они были подъ покровительствомъ святого.

— Ты устала?—нѣжно шепнулъ онъ.

Она, улыбаясь, отнѣкивалась. Нѣтъ, она не устала, только колѣнки еще дрожатъ и дрожь по тѣлу пробѣгаетъ.

Онъ взялъ у нея Дореса и понесъ его, а ей подалъ другую руку. На сердцѣ у нея было легко, она блаженствовала: все было исполнено. Бербеле возбужденно болтала, на щекахъ у нея рдѣли розы. За цѣлыя недѣли она столько не наговорила и не передумала. Теперь—на площадь!

Сіяя отъ счастья, она приняла отъ него пряничное сердце, оба они съѣли по половинѣ его, и теперь стали похожи на помолвленныхъ. Но ничего больше она не позволила ему подарить ей. У него и такъ было немного денегъ, а имъ нужно еще прожить сегодняшній день. О завтрашнемъ никто не думалъ. Бербеле забыла о домѣ и о возвращеніи туда. Часы летѣли, вечерѣло, пиво не могло утолить палящей жажды, въ городѣ нечѣмъ было дышать, и они направились къ парку. Вотъ гдѣ было свѣжо! Доресу хотѣлось спать, у него слипались глазки. Нужно было поискать мѣстечко для отдыха. Если ихъ и запрутъ здѣсь—что за бѣда? Бербеле показала Никласу бѣлыхъ мраморныхъ женщинъ, прятавшихся въ листвѣ, и онъ подивился имъ. Вотъ хорошо-то здѣсь!

Осмѣлѣвъ отъ тишины и уединенія, онъ крѣпко обнялъ ее. Дореса они положили въ траву. Вдали гремѣлъ громъ, они не слышали его, они не обратили вниманія и на звонъ къ вечернѣ. Чаща деревьевъ была такъ густа, что звуки небесъ не проникали сквозь нее.

А кругомъ въ темнѣющихъ кустахъ зазвенѣла пѣснь соловья, пѣснь торжествующая надъ всѣмъ остальнымъ. Оба они слышали

ее впервые, въ Эйфелѣ не было соловьевъ. Они сидѣли въ травѣ обнявшись, неподалеку отъ спящаго ребенка; оба казались блѣдными въ сгущающихся сумеркахъ, подъ впечатлѣніемъ того, что все сильнѣе и сильнѣе охватывало ихъ. Имъ было по восемнадцати лѣтъ, они такъ много молились, пришли издалека, столько прыгали и вотъ наконецъ пришла блаженная минута отдыха!

Опьяняюще благоухали жасминъ и сирень, во мглѣ душной ночи всѣ цвѣты раскрыли свои лепестки, отъ липы неслись волны благоуханій, отъ земли поднимался ароматъ жертвенныхъ куреній...

Они вскочили. Святой Виллибродъ, спаси и помилуй! Оба они боролись противъ возрастающаго изнеможенія. Они, пошатываясь, двинулись далѣе. Вотъ павильонъ. Не будетъ ли тамъ прохладнѣе? Вдали загорались молніи и тысячи свѣтляковъ мерцали въ листвѣ. Чу! Ударъ грома! Испуганная Бербеле скрыла голову на груди своего защитника. Но они не убѣжали. Нѣжно улыбалась имъ подъ полуразрушеннымъ сводомъ богиня любви. Они не знали ее.

X.

На праздникахъ въ гостинницѣ „Бѣлаго Лебедя“ была большая суета. Кромѣ офицерскихъ экипажей, туда съѣзжались и автомобили, съ которыми лошади не могли бороться въ скорости. Ленкулену праздники принесли много досады на безпокойство, причиняемое позднею ѣздою съ фонарями, хохотомъ и грохотомъ не въ мѣру развеселившихся гулякъ. А можетъ быть и нѣчто другое мѣшало ему спать? Онъ слышалъ, какъ по ночамъ таскали воду изъ колодцевъ, вёдра громыхали, ржавыя цѣпи скрипѣли. Что мудренаго? Лѣто обѣщало быть жаркимъ, а въ ихъ мѣстахъ это значитъ—засуха...

Прислуга „Лебедя“ сбилась съ ногъ. На посѣтителей, требовавшихъ сельтерскую воду, красавица хозяйка смотрѣла неблагосклонно; даже пиво она неохотно наливала. Вино: мозельвейнъ и рейнвейнъ, шампанское и крюшонъ—вотъ къ чему пріучили ее господа офицеры. Изъ Меца она выписала землянику и оранжерейныхъ персиковъ. Къ празднику она заказала себѣ въ Аахенѣ у брюссельской портнихи новое платье. Если у фабриканта Генриха Шмёльдера хватало безвкусія на то, чтобы позволять своей дочери одѣваться здѣсь, она не намѣрена дѣлать то же. Только срамитъ дѣвочку. И почему онъ не хочетъ выдать ее за красавца Шеффлера?

Елена прекрасная хихикнула, поглядывая на фабриканта, зашедшаго къ ней по обыкновенію поутру—выпить стаканчикъ. Онъ былъ самымъ старымъ ея другомъ; онъ трепалъ ее по щекѣ еще въ то время, когда она ходила въ школу. Она пожала плечами, которыя подъ тонкимъ прозрачнымъ чернымъ платьемъ соблазнительно бѣлѣли. А Генрихъ старѣетъ, ноги у него плохо сгибаются... Сидѣлъ бы себѣ въ церкви рядомъ съ женою и дочерью, тамъ прохладно. И животъ у него растетъ...

Она презрительно вздернула верхнюю губку, обнаживъ острые зубки. Неужели онъ воображаетъ, что можетъ ей нравиться? Этакій старикашка! Все онъ о чемъ-нибудь скулитъ. Шеффлера ругаетъ. Постой, она сама примется за это дѣло. Надо помочь бывшему другу, да она и обѣщала ему.

— Почему ты не хочешь отдать дочку за Шеффлера?—заговорила она, сердито блеснувъ на него глазами.—Что ты лучше его, что ли? Въ Остенде съ женою не ѣдешь: „здоровье не позволяетъ“, а торчишь здѣсь у меня! Ахъ, ты!—Она потянула его за ухо и сѣла къ нему на колѣни.

Они были вдвоемъ въ большомъ залѣ, гдѣ со вчерашняго дня со столовъ не были убраны скатерти въ пятнахъ и грязная посуда. Еще не успѣли. Да и кто придетъ такъ рано? Генрихъ, не выносившій дома ни малѣйшаго безпорядка, здѣсь словно ничего не видѣлъ. Она гладила его рукою по головѣ.—А у тебя будетъ плѣшка!

— Пусти, Ленхенъ, что за вздоръ!—Но она была такъ хороша въ своемъ новомъ, всю ее обтягивавшемъ платьѣ, что неудержимо влекла его взоры и руки. Ей не безъ труда удалось освободиться.

Несмотря на ранній часъ, они уже успѣли распить вдвоемъ бутылку крѣпкаго рейнвейна. Елена продолжала смѣяться и дразнить его. Небось, онъ говоритъ женѣ, что у него и по праздникамъ дѣла? Она нахмурила лобъ, опустила углы рта и передразнила его манеру говорить. Фабрикантъ не зналъ: сердиться ему или смѣяться? Послѣднее, конечно, благоразумнѣе. Безъ этой веселой пташки скучно бы ему жилось. И ума у нея достаточно.

Елена не хвастала, говоря, что онъ обо всемъ съ нею совѣтуется: о новыхъ назначеніяхъ на фабрикѣ, о домашнихъ дѣлахъ, о томъ, въ какой пансіонъ поступить Гедвигѣ?

— Серьезно говоря, Ленхенъ, какъ тутъ быть?

— Выдать ее за адъютанта. Развѣ ты не видишь, какъ онъ влюбленъ?—И она тутъ же съимпровизировала цѣлый разсказъ

о сердечныхъ страданіяхъ фонъ-Шеффлера, плакавшаго настоящими слезами...

— Ну, положимъ, я не очень вѣрю въ эти слезы,—прервалъ Генрихъ.

Елена разсердилась. Неужели ея старанія пропадутъ даромъ? Взбѣшенная, она такъ толкнула бутылку, что та упала на полъ и разлетѣлась въ дребезги.

— А если ты не вѣришь мнѣ, то нечего тебѣ здѣсь сидѣть! Убирайся въ другое мѣсто.—Она откинула голову назадъ и пошла къ двери, шумя своимъ новымъ платьемъ.

— Ленхенъ, что съ тобою?—воскликнулъ онъ, но она такъ и не показалась болѣе, и онъ, повѣсивъ носъ, пошелъ домой, недовольный окончаніемъ утренняго визита. Она хохотала мысленно, глядя ему вслѣдъ.—Торопится! Хочетъ поспѣть раньше жены.

Колокола зазвонили, служба окончилась. Елена высунулась изъ окна. Гостинница стояла на перекресткѣ двухъ главныхъ улицъ. Проходившіе мимо, не исключая ландрата, любезно съ нею раскланивались. Она тоже умѣетъ кланяться по-дамски, не просто кивать головою. Интересный господинъ этотъ ландратъ, и не всегда бываетъ онъ такимъ недоступнымъ. Зимою, когда нѣтъ военныхъ, онъ—единственная отрада.

А вотъ и фрау Генрихъ Шмёльдеръ—въ шелку, но до чего мѣщанскій фасонъ! Взоры обѣихъ женщинъ встрѣтились, обѣ сначала колебались: которая должна поклониться первою? Наконецъ, владѣлица „Лебедя“ кивнула головою, и фрау Шмёльдеръ отвѣтила настолько дружелюбнымъ кивкомъ, что Елена сочла долгомъ сказать:

— Съ праздникомъ, фрау Шмёльдеръ!

— Благодарю. И васъ тоже.

Гедвига появилась позднѣе. Она заходила въ кондитерскую за тортомъ. Быть можетъ, „онъ“ пріѣдетъ сегодня съ визитомъ и мамѣ удастся оставить его къ обѣду? Дѣтское личико Гедвиги похудѣло, она постоянно вздыхала. Почему папа не хочетъ и слышать объ Эгонѣ? Даже дядя Іозефъ—гадкій—и тотъ говоритъ: „на этотъ разъ я совершенно съ тобою согласенъ“... Всѣ—противъ нея.

Тоненькая, хрупкая, молоденькая, она походила на голубой цвѣточекъ льна.

— Здравствуй, Гедхенъ!

— Добрый день!—Гедвига покраснѣла. Въ сущности, она по многимъ причинамъ терпѣть не могла эту женщину, такъ весело

улыбавшуюся ей изъ окна. Во-первыхъ, она была нахальна, и дядя Іозефъ обозвалъ ее ужаснымъ словомъ; во-вторыхъ, съ ея стороны было дерзостью до сихъ поръ называть ее „Гедхенъ“; а въ-третьихъ—Шеффлеръ какъ-то назвалъ ее красавицей. Было и еще что-то непонятное, отталкивавшее Гедвигу отъ бѣлокурой женщины. Но сегодня оказалось невозможнымъ пройти мимо нея съ короткимъ привѣтствіемъ: у нея былъ такой многозначительный видъ, словно она собиралась сказать ей нѣчто важное...

Елена такъ высунулась изъ окна, что пышная округленность ея бюста виднѣлась изъ-подъ вырѣза корсажа. Она подмигнула дѣвушкѣ.—Что ты пріуныла, Гедхенъ? Въ такой солнечный день? Вѣрно папа опять бранился? Пусть его! Противъ любви ничего не подѣлаешь...

— Вы думаете?—Гедвига робко подняла на нее глаза.

Елена расхохоталась. Премиленькая, въ сущности, эта крошка и Шеффлеръ будетъ дѣлать изъ нея что хочетъ. Она протянула бѣлую руку, на которой блестѣли два обручальныхъ кольца, и погладила дѣвушку по щекѣ.—Заходи ко мнѣ, Гедхенъ... Pardon, заходите. Я не могу тебѣ говорить: ты, вѣдь вы уже почти невѣста...

— Я... я не скоро еще буду невѣстой.

— Пустяки! Меня не проведешь. И Шеффлера я давно знаю. Онъ влюбленъ по уши.

У Гедвиги захватило духъ. Неужели это правда? Счастливая, сіяя нѣжнымъ румянцемъ, преобразившимъ ея незначительное личико, она тихо спросила:—Правда ли это?

— Честное слово. Поздравляю, крошка. Другого такого не найдешь.

— А папа не хочетъ. И Эгонъ до сихъ поръ не объяснился...

— За этимъ дѣло не станетъ!—Вдовушка расхохоталась. И тутъ же, понизивъ голосъ, она стала давать инструкціи Гедвигѣ. Сегодня Шеффлеръ обѣдаетъ здѣсь въ два часа. Около пяти онъ отправится къ нимъ: пусть она не запираетъ калитку въ саду, для того чтобы онъ не звонилъ, и встрѣтитъ его какъ бы нечаянно... Разъ они столкуются между собою, старику волею-неволею придется согласиться. Поняла?

Гедвига едва успѣла кивнуть головою—подходили знакомые, и она убѣжала.

Часъ спустя къ гостинницѣ подъѣзжали экипажъ за экипажемъ и ненавистные заграничные автомобили. Автомобилисты сбрасывали свои костюмы, придававшіе имъ видъ чудищъ, и пре-

вращались въ элегантныхъ бельгійцевъ. Даже офицеры чувствовали себя сегодня отодвинутыми на задній планъ. Всѣ наперерывъ спрашивали хозяйку, которая не успѣвала дарить направо и налѣво свои улыбки.

Всюду хлопали пробки отъ шампанскаго, столы были тѣсно сдвинуты, жара, шумъ, стукотня... И среди всего этого — *она*, ничуть не утомленная, веселая, улыбающаяся, соблазнительная въ своемъ прозрачномъ платьѣ, сквозь черную матерію котораго просвѣчивала атласистая бѣлизна ея кожи.

Несмотря на свою лѣность, фрау Елена помогала, въ случаѣ надобности, прислугѣ. Своими прекрасными руками она поднимала блюдо, передавая его черезъ столы и спинки стульевъ и высоко держа его, хотя оно было тяжелое. Она чувствовала, что это ей шло, и ей доставляло удовольствіе служить гостямъ и собирать жатву восхищенія, не говоря уже о золотѣ. Кельнеры такъ и носились, подгоняемые ея взглядами.

„Настоящая царица! — подумалъ Абекингъ. — Нѣтъ, скорѣе дочь Тиціана!“ — Онъ подѣлился своимъ замѣчаніемъ съ товарищами, но Шеффлеръ, воспитанный въ кадетскомъ корпусѣ, не былъ знакомъ съ картинными галереями и притомъ онъ сочинялъ любовное объясненіе Гедвигѣ. Въ пять часовъ! Елена совершенно права. Пора! Къ зимѣ онъ вернется въ свой гарнизонъ, а черезъ годъ эта золотая рыбка попадетъ въ чей-нибудь прудъ. Не нравилось ему только, что приходится дѣйствовать за спиной у отца. Это не совсѣмъ вязалось съ его понятіемъ о чести. Но какъ же иначе добудешь себѣ богатую невѣсту?

Онъ энергично всталъ изъ-за стола, оправился и натянулъ перчатки. — Жара! — процѣдилъ онъ сквозь зубы. — Я вернусь позднѣе—къ крюшону! — Онъ щелкнулъ шпорами, но у него не хватило мужества посмотрѣть товарищамъ въ лицо. Лейтенантъ Шмидтъ и врачъ проводили его насмѣшливымъ взглядомъ. Они знали, куда онъ шелъ.

Взоры Абекинга искали Елену. Онъ выпилъ лишнее, и краска ревности ударила ему въ голову.

Когда же она придетъ, наконецъ, посидѣть съ ними? Онъ буквально пожиралъ ее глазами.

Она издали лукаво покачала головою и губы ея сложились словно для поцѣлуя. Ему показалось, что она прошептала: „потомъ!“ или: „позднѣе!“

Не будучи въ состояніи переносить ожиданія и ея кокетства съ бельгійцами, онъ вышелъ изъ душной залы на воздухъ и долго бродилъ по окрестностямъ.

Когда онъ вернулся, уже стемнѣло, и товарищи, браня Шеффлера за неаккуратность, стали собираться домой. Вѣроятно тестюшка отвезетъ жениха въ собственномъ экипажѣ?..

Абекингъ словно во снѣ сѣлъ въ коляску. Елена сказала ему словечко на прощаніе. Покуда офицеры разыскивали свои пальто, она на мгновенье прижалась къ нему въ полутемномъ корридорѣ. Отъ нея пахло виномъ и щеки ея пылали. Ей со столькими людьми приходилось сегодня чокаться! Бѣдняжка! Ему казалось, что онъ призванъ быть ея рыцаремъ, ея защитникомъ...

Когда въ тѣни высокаго буфета онъ, расхрабрясь, страстно поцѣловалъ ее, она шепнула ему на ухо: — Возвращайся!

Больше они ничего не успѣли сказать другъ другу, товарищи позвали его. Пора было ѣхать. И вотъ теперь они ѣхали обратно при яркомъ свѣтѣ луны. Оба его спутника дремали. Онъ сидѣлъ насторожась и думалъ: не выпрыгнуть ли потихоньку? Черезъ полчаса онъ будетъ у нея. Нѣтъ, было еще слишкомъ рано... „Возвращайся!“ Когда? Сегодня ночью, конечно.

Онъ тяжело дышалъ и горѣлъ какъ въ огнѣ. Нѣтъ, надо вернуться въ лагерь, а затѣмъ взять лошадь и примчаться къ своей возлюбленной. Ему казалось, что копыта лошадей выбиваютъ тактъ знакомой мелодіи стиха.

Призрачный всадникъ-женихъ увозитъ въ своихъ объятіяхъ Ленору.

Мой конь, мой конь, песокъ бѣжитъ,
Я чую, ночь свѣжѣе,
Мой конь, мой конь, пѣтухъ кричитъ,
Мой конь, несись быстрѣе!..

Все тихо. Огни погасли. Она ждетъ его. Безумная скачка! Но что изъ того? Онъ незамѣченнымъ вернется въ лагерь, отведетъ лошадь въ конюшню и ляжетъ въ постель... Онъ бормоталъ про себя слова баллады.

Лошади фыркали, усталый кучеръ не подгонялъ ихъ, но онѣ сами неслись домой. Взошла луна, и каждая былинка блестѣла жемчужною росою. Сосны казались призрачными гигантами, бѣлые милевые камни поднимались подобно надгробнымъ памятникамъ вдоль края дороги, за которымъ начинался крутой обрывъ. Абекингъ глядѣлъ передъ собою широко раскрытыми глазами, лицо его казалось мертвенно-блѣднымъ, онъ улыбался.

XI.

Эгонъ фонъ-Шеффлеръ былъ счастливымъ женихомъ.

Трудно было уломать старика, для этого понадобилось много слезъ со стороны дочери и увѣреній со стороны жениха, но Елена такъ хитро все подстроила, что отцу оставалось только согласиться.

Когда Гедвига съ пылающими щеками и блестящими глазами вбѣжала къ нему въ кабинетъ, гдѣ онъ лежалъ на диванѣ, и съ крикомъ:—Папа! Папочка! какъ я счастлива!—бросилась ему на шею, онъ сначала не могъ понять: что съ нею? Но увидѣвъ стоящаго въ дверяхъ фонъ-Шеффлера, нѣсколько смущенно улыбавшагося, но все же имѣвшаго видъ побѣдителя, онъ сразу все понялъ. Чортъ побери! Какъ это онъ вошелъ безъ звонка?

Даже фрау Шмёльдеръ была недовольна. Слѣдовало бы посовѣтоваться сначала съ матерью! Она сердито посмотрѣла на дочь. Генрихъ сердито взглянулъ на жену: она одна во всемъ виновата... Но Гедвига была единственная дочь и она была такъ счастлива!

Въ разговорѣ съ глазу на глазъ Шеффлеръ вполнѣ откровенно выяснилъ свои обстоятельства. Состоянія у него нѣтъ, но долговъ тоже нѣтъ и ему предстоитъ крупное повышеніе по службѣ. Шмёльдеръ, хотя неохотно, далъ согласіе. Молодой человѣкъ оказывался во всѣхъ смыслахъ безупречнымъ.

— Сдѣлайте счастливою мою Гедвигу,—сказалъ отецъ, и въ его обычно-сухомъ тонѣ послышалась просьба и даже — робкій вопросъ, сразу понятый женихомъ.

Онъ сдержанно поклонился.

— Я употреблю всѣ силы для того, чтобы сдѣлать вашу дочь счастливою. Честное слово.

Два часа спустя они уже называли другъ друга: „Эгонъ!“ и „папа!“ Подали вино и ужинъ вышелъ очень веселый. Когда на прощанье женихъ поцѣловалъ невѣсту и почувствовалъ прикосновеніе ея теплыхъ нѣжныхъ губъ, онъ подумалъ, что въ сущности это очаровательная вещь—научить любви такое милое, юное существо.

Откинувшись на шелковыя подушки экипажа, отвозившаго его въ лагерь, офицеръ размечтался. Старикъ—премилый. Они поладятъ. Какъ хорошо онъ сдѣлалъ, пріударивъ за Гедвигой Шмёльдеръ, которую его товарищи нашли незначительной! Теперь всѣ будутъ ему завидовать.

Вдругъ онъ встрепенулся. Мимо окна кареты что-то промелькнуло, послышался стукъ копытъ, тяжелое дыханіе погоняемой лошади... Что такое это было? Онъ хотѣлъ приподняться, поглядѣть—но все уже исчезло... Сонъ? Галлюцинація? Обманъ чувствъ?

На слѣдующее утро денщикъ тщетно стучался въ дверь къ Абекингу. Когда же, наконецъ, онъ догадался толкнуть ее ногою, то убѣдился, что лейтенанта его тамъ нѣтъ, и поднялъ крикъ, всполошившій весь офицерскій баракъ.

Шеффлеръ, еще не снявшій съ усовъ повязку, высунулъ голову изъ своей двери. Выглянули Шмидтъ, старшій врачъ и многіе другіе въ утреннемъ négligé. Что случилось? Чего этотъ парень реветъ какъ теленокъ?

Черезъ нѣсколько часовъ начались поиски въ Хеккенбройхѣ, но тамъ никто ничего не слыхалъ о молодомъ офицерѣ, непонятное исчезновеніе котораго поставило товарищей втупикъ. Шеффлеръ взялъ на себя непріятную обязанность доложить о случившемся командиру, которому и ранѣе не нравились эти ночныя поѣздки. Офицеръ обязанъ подавать примѣръ солдатамъ. Лишь извѣстіе о помолвкѣ Шеффлера слегка утишило бурю. Командиръ поздравилъ его съ прекраснымъ выборомъ и прибавилъ, улыбаясь, что вскорѣ его придется поздравить и съ повышеніемъ.

Помолвка Шеффлера отвлекла на нѣкоторое время общее вниманіе отъ Абекинга, но когда и къ вечеру онъ оказался неразыскаппымъ, товарищи не на шутку всполошились. Вечеромъ двое офицеровъ на велосипедахъ остановились у дома Ленкулена. Было душно, собиралась гроза, небо вспыхивало зарницами. Весь лагерь уже былъ поднятъ на ноги: пѣхота, кавалерія, артиллерія разсыпались по равнинѣ. Проклятая Богомъ мѣстность! Болота, заросли, скрытыя травою ямы, въ которыя можно провалиться въ одно мгновеніе ока. А тутъ же, подъ носомъ—колонія арестантовъ... Люди, которымъ нечего терять. Быть-можетъ ему не спалось отъ духоты, онъ вышелъ побродить въ поле, на него напали, ограбили его, и трупъ его валяется гдѣ-нибудь въ кустарникахъ...

Въ лагерѣ ходили самые мрачные слухи, а подъ вечеръ получилось извѣстіе еще болѣе тревожнаго свойства. Кто-то вздумалъ разспросить буфетчика на вокзалѣ, у котораго г.г. офицеры брали наканунѣ коляску для поѣздки въ городъ. Тотъ самъ отправился на конюшню и вернулся весь блѣдный и дро-

жащій. Кучеръ валлонецъ сознался ему, что вчера, когда онъ привезъ офицеровъ домой и собирался распрягать, одинъ изъ нихъ взялъ лучшую лошадь, самъ взнуздалъ ее и, не обращая никакого вниманія на его уговоры, не давъ себѣ даже труда осѣдлать ее, мигомъ на нее вскочилъ и—былъ таковъ. Парень всю ночь не спалъ со страху, а на разсвѣтѣ лошадь сама прискакала въ конюшню—вся въ мылѣ, съ разодранными боками, разбитая на ноги. Его лучшая, дорогая лошадь. Это не порядокъ, чтобы г.г. офицеры калѣчили чужихъ лошадей...

Гг. офицерамъ пришлось выслушать нѣсколько непріятныхъ истинъ, и они такъ разсердились на Абекинга, что едва не бросили поисковъ. Патрули были повсюду разосланы. Шеффлеръ торопился къ невѣстѣ, но Шмидтъ и старшій врачъ не хотѣли отказаться отъ розысковъ: какъ можно оставить товарища въ бѣдѣ? Оба они, будучи хорошими велосипедистами, объѣхали каждое мѣстечко—вправо, влѣво, вокругъ лагеря, не переставая кричать:—Абекингъ! А-а-беки-ингъ!

Эхо насмѣшливо вторило имъ; вечерѣло, они должны были сойти съ велосипедовъ и катить ихъ передъ собою. Ихъ фонари одни свѣтились въ темнотѣ.

Не найдя его, они снова вернулись въ Хеккенбройхъ.

— А вы искали по дорогѣ въ городъ, господа?—спросилъ Ленкуленъ въ то время, какъ они вытирали мокрые лбы.

Они удивились. Но вѣдь Абекингъ вернулся *изъ* города. Наконецъ, въ городѣ кто-нибудь встрѣтилъ бы его...

— Хорошо, я пойду съ вами,—сказалъ Ленкуленъ и приказалъ Марихенъ, чтобы она принесла ему фонарь. Они двинулись въ путь: офицеры катили велосипеды, онъ большими шагами шелъ впереди по направленію къ городу.

Ночь была беззвѣздная, зарницы вспыхивали все чаще. Отъ жары или тревоги путники постоянно отирали лбы, они говорили сдавленнымъ шепотомъ.

Бургомистръ думалъ объ исчезновеніи молодого человѣка. Неужели съ нимъ дѣйствительно случилось несчастье? Или тутъ простая любовная исторія? Ни одна изъ здѣшнихъ дѣвушекъ на это не пойдетъ. Но вѣдь есть и кромѣ нихъ... Вдругъ его что-то пронизало, и онъ ударилъ себя по лбу: Елена?! Онъ чуть не крикнулъ вслухъ это имя. Вотъ у кого бы освѣдомиться надо! Но онъ прикусилъ себѣ губу. Пускай сами догадаются — эти умники! Теперь было не время попрекать ихъ ночными попойками, нарушавшими спокойствіе деревни. Теперь надо было

найти человѣка. Бѣшеная скачка на неосѣдланной лошади... Онъ покачалъ головою.

Они достигли того мѣста, гдѣ дорога дѣлаетъ крутой поворотъ. Сегодня извивающаяся лента шоссе уже не бѣлѣла такъ, какъ вчера при лунѣ. Они медленно подвигались въ темнотѣ; внизу громче обыкновеннаго шумѣлъ потокъ и неподвижно стояли старыя высокія деревья.

— Какъ вы думаете, неужели съ нимъ дѣйствительно что-нибудь случилось, господинъ бургомистръ? — внезапно спросилъ старшій врачъ, и не ожидая отвѣта, онъ закричалъ: — Абекингъ! А-а-беки-ингъ!

— Да не кричите вы точно ребенокъ въ потьмахъ! — попробовалъ пошутить Шмидтъ, но голосъ у него сорвался. Изъ лѣсу отвѣтилъ какой-то свистъ: это кричала спугнутая ночная птица.

— А-а-беки-ингъ!

— Докторъ, послушайте...

— Стойте! — вдругъ сказалъ Ленкуленъ, и крѣпко сжалъ руку офицера. Бургомистръ приподнялъ фонарь и снова опустилъ его; лучъ свѣта упалъ на бѣлый милевой камень, призрачно поднимавшійся въ потьмахъ, какъ надгробный памятникъ. Онъ освѣтилъ все кругомъ и затѣмъ нагнулся къ землѣ. Узкая полоса травы между дорогою и обрывомъ была смята и вытоптана. Ее очевидно взрыла копытами лошадь. На камнѣ остался слѣдъ отъ удара копытомъ.

Трое мужчинъ увидѣли это и смолкли. Офицеровъ охватила дрожь. Потокъ шумѣлъ внизу во мракѣ...

Послышался трескъ вѣтвей. Ленкуленъ началъ спускаться по обрыву, другіе послѣдовали за нимъ.

— Вы ничего не слышите? — обратился Ленкуленъ къ офицерамъ.

Нѣтъ, они ничего не слышали, но что-то въ тонѣ ихъ проводника заставило ихъ насторожиться. Велосипеды они оставили наверху, фонари ихъ погасли. Одинъ лишь фонарь Ленкулена освѣщалъ путь. Обрывъ шелъ все круче и круче. Они ползли и скатывались, цѣпляясь за низко нависшія вѣтви сосенъ.

— Чортъ побери! — стоналъ старшій врачъ, но вдругъ въ его голосѣ послышалась тревога: — Кажется, тутъ уже кто-то скатился раньше меня. Осторожнѣе! Абекингъ!

— Крикнемъ всѣ трое сразу, — приказалъ Ленкуленъ.

Всѣ трое крикнули:

— Аа-беки-ингъ! Аа-беки-ингъ!

Протяжно и медленно прозвучалъ зовъ. Протяжно и жа-

лобно отвѣчало ему эхо. Испуганныя ночныя птицы прошумѣли крыльями.

Но теперь офицерамъ послышалось нѣчто другое: оно звучало какъ слабый зовъ, сопровождаемый стономъ... Неужели это былъ ихъ товарищъ?

— Абекингъ, вы тамъ? Гдѣ? Отвѣчайте, гдѣ?!

Они поспѣшно кинулись на зовъ, вѣтвями у нихъ съ головы сорвало фуражки, платье цѣплялось за репейникъ, лихорадочное возбужденіе овладѣло ими: неужели они нашли его? Онъ больше не отвѣчаетъ. Гдѣ же онъ? гдѣ?

— Здѣсь! — сказалъ Ленкуленъ и быстро опустился на колѣни.

Его фонарь освѣтилъ лицо лежавшаго человѣка: глаза были закрыты, лицо смертельно блѣдно, бѣлокурые волосы прилипли ко лбу.

Съ нѣмецкаго О. Ч.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ТО, ЧТО ВЫШЕ НАСЪ

Разсказъ В. Винниченка.

(Переводъ съ украинскаго.)

Я сидѣлъ въ тюрьмѣ. Безъ книгъ, безъ писемъ. Не видѣлъ ни одного печатнаго слова.

И дошло уже до того, что я дни и ночи лежалъ на койкѣ и равнодушнымъ, лѣнивымъ взглядомъ смотрѣлъ на стѣны, на потолокъ и на „глазокъ" въ дверяхъ. Книгъ я уже не требовалъ, такъ какъ зналъ, что „они" все равно не дадутъ. Съ начальникомъ тюрьмы я не разговаривалъ, и когда онъ обращался съ чѣмъ-нибудь ко мнѣ, я даже не вставалъ съ койки и только переводилъ взглядъ къ потолку.

Я уже не просилъ больше перевести меня изъ этой камеры, гдѣ со всѣхъ сторонъ были глухія стѣны, за которыми не было ни одного товарища—я зналъ, что „они" сдѣлали все это нарочно.

Дни, какъ тягучія капли изъ какого-то бездоннаго жолоба, падали одинъ за другимъ во тьму минувшаго; они были, какъ капли, похожи одинъ на другой. Сперва я интересовался, сколько ихъ накапало, а потомъ лѣнь стало считать — и я потерялъ счетъ... Потерялъ, и даже пріятно это временами было: точно ѣдешь какимъ-то необозримымъ полемъ, безъ дороги, безъ увѣренности, куда ѣдешь — кругомъ мететъ вьюга, снѣгъ равномѣрно и безостановочно сыплетъ и сыплетъ, лошади еле подвигаются, глаза такъ и смыкаются отъ дремоты. Пусть везутъ — все равно. Иногда словно издали забрезжетъ мысль: „да вѣдь

это ты, братъ, замерзаешь. Это—смерть... Слышишь?" —„Смерть?.. Гм... Какъ это—смерть?"

И снова дремлешь.

Но однажды... Помню, загремѣла вдругъ дверь, отворилась—и въ камеру мою вмѣстѣ съ надзирателями вошла какая-то фигура въ штатскомъ. Надзиратели что-то пробормотали и тотчасъ же вышли, загремѣвъ дверью.

Я такъ и присѣлъ. Господи! Да вѣдь это—Васюкъ! Мой Васюкъ!

— Ну, что? Не ожидалъ? Ага! Это оригинально! Здравствуй, здравствуй... Облобызаемся? Валяй...

Растерявшись отъ нахлынувшей радости, я почувствовалъ его толстыя губы на своей щекѣ, машинально чмокнулъ его въ носъ, отодвинулся и сѣлъ на койку.

Васюкъ же озабоченно поднялъ съ пола свой узелокъ, переложилъ его въ другое мѣсто, попробовалъ, хорошо ли ему тамъ, и сталъ хозяйскимъ окомъ оглядывать камеру. Все это онъ дѣлалъ такъ, точно мы не шесть мѣсяцевъ, а шесть часовъ не видались. Былъ уже вечеръ и верхняя половина камеры была желтая, а нижняя—темная, потому что лампочка стояла надъ дверью.

— Д-да! Это оригинально! Номерокъ ты занялъ, душа моя, не изъ роскошныхъ. Но зато... спокойно. Лампы не даютъ въ камеру?

Я вздохнулъ, еще не совсѣмъ придя въ себя.

— Нѣтъ, не даютъ.

— Это оригинально!—И курить, пожалуй, тоже нельзя?

— Нѣтъ, нельзя.

Васюкъ разсмѣялся.

Обыкновенно, если человѣку скверно, то онъ сердится, раздражается, негодуетъ. Васюкъ же, точно наперекоръ, чѣмъ ему хуже, тѣмъ больше смѣется.

Я никогда ни съ кѣмъ такъ не смѣялся, какъ съ Васюкомъ. Есть же такіе люди! съ ними и серьезнѣйшій человѣкъ, у котораго улыбку трудно замѣтить, хохочетъ, какъ сумасшедшій, взявшись за бока.

Черезъ пять минутъ мы съ Васюкомъ уже безумно хохотали. Надзиратель нѣсколько разъ подходилъ къ „глазку", стучалъ ключами и кричалъ:

— Слышь! Нельзя шумъ производить!

Васюкъ серьезно подходилъ къ дверямъ и спрашивалъ, вѣжливо наклоняясь:

— Какъ вы говорите, душа моя?

— Нельзя шумъ дѣлать.

— Это оригинально! А почему?

— Не полагается.

— А почему не полагается?

— Потому что запрещается.

И мы снова покатывались со смѣху.

Ночь мы не спали. Хотя Васюку и поставили вторую койку, но мы оба легли на мою и всю ночь проболтали. И было, дѣйствительно, о чемъ поговорить — не годъ и не два мы шли въ жизни рука объ руку.

Монотонно и ровно ходилъ по корридору надзиратель; со двора изрѣдка длинными злыми змѣйками вползалъ въ тишину свистъ часовыхъ. Мы лежали, крѣпко прижавшись другъ къ другу, тихо раскрывали поверхность нашей памяти и, точно дѣти изъ стараго сундука, вынимали пережитое, слегка застѣнчиво, но тайно радостно лелѣяли его, любовались имъ и тихо смѣялись. А сѣдая, старая тюремная Тоска стояла въ темномъ углу и привѣтливо кивала намъ головой, и шептала намъ что-то свое, старое, тюремное, таинственное...

Подъ утро, когда полукруглое оконце, похожее на половину колеса со спицами, посѣрѣло, Васюкъ заснулъ.

Я уже давно былъ не въ ладахъ со своимъ сномъ и ловилъ его невзначай — то днемъ, то вечеромъ, а ночью онъ обыкновенно бродилъ гдѣ-то одиноко. И ту ночь я не спалъ и, помню, съ любовью, какъ мать на спящаго ребенка, смотрѣлъ на Васюка.

Лицо его съ курчавыми бѣлокурыми волосами и разрѣзаннымъ пополамъ подбородкомъ мирно и довѣрчиво припало къ моей груди, и мнѣ хотѣлось тихо-тихо поцѣловать его. Но еслибы онъ услыхалъ и проснулся, то захохоталъ бы, какъ безумный. И я только смотрѣлъ на него. Онъ причмокивалъ губами, мычалъ, иногда злобно чесался и снова ровно и спокойно дышалъ.

Мы не доискивались особенно причинъ того, почему „они“ посадили Васюка ко мнѣ. Чортъ ихъ побери!—посадили и ладно: обоимъ намъ меньше каторги ждать нечего, одинаково мы оба никакихъ показанiй не давали и, значитъ, бояться запутать какъ-нибудь другъ друга намъ было нечего.

Однако, книгъ намъ все-таки не разрѣшали, выразительно намекнувъ при этомъ, что мы могли бы, еслибъ захотѣли, имѣть не только книги, но даже и табакъ. Хотѣть-то мы очень хотѣли, но показанiй все-таки не давали, а сдѣлали изъ хлѣба

шашки и играли, хохотали, дразнили надзирателей. Ихъ было двое въ нашемъ корридорѣ. Одинъ — маленькій, рыжій и весь необыкновенно плоскій, словно засушенный въ какой-то огромной книгѣ. Онъ всегда держалъ между большимъ и среднимъ пальцемъ папиросу, жмурился отъ дыму и, глядя въ „глазокъ“ внимательно-спокойнымъ взглядомъ, протяжно говорилъ:

— А пѣсни-то играть неззя-я...

И прищуривалъ отъ дыму лѣвый глазъ—отъ этого казалось, что онъ самъ издѣвается надъ своими словами.

— Отчего это нельзя?

— Не полагается... Такое узаконеніе, что не полагается... Когдабъ случайно, скажемъ, вышло такое узаконеніе, что полагается арестованнымъ пѣсни пѣть,—значитъ, надо всѣмъ пѣть.

И съ легкой усмѣшкой онъ хитро и невозмутимо прищуривалъ глазъ.

У него было философское направленіе мыслей, и мы очень любили съ нимъ бесѣдовать, но онъ обыкновенно очень скоро отходилъ отъ „глазка“.

Другой же вовсе и не вступалъ съ нами въ разговоры. Сухой, угловатый, съ жесткими, точно сдѣланными изъ проволоки и выкрашенными въ желтый цвѣтъ усами, онъ грозно и сурово стучалъ ключами по окошечку и кричалъ намъ обоимъ:

— Слышь ты! Приказываю, чтобы не было пѣсней!

Мы только этого и ждали—и такъ и валились на койки отъ смѣха.

Онъ нѣсколько недоумѣло, но все такъ же грозно и строго смотрѣлъ на насъ, потомъ отходилъ и деревянно, съ неумолимымъ видомъ прохаживался мимо „глазка“.

Какъ только онъ отходилъ, мы, пересиливши хохотъ, снова затягивали: „Гей, у поли билиноньно ко-о-ли-ха-а-а-еться“.

Моментально шаги въ корридорѣ ускорялись и вмѣстѣ со стукомъ въ „глазокъ“ раздавалось:

— Слышь ты! Кому я приказалъ, что пѣсенъ пѣть нельзя! Замолчать сейчасъ же!

Я не знаю, отчего намъ было такъ смѣшно, но мы просто корчились, задыхались, плакали отъ смѣха. И, разумѣется, переставали пѣть. Онъ же, достигнувъ своего, отходилъ съ тѣмъ же недовольно-строгимъ видомъ.

Подъ вечеръ, когда надъ дверью еще не ставили лампочки, мы обыкновенно ложились на свои койки и начинали:

— Охо-хо-хо... Скучно, чортъ подери! Хоть бы одну книжку дали, скоты...

— Д-да. Это оригинально!.. Книжка—ничего... А вотъ, душа моя, знаешь ли ты, что еслибъ только пилочка, то по моей системѣ можно бѣжать... Ей Богу...

Я зналъ заранѣе, что ни по его, ни по моей системѣ никакъ убѣжать невозможно, но все-таки я съ большимъ искреннимъ любопытствомъ опирался на локоть и, едва различая очертанія его фигуры, тихо спрашивалъ:

— Какимъ же это способомъ?

— А вотъ какимъ... Ты только слушай... Иди сюда...

Я пересаживался къ нему на койку, упираясь бокомъ въ его животъ, а онъ лежа, тихо и таинственно, начиналъ развивать старый, негодный планъ, только съ какой-нибудь маленькой перемѣной. Я слушалъ внимательно; сердце замирало, когда планъ представлялся мнѣ дѣйствительностью; я даже не противорѣчилъ ему. Только въ самомъ концѣ, когда ясно обнаруживалось, что кромѣ пилки недоставало еще какихъ-нибудь ста, двухъ сотъ рублей, мы начинали бѣшено хохотать, послѣ чего я выступалъ со своимъ планомъ. И Васюкъ тоже внимательно и серьезно слушалъ меня, иногда съ горячностью перебивая, дополняя, даже поправляя, но оспаривая только детали — а не самую основу плана, въ который онъ вѣрилъ безгранично. Когда же я кончалъ и оказывалось, что для моего проекта не хватало только двухъ револьверовъ, динамиту и рублей пяти-десяти денегъ, Васюкъ рѣшительно выступалъ противъ и снова выдвигалъ свой проектъ.

Ужинъ перебивалъ нашъ споръ. Послѣ ужина мы пѣли, сперва потихоньку, печально, но затѣмъ Васюкъ выбиралъ какую-нибудь разудалую пѣсню, твердо шагалъ по полу и въ тактъ выбивалъ какую-то солдатскую мелодію.

Подходилъ надзиратель, стучалъ ключами и начинался обычный разговоръ.

— Слышь! Довольно пѣснопѣнія!

— Довольно? Это оригинально! А мы только начали.

— Такъ вотъ и прекрати, коли начали.

— Да неужели?

И такъ далѣе.

А ночью, во снѣ, наши планы осуществлялись: мы убѣгали, стрѣляли, проламывали стѣны динамитомъ, пролѣзали въ самыя узенькія дырочки; просыпались отъ сильнаго волненія, и снова подкупали часовыхъ, переодѣвались, пролѣзали черезъ стѣны, срывались—и снова просыпались. Такъ каждую ночь. А утромъ послѣ чаю мы сидѣли и разсказывали другъ другу свои ночныя удачи и неудачи.

Послѣ обѣда „дѣлали“ прогулку, играли въ шашки и снова лежали въ полутьмѣ сумерекъ и напряженно слушали свои „новые“ планы. А потомъ хохотали такъ, что къ нашей камерѣ долженъ былъ подходить надзиратель и брякать ключами въ дверь.

Иногда Васюкъ грустно опирался локтемъ на подушку, клалъ голову на руку и, глядя снизу вверхъ на окно, философски-задумчиво говорилъ:

— А знаешь, душа моя, я думаю, что хуже тюрьмы ничего не можетъ быть... Ей Богу...

— Гм... Чортъ его знаетъ... Мнѣ тоже кажется...

— Нѣтъ, это—фактъ. Ты посмотри: на волѣ люди теряютъ либо здоровье, либо богатство, либо близкихъ людей... Правда? Рѣдко бываетъ, чтобы все сразу... А? Ты что говоришь?

— Да-а, бываетъ...

— Но рѣдко... А тутъ все сразу. Понимаешь? Ни черта! Нѣтъ, подлая вещь эта тюрьма!.. И еще безъ книжки...

И разъ онъ неожиданно добавилъ:

— А знаешь, душа моя, что я вчера здорово таки кровью харкалъ. Ей Богу!

И разсмѣялся.

Мнѣ стало холодно.

— Это правда, Васюкъ?—тихо спросилъ я.

Онъ еще больше засмѣялся. Потомъ вдругъ легъ на койку и проговорилъ, помолчавъ:

— Д-да-а... Хотѣлъ бы я знать, что можно найти худшаго въ жизни... Это оригинально... Хуже тюрьмы... Да еще такой... Ты знаешь, душа моя... Эхъ, голубчикъ ты мой!..

Онъ быстро пересѣлъ ко мнѣ на койку, обнялъ за плечи и нагнулся ко мнѣ:

— Хочешь, скажу тебѣ такой планъ, что мы черезъ недѣлю будемъ на волѣ? Хочешь?

— Ну?—выжидательно протянулъ я.

— Слушай же...

Онъ сѣлъ удобнѣе, причмокнулъ губами, какъ бы смакуя свой планъ, и тихимъ шепотомъ подробно изложилъ мнѣ все.

Да, планъ былъ, дѣйствительно, простъ и надеженъ. Надо было только подкупить двухъ надзирателей — это его нѣсколько усложняло. Но если игнорировать эту деталь, то можно было бы поручиться за успѣхъ.

— Слушай... Но ты забываешь, что у насъ некому подкупить ихъ?..

— А, погоди!.. Это не такъ важно... Главное, идея... Представимъ себѣ, что есть... Тогда, ты посмотри только...

И онъ снова рисовалъ будущую картину нашего побѣга.

Нѣтъ, планъ, дѣйствительно, геніальный! Геніальный своей простотой, отважностью и неожиданностью. Вотъ только еслибъ нашелся кто-нибудь съ воли, кто подкупилъ бы часовыхъ, что у воротъ.

Мы замолкли — потомъ оба сразу захохотали. Хохотали мы такъ, что къ „глазку" подошелъ засушенный надзиратель и сказалъ такимъ тономъ, точно сообщалъ интересную новость:

— Господа!.. Слышьте, господа!.. Вы знаете, что не полагается такъ крупно смѣяться?

Но когда мы не только не перестали „крупно" смѣяться, а залились еще болѣе неудержимымъ смѣхомъ, онъ сталъ равномѣрно и сильно стучать ключами въ дверь „волчка" и повысилъ голосъ:

— Эй, господа, ржать такъ не полагается. Слышите?

— Ой, умру...—стоналъ Васюкъ.

— Слышите, господа? Прошу васъ убѣдительно. Довольно.

Помнится, Васюкъ еще долго всхлипывалъ отъ смѣху, а я... мнѣ стало вдругъ грустно-грустно...

И почему-то съ этого вечера (я и до сихъ поръ не могу объяснить себѣ, почему именно съ этого) началось что-то... не такое, какъ раньше. Помню, что на другой день мы какъ-то ни разу не хохотали. Васюкъ почти все время ходилъ изъ угла въ уголъ по вытертымъ половицамъ и насвистывалъ. Я лежалъ на койкѣ. Это былъ едва ли не первый день съ тѣхъ поръ, какъ я жилъ съ Васюкомъ, что я пролежалъ, какъ бывало прежде, все время на постели. Къ вечеру, при сѣромъ сумеречномъ свѣтѣ, мы сѣли было играть въ шашки, но посреди игры намъ обоимъ стало скучно, и мы бросили.

Въ этотъ вечеръ мы не развивали никакихъ проектовъ.

На другой день, отчетливо помню, Васюкъ все время послѣ обѣда до самаго вечера просидѣлъ на окнѣ, вцѣпившись руками въ рѣшетку. Мы часто сиживали тамъ и прежде, но не такъ подолгу.

А я цѣлый день лежалъ на койкѣ. Не хотѣлось двигаться. Постепенно, незамѣтно, вышло такъ, что Васюкъ ходилъ по камерѣ и насвистывалъ, а я лежалъ. Мы почти не разговаривали, а если случалось заговорить, то разговоръ быстро прекращался и чѣмъ дальше, тѣмъ становился суше и холоднѣе. Шашки какъ-то затерялись, и когда однажды захотѣлось поиграть, мы не могли найти нѣсколько штукъ. Новыхъ же дѣлать не хотѣлось.

Хожденіе Васюка взадъ и впередъ раздражало меня. Иногда онъ начиналъ кашлять, опирался о стѣнку рукой и, нагнувши голову, кашлялъ минутъ пять. Это тоже было досадно и скучно слушать.

— Ты бы поменьше на окнѣ сидѣлъ,—сказалъ я однажды.

— Это не окно,—съ трудомъ выговорилъ онъ шепотомъ и, постоявъ еще немного, снова сталъ ходить.

— И ходилъ бы ты поменьше...

— А тебѣ что?

— Мнѣ ничего... Но ты утомляешься...

— Плевать!

— Глупо...

— Не нахожу... Глупѣе лежать цѣлый день.

— Я по крайней мѣрѣ лежу тихо и никого не безпокою своимъ хожденіемъ...

— Это оригинально. Значитъ, и я обязанъ лежать?

— Ахъ, отвяжись... Хочешь, ходи...

И онъ ходилъ, опустивъ голову, точно глубоко задумался надъ чѣмъ-то. Но я зналъ все, о чемъ онъ могъ думать; зналъ, какъ онъ повернется, сядетъ, закинетъ руки за шею и порывисто ляжетъ на койку. Зналъ, что и онъ меня знаетъ такъ же хорошо, какъ и я его. Зналъ даже, что когда ночью онъ странно лязгаетъ зубами, ему снилась женщина, а когда вдругъ сядетъ на койкѣ — снилось, что бѣжалъ. Вначалѣ я спрашивалъ его, а потомъ и спрашивать пересталъ. Что онъ можетъ мнѣ сказать? Все то же самое, старое, извѣстное. Пробѣжитъ по протоптаннымъ слѣдамъ въ мозгу, а новаго слѣда не оставитъ.

И чѣмъ дальше шло время, тѣмъ Васюкъ меньше и меньше смѣялся, а все чаще ложился на койку и тяжело сопѣлъ. Сначала это казалось страннымъ, но скоро стало старымъ и извѣстнымъ. Все у насъ моментально становилось старымъ, тѣмъ же самымъ. И оттого что новаго не было, старое отъ долгаго лежанья въ мозгу стиралось, теряло всѣ краски, сморщивалось, а затѣмъ начинало гнить. И еслибъ можно было раскрыть наши черепа, я увѣренъ, что мозги наши свѣтились бы гнилымъ фосфорическимъ блескомъ.

Иногда отчего-то по заснувшей душѣ холодомъ проходило что-то безпокойное, тоскливое, страшное. Особенно вечеромъ, когда камера дѣлалась наполовину темной, наполовину свѣтлой. Тогда и Васюкъ начиналъ какъ разъ усиленно сопѣть носомъ. Это еще больше раздражало.

— Послушай, Васюкъ, зачѣмъ ты такъ сопишь?

— А что?

— Да ничего. Непріятно слушать.

— Это оригинально!

Идіотъ! Онъ еще шутить намѣренъ.

— Ничего оригинальнаго нѣтъ, а только некрасиво.

— Можетъ быть, я тебя безпокою этимъ?

— Ахъ, отвяжись ты ради Бога! „Безпокою, безпокою“! Подумаешь, деликатность какая!

— Такъ какого же чорта ты пристаешь? „Не ходи, не сопи“. Твоя это камера, что-ли?

— Конечно, моя! Такъ и знай. Меня перваго привели сюда.

Онъ такъ и присѣлъ.

— Слушай, ты либо одурѣлъ, либо...

— Самъ ты дурень!..

Онъ молча, помню, посидѣлъ, потомъ тихо легъ. Мнѣ стало немного стыдно, но тотчасъ же я почувствовалъ за это страшную злобу къ Васюку. Мнѣ хотѣлось обидѣть его еще больнѣе.

— И кашляешь ты,—сказалъ я.—Раньше ты по ночамъ не кашлялъ, а теперь кашляешь... Я вѣдь не виноватъ, что ты не можешь спать.

Онъ молчалъ.

— Я тоже могъ бы, когда у меня безсонница, кашлять и вообще мѣшать спать.

Васюкъ задвигался.

— Я это нарочно дѣлаю?—глухо спросилъ онъ.

— Я думаю, да. Раньше ты не кашлялъ. А теперь—на зло. Думаешь: я не сплю, такъ пусть и другой не спитъ.

Васюкъ спустилъ ноги на полъ и сѣлъ. Сѣлъ и уставился на меня. Я лежалъ и смотрѣлъ въ потолокъ, но чувствовалъ его взглядъ на себѣ.

— Ну и скотина же ты, я тебѣ скажу,—медленно и злобно началъ онъ.—Такая дрянь, что я и не ожидалъ. „На зло“!

— Я бы попросилъ тебя не ругаться; потому что я тоже умѣю...

— Ну, развѣ, дѣйствительно, не скотина! Какое ты имѣешь право такъ говорить?.. Я, молъ, на зло ему кашляю. Ты, братъ, можетъ быть, по себѣ мѣряешь. Но коротка мѣрка...

— Скажите, большой какой! Подумаешь!

Васюкъ замолчалъ и снова легъ.

Больше мы въ этотъ вечеръ не разговаривали. Ночью Васюкъ кашлялъ необычайно громко и долго. Я былъ убѣжденъ, что это онъ дѣлаетъ нарочно, на этотъ разъ уже навѣрное на-

рочно. Я не спалъ всю ночь. Ну, подожди же; и мы будемъ такъ. Погоди, погоди!

На слѣдующій день я уже не лежалъ. Когда Васюкъ начиналъ ходить по камерѣ, я тоже вставалъ и ходилъ. Намъ было неудобно, мы сталкивались и должны были даже останавливаться. Васюкъ молча поглядывалъ на меня, усмѣхался и садился на свою койку. Я тоже въ унисонъ ему усмѣхался, продолжая ходить по камерѣ.

Послѣ обѣда онъ долго и болѣзненно кашлялъ. Потомъ, тяжело дыша, закрылъ глаза и задремалъ.

Тогда я всталъ, зашагалъ по камерѣ и громко запѣлъ. Онъ испуганно очнулся, поднялся на локтяхъ, взглянулъ на меня.

— Неужели ты не могъ бы посидѣть тихо какіе-нибудь полчаса? — хмуро спросилъ онъ. — Ты вѣдь видѣлъ, что я вздремнулъ.

— Со мною не церемонятся—чего же мнѣ церемониться?— бросилъ я холодно, не останавливаясь.

Онъ помолчалъ.

— Эхъ, и злой же ты, я тебѣ скажу!

— Ну и прекрасно!

Онъ долгимъ взглядомъ всмотрѣлся въ меня, потомъ что-то злое пробѣжало въ этомъ взглядѣ—онъ усмѣхнулся.

— Ну, ладно... Пускай будетъ такъ,—промолвилъ онъ и легъ.

Съ этого часу мы ужъ не лежали оба равнодушно и апатично. Каждый изъ насъ напряженно слѣдилъ за каждымъ словомъ и движеніемъ другого. Мы даже возобновили снова разговоры и игру въ шашки, но разговаривали только для того, чтобы поймать другъ друга, прижать и заставить почувствовать свое безсиліе и униженіе передъ другимъ. Играли мы въ шашки только для того, чтобы любоваться, какъ искривляются злобой губы побѣжденнаго.

Но пѣть и смѣяться мы перестали.

Чѣмъ дальше, тѣмъ взгляды наши становились острѣе, слова больше проникнуты ядомъ ненависти, а поступки всѣ направлены къ одной цѣли: все для другого. Все, что я ни дѣлалъ, я дѣлалъ для него. Онъ—такъ же.

Вотъ онъ полѣзъ на окно. Сидитъ и хмуро смотритъ на небо. Чему-то улыбнулся.

— Слушай, Васюкъ. Можетъ быть, ты бы слѣзъ уже... Я тоже хочу немножко посидѣть... Ты цѣлый день сидишь сегодня...

— Цѣлый день?.. Это оригинально! Я только что сѣлъ.

— Я тоже хочу посидѣть.

Онъ усмѣхается и слѣзаетъ.

— Пожалуйста, будьте любезны! — иронически показываетъ онъ рукой на окно.

О, какъ я его ненавижу за то, что онъ слѣзъ!

Взбираюсь на окно и сижу съ довольнымъ видомъ. Мнѣ вовсе не хочется сидѣть, мнѣ холодно на окнѣ, небо пасмурное, грязное, ничего нѣтъ любопытнаго. О, какъ я его ненавижу за то, что сижу на окнѣ съ довольнымъ видомъ!..

На скуку мы перестали жаловаться. По крайней мѣрѣ, что касается меня, то я иногда почти забывалъ, гдѣ я. Забывалъ о своемъ дѣлѣ, объ оставленныхъ на волѣ, даже о самой волѣ. Я видѣлъ и чувствовалъ только Васюка. Иногда ночи не спалъ и перебиралъ въ памяти, что̀ онъ сказалъ мнѣ и какимъ тономъ, и какъ я могъ ему отвѣтить, и отчего я не сдѣлалъ такъ либо этакъ. Тогда бы онъ не усмѣхался такъ ехидно и злорадно.

Такъ шли наши дни.

И вотъ однажды вечеромъ мы лежали въ полутьмѣ неподвижно и молчали. Я лежалъ лицомъ вверхъ и безпокойнымъ взглядомъ блуждалъ по потолку. Блуждалъ и вдругъ на чемъ-то остановился. И въ тотъ же мигъ что-то глубоко и безсознательно толкнуло меня въ сердце. Боже! Потолокъ! *Деревянный* потолокъ. На чердакъ! Взлѣзть на печку, перепилить доску, выбраться на чердакъ, съ чердака по водосточной трубѣ на улицу, съ улицы... Господи!.. Разорвать простыни и сдѣлать веревку. А пилку можно сдѣлать изъ кусочка жести, найти во дворѣ, на прогулкѣ... Ночью одинъ будетъ пилить, другой сторожить.

О, идіотъ! Онъ лежитъ и ничего не знаетъ. Лежитъ равнодушно, какъ мокрая тряпка, и не догадывается ни о чемъ.

Ха-ха-ха! Пускай лежитъ!

Какъ я смѣялся! Охъ, какъ я смѣялся всю ночь! Теперь онъ увидитъ, кто изъ насъ чего-нибудь сто̀итъ: онъ ли, который бы сто лѣтъ пролежалъ тутъ и ничего не увидѣлъ, или я...

Утромъ я ему ничего не сказалъ. Я только поглядывалъ на него и съ серьезнымъ видомъ неожиданно посмѣивался. А онъ валялся, сопѣлъ носомъ, потомъ ходилъ, сидѣлъ, лежалъ, кашлялъ.

— Можетъ быть, хочешь посидѣть на окнѣ, Васюкъ? Сдѣлай милость, садись; я потомъ посижу.

Онъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на меня. А я опускалъ глаза — зачѣмъ показывать ему, какъ сверкаетъ въ нихъ моя гордость?

— Я серьезно говорю: усаживайся, я потомъ...

— Спасибо. Ты что-то ужъ очень добрый сегодня.

И онъ недовѣрчиво поглядывалъ на меня, а я усмѣхался: „Жалкій ты!"

— Или, можетъ быть, тебѣ хочется ходить по камерѣ? Ну, такъ ходи, я ничего не имѣю противъ этого...

Онъ не сводилъ съ меня внимательнаго, удивленнаго взгляда и былъ на-сторожѣ.

А я смѣялся съ серьезнымъ видомъ и украдкой поглядывалъ на потолокъ.

Наконецъ, я рѣшилъ разсказать ему.

Вечеромъ я подсѣлъ къ нему на койку и тихо и холодно разсказалъ ему свой планъ. Онъ слушалъ молча, угрюмо. О, я видѣлъ, что онъ будетъ противорѣчить, потому что не онъ придумалъ. И дѣйствительно, выслушавъ все, онъ почесался и сказалъ:—Фантазія!

Охъ, какъ я его ненавидѣлъ!

— Отчего фантазія?

— Ну, конечно, фантазія! Чѣмъ же ты пилить будешь?

Да! Я такъ и зналъ, что онъ это спроситъ.

— Чѣмъ? Пилкой!

— Какой?

— Сдѣлаемъ изъ жести!

— Гдѣ же ты возьмешь жесть?

Господи! Онъ еще смѣлъ сомнѣваться! Онъ, который сто лѣтъ пролежалъ бы тутъ, какъ мокрая тряпка, и ничего бы не увидѣлъ, онъ еще смѣетъ...

— Я съ тобой и разговаривать больше не хочу! Можешь лежать спокойно...

— Да погоди! Я тебя спрашиваю, откуда ты добудешь жесть. У часового попросишь?

— На дворѣ найду! Вотъ гдѣ! Или отъ подоконника отломаю. Ну, будетъ!

Больше я не хотѣлъ разговаривать съ этимъ остолопомъ!

Но на слѣдующее утро онъ самъ началъ разговоръ, и видно было, что онъ искренно кается въ своемъ вчерашнемъ недовѣріи.

То-то же, голубчикъ!

Впрочемъ, я не хотѣлъ уже вовсе принижать его, и потому холодно-дѣловито сказалъ: — Въ такомъ случаѣ мы сегодня же должны найти.

— Ну, конечно. (Онъ попробовалъ даже руки потереть). Моментально надо найти кусокъ жести. Ого! Только, знаешь,

надо осторожно. А потомъ мнѣ кажется, что было бы лучше бѣжать на правую сторону. А?

Я холодно и строго промолчалъ. Безъ тебя знаемъ, съ какой стороны лучше!

Мы вышли на прогулку. Я не хотѣлъ, чтобы онъ нашелъ жесть. Онъ—неуклюжій, онъ—недотепа, онъ *не долженъ* найти.

Найти долженъ я.

И въ самомъ дѣлѣ — нашелъ я. Въ углу, гдѣ лежала куча кирпичу, я присѣлъ отдохнуть. Блуждая глазами по землѣ, я вдругъ у самыхъ ногъ своихъ замѣтилъ кусочекъ заржавѣлой жести, которая торчала изъ-подъ глины. Самой настоящей жести, какъ разъ такой, какую я себѣ представлялъ, даже такъ же погнувшейся. Когда надзиратели смотрѣли въ другую сторону, я съ замираніемъ сердца вынулъ платокъ и какъ будто нечаянно уронилъ его на жесть. Потомъ медленно и равнодушно нагнулся, поднялъ вмѣстѣ съ платкомъ драгоцѣнную находку и такъ же медленно и лѣниво засунулъ ее подъ пальто. Ура!

Васюкъ все видѣлъ и уже хитро мнѣ подмигивалъ, но я, не глядя на него, всталъ и, крѣпко придерживая рукой бляху, медленно и лѣниво сталъ ходить между часовыми. Зѣвая, я поглядывалъ на небо и при этомъ отчетливо замѣтилъ, что направо бѣжать нельзя, потому что тамъ стояла будка, и часовой скорѣе всего могъ быть на этой сторонѣ. Зѣвая и какъ будто балуясь, я поднялъ съ земли нѣсколько камешковъ и незамѣтно спряталъ ихъ въ карманъ.

Въ камерѣ я сказалъ Васюку относительно правой стороны и тотчасъ же прекратилъ разговоръ, не желая унижать его.

Онъ покорно согласился.

Мы взялись за изготовленіе пилки. Ахъ, надо было только посмотрѣть, какъ онъ теръ камнемъ эту несчастную жесть! И ничего-то онъ не умѣлъ дѣлать, этотъ крѣпколобый парень!

— Да нѣтъ! Давай сюда. Ты сторожи у двери, а я буду работать.

Онъ виновато передалъ мнѣ камень и жесть, а самъ сталъ около „глазка“ наблюдать. Изрѣдка онъ подходилъ ко мнѣ и робко взглядывалъ, что я дѣлаю, но я холодно напоминалъ ему о надзирателѣ, и онъ, глуповато ухмыляясь, поспѣшно шелъ назадъ.

Я точилъ цѣлую недѣлю, и цѣлую недѣлю онъ робко поглядывалъ на мои руки, а я кричалъ на него. Не могъ же я въ самомъ дѣлѣ допустить, чтобы благодаря его глупому любо-

пытству пропало все дѣло! Если ты ни на что больше не годенъ, то сторожи хоть какъ слѣдуетъ.

Но пила вышла все-таки превосходная! Правда, она была чуточку кривая, зубцы были неровные, но зато острые, какъ у настоящей пилы.

Развѣ онъ могъ бы сдѣлать что-либо подобное?

У-у, дубина!

— Не стой ты, Христа ради, передъ носомъ! Иди къ дверямъ!

Онъ съёживался и отходилъ.

Наконецъ, мы рѣшили взяться за потолокъ.

Рѣшено было, что первымъ полѣзу я. Правда, онъ упорно стоялъ на томъ, чтобы ему лѣзть первому; но такъ какъ я не соглашался, то постановлено было, что первымъ полѣзу я. Онъ вѣдь, косолапый, непремѣнно сдѣлалъ бы что-нибудь не такъ.

На мою койку мы положили чучело, покрыли его одѣяломъ, а Васюкъ долженъ былъ ходить по камерѣ, поглядывая въ окошечко. Въ случаѣ серьезной опасности онъ долженъ былъ чихнуть, а въ знакъ того, что надзиратель приближается къ двери—покашливать. Но я заранѣе былъ увѣренъ, что онъ все перепутаетъ и чихнетъ тогда, когда вовсе не надо...

— Только сдѣлай милость, не перепутай!

— Ну, что ты? Вотъ еще сказалъ.

Еще обидѣлся!—Подумаешь, какой ловкачъ!

— Ну, ладно. Становись!

Васюкъ уперся руками въ печку и согнулъ спину. Я внимательно оглянулъ корридоръ, затѣмъ быстро подошелъ къ Васюку, влѣзъ ему на спину, и ухватившись руками за край печки, осторожно и медленно влѣзъ на нее.

Васюкъ сейчасъ же подошелъ къ двери, поглядѣлъ въ „глазокъ“, а затѣмъ сталъ ходить по камерѣ.

Сердце билось необычайно сильно. Я вынулъ пилку и сталъ осторожно нащупывать потолокъ. Было темно; къ рукамъ липла старая толстая паутина; колѣнамъ было больно отъ мелкихъ камешковъ, пахло дымомъ и жженой глиной.

Сверху камера казалась какой-то странной, чужой, а фигура Васюка—маленькой и нелѣпой.

Вотъ! Наконецъ! Кажется, эта балка. Странно, что она вовсе не такая, какою казалась снизу. Она шире, толще... Страшно неудобно... Неоткуда начать... Кажется, Васюкъ чихнулъ? Нѣтъ, ходитъ. Хорошо ему, остолопу, ходить. Только это онъ и умѣетъ, а все мнѣ самому приходится дѣлать. Развѣ попробовать такъ?..

Едва удалось начать. Пилка гнулась, натирала руку. Шумъ отъ пиленія былъ такой, что, мнѣ казалось, его сейчасъ же услышитъ вся тюрьма. Я для чего-то даже стискивалъ челюсти и, ежеминутно прислушиваясь, смотрѣлъ внизъ. Но Васюкъ все такъ же ходилъ, поглядывалъ въ „глазокъ" и молчалъ.

Тогда я снова начиналъ пилить. Но пилка гнулась, рука болѣла, я задыхался. Ощупывалъ пальцами свою работу и замѣчалъ со злостью, что она почти вовсе не подвигается. Я безсильно опускалъ руку и уныло глядѣлъ внизъ. Тамъ ходилъ Васюкъ, то и дѣло добросовѣстно поглядывая въ „глазокъ", окно чернѣло, а желтый свѣтъ лампочки мерцалъ въ верхней половинѣ камеры.

Я вспоминаю: какимъ жалкимъ представлялся я самъ себѣ на этой печкѣ—безсильный, перепачканный пылью и паутиной! И неужели въ это самое время гдѣ-то гудѣли трамваи, куда-то шли люди, женщины, дѣти, маленькія, милыя дѣти?!..

И снова я брался за пилку, стискивалъ зубы, прислушивался и пилилъ. Но подлая пилка гнулась, натирала руку—рука ныла и опадала.

И зналъ я—охъ, зналъ—что не пилка виновата, а виновата моя безсильная, худая рука. И зналъ я, что полѣзетъ онъ—и пилка не будетъ натирать его мускулистую, сильную руку.

Я рѣшительно бросилъ и слѣзъ.

— Что такое?—взволнованно спросилъ онъ.

— Усталъ,—хмуро пробормоталъ я.—Лѣзь ты...

Онъ сдержанно усмѣхнулся.

— Смѣшного нѣтъ рѣшительно ничего. Попробуй самъ, тогда и смѣйся...

Онъ молча взялъ у меня пилку, неловко взлѣзъ мнѣ на спину и взобрался оттуда на печку. Я думаю, что онъ умышленно такъ давилъ мнѣ плечи каблуками. Медвѣдь!

Но пилилъ онъ, дѣйствительно, не такъ, какъ я.

— Ты до странности мало сдѣлалъ!—весело прошепталъ онъ, слѣзая по моей командѣ.

— Вотъ еще! А начать, по твоему, легко?

— Да развѣ я къ тому?

Но я уже видѣлъ, къ чему шло дѣло. Я это прекрасно видѣлъ по его величаво-усталому виду, когда онъ слѣзалъ съ печки. Конечно, онъ уже представлялъ себѣ, что главное лицо всего дѣла—*онъ*. Этотъ олухъ былъ серьезно убѣжденъ, что *онъ* меня спасаетъ!

— Ну, дѣло подвигается,—говорилъ онъ теперь обычно.

О, какъ я ненавидѣлъ его за то, что дѣло подвигается! Какъ я хотѣлъ, чтобы онъ сломалъ пилку, порѣзалъ руку. Тогда бы онъ не важничалъ такъ...

Дни съ головокружительной быстротой пролетали черезъ нашу камеру и исчезали въ безднѣ Минувшаго. И каждый день былъ непохожъ на предыдущій, и каждая ночь отличалась отъ предшествующихъ ночей.

Люди съ ключами не замѣчали ничего и такъ же, какъ прежде, ходили около нашихъ дверей или дремали гдѣ-то тамъ, въ концѣ корридора.

И только ставили вечеромъ лампочку на двери, Васюкъ влѣзалъ мнѣ на спину, ловко поднимался на печку и шепталъ оттуда:

— Готово! Слѣди!

И я ходилъ и слѣдилъ.

„Шр! шр! шр!" — слышалось съ печки, а я ходилъ и поглядывалъ на „глазокъ".

И, слѣзая, онъ съ каждымъ разомъ все холоднѣе и короче говорилъ мнѣ усталымъ, сухимъ голосомъ:—Скоро конецъ.

Я уже молчалъ. Я боялся говорить, потому что у меня изъ груди вырвалась бы такая дикая буря словъ, что лучше молчать.

Я только думалъ про себя. Глядя днемъ на его колючіе холодные глаза, направленные на меня, я думалъ, что самому, безъ помощи, мнѣ не влѣзть на печку. Кто полѣзетъ первый: *онъ* или я?

Я былъ увѣренъ, что полѣзетъ онъ. Ну и пусть! Пусть лѣзетъ онъ, а я останусь тутъ: посмотримъ, далеко ли онъ долѣзетъ, оставивъ меня.

Я думалъ, что еслибъ я влѣзъ первый, я бы... я бы помогъ ему, не оставилъ бы здѣсь. Я вѣдь зналъ его, зналъ хорошо лютую ненависть его глазъ: оставь я его здѣсь, онъ способенъ былъ бы позвать часовыхъ и выдать меня. Онъ бы съ большой охотой бросилъ меня здѣсь, еслибъ не боялся, что я тоже способенъ позвать надзирателя. И если онъ не броситъ, то только изъ страха, что и самъ не убѣжитъ.

И, вправду, онъ испугался, и полѣзъ первымъ я. Сталъ ему на спину и взлѣзъ на печку. Потомъ легъ на ней и свѣсилъ ему внизъ руку. Онъ ухватился за нее и крѣпко таща меня книзу, сталъ карабкаться. Взлѣзъ и сталъ тотчасъ озираться на „глазокъ".

— Ты чуть не оторвалъ мнѣ руку...,—прошепталъ я.

— Ну, молчи! Что тамъ: „руку“! Не до рукъ твоихъ. Смотри на „глазокъ“—я выну доску.

Я стиснулъ зубы и сталъ глядѣть на желтый квадратикъ въ дверяхъ.

На койкахъ неподвижно лежали чучела, укрытыя нашими одѣялами. Верхняя половина камеры, разрисованная тѣнями рѣшетки, была освѣщена, а нижняя, съ койками, темна.

За спиной сопѣлъ Васюкъ,—возился съ доской. Мнѣ никакъ нельзя было повернуться, взглянуть, но я волновался такъ, что боялся упасть.

— Готово!—прошепталъ онъ наконецъ.

Я съ усиліемъ повернулъ голову и увидѣлъ, что голова его стала скрываться въ черной дырѣ потолка, потомъ вошли туда плечи, потомъ ноги его стали разгибаться и, наконецъ, все тѣло съ легкимъ шуршаніемъ пролѣзло въ отверстіе. Мнѣ стало свободнѣе на печкѣ. Я тоже приготовился. Ноги его исчезли одна за другой.

Тогда я подлѣзъ къ дырѣ и тоже сталъ влѣзать въ нее.

— Лѣзь скорѣе!—сердито прошепталъ Васюкъ и потянулъ меня за руку. Я ничего на это не отвѣтилъ.

На чердакѣ было холодно, темно, и каждый нашъ шорохъ вызывалъ эхо.

— За мною!—шепнулъ около меня Васюкъ, и я почувствовалъ, что онъ отходитъ отъ меня.

Онъ дѣлалъ все такъ, точно выросъ тутъ, на этомъ чердакѣ. Онъ увѣренно нашелъ отверстіе на крышѣ, ловко пролѣзъ въ него и помогъ мнѣ пролѣзть. Потомъ злымъ и безапелляціоннымъ голосомъ онъ приказалъ мнѣ ухватиться руками за швы крыши и ползти на колѣняхъ. И полѣзъ. Я—за нимъ.

Онъ ползъ тихо, неслышно, какъ кошка, а у меня подъ колѣнами крыша каждый разъ начинала такъ трещать, что я весь цепенѣлъ и замиралъ. А Васюкъ останавливался и злобно шипѣлъ:

— У-у, чортовъ сынъ!.. Тише, будь ты проклятъ!

Но и внизу, и вверху было тихо. Насъ не слышали. Слышалъ только холодный вѣтеръ да молчаливыя черныя трубы на крышѣ. Было жутко и странно.

Мы подползли уже до самаго края крыши съ той стороны, гдѣ зданіе тюрьмы выходило на пустырь. Васюкъ молча вынулъ веревку, долго возился возлѣ трубы и, наконецъ, прошепталъ:

— Сиди тихо. Я полѣзу впередъ. Если будутъ стрѣлять, не лѣзь. Убьютъ! Слышишь?

— Я полѣзу первый,—несмѣло вырвалось у меня.

— Ну, это чорта съ два!

— Ты хочешь меня бросить...

— Не приставай съ глупостями!.. Сиди...

И сталъ спускать ноги съ крыши. Несомнѣнно, онъ хотѣлъ, чтобы поймали меня, а не его. Онъ надѣлаетъ шуму, а меня поймаютъ.

Онъ исчезъ. Я ухватился руками за водосточную трубу и взглянулъ внизъ. Подъ стѣною горѣли далеко одинъ отъ другого фонари, бросая на землю небольшіе желтые круги. Ни Васюка, ни часового не видать. Только труба, къ которой была привязана веревка, сильно скрипѣла и колебалась подъ невидимой тяжестью.

Потомъ сразу затихла. Очевидно, онъ былъ уже на землѣ. Я торопливо, весь дрожа, ухватился руками за трубу и спустилъ ноги внизъ. Нащупалъ веревку, работалъ ногами въ воздухѣ и сталъ спускаться. Веревка терла руки, тѣло тянуло книзу и было такое тяжелое, что я даже удивился тогда. Сперва я думалъ про часового—какъ бы не спуститься ему на голову, думалъ, чтобы не надѣлать шуму, но дальше всякія мысли стали исчезать и была только одна тоскливая забота — не сорваться. Я уже не перебиралъ руками, а просто съѣзжалъ, повиснувъ на вытянутыхъ рукахъ. Ладони горѣли, ноги безпомощно висѣли, по тѣлу проходили струйки холоднаго ужаса. Я все больше чувствовалъ, что съѣзжаю все скорѣе и скорѣе, что вотъ-вотъ руки мои не выдержатъ, и я упаду внизъ.

Встрѣтился узелъ. Помню, одна рука моя соскользнула по немъ, потомъ другая, замерло сердце и... я почувствовалъ, что веревки въ ладоняхъ уже больше нѣтъ. Потомъ шумъ въ ушахъ и страшная боль въ ногѣ отъ чего-то твердаго. Я лежалъ на землѣ. Попробовалъ подняться—не могу: правая рука и нога при каждомъ движеніи такъ болятъ, что лучше десять лѣтъ тюрьмы, чѣмъ одинъ часъ такой боли.

Я легъ. Очевидно, моего паденія никто не слыхалъ. Такъ же пробѣгалъ сердитый вѣтеръ надъ стѣной, такая же хмурая тишина царила кругомъ.

Ладони болѣли и горѣли. Холодная, сырая земля сквозь промокшую одежду липла къ тѣлу.

Но меня охватывало тупое равнодушіе. Дѣло мое (это ясно!) погибло. Меня сейчасъ найдутъ, заберутъ—и баста. Васюкъ, вѣроятно, уже далеко. Ну, и Богъ съ нимъ. Бросилъ меня—и Богъ съ нимъ.

Я даже ни на минуту не подумалъ, что, можетъ быть, онъ тутъ по близости ждетъ меня и сейчасъ вернется. Чего ради? Что могло заставить его вернуться? Страхъ? Но теперь ему бояться меня нечего. Если я и подниму крикъ, то только меня и заберутъ. Долгъ товарища? Э, онъ насильственнаго долга никогда не признавалъ. Онъ модернистъ. Чувство—единственный его долгъ. А что могло быть сильнѣе его чувства ненависти ко мнѣ? Отъ ненависти онъ даже нарочно бросилъ бы меня тутъ. Нарочно. Ну, и Богъ съ нимъ. Пусть бросаетъ. Я зла ему не желалъ. Я лежалъ подъ стѣной разбитый, жалкій, покинутый— ну, и пусть. Сейчасъ заберутъ... Только бы не били...

И вдругъ, неожиданно, я услыхалъ во тьмѣ какую-то возню, какъ будто кто-то ползъ. Я напряженно насторожился.

Меня тихо окликнули. Я быстро повернулся въ сторону голоса и противъ воли застоналъ отъ страшной боли.

— Что съ тобой? Отчего ты лежишь?—послышался близко около меня сердитый шепотъ Васюка.

Это былъ онъ! Конечно онъ!

Я даже боль свою забылъ отъ радостнаго, страннаго изумленія. Помню, мнѣ ужасно хотѣлось притянуть его къ себѣ, чтобы заглянуть ему въ лицо—какое оно.

— Я упалъ... Ногу сломалъ...

— Я такъ и зналъ... Идіотъ проклятый!.. Хватайся рукой за мою шею, я понесу. Ну? Скорѣе же!

Голосъ былъ злой, полный ненависти.

— Не хочу!—рѣзко оттолкнулъ я его голову.

— Я тебѣ говорю, держись за шею. Слышишь, дрянь ты! Хватайся!

Еще минута, и онъ кинулся бы на меня. Въ голосѣ его было что-то необыкновенное, странное, точно кто-то приказалъ ему идти за мной, и онъ не могъ ослушаться, пришелъ, но ненавидѣлъ меня за это еще больше. И въ этомъ голосѣ была такая сила, что я боязливо и машинально-покорно ухватилъ его за шею и повисъ на ней. Онъ обнялъ меня правой рукой за спину, поднялъ и понесъ. Больная нога задѣвала за землю такъ мучительно, что я на мгновеніе лишался сознанія, но все-таки не стоналъ. Острое любопытство подталкивало меня все время заглянуть ему въ лицо и прочесть, понять что-нибудь на немъ. Но было темно, и я видѣлъ только его глаза, напряженно устремленные прямо впередъ, будто вглядываясь во что-то внутри себя. Взглядъ лунатика или загипнотизированнаго.

Только когда я застоналъ, онъ повернулся ко мнѣ лицомъ: оно снова выражало злобу и презрѣніе.

— Тише! Перестань стонать!

И оглянулся. Вокругъ насъ темнѣлъ пустырь. Онъ осторожно подтянулъ меня выше и опять понесъ, держа цѣпко, боясь уронить.

Я снова застоналъ. Онъ прижалъ меня и прошепталъ:—Ты замолчишь? Если еще разъ застонешь, то я брошу тебя, какъ собаку!

И снова понесъ, какъ брата, какъ ношу, драгоцѣнную для него—несъ, какъ носитъ кошка въ зубахъ своихъ котятъ.

Позади насъ грозно и уныло темнѣла молчаливая тюрьма; вѣтеръ буйнымъ вихремъ крутился между нами, точно радовался за насъ; мрачныя тучи озабоченно плыли передъ нами, точно спѣшили опередить кого-то; а мы, какъ двое звѣрей, согнувшись, обнявшись, бѣжали во тьмѣ, озирались, спотыкались, тяжело дышали. Такъ, должно быть, бѣжали нѣкогда наши пещерные предки, спасая другъ друга во тьмѣ ночей.

Изрѣдка онъ останавливался, клалъ меня на свое колѣно и, вытирая потъ, напряженно вглядывался назадъ, туда, гдѣ была тюрьма. А я, стиснувъ зубы отъ боли, остро впивался глазами въ его лицо, отыскивая то, что̀ преодолѣло въ немъ ненависть ко мнѣ, любовь къ свободѣ, страхъ смерти, что̀ вернуло его къ стѣнѣ тюрьмы.

Онъ же поймаетъ мой взглядъ, злобно встрепенется, молча и съ ненавистью подниметъ меня на спину и снова несетъ, бережно и цѣпко, какъ кошка своихъ котятъ...

И снова вѣтеръ плясалъ вокругъ насъ; снова неуклюже двигались впередъ тучи, точно спѣшили извѣстить кого-то о побѣдѣ чего-то такого же темнаго, древняго и непонятнаго, какъ и онѣ; о побѣдѣ чего-то, что̀ выше ненависти, страха, любви, что̀ выше насъ. Спѣшили и неуклюже подвигались впереди насъ. А вѣтеръ, танцуя, подгонялъ ихъ.

Васюкъ въ ту же ночь передалъ меня товарищамъ, не сказавъ со мною больше ни слова.

Мы разошлись еще бо̀льшими врагами.

М. С—кая.

О НѢКОТОРЫХЪ
НАЦІОНАЛЬНЫХЪ ПРОБЛЕМАХЪ
РОССІИ

Въ числѣ очередныхъ національныхъ проблемъ Россіи одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ занимаетъ вопросъ малорусскій или украинскій, какъ сами малороссы любятъ теперь называть его. Онъ представляетъ для насъ значеніе, о которомъ лишь очень немногіе имѣютъ ясное представленіе. Съ одной стороны необходимо выяснить, чего *мы* хотимъ отъ малороссовъ, и *что мы* можемъ сдѣлать въ смыслѣ признанія ихъ національныхъ требованій; съ другой стороны, важно услышать отъ вождей украинскаго движенія, что̀ именно *они* считаютъ необходимымъ для устройства разумной *національной* жизни малорусскаго народа. Общей почвой, на которой мы можемъ сойтись, является единство государства, одинаково нужное намъ и имъ; предпосылкой же для соглашенія должно служить убѣжденіе, что національная жизнь каждой изъ частей государства не разрушаетъ единства его. Окончательной цѣлью только и можетъ быть предоставленіе всѣмъ частямъ государства такихъ условій существованія, при которыхъ онѣ въ состояніи достигнуть максимума культурнаго и экономическаго благосостоянія. Отъ благополучія частей зависитъ и благо цѣлаго. Тѣ элементы украинскаго движенія, которые выросли на почвѣ протеста противъ обрусительной нивеллировки, должны отпасть, разъ самый протестъ сдѣлается ненужнымъ. Таковы, какъ мнѣ кажется, реальныя основы разрѣшенія украинскаго вопроса, чуждыя сентиментальныхъ фразъ и недоговоренности.

Прежде всего надо считаться съ украинскимъ движеніемъ, какъ

съ фактомъ, не подлежащимъ сомнѣнію. Оно представляетъ собою чрезвычайно знаменательное культурное явленіе. Нѣтъ возможности задавить народный духъ: при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, поглощаемый польской и великорусской культурами, которыя выбирали изъ малорусскаго племени все выдающееся, пробиваясь исключительно въ низшихъ слояхъ народа, такъ какъ высшіе или ополячивались, или сливались съ великороссами, этотъ народный духъ все-таки собиралъ подъ своимъ знаменемъ все больше приверженцевъ. Укладъ малорусской жизни такъ своеобразенъ сравнительно съ великорусскимъ, въ народномъ характерѣ и языкѣ „хохловъ" столько отличій отъ „кацапской" рѣчи и жизни, что при развитіи народнаго сознанія малороссы неизбѣжно должны были выработать нѣчто культурно-самостоятельное. „Здѣсь такъ занимаетъ всѣхъ все малороссійское",—пишетъ Гоголь матери 30 апрѣля 1829 года. Восемьдесятъ лѣтъ спустя, въ 1909 году, онъ долженъ былъ бы измѣнить свои слова въ томъ смыслѣ, что малороссійское не столько „занимаетъ" русское общество, сколько интересуетъ его своей неразгаданностью, неопредѣленностью того, что скрывается за неяснымъ для него названіемъ украинства. За полустолѣтіе своего существованія малорусская литература создала немало произведеній, которыя получили бы, конечно, гораздо больше извѣстности, еслибы были написаны на русскомъ литературномъ языкѣ, но, вѣроятно, больше пользы принесли въ настоящей своей оболочкѣ, такъ какъ чрезвычайно важно было распространять въ народной средѣ, чуждой великорусской книжкѣ, тѣ общечеловѣческія идеи, которыя лежатъ въ основѣ всякаго культурнаго развитія. Изложивъ ходъ литературнаго украинскаго движенія за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ, новѣйшій историкъ малорусской литературы, Ал. С. Грушевскій, говоритъ слѣдующее: „Мы можемъ закончить съ чувствомъ бодрой увѣренности. Мы видѣли, что украинская литература за все это время была вѣрна основнымъ своимъ девизамъ—демократизму и реализму. Мы видѣли, что она всегда шла за реальностью, за дѣйствительной жизнью и внимательно приглядывалась къ новымъ теченіямъ въ жизни общества. Мы видѣли, что эти новыя теченія сейчасъ же находили откликъ въ украинской литературѣ, въ разныхъ формахъ—въ поэзіи, въ прозѣ, въ драмѣ. И такъ цѣлое полустолѣтіе. Надо прибавить, что эти полвѣка не были спокойнымъ временемъ. Несчастной эпохой цензурныхъ преслѣдованій они были разрублены на двѣ части, и если подсчитать годы расцвѣта украинской литературы въ такъ называемую эпоху реформъ и потомъ годы облегченій въ послѣднее десятилѣтіе минувшаго столѣтія, то, можетъ быть, до эпохи цензурныхъ гоненій и послѣ нея наберется всего лишь четверть вѣка спокойнаго существованія и безпрепятственнаго развитія". Настроеніе

народа, который чувствуетъ себя обреченнымъ на низшее существованіе, на уничтоженіе передъ лицомъ государственности, глубоко занимало многихъ украинскихъ писателей. Особенно ярко выразилъ это чувство Ив. Франко, въ своей повѣсти „На днѣ“, гдѣ онъ сравниваетъ низшіе классы населенія съ самыми глубокими слоями моря. „Тяжело и печально должно быть этимъ нижнимъ слоямъ воды волноваться и биться вѣчно на мертвомъ днѣ, въ страшной тьмѣ, подъ невыносимымъ гнетомъ, среди однихъ труповъ. Тяжело и печально имъ, особенно если въ нихъ скрыто движется та вѣчная, негибнущая сила, безъ которой нѣтъ ни одного атома въ природѣ. Живая, негибнущая сила внутри, а кругомъ мракъ“. Голосъ малорусской литературы—это непрерывный вопль наболѣвшей души. Малорусскій народъ, присоединяясь къ московскому государству, спокойно и увѣренно смотрѣлъ въ будущее — а между тѣмъ получилъ крѣпостное право, подвергся процессу національнаго обезличенія и теперь выставляется какимъ-то незаконнымъ претендентомъ на національныя права.

Вотъ причина того враждебнаго отношенія къ великорусской народности, которое составляетъ одну изъ характерныхъ особенностей украинства. Я намѣренно употребилъ здѣсь слова: „къ великорусской народности“. Глубокое недовѣріе ко всѣмъ представителямъ русскаго общества звучитъ въ литературѣ и публицистикѣ украинства. Великорусское племя, въ своихъ столкновеніяхъ съ малорусскимъ, стремилось къ денаціонализаціи его, идя къ этому чаще всего безсознательно, достигая этого чаще всего въ силу большей активности характера и при содѣйствіи государства, государства прежде всего великорусскаго. Отсюда рѣзкій тонъ украинской печати. Я не хочу сказать, чтобы гнѣвъ ея былъ безпочвенъ. Напротивъ, глубоко проникшіе въ наше сознаніе, привитые намъ съ дѣтства, принципы правительственной централизаціи, вообще нѣкоторое высокомѣріе, свойственное народамъ большимъ и привыкшимъ къ завоеваніямъ и подчиненіямъ, — все это вызываетъ справедливое негодованіе въ украинской печати. Но на одномъ гнѣвѣ далеко не уѣдешь: нельзя сваливать въ одну кучу всѣхъ и вся, кто не примыкаетъ безраздѣльно къ украинскимъ программамъ, тѣмъ болѣе, что самыя эти программы недостаточно ясны. Необходимо договориться и не столько бранить противниковъ, сколько убѣждать ихъ. Проф. М. С. Грушевскій, въ статьѣ „Украинскій вопросъ“ (въ его книгѣ „Освобожденіе Россіи и украинскій вопросъ“, 1907), спрашиваетъ себя, „что должны сдѣлать правительство Россіи, ея правящіе и руководящіе круги, чтобы по возможности изгладить страшный вредъ, нанесенный украинскому народу политикою подавленія и искорененія,

примѣнявшеюся къ нему въ продолженіе столѣтій въ интересахъ этого государства, государственной народности, общерусской культуры и другихъ фетишей?“ На этотъ вопросъ Грушевскій отвѣчаетъ такъ: „Простое снятіе запрещеній отнюдь не рѣшаетъ этого вопроса; считать дѣло поконченнымъ простымъ прекращеніемъ гоненій на украинство было бы крайнимъ лицемѣріемъ, отъявленнымъ фарисействомъ со стороны представителей государственной народности, интересамъ которой приносились въ жертву такъ долго интересы, нужды и потребности народности украинской“. Ни эти строки, ни послѣдующія, которыя развиваютъ ту же мысль, не даютъ, по моему мнѣнію, отвѣта на поставленный вопросъ. Одного снятія запретовъ, наложенныхъ на малорусскую народность, дѣйствительно мало. Что же еще должно сдѣлать государство?

Во время первой Государственной Думы, въ маѣ 1906 года, проф. Грушевскій указывалъ на то, что „одинъ изъ первыхъ основныхъ законовъ новаго порядка долженъ установить, какъ общую норму, самоуправленіе національныхъ территорій вездѣ, гдѣ извѣстная національность является преобладающей на нѣкоторой сплошной территоріи, опредѣляемой національными границами и достаточной для организаціи на ней областного самоуправленія“. Проводя широко и послѣдовательно указанный принципъ, проф. Грушевскій „признаетъ федеративныя формы наиболѣе совершеннымъ способомъ сочетанія государственнаго союза съ интересами свободнаго и нестѣсненнаго развитія національной жизни“, но въ настоящемъ настаиваетъ на осуществленіи „принципа національно-территоріальной автономіи, какъ одного изъ основаній новаго государственнаго строя“. Такимъ образомъ, областной украинскій сеймъ представлялъ бы, по мнѣнію одного изъ вождей современнаго малорусскаго движенія, временное разрѣшеніе вопроса. Та же мысль развивается въ статьяхъ другого выдающагося малорусскаго публициста, М. А. Славинскаго, который въ своей горячей статьѣ „Имперія народовъ“ („Украинскій Вѣстникъ“, № 1, 21 мая 1906 г.) говоритъ слѣдующее: „Государственная Дума, которой народы Россіи съ трогательнымъ единодушіемъ ввѣрили свое будущее, рабство замѣнитъ свободой, нищету и богатство — уравнительнымъ распредѣленіемъ имущественныхъ благъ, централизмъ—*областными и національными автономіями*, обрусѣніе—свободнымъ развитіемъ народовъ, самодержавную Россійскую имперію—конституціонной имперіей народовъ“. Уже послѣ роспуска Государственной Думы, въ половинѣ августа 1906 г., тотъ же журналъ опять говоритъ о національно-территоріальной автономіи Украйны (см. статью М. Могилянскаго: „Постановка вопроса объ автономіи“). Итакъ, автономія Малороссіи — вотъ требованіе, выставленное украинской печатью въ Россіи въ самый

разгаръ революціоннаго движенія, когда еще не прекратились мечтанія о превращеніи Государственной Думы въ учредительное собраніе. Если и въ эту пору публицисты-украинцы считали необходимымъ настаивать на автономіи, какъ на средствѣ тѣснѣйшимъ образомъ спаять разрозненныя части Россіи, то это показываетъ, что „сепаративныя“ стремленія малороссовъ вовсе не опасны для цѣлости Россіи. Напротивъ, украинцы горячо примкнули къ общерусскому освободительному движенію, видя въ конституціи единственное спасеніе государственнаго существованія Россіи и сохраняя донынѣ наиболѣе тѣсныя связи съ тѣми общественными теченіями въ русскомъ обществѣ, которыя борются за правовой строй. Къ сожалѣнію, этого нельзя сказать про то крыло малорусской печати, которое требуетъ полнаго подчиненія украинской самобытности русскому государственному централистическому принципу. Стоитъ только припомнить, съ какимъ восторгомъ „Галичанинъ“ перепечатываетъ статьи „Новаго Времени“ о „жидовской революціи“ и т. п. произведенія, чтобы понять, къ какому направленію русской общественности примыкаетъ эта партія. И въ Россіи она питается соками реакціи, укрываясь подъ сѣнью Галицко-Русскаго или Славянскаго благотворительнаго общества. Но, какъ цѣлое, современное украинство — союзникъ и соратникъ русскаго освободительнаго движенія, отъ котораго только оно и ждетъ признанія національныхъ правъ за малорусскимъ народомъ. Радикализмъ украинства *быстро входитъ въ рамки реальныхъ требованій*, когда представляется возможность осуществленія его программы въ жизни. Вотъ, напр., что писала въ маѣ 1906 года, т.-е. опять-таки въ разгаръ первой сессіи Думы, С. Русова: „На первое время для украинскаго населенія надо съ одной стороны расширить курсъ начальной школы хотя бы до 5—6 лѣтъ, какъ объ этомъ заявляютъ сами крестьяне; а съ другой стороны—немедленно ввести въ курсъ всѣхъ украинскихъ университетовъ изученіе украинскаго языка, и на украинскомъ языкѣ читать лекціи по украинской исторіи, географіи и литературѣ“.

Я убѣжденъ, что при искреннемъ желаніи мы могли бы легко договориться съ малороссами-автономистами относительно тѣхъ взаимныхъ уступокъ, которыя слѣдуетъ сдѣлать. Я убѣжденъ также, что идея государственнаго единства, — идея, имѣющая такое громадное значеніе въ жизни современныхъ народовъ („Московскій Еженедѣльникъ“, № 18, 1909 г.), — не позволила бы малороссамъ отказаться отъ завоеваній и пріобрѣтеній, которыя сдѣланы именно „обще-русской“ культурой. Неужели малороссъ не захочетъ считать *своими* писателями Пушкина, Толстого, *своими* художниками Рѣпина или еврея Левитана? Объ этомъ можно говорить въ полемическомъ задорѣ, но, навѣрное, каждый русскій, будь онъ великороссомъ, малороссомъ или

бѣлоруссомъ, будетъ дорожить тѣмъ, что сдѣлано общими усиліями всѣхъ русскихъ племенъ. Ни единству русской культуры, ни единству государства, ничто не грозитъ. Итакъ, попытаемся на почвѣ общихъ русскихъ народныхъ интересовъ столковаться съ украинствомъ, предоставивъ малороссамъ выработать осуществимую національно-культурную программу, въ которой должны быть приняты во вниманіе особенности правобережной и лѣвобережной Украины. Программы 1906-го года настолько общи, что несомнѣнно, подлежатъ пересмотру.

Говоря объ украинствѣ, какъ о политическомъ теченіи, я не имѣлъ въ виду партій, ни демократической, ни какой-либо иной украинской; въ этомъ словѣ я старался объединить всѣ оттѣнки малорусской политической мысли, исходящіе изъ стремленія создать для малорусскаго племени такія условія, въ которыхъ оно можетъ достигнуть наибольшаго расцвѣта своихъ національныхъ силъ. Имѣя одинъ отправной пунктъ, эти стремленія и сходятся въ одной ближайшей цѣли: территоріально-автономномъ устройствѣ Украины. Они рѣзко противопоставляются не одинъ другому, но тому міровоззрѣнію, которое отрицаетъ всякую иную цѣль малорусскаго движенія, кромѣ тѣснѣйшаго единенія съ великорусскимъ развитіемъ. Стоя на почвѣ обрусенія, это міровоззрѣніе не имѣетъ ничего общаго съ украинствомъ и представляется искусственно вскормленнымъ дѣтищемъ извѣстныхъ политическихъ предпріятій. Нѣтъ никакой возможности прекратить начавшійся болѣе ста лѣтъ тому назадъ процессъ національнаго пробужденія и затѣмъ развитія малорусскаго племени. Задерживая его, оффиціальная Россія, какъ и тѣ круги политическихъ дѣятелей, которые въ этомъ отношеніи поддерживаютъ ее, наткнутся рано или поздно на отпоръ, который можетъ имѣть роковыя послѣдствія для самаго государства. Поэтому лучше уже теперь, пока опасность полной порчи отношеній между двумя племенами русскаго народа еще далека, предотвратить ее, предоставивъ малорусскому племени всѣ необходимыя условія для правильнаго національнаго развитія.

Бѣлорусское національное пробужденіе обнаруживаетъ, до какой степени много жизненныхъ соковъ заключается въ народной душѣ. Казалось бы, что племя, всегда бывшее подъ властью то поляковъ, то литовцевъ, то великороссовъ, племя, изнуренное вѣковѣчной борьбой съ нуждой, съ суровой природой, живущее въ мѣстахъ, между которыми болота и рѣки прекращаютъ сообщеніе на цѣлые мѣсяцы, можетъ только спокойно дожидаться денаціонализаціи, не помышляя ни о собственной культурѣ, ни о собственной письменности. Но процессъ де-

мократизаціи коснулся и этой русской полосы и вызвалъ къ жизни рядъ своеобразнѣйшихъ явленій. Немногочисленная группа молодежи явилась создательницей нѣсколькихъ органовъ печати, которые быстро и сильно распространились въ народной средѣ [1]). „Наша Ніва“, еженедѣльный журнальчикъ, издающійся кириллицей и латиницей, для православныхъ и католическихъ бѣлоруссовъ, имѣетъ до 3.000 подписчиковъ и, значитъ, весьма солидное число читателей и слушателей. А идеи, которыя развиваются въ этомъ органѣ, пріучаютъ мелкихъ ремесленниковъ и крестьянъ-бѣлоруссовъ видѣть въ себѣ гражданъ, имѣющихъ равныя національныя права съ великороссами. Вотъ извлеченія изъ нѣкоторыхъ статей: „Мы почитаемъ великую русскую культуру, и она намъ необходима; мы уважаемъ справедливыхъ русскихъ людей. Точно также слѣдуетъ уважать и польскую культуру и брать изъ нея все полезное для насъ. Но намъ не нужно командировъ ни изъ „Виленскаго Вѣстника“, ни изъ „Kurjer Litewski“, ни изъ „Goniec Wileński“; для насъ хорошъ каждый, кто искренно думаетъ о пользѣ нашего края, будь это русскій, полякъ, литовецъ или еврей. Въ Бѣлоруссіи всѣ свободно размѣстятся, если будутъ въ каждомъ уважать человѣка и гражданина. А восьми-милліонному бѣлорусскому народу нечего перекидываться ни на ту, ни на другую сторону“ („Наша Ніва“, 4 дек. 1908). Нѣсколько раньше, въ апрѣлѣ того же года, „Наша Нива“, которая писалась тогда еще черезъ *и* (*Нива*, теперь *Ніва*), набрасываетъ и программу бѣлорусскаго возрожденія: „Много искреннихъ, справедливыхъ и умныхъ людей между русскими и поляками относятся къ бѣлоруссамъ очень доброжелательно и сочувствуютъ тому, что они начали пробуждаться отъ сна. Всѣ, кто привыкъ уважать каждый народъ и каждаго человѣка, знаютъ, что на родномъ своемъ языкѣ бѣлоруссъ все понимаетъ лучше, что языкъ этотъ — его душа, сердце, все, что есть самаго близкаго и дорогого человѣку. И бѣлоруссамъ, когда они берутъ культуру отъ русскихъ и отъ поляковъ, нѣтъ никакой нужды забывать, что они бѣлоруссы, нѣтъ нужды отрекаться отъ своей народности и перекидываться къ другой. Бѣлоруссамъ нуженъ и русскій языкъ, и, гдѣ они хотятъ, польскій для поднятія народной жизни, для народнаго просвѣщенія и культурнаго развитія. Не для чего бѣлоруссу дѣлаться русскимъ или полякомъ; онъ можетъ остаться бѣлоруссомъ и останется имъ. Посмотрите на латышей: ихъ въ четыре раза меньше, чѣмъ насъ; они знаютъ нѣмецкій и русскій языкъ, берутъ и отъ нѣмцевъ, и отъ русскихъ то, что у нихъ есть хорошаго. Но это не мѣ-

---

[1]) О болѣе раннихъ явленіяхъ см. въ статьѣ „Białorusini“, помѣщенной въ газетѣ „Kurjer Litewski“ 29 апр. 1909 г.

шаетъ имъ быть латышами, держаться своего языка, имѣть свои латышскіе газеты, книги, журналы". Каждый номеръ „Нашей Нивы", которая выходитъ уже четвертый годъ, заключаетъ въ себѣ обзоръ думской работы, стихи, разсказы, иллюстраціи, корреспонденціи: эти послѣднія, присылаемыя изъ всѣхъ уголковъ бѣлорусскаго края, представляютъ драгоцѣнный матеріалъ для ознакомленія съ процессомъ духовнаго возрожденія одной изъ народностей Россіи. Бѣлорусскій вопросъ пока еще довольно ясенъ и простъ; онъ легко разрѣшимъ на почвѣ предоставленія бѣлорусскому языку соотвѣтствующихъ правъ въ низшей народной школѣ. Но что будетъ дальше — неизвѣстно. Нѣтъ возможности обрекать восьми-милліонный народъ на національное уничтоженіе. Вѣдь бѣлоруссовъ столько же, сколько чеховъ и сербовъ, ихъ больше, чѣмъ болгаръ; вѣдь о болгарахъ до 40-хъ годовъ прошлаго столѣтія почти никто ничего не зналъ. Жизненная сила народовъ, по истинѣ, равна той силѣ роста и расцвѣта, которая заключается въ зернахъ растеній, пролежавшихъ тысячелѣтія во мракѣ въ могильныхъ урнахъ. Намъ трудно представить себѣ теперь бѣлорусскую науку, но столь же трудно было вообразить себѣ болгарскую ученую литературу лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ. Сербская наука еще сто лѣтъ назадъ совсѣмъ не имѣла своего языка, а прибѣгала къ искусственному „славяно-сербскому". Трудно удержать начавшееся національное развитіе; во всякомъ случаѣ, запреты и насмѣшки не удержатъ его, а только обострятъ и направятъ по ложному пути. Истинный и разумный русскій патріотизмъ долженъ собрать вокругъ великорусскаго племени ближайше-родственныя ему племена бѣлорусское и малорусское, племена, обезпечивающія Россіи ея значеніе первостепенной державы.

Литовскій вопросъ представляетъ лишь слѣдующую стадію на томъ пути, по которому движется бѣлорусское племя. Подобно ему, литовцы вспоминаютъ о государственной самобытности, какъ объ очень далекомъ прошломъ; подобно бѣлоруссамъ, они вступили на путь національнаго развитія очень недавно и встрѣтили на этомъ пути тѣхъ же недоброжелателей и тѣ же помѣхи, что и бѣлоруссы, т.-е. воспоминанія поляковъ о правѣ владѣнія (Besitzstand, stan posiadania) въ части прежней Рѣчи Посполитой и централистическія тенденціи русскаго правительства. Нелѣпыя и безобразныя преслѣдованія латинской азбуки въ литовской письменности перенесли національное дѣло литовскаго народа за границу, задержали спокойное движеніе, замутили и революціонизировали его, но, конечно, не прекратили. Литовцы пока еще довольствуются національной низшей школой, хотя уже переходятъ къ попыткамъ создать среднюю школу. Они охотно усваиваютъ какъ русскую, такъ и польскую культуру, но, несомнѣнно.

подвигаются къ выработкѣ національной программы, которая поставитъ своей задачей національзацію школы, суда и администраціи. Какъ размежуются здѣсь литовцы, бѣлоруссы и поляки—это покажетъ будущее; но, во всякомъ случаѣ, со стороны русской власти и русскаго общественнаго мнѣнія было бы ошибочно давить ту или другую сторону или давить ихъ всѣ, какъ это дѣлалось до 1905-го года, и какъ это стремятся возобновить теперь. Государственнымъ принципомъ должно быть предоставленіе всѣмъ народностямъ этого края, гдѣ исторія такъ прихотливо сдвинула вмѣстѣ самые разнородные элементы, одинаковыхъ національныхъ правъ. Признавъ искренно и послѣдовательно этотъ принципъ, государство можетъ предоставить общинамъ содержать тѣ или иныя школы, тотъ или иной низшій судъ, но учрежденія общія для всего населенія врядъ-ли могутъ быть устроены иначе, чѣмъ съ государственнымъ языкомъ. Впрочемъ, „довлѣетъ дневи злоба его": пока еще ни литовскій, ни бѣлорусскій вопросы не достигли такого развитія, чтобы приходилось заглядывать такъ далеко въ будущее.

До извѣстной степени то же можно сказать о латышахъ. Политическія группировки здѣсь такъ же мимолетны и случайны, какъ у литовцевъ. Совершенно справедливо одинъ изъ латышей-наблюдателей мѣстной политической жизни замѣтилъ недавно, что о какой-нибудь прочной (политической) организаціи среди латышей не можетъ быть и рѣчи („Rigasche Neueste Nachrichten" отъ 25 апрѣля 1909 г.). Но тѣмъ болѣе живо національное чувство, которое до такой степени доминируетъ надо всѣмъ, что чисто политическія детали представляются незначительными, спорными и недостаточно вѣскими для образованія политическихъ группъ. Это чувство требуетъ сохраненія народности въ борьбѣ противъ двухъ факторовъ, дѣйствующихъ въ направленіи ея уничтоженія, т.-е. противъ экономическаго и политическаго гнета нѣмцевъ помѣщиковъ и интеллигентовъ и противъ общаго врага всѣхъ окраинъ—обрусенія. Борьба на экономической почвѣ сливается съ борьбой національной: помѣщикъ-балтъ угнетаетъ латыша-арендатора не только потому, что онъ экономически зависитъ отъ него, но и потому, что онъ—латышъ. По отношенію къ арендатору-нѣмцу помѣщикъ держится совсѣмъ иначе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ извѣстно, аграрное законодательство прибалтійскихъ губерній представляетъ нѣчто въ высокой степени устарѣлое, проникнутое такими началами, которыя не могутъ быть терпимы ни въ одномъ современномъ государствѣ. Покончить съ этими началами — первое, что надо сдѣлать на пути національнаго раскрѣпощенія латышскаго народа. Латыши стоятъ уже высоко въ культурномъ отношеніи: они имѣютъ и рядъ недурныхъ научныхъ изслѣдованій на латышскомъ языкѣ, и литератур-

ныя произведенія, и много газетъ, достигающихъ очень значительнаго распространенія. Конечно, для университетскаго преподаванія латышскій языкъ еще не созрѣлъ; но латыши—бо́льшіе реалисты и не мечтаютъ еще ни объ университетѣ, ни даже о средней школѣ. Они стремятся только къ учрежденію каѳедры богословія на латышскомъ языкѣ въ юрьевскомъ университетѣ, чтобы дать народу духовенство, воспитанное въ народномъ духѣ. Латышскій національный вопросъ, можетъ-быть, самая простая изъ всѣхъ національныхъ проблемъ въ Россіи.

Близокъ къ нему по существу вопросъ эстонскій, который выросъ при совершенно одинаковыхъ условіяхъ съ латышскимъ, при томъ же давленіи со стороны двухъ вліяній: нѣмецкаго, опиравшагося на давнее господство нѣмцевъ въ этомъ краѣ, и русскаго, стремившагося парализовать первое, но не сумѣвшаго обезпечить эстонцевъ отъ экономическаго гнета со стороны балтовъ-помѣщиковъ. Народный инстинктъ самосохраненія естественно направился на выработку въ самомъ народѣ такихъ силъ, которыя могли бы обезопасить его отъ національной гибели: если русское и нѣмецкое давленіе стремились подчинить его себѣ, но при этомъ мѣшали другъ другу, то результатомъ борьбы могло быть лишь національное пробужденіе. Въ этомъ отношеніи эстонцы оказались счастливѣе латышей: тѣмъ приходилось черпать силы изъ самихъ себя—эстонцы имѣли за моремъ высокую культуру Финляндіи, языкъ которой имъ близокъ и понятенъ. Въ тѣсномъ единеніи съ финскимъ національнымъ развитіемъ совершилось народное пробужденіе эстонцевъ, и до сихъ поръ эта культурная помощь Финляндіи не оскудѣваетъ. Созданіе чуднаго финскаго эпоса о Вейнемейненѣ, съ его поразительной величавостью и проникновенностью, повліяло на образованіе родственнаго эстонскаго эпоса о Калеви-поэгѣ, хотя эта поэма представляетъ лишь довольно слабую копію Калевалы. Интересъ къ эстонскому фольклору и другимъ явленіямъ эстонской жизни не ослабѣлъ въ ученыхъ обществахъ Гельсингфорса и все время поддерживаетъ на извѣстной высотѣ національныя стремленія эстонцевъ. Требованія ихъ приблизительно тѣ же, что и у латышей.

Cujus regio, ejus religio. Этотъ принципъ, слава Богу, отжилъ свое время, уступивъ мѣсто правильному воззрѣнію, что вѣра—личное, частное дѣло. Теперь господствуетъ съ неумолимой жестокостью другой принципъ, созданный XIX-мъ вѣкомъ: cujus regio, ejus natio. Когда человѣчество сумѣетъ отрѣшиться отъ этого догмата, оно сдѣлаетъ большой шагъ впередъ въ своемъ гуманномъ развитіи. Оно идетъ къ этой цѣли, идетъ рѣшительно и твердо, какъ бы ни старались задержать его на этомъ пути враги гуманности. Неудачи Германіи въ Познани и Эльзасѣ, все болѣе надвигающійся крахъ Англіи въ Индіи, неизбѣжность новаго строя въ Австріи, у насъ—выдвинувшаяся такъ

рѣзко впередъ національная проблема: все это—вѣхи на той дорогѣ, по которой неуклонно идетъ человѣчество отъ централизаціи къ признанію національныхъ правъ, а отъ національнаго—къ общечеловѣческому равенству и свободѣ. И, можетъ-быть, для Россіи разрѣшеніе національнаго вопроса будетъ заключаться именно въ той имперіи народовъ, о которой говорили украинскіе писатели въ 1905-мъ году. Во всякомъ случаѣ, лишь широкая децентрализація спасетъ Россію отъ новыхъ бѣдъ, къ которымъ приведутъ ее національныя тренія, если національныя проблемы не будутъ разрѣшены скоро и разумно.

А. Погодинъ.

О ПРИЧИНАХЪ УБЫТОЧНОСТИ НАШЕГО ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНАГО ХОЗЯЙСТВА.

I.

Убыточность нашей желѣзнодорожной сѣти приняла грозные размѣры [1]). Подъ вліяніемъ этого обстоятельства и въ правительственныхъ, и въ общественныхъ кругахъ стали оживленно обсуждать вопросъ о положеніи желѣзнодорожнаго хозяйства въ Россіи. Ищутъ причинъ убыточности и предлагаютъ мѣры къ уменьшенію или устраненію дефицитовъ. При этомъ нерѣдко приводятъ въ примѣръ Германію, гдѣ государство извлекаетъ большіе чистые доходы отъ эксплоатаціи сѣти, и мечтаютъ о достиженіи подобныхъ результатовъ въ Россіи. Мечтамъ, конечно, нѣтъ предѣла. Но условія нашей дѣйствительности таковы, что разсчитывать на полученіе отъ желѣзныхъ дорогъ суммъ для покрытія общихъ бюджетныхъ нуждъ нельзя въ теченіе очень и очень долгаго времени, предполагая, конечно, сколько-нибудь правильное отношеніе къ требованіямъ народнаго хозяйства. Экономическія и естественныя условія, въ которыхъ существуетъ наша желѣзнодорожная сѣть, чрезвычайно неблагопріятны, и, что особенно печально, нѣтъ основаній надѣяться на коренное измѣненіе ихъ въ предвидимомъ будущемъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ странѣ, занимающей огромнѣйшую площадь, значительная часть которой непригодна для заселенія и культуры, въ странѣ съ рѣдкимъ населеніемъ и крайне слабымъ развитіемъ экономической жизни--обмѣна и транспорта,— въ такой странѣ желѣзныя дороги, если ихъ достаточно, не могутъ давать блестящихъ финансовыхъ результатовъ даже при идеально правильной постановкѣ хозяйства. Здѣсь необходимо выбирать одно изъ двухъ: либо, заботясь о благопріятномъ балансѣ желѣзнодорожнаго предпріятія, надо отказаться отъ постройки линій, не обѣщающихъ быть выгодными, по крайней мѣрѣ въ первое время,—а такихъ будетъ довольно много; либо, стремясь сдѣлать страну проѣзжей,

---

[1]) Вопросъ объ убыточности нашихъ желѣзныхъ дорогъ и о размѣрахъ дефицитовъ по этой отрасли государственнаго хозяйства разсмотрѣнъ, между прочимъ, въ статьѣ пишущаго эти строки, напечатанной въ апрѣльской книжкѣ „Вѣстника Европы“ за текущій годъ.

оживить ея экономическую жизнь, поднять пульсъ производства товаровъ и товарообмѣна, придется или идти на убытки, или, въ лучшемъ случаѣ, отказаться отъ надежды на извлеченіе чистыхъ прибылей.

Врядъ ли нужно подробно доказывать, что Россія принадлежитъ къ типу тѣхъ государствъ, гдѣ особенно важно широкое развитіе путей сообщенія и гдѣ, въ силу естественныхъ и экономическихъ условій, разсчитывать на избытки доходовъ отъ желѣзнодорожнаго хозяйства было бы неправильно. Цѣль, которую мы можемъ ставить себѣ въ данной области, поскольку рѣчь идетъ о практической политикѣ предвидимаго будущаго, это—достиженіе безубыточности или сведеніе убытковъ къ небольшому размѣру. Казна не можетъ нести столь крупныхъ жертвъ, какія требуются нынѣ отъ нея желѣзнодорожнымъ хозяйствомъ. Размѣръ этихъ жертвъ, съ другой стороны, далеко не полностью обусловленъ неподдающимися или трудно поддающимися непосредственному воздѣйствію обстоятельствами. Убыточность нашей сѣти можетъ быть уменьшена: дальнѣйшій анализъ причинъ убыточности убѣдитъ насъ въ этомъ; но несомнѣнно, что улучшенію положенія поставлены извѣстныя границы, выйти за которыя еще долго не удастся. И объ этомъ не слѣдуетъ забывать.

II.

Кромѣ отмѣченныхъ условій, неблагопріятное вліяніе на финансовые результаты эксплоатаціи нашей желѣзнодорожной сѣти оказываетъ историческое прошлое ея: условія постройки желѣзныхъ дорогъ и выкупа въ казну. Значительная часть желѣзныхъ дорогъ Россіи построена по стратегическимъ соображеніямъ и, естественно, не даетъ поступленій, которыми покрывались бы расходы. Дороги строились у насъ непланомѣрно, вслѣдствіе чего нерѣдко новыя линіи подрываютъ благосостояніе старыхъ. Стоимость дорогъ чрезмѣрно велика, потому что при постройкѣ допускались и небрежное отношеніе, и хищенія—а это ведетъ къ увеличенію платежей на затраченный капиталъ. При выкупѣ также допущены были переплаты частнымъ обществамъ, тяжелымъ бременемъ лежащія и по сей день на государственномъ казначействѣ. Наконецъ, на стоимость постройки и на характеръ сѣти, на условія ея эксплоатаціи громадное вліяніе оказало то, что, по соображеніямъ экономической политики, у насъ часто руководились принципомъ: какъ бы ни строить и гдѣ бы ни строить—лишь бы строить. Стремленіе развить обрабатывающую промышленность вызывало усиленную заботу о путяхъ сообщенія. Лозунгъ: „сдѣлать Россію проѣзжей“ заслонялъ

азбучныя, въ сущности, истины, гласящія, что для развитія хозяйственной жизни недостаточно однихъ путей сообщенія, что нужны еще и капиталы, и знанія, и энергія, и предпріимчивость, и почва для развитія иниціативы, для расцвѣта самодѣятельности, то-есть извѣстныя правовыя и культурныя условія. Подготовка къ золотой валютѣ требовала привлеченія иностранныхъ капиталовъ, созданія благопріятнаго разсчетнаго баланса—и правительство считало всѣ способы для достиженія этой цѣли допустимыми. А такъ какъ желѣзнодорожное строительство и само по себѣ, и по связаннымъ съ нимъ явленіямъ, есть наилучшая почва для грюндерства, для прилива иностранныхъ капиталовъ, то не однажды страну охватывали періоды безудержной, эпидемической желѣзнодорожной горячки. И всякій разъ послѣ годовъ лихорадочнаго строительства наступали эпохи реакціи, покаянія; за азартомъ слѣдовало похмѣлье, вызываемое убыточностью сѣти, разорительностью неосмотрительнаго, безразсуднаго проведенія рельсовыхъ путей.

Напомнимъ нѣсколько фактовъ, подтверждающихъ справедливость приведенныхъ соображеній [1]). Если возьмемъ для начала примѣры изъ области частнаго желѣзнодорожнаго хозяйства, то увидимъ печальную картину расхищенія и расточительства народныхъ средствъ. Знаменитое Главное Общество россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, состоявшее по преимуществу изъ иностранныхъ банкировъ, образовалось послѣ Крымской войны, когда особенно болѣзненно почувствовалось отсутствіе путей сообщенія, непроѣздность Россіи. У казны денегъ на постройку не было, и приливъ иностраннаго капитала казался благодѣяніемъ, за которое очень охотно платили разнаго рода льготами, включая, разумѣется, и гарантію доходовъ, установленную для Главнаго Общества въ размѣрѣ 6%. Такъ какъ руководство дѣломъ находилось въ рукахъ французовъ, то директора, техники и инженеры пріѣхали изъ Парижа. Они не знали мѣстныхъ условій, и потому не могли производить постройку дешево. Ихъ обманывали, да они и сами считали нужнымъ вознаградить себя за разлуку съ родиной, за свою культурную миссію въ Россіи. Историкъ справедливо говоритъ объ „оргіи безобразныхъ расходовъ“, которою сопровождалась дѣятельность Главнаго Общества. Къ 1861 г. приплаты прави-

---

[1]) Матеріалы, обосновывающіе эту характеристику, можно найти въ слѣд. работахъ: 1) *Георгіевскій*, „Финансовыя отношенія государства и частныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ въ Россіи и въ западно-европейскихъ государствахъ“, С.-Пб., 1887. 2) *Его же*, статьи въ сборникѣ „Историческій очеркъ разныхъ отраслей желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи“, изд. министерства путей сообщенія, С.-Пб., 1901. 3) *Головачевъ*, „Исторія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи“. 4) *Мигулинъ*, „Наша новѣйшая желѣзнодорожная политика и желѣзнодорожные займы“, Харьковъ, 1903. 5) *И. Х. Озеровъ*, „Какъ расходуются въ Россіи народныя деньги?“, Москва, 1907.

тельства по гарантіи доходовъ достигли уже 27 милліоновъ рублей, хотя концессія выдана была всего въ 1857 г., и Общество обратилось къ правительству съ просьбой о ссудѣ. Не разслѣдовавъ злоупотребленій, правительство выдаетъ 28 милл. руб. и разрѣшаетъ не строить двухъ чрезвычайно важныхъ линій, которыя должны были соединить югъ Россіи съ центромъ и либавскій портъ съ черноземной полосой. Этихъ жертвъ оказалось недостаточно. Къ 1868 г. Главное Общество должно было казнѣ уже 89 милл. руб. Между тѣмъ ему передается въ собственность лучшая казенная, Николаевская дорога, не смотря на то, что и министерство путей сообщенія, и министерство финансовъ относятся отрицательно къ такой безразсудной операціи, не смотря на то, что конкурренты — московскіе предприниматели—предлагали болѣе выгодныя условія (на 20 милл. высшую сумму), интересуясь не столько прибылью отъ веденія желѣзнодорожнаго хозяйства, сколько возможностью установить дешевую и удобную перевозку своихъ товаровъ [1]). Повидимому, имѣлось въ виду дать подкормиться Главному Обществу, уступая ему столь выгодную линію. При передачѣ Николаевской дороги обнаружилось, насколько неудовлетворительно велось и казенное хозяйство. Ремонтъ дороги находился, по договору, въ рукахъ нѣкоего американца Уайненса, на чрезвычайно невыгодныхъ для казны условіяхъ. Достаточно сказать, что за ремонтъ въ 1867 г. уплачено было около 3,6 милл. руб., а въ 1870 г., когда движеніе усилилось на 18%, дѣйствительный расходъ по ремонту составлялъ всего 1,6 милл. рублей. За отказъ отъ этого контракта казнѣ пришлось уплатить Уайненсу 9 милл. рублей. Дѣла Общества, однако, не процвѣли и послѣ пріобрѣтенія Николаевской желѣзной дороги. Къ 1894 г., когда Главное Общество должно было передать свои линіи въ казну, долгъ его по гарантіи составлялъ 170,4

---

[1]) Министерство путей сообщенія признавало передачу дороги несвоевременной, такъ какъ съ затратой сравнительно небольшой суммы—не болѣе 14 милл. руб.—для Николаевской желѣзной дороги черезъ четыре года можно было ожидать съ достовѣрностью, какъ minimum, 8 милл. руб. ежегоднаго чистаго дохода. „Николаевская дорога — заявляло министерство — составляетъ въ рукахъ правительства могучее и послушное орудіе для полезнаго вліянія на развитіе народной торговли и промышленности, независимо отъ блестящихъ матеріальныхъ выгодъ, какія эксплоатація ея доставитъ въ близкомъ будущемъ; а потому нельзя не желать, чтобы Николаевская дорога оставалась правительственною, тѣмъ болѣе, что отчужденіе иностранцамъ такой дороги, на которой лежитъ успѣхъ, составляющій вѣрнѣйшій путь къ устраненію застигшихъ Россію финансовыхъ затрудненій, произведетъ самое тяжелое впечатлѣніе въ Россіи, да едва ли не произведетъ невыгоднаго дѣйствія и за границей, гдѣ очень хорошо извѣстны истинное значеніе и важность для государства Николаевской дороги и гдѣ отчужденіе оной будетъ принято за симптомъ крайняго финансоваго безсилія“.

милл. руб. Казна же потеряла очень большой кушъ вслѣдствіе того, что доходъ Николаевской дороги увеличивался, и добавочныя суммы не только не попадали въ казну, но, поднимая доходность дороги, повышали размѣръ будущей уплаты за нее при выкупѣ. Въ 1867 г. дорога дала чистаго дохода 5,5 милл. руб., въ 1875 г.—12 милл. руб. Акціи Главнаго Общества черезъ 12 лѣтъ послѣ передачи ему дороги поднялись со 112 до 270 р., оставаясь въ годъ выкупа почти при той же цифрѣ. Очевидно, что стоимость всѣхъ дорогъ Главнаго Общества должна была весьма возвыситься отъ чрезмѣрныхъ расходовъ по постройкѣ и отъ расточительнаго хозяйства. Не менѣе ясно, что и Николаевская дорога обошлась казнѣ куда дороже, нежели могла бы обойтись. А это, понятно, не могло не отразиться весьма плачевно на общей доходности желѣзнодорожнаго хозяйства.

На памяти у всѣхъ исторія московско-ярославско-архангельской дороги. Ея руководитель, С. И. Мамонтовъ, произведенъ былъ въ финансовые геніи и долженъ былъ съ помощью архангельской линіи осуществить миссію оживленія Сѣвера. Ревизія 1899 года обнаружила огромную задолженность Мамонтова государственнымъ и частнымъ банкамъ. Ей соотвѣтствовалъ, правда, очень большой счетъ дебиторовъ, но главная сумма долга оказалась за невскимъ паровозостроительнымъ заводомъ и обществомъ восточно-сибирскихъ заводовъ, которые принадлежали тому же Мамонтову. Растрата изъ средствъ желѣзнодорожнаго общества составляла 11—12 милл. рублей. Правительство поспѣшило на помощь, покупкой на 7 милл. руб. нарицательно паевъ невскаго завода. Паи были куплены по тридцати руб. за сто, хотя, въ сущности, не имѣли никакой цѣнности. Сверхъ того, выдана была ссуда изъ казны въ 5 милл. рублей. Трудно сказать опредѣленно, изъ-за чего правительство шло на крупные убытки, такъ какъ акціи общества гарантированы не были; но есть указанія на то, что среди акціонеровъ находились лица весьма высоко поставленныя. При выкупѣ дороги выдано было по 525 руб. за непогашенныя акціи и по 375—за погашенныя, хотя дивиденда въ 1899 г. акціонеры не получили никакого, и номинальная цѣна акціи равна была 150 рублямъ.

При постройкѣ казенныхъ дорогъ дѣло обстояло не лучше. Достаточно назвать восточно-китайскую (мнимо частную!) и сибирскія дороги, чтобы по ассоціаціи идей немедленно появились мысли о неимовѣрныхъ хищеніяхъ, о вопіющей небрежности въ расходованіи народныхъ денегъ. По даннымъ проф. Мигулина, предположено было на сибирскія дороги съ восточно-китайской истратить 340 милл. р., а истратили немного болѣе... 850 милл. р., то-есть ошиблись при разсчетѣ всего на полмилліарда рублей. Врядъ-ли это покажется удивительнымъ, если ознакомиться съ тѣмъ, какъ велась постройка. Изъ оффиціальныхъ мате-

ріаловъ проф. Озеровъ извлекъ такія данныя. Нѣкій г. Ч. сообщаетъ въ своемъ докладѣ государственному контролеру: „Я участвовалъ въ работахъ коммиссіи подъ предсѣдательствомъ Ходоровскаго. Изслѣдованіе отчетности вскрыло слѣдующее: многія расписки написаны вовсе не по-китайски, а представляютъ рядъ фантастическихъ знаковъ. Одно и то же лицо оказывалось то грамотнымъ, то неграмотнымъ. Расписки разныхъ китайцевъ на табеляхъ сдѣланы нерѣдко однимъ и тѣмъ же лицомъ". Было наряжено слѣдствіе по дѣлу инженера П—аго, котораго обвиняли въ представленіи подложныхъ счетовъ на крупную сумму. Опрошенные китайцы заявили, что подъ счетами, гдѣ значились ихъ подписи, они не подписывались и денегъ не получали. Въ отчетахъ, которые министерство финансовъ пересылало въ контроль, иногда съ чисто древней лаконичностью отмѣчалось просто: „переведено главному инженеру 41 милл. р." (изъ отчета за 1902 г.). Зачѣмъ переведено и куда израсходованы деньги—неизвѣстно. Нерѣдко отсутствіе отчетности объяснялось пожарами, при которыхъ гибли документы, иногда на нѣсколько милліоновъ. „Частная" китайская дорога стоила казнѣ громадныхъ денегъ. Крайне дорого обошлись и забайкальская, и сибирская дороги.

При выкупѣ дорогъ, равно какъ и при выдачѣ концессій, иностраннымъ капиталистамъ оказывались различныя льготы, обходившіяся казнѣ нерѣдко въ весьма круглыя суммы. Здѣсь играли роль тѣ же соображенія, которыя вообще дѣлали русское правительство особенно—часто чрезмѣрно—предупредительнымъ по отношенію къ своимъ иностраннымъ кредиторамъ. Характерна въ этомъ смыслѣ исторія выкупа юго-западныхъ дорогъ. Акціонеры общества ходатайствовали предъ Государемъ о выдачѣ 2½ милліоновъ дополнительнаго вознагражденія. Комитетъ финансовъ нашелъ претензію неосновательной и полагалъ, что если бы дѣло дошло до суда, оно было бы несомнѣнно проиграно акціонерами. Однако комитетъ „остановился на соображеніи, что при проигрышѣ дѣла въ судѣ владѣльцы временныхъ свидѣтельствъ (по большей части иностранцы) могли бы неблагопріятный для нихъ исходъ процесса приписать давленію правительства". Одновременно акціонеры заявили жалобу на берлинской биржѣ, и тамъ имъ обѣщали при ближайшемъ удобномъ случаѣ принять въ разсчетъ поведеніе русскаго правительства. Подъ давленіемъ этихъ угрозъ, выдано было акціонерамъ „въ путяхъ монаршаго милосердія", безъ всякихъ основаній, 2½ милліона рублей, при чемъ какъ бы для устраненія сомнѣній въ несправедливости этой мѣры взята была съ акціонеровъ подписка въ томъ, что первоначальный разсчетъ съ ними былъ правиленъ.

При выкупѣ курско-харьково-азовской желѣзной дороги, по раз-

счетамъ министерства финансовъ акціонерамъ причиталось выдать сумму только въ размѣрѣ гарантированнаго нарицательнаго капитала по непогашеннымъ акціямъ—1,9 милл. р. Но строитель сбылъ акціи иностраннымъ капиталистамъ, большею частью за безцѣнокъ, послѣ рѣшенія вопроса о выкупѣ—и казна платитъ по разсчету 5 милл. р. золотыхъ или 7,7 милл. кредитныхъ, прибавляя наличными 838 тыс. р.

Боровичская дорога построена была на деньги, добытыя изъ государственнаго банка путемъ залога акцій и облигацій той же самой дороги. Въ 1882 г. общество объявлено несостоятельнымъ. Въ 1885 г. дорога взята въ казну за долги, при чемъ размѣръ долга опредѣленъ въ 1,4 милл. р., а стоимость дороги—въ 993.376 р. Очевидно, приходилось дополучить еще съ акціонеровъ, и сенатъ рѣшилъ цѣликомъ обратить стоимость дороги на покрытіе долга. Между тѣмъ конкурсное управленіе проситъ Государя дать что-либо кредиторамъ, и имъ выдается 117.140 р. Выкупъ балтійской дороги вызвалъ уплату лишнихъ 6 милл. р. изъ казны.

При постройкѣ, при ремонтѣ дорогъ постоянно переплачиваются крупныя суммы. Казенные заказы, въ цѣляхъ поддержанія желѣзодѣлательной промышленности, даются по возвышеннымъ цѣнамъ. Рельсы обходились заводу Юза въ 89 коп. съ пуда, а правительство платило ему 1 р. 23 к. и 1 р. 12 к. Соотвѣтственно вздуты были и цѣны для другихъ заводовъ изъ группы немногихъ счастливыхъ, между которыми распредѣлялись заказы. Подрядчики, производившіе тѣ или иныя работы, получали съ казны больше нежели слѣдовало, и переплаты эти, шедшія въ дѣлежъ между заинтересованными сторонами, достигали нѣсколькихъ милліоновъ рублей въ годъ. Подряды сдавались казною на столь выгодныхъ для подрядчиковъ условіяхъ, что образовалась система пересдачи ихъ во вторыя и третьи руки, со скидками, доходившими до 40—60%. Обнаруживались случаи, когда подряды были взяты инженерами, состоявшими на службѣ въ министерствѣ путей сообщенія. Немудрено, что переплаты казны на постройкѣ желѣзныхъ дорогъ исчисляются колоссальными суммами: по разсчету г. Мигулина онѣ за 10 лѣтъ составили 500 милл. руб.

Разумѣется, въ ряду причинъ убыточности нашей желѣзнодорожной сѣти чрезмѣрная стоимость постройки, выкупа, поддержанія и расширенія играетъ весьма большую роль, что отчасти признается и оффиціальными источниками. Въ „Свѣдѣніяхъ государственнаго контроля о желѣзныхъ дорогахъ“ за 1906 годъ сказано: „По эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ казна въ общемъ почти всегда несла потери *отчасти вслѣдствіе высокой стоимости нѣкоторыхъ дорогъ*, отчасти вслѣдствіе того, что часть сѣти, построенная по военнымъ и административнымъ соображеніямъ, не окупаетъ себя“ (стр. VII).

III.

Мы отмѣтили въ предыдущемъ изложеніи вліяніе тѣхъ причинъ, которыя слѣдуетъ считать независящими или мало зависящими отъ нынѣшняго руководства желѣзнодорожнымъ хозяйствомъ. Эти неблагопріятныя естественныя, экономическія и историческія условія работы нашей сѣти для ближайшаго, по крайней мѣрѣ, времени надо считать неустранимыми. Но было бы неправильно убыточность желѣзнодорожной сѣти въ наши дни объяснять одними „независящими" обстоятельствами. Большое значеніе имѣетъ плохое хозяйничанье, дурное управленіе желѣзными дорогами, ошибки и злая воля нынѣ дѣйствующихъ администраторовъ. Есть цѣлый рядъ указаній на это со стороны тѣхъ группъ населенія, которыя непосредственно заинтересованы въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ и постоянно соприкасаются съ рельсовыми путями сообщенія. И сельскіе хозяева, и торговцы, и промышленники давно уже жалуются на дурное желѣзнодорожное хозяйство. А въ самое послѣднее время невозможное положеніе дѣлъ въ этой области признано и оффиціально, министерствомъ путей сообщенія.

Мѣстные комитеты, разсуждавшіе о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, дали, согласно формулировкѣ оффиціальнаго свода, „весьма многочисленныя указанія на весьма значительные недостатки" [1]). Недостатки эти могутъ быть сведены въ такія рубрики: 1) медленность доставки, 2) нерегулярность доставки, 3) дороговизна перевозки и 4) неприспособленность средствъ и способовъ перевозки къ природѣ перевозимаго груза. Приводились указанія, что въ Канадѣ еще въ 1895 г. средняя скорость движенія товарныхъ поѣздовъ составляла 24 версты въ часъ, у насъ же средняя фактическая быстрота перевозки—около 240 верстъ въ сутки (товарная норма 18 верстъ въ часъ не выполняется). Дѣлались разсчеты, что на доставку груза изъ Козлова въ Москву (400 в.) желѣзнымъ дорогамъ дается 7 сутокъ, то-есть такой срокъ, въ теченіе котораго можно доставить товаръ и на лошадяхъ. Отъ Москвы до Саратова (800 в.) по правиламъ товаръ можно доставить черезъ 10 сутокъ, то-есть скорость его передвиженія—менѣе $3^1/_2$ в. въ часъ; при правильной же гужевой перевозкѣ это разстояніе можно преодолѣть въ 170 часовъ. Очевидно, при такихъ

---

[1]) Критика нашего желѣзнодорожнаго хозяйства съ точки зрѣнія сельскихъ хозяевъ-землевладѣльцевъ содержится въ трудахъ мѣстныхъ комитетовъ въ изобиліи. Даже оффиціальный сводъ г. Гуцевича: „Желѣзныя дороги и тарифы" (Спб., 1904) даетъ богатый матеріалъ по этой части.

условіяхъ скоропортящіеся грузы везти нельзя, да и вообще желѣзнодорожный транспортъ теряетъ одно изъ важнѣйшихъ преимуществъ—быстроту; это не можетъ не отражаться печально на интенсивности перевозки товаровъ и, стало быть, на финансовыхъ результатахъ желѣзнодорожнаго хозяйства. Отсутствіе срочности въ доставкѣ, когда покупатель не увѣренъ, получитъ ли онъ товаръ черезъ недѣлю, мѣсяцъ или полгода, разумѣется, крайне вредно и для участниковъ обмѣна, и для самихъ желѣзныхъ дорогъ. Врядъ ли нужно много говорить о значеніи срочности въ современной торговлѣ и о томъ, что насмѣшкой надъ этимъ принципомъ являются горы мѣшковъ съ хлѣбомъ, которыя образуются у насъ ежегодно на станціяхъ въ разгаръ передвиженія хлѣбныхъ грузовъ къ портамъ и внутреннимъ центрамъ потребленія. „Ихъ моютъ дожди, засыпаетъ ихъ пыль", ибо лежатъ они зачастую на открытыхъ мѣстахъ, на шпалахъ, близъ полотна. Зерно прѣетъ, проростаетъ, теряетъ натуру, мѣшки гніютъ и портятся, хлѣбъ разсыпается и его ѣдятъ мыши. А иногда, какъ случилось въ 1900 г. на московско-казанской желѣзной дорогѣ, вдругъ произойдетъ наводненіе, и хлѣбъ поплыветъ невѣдомо куда. Между тѣмъ, сдѣлки на хлѣбъ обычно носятъ срочный характеръ и пріемъ производится по пробѣ или на гарантію вѣса. Бываетъ, что зафрахтованные къ сроку пароходы ждутъ прибытія зерна, которое „залежалось" на желѣзныхъ дорогахъ, и за опаздываніе приходится возмѣщать убытки, платить неустойки. При такихъ условіяхъ правильная организація хлѣбной торговли вообще и экспортной въ особенности крайне затрудняется. Случаются такія явленія, которымъ не мѣсто въ странѣ съ развитыми путями сообщенія: бываетъ, что цѣны въ одномъ пунктѣ стоятъ 2 р. за пудъ, а въ другомъ онѣ равны всего 17 коп. Движеніе желѣзныхъ дорогъ въ такіе періоды запутывается, станціи и подъѣздные пути загромождаются, пропускная способность понижается. Конечно, извѣстная доля этого періодическаго бѣдствія объясняется неорганизованностью нашей хлѣбной торговли, отсутствіемъ кредита подъ хлѣбъ, ненормальнымъ наплывомъ хлѣба въ краткіе сроки въ чрезвычайномъ количествѣ; но въ значительной степени отвѣтственность должна быть возложена и на нераспорядительность управляющихъ дорогами, на неумѣлое использованіе подвижного состава, при которомъ паровозы больше стоятъ на станціяхъ, нежели работаютъ. При отсутствіи достаточнаго числа вагоновъ расцвѣтаютъ злоупотребленія: предоставляютъ вагоны раньше тѣмъ, кто даетъ взятки. Извѣстно, что продѣлывалось по этой части во время войны; но въ меньшемъ масштабѣ то же самое творится и въ мирные годы, постоянно. Вымогательство машинистовъ и другихъ агентовъ дороги—явленіе самое обычное: скотопромышленникъ, напр.,

не давшій взятки машинисту, рискуетъ, что вагонъ его будетъ получать постоянные и неожиданные толчки, отъ которыхъ скотъ поломаетъ себѣ ноги. По словамъ бузулукскаго комитета, „обращеніе грузчиковъ съ товарами самое варварское, и надо удивляться, какъ еще остается что-нибудь въ цѣлости. Полученіе отъ желѣзной дороги, напримѣръ, ящика съ листовымъ стекломъ, чтобы $^1/_2$ — $^2/_3$ не было разбито вдребезги—явленіе рѣдкое. Отправьте въ какой угодно упаковкѣ цѣнный и ходкій товаръ, и будетъ удивительно, если часть этого груза не будетъ похищена, а взамѣнъ его, для уравновѣшенія, не будутъ положены дрова и проч." Этотъ отзывъ — типиченъ: онъ повторяется очень многими комитетами. И мы знаемъ, что хищеніе грузовъ обращается у насъ въ регулярный промыселъ. Въ Москвѣ и въ Ростовѣ-на-Дону недавно были открыты весьма развѣтвленныя и много лѣтъ существовавшія организаціи похищенія грузовъ и сбыта ихъ. Дороги расплачивались за убытки передъ отправителемъ, платили изъ года въ годъ громадныя суммы—и, разумѣется, соотвѣтственно сокращались прибыли или увеличивались убытки отъ желѣзнодорожнаго хозяйства.

Не станемъ говорить о другихъ недостаткахъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ: о вопіющемъ злѣ переборовъ, объ отсутствіи приспособленій для перевозки рабочихъ и переселенцевъ, о недостаткѣ вагоновъ-ледниковъ и вагоновъ отапливаемыхъ. Въ Россіи произрастаютъ великолѣпные цвѣты, созрѣваютъ чудные фрукты. Еслибы была надлежаще организована перевозка, не приходилось бы ввозить изъ-за границы то, что можно получить у себя дома. Сбытъ овощей, продуктовъ садоводства и парниковыхъ растеній могъ бы чрезвычайно увеличиться, потребленіе и производство ихъ могли бы значительно подняться, и доходность дорогъ соотвѣтственно возросла бы, если бы приняты были мѣры къ облегченію перевозки этихъ продуктовъ на дальнія разстоянія, еслибы сдѣланы были надлежащія приспособленія.

Мнѣніе промышленныхъ круговъ выражено въ запискѣ совѣта съѣздовъ представителей промышленности и торговли „о необходимыхъ на 1908 г. кредитахъ на усиленіе пропускной и провозной способности казенныхъ желѣзныхъ дорогъ". Дороги наши, по мнѣнію авторовъ записки, „съ каждымъ годомъ оказываются все менѣе и менѣе приспособленными къ исполненію своей прямой задачи по безостановочной перевозкѣ предъявляемыхъ грузовъ". Періодически наблюдаются громадныя залежи хлѣба, каменнаго угля, рыбы, сахара, металла. Это ведетъ къ вздорожанію цѣнъ названныхъ предметовъ внутри страны и къ полученію меньшей цѣны за вывозимые товары. Недостаточность и неравномѣрность пропускной и провозной способности нашей сѣти влекутъ за собой „не только тяжкія послѣдствія

для экономической жизни страны, но и въ значительнѣйшей мѣрѣ (этими же причинами) создается почва для тѣхъ убытковъ, которые несетъ наша казна по эксплоатаціи казенныхъ и частныхъ желѣзныхъ дорогъ". „Главнѣйшею причиной малодоходности русской желѣзнодорожной сѣти—говорится въ резолютивной части записки—являются отсутствіе плана веденія хозяйства и вытекающая отсюда неудовлетворительность пропускной и провозной способности русскихъ желѣзныхъ дорогъ". На нашихъ дорогахъ два хозяина: министерство путей сообщенія и министерство финансовъ. Они часто не согласуютъ свою дѣятельность. И въ то время какъ одно вѣдомство, заботясь лишь о технической сторонѣ дѣла, заставляетъ повышать расходы на желѣзныя дороги, другое своей тарифной политикой нерѣдко уменьшаетъ доходы. Дороги наши управлятся бюрократически; дѣйствія руководителей стѣснены и опутаны всякаго рода совѣтами, комитетами, контролерами, при чемъ въ результатѣ отвѣтственности не подлежитъ никто. Надо всѣмъ царитъ рутина, переписка, бумажное производство. Служащихъ (на версту) у насъ больше, чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ, въ 3—3½ раза, но ихъ оклады въ среднемъ въ 3½ раза меньше, а качество во много разъ хуже. Здѣсь примѣняется принципъ: „числомъ поболѣе—цѣною подешевле".

Относительно формализма и мертвяще-небрежнаго отношенія къ дѣлу въ нашемъ желѣзнодорожномъ хозяйствѣ можно было бы очень многое поразсказать. Ограничимся лишь двумя-тремя примѣрами. Въ книгѣ г. С. С. Х.: „Финансы Россіи въ связи съ экономическимъ положеніемъ населенія" (Спб., 1908) приводится слѣдующій фактъ, имѣвшій мѣсто въ самое послѣднее время. При постройкѣ вологодской жел. дор. для подвозки матеріаловъ пришлось устроить на протяженіи 170 в. гать. Мѣстные жители, разумѣется, очень обрадовались открывшейся возможности сообщенія чрезъ непроходимыя болота и стали гатью пользоваться. Когда желѣзная дорога была закончена, возникъ вопросъ: кто станетъ гать ремонтировать въ будущемъ? И во избѣжаніе недоразумѣній чины министерства путей сообщенія рѣшили уничтожить гать, то-есть лишить населеніе устроенной черезъ болота дороги!

Недавно вышедшее изслѣдованіе г. Воскресенскаго: „Страницы русскаго желѣзнодорожнаго хозяйства", повѣствуетъ о странной постановкѣ вагоннаго управленія. Оказывается, что на однѣхъ дорогахъ избытки вагоновъ (съ чужихъ дорогъ) доходятъ до 26% наличнаго инвентаря и до 32% рабочаго, тогда какъ на другихъ дорогахъ имъ соотвѣтствуютъ недостачи. И такъ какъ эти излишніе и недостающіе вагоны при планировкѣ движенія въ разсчетъ не берутся, ибо о нихъ нѣтъ свѣдѣній, то, понятно, получается отчаянный безпорядокъ.

Нѣчто въ высокой степени уродливое по величинѣ представляютъ

на иныхъ дорогахъ хозяйственные пробѣги. Хозяйственныя перевозки производятся по льготному тарифу, который обычно ниже себѣ стоимости. Какъ передаютъ гг. Воскресенскій и Нагродскій въ работѣ своей: „Страницы желѣзнодорожнаго хозяйства" (выпускъ второй), „доски перевозятъ за 500—600 верстъ по служебному тарифу, соблюдая экономію покупкой на 10 коп. дешевле и упуская изъ виду простую истину: за моремъ телушка—полушка, да рубль перевозу". На одной дорогѣ двѣ станціи возили камень, добывая его другъ у друга изъ карьеровъ на разстояніи около 300 в. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ производилась эта нелѣпая встрѣчная перевозка рабочими поѣздами, дешевая номинально и весьма цѣнная въ дѣйствительности. Салонъ-вагоны для начальства, экстренные поѣзда для администраціи, безплатные билеты, широкой рукой раздаваемые, изобиліе „зайцевъ"—все это ложится немалымъ бременемъ на бюджетъ желѣзныхъ дорогъ.

Относительно крайней неудовлетворительности нашего желѣзнодорожнаго хозяйства теперь сомнѣній быть не можетъ. Само министерство путей сообщенія признало справедливость всѣхъ важнѣйшихъ нареканій на рельсовые пути. „Русскія дороги—писало названное вѣдомство въ представленіи объ усиленіи и улучшеніи казенныхъ желѣзныхъ дорогъ—оказываются несостоятельными для успѣшнаго выполненія того усиленнаго передвиженія грузовъ и пассажировъ, которое нынѣ требуется. Такъ называемыя „залежи грузовъ" представляютъ собою обычное явленіе, продолжающееся въ послѣдніе годы не менѣе 6—8 мѣсяцевъ въ году, при чемъ размѣръ залежей доходитъ до 100—200 тысячъ вагоновъ и массовые очередные грузы часто ожидаютъ очереди отправки до 3—4 и болѣе мѣсяцевъ"... „Медленность и несрочность передвиженія грузовъ на русскихъ дорогахъ является также серьезнымъ ихъ недостаткомъ. Общая такъ называемая коммерческая скорость перевозокъ грузовъ малой скорости, даже при нормальныхъ условіяхъ движенія не превышаетъ 6—8 верстъ въ часъ"... А при всякихъ случайныхъ и часто неизбѣжныхъ препятствіяхъ въ какомъ-либо пунктѣ сѣти отдѣльные ея участки и станціи быстро загромождаются вагонами, правильность общей работы нарушается, и тогда груженые вагоны по пути своего слѣдованія большее время простаиваютъ на станціяхъ, чѣмъ находятся въ движеніи... Перевозка пассажировъ также весьма неудовлетворительна. „Недостатокъ пассажирскихъ поѣздовъ вообще и мѣстныхъ въ особенности, переполненіе вагоновъ, чрезмѣрно большіе составы поѣздовъ и, какъ слѣдствіе, частое запаздываніе ихъ въ пути, тѣснота и неудобство многихъ пассажирскихъ помѣщеній на станціяхъ, перевозка пассажировъ IV класса и переселенцевъ въ крайне неудобныхъ вагонахъ товарнаго типа—все это вызываетъ постоянныя жалобы пасса-

жировъ"... Выводъ министерской записки звучитъ печально: „нельзя не признать, что жалобы на желѣзныя дороги, въ большинствѣ случаевъ, вызываются весьма основательными причинами. Наши рельсовые пути, въ настоящее время, не стоятъ на высотѣ своего положенія, не удовлетворяютъ потребностямъ населенія, не могутъ содѣйствовать дальнѣйшему развитію отечественной промышленности и торговли".

Въ вступительной рѣчи новаго министра путей сообщенія, г. Рухлова, дана далеко не оптимистическая оцѣнка нашего желѣзнодорожнаго хозяйства. Съ финансовой стороны г. Рухловъ характеризуетъ его какъ убыточное, причемъ отмѣчаетъ, что дефициты растутъ и что „убытки будутъ расти и дальше, если не измѣнится способъ веденія хозяйства". Всѣ усилія, по мнѣнію министра, должны быть направлены къ тому, чтобы „принять мѣры къ измѣненію условій веденія этой отрасли хозяйства". Переходя къ вопросу о томъ, насколько дороги удовлетворяютъ своему назначенію, г. Рухловъ повторяетъ извѣстныя уже намъ печальныя указанія записки министерства путей сообщенія, категорически заявляя: „мы, обыватели, знаемъ, что товарные поѣзда больше стоятъ на станціяхъ, чѣмъ находятся въ движеніи. Мы знаемъ, что сохранность груза совсѣмъ на желѣзныхъ дорогахъ не обезпечена... Мы видимъ пассажирскіе вагоны, переполненные пассажирами съ безплатными билетами или совсѣмъ не имѣющими билетовъ. Наконецъ, мы въ послѣднее время видимъ, что на желѣзныхъ дорогахъ происходитъ такая масса хищеній, даже кражъ, что судебное вѣдомство въ нѣкоторыхъ пунктахъ обязано теперь испрашивать усиленіе своего состава"... Министръ призываетъ своихъ подчиненныхъ „на путь внимательнаго отношенія къ службѣ, на путь фактическаго отношенія, а не канцелярскаго, не бумажнаго".

Вопросъ объ убыточности нашего желѣзнодорожнаго хозяйства обсуждался и въ Государственной Думѣ, при разсмотрѣніи соотвѣтствующихъ смѣтъ на 1908 и 1909 годы. Въ текущей сессіи Н. Л. Марковымъ I-мъ, докладчикомъ бюджетной комиссіи, была выполнена обширная работа по детальному разбору смѣты. Обмѣнъ мнѣній между представителями вѣдомства, съ одной стороны, и депутатами, съ другой, имѣвшій мѣсто въ бюджетной комиссіи, далъ очень характерный матеріалъ. Наконецъ, пренія по смѣтѣ въ самой Думѣ отмѣтили рядъ яркихъ фактовъ, главнымъ образомъ касающихся вопроса о плохой постановкѣ хозяйства на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ. Еще въ 1908 году, доказывая необходимость особаго изслѣдованія желѣзнодорожнаго хозяйства и причинъ, вызывающихъ его убыточность, бюджетная коммиссія констатировала, что эта отрасль „нынѣ отли-

чается безсистемностью и безхозяйственностью". Въ докладѣ коммиссіи по смѣтѣ на 1909 годъ находимъ опять указаніе на то, что „пониженіе доходности казеннаго желѣзнодорожнаго хозяйства находитъ скорѣе объясненіе въ самой безхозяйственности веденія дѣла".

Конечно, трудно назвать правильнымъ порядокъ, при которомъ неисполненіе смѣтъ — обычное дѣло. Перерасходы въ ужасающихъ размѣрахъ, на десятки милліоновъ рублей, позаимствованія изъ выручки на покрытіе ихъ, а въ результатѣ—задолженность дорогъ, которую придется рано или поздно покрыть изъ общихъ средствъ государства,—такова одна часть картины. Но кромѣ практики сверхсмѣтныхъ расходовъ, производимыхъ безъ законнаго основанія, и въ самомъ способѣ составленія смѣтъ кроется возможность крупныхъ злоупотребленій. По указанію г. Маркова, не соблюдается яснаго и твердаго отдѣленія эксплоатаціонныхъ расходовъ отъ строительныхъ. Такъ напр., столь грандіозныя предпріятія, какъ постройка зданій главныхъ линейныхъ мастерскихъ юго-западныхъ дорогъ (стоимость около 5 милл. р.), осуществляются не путемъ испрошенія соотвѣтственныхъ кредитовъ особыми законопроектами, а съ помощью ежегоднаго отнесенія расходовъ по частямъ на § 8, въ которомъ значатся „расходы по усиленію и улучшенію желѣзныхъ дорогъ съ коммерческой и спеціальной цѣлью". Такимъ путемъ израсходованы уже громадныя суммы (съ 1894 по 1909 гг., по разсчету г. Маркова, не менѣе 1 милліарда р.); безъ вѣдома законодательныхъ учрежденій государство втягивается этимъ способомъ въ большіе расходы, часто становящіеся, разъ дѣло начато, неизбѣжными. До чего доходитъ эта практика, показываетъ тотъ фактъ, что, составивъ предположенія объ усиленіи провозной и пропускной способности казенныхъ желѣзныхъ дорогъ въ пятилѣтіе 1908—1912 г.г. на сумму 1 милліарда рублей, министерство путей сообщенія принялось уже частично выполнять свой планъ, начиная со смѣтъ 1908 и 1909 годовъ, причемъ никакого обсужденія этой громадной затраты въ законодательныхъ учрежденіяхъ не производилось. Нерѣдки случаи сдачи въ эксплоатацію вновь выстроенныхъ казенныхъ дорогъ въ совершенно незаконченномъ видѣ (ташкентская, забайкальская, средне-азіатская, сибирская дороги), а недодѣлки производятся на кредиты по § 8 эксплоатаціонной смѣты.

Непредусмотрѣнные расходы, необдуманные расходы и излишніе расходы—конечно, синонимы. Но излишніе расходы вызываются на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ не только отсутствіемъ правильной системы составленія смѣтъ и невыполненіемъ ихъ. Безхозяйность выражается и въ значительныхъ переплатахъ на всѣ матеріалы, пріобрѣтаемые желѣзными дорогами. Заготовка топлива, покупка шпалъ, пріобрѣтеніе рельсъ и подвижного состава — всѣ эти операціи обхо-

дятся казнѣ значительно дороже, чѣмъ слѣдуетъ. Тутъ играютъ роль и небрежность, и недобросовѣстность. Можно считать, къ сожалѣнію, твердо установленнымъ, что въ матеріальной службѣ дорогъ укрѣпились интендантскіе нравы. Въ силу строгости и неопредѣленности правилъ пріемки произволъ пріемщика почти безграниченъ. И естественно, что поставщики, даже добросовѣстные, охотно платятъ за то только, чтобы не дѣлали излишнихъ придирокъ. А во сколько разъ больше и насколько охотнѣе платятъ тѣ, кому надо сдать матеріалы съ изъяномъ!.. Представитель государственнаго контроля въ подкоммиссіи по разсмотрѣнію государственной росписи, какъ свидѣтельствуетъ предсѣдатель подкоммиссіи, не отрицалъ наличности большихъ злоупотребленій въ большинствѣ матеріальныхъ службъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ. Даже начальникъ управленія желѣзныхъ дорогъ, защищая своихъ подчиненныхъ, вынужденъ былъ ограничиться слѣдующимъ двусмысленнымъ комплиментомъ: „думаю,—сказалъ онъ,—что на многихъ дорогахъ начальники матеріальной службы являются уже безусловно честными людьми". Къ несчастью, и это заключеніе слишкомъ оптимистично. Поборы съ отправителей—обычнѣйшее явленіе. Начальники станцій берутъ за подачу вагоновъ; чуть не весь персоналъ станціи дѣлаетъ то же самое. По свидѣтельству министра путей сообщенія, „казенныя желѣзныя дороги должны были въ багажныхъ вагонахъ изолировать особое помѣщеніе для багажныхъ кондукторовъ, чтобы устранить ихъ отъ возможности оперировать съ багажемъ пассажировъ". Вагоны съ товаромъ пропадаютъ цѣликомъ, товары изъ вагоновъ исчезаютъ чудеснымъ образомъ. Количество безбилетныхъ достигаетъ невѣроятныхъ размѣровъ. Указывались линіи, на которыхъ платить за билетъ совсѣмъ не принято; назывались поѣзда, въ которыхъ не продавали билетовъ I класса, такъ какъ вагонъ былъ занятъ служащими дороги и пассажирами съ билетами низшихъ классовъ. Министръ путей сообщенія сообщалъ, что въ 1906 г. было выдано на казенныхъ дорогахъ около 3 милліоновъ безплатныхъ разовыхъ билетовъ, да годовыхъ по разнымъ вѣдомствамъ роздано немалое количество (по одному министерству путей сообщенія—26 тысячъ; пользовались, впрочемъ, и всѣ вѣдомства, вплоть до контроля включительно). Первый классъ, который у насъ ставятъ чуть не во всѣхъ поѣздахъ для первосортныхъ пассажировъ, приносилъ убытка по разсчету на 100 верстъ 3 р. 50 к., а на всю сѣть даетъ 9 милл. р. въ годъ дефицита. Обычное явленіе — пустые скорые поѣзда на сибирской дорогѣ, причемъ одинъ пробѣгъ такого поѣзда даетъ убытка, по разсчету деп. Некрасова, 7.000 р.

Если попытаться суммировать убытки казны отъ такихъ пріемовъ хозяйничанья, ихъ надо опредѣлить не иначе какъ въ нѣсколько де-

сятковъ милліоновъ рублей. Достаточно сказать, что въ параграфѣ 5 (расходы по эксплоатаціи казенныхъ желѣзныхъ дорогъ), согласно детальнымъ подсчетамъ г. Маркова, можно было бы сократить расходы на 15 милл. руб. Сверхъ того, поднятіе доходовъ отъ правильной эксплоатаціи желѣзнодорожнаго хозяйства могло бы выразиться во всякомъ случаѣ не меньшею цифрою.

IV.

Приведенные факты и мнѣнія даютъ намъ, кажется, право утверждать, что русское желѣзнодорожное хозяйство ведется очень неудачно. Оно плохо поставлено не только съ точки зрѣнія удовлетворенія потребностей населенія, но и съ чисто коммерческой, съ финансовой. Можно съ увѣренностью полагать, что убыточность нашей сѣти въ значительной степени вызвана плохимъ, небрежнымъ, нераспорядительнымъ и расточительнымъ хозяйничаньемъ. Торгово-промышленныя сферы держатся того взгляда, что „въ убыточности русской сѣти повинны не какія-либо непреодолимыя силы, а весьма преодолимый порядокъ вещей, который называется безхозяйственностью и расточительностью" („Промышленность и Торговля", 1908 г., № 21, стр. 443). Резюмируя содержаніе всего выше изложеннаго, мы намѣтили бы три ряда причинъ убыточности нашей желѣзнодорожной сѣти: 1) естественныя и экономическія условія работы этой сѣти; 2) исторія ея постройки, то-есть наслѣдіе прошлаго; 3) дурное хозяйство и дурное управленіе сѣтью. Желѣзныя дороги въ Россіи не могутъ быть прибыльными, потому что пространствомъ страна наша необъятна, плотность населенія весьма слабая, экономическое развитіе достигаетъ лишь очень невысокаго уровня и идетъ впередъ весьма медленно; далѣе, сѣть наша строилась непланомѣрно, небрежно, расточительно и обошлась слишкомъ дорого; къ тому же она въ значительной мѣрѣ вызвана не экономическими, а стратегическими и административными соображеніями. Эти обстоятельства, разумѣется, не могутъ не оказывать неблагопріятнаго вліянія на финансовые результаты желѣзнодорожнаго хозяйства.

Поскольку убыточность сѣти объясняется естественными, экономическими и историческими причинами, борьба съ нею крайне нелегка. Устранено или ослаблено вліяніе этихъ причинъ можетъ быть лишь серьезными, коренными перемѣнами въ общемъ положеніи страны, которыя для осуществленія своего требуютъ и многихъ лѣтъ времени, и массы труда, и цѣлаго ряда другихъ сложныхъ условій. Иного рода та убыточность или, вѣрнѣе, та часть ея, которая вы-

звана безхозяйственностью. Здѣсь сравнительно нетрудно — теоретически, по крайней мѣрѣ, — при желаніи и умѣньѣ, повернуть дѣло иначе, поставить его болѣе правильно и добиться благопріятныхъ результатовъ. Во всякомъ случаѣ неотложная работа по сокращенію убыточности нашего желѣзнодорожнаго хозяйства должна быть направлена именно въ эту область, въ эту сторону, прежде всего. И здѣсь реформа назрѣла до такой степени, что можно безъ преувеличенія сказать: всякое промедленіе грозитъ колоссальными бѣдами, грозитъ полнымъ омертвѣніемъ этой важной отрасли государственнаго и народнаго хозяйства.

М. И. Фридманъ.

НОВѢЙШІЯ ВѢЯНІЯ ВЪ НАУЧНО-ФИЛОСОФСКОМЪ СИНТЕЗѢ ЗАПАДА.

Имѣя въ виду намѣтить новое, только еще пробивающееся теченіе научно-философской мысли на Западѣ, я считаю нужнымъ прежде всего сказать, какъ я смотрю на философію вообще и почему настоящій моментъ можетъ представляться мнѣ особенно важнымъ съ точки зрѣнія философскаго синтеза.

Всякая философская система представляетъ изъ себя синтезъ нашего знанія, т.-е. извѣстную группировку понятій, которыя даетъ намъ сама жизнь. Эти понятія могутъ быть совершенно конкретными и наивными, какими были представленія древнѣйшихъ греческихъ философовъ о стихіяхъ, о явленіяхъ природы и о человѣкѣ, или переработанными мыслью и отвлеченными, какими мы находимъ ихъ у Аристотеля и Гегеля, или, наконецъ, подвергнутыми анализу положительной науки, какъ, напримѣръ, у Спенсера. Съ теченіемъ времени измѣняются и самыя понятія, и группировка ихъ. И въ томъ, и въ другомъ замѣчается извѣстный прогрессъ; но *прогрессъ группировки, выражающійся въ словесныхъ логическихъ формулахъ, представляется мнѣ болѣе условнымъ и спорнымъ, чѣмъ постепенное измѣненіе нашихъ основныхъ понятій.*

Пояснимъ это примѣромъ. Монистическую группировку мы находимъ и у Аристотеля, и у Спинозы, и у Гегеля, и у Альфреда Фулье, и у Эрнеста Геккеля; дуалистическая концепція возрождается и у Платона, и у Канта, и у Ренувье, и у Вундта; но элементы каждаго изъ этихъ монизмовъ или дуализмовъ существенно различны. Различны понятія и о человѣческомъ организмѣ, и о дѣйствующихъ въ немъ силахъ, и о существѣ психическихъ явленій. Въ зависимости отъ этихъ понятій измѣняется и ихъ группировка.

Въ извѣстныя эпохи кажется болѣе вѣрнымъ монистическій синтезъ, въ другія—дуалистическій. Иногда борются двѣ противоположныя концепціи, какъ, напримѣръ, въ наше время монизмъ Геккеля и неокантіанство. Логическія схемы возрождаются и повторяются съ тѣми или другими измѣненіями, возвращеніе же къ старымъ понятіямъ—напр. къ понятію о жизненной силѣ,—представляется немыслимымъ. При свѣтѣ положительной науки наши понятія становятся все болѣе точными.

Настоящій моментъ кажется мнѣ интереснымъ и важнымъ именно

потому, что измѣненіе, которое я имѣю въ виду, совершается не въ логической группировкѣ, а въ основныхъ данныхъ нашего научнаго опыта.

Этимъ сразу опредѣляются предѣлы настоящаго очерка. Я не буду дѣлать сравнительную оцѣнку тѣхъ или другихъ теорій, я не буду говорить ни о монизмѣ Геккеля или Фулье, ни о нео-кантіанствѣ, какъ оно проявляется въ Германіи и во Франціи, ни о примыкающихъ къ тому и другому направленію позднѣйшихъ концепціяхъ. Я не отрицаю значенія логической группировки, выражающейся въ этихъ теоріяхъ. Въ одной изъ моихъ первыхъ работъ, „Esquisse d'une évolution dans l'histoire de la philosophie“ [1]), я спеціально изслѣдовалъ вопросъ, въ чемъ заключается прогрессъ логической группировки и каковъ законъ этого прогресса въ эволюціи философскихъ теорій. Но я нахожу, что интересъ къ той или другой формулѣ падаетъ передъ сколько-нибудь существеннымъ измѣненіемъ въ основныхъ данныхъ нашего опыта. Поэтому въ настоящій моментъ мы займемся лишь измѣненіемъ этихъ данныхъ.

Какія же данныя я имѣю въ виду? Данныя физическаго и психическаго міра. Съ одной стороны—предметы и явленія внѣшняго міра, среди которыхъ главное мѣсто занимаетъ организмъ человѣка, съ другой стороны—его мысли, чувства и воспоминанія. Позвольте на минуту открыть здѣсь скобки. Я боюсь, что нѣкоторые нео-кантіанцы поспѣшатъ возразить мнѣ: произвольное различіе; и предметы внѣшняго міра суть также мои представленія. Я охотно пойду за ними на ихъ почву. Пусть всѣ данныя, и физическія, и психическія, суть лишь данныя нашего познанія. Тѣмъ не менѣе, между ними есть глубокое, до сихъ поръ неизглаженное различіе. Физическія данныя обладаютъ, во-первыхъ, гораздо бо́льшимъ постоянствомъ; во-вторыхъ, доступны нашему зрѣнію и осязанію, а зачастую и другимъ чувствамъ. Психическія же данныя мимолетны и недоступны ни зрѣнію, ни осязанію. Послѣ Канта мы стали формулировать эту разницу точнѣе: мы не говоримъ, что первыя существуютъ, а вторыя лишь кажутся. Мы говоримъ, что и тѣ, и другія существуютъ лишь въ нашемъ представленіи. Но существуютъ различно. Настолько различно, что мы никакъ не можемъ связать полетъ мыслей съ организмомъ, въ которомъ онъ происходитъ. Для самаго смѣлаго кантіанца, для самаго послѣдовательнаго солипсиста, какъ ни призрачно физическое существованіе человѣка, оно все-таки менѣе мимолетно, чѣмъ его мысль, и связь между мозгомъ и мыслью остается все-таки необъяснимою.

Мнѣ кажется, этого отступленія вполнѣ достаточно. Будемъ ли мы

---

[1]) Парижъ, 1903.

говорить языкомъ положительной науки или языкомъ субъективной философіи—между физическими и психическими данными существуетъ глубокое, до сихъ поръ неизглаженное различіе.

За послѣднее время въ положительной наукѣ это различіе выражалось въ формулѣ психо-физическаго параллелизма. Главнымъ образомъ въ той отрасли науки, которая спеціально занимается психическими данными—въ психологіи. Какими бы метафизическими формулами ни завершались воззрѣнія Вундта, Мюнстерберга, Кюльпе, Рибо, Солье, Джэмса или Гефдинга, въ центрѣ ихъ, въ той части, гдѣ наиболѣе точнымъ образомъ сходятся физическія и психическія данныя, мы находимъ вездѣ то же самое параллельное сосуществованіе и необъяснимое взаимодѣйствіе нервной системы, съ ея безчисленными развѣтвленіями и клѣточками, и постоянно измѣняющихся картинъ воображенія, съ безчисленными ассоціаціями. Съ одной стороны—мельчайшая мозаика ощутимыхъ и вѣсомыхъ элементовъ, съ другой стороны—калейдоскопъ недоступныхъ ни ощупи, ни взору элементовъ, съ такимъ, однако, взаимодѣйствіемъ, что ихъ соотношеніе можетъ быть выражено въ формулѣ какого-то необъяснимаго параллелизма. Причините уколъ нервной сѣти, и въ калейдоскопѣ ощущеній появится новое чувство. Вызовите извѣстное эмоціональное воспоминаніе, и въ организмѣ произойдетъ приливъ крови или нервный рефлексъ.

Въ этихъ-то данныхъ и происходитъ въ послѣднее время весьма знаменательное измѣненіе.

Эволюція ихъ замѣчательна, между прочимъ, тѣмъ, что она совершается въ разныхъ странахъ, на разныхъ языкахъ и въ трудахъ ученыхъ, которые незнакомы одни съ другими.

Какъ это ни странно, на небольшомъ пространствѣ Европы между французскими и нѣмецкими учеными центрами существуетъ еще своего рода стѣна. Она, правда, разрушается все болѣе широкимъ изученіемъ иностранныхъ языковъ, но, съ другой стороны, укрѣпляется все растущею спеціализаціею наукъ и развитіемъ спеціальныхъ литературъ. Нѣмецкій психологъ лучше прежняго слѣдитъ за трудами французской или англійской психологіи, но развитіемъ собственной спеціальности болѣе прежняго отдаленъ отъ самостоятельныхъ трудовъ въ сферѣ физіологіи и—vice versa.

Этимъ неожиданнымъ обстоятельствомъ объясняется тотъ фактъ, что происходящее теперь измѣненіе въ основныхъ данныхъ до сихъ поръ не оказало вліянія на ихъ синтезъ. Начнемъ съ *психическихъ данныхъ.*

Измѣненіе ихъ началось уже довольно давно, съ начала 80-хъ годовъ, съ первыхъ трудовъ двухъ выдающихся австрійскихъ ученыхъ: Рихарда Вале, который состоитъ теперь профессоромъ философіи въ

Черновицѣ, и знаменитаго вѣнскаго профессора Эрнеста Маха — но сколько-нибудь реальное значеніе это вѣяніе получило лишь въ самое послѣднее время. Оно было направлено къ замѣнѣ обычной, статической концепціи нашихъ умственныхъ явленій болѣе точною, динамическою.

Вале выступилъ въ 1884 г. съ небольшимъ критическимъ изслѣдованіемъ: „Мозгъ и сознаніе“ [1]), направленнымъ противъ извѣстнаго берлинскаго профессора Дюбуа-Реймона, который незадолго передъ тѣмъ авторитетно призналъ существованіе неразрѣшимыхъ проблемъ, между прочимъ проблемы матеріальнаго и духовнаго міровъ. Вале возразилъ ему, что этотъ вопросъ кажется неразрѣшимымъ только потому, что онъ неправильно поставленъ. Сравнивая физическія и психическія данныя—картину мозга и нервной системы и картину нашего сознанія—онъ доказывалъ, что между ними нельзя искать прямой связи, потому что та и другая относятся къ разнымъ точкамъ зрѣнія. Продолжая, далѣе, свой анализъ, онъ пришелъ къ заключенію, что объекты видимаго міра представляютъ изъ себя — точно также, какъ и наши умственныя понятія — сложныя единицы и слагаются изъ тѣхъ же элементовъ—нашихъ ощущеній, но съ тою лишь существенною разницею, что *физическія данныя представляютъ болѣе постоянную, а психическія—болѣе мимолетную группировку ощущеній, и что первыя постоянно снабжены данными зрѣнія и осязанія, которыя отсутствуютъ у вторыхъ.* Это различіе схвачено очень вѣрно. Предметы внѣшняго міра, включая сюда и собственное тѣло, мы можемъ видѣть и осязать; явленія же, которыя происходятъ въ сознаніи и которыя мы предполагаемъ въ мозгу, ускользаютъ отъ контроля этихъ чувствъ. Такимъ образомъ Вале пошелъ еще гораздо далѣе Канта въ критикѣ познанія, различивъ не только субъективные элементы во внѣшнемъ мірѣ, но и отличіе этой группировки отъ группировки ихъ во внутреннемъ міросозерцаніи. Къ сожалѣнію, ему не удалось воспользоваться результатами своей критики для приведенія тѣхъ и другихъ къ одной точкѣ зрѣнія и установленія между ними прямой связи. Онъ проявилъ всѣ рессурсы своего гибкаго и пытливаго ума въ описаніи различныхъ „комбинацій“, которыя представляетъ группировка ощущеній въ нашемъ сознаніи—при мимолетномъ воспріятіи, при болѣе продолжительномъ, при воспоминаніи и т. д.,—но не могъ найти научнаго основанія для опредѣленія существующей между ними связи. Почему отдѣльные элементы повторяются въ извѣстной группировкѣ при каждомъ воспоминаніи предмета, почему эти сложныя комбинаціи не только сохраняются, но могутъ развиваться и обога-

---

[1]) R. Wahle, „Gehirn und Bewusstsein“, Вѣна, 1884.

щаться новыми ассоціаціями? Для него эта связь осталась необъяснимою какъ въ его первомъ трудѣ, такъ и въ послѣднемъ: „Механизмъ психической жизни“ [1]), появившемся два года тому назадъ,—а между тѣмъ безъ нея наше сознаніе является или чудомъ, или случайнымъ калейдоскопомъ ощущеній.

Совершенно независимо отъ Вале и даже нѣсколько ранѣе его, въ своей критической статьѣ: „Принципъ экономіи въ изслѣдованіи физическаго міра“, Э. Махъ призналъ точно также сложность нашихъ психическихъ данныхъ. Но въ своемъ капитальномъ произведеніи: „Анализъ ощущеній и отношеніе физическаго къ психическому“, выдержавшемъ пять изданій и появившемся два года тому назадъ въ русскомъ переводѣ, онъ пошелъ гораздо далѣе. Остановимся на немъ нѣсколько подробнѣе.

Отбросимъ сравненіе предметовъ внѣшняго міра съ нашими умственными понятіями и признаніе ихъ однородными. Это—предпосылка всякаго субъективнаго реализма. Остановимся на ближайшемъ анализѣ нашихъ психическихъ данныхъ. Здѣсь Махъ всталъ на гораздо болѣе практическую точку зрѣнія. Анализируя свои собственныя воспріятія и воспоминанія, онъ скоро убѣдился, что наука вообще, и въ частности психологія, принимаетъ ихъ въ неточномъ, годномъ лишь для практической жизни смыслѣ. Говорю ли я о предметахъ и лицахъ изъ сферы моего воспріятія,—о моемъ хорошемъ знакомомъ, который часто у меня бываетъ, о моемъ письменномъ столѣ, о сюртукѣ, который я ношу,—какъ о представленіяхъ, которыя они вызываютъ въ моей памяти, я придаю этимъ предметамъ, лицамъ и представленіямъ постоянство, котораго они не имѣютъ. Мой знакомый выглядитъ зачастую весьма различно: онъ бываетъ различно одѣтъ, то въ хорошемъ, то въ дурномъ настроеніи духа; жестикулируетъ или сидитъ спокойно. Мой письменный столъ можетъ быть болѣе или менѣе освѣщенъ, виденъ мнѣ сверху или со стороны. Вспоминая о нихъ, я воскрешаю то ту, то другую подробность; то я вижу глаза и выраженіе лица моего друга, то его фигуру, платье и т. д. Между тѣмъ я говорю о нихъ, какъ о чемъ-то вполнѣ опредѣленномъ и постоянномъ, какъ о фотографическомъ снимкѣ, который синтетизируетъ одинъ мимолетный моментъ ихъ существованія. Этотъ пріемъ, говоритъ Махъ, вызывается экономіей нашего мышленія. Для грубой оріентировки, для обыденной жизни онъ вполнѣ достаточенъ. Какъ бы ни измѣнился внѣшній видъ или настроеніе моего друга, онъ все-таки остался самимъ собою. Сумма постоянныхъ элементовъ имѣетъ для меня практически гораздо больше значенія, чѣмъ всѣ перемѣны. Съ

---

[1]) R. Wahle, „Ueber den Mechanismus des geistigen Leben“. 1906.

научной же точки зрѣнія мое сегодняшнее впечатлѣніе навѣрное разнится въ чемъ-нибудь отъ вчерашняго и еще болѣе отъ воспоминанія о томъ же человѣкѣ, относящагося къ прошлой недѣлѣ или къ прошлому мѣсяцу. Съ научной точки зрѣнія, наши умственныя представленія суть сложные, постоянно измѣняющіеся комплексы—комплексы ощущеній.

Этотъ фактъ имѣетъ для психологіи громадное значеніе. Связывая съ нервной системой и мозгомъ наши психическія явленія, *психологъ бралъ ихъ до сихъ поръ въ условномъ, статическомъ смыслѣ. Въ дѣйствительности* наши впечатлѣнія и воспоминанія *локализируются въ мозгу не какъ неподвижныя формы фотографическаго клише, а какъ живая и далеко не цѣльная мозаика ощущеній.* Профиль или овалъ лица, двѣ-три характерныхъ черты, иногда выраженіе глазъ, покрой платья или привычный жестъ — вотъ и все, что составляетъ тотъ или другой образъ. Это не цѣльный портретъ, а связка ощущеній, которой, однако, достаточно для того, чтобы оріентироваться въ жизни.

Махъ пошелъ въ своемъ анализѣ гораздо дальше, чѣмъ Вале. Онъ не ограничился описаніемъ этихъ комплексовъ, а попытался изслѣдовать процессъ ихъ возникновенія — естественнымъ образомъ въ той формѣ, въ которой они болѣе всего доступны наблюденію, а именно при непосредственномъ воспріятіи зрительныхъ и слуховыхъ впечатлѣній. И тутъ онъ пришелъ къ слѣдующему, весьма важному выводу. Прослѣдивъ постепенную эволюцію теорій зрѣнія и слуха и основываясь, съ другой стороны, на анализѣ собственныхъ впечатлѣній, онъ заключилъ, что соотвѣтственныя воспріятія связаны не съ отраженіемъ предмета на ретинѣ и не съ резоннансомъ аккорда въ базилярной перепонкѣ, а съ мозговыми рефлексами, отвѣчающими на раздраженіе периферическихъ органовъ. Я не могу слѣдить за постепеннымъ ходомъ мыслей Маха, какъ потому, что онѣ постоянно прерываются и затемняются обще-философскими разсужденіями, такъ и потому, что ему приходится бороться съ весьма несовершенными и противорѣчивыми теоріями зрѣнія и слуха. На каждомъ шагу встрѣчаются совершенно излишніе экскурсы или возраженія противъ давно уже опровергнутыхъ теорій, такъ что послѣдовательное чтеніе Маха, особенно въ русскомъ переводѣ, сопряжено съ большими затрудненіями. Для характеристики пройденнаго имъ пути достаточно будетъ сказать, что при ближайшемъ изслѣдованіи отдѣльные элементы зрительнаго воспріятія—разстояніе, рельефъ и даже простѣйшая геометрическая форма предметовъ—оказались зависящими не отъ отраженія на сѣтчаткѣ, а отъ моторныхъ процессовъ, отъ рефлексовъ зрительнаго аппарата. Въ этомъ онъ убѣдился преимущественно эмпи-

рическимъ путемъ, путемъ слѣдующихъ опытовъ: возьмите, говорилъ онъ, два квадрата одинаковыхъ размѣровъ, но помѣщенныхъ различно: одинъ — прямо, другой — угломъ внизъ. Сравните ихъ, и вы увидите, что впечатлѣніе получится различное, несмотря на геометрическое сходство фигуръ. Другой опытъ: поверните знакомый вамъ портретъ головою внизъ, и вы не узнаете его, не смотря на то, что отраженіе на сѣтчаткѣ будетъ графически состоять изъ тѣхъ же линій. Путемъ такого кропотливаго и чисто эмпирическаго анализа онъ пришелъ къ заключенію, что всѣ элементы нашего зрительнаго воспріятія—по крайней мѣрѣ всѣ сознательные элементы—моторнаго характера и связаны съ рефлексами, происходящими въ мозгу.

Изслѣдованіе слуховыхъ воспріятій представило еще больше трудностей, но и тутъ гипотеза отраженія въ периферическомъ органѣ оказалась совершенно несостоятельною и выяснилась вѣроятность сложнаго реактивнаго процесса, приводящаго, при посредствѣ слуховыхъ косточекъ, лабиринтной жидкости и частей кортіева органа, къ рефлексамъ слухового нерва.

Перейдя — съ величайшимъ трудомъ — отъ ощущеній къ рефлексамъ, Махъ нашелъ уже нѣкоторое основаніе для ихъ группировки въ организмѣ. Съ его точки зрѣнія, психическія явленія представляютъ не случайный калейдоскопъ ощущеній, скользящій по организму, а группы рефлексовъ, имѣющихъ въ немъ извѣстную локализацію. Опредѣленіе существующей между ними связи оставалось, однако, весьма несовершеннымъ. Какъ объяснить, что извѣстныя группы рефлексовъ не только повторяются при воспоминаніи, но еще обогащаются новыми ассоціаціями? Физіологія не давала на это отвѣта, потому что, по господствовавшимъ въ Германіи воззрѣніямъ—аналогичнымъ теоріи Клодъ-Бернара—рефлексъ долженъ былъ имѣть лишь истощающее вліяніе на организмъ и, самъ по себѣ, не могъ въ немъ консолидироваться. А при такихъ условіяхъ оставалось совершенно необъяснимымъ образованіе сложныхъ представленій изъ рудиментарныхъ рефлексовъ зрительнаго и слухового аппаратовъ, т.-е. основной процессъ развитія нашего мышленія.

Такимъ образомъ постепенное измѣненіе психическихъ данныхъ столкнулось съ серьезнымъ препятствіемъ: съ недостаткомъ физіологическаго изслѣдованія рефлексовъ. Вслѣдствіе этого Махъ былъ лишенъ возможности довести свою критику до конца, и его попытка осталась безъ всякаго вліянія на эволюцію психологіи. Во всей психологической литературѣ я могу указать лишь одинъ трудъ, возобновившій, совершенно независимо отъ Маха, сдѣланную имъ попытку. Это—небольшая монографія д-ра Ж. Филиппа: „Les images mentales“. Авторъ ея призналъ, совершенно въ духѣ Маха, что наши умственныя по-

нятія далеко не представляютъ изъ себя цѣльныхъ и постоянныхъ картинъ, а лишь весьма подвижную и отрывочную мозаику ощущеній; но онъ не сдѣлалъ ни шага къ тому, чтобы изслѣдовать образованіе этой мозаики. Остальные психологи до сихъ поръ принимаютъ психическія данныя въ обыденномъ, статическомъ смыслѣ картинъ памяти или воображенія.

Между тѣмъ въ физіологіи, въ трудахъ, неизвѣстныхъ ни Вале, ни Маху, началось въ свою очередь *измѣненіе физическихъ данныхъ*.

Въ физіологіи со времени Клодъ-Бернара господствовалъ взглядъ на развитіе организмовъ какъ на результатъ самостоятельнаго проявленія общихъ физико-химическихъ силъ природы. Клодъ-Бернаръ оказалъ громадную услугу наукѣ, опровергнувъ гипотезу специфической жизненной силы. Онъ доказалъ, въ своихъ знаменитыхъ „Leçons sur les phénomènes de la vie et de la mort“, что ни въ сложномъ организмѣ животнаго, ни въ простѣйшихъ организмахъ, какими являются клѣточки, нѣтъ ничего иного кромѣ синэргіи общихъ физико-химическихъ силъ. Но наряду съ этимъ драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ науки онъ оставилъ невыясненнымъ, какъ дѣйствуютъ эти силы, и почему онѣ въ одномъ случаѣ даютъ растеніе, въ другомъ—животное, въ третьемъ—человѣка. Онъ еще сгустилъ таинственную тѣнь, окутывающую это явленіе, утверждая, что работа организма истощаетъ эти силы, развитіе же ихъ и созиданіе организма происходятъ въ состояніи покоя.

Съ перваго взгляда это можетъ показаться совершенно яснымъ, потому что человѣкъ, подверженный усиленному труду, зачастую худѣетъ, во время же отдыха легко полнѣетъ. Но въ такомъ случаѣ надо предположить, что каждая клѣточка носитъ въ себѣ принципъ или планъ своего развитія, и теорія Клодъ-Бернара, исключая гипотезу жизненной энергіи, сохраняла, для каждаго организма, необъяснимую тайну особаго жизненнаго плана.

Для психологіи эта концепція имѣла чрезвычайно важное значеніе. Разъ жизненный процессъ сводился къ автономному развитію физико-химическихъ силъ въ организмѣ, сохраненіе въ немъ приходящихъ извнѣ впечатлѣній представлялось трудно объяснимымъ. Оно могло быть связано лишь съ какимъ-нибудь длящимся измѣненіемъ нервныхъ путей или мозговой коры, съ какимъ-нибудь матеріальнымъ слѣдомъ или отпечаткомъ,—что явнымъ образомъ противорѣчило мимолетному и прерывающемуся характеру нашего сознанія. Съ другой стороны, на этомъ основаніи представлялось невозможнымъ объяснить развитіе моторныхъ процессовъ, главнымъ образомъ рефлексовъ головного и спинного мозга, которые занимали все большее и большее мѣсто въ изслѣдованіи психическихъ явленій. Автономный

ростъ организма долженъ былъ смывать всѣ слѣды психо-физическаго параллелизма.

Однако, не смотря на продолжающееся господство этой теоріи во Франціи и особенно въ Германіи, гдѣ принципъ автономнаго развитія принимаетъ даже форму нео-витализма, съ теченіемъ времени она подверглась частичнымъ измѣненіямъ. Самое существенное измѣненіе внесено французскимъ біологомъ Ле-Дантекомъ, въ его капитальныхъ трудахъ: „Théorie nouvelle de la vie“ и „Traité de biologie“. Примѣнивъ къ изученію протоплазмы химическій анализъ, Ле-Дантекъ подвергъ сомнѣнію одно изъ положеній Клодъ-Бернара, а именно, что развитіе организма происходитъ въ состояніи покоя. Онъ согласенъ съ Клодъ-Бернаромъ въ томъ, что животный организмъ есть не болѣе какъ аггломератъ физико-химическихъ элементовъ—но аггломератъ, отличающійся однимъ особеннымъ свойствомъ: ассимиляціей. Это свойство аналогично другимъ химическимъ свойствамъ, но принадлежитъ исключительно протоплазмѣ. И по отношенію къ нему — какъ Ле-Дантекъ доказываетъ рядомъ опытовъ надъ простѣйшими организмами — результатъ работы оказывается не истощающимъ, а наоборотъ—стимулирующимъ. Такимъ образомъ, болѣе близкое знакомство съ жизненнымъ процессомъ при свѣтѣ химическаго анализа вноситъ въ формулу Клодъ-Бернара слѣдующее существенное измѣненіе: истощеніе организма подъ вліяніемъ производимой имъ работы относится лишь къ жировымъ запасамъ, развитіе же пластическихъ элементовъ происходитъ не въ состояніи покоя, а подъ прямымъ вліяніемъ самой работы. Иллюстраціей этого тезиса можетъ служить развитіе мускуловъ путемъ упражненія и атрофія ихъ при долгомъ бездѣйствіи. Но и первый приведенный мною примѣръ при болѣе близкомъ разсмотрѣніи отвѣчаетъ этому же тезису, а не тезису Клодъ-Бернара. Человѣкъ полнѣетъ при спокойной жизни, потому что онъ жирѣетъ, но организмъ его при этомъ не развивается. Худѣетъ же онъ при усиленномъ трудѣ, потому что мускулы и отдѣльныя части организма развиваются на счетъ жировыхъ запасовъ.

На основаніи этихъ фактовъ Ле-Дантекъ отрицаетъ гипотезу жизненнаго плана и доказываетъ, что каждый организмъ развивается путемъ взаимодѣйствія между нимъ и окружающей его средою, и что жизнь представляетъ изъ себя не автономное развитіе внутреннихъ силъ, а сумму реактивныхъ процессовъ, происходящихъ въ протоплазмѣ.

Сознавая, затѣмъ, всю важность этого положенія для психологіи, онъ признаетъ, что такимъ образомъ развиваются не только мускулы, но и нервные пути, т.-е. что каждый рефлексъ консолидируетъ путь, по которому онъ проходитъ, и облегчаетъ свое возобновленіе при

новомъ импульсѣ. „Для человѣка, какъ и для животнаго — говоритъ Ле-Дантекъ—научиться дѣлать что-нибудь значитъ консолидировать новый рефлексъ или новую группу рефлексовъ путемъ функціональнаго развитія".

Къ сожалѣнію, связь этихъ рефлексовъ съ данными нашего сознанія оставалась для Ле-Дантека совершенно непонятною. Критика психическихъ данныхъ, предпринятая Вале и Махомъ, была ему неизвѣстна. Онъ не былъ, поэтому, въ состояніи оцѣнить все значеніе раскрытаго имъ факта для объясненія психической жизни.

Съ другой стороны, теорія функціональнаго развитія организма встрѣтила серьезную оппозицію въ сферѣ біологіи и физіологіи. Правда, самый фактъ функціональнаго развитія отдѣльныхъ органовъ—напр. мускуловъ или нервныхъ путей—никѣмъ не отрицался. Давно уже констатировано, что умѣнье писать, рисовать, играть на рояли, ловкость руки, совершенство той или другой техники, зависятъ всецѣло отъ упражненія. Но этотъ фактъ оставался необъясненнымъ, потому что онъ былъ въ противорѣчіи съ господствующей теоріей автономнаго развитія организма. Послѣдняя же находила поддержку въ еще болѣе туманной теоріи наслѣдственности. Дѣло въ томъ, что насколько развитіе отдѣльныхъ органовъ представляется нагляднымъ и яснымъ, настолько эволюція видовъ съ передачею наслѣдственныхъ качествъ является туманною. А разъ допускается гипотеза передачи наслѣдственныхъ факторовъ — подъ названіемъ біобластовъ, идіобластовъ и т. д.,—то съ нею легко соединяется и гипотеза индивидуальныхъ факторовъ, руководящихъ развитіемъ каждаго организма.

Къ сожалѣнію, современная біологія—по крайней мѣрѣ въ Германіи и во Франціи—занимается почти исключительно проблемами наслѣдственности, и всѣ усилія направить ее къ изученію болѣе простыхъ проблемъ индивидуальнаго развитія оставались до сихъ поръ безплодными. Яркимъ примѣромъ въ этомъ отношеніи является судьба извѣстнаго нѣмецкаго біолога, Вильгельма Ру. Гораздо раньше Ле-Дантека, въ первыхъ же своихъ работахъ, относящихся къ началу 80-хъ годовъ, онъ обратилъ вниманіе на функціональное развитіе отдѣльныхъ органовъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ формулировалъ общую теорію функціональнаго развитія, подъ заглавіемъ: „Борьба частей въ организмѣ — теорія функціональнаго приспособленія" [1]), и основалъ для дальнѣйшаго изслѣдованія этого вопроса свой „Archiv für Entwicklungsmechanik der Organismen". Но мало-по-малу „Archiv" перешелъ къ изученію проблемы наслѣдственности, а теорія функціональнаго развитія настолько стушевалась передъ торжествующими теперь ги-

---

[1]) W. Roux, „Der Kampf der Theile im Organismus", 1881.

потезами нео-витализма, что въ 1902 г. Ру счелъ себя вынужденнымъ формулировать ее заново въ статьѣ: „Объ автоматическомъ развитіи живыхъ существъ“ [1]).

Такова сила широкихъ теченій мысли, передъ которыми не могутъ устоять отдѣльныя, еще мало укрѣпившіяся вѣянія. Какъ ни очевиденъ самый фактъ функціональнаго развитія отдѣльныхъ частей организма, попытки обосновать его и связать съ общими законами біологіи не удавались вполнѣ ни В. Ру, ни Ле-Дантеку.

При такихъ условіяхъ нѣтъ ничего удивительнаго, что Маху эти попытки остались совершенно неизвѣстными.

Но если ему и трудно было найти поддержку въ общихъ теоріяхъ физіологіи и біологіи, то самый смѣлый изъ его тезисовъ нашелъ подтвержденіе въ одной спеціальной области физіологическаго изслѣдованія — въ физіологической оптикѣ. Я говорю о предположенной имъ связи зрительныхъ ощущеній съ рефлексами головного мозга, подтвержденной въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ Бурдона и Нюэля.

Въ своемъ обширномъ трудѣ: „La perception visuelle de l'espace“ Б. Бурдонъ, профессоръ Реннскаго университета, хотя и придаетъ теоретически извѣстную роль ощущеніямъ ретины—а именно разницѣ между отраженіями на ретинахъ обоихъ глазъ при бинокулярномъ зрѣніи,—но сводитъ ее до минимума по сравненію съ ролью зрительныхъ рефлексовъ, а результатами опытовъ, произведенныхъ надъ слѣпорожденными послѣ снятія катаракта, доказываетъ, что безъ рефлексовъ невозможно воспріятіе ни величины, ни рельефа, ни даже формъ предметовъ. Произведенные имъ опыты особенно краснорѣчивы. Оперированные не различаютъ сначала ни формы, ни разстоянія предметовъ; они ощущаютъ лишь рѣзкое соприкосновеніе глаза съ красками и тѣнями. Въ первые дни они не могутъ отличить такихъ простыхъ предметовъ, какъ вилка и ножъ, съ которыми давно привыкли обращаться, не могутъ сказать, которое изъ двухъ предлагаемыхъ имъ яблокъ больше и которое меньше, не могутъ показать руками приблизительную величину предмета. Все это становится возможнымъ лишь послѣ многократнаго упражненія и ассоціаціи зрительныхъ ощущеній съ осязательными.

Нюэль, профессоръ Люттихскаго университета, въ своемъ новѣйшемъ изслѣдованіи „La vision“ [2]), высказывается еще рѣшительнѣе. Онъ не только исключаетъ воспріятіе чисто ретинныхъ изображеній, но признаетъ, что зрѣніе обусловливается не тою частью рефлексовъ, которая происходитъ въ глазномъ аппаратѣ, а тою, которая происхо-

---

[1]) „Ueber die Selbstregulation der Lebewesen“. „Archiv f. Entw. d. O.“, т. XIII, 1902, стр. 610.

[2]) Nuel, „La Vision“, Парижъ, 1904.

дитъ въ мозгу. Говоря о вліяніи сложившихся уже понятій на зрительныя впечатлѣнія, онъ заключаетъ, что всякое представленіе—будь оно вызвано памятью или ассоціацiей—состоитъ въ воспроизведеніи тѣхъ самыхъ мозговыхъ рефлексовъ, которые были первоначально вызваны непосредственнымъ воспріятіемъ предмета и которые затѣмъ консолидировались путемъ повторенія. Такимъ образомъ, Нюэль признаетъ функціональное развитіе рефлексовъ и уже переходитъ въ сферу изслѣдованія Маха, гдѣ физіологическія данныя тѣсно соприкасаются съ психическими; но критика послѣднихъ остается ему совершенно неизвѣстною, и онъ связываетъ эти группы рефлексовъ не съ мимолетными комплексами ощущеній, а съ обыденными статическими представленіями, называя ихъ психическими эпифеноменами рефлексовъ.

Труды Бурдона и Нюэля могли бы быть посредствующимъ звеномъ между приведенными двумя тенденціями физіологіи и психологіи, которыя съ такимъ трудомъ пробиваютъ себѣ путь. Для меня нѣтъ сомнѣнія, что физіологія зрѣнія будетъ этимъ звеномъ, потому что нигдѣ какъ въ зрительныхъ ощущеніяхъ не поддается нашему наблюденію связь между физіологическими и психическими данными. Скажу болѣе: научная концепція этихъ ощущеній имѣетъ теперь уже рѣшающее значеніе для психологіи, потому что бо̀льшая часть нашихъ умственныхъ понятій—оптическаго происхожденія, и оптическія данныя играютъ въ нихъ главную роль. Каково непосредственное воспріятіе предмета, таково должно быть и воспоминаніе, и, какъ мы увидимъ далѣе, отвлеченное представленіе. Съ этой точки зрѣнія новѣйшія изслѣдованія физіологической оптики—для человѣка знакомаго съ критикой психическихъ данныхъ, какъ она постепенно сложилась у Вале и у Маха,—имѣютъ уже рѣшающее значеніе. Разъ всѣ наши умственныя понятія представляютъ изъ себя не непосредственныя цѣлостныя данныя, а комплексы ощущеній, разъ важнѣйшая часть ихъ—зрительныя представленія—слагается изъ кинетическихъ ощущеній, сопровождающихъ мозговые рефлексы, то мы должны предположить, что и мысленныя представленія, которыя мы приписываемъ памяти, ассоціаціи или воображенію, слагаются изъ ощущеній, сопровождающихъ тѣ же рефлексы—но въ отвѣтъ на внутренніе импульсы.

Мы можемъ это предположить съ тѣмъ большимъ основаніемъ, что данныя другихъ чувствъ, которыя обыкновенно дополняютъ наши зрительныя впечатлѣнія—главнымъ образомъ данныя осязанія, иногда, кромѣ того, обонянія или вкуса,—не противорѣчатъ этой схемѣ, представляя изъ себя реактивные процессы того же динамическаго типа. Наконецъ, какъ я вкратцѣ упомянулъ при разсмотрѣніи трудовъ Маха, и въ физіологіи слуха статическія данныя—теорія резонанса

въ базилярной перепонкѣ — уступаютъ мѣсто гипотезѣ реактивныхъ процессовъ.

Въ итогѣ тутъ нѣтъ и не должно быть ни малѣйшей туманности. Что до сихъ поръ придавало картинамъ нашей мысли характеръ нематеріальныхъ образовъ? Именно сложившееся у насъ понятіе о зрительныхъ воспріятіяхъ. Данныя другихъ чувствъ—ощущеніе гладкой или шероховатой поверхности, теплоты, вѣса и т. д. — соединялись съ этими образами лишь весьма неопредѣленною связью и имѣли всегда динамическій характеръ, характеръ мимолетнаго ощущенія, а не длящагося отпечатка. Разъ теперь физіологія зрѣнія говоритъ намъ, что и наши зрительныя воспріятія слагаются изъ кинетическихъ ощущеній, изъ ощущеній движенія, происходящаго въ мозгу, мы имѣемъ полное основаніе заключить, что и всѣ наши мысли, являясь модификаціею первоначальныхъ воспріятій, — слагаются изъ ощущенія такихъ же движеній, изъ ассоціаціи въ нашемъ мозгу рефлексовъ, направленныхъ къ разнымъ периферіямъ: къ периферіи зрѣнія, слуха, осязанія, нерѣдко обонянія или вкуса—и, наконецъ, эмоціональныхъ рефлексовъ внутренняго или висцеральнаго происхожденія. Однимъ словомъ — букетъ рефлексовъ, сложнѣйшій минутный комплексъ мозговыхъ движеній, немедленно смѣняющихся все новыми и новыми комбинаціями.

Здѣсь слѣдуетъ открыть еще разъ скобки и поставить слѣдующій вопросъ: значитъ ли это, что мы матеріализируемъ мысль? Я не избѣгаю этого вопроса, но дамъ на него прямой отвѣтъ нѣсколько позже, пока же замѣчу, что если мы и матеріализируемъ психическія явленія, связывая ихъ съ движеніями, которыя происходятъ въ матеріальной средѣ мозга, то эта матеріализація менѣе груба, чѣмъ прежде, когда приходилось связывать мысли со статическими единицами-клѣточками. Въ дальнѣйшемъ, мы увидимъ, что и эти единицы, и самая матерія суть вторичныя, производныя и условныя понятія по сравненію съ понятіемъ движенія, такъ что ощущеніе движенія представляетъ изъ себя болѣе глубокую реальность, чѣмъ ощущеніе матеріальности. Но объ этомъ рѣчь впереди.

Вернемся сначала къ принятому нами опредѣленію умственныхъ представленій, какъ кинетическихъ ощущеній, сопровождающихъ рефлексы головного мозга. Мы можемъ сдѣлать еще одинъ шагъ впередъ и перейти отъ конкретныхъ представленій къ отвлеченнымъ идеямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что послѣднія слагаются изъ первыхъ. Какъ ни понимать процессъ отвлеченія, нѣтъ сомнѣнія, что отвлеченныя понятія создаются изъ элементовъ непосредственнаго конкретнаго знанія, элементовъ переработанныхъ, обезличенныхъ, но того же происхожденія. А подобная переработка рефлексовъ легко объясняется гипотезой

функціональнаго развитія. Чѣмъ больше я вижу людей, лошадей или столовъ, тѣмъ болѣе консолидируются общіе всѣмъ этимъ представленіямъ рефлексы, между тѣмъ какъ рефлексы, воспроизводящіе рѣдкія индивидуальныя черты, должны постепенно терять свою силу. Нѣтъ ничего удивительнаго, что у человѣка, достигшаго извѣстнаго развитія, достаточно небольшого внутренняго толчка, чтобы вызвать комплексъ этихъ наиболѣе консолидированныхъ ощущеній, составляющихъ отвлеченное понятіе предмета. Основываясь на гипотезѣ функціональнаго развитія рефлексовъ, мы приходимъ къ слѣдующему интереснѣйшему результату: мы идентифицируемъ ощущеніе мозговыхъ движеній не только съ непосредственными зрительными или слуховыми впечатлѣніями, но и съ умственными представленіями и, наконецъ, съ отвлеченными идеями.

Таково измѣненіе, которое постепенно выясняется въ физическихъ и психическихъ данныхъ нашего синтеза.

Къ сожалѣнію, приведенная тенденція физіологіи находится еще внѣ всякой связи съ психологической критикой. Ни Ле-Дантекъ, ни Бурдонъ, ни Нюэль незнакомы съ попытками Вале и Маха, а послѣдніе въ свою очередь незнакомы съ создающимся въ физіологіи понятіемъ функціональнаго развитія организмовъ. Таковъ результатъ спеціализаціи современныхъ наукъ. Первый опытъ сближенія этихъ тенденцій и сопоставленія этихъ данныхъ былъ сдѣланъ мною въ диссертаціи, которую я защитилъ два года тому назадъ въ Парижскомъ университетѣ, подъ заглавіемъ: „Субституты души въ современной психологіи“ [1]). Но для того, чтобы осуществилось это сближеніе, нужно нѣсколько лѣтъ; необходимо, чтобы тенденціи, которыя проявляются въ отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ, получили признаніе оффиціальной науки и сдѣлались общимъ достояніемъ. Большимъ препятствіемъ къ этому является разобщенность наукъ и различіе принятыхъ въ той и другой сферѣ методовъ изслѣдованія. Физіологи, даже занимающіеся физіологическимъ основаніемъ психическихъ явленій, чужды интроспективному психологическому анализу,—особенно французскіе физіологи нѣмецкой школы, — а между тѣмъ они должны сказать рѣшающее слово, потому что являются представителями положительной науки. Физіологическое основаніе синтеза подготовляется уже издавна. Нашъ знаменитый физіологъ Сѣченовъ давно уже призналъ доминирующую роль мозговыхъ рефлексовъ въ психической жизни. Рибо доказалъ это детально для отдѣльныхъ психическихъ процессовъ. Наконецъ, въ послѣднихъ работахъ

---

[1]) N. Kostyleff, „Les substituts de l'âme dans la psychologie moderne“, Парижъ, 1906.

В. М. Бехтерева проявляется рѣшительная попытка свести всѣ психическіе акты къ сочетательной и репродуктивной дѣятельности мозговыхъ рефлексовъ [1]). Но эти усилія оставались безрезультатными, пока рефлексы сталкивались съ статическимъ пониманіемъ психическихъ данныхъ. Мозговые рефлексы обусловливаютъ и игру воображенія, и память; но какъ дѣйствуетъ, какъ можетъ дѣйствовать рефлексъ на то, что мы привыкли называть умственной картиной или идеей? Вопросъ оставался до сихъ поръ безъ отвѣта. Отвѣтъ можетъ быть найденъ лишь при посредствѣ интроспективнаго анализа, который позволитъ идентифицировать рефлексы съ кинетическими элементами нашихъ представленій точно такъ же, какъ мы идентифицируемъ извѣстныя болевыя ощущенія съ физіологическими процессами, происходящими въ организмѣ.

Это сближеніе должно имѣть громадное, рѣшающее значеніе для психологіи во всѣхъ ея отрасляхъ и примѣненіяхъ. Быть можетъ, химическая формула жизненнаго процесса, предложенная Ле-Дантекомъ, подвергнется дальнѣйшей, болѣе точной переработкѣ. Быть можетъ, откроется болѣе точное механическое основаніе ассимиляціи и функціональнаго развитія. Но это будутъ уже детали. Связь же, установленная теперь между мозговыми движеніями и ощущеніями послѣднихъ, которыя образуютъ наши впечатлѣнія и идеи, уже достаточно точна, чтобы психическія явленія перестали быть чѣмъ-то неуловимымъ, скользящимъ какъ тѣнь по организму. Связь эта достаточно точна, чтобы мы могли изучать обогащеніе дѣтскаго организма новыми категоріями рефлексовъ въ соотвѣтствіи съ новыми категоріями понятій; чтобы изученіе этого прогрессивнаго осложненія привело насъ къ пониманію всѣхъ ассоціацій и внутреннихъ эмоціональныхъ импульсовъ, которые обусловливаютъ игру рефлексовъ въ сознаніи взрослаго человѣка; чтобы получили, наконецъ, твердое научное основаніе не только психіатрія и педагогія, но и воспитаніе народныхъ массъ, которое теряетъ старыя религіозныя и моральныя основы.

Какое же значеніе будетъ имѣть приведенное измѣненіе физическихъ и психическихъ данныхъ для цѣлостнаго философскаго синтеза?

Оно знаменуетъ новую эру въ исторіи философскихъ системъ, потому что даетъ возможность разрѣшить глубочайшую, вѣковую проблему, которая искони мучила человѣчество: проблему матеріи и духа.

Не разъ уже были сдѣланы попытки отличить реальность такихъ понятій, какъ матерія, энергія, духъ и т. д., отъ непосредственныхъ данныхъ нашего внутренняго и внѣшняго опыта и доказать, что первыя представляютъ изъ себя нѣчто условное, производное по отношенію къ

[1]) В. М. Бехтеревъ, „Объективная психологія", вып. I, 1907 г.

предметамъ внѣшняго міра и нашимъ внутреннимъ впечатлѣніямъ. Дж. Ст. Милль въ своемъ трудѣ, посвященномъ критикѣ Гамильтоновской философіи, и Рихардъ Авенаріусъ, въ своемъ опытѣ эмпиріокритицизма, пытались доказать, что мы не имѣемъ никакого основанія приводить къ этимъ условнымъ понятіямъ непосредственныя данныя нашего опыта и, такъ сказать, локализировать ихъ въ условной матеріи и въ условномъ духѣ. Но эти попытки остались безрезультатными и неубѣдительными, потому что ни Дж. Ст. Милль, ни Авенаріусъ не могли объяснить, откуда и какъ создаются тѣ условныя понятія. Въ томъ возрастѣ, когда человѣкъ начинаетъ философствовать, онъ находитъ ихъ уже сложившимися наряду съ непосредственными данными своего опыта, и сказать просто, что первыя менѣе реальны—еще недостаточно для того, чтобы устранить ихъ изъ синтеза.

Махъ протестовалъ съ еще большею силою противъ антитезиса матеріальнаго и духовнаго міровъ, доказывая, что не только отвлеченныя понятія матеріи, энергіи, духа и т. д., но и конкретныя понятія отдѣльныхъ предметовъ и умственныхъ образовъ представляются производными по отношенію къ нашимъ ощущеніямъ; что предметы внѣшняго міра представляютъ такіе же комплексы ощущеній, какъ и умственные образы; но эти комплексы, будучи лишены всякой внутренней связи, не могли замѣнять физическія и психическія данныя нашего опыта. Не зная ни обусловливающей ихъ связи, ни ихъ происхожденія, мы не могли дѣлать различія между вторичными производными комплексами и непосредственными данными.

Это различеніе становится возможнымъ лишь съ признаніемъ, что всѣ наши ощущенія сопровождаются мозговыми рефлексами и что послѣдніе консолидируются и ассоціируются по закону функціональнаго развитія.

Съ этой точки зрѣнія становится понятнымъ, что ни матерія, ни духъ не представляютъ непосредственныхъ, первичныхъ данныхъ нашего опыта. Понятіе матеріи слагается, какъ и всѣ отвлеченныя понятія, путемъ безчисленнаго повторенія и консолидированія периферическихъ ощущеній, въ которыхъ главную роль играютъ ощущенія зрѣнія и осязанія; понятіе духа слагается путемъ повторенія и консолидированія внутреннихъ ощущеній безъ участія зрѣнія и осязанія.

Глубокое противоположеніе матеріи и духа, которое проникало философскія концепціи и обыденное міросозерцаніе человѣчества, основывалось на той роли, которую играютъ для человѣка—въ практической жизни—зрительныя и осязательныя ощущенія. Представьте себѣ ребенка съ небольшимъ количествомъ рудиментарныхъ наслѣдственныхъ рефлексовъ. Всякій разъ какъ онъ сталкивается съ окру-

жающей его средою, въ комплексѣ ощущеній доминируютъ зрѣніе и осязаніе; и наоборотъ, когда въ его мозгу начинаютъ возникать комплексы ощущеній, повинующіеся внутреннимъ импульсамъ, онъ не можетъ ни видѣть, ни осязать этихъ процессовъ.

Изъ сцѣпленія зрительныхъ и осязательныхъ ощущеній слагается отвлеченное понятіе матеріи; изъ сцѣпленія внутреннихъ, мозговыхъ ощущеній—къ тому же гораздо болѣе эфемерныхъ и мимолетныхъ—слагается понятіе нематеріальнаго, духовнаго міра.

Для того, чтобы легче освободиться отъ вѣкового гипноза матеріи и духа, я приведу слѣдующее сравненіе. Представьте себѣ существо, у котораго наряду съ зрѣніемъ доминировало бы не осязаніе, а термическія ощущенія или обоняніе. Каждый видимый предметъ отличался бы для него температурою или запахомъ. У такого существа развилось бы понятіе не о вѣсомой матеріи, а о тепловомъ или пахучемъ веществѣ, по отношенію къ которому мысли и воспоминанія были бы а-термическими или ин-одоратными въ томъ самомъ смыслѣ, въ которомъ мы теперь ихъ называемъ нематеріальными.

Конечно, для этого надо бороться съ обыденными, сложившимися въ практической жизни понятіями, и только путемъ упорнаго труда можно найти въ многообразныхъ формахъ мірового движенія—то застывающаго въ очертаніяхъ матеріальныхъ предметовъ, то уносящагося въ вихрѣ нашихъ мыслей—основаніе научно-философскаго монизма.

Н. Костылевъ.

КРИТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ.

Новая повѣсть Леонида Андреева „Сынъ Человѣческій" (Альманахъ „Шиповника", кн. IX) ставитъ читателя опять лицомъ къ лицу съ той таинственной и страшной болѣзнью личности, съ которой мы давно уже привыкли встрѣчаться въ произведеніяхъ этого крупнаго, но неуравновѣшеннаго таланта.

На сей разъ эта загадочная болѣзнь постигла старенькаго сельскаго попика Богоявленскаго. Началась она у него такъ же, какъ и всегда начинается: онъ отдалился мало-по-малу отъ людей, утратилъ непосредственное ощущеніе чужой личности. И параллельно съ тѣмъ начала хирѣть его собственная личность, стало ослабѣвать самоощущеніе своего „я", сталъ разлагаться тотъ основной стержень, который объединяетъ въ нашемъ сознаніи и въ нашемъ инстинктѣ въ постоянную единицу вѣчно текущій и измѣняющійся комплексъ нашихъ переживаній.

Все существованіе о. Ивана раздробилось на ряды отдѣльныхъ, случайныхъ моментовъ, ничѣмъ между собою не связанныхъ. „На корридоръ была похожа его жизнь, на длинный корридоръ, въ которомъ множество глухихъ дверей: впереди открывается, а сзади захлопывается что-то, и хоронитъ въ тишинѣ". Безсвязными, внутренно необоснованными, ненужными стали всѣ поступки и всѣ слова о. Ивана. Все внѣшнее, чѣмъ проявляетъ человѣкъ свое интимное „я", по видимости осталось, но эта видимость перестала служить выраженіемъ внутренней сущности. Осталась жизнеподобная маска, которую долго и самъ о. Иванъ, и окружающіе принимали за настоящее проявленіе его „я"; но это было „страннымъ и страшнымъ" обманомъ. Въ концѣ концовъ этотъ обманъ сталъ таки доходить до сознанія о. Ивана, и выросло въ немъ мучительное желаніе сбросить съ себя все призрачное, ложное, все, что затемняетъ его истинный ликъ и подставляетъ вмѣсто этого лика нѣчто чуждое, обманывающее и людей, и самого человѣка.

Первое, что показалось о. Ивану случайно и лживо пристегнутымъ къ его личности, была его фамилія: онъ носилъ имя Богоявленскаго, „не будучи таковымъ по существу", и теперь возжелалъ „замѣнить сей неподходящій знакъ болѣе вразумительнымъ и къ существу моему ближайшее отношеніе имѣющимъ". Начальство не позволило ему осу-

ществить этотъ первый актъ самоочищенія отъ ложной внѣшности, но темная, неумѣлая мысль о. Ивана продолжала работать все въ томъ же направленіи, стремясь отличить въ себѣ ложное отъ истиннаго и отрѣшиться отъ того, что ложно.

Рядъ случайностей, на первый взглядъ даже анекдотическихъ, углубилъ анализъ о. Ивана до тѣхъ крайнихъ предѣловъ, до которыхъ додумывался не одинъ уже герой Леонида Андреева. Докторъ Керженцевъ въ „Мысли“ дошелъ до сознанія принципіальной невозможности различить ложное отъ истиннаго; то же самое случилось съ Царемъ-Голодомъ, съ герцогомъ Лоренцо Спадарскимъ въ „Черныхъ Маскахъ“ и т. д. Символика этихъ и другихъ произведеній Андреева вела, какъ будто, къ тому утвержденію, что въ концѣ концовъ даже и не существуетъ никакой истины, никакого настоящаго „я“, а самое стремленіе къ изысканію этого „я“ есть лишь дьявольская издѣвка, ловушка, которая вложена въ духъ человѣческій спеціально для того, чтобы мучить, терзать человѣка, кружить его въ вихрѣ неразрѣшимыхъ противорѣчій.

Въ сферу такихъ именно мучительныхъ сомнѣній втягиваютъ о. Ивана современныя модныя развлеченія—граммофонъ и кинематографъ. Самаго процесса, вызваннаго въ душѣ отца Ивана этими инструментами, Андреевъ не анализируетъ, даже не показываетъ его. Но угадать этотъ процессъ нетрудно по его результатамъ, выпукло и ярко выписаннымъ въ повѣсти.

О. Ивану было присуще несознанное, быть можетъ, убѣжденіе, что рѣчь и тѣлесныя движенія суть проявленія живой личности, выражаютъ „душу“ и творятся ею. И вдругъ оказалось, что эти внѣшніе признаки одушевленія имѣютъ какое-то самостоятельное бытіе: ихъ можно отвлечь отъ личности и вмѣстить въ машину. И одна и та же машина можетъ по произволу явиться носительницей самыхъ разнообразныхъ индивидуальностей: и свѣтскаго пѣвца, и тоскующаго еврея, и совершающаго литургію священника, и даже логически допустима „ужасная, всѣ основы правды потрясающая возможность: какъ изъ никелированной трубы звучитъ кто-то неземнымъ голосомъ Іисуса Спасителя“.

— Есть ли у граммофона душа, или одни только звуки?—задается вопросомъ о. Иванъ.

И этотъ вопросъ для него не праздный. Въ самомъ дѣлѣ, если рѣчь вообще возможна безъ души, то гдѣ ручательство, что и рѣчь человѣка свидѣтельствуетъ о наличности у него души, что говорящій человѣкъ не есть только хитрая машина? Оторванный давно уже отъ непосредственнаго интимнаго ощущенія души собесѣдника, о. Иванъ въ своемъ сознаніи не находитъ никакой опоры противъ такого пред-

положенія. Наоборотъ, онъ тѣмъ самымъ и мучится, что вся жизнь какъ будто сводится къ внѣшнимъ, раздробленнымъ явленіямъ, никакой внутренней сущности несоотвѣтствующимъ.

Съ другой стороны, если есть у граммофона „душа", то какая же это душа, способная звучать и „подъ жида", и „подъ невиннаго младенца", и „подъ литургію" и т. д.? Какая же она на самомъ дѣлѣ? Когда звучитъ онъ просто подъ самого себя? Или совсѣмъ нѣтъ никакого „самого себя", а лишь обманчивый хаосъ загадочныхъ и призрачныхъ отраженій чужихъ „я", столь же мнимыхъ, какъ и собственное „я"? Не представляетъ ли вообще душа, не только граммофона, но и человѣка, лишь случайное складочное мѣсто ненужныхъ, никакой сущности не выражающихъ словъ и поступковъ, какъ то кажется отцу Ивану по отношенію къ его собственной душѣ и жизни?

Какое ни взять изъ этихъ двухъ предположеній, оба они одинаково соблазняютъ выводомъ, что если человѣкъ, отправившись въ поиски за истиннымъ своимъ ликомъ, совлечетъ съ себя все чужое, ему не принадлежащее, то въ концѣ концовъ получится пустота, нуль, и мечта объ истинномъ ликѣ окажется тѣмъ предательскимъ обманомъ, который призракомъ правды жизни доводитъ человѣка до отрицанія жизни и ея смысла.

Истиннаго лица у человѣка нѣтъ, и все, что мы принимаемъ за проявленія этого лица, есть лишь недоразумѣніе, держащееся до тѣхъ поръ, пока мы къ нему не притронемся. Стоитъ дерзнуть, прикоснуться къ тому, что мы мнимъ незыблемымъ — и оно моментально обнаружитъ свою призрачность и безнадежно рухнетъ. Таковъ абсолютный обманъ, который лежитъ въ основѣ всего сущаго и разоблаченія котораго не можетъ вынести ничто живое. Предчувствіе этого космическаго обмана присуще всякому земнородному, но большинство отдается калейдоскопическому, безсмысленному потоку, именуемому жизнью, упорно заглушая въ себѣ „желаніе разобраться въ страшной путаницѣ жизни" и предпочитая „умилостивить ее покорностью". Лишь немногіе дерзаютъ возмутиться противъ рабьей покорности и безстрашно взглянуть прямо въ глаза роковой „правдѣ жизни".

Вотъ тотъ рядъ идей, въ который втянулся, вслѣдъ за другими героями Андреева, и о. Иванъ Богоявленскій, натолкнутый на нихъ фальшью собственнаго существованія и таинственной машиной. Въ протерзаніяхъ его авторъ усматриваетъ не только субъективные процессы его психики, но и нѣчто объективное, ибо ихъ не раздѣляютъ только прилѣпившіяся къ повседневности существа. О. Иванъ явно стоитъ неизмѣримо выше всей своей среды, не понимающей и не раздѣляющей его боли и ужаса. Одинокость его — не опроверженіе

объективной истинности его переживаній: тѣ, другіе, просто слѣпы и только потому не видятъ того, что̀ ясно стоитъ передъ духовными очами болѣе зрячаго о. Ивана. Впрочемъ, рядомъ поставлена фигура чахоточнаго дьякона Зосимы: и его граммофонъ наталкиваетъ на тотъ же путь конечнаго скепсиса, на которомъ такъ далеко зашелъ о. Иванъ. И даже болѣе: въ трагедіи о. Ивана есть нѣчто выходящее за предѣлы человѣческой психики, нѣчто властное и надъ безсловесными. О. Иванъ нашелъ такого щенка, который подъ вліяніемъ граммофона явно впалъ въ ту же внутреннюю раздробленность и смертное отчаяніе, что и отецъ Иванъ и дьяконъ.

Щенокъ не вынесъ вселившагося въ него хаоса и утопился. Къ тому же самому близокъ и дьяконъ Зосима. Граммофонъ сразу „встревожилъ ему совѣсть", вызвалъ въ его душѣ сильное, хотя и неопредѣленное броженіе. О. Иванъ своими краткими репликами помогъ этому броженію опредѣлиться, и дьяконъ въ ужасѣ хотѣлъ укрыться и отъ о. Ивана, и отъ тревожныхъ разверзшихся передъ нимъ безднъ. Но спрятаться было некуда: все равно мысль внутри работала въ роковомъ направленіи, да и отъ общенія съ загадочнымъ попомъ „добрый и деликатный" дьяконъ не могъ уклониться, чтобы не обидѣть его.

А тутъ подоспѣлъ еще новый толчекъ въ ту же сторону. Вышелъ указъ о вѣротерпимости. Уже не изъ собственнаго сознанія попа и дьякона, пожалуй еще и запутавшихся, а откуда-то отъ тѣхъ, кто руководитъ жизнью, пришло утвержденіе, что и тайное внутреннее святая святыхъ, то, что̀ знаменуется религіозной символикой, тоже не имѣетъ настоящаго, незыблемаго лика, и его органическая сращенность съ человѣкомъ, неотчуждаемость—столь же призрачна, какъ и неотчуждаемость имени, голоса, внѣшняго облика. Что же въ такомъ случаѣ остается въ моемъ „я" истинно моего, чего не могъ бы я совлечь, отбросить, какъ случайный привѣсокъ? А если ничего нѣтъ такого, то существуетъ ли и вообще это мое „я"?

— А можетъ и меня самого нѣтъ?—сформулировалъ дьяконъ, послѣ долгой борьбы, причину своего мученія.

„Cogito, ergo sum",—отвѣтилъ бы абстрактный философъ на вопросъ дьякона Зосимы, не впервые уже обуревающій человѣчество. Но дьяконъ Зосима и о. Иванъ—не абстрактные философы, и отвлеченная формула ихъ не удовлетворитъ. Имъ нуженъ такой же цѣлостный отвѣтъ на ихъ муку, какъ цѣлостна та трагедія, которую они переживаютъ. Вѣдь не искусственнымъ діалектическимъ процессомъ усумнился о. Иванъ въ реальности внѣшняго міра и собственной личности. Въ немъ дѣйствительно умерла способность воспринимать міръ, какъ космосъ; для него въ самомъ дѣлѣ распался этотъ

космосъ на хаосъ случайно проявляемыхъ, эфемерныхъ видимостей. Этотъ хаосъ дѣйствительно готовъ пожрать и его „я". И пожретъ, если не случится чуда, если не найдетъ о. Иванъ „знака", котораго съ „ожесточеніемъ" ищетъ онъ.

Какого знака? На этотъ вопросъ нѣтъ отвѣта. Еще па послѣдней страницѣ повѣсти о. Иванъ не вѣритъ даже, а прямо „знаетъ", что „длинная чреда событій завершится искомымъ знакомъ", но на этомъ и обрывается разсказъ. Можно лишь кое о чемъ догадываться, имѣя въ виду методъ, которымъ идетъ исканіе о. Ивана. Этотъ методъ состоитъ въ бунтѣ и отрицаніи. Твердо и со злобной рѣшительностью отрицаетъ, отвергаетъ отъ себя о. Иванъ людей, „кривыя избы, мужиковъ, самоё грязную землю", отрицаетъ то, что представляется ему основою вѣры, переходя въ магометанство, отрицаетъ власть, въ лицѣ епархіальнаго чиновника и епископа, и т. д. И отрицаетъ онъ все это не съ отчаянія, а потому что только такъ надѣется найти „знакъ",—полагаю, нѣчто такое, что не поддалось бы отрицанію, ощутилось бы какъ абсолютно устойчивое, непреложное.

— Но какой же знакъ!—волнуется дьяконъ.—Нѣтъ же никакого знака!

О. Иванъ пробуетъ возразить дьякону, но въ концѣ концовъ, вперившись въ „испуганные, почти остановившіеся глаза" его, постигаетъ „безумство и правду" этого „неисчерпаемаго ужаса". И „безкрылымъ, слабымъ" становится о. Иванъ, и „ужасъ сомкнулся надъ его головой, какъ темная, спокойная вода".

До этого „неисчерпаемаго ужаса" не разъ уже докатывалась мысль Андреева и безсильно останавливалась передъ нимъ. Къ исканію „знака" сводится вѣдь все творчество Андреева, идущее, какъ исканія о. Ивана, путемъ отверженія, развѣнчиванія всего, въ чемъ видятъ люди „смыслъ жизни". Многое на своемъ пути разгромилъ онъ, если не для другихъ, то для себя, но „знака" до сихъ поръ не обрѣлъ.

Высокой стѣной ограждены души его героевъ отъ другихъ людей и міра, и внутри этой стѣны пустынно и жутко, какъ на кладбищѣ. Подъ безнадежными холмиками покоятся всѣ радости и печали, которыми даритъ человѣка любовное общеніе съ природой и съ людскими душами. Погребена, какъ будто, самая способность любви. Обезкрыленное, съуженное „я" одиноко и угрюмо бродитъ среди могилокъ, мучится предсмертною тоскою, инстинктивно ищетъ чуда, которое воскресило бы мертвецовъ, разрушило бы кладбищенскую стѣну, влило бы снова полноту жизни въ захирѣвшій духъ. Но нѣтъ чуда, и смертный „ужасъ смыкается надъ головой" героя, „какъ темная, спокойная вода".

Надъ головой героя, но пока еще не автора. Послѣ каждаго раз-

рушительнаго набѣга, приводящаго въ царство хаоса и небытія, онъ снова выступаетъ въ походъ, движимый надеждой, что не весь путь пройденъ, что за царствомъ хаоса и небытія лежитъ чудная страна неразрушимыхъ цѣнностей, въ которой оживаютъ мертвецы и безобразный хаосъ опять слагается въ гармоническій космосъ.

Былъ періодъ въ творчествѣ Андреева, когда онъ склоненъ былъ отрицать реальность этой страны воскресенія и гармоніи. Но за послѣднее время у него замѣчается нѣкоторый поворотъ. Все чаще и чаще опускаетъ онъ занавѣсъ въ своихъ произведеніяхъ подъ энергичное: „А все-таки она движется!“. „Царь Голодъ“ кончается торжествующимъ кличемъ: „Мертвые подымаются!“ Въ концѣ „Черныхъ масокъ“ лживые призраки побѣждены истиннымъ огнемъ Духа святого. И въ „Сынѣ человѣческомъ“ о. Иванъ исчезаетъ со сцены все же съ упрямымъ знаніемъ, что „знакъ“ явится, что смыслъ жизни, оправданіе жизни, хотя бы и нераскрытое для насъ, реально существуетъ.

Но вотъ что говоритъ дьяконъ Зосима въ минуту одного изъ наивысшихъ напряженій своего существа:

— Смыслъ во мнѣ есть, только его оформить надо!

И смертный ужасъ объемлетъ Зосиму именно тогда, когда ему представляется, что „оформить“-то именно и невозможно, что всѣ формы лживы. „Оформленіе“ одно только какъ будто сообщаетъ дѣйственную силу отвлеченному и бездѣйственному „смыслу“. То, что не имѣетъ формы, не только безсильно, но какъ бы даже не имѣетъ и бытія.

Если гдѣ приложима такая теорія въ полной мѣрѣ, то именно въ области художественнаго творчества. Если у художника есть „мысль“, „идея“, то она не имѣетъ никакой дѣйственной силы, ни для художника, ни для читателя, пока не „оформится“, не воплотится въ творческій образъ, пройдя черезъ глубочайшее горнило лирическаго одушевленія творца. До сихъ поръ у Леонида Андреева хватаетъ силы на художественное воплощеніе только процессовъ распада, опустошенія, безнадежности. Мысль же о возможности противоположнаго воззрѣнія на жизнь, о возможности процесса воскрешенія и возсозданія является пока лишь въ формѣ обнаженнаго волевого утвержденія. Если бы и это утвержденіе переработалось въ символъ такой яркости и законченности, какими не бѣдны произведенія Андреева, то это и было бы „знакомъ“, котораго онъ такъ жаждетъ, это и было бы дѣйственною силою, которая знаменовала бы побѣду въ душѣ художника „осанны“ надъ „ужасомъ“.

Дойдетъ ли когда-нибудь Андреевъ до этого „знака“? Какъ знать! Глубокая боль, которою пропитана насквозь его послѣдняя повѣсть,

ручается, какъ будто, за то, что исканіе его искренно, и что онъ будетъ неустанно искать, пока существуетъ. Но рядомъ съ этимъ встаютъ и серьезныя опасенія.

Произведенія Леонида Андреева, особенно за послѣдніе годы, часто вызываютъ горькое разочарованіе даже у самыхъ горячихъ его поклонниковъ. Художникъ, несомнѣнно, насилуетъ себя. Онъ пишетъ гораздо больше, чѣмъ подсказываетъ ему истинная творческая потребность. Одно за другимъ выбрасываетъ онъ на рынокъ произведенія недоработанныя или и совсѣмъ вымученныя. Блестки истинно художественнаго письма тонутъ у него тогда въ хламѣ банальныхъ, шаблонныхъ, выдуманныхъ пріемовъ, напряженная символика сбивается на безвкусную аллегорію, настоящій трагизмъ подмѣняется искусственнымъ нагроможденіемъ преувеличенныхъ страховъ. Читая „Жизнь Человѣка", „Проклятіе звѣря", „Царь Голодъ", „Черныя Маски", на каждомъ шагу испытываешь настоящую боль передъ зрѣлищемъ того, какъ кощунственно эксплуатируетъ свое дарованіе одинъ изъ талантливѣйшихъ художниковъ современности, какъ профанируетъ онъ святыню своего исканія. Я не могу назвать иначе какъ циничнымъ такое отношеніе Андреева къ его таланту — и въ этомъ цинизмѣ вижу серьезную опасность для его будущаго. Катясь по наклонной плоскости, онъ можетъ легко размѣняться на мелочи, впасть въ ремесленную безвкусицу и безсодержательность, загубить основную цѣнность своей художнической индивидуальности.

Съ тѣмъ большей радостью отмѣчаю художественную цѣнность „Сына человѣческаго". Давно уже не было у Андреева такой благородной скупости на слова и образы, такой глубины и искренности настроенія, такой выпуклой лѣпки фигуръ, такого соотвѣтствія между замысломъ и выполненіемъ. Какъ живые встаютъ передъ читателемъ всѣ дѣйствующія лица повѣсти въ рамкѣ ихъ несложнаго быта и кругозора. Безъ всякаго насилія, безъ единаго чуждаго этой средѣ словечка или жеста вскрываются въ этой тѣсной рамкѣ вѣковѣчныя волненія и сомнѣнія, какъ и специфическія исканія самого автора. Ни разу изъ-за лицъ деревенскихъ поповъ и дьяконовъ не выглянетъ на читателя ликъ столичнаго интеллигента. Сила художественнаго таланта позволила автору воплотить все его волнующее въ формахъ выбранной имъ реальности. Мелькаетъ, правда, по временамъ привкусъ вычурности и нарочитости. Зачѣмъ, напримѣръ, понадобилось о. Ивану вмѣсто фамиліи число, да еще пятизначное, да еще непремѣнно кончающееся на 9? Но эти детали тонутъ въ общемъ тонѣ выдержанной художественности, которая показываетъ, что талантъ Леонида Андреева еще не изнуренъ грѣхомъ борзописанія. Тѣмъ менѣе извинительно будетъ, если онъ вновь и вновь будетъ поддаваться этому соблазну,

особенно теперь, когда онъ во всеобщее свѣдѣніе огласилъ мудрыя строки, адресованныя ему „великимъ писателемъ земли русской“.

Вотъ что писалъ Л. Н. Толстой Леониду Андрееву 2 сентября прошлаго года (Сборникъ „Италіи“, выпущенный фирмою „Шиповникъ“ въ пользу жертвъ сицилійскаго землетрясенія).

„Я думаю, что писать надо, во-первыхъ, только тогда, когда мысль, которую хочется выразить, такъ неотвязчива, что она до тѣхъ поръ, пока, какъ умѣешь, не выразишь ее, не отстанетъ отъ тебя. Всякія же другія побужденія для писательства—тщеславныя и, главное, отвратительныя денежныя, хотя и присоединяющіяся къ главному: потребности выраженія, только могутъ мѣшать искренности и достоинству писанія. Этого надобно очень бояться. Второе, что часто встрѣчается и чѣмъ, мнѣ кажется, часто грѣшны особенно нынѣшніе современные писатели (все декадентство на этомъ стоитъ)—желаніе быть особеннымъ, оригинальнымъ, удивить, поразить читателя. Это еще вреднѣе тѣхъ побочныхъ соображеній, о которыхъ я говорилъ въ первомъ. Это исключаетъ простоту, а простота—необходимое условіе прекраснаго. Простое и безъискусственное можетъ быть нехорошо, но непростое и искусственное не можетъ быть хорошо. Третье: поспѣшность писанія. Она и вредна, и кромѣ того есть признакъ отсутствія истинной потребности выразить свою мысль. Потому что, если есть такая истинная потребность, то пишущій не пожалѣетъ никакихъ трудовъ, ни времени для того, чтобы довести свою мысль до полной опредѣленности и ясности. Четвертое: желаніе отвѣчать вкусамъ и требованіямъ большинства читающей публики въ данное время. Это особенно вредно и разрушаетъ впередъ уже все значеніе того, что пишется. Значеніе вѣдь всякаго словеснаго произведенія только въ томъ, что оно не въ прямомъ смыслѣ поучительно, какъ проповѣдь, но что оно открываетъ людямъ нѣчто новое, неизвѣстное имъ и большею частью противуположное тому, что считается несомнѣннымъ большой публикой. А тутъ какъ разъ ставится необходимымъ условіемъ то, чтобы этого не было“.

Впрочемъ, не одинъ Л. Андреевъ повиненъ въ нарушеніи этихъ простыхъ, почти азбучныхъ истинъ. Соблазнъ борзописанія сталъ за послѣднее время какимъ-то повѣтріемъ, захватилъ многихъ нашихъ талантливыхъ писателей и страшно понижаетъ общій уровень современной русской литературы.

Вотъ передо мной цѣлая кипа книгъ, вышедшихъ въ свѣтъ за послѣднія недѣли. Тутъ и альманахи, такъ вошедшіе нынѣ въ моду, и томики, въ которыхъ отдѣльные авторы собрали свои разбросанные

въ разныхъ мѣстахъ сочиненія, и тѣмъ какъ бы подчеркнули свое одобрительное отношеніе къ нимъ. Среди этихъ десятковъ печатныхъ листовъ какъ мало страницъ, способныхъ выдержать встрѣчу съ мѣриломъ великаго писателя земли русской!..

Вотъ „Книга Очарованій“ Ѳ. Сологуба. Подъ этимъ заманчивымъ заглавіемъ скрывается десятокъ небольшихъ разсказовъ, напечатанныхъ за послѣднее время въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ и газетахъ. Собранные вмѣстѣ, они оказываются ничѣмъ не объединенными, кромѣ того специфическаго общаго міровоззрѣнія, которое сказывается на всемъ, что пишетъ этотъ авторъ, и того ювелирнаго языка, которымъ блещутъ всѣ его произведенія. Но ни въ томъ, ни въ другомъ отношеніи „Книга Очарованій“ не знаменуетъ даже малаго шага въ развитіи его идей, настроеній и стиля. Разсказы явно написаны не потому, что въ душѣ автора народилось что-нибудь новое, властно требующее проявленія, а потому что автору захотѣлось лишній разъ использовать свой литературный навыкъ. У Сологуба образовался какъ бы нѣкоторый капиталъ идей, образовъ и стилистическихъ пріемовъ, которые онъ готовъ въ каждую данную минуту почти ремесленно примѣнять къ тѣмъ или другимъ сюжетамъ. Въ этомъ занятіи онъ дошелъ до большой легкости, но цѣнности, выбрасываемыя имъ на литературный рынокъ въ такомъ количествѣ, часто имѣютъ не большее значеніе, чѣмъ бездѣлушки и брелоки, выходящіе изъ рукъ опытнаго ювелира и повторяющіе, съ несущественными варіантами, все тѣ же два-три мотива.

Вся „Книга Очарованій“ и состоитъ изъ такихъ перепѣвовъ, знакомыхъ всѣмъ, кто слѣдилъ за художественной дѣятельностью Сологуба. Онъ беретъ и стилизуетъ по своему то мотивы изъ Евангелія, то старую легенду, то сказку. Иногда ему даетъ толчекъ для игры стиля и воображенія какой-нибудь житейскій фактъ, повѣрье, строка изъ поэта. И, быть можетъ, именно въ этомъ процессѣ игры надо видѣть то, что̀ въ сознаніи автора объединяетъ его разсказы въ нѣчто связное, цѣльное. „Очарованіе“, кажется, и состоитъ для Сологуба въ этой способности стилизовать все, что попадаетъ въ его поле зрѣнія.

Я врядъ ли ошибусь, если скажу, что къ проповѣди такого „очарованія“ сводится вся философія этого писателя. Высшій смыслъ не только литературы, но и жизни онъ усматриваетъ въ постоянномъ „твореніи легенды“, въ подмѣнѣ конкретнаго произвольно фантастическимъ. Тутъ, думается мнѣ, лежитъ корень того враждебнаго отношенія, которое Сологубъ проявляетъ ко всему, что дѣлаетъ конкретный міръ царственнымъ и яркимъ, способнымъ всецѣло заполнить душу человѣка, приковать ее къ себѣ. Сологубъ отвращается отъ го-

рячаго солнца, отъ мощныхъ красокъ, отъ здороваго тѣла, отъ четкихъ линій. Все это слишкомъ выпукло выставляетъ передъ человѣкомъ реальность, связываетъ полетъ фантазіи, дѣлаетъ обязательными для мечты опредѣленныя рамки. Для Сологуба любезна прохлада ночи, лунный свѣтъ, скрадывающій краски и линіи, для него красиво тѣло лишь съ экзотическими уклонами, ибо это — тѣ элементы, которые облегчаютъ переходъ человѣка изъ области реальнаго въ міръ безбрежной мечты, „творимой легенды“, гдѣ человѣкъ не столько стремится угадать гармонію и красоту, разлитыя во всемъ мірозданіи, сколько создаетъ по своему произвольному мѣрилу призрачный міръ красоты и гармоніи.

Въ основѣ такого умоначертанія Сологуба лежитъ коренной разладъ между тѣмъ представленіемъ, которое онъ имѣетъ о реально сущемъ себѣ и мірѣ, и тѣмъ представленіемъ о красотѣ и гармоніи, которое онъ носитъ въ своихъ мечтахъ. Этотъ разладъ писатель признаетъ трагическимъ, непреоборимымъ. Онъ утверждаетъ, что „въ каждомъ земномъ и грубомъ упоеніи таинственно явлены красота и восторгъ“. Но такъ ужъ устроенъ человѣкъ, что это соединеніе „земного и грубаго“ съ „красотою и восторгомъ“ онъ никогда не можетъ ощутить, какъ синтезъ, а непремѣнно какъ трагедію, какъ „роковое противорѣчіе“. Мы жаждемъ красоты и восторга, а въ мірѣ и въ самихъ себѣ наталкиваемся исключительно на грубое и безобразное. Мы, подобно ламанчскому рыцарю, горимъ любовью къ прекрасной дамѣ Дульцинеѣ, но заключить въ объятія можемъ только грязную тобозскую крестьянку Альдонсу. Одни, поэтому, утверждаютъ, что Дульцинея—изобрѣтеніе разгоряченнаго, ненормальнаго мозга, а реально существуетъ только Альдонса, что надо разъ навсегда поставить крестъ на мечтѣ и взять жизнь и себя такими, каковы они на самомъ дѣлѣ, во всей ихъ неприглядности и земной грубости. Другіе съ отвращеніемъ отталкиваютъ Альдонсу и прилѣпляются всею душою своею къ Дульцинеѣ, — отвергаютъ міръ реальный и спасаются отъ него въ зачарованное царство мечты. Ни та, ни другая дорога не удовлетворяютъ Сологуба. Онъ утверждаетъ, что человѣкъ найдетъ успокоеніе лишь тогда, когда ощутитъ, что Альдонса есть не только подлинная Альдонса, но и подлинная Дульцинея. Однако ощутить это единство человѣку не дано, и неизбѣжное страданіе отъ недоступности для насъ такого синтетическаго ощущенія является единственной формой нашего знанія о томъ, что конечная правда — въ этомъ навѣки сокровенномъ синтезѣ.

Такъ понимаю я корень теоретическихъ взглядовъ Сологуба, изложенныхъ имъ въ предисловіи къ переводамъ изъ Верлена и въ предисловіи и прологѣ къ трагедіи „Побѣда Смерти“. Опору для такого

именно пониманія можно встрѣтить на каждомъ шагу въ художественныхъ произведеніяхъ этого писателя, но, повторяю, „Книга Очарованій“ есть лишь блѣдный отсвѣтъ этихъ идей, гораздо ярче и полнѣе развитыхъ въ другихъ произведеніяхъ Сологуба.

Еще менѣе удовлетворителенъ его „Старый Домъ“—повѣсть, напечатанная въ третьемъ выпускѣ сборника „Земля“. Ниткой, на которую Сологубъ на сей разъ нанизалъ блестки своихъ обычныхъ идей, образовъ, стилистическихъ завитушекъ, послужилъ русскій терроризмъ. Но напрасно вы станете искать на страницахъ этой повѣсти чего-либо освѣщающаго темныя бездны этого страшнаго явленія нашей дѣйствительности. Внѣшній аппаратъ на лицо: и провокаторъ, и дѣвочка съ бомбой, и повѣшенный гимназистъ. Но живая, вопіющая конкретность этихъ явленій нисколько не возбуждаетъ пытливости духа у Сологуба. Все это—только предлогъ для того, чтобы развернуть все тотъ же изысканный и манерный вѣеръ „творимаго очарованія“. Опять мелькаютъ передъ вами обнаженные стопы и локти, къ которымъ воображеніе Сологуба приковано съ такимъ маніакальнымъ постоянствомъ, опять солнце—не солнце, а Змѣй, который жалитъ, опять „луна ворожитъ“, и дѣвица бѣгаетъ босикомъ по росистой травѣ. За послѣднее время полюбился Сологубу мотивъ воющей на луну собаки, и онъ заставляетъ своихъ героевъ и героинь предаваться такому же занятію. На этомъ мотивѣ онъ построилъ нѣсколько жуткихъ и въ самомъ дѣлѣ недюжинныхъ стихотвореній. Не ограничиваясь тѣмъ, онъ и этотъ мотивъ присовокупилъ къ числу своихъ обычныхъ повтореній. Въ „Книгѣ Очарованій“ есть разсказъ о портнихѣ, которая въ обнаженномъ видѣ выла каждую ночь на луну возлѣ бани въ саду и была подстрѣлена дворникомъ, принявшимъ ее за собаку. И „Старый Домъ“ кончается тѣмъ, что три тоскующія женщины въ лѣсу воютъ на луну, а собака у избушки ночного сторожа имъ вторитъ... Подумайте только, какъ характерны всѣ эти детали для психологіи русскаго терроризма!..

Это отсутствіе интереса къ конкретнымъ условіямъ мѣста и времени, къ реальнымъ фактамъ и событіямъ — не случайный промахъ въ „Старомъ Домѣ“. Оно вытекаетъ изъ основного замысла всей повѣсти, заключающагося опять въ томъ, что реальная жизнь сама по себѣ либо докучна, либо ужасна, и все спасеніе въ томъ, чтобы вплетать въ нее очарованіе мечты. Альдонсы не вынести, и надо спасаться къ Дульцинеѣ, съ неизбѣжной все-таки перспективой, обнявъ Дульцинею, убѣдиться, что она — не Дульцинея, а Альдонса.

Бабушка, мать и сестра повѣшеннаго мальчика навинчиваютъ себя каждый день на то, что мальчикъ не повѣшенъ, а только уѣхалъ, и что онъ сегодня, непремѣнно сегодня, вернется. И, конечно, на

каждомъ шагу возвращаются къ ужасной дѣйствительности. Что можетъ быть неправдивѣе, безсодержательнѣе такого построенія? Конечно, на такомъ пути исканія и чаять нельзя никакого разрѣшенія жизненной трагедіи. Буду пользоваться символической терминологіей Сологуба. Если Дульцинея скрывается въ Альдонсѣ, то и надо вглядываться въ Альдонсу, чтобы въ грубыхъ чертахъ ея уловить залогъ ея грядущаго свѣтозарнаго преображенія. А вѣдь обитательницы „Стараго Дома" какъ разъ и не хотятъ не только всматриваться въ Альдонсу, но и просто глядѣть на нее, и вперяютъ взоры въ маску Дульцинеи, безжизненную маску. Сколько бы они въ нее ни всматривались, оттого нимало не познаютъ они лика Альдонсы; никогда, значитъ, не откроются для нихъ и обнадеживающія черточки въ этомъ ликѣ.

Это недоразумѣніе лежитъ въ корнѣ всего міровоззрѣнія Сологуба, заставляетъ его художническое вниманіе обращаться въ ненадлежащую сторону, и тѣмъ самымъ обезцѣниваетъ все его творчество, которое при правильной устремленности могло бы дать гораздо болѣе цѣнные результаты, ибо Сологубъ далеко не лишенъ оригинальной наблюдательности и дарованія. Но у него упованіе не коренится въ сущемъ, идеалъ не опирается на возможности, подмѣченныя въ реальномъ, а существуютъ всѣ эти элементы какъ-то раздробленно, каждый самъ по себѣ. Поэтому нѣтъ въ его воззрѣніи на міръ настоящаго динамизма, нѣтъ и въ его творчествѣ художественной органичности. Онъ механически вплетаетъ нить своей фантастики въ органически-чуждую ей среду реальности—и обратно, и принимаетъ это механическое смѣшеніе двухъ разнородныхъ началъ за органическое сліяніе ихъ. При такихъ условіяхъ „Альдонса" никогда не явитъ намъ лика „Дульцинеи": для того, чтобы совершилось это преображеніе, необходимо очищать реальную жизнь отъ негодныхъ пережитковъ и усиливать, развивать въ ней зачатки будущаго. Если же мы грязь и нечисть житейскую да свое безсиліе будемъ прикрывать пестрымъ плащемъ фантастики, какъ то склоненъ дѣлать Сологубъ, то этимъ мы только отдалимъ процессъ просвѣтленія жизни и истиннаго сближенія ея съ нашимъ идеаломъ. Да и самъ идеалъ нашъ, не питаемый и не провѣряемый постоянными уроками дѣйствительности, рискуетъ превратиться въ лживую и призрачную, обезсиливающую мечтательность.

И въ смыслѣ художественномъ Сологубовская механичность ведетъ къ плачевнымъ результатамъ. Безвкусными кляксами сплошь и къ ряду вторгаются у него реалистическіе мазки въ сказочную картину, или сказочные тона въ повседневный бытъ. Я отнюдь не хочу сказать, чтобы такое сочетаніе было по существу своему антихудожественно.

Нѣтъ, но сравните, напримѣръ, съ этой точки зрѣнія, хотя бы „Золотой Горшокъ“ Гофмана и „Навьи Чары“ Сологуба — и вы поймете, какъ справляется съ этой задачей настоящій художникъ, и какъ у Сологуба она не выходитъ именно потому, что его манера брать и понимать реальное и фантастическое дѣлаетъ эти двѣ области почти несочетаемыми.

Тоже Дульцинеи черезъ Альдонсу, но совсѣмъ по-своему, ищетъ Валерій Брюсовъ, только что выпустившій третій томъ собранія своихъ стихотвореній. Но объ этомъ замѣчательномъ художникѣ слова я думаю говорить особо.

С. Адріановъ.

СОВРЕМЕННАЯ ПРУТКОВЩИНА

Недавно напечатанная драматическая сказка въ трехъ дѣйствіяхъ: „Ночныя пляски“, Ѳедора Сологуба, представляетъ собою не что иное какъ попытку повторить знаменитую шутку, продѣланную, въ 1851-мъ году, А. М. Жемчужниковымъ и графомъ А. К. Толстымъ, надъ дирекціей Александринскаго театра.

Въ предисловіи къ извѣстной комедіи Кузьмы Пруткова: „Фантазія“ разсказывается исторія единственнаго ея представленія на сценѣ. „Фантазія“ была поставлена въ бенефисъ Максимова 8-го января 1851-го года, и представляла до того явный вздоръ, что присутствовавшій въ театрѣ императоръ Николай Павловичъ вышелъ изъ ложи раньше конца пьесы и запретилъ ея исполненіе. Но пьеса на этотъ разъ была доиграна, не смотря на свистъ и шиканье публики. Послѣдній монологъ Кутилы-Завалдайскаго, котораго игралъ Мартыновъ, былъ принятъ за импровизацію актера и имѣлъ страшный успѣхъ. Этотъ монологъ былъ прибавленъ авторами, повидимому, изъ деликатнаго желанія дать понять дирекціи театра, что ихъ пьеса есть шутка.

По простотѣ и глубокомыслію сюжета, по яркости и силѣ рѣчей дѣйствующихъ лицъ, по остроумію ихъ г-нъ Сологубъ въ своихъ „Ночныхъ пляскахъ“ очень близокъ къ Пруткову.

Сюжетъ сказки Сологуба такъ же простъ, какъ и сюжетъ „Фантазіи“. У Пруткова Чупурлина обѣщаетъ отдать свою воспитанницу за того, кто найдетъ ея пропавшую моську „Фантазію“. Моську находитъ Либенталь и получаетъ воспитанницу. Вотъ и все. У Сологуба король Политовскій обѣщаетъ любую изъ своихъ двѣнадцати дочерей выдать за того, кто узнаетъ, куда эти двѣнадцать дѣвицъ уходятъ каждую ночь. Это удается узнать Юному поэту [1]), и онъ выбираетъ себѣ въ жены ту, „которая по нраву поэтамъ нашихъ дней“, и „выбираетъ, какую хочетъ“ (такова ремарка автора).

Въ обработкѣ сюжета Сологубъ значительно шагнулъ впередъ противъ Пруткова (прошло все-же съ тѣхъ поръ больше полувѣка), но значительная часть пріемовъ Пруткова сохранилась.

Такъ, у Сологуба среди множества дѣйствующихъ лицъ попадаются

---

[1]) „Королевны ходятъ въ подземное царство къ Заклятому королю и всю ночь исполняютъ тамъ танцы въ стилѣ Айседоры Дунканъ“.

такіе: Зельтерскій король, Американскій королевичъ, Намалеванный старикъ, Малявинскія бабы, Печаль юнаго поэта. У Пруткова въ его мистеріи: Сродство паровыхъ силъ, Ровная Долина, Звѣзда орденская, Звѣзда небесная, Дупло, Сѣверный Аквилонъ, Южный Ураганъ, Веревка, Солнце. У обоихъ авторовъ появленіе нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ совершенно не мотивировано и неизвѣстно, для чего оно нужно. Но, конечно, яркость безсмыслицы, которую они говорятъ, у Сологуба несравненно сильнѣе, чѣмъ у Пруткова. „*Юный поэтъ.* — И печаль моей души проснулась въ своемъ альковѣ,—ахъ, милые альковы! Свинья — печаль! — *Печаль,* внезапно являясь, свирѣпо: Самъ свинья! И никакого нѣтъ алькова, а вотъ ты попляши".

Таковы же однократныя появленія и исчезанія Малявинскихъ бабъ, Знатока искусства и многихъ другихъ. Нѣкоторыя лица являются единственно, чтобы одинъ разъ сказать непристойность, или выслушать ее. Зельтерскій король на вопросъ короля, куда его дочки уходятъ ночью, говоритъ: „Это у нихъ отъ глистовъ, дай имъ слабительнаго". А Сухопарый лекарь на просьбу дать ему осмотрѣть королевенъ, получаетъ отъ короля реплику: „Дочки мои здоровенькія, а тебѣ, клистирная трубка, смотрѣть ихъ нечего".

Какъ и у Пруткова, дѣйствующія лица говорятъ иногда стихами, даже поютъ. Богатствомъ риѳмы Сологубъ побиваетъ Пруткова безъ сомнѣнія. Вотъ, напр.:

„Юный поэтъ.

Когда меня повѣсятъ,
То чѣмъ меня утѣшатъ?
Висѣлицу украсятъ?
Но я не буду видѣть.
Всѣ дѣвушки заплачутъ?
Но я не буду слышать".

Съ этой точки зрѣнія Прутковъ пасуетъ, также какъ въ яркой звучности прозы Сологуба. Напр. „Летучая мышь, взмахами мягкихъ крыльевъ отсчитывая миги,—о миги! миги!—мечется туда и сюда, и засыпаетъ внизъ головой".

Но за то въ остроумной игрѣ словъ Прутковъ не уступитъ Сологубу. „*Юный поэтъ.*—Всѣ діалоги, которые мы выслушали, являютъ собою точный символъ извѣчной антиноміи.—*Шутъ.*—А ты антимоній не разводи, говори прямо". У Пруткова игра словъ сочнѣе: „*Кутила-Завалдайскій.*—Темныя разсужденія о фантазіи. — *Чупурлина.*—„Это моя собака—Фантазія; и вовсе не темная, а свѣтло-желтая!"

Кромѣ своихъ стиховъ, дѣйствующія лица у Сологуба говорятъ и чужими стихами. Положимъ, Юный поэтъ говоритъ: „вѣдь я живу въ доисторическія времена, сказочныя. Всѣ поэты, которымъ я могъ бы

подражать, будутъ жить послѣ меня“ Тѣмъ не менѣе королевны, напр., говорятъ о поэтахъ: „тьмы низкихъ истинъ имъ дороже ихъ возвышающій обманъ“, и при этомъ не ставятъ ковычекъ. Въ этомъ отношеніи мнѣ больше нравится Прутковъ, который въ такихъ случаяхъ прибавляетъ:

...„какъ сказалъ
Шекспиръ Вильямъ, собратъ мой даровитый“.

Но въ одной области Сологубъ стоитъ неизмѣримо выше Пруткова — это въ подробностяхъ постановки. Ремарки автора замѣчательны и, будучи въ точности выполнены, должны произвести ошеломляющее впечатлѣніе. Перечисляя гостей короля Политовскаго и усаживая ихъ со всѣми подробностями, авторъ кончаетъ: „въ сѣняхъ стоитъ челядь дворцовая, и также гусляры, гудошники, свирѣльщики, вопленники, плясуны, бабы-веселухи и всякіе другіе забавники и забавницы. *Имъ даютъ что останется.* Во дворѣ народъ пришелъ на пиръ смотрѣть, *на своихъ харчахъ*“.

Двѣнадцать королевенъ говорятъ почти всегда по очереди, одна за другой, но всѣ двѣнадцать; смѣются же и плачутъ всѣ вмѣстѣ, и вотъ сколь разнообразными способами. Смѣются: „точно тростиночки по вѣтру шелестятъ; точно птички въ рощѣ заливаются; словно колокольчики звенятъ; какъ бубенчики бренчатъ; словно гусельки гудутъ; словно стеклышки звенятъ; словно въ рѣчкѣ струйки плещутся; словно жемчужинки раскатились“; а плачутъ такими способами—будто горлинки; будто морскія бѣлыя бѣлуги. При этомъ когда королевны плачутъ, то и всѣ гости плачутъ: „всѣ женщины горько рыдаютъ, слезами обливаются. Короли и королевичи усами моргаютъ, въ красные шелковые платки сморкаются, а прочіе гости воздыхаютъ и сморкаются вѣжливенько, кто во что“.

Не всѣ сценическіе пріемы, указанные въ ремаркахъ Сологуба, такъ же новы, какъ только что приведенные. Нѣкоторые еще сохранили прутковскую наивность. Напр., Намалеванный старикъ „кряхтитъ и лѣзетъ изъ рамы“, а научивши Юнаго поэта, „старикъ лѣзетъ на прежнее мѣсто, юный поэтъ его подсаживаетъ“.

У Пруткова Сѣверный Аквилонъ, вздернувши Поэта на вершину Дуба, „дуетъ обратно къ себѣ на сѣверъ и исчезаетъ“.

Но подумайте: что̀, если г. Ѳедоръ Сологубъ написалъ свою сказку серьезно?!..

Викторъ Вальтеръ.

Л. Н. ТОЛСТОЙ и КРЕСТЬЯНСТВО [1])

Даже при мало внимательномъ отношеніи къ творчеству Л. Н. Толстого и при недостаточномъ знакомствѣ съ его личной жизнью, съ первыхъ же шаговъ особенно отчетливо выясняется одно свойство этой великой души—любовь къ людямъ земельнаго труда, къ крестьянству. Такъ знать мужицкое сердце, видѣть весь обиходъ внѣшней жизни крестьянина, отличать ладное отъ неладнаго, нужное отъ негоднаго—никто не могъ изъ людей не-крестьянскаго міра.

Еслибы кто-нибудь изъ просвѣщенныхъ людей, безъ всякой личной тенденціи, взялъ любую изъ Толстовскихъ народныхъ повѣстей, напримѣръ „Богъ правду видитъ", „Два старика", „Три старца", и прочиталъ бы ихъ въ крестьянской семьѣ—онъ неминуемо поразился бы тѣмъ впечатлѣніемъ, какое производятъ эти повѣсти на людей всякаго возраста, начиная съ отрочества и кончая глубокой старостью. Какія струны души задѣваютъ эти безхитростные, но глубокіе разсказы, какія важныя чувства возбуждаютъ въ сердцѣ слушателей! Среди простого народа эти разсказы покоряютъ даже людей зараженныхъ непріязнью къ Толстому, считающихъ его заблуждающимся, еретикомъ. И тайна такого дѣйствія—въ одномъ: въ дѣйствительно великой любви Толстого къ простолюдину, которая и помогаетъ ему проникать въ самую глубину народной души.

Интересъ Толстого къ жизни крестьянина и любовь къ ней настолько велики, что онъ самъ помышлялъ омужичиться. Намеки на это стремленіе у него есть еще въ „Казакахъ". Предпочтеніе жизни мужицкой видно и въ его ученіи объ опрощеніи, и въ его жизни въ періодъ его душевнаго кризиса, когда онъ самъ трудился въ полѣ и дома, какъ простой работникъ. Помню, какъ къ нему однажды пріѣхалъ съ юга одинъ опростившійся интеллигентъ, который жилъ какъ обыкновенный крестьянинъ. Левъ Николаевичъ набросился на него съ вопросами, не тяжело ли ему, не жалѣетъ ли онъ о своемъ прошломъ, не тяготится ли этой средой?—Нѣтъ, чувствую себя великолѣпно,—отвѣчалъ гость.—Ну, а если къ вамъ придутъ пьяные, ста-

---

[1]) Сообщеніе, читанное въ Москвѣ на торжественномъ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности въ честь Л. Н. Толстого, 5 декабря 1908 года.

нуть говорить вздоръ, отвлекать васъ отъ дѣла и отъ мыслей?— Очень просто: я говорю имъ, что я занятъ, пусть они приходятъ въ другое время.—Левъ Николаевичъ задумался и, вздохнувъ, сказалъ:

— Да, это очень хорошо, я этого самъ хотѣлъ бы.

Мысль пожить на крестьянскомъ положеніи не оставляла его до глубокой старости, и мнѣ не одинъ разъ приходилось слышать отъ него: „Вотъ, когда я перейду на землю... Вотъ, когда, Богъ дастъ, мы заживемъ по-крестьянски“... И это говорилось всегда съ такой вѣрой въ осуществленіе желанія, что можно только удивляться, какъ оно не осуществилось. Разгадка въ томъ, что онъ не заурядный человѣкъ, а Левъ Толстой: не нашлось бы на землѣ угла, куда бы онъ могъ скрыться; его бы вездѣ нашли и помѣшали бы ему жить, какъ ему такъ горячо, такъ пламенно хотѣлось. Онъ могъ только мечтать объ этомъ.

Мечтанія всегда приводятъ къ какому-нибудь выходу. Фантазія рисовала Толстому, что перемѣна должна совершиться какъ-нибудь необыкновенно. Это видно изъ того, что онъ придумывалъ для героевъ своихъ позднѣйшихъ художественныхъ произведеній. Въ ненапечатанной еще повѣсти „Отецъ Сергій“ главное дѣйствующее лицо, послѣ случившейся съ нимъ катастрофы, скрывается изъ монастыря и бродитъ много лѣтъ странникомъ. Въ неотдѣланной драмѣ „Трупъ“ герой якобы кончаетъ съ собой; въ напечатанномъ уже разсказѣ „Корней Васильевъ“ мужъ безвѣстно скрывается отъ жены. Когда въ печати появились слухи о таинственномъ старцѣ Ѳедорѣ Кузьмичѣ, котораго народная молва считала за императора Александра I, Левъ Николаевичъ такъ заинтересовался этой исторіей, что захотѣлъ ее описать. Онъ живо вообразилъ себѣ, какъ императоръ подъ конецъ жизни пришелъ къ сознанію полной своей неспособности управлять государствомъ, далъ развиться въ себѣ мистическому настроенію и мучился отъ неудовлетворенной любви къ одной изъ придворныхъ дамъ. Чувствуя свою расшатанность, онъ рѣшилъ предпринять что-нибудь такое, что̀ бы освободило его отъ душевныхъ страданій. Въ это время въ одномъ изъ гвардейскихъ полковъ служилъ солдатъ, поразительно похожій на императора. Это замѣчали и другіе солдаты и офицеры, держали его на виду и относились къ нему съ особымъ вниманіемъ. Когда императоръ былъ въ Таганрогѣ, тамъ же была и полковая часть, гдѣ служилъ тотъ солдатъ. Солдатъ, избалованный вниманіемъ къ нему, зазнался и однажды подъ хмѣлькомъ оскорбилъ офицера. За этотъ проступокъ солдата ожидали палки и ссылка въ Сибирь. Императоръ узнаетъ объ этомъ, тайно проникаетъ въ его казематъ, мѣняется съ нимъ одеждой, выпускаетъ его, а самъ остается, чтобы испытать его участь. Солдатъ какъ-то умираетъ, но его счи-

таютъ за императора и отвозятъ въ Петербургъ, а Александръ, пропущенный сквозь строй и сосланный въ Сибирь, ведетъ тамъ трудовую, благочестивую жизнь, внушаетъ къ себѣ общее уваженіе и умираетъ чуть не святымъ. Такъ объяснила творческая фантазія Льва Николаевича исторію таинственнаго Ѳедора Кузьмича. Онъ вновь сталъ изучать исторію царствованія Александра I-го и собирать матеріалы о загадочномъ старцѣ, но, убѣдясь въ отсутствіи данныхъ, которыя могли бы оправдать вымыселъ, охладѣлъ къ излюбленной имъ сначала фабулѣ.

Еще одинъ планъ оставленія привычнаго положенія рисовался ему въ видѣ ухода съ переселенцами. Въ одномъ мѣстѣ своихъ дневниковъ Левъ Николаевичъ говоритъ, что онъ обдумалъ и будетъ писать романъ, гдѣ герой покидаетъ свою семью, уходитъ съ переселяющимися крестьянами и начинаетъ на новомъ мѣстѣ крестьянскую жизнь.

Своей вѣрой въ привлекательность, важность и серьезность крестьянской жизни Толстой неоднократно поддерживалъ меня. Въ первые годы моей сознательной жизни на крестьянскомъ тяглѣ мнѣ приходилось испытывать большія трудности. Жизнь въ нашей мѣстности была довольно тяжела. Плохая почва мало вознаграждала за трудъ; деревня не могла удержать въ себѣ всѣхъ силъ деревенскаго міра, болѣе развитые и одаренные вытягивались въ города. Дома оставались одиночки, слабые и неудачники. Цѣльнаго крестьянства не было. Содержательные люди встрѣчались очень рѣдко. И это безлюдье угнетало, дѣлало безсмысленнымъ собственное положеніе. Не вѣрилось, чтобы изъ жизни въ деревнѣ что-нибудь вышло; хотѣлось уйти. Въ такомъ настроеніи я однажды написалъ Льву Николаевичу большое письмо, гдѣ излилъ все свое горе и высказалъ сомнѣніе, чтобы въ такой средѣ могла быть принята проповѣдь новаго христіанства, воодушевлявшаго какъ самого Толстого, такъ и его сторонниковъ, къ которымъ примыкалъ и я. Въ отвѣтъ я получилъ отъ Льва Николаевича такое письмо:

..."Спасибо, что пишете и сообщаете о своей жизни и своихъ мысляхъ. Ваши наблюденія надъ народомъ и его воззрѣніями очень грустны; но я знаю, что это правда и что истинно-христіанская проповѣдь между нашими крестьянами теперь труднѣе, чѣмъ если бы они никогда не слыхали про Христа. Среди народа существуетъ представленіе о томъ, что есть двѣ вѣры: одна неученая, глупая, мужицкая — въ то, что Христосъ смирялся, прощалъ, жалѣлъ людей и намъ такъ велѣлъ, — но что эта вѣра старая, нынче уже оставленная умными людьми, тѣмъ болѣе, что по этой вѣрѣ нельзя ни богатѣть, ни судиться, ни воевать, ни драться, ни пить, ни распутни-

чать, а безъ этого нынче нельзя. Такъ эта глупая вѣра одна. А другая вѣра поповъ, господъ, купцовъ, вѣра ученая по книгамъ, по которой все можно, только умѣть соблюдать всѣ законы передъ правительствомъ и церковью. Я знаю, что таковое мнѣніе огромныхъ массъ, и это ужасно. — Ужасно, если знать это и смотрѣть на это праздно, ужасаясь; но дѣло въ томъ, что никто изъ насъ не долженъ и не можетъ быть празденъ, если признаетъ, что онъ живетъ не по своей волѣ, не для своего удовольствія, а для исполненія воли Божіей, вложенной ему въ сердце. Если человѣкъ не видитъ той страшной дикости, въ которой живетъ народъ, то онъ и не страдаетъ отъ этого. Если же онъ видитъ и страдаетъ, то это страданіе неизбѣжно призываетъ его къ дѣятельности, а дѣятельность утѣшаетъ страданіе. Только лже-либералы любятъ расписывать свое состраданіе къ бѣдности и невѣжеству народа, продолжая жить на его шеѣ и чуждаясь его. Да, надо проповѣдывать всѣми средствами, которыя даны намъ, но прежде всего своею жизнью. Чѣмъ больше живу, тѣмъ больше убѣждаюсь, что голодъ матеріальный ничто въ сравненіи съ голодомъ духовнымъ, и потому не столько грѣхъ не подать хлѣба тѣлеснаго, чѣмъ хлѣба духовнаго, тѣмъ болѣе, что послѣдняго люди не просятъ, полагая, что они сыты".

Въ личныхъ бесѣдахъ Левъ Николаевичъ всегда указывалъ, что положительныя стороны можно найти даже среди самыхъ подонковъ деревни. Онъ утверждалъ, что низкія чувства не могутъ долго держаться въ душѣ мужика, что въ крестьянскомъ мірѣ не можетъ быть долгихъ, продолжительныхъ ссоръ, злобствованья. Условія крестьянской жизни таковы, что любовность тамъ необходима и отсутствіе ея невозможно, потому что неизбѣжна взаимная помощь. Когда люди сознаютъ, что они безсильны одни,—они правильнѣе относятся къ другимъ, не могутъ держаться въ той гордынѣ, которая нарушаетъ миръ во взаимныхъ отношеніяхъ. „Поссорится мужъ съ женой — говорилъ Левъ Николаевичъ,—а тутъ ему понадобятся чистыя портянки; невольно приходится мириться. Надулся сосѣдъ на сосѣда, а глядишь — его возъ завалился на полосу того; тоже приходится забыть недоброе чувство. И въ этомъ—великое благо: воспитывается въ людяхъ смиреніе. Это не то, что у насъ, когда послѣ ссоры злобное чувство уже прошло, а мы вызываемъ его въ себѣ, чтобы не нарушить нашу гордость. Мы можемъ это въ силу самыхъ условій нашей жизни. У крестьянъ же это не такъ".

И Толстой съ большой любовью вспоминалъ, какъ Николай Успенскій сообщалъ ему замыселъ одного разсказа, не выполненный имъ, гдѣ мужики, поссорившись, поѣхали судиться, но на дорогѣ сбились съ пути, проплутали и, столкнувшись въ трактирѣ, выпили вмѣстѣ во-

дочки и забыли, куда они ѣхали. Любовь великаго писателя къ крестьянамъ подтверждается еще слѣдующимъ обстоятельствомъ. Когда мы видимъ что-нибудь поразительно прекрасное, или читаемъ захватывающую книгу, или узнаемъ о какомъ-нибудь великомъ событіи, мы жалѣемъ, что нашего чувства не раздѣляютъ особенно любимые нами люди. Намъ непремѣнно хочется, чтобы испытанное нами высокое удовольствіе раздѣлили и близкія намъ существа. Левъ Николаевичъ, по крайней мѣрѣ въ области искусства, всегда переносилъ подобное чувство на народъ. Услыхавши передачу содержанія оперы „Паяцы" и описаніе ея достоинствъ, онъ сказалъ: „Да, это очень хорошо, это и народу будетъ понятно". Однажды я видѣлъ въ театрѣ драму „Уріель Акоста"; со мной была деревенская дѣвушка, сестра моего пріятеля, попавшая въ театръ чуть ли не въ первый разъ и глубоко воспринявшая суть драмы. Когда я разсказалъ, какое дѣйствіе произвела на нее пьеса, Левъ Николаевичъ воскликнулъ: „Вотъ это настоящее драматическое произведеніе". Въ другой разъ одинъ изъ его послѣдователей, бывшій земскій служащій, разочаровавшійся въ полезности своего служенія народу, описалъ свои сомнѣнія, иллюстрируя ихъ житейскими фактами. Когда эту рукопись читали вслухъ, Левъ Николаевичъ нерѣдко восклицалъ: „Какъ это хорошо! какъ вѣрно и понятно! Воображаю себѣ крестьянскую избу, за столомъ лохматыя головы и степенныя лица, и они слушаютъ это чтеніе. Какое это для нихъ прекрасное чтеніе!"

Въ текущей литературѣ Левъ Николаевичъ отмѣчалъ всякое мало-мальски правдивое изображеніе крестьянской жизни и указывалъ на него своимъ близкимъ. Въ живописи народный жанръ давно сталъ однимъ изъ любимыхъ имъ предметовъ. Въ его кабинетѣ въ Ясной Полянѣ собраны фотографическіе снимки со всѣхъ картинъ Н. В. Орлова, замѣчательнаго крестьянскаго бытописателя въ краскахъ. И Левъ Николаевичъ подобралъ къ каждой картинѣ евангельскій текстъ, который и выписанъ подъ картинами. Этимъ картинамъ онъ придаетъ огромное значеніе и считаетъ Орлова самымъ серьезнымъ живописцемъ.

Еще доказательствомъ особенной любви къ мужику Льва Николаевича можетъ служить то, что послѣднее время, когда онъ испытывалъ приливъ творческой фантазіи и уносился въ міръ чисто художественныхъ грезъ, онъ никакъ не могъ отрѣшиться отъ крестьянскаго міра и обойтись безъ мужика. Въ ненапечатанную еще, но совершенно отдѣланную, исключительно художественную повѣсть: „Хаджи Муратъ", дѣйствіе которой происходитъ на Кавказѣ, между русскими завоевателями и горцами, великій писатель вплетаетъ мужицкій міръ. Останавливаясь на судьбѣ одного изъ солдатъ, уроженца Орловской

губерніи, котораго ранятъ въ стычкѣ, устроенной для того, чтобы дать возможность отличиться одному разжалованному офицеру, Толстой переноситъ читателя на родину солдата, знакомитъ съ его семьей и дѣлаетъ это съ такой любовью, которая трогаетъ до глубины души. Въ повѣсти „Фальшивый купонъ“ крестьянству отводится выдающееся мѣсто.

Что у Толстого своеобразное представленіе о мужицкомъ мірѣ, объ этомъ свидѣтельствуетъ его отношеніе къ Чеховскому разсказу: „Мужики“. Чехова онъ любилъ, и когда появлялась книжка журнала съ его разсказомъ, всего прежде прочитывалъ его. Когда появились „Мужики“, онъ прочиталъ этотъ разсказъ не безъ удовольствія, посмѣялся надъ старостой, кудряво выражавшимся и кричавшимъ на пожарѣ: „качай! потрудитесь, православные, по случаю этого несчастнаго происшествія!“—но весь разсказъ нашелъ тенденціознымъ, рисующимъ только одну сторону мужицкой жизни, упускающимъ изъ виду тѣ особенности, которыя скрашиваютъ ее. Но вотъ въ газетахъ и журналахъ поднялся необыкновенный шумъ. Въ разсказѣ увидѣли новое слово, открыли огромное значеніе его, пошли разговоры о мужицкой темнотѣ, грубости и дикости. Сыпались примѣры, подтверждавшіе, что мужики именно и только таковы, какъ у Чехова. При свиданіи со Львомъ Николаевичемъ я спросилъ, какъ ему кажется весь этотъ шумъ и въ чемъ причина такого огромнаго вниманія къ Чеховскимъ „мужикамъ“, въ изображеніи которыхъ и мнѣ чувствовалась односторонность.—„Очень просто“,—не безъ раздраженія сказалъ Левъ Николаевичъ:—„во всемъ этомъ шумѣ выражается то отношеніе къ мужику, которое всегда было у этихъ господъ. Они никогда не могли любить мужика за его грубость и дикость, но установилось такъ, что выражать это было нельзя. Было принято, что мужика нужно уважать, хорошо къ нему относиться; они это и дѣлали, не смѣя проявить своихъ собственныхъ чувствъ. Вдругъ нарисовали мужика грубымъ и дикимъ, сказали, что его можно не любить; вотъ и началось выраженіе восторговъ... Я такое отношеніе ихъ всегда чувствовалъ, и по моему для мужика всегда былъ полезнѣй баринъ-консерваторъ—вотъ какъ мой братъ Сергѣй Николаевичъ. Онъ фамильярничать съ мужикомъ не будетъ, сдастъ работу, работу и спроситъ, лѣни ему не спуститъ—но и въ бѣдѣ поможетъ. Онъ не видитъ въ мужикѣ того, что̀ мы видимъ и понимаемъ, не цѣнитъ этого,—но его отношенія къ нему естественныя и искреннія, а тутъ всегда было одно притворство“.

Кромѣ знанія крестьянъ, у Толстого изумительная способность съ ними разговаривать, добираться до необходимой сущности. Въ тотъ періодъ, когда Левъ Николаевичъ былъ особенно близокъ къ возмож-

ности омужичиться, онъ ходилъ съ своими друзьями пѣшкомъ изъ Москвы въ Тулу. Одинъ разъ на дорогѣ имъ попался больной мальчикъ, который шелъ, кажется, въ подпаски, но дорогой заболѣлъ и остался безъ помощи. Путешественники подобрали его, провели нѣсколько пѣшкомъ, потомъ ихъ нагнали какія-то подводы и они попросили довезти ихъ до первой деревни. Въ деревнѣ, когда они зашли въ одну избу, хозяйка, увидавши больного, грубо набросилась на нихъ и стала требовать, чтобы они убирались съ этимъ больнымъ, который еще помретъ и съ нимъ бѣды наживешь. Левъ Николаевичъ напомнилъ ей о Богѣ, что̀ Богъ велѣлъ дѣлать въ такихъ случаяхъ— и баба сразу смирилась, приняла ихъ къ себѣ, стала ухаживать за больнымъ и согласилась даже оставить его у себя, пока за нимъ не пріѣдутъ. А во время голодовки, въ девяностыхъ годахъ, въ Рязанской губерніи, когда въ распредѣленіи пособій нерѣдко выходила путаница, легче всего разбирался Левъ Николаевичъ самъ. Онъ на прогулкѣ заходилъ въ избу, говорилъ съ столовщикомъ и подходилъ къ его душѣ такъ, что тотъ выкладывалъ на чистоту все: кто по праву получалъ пособіе, кто не по праву. Послѣ посѣщенія Толстого каждый изъ столовщиковъ чувствовалъ себя такъ, точно онъ побывалъ въ душевной банѣ, и послѣ этого бывало необыкновенно пріятно съ ними разговаривать. Они больше проявляли чувства собственнаго достоинства.

Однажды ночью мы ходили вокругъ деревни Ясной Поляны. Левъ Николаевичъ разсказывалъ, кто и когда изъ мужиковъ былъ ему пріятель. Особенно друженъ онъ былъ съ однимъ, кажется Ѳоканычемъ, который въ старину промышлялъ извозомъ. У него было образцовое хозяйство, пчелы. Онъ померъ и уже стали стариками его сыновья. Хозяйство ослабло. Третій сынъ, служившій въ солдатахъ, остался бобылемъ и работалъ въ засѣкѣ. „На дняхъ“—разсказывалъ Левъ Николаевичъ—„встрѣчаетъ онъ меня на дорогѣ и кричитъ: „Вотъ вы говорите то и это о землѣ, а сами Телятники купили. Не то чтобы дать мужикамъ ими попользоваться, а сами захватили“. И этотъ упрекъ поразилъ Льва Николаевича въ самое сердце. На другой день и дома разсказывалъ онъ объ этой встрѣчѣ.

— А вотъ другіе не такъ искренни,—сказалъ Левъ Николаевичъ и разсказалъ еще случай. Онъ зашелъ въ деревню передъ крестнымъ ходомъ; ему встрѣтился одинъ изъ яснополянцевъ и сейчасъ началъ плакаться, какъ ихъ притѣсняютъ попы. „Вотъ, принесутъ святыню, а какая это святыня?..“ и мужикъ сокрушенно вздохнулъ. Не успѣлъ Левъ Николаевичъ завернуть въ проулокъ, какъ крестный ходъ подошелъ къ дому этого вольнодумца, и онъ бросился впередъ, приложился къ иконѣ, торопливо подстелилъ холстинку подъ ноги попу.

Левъ Николаевичъ, побоявшись, какъ бы онъ не увидалъ его послѣ этого, пошелъ деревней по задворкамъ.

Близкіе къ Толстому знаютъ, съ какимъ подъемомъ чувствъ онъ встрѣтилъ нѣмецкій романъ Поленца: „Крестьянинъ". Онъ восторгался и негодовалъ. Восторгался художественной правдой, достоинствами романа, гдѣ люди рисуются во весь ростъ и каждая фигура понятна всякому любящему людей. А негодовалъ, что этого романа не замѣтили, какъ слѣдовало бы, ни наши критики, хотя онъ и былъ переведенъ въ „Вѣстникѣ Европы",—ни иностранные. „Я никогда не прощу себѣ,—восклицалъ Левъ Николаевичъ,—что не написалъ такого романа; я бы долженъ былъ это сдѣлать и могъ бы"...

Любовь великаго писателя и моралиста къ крестьянину настолько глубоко проникаетъ во всю его духовную сущность, настолько управляетъ всѣмъ ходомъ его мысли, что иногда видишь во всей его философіи, во всей моральной сторонѣ его ученія одну цѣль: улучшеніе жизни не всего человѣчества, а этого кажущагося многимъ заскорузлымъ сына природы, выросшаго прямо изъ земли, развившагося въ непосредственномъ ея созерцаніи, несущаго въ міръ свои безхитростныя, часто грубыя, но на самомъ дѣлѣ мудрыя отношенія, не оставляющія мѣста ни проклятымъ вопросамъ, ни сомнѣніямъ, разъѣдающимъ душу культурнаго человѣка.

И эти-то свойства крестьянина и дороги великому борцу за счастье и разумъ, они-то и воспитали въ его душѣ ту любовь къ крестьянству, которую онъ чувствуетъ съ раннихъ лѣтъ своей жизни и до нашихъ дней.

Сергѣй Семеновъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГІЯ

(„Human Nature in Politics", by Graham Wallas. Лондонъ, 1908.)

I.

Человѣчество любитъ простоту. „Einfaches erquickt ewig das Auge des Geistes"—говоритъ полу-забытый теперь Платенъ. Въ религіи, искусствѣ, наукѣ, политикѣ — всюду мы гонимся за все-объединяющими символами, за какимъ-нибудь однимъ принципомъ, за какой-нибудь одной теоріей, которая все бы разрѣшила и объяснила. Въ жизни мы почему-то избираемъ заячьи пути и совершаемъ множество безплодныхъ зигзаговъ; но наша мысль, какъ и наше воображеніе, всегда держится прямой линіи, и притомъ самой короткой среди множества другихъ прямыхъ. Прямолинейность мысли одинаково свойственна величайшимъ умамъ, какъ—и самымъ мелкимъ, самымъ возвышеннымъ и самымъ низменнымъ натурамъ, людямъ богатѣйшаго воображенія и людямъ безъ всякаго воображенія. Черносотенецъ въ Россіи, напримѣръ, видитъ причину всѣхъ смутъ и бѣдствій въ „жидахъ". Жиды виноваты: просто и ясно. Англійскій биржевикъ видитъ причину паденія курса консолей въ нашествіи соціализма. Засухи, эпидеміи, войны и всякія другія невзгоды, до выпаденія волосъ на головѣ включительно, являются для вѣрующаго лишь карой разгнѣваннаго Бога. Всѣ эти безкрылыя насѣкомыя подражаютъ въ своемъ логическомъ полетѣ тѣмъ могучимъ орламъ, которые, проникая своимъ взоромъ въ отдаленнѣйшую высь или глубину, избираютъ ее единственной точкой отправленія для своихъ сужденій о безконечномъ разнообразіи міра. Разница, конечно, въ томъ, что безкрылое насѣкомое ничего дальше своего „носа" не видитъ, и все его разсужденіе ложно и нелѣпо отъ начала до конца, между тѣмъ какъ орелъ видитъ очень многое и въ разсужденіяхъ его всегда много истины — но не вся истина. Если ограничиться, напримѣръ, XIX-мъ столѣтіемъ и взять трехъ изъ его наиболѣе выдающихся мыслителей, особенно много занимавшихся общественными вопросами: Бентама, К. Маркса и Спенсера, то невольно поражаешься ихъ стараніями все объяснить одной какой-нибудь идеей, одной какой-нибудь категоріей фактовъ, подчинивъ всѣ остальные факты именно облюбованной ими категоріи

и втискивая ихъ насильно въ „систему", построенную на узкомъ фундаментѣ избранныхъ ими „началъ". Каждый, изучавшій „Таблицу мотивовъ дѣйствій" Бентама (Table of Springs of Action), сдѣлавшаго два чувствованія („удовольствіе" и „страданіе") единственными двигателями людей и единственными путеводными принципами общественнаго устройства, не могъ не замѣтить натяжку въ классификаціи всякихъ другихъ чувствованій и въ распредѣленіи ихъ по рубрикамъ удовольствій и страданій. Исходя изъ того, что государство имѣетъ черты общія съ организмомъ, Спенсеръ объяснилъ все разнообразіе общественныхъ и государственныхъ функцій и явленій законами органической эволюціи. К. Марксъ, найдя вліяніе экономическихъ условій на прогрессъ человѣчества очень сильнымъ и обширнымъ, призналъ весь историческій ходъ человѣческихъ обществъ зависящимъ исключительно отъ этихъ условій.

Вотъ почему для нѣкотораго равновѣсія человѣческаго мышленія очень полезны указанія на такія стороны всякаго вопроса, которыхъ не предусмотрѣли или не приняли достаточно во вниманіе даже признанные авторитеты. Напоминаніе Гамлета о томъ, что много вещей есть на свѣтѣ, которыхъ „наша философія и во снѣ не видѣла", никогда не бываетъ излишнимъ. Такимъ именно указаніямъ посвящена книга, заглавіе которой поставлено нами въ началѣ настоящей статьи.

Авторъ этой книги, Грэгемъ Уоллэсъ—не только глубокій знатокъ англійской философской мысли и древне-греческихъ философовъ, но и дѣятельный работникъ на общественномъ поприщѣ. Съ 1894 по 1904 г. онъ состоялъ членомъ школьнаго совѣта Лондона, позже—членомъ совѣта лондонскаго графства. Какъ членъ фабіанскаго общества и комитета его (съ 1886 по 1904 годъ), онъ принималъ выдающееся участіе на парламентскихъ выборахъ и въ выработкѣ разныхъ программъ практической политики. Его преподавательская профессія (онъ читаетъ въ „народномъ университетѣ" и на политико-экономическомъ факультетѣ лондонскаго университета) заставляетъ его внимательно слѣдить за всякими теченіями теоретической мысли. Отъ него, поэтому, всегда можно ожидать разсужденій, чуждыхъ крайностей и излишнихъ увлеченій. И дѣйствительно, его первая крупная работа—біографія Фрэнсиса Плэйса, вышедшая въ 1898 г., уже обнаружила въ немъ не только очень начитаннаго и способнаго политическаго писателя, но и замѣчательно добросовѣстнаго критика и самостоятельнаго мыслителя. Новая его книга: „Человѣческая природа въ политикѣ" ставитъ его еще выше, какъ политическаго писателя.

Главная задача автора—перенести центръ тяжести современной политической мысли съ „интеллектуализма" на внутреннюю природу

человѣка, на его душевныя движенія и волевые импульсы. Подъ „интеллектуализмомъ“ Уоллэсъ разумѣетъ тотъ родъ разсужденій, который исходитъ изъ одного какого-либо чисто теоретическаго принципа или изъ одного разъ навсегда составленнаго себѣ мнѣнія о природѣ человѣка и игнорируетъ весь рядъ явленій, связанныхъ съ свойствами каждой отдѣльной личности. Онъ противопоставляетъ современнаго политика медику: послѣдній не удовлетворяется изученіемъ прежнихъ медицинскихъ теорій, а посвящаетъ себя всецѣло собиранію всевозможныхъ фактовъ изъ наблюденій и опыта—первый все еще руководится исключительно теоріей и смотритъ на объектъ своего мышленія и своихъ воздѣйствій—человѣческую массу, какъ на нѣчто цѣльное и единое, вполнѣ изслѣдованное и извѣстное. Какъ на примѣръ застывшаго пониманія человѣческаго общества, онъ указываетъ на сочиненіе М. Я. Острогорскаго и на предисловіе къ этому сочиненію Брайса. „Примѣры, собранные въ книгѣ Острогорскаго, — говоритъ Уоллэсъ,—могли бы послужить основой для довольно полнаго отчета о фактахъ, столь важныхъ для политика, а именно: о природѣ нашихъ импульсовъ, о невольной ограниченности нашей связи съ внѣшнимъ міромъ и о недостаткахъ нашего мышленія, пути котораго выработаны эволюціей далекаго прошлаго, мало отвѣчающаго новымъ и чуждымъ ему потребностямъ. Но въ книгѣ Острогорскаго мы не находимъ никакого указанія на то, что онъ хотя бы въ малѣйшей степени усвоилъ себѣ должное пониманіе человѣческой природы. Факты вездѣ съ сожалѣніемъ противопоставляются „свободному разуму“, „общей идеѣ о свободѣ“, „чувствамъ, воодушевлявшимъ людей 1848-го года“, и книга заканчивается проектомъ конституціи, на основаніи которой избиратели подаютъ голоса за кандидатовъ, извѣстныхъ имъ лишь по декларaціямъ, „изъ которыхъ всякое упоминаніе о партіи строго исключается“. Словно читаешь сочиненіе какого-нибудь вѣрнаго, хотя и грустнаго сторонника птоломеевской астрономіи, разсуждающаго о системѣ Коперника. „Острогорскій — прибавляетъ дальше Уоллэсъ— былъ выдающимся членомъ конституціонно-демократической партіи въ первой Думѣ, и нужно полагать, что онъ къ тому времени и самъ понялъ, что для успѣха въ борьбѣ съ самодержавіемъ нужно не случайное сборище свободныхъ личностей, а партія, тѣсно-сплоченная и преданная своимъ вождямъ“. Замѣтимъ, что авторъ „Демократіи и организаціи политическихъ партій“ самъ, повидимому, отлично понялъ значеніе субъективной стороны политической жизни. Въ предисловіи къ своей книгѣ онъ прямо заявилъ, что задачей его было „изученіе соціальной и политической психологіи“. Но, увлекшись исторіей и морфологіей партійныхъ организацій, онъ мало останавливался на задачѣ, которую, какъ видно изъ его собственныхъ словъ, онъ себѣ поста-

вилъ. Лишь во второй главѣ III-й части его книги онъ даетъ интереснѣйшее описаніе митинговъ и внутренняго взаимодѣйствія ораторовъ и слушателей.

Столь же схоластично разсуждаетъ, по мнѣнію Уоллэса, и Брайсъ, который въ предисловіи къ книгѣ г. Острогорскаго говоритъ объ идеальной демократіи. „Что̀ подразумѣваетъ Брайсъ подъ идеальной демократіей?—спрашиваетъ Уоллэсъ.—Вѣдь если это слово что-либо обозначаетъ, то именно лучшую форму демократіи, согласную съ человѣческой природой. Между тѣмъ, читая Брайса, видишь, что онъ думаетъ о демократіи, возможной лишь при такой человѣческой природѣ, какую самъ хотѣлъ бы видѣть и какою онъ представлялъ ее себѣ на самомъ дѣлѣ существующею въ свои студенческіе дни въ Оксфордѣ". „Если такъ,—продолжаетъ Уоллэсъ, — то въ этихъ строкахъ Брайса мы имѣемъ отличный образчикъ традиціоннаго курса политическихъ наукъ. Ни одинъ докторъ не началъ бы теперь сочиненія словами: „идеальный человѣкъ не нуждается въ пищѣ и не подверженъ дѣйствію бактерій, но этотъ идеалъ далекъ отъ насъ". И ни одинъ педагогъ не заявилъ бы, что „идеальный мальчикъ знаетъ все, не учась, и всецѣло стремится къ развитію наукъ, но пока еще такихъ мальчиковъ нѣтъ". ...Очевидно, что понятіе о человѣческой природѣ, созданное философами XVIII-го столѣтія, все еще владѣетъ умами, хотя никто уже въ него не вѣритъ".

Въ томъ же предисловіи къ книгѣ г. Острогорскаго Брайсъ называетъ себя „профессіональнымъ оптимистомъ"—профессіональнымъ потому, что, какъ политическій дѣятель, онъ и не можетъ быть инымъ. „Политическая дѣятельность была бы невыносима, если бы политикъ не добивался съ мрачной рѣшимостью увидѣть среди облаковъ столько просвѣта, сколько возможно",—говоритъ Брайсъ. Это мѣсто вызываетъ со стороны Уоллэса слѣдующее сопоставленіе: „Представьте себѣ извѣстнаго химика, нашедшаго, что опытъ не оправдываетъ какой-нибудь старой формулы. Развѣ возможно думать, что онъ все же продолжалъ бы съ „мрачной рѣшимостью" держаться старой и пріятной для него формулы"?

Приведенныхъ выдержекъ достаточно, чтобы показать точку зрѣнія Уоллэса на политическую науку. Подобно медицинѣ или химіи, она должна имѣть дѣло лишь съ фактами—въ данномъ случаѣ лишь съ фактами человѣческой природы, а не съ предвзятыми принципами, не съ оптимизмомъ или пессимизмомъ вождей и не со взглядами и мнѣніями объективныхъ теоретиковъ. Уоллэсъ указываетъ и на методъ разсужденій, который долженъ быть принятъ въ политической наукѣ. Это—количественный методъ, строящій сужденія не только на качествѣ, но и на количествѣ фактовъ, расположенныхъ въ извѣстномъ порядкѣ и

графически представленныхъ въ видѣ кривой линіи, пересѣкаемой въ одномъ или многихъ мѣстахъ другими линіями, составленными изъ фактовъ другого рода. Въ политической экономіи этотъ методъ отлично разработанъ профессоромъ Альфредомъ Маршаллемъ и несомнѣнно можетъ быть примѣненъ и въ политикѣ, какъ въ вопросахъ практическаго законодательства, такъ и въ установленіи болѣе общихъ положеній. Но, конечно, количественный методъ не заключается въ однѣхъ только статистическихъ таблицахъ и картограммахъ. Подъ этимъ методомъ мышленія Уоллэсъ понимаетъ главнымъ образомъ изученіе какъ можно большаго числа фактовъ, принятіе во вниманіе всѣхъ деталей, хотя бы самыхъ мелкихъ, группировку ихъ и полученіе средней величины. Уоллэсъ даетъ въ своей книгѣ и нѣсколько примѣровъ примѣненія этого метода. Новѣйшая практика англійскихъ королевскихъ коммиссій, стремящихся къ собиранію множества фактовъ, а не мнѣній, чтобы получить возможность взглянуть на вопросъ со всѣхъ точекъ зрѣнія, пользуется количественнымъ методомъ. Какъ „доказательство отъ противнаго" въ пользу количественнаго метода, Уоллэсъ даетъ очень любопытный образчикъ сужденій германскаго канцлера Бюлова о всеобщемъ голосованіи. Говоря въ прусскомъ ландтагѣ, ф.-Бюловъ сказалъ: „Только наиболѣе доктринерскіе соціалисты еще продолжаютъ смотрѣть на всеобщее и прямое голосованіе какъ на фетишъ и непогрѣшимую догму". Самъ же онъ „не поклоняется идоламъ и не вѣритъ въ политическій догматизмъ". Изъ этихъ словъ можно было бы заключить, что Бюловъ сторонникъ количественнаго метода, а не безпочвеннаго теорезированія. Но продолженіе его рѣчи показало въ немъ еще болѣе узкаго доктринера, чѣмъ обвиняемые имъ соціалисты. „Свобода и благосостояніе страны—продолжаетъ онъ свою аргументацію—не зависятъ ни всецѣло, ни отчасти отъ формы конституціи и права голосованія. Въ Мекленбургѣ нѣтъ всеобщаго голосованія. Но развѣ онъ вслѣдствіе этого хуже управляется, чѣмъ республика Гаити съ ея всеобщимъ избирательнымъ правомъ?"—Конечно, если бы кто-либо заявилъ, что, получивъ всеобщее избирательное право, всѣ люди дѣлаются совершенно одинаковыми во всѣхъ отношеніяхъ и что это право составляетъ единственное условіе существованія хорошаго правительства, то Бюловъ былъ бы вполнѣ правъ, нападая на „догматиковъ". Но такихъ догматиковъ нѣтъ. Требованіе всеобщаго избирательнаго права основывается на убѣжденіи, что широкое распространеніе политической власти составляетъ одинъ изъ наиболѣе важныхъ элементовъ, необходимыхъ для благоустроеннаго государства. Въ число этихъ элементовъ входитъ и отвѣтственность министровъ, и народное образованіе, и многое другое. При такихъ условіяхъ рѣчь Бюлова теряетъ рѣшительно всякій смыслъ и

обнаруживаетъ въ немъ лишь старую привычку дѣлать политическіе выводы изъ одного какого-либо обособленнаго принципа или факта. Количественный методъ призванъ поставить каждый отдѣльный фактъ на надлежащее мѣсто, обращая его въ одну какую-нибудь точку на кривой, составленной изъ огромнаго множества другихъ точекъ.

Уоллэсъ указываетъ въ своей книгѣ и на тѣ главные импульсы человѣческой природы, которые вліяютъ на образъ дѣйствій личности, и описываетъ психологическіе процессы, играющіе большую роль въ образованіи опредѣленныхъ мнѣній или „убѣжденій“. Онъ настаиваетъ на чрезвычайной важности изученія этихъ импульсовъ и процессовъ для болѣе правильной постановки политической мысли. Это необходимо не только съ чисто научной точки зрѣнія, но и съ практической. Однако, сказать заранѣе, въ какой степени новая постановка политическихъ вопросовъ можетъ повліять на нашу политическую мораль, на наши взгляды и учрежденія, Грэгемъ Уоллэсъ не берется. Быть можетъ, она въ корнѣ измѣнитъ все наше политическое міровоззрѣніе; но возможно, что „количественный методъ“ признаетъ въ общемъ правильными результаты „интеллектуализма“. Во второй части своей книги Уоллэсъ обсуждаетъ нѣкоторыя политическія проблемы при свѣтѣ предлагаемаго имъ новаго способа мышленія. Прежде всего онъ беретъ вопросъ о политической этикѣ. Лѣтъ 50 или 100 тому назадъ, когда опытъ избирательныхъ кампаній въ демократіяхъ былъ еще очень ограниченъ, казалось, что стоитъ только апеллировать къ здравому смыслу, чтобы истина восторжествовала. Политическіе дѣятели и парламентскіе кандидаты старались по возможности ясно формулировать собственныя убѣжденія и доказывать рядомъ логическихъ аргументовъ ихъ правоту въ сравненіи съ программой противниковъ. Дальнѣйшій опытъ, однако, показалъ, что если „митинговое краснорѣчіе“ и можетъ вліять на избирателя, то далеко не правильностью разсужденій, и что избиратель въ очень малой степени руководствуется „разсудительностью“. Гораздо большее вліяніе на него имѣютъ душевныя и сердечныя движенія, слуховые и зрительные эффекты, привычки и вообще безсознательные или полусознательные импульсы. Есть, поэтому, опасность, что новые и болѣе легкіе пріемы пропаганды, основанные на политической психологіи, чрезмѣрно разовьютъ политическое шарлатанство, признаки котораго на почвѣ привлеченія избирателей уже и теперь замѣтны въ угрожающей степени. Эта опасность однако не столь велика, какъ кажется. Средство противъ нея лежитъ въ той же психологіи. Оно лежитъ, по мнѣнію Уоллэса, въ широкомъ распространеніи знаній, которое поможетъ избирателю стать господиномъ своихъ импульсовъ. Какъ только человѣкъ ясно начинаетъ сознавать въ себѣ извѣстный психологическій процессъ,

онъ сейчасъ же настораживается и не только старается не давать другимъ воспользоваться этимъ процессомъ, но и самъ научается овладѣвать имъ. Нашъ сознательный образъ дѣйствій зависитъ отъ границъ нашего самосознанія. Объективное наше отношеніе къ такимъ чувствамъ, какъ гнѣвъ, страхъ, любовь, есть дѣло эволюціи. На низшихъ ступеняхъ ея они являются слитными съ нашей личностью и отдѣльно отъ нея не сознаются, подобно тому какъ ребенокъ не сознаетъ, что онъ сердитъ или веселъ. Лишь послѣ того какъ мы начинаемъ дифференцировать наши чувства и давать имъ отдѣльныя имена, наша мысль начинаетъ судить о нихъ, наша воля—оказывать надъ ними извѣстный контроль. Также и въ политической психологіи. Избиратель, начинающій „понимать" извѣстные пріемы, направленные къ возбужденію въ немъ импульсовъ и душевныхъ процессовъ, становится насторожѣ и уже не такъ легко поддается имъ. Нужно поэтому, въ цѣляхъ чистоты политической жизни, просвѣщать избирателя и знакомить его самого съ человѣческой натурой. Необходимо углублять его самосознаніе и шире раскрывать передъ нимъ изгибы его собственной души, чтобы защитить ее отъ вторженій политическаго шарлатанства. И Уоллэсъ, какъ педагогъ, пробуетъ даже указать, какъ это политико-психологическое просвѣщеніе можетъ быть начато въ средней школѣ, хотя и признаетъ всю трудность задачи.

Разсуждая, дальше, о вліяніи, какое психологическая основа политической мысли можетъ имѣть на наши взгляды, Уоллэсъ останавливается на демократіи и представительномъ правленіи. По его мнѣнію, сужденія при свѣтѣ фактовъ не внесутъ никакихъ измѣненій въ наши взгляды на демократію, выработавшіеся теоретическимъ мышленіемъ. Сущность всякаго представительнаго правленія состоитъ въ согласіи значительной части народа, возобновляемомъ въ короткіе промежутки времени. И вопросъ можетъ быть только одинъ: нужно ли это согласіе или нѣтъ? Платонъ, который изъ политическихъ философовъ стоялъ наиболѣе близко къ современной намъ психологической школѣ, отвѣчалъ отрицательно, требуя, чтобы во главѣ государства стояли люди, пріобрѣвшіе особыя познанія. Контъ, поклонникъ научныхъ фактовъ, предлагалъ почти то же самое, и даже соціалистъ и демократъ Уэльсъ, въ своей „Утопіи", рекомендуетъ въ правители особый классъ людей, чуждыхъ „обманныхъ лозунговъ, злобы и мелочности этого внѣшняго міра". Бѣда въ томъ, что отъ этого внѣшняго или видимаго міра (the ostensible world) никакъ не уйдешь. Вѣдь недостаточно, чтобы сами правители были не отъ міра сего: необходимо еще, чтобы они жили въ какой-то идеальной обстановкѣ, чтобы ничто не могло вліять на ихъ мысли и чувства. Но это, очевидно, при настоящей природѣ людей невозможно. Тѣ цѣли, которыя ставитъ

себѣ правитель, могутъ не совпадать съ мнѣніемъ и желаніями народа. Столкновеніе даже въ платоновской республикѣ было бы неминуемо, еслибы деспотическіе правители игнорировали общественное мнѣніе. Общественное мнѣніе, выражающееся посредствомъ голосованія, является единственной основой благоустроеннаго правительства. Правда, вліяя на импульсы и возбуждая слѣпые инстинкты, нетрудно иногда создавать искусственное общественное мнѣніе даже въ демократіи съ всеобщимъ избирательнымъ правомъ. Но отъ такого обмана еще менѣе застрахована страна съ деспотіей, старающейся также опираться на общественное мнѣніе. „Когда какой-либо самодержецъ или бюрократія — говоритъ Уоллэсъ — находятъ себя вынужденными управлять страною вопреки національному чувству, которое въ любой моментъ можетъ перейти изъ слабаго и неопредѣленнаго желанія въ рѣшительное требованіе, то они начинаютъ сейчасъ же пользоваться всѣми безсознательными сторонами человѣческой природы. Самодержецъ дѣлается тогда самымъ неразборчивымъ демагогомъ и начинаетъ возбуждать расовую, религіозную, классовую ненависть или воинственный патріотизмъ не менѣе безсовѣстно, чѣмъ издатель какой-либо худшей газеты въ демократическомъ государствѣ“.

Признавая представительный образъ правленія согласнымъ не только съ предвзятымъ, теоретическимъ представленіемъ о человѣческой природѣ, но и съ дѣйствительными фактами жизни, Уоллэсъ не увѣренъ однако въ цѣлесообразности другихъ предложеній, истекающихъ изъ того же теоретическаго пониманія человѣческой натуры. Такъ напримѣръ, вопреки установившемуся среди поклонниковъ демократіи мнѣнію, что чѣмъ больше рабочихъ попадаетъ въ парламентъ и въ мѣстныя учрежденія, тѣмъ лучше, онъ думаетъ, что это не совсѣмъ такъ. Онъ опасается, что человѣкъ, проводящій все свое время въ мастерской, въ тѣсной сферѣ домашнихъ и мелко-матеріальныхъ интересовъ, мало начитанный и малосвѣдущій, невольно вноситъ нѣкоторую узость въ обсужденіе болѣе широкихъ вопросовъ и небрежность и излишнюю снисходительность въ финансовыхъ дѣлахъ. Правда, теперешняя рабочая партія въ англійскомъ парламентѣ не оправдываетъ этихъ опасеній. До сихъ поръ рабочіе, попавшіе въ парламентъ, оказывались, въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, лицами отборными и съ богатымъ политическимъ опытомъ. „Но—говоритъ Уоллэсъ—успѣхъ всякаго плана, имѣющаго цѣлью соціальное равенство, будетъ зависѣть главнымъ образомъ отъ того, какъ онъ будетъ проводиться въ жизнь мѣстными учрежденіями—а въ послѣднія, по необходимости, избираются люди меньшихъ способностей и меньшаго опыта“.

Большимъ оптимизмомъ отличается послѣдняя глава книги Уоллэса,

посвященная расовымъ и національнымъ вопросамъ. Уоллэсъ значительно расширяетъ аристотелевское понятіе о государствѣ или, вѣрнѣе, подтверждаетъ его, разсматривая его въ новыхъ условіяхъ. По Аристотелю государство можетъ включать въ свои предѣлы лишь такую территорію, какая доступна человѣческому глазу, а община можетъ быть лишь такой величины, какая позволяетъ всему собранію слушать голосъ одного человѣка. Эти физическіе предѣлы гражданскаго общества, при современныхъ условіяхъ сношеній, при фотографіяхъ и кинематографахъ, грамофонахъ и телефонахъ, телеграфахъ и аэропланахъ, могутъ быть расширены до предѣловъ всего земного шара. Нужна лишь нѣкоторая привычка думать объ отдаленныхъ частяхъ земли, какъ о чемъ-то отстоящемъ на близкомъ разстояніи. При этомъ человѣческое воображеніе можетъ научиться смотрѣть на населеніе всего земного шара какъ на нѣчто единое и родственное, подобно тому какъ мы смотримъ теперь на національность. Уоллэсъ совершенно отвергаетъ націоналистическое пониманіе государства, столь усиленно предлагавшееся Мадзини и Бисмаркомъ, первымъ—въ видѣ независимости всякой отдѣльной національности, вторымъ — въ видѣ сплоченія посредствомъ „крови и желѣза“ нѣсколькихъ національностей въ одну, господствующую. Со времени появленія „Происхожденія видовъ“ Дарвина представленіе о человѣческомъ родѣ, какъ о мозаикѣ однообразныхъ національностей, начинаетъ замѣняться представленіемъ о немъ какъ о біологической группѣ, въ которой каждая особь отличается отъ другой не какой-либо искусственной и произвольной номенклатурой, а процессомъ органической эволюціи. Огромное разнообразіе человѣчества, громадность земного шара не должны пугать наше воображеніе, которое всегда имѣетъ дѣло съ символами. А то, что существуетъ для воображенія, существуетъ и для нашихъ эмоцій. „Никто — говоритъ Уоллэсъ — не ожидаетъ немедленнаго образованія федераціи земного шара; никто не можетъ съ увѣренностью предсказывать ея наступленіе въ будущемъ. Но сознаніе общей цѣли въ человѣчествѣ или хотя бы признаніе возможности такой общей цѣли сразу же измѣнило бы общій характеръ международной политики... Идея общности человѣческаго рода служила бы фономъ нашихъ индивидуальныхъ дѣйствій. Ея вліяніе на наши чувства можетъ оказаться не меньшимъ чѣмъ то, которое видъ храмовъ и стѣнъ греческихъ городовъ оказывалъ на ихъ обитателей“.

Таково, въ главныхъ чертахъ, содержаніе книги Грэгема Уоллэса. Новая политическая мысль составляетъ лишь развитіе старой библейской истины, что слѣдуетъ судить человѣка „по путямъ и *дѣламъ* его“. Съ личности она только переносится на вопросы политической жизни. „Дѣла“, факты человѣческой природы, постоянное изученіе

дѣйствительности, вмѣсто теоретическихъ разсужденій на основаніи разъ навсегда составленнаго мнѣнія — вотъ то новѣйшее теченіе въ политической наукѣ и практикѣ, которое отмѣчается въ разсмотрѣнной нами книгѣ. И лишь послѣ того какъ въ рукахъ нашихъ накопится достаточное количество фактовъ, политика можетъ дѣйствительно обратиться въ науку, т.-е. въ отрасль знаній, способную съ точностью предсказывать опредѣленные результаты на основаніи извѣстныхъ данныхъ. До тѣхъ поръ политика представляетъ собою лишь рядъ экспериментовъ, за которые человѣчество такъ же дорого платится, какъ кролики въ рукахъ вивисектора.

С. Рапопортъ.

ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Выплылъ на передній планъ немалый вопросъ русской внутренней жизни: старообрядчество. Прогрессивное общество, конечно, знало, что въ Россіи существуютъ старообрядцы. Однако, въ настоящее время кое-кто изъ интеллигентовъ съ искреннимъ изумленіемъ восклицаютъ:

— Но мы не думали, что ихъ такъ много!

Старообрядцамъ приходилось до самаго послѣдняго времени таиться и прикрываться. Точную цифру старообрядческаго населенія невозможно установить. Въ Государственной Думѣ, въ газетахъ и среди главарей старообрядчества обыкновенно упоминается внушительная цифра: „отъ десяти до пятнадцати милліоновъ". Эта громада, до извѣстной степени сплоченная, представляетъ пока молчаливую и довольно загадочную силу.

Какъ ни пробуютъ теперь въ нѣкоторыхъ слояхъ общества открещиваться отъ политики, все-же русская жизнь сверху донизу пропитана политикой. Поэтому и старообрядчество вольно или невольно вызываетъ въ обществѣ вопросъ:

— А какую оно представляетъ политическую силу?

Справа, изъ центра и слѣва бросаютъ сюда вопросительные, сочувственные взгляды. Каждая партія склонна воскликнуть: „Они—наши!" И уже раздаются взаимныя обвиненія политическихъ группъ въ лицемѣрномъ подлаживаніи къ старообрядцамъ.

Въ сущности бюрократія первая догадалась, что старообрядцы являются немалой народно-политической силой. И когда ступени соціальной лѣстницы зловѣще закачались подъ ногами бюрократіи, старообрядческая ступень показалась наиболѣе прочной и надежной.

Недавно виднѣйшіе московскіе главари старообрядчества съ благодушной усмѣшкой разсказывали мнѣ:

— 17 апрѣля 1905 года вышелъ указъ, очень обрадовавшій всѣхъ

старообрядцевъ. Осенью этого года нѣкоторые изъ насъ ѣздили въ Петербургъ. Одинъ сановникъ на пріемѣ сказалъ: „Ну, вотъ мы дали вамъ свободу. Смотрите, и вы намъ помогите. На выборахъ въ Государственную Думу баллотируйте за правыхъ кандидатовъ".

Трудно сказать, за кого баллотировала вся старообрядческая масса. Отдѣльные извѣстные мнѣ факты не говорятъ въ пользу бюрократіи. Такъ, напримѣръ, городъ Вольскъ, имѣющій почти сплошное старообрядческое населеніе, для первой Думы избралъ старообрядца, который былъ потомъ однимъ изъ лидеровъ трудовой группы, а для второй Думы избралъ выборщикомъ старообрядца, считавшаго себя по политическимъ взглядамъ близкимъ къ соціалъ-демократамъ.

Московскіе главари старообрядчества, хотя и съ осторожной уклончивостью, но вполнѣ справедливо говорятъ:

— Старообрядцы—народъ. Вѣдь насъ нѣсколько милліоновъ. Всякія есть теченія, и правыя, и среднія, и лѣвыя. Долгія непрерывныя гоненія заставили насъ, конечно, сплотиться, замкнуться, выработать въ себѣ недовѣріе ко всякой власти. Но, впрочемъ, при этомъ старообрядцы вполнѣ лойяльны...

Нѣжныхъ чувствъ у старообрядцевъ къ правительственной власти, разумѣется, быть не могло, да и теперь пока мало для этого причинъ. Два съ половиной вѣка чиновныя, церковныя и полицейскія власти гнали старообрядцевъ, заточали въ тюрьмы, отбирали церкви, монастыри, обременяли взятками и всяческими поборами. Два съ половиной вѣка старообрядцы подъ градомъ гоненій бѣжали по лѣсамъ и тундрамъ, скрывались за границу, забивались въ подполья.

Изъ поколѣнья въ поколѣнье напрягалось въ старообрядцахъ чувство враждебнаго недовѣрія къ церковно-чиновно-полицейской власти. Съ кровью передавалось оно отъ отцовъ къ дѣтямъ, отъ дѣдовъ къ внукамъ.

Конечно, появленіе долго жданной религіозной свободы вызвало въ старообрядчествѣ нѣкоторое чувство радостной благодарности. Но и эта благодарность имѣетъ довольно смутный и сложный характеръ. Передовые старообрядцы были, конечно, не слѣпы къ тому, что творилось въ послѣдніе годы на русской землѣ. Они хорошо поняли, какую внушительную роль въ ихъ пользу сыграло общее освободительное движеніе. Къ чиновной же власти въ старообрядческой массѣ и теперь очень крѣпко держится врожденное недовѣріе. Значительная часть старообрядцевъ упрямо отклоняетъ сейчасъ даже и легальную общину. Для нихъ боязно всякое приближеніе къ чиновной власти.

— Нужно записи вести, метрики,—говорятъ они,—придется заводить всякія дѣла съ начальствомъ. Лучше бы подальше отъ этого... Жили и безъ бумажекъ ихнихъ...

И наиболѣе смѣлая, прогрессивная часть старообрядцевъ, которая видитъ въ новыхъ, облегченныхъ условіяхъ религіозной жизни большую для себя благодать, съ большой опаской вступаетъ на путь открытаго, легальнаго существованія.

— Главное, поменьше всякихъ дѣлъ съ начальствомъ,—внушаютъ они своимъ главарямъ,—чтобы никакого вмѣшательства въ нашу внутреннюю жизнь отъ властей не было.

Оппозиціонность старообрядчества, мнѣ кажется, несомнѣнна. Однако, опредѣленной, организованной политической силы старообрядчество, разумѣется, не представляетъ. Имѣется лишь оппозиціонное, прирожденное настроеніе, смутное, сложное, полуслѣпое. Оно, вѣроятно, дастъ плоды, не совсѣмъ ожиданные для бюрократіи, но это—въ отдаленномъ будущемъ.

Въ настоящее время въ старообрядчествѣ опредѣлилась или, вѣрнѣе, сдѣлалась доступной для наблюденія другая сила, болѣе значительная, превосходно организованная: церковная общественность.

Православіе уже почти утратило понятіе о церковной общественности. Православное духовенство постепенно вполнѣ подчинилось государственной власти и, выполняя ея велѣнія, пріобрѣло и образъ чиновно-государственный. Всякій священникъ въ сельской или городской церкви — своего рода чиновникъ, назначенный архіерейской властью и находящійся въ полномъ подчиненіи у этой власти. Прихожане безвластны и безпомощны предъ духовенствомъ. Они могутъ только ходить въ храмъ и уплачивать за требы. Православная церковь постепенно подрѣзала почти всѣ корни, связывавшіе ее съ народомъ, и оттого-то, вѣроятно, она костенѣетъ и клонится къ упадку.

Старообрядческая церковь плотно вплелась корнями въ народную почву. Во время гоненій старообрядцамъ приходилось всѣмъ міромъ добывать себѣ священниковъ или наставниковъ, прятать и откупать ихъ отъ начальства, воздвигать тайныя и полутайныя молельни, охранять порядки и завѣты старой церкви. Все это сплачивало старообрядцевъ, создавало естественные, органическіе приходы. Общественная власть у старообрядцевъ тѣсно переплелась съ церковной, и обѣ онѣ своеобразнымъ образомъ давали жизненные соки другъ другу.

Духовенство у старообрядцевъ—въ чрезвычайномъ, благоговѣйномъ почетѣ. Въ Москвѣ указывали мнѣ на виднѣйшихъ милліонеровъ, которые, не стыдясь, при публикѣ кланяются въ ноги своимъ священникамъ и епископамъ. И въ то же время духовенство въ строгомъ подчиненіи у общественной власти—у прихода. Все старообрядческое духовенство (у бѣлокринійцевъ—священники, у безпоповцевъ—наставники)—выборное. Приходъ выбираетъ достойнѣйшаго изъ своей

среды въ священники. Приходъ же устанавливаетъ плату за требы и вообще слѣдитъ за церковно-общественными дѣлами.

Не говоря уже о томъ, что старообрядческое духовенство совершенно чуждо правительственной политикѣ (жгучая, ширящаяся рана православной церкви), оно вообще не въ состояніи проявить самовластія или большого уклоненія отъ пастырской роли: приходъ накладываетъ на него властную руку.

И теперь, когда старообрядческая церковь выходитъ на дневной свѣтъ общенародной жизни, немалую тревогу испытываютъ представители оффиціальной церкви. На церковно-религіозной почвѣ возможны въ Россіи большіе народные сдвиги, перегруппировки, разслоенія.

Большое значеніе имѣетъ уже то, что вмѣсто приземистыхъ, мрачныхъ, полутайныхъ домовъ-моленъ воздвигаются теперь повсюду старообрядческіе храмы. И ничѣмъ они не отличаются отъ православныхъ. Такъ же сіяютъ на нихъ кресты, призывно гудятъ колокола. Внутренній же порядокъ старообрядческой церкви не можетъ не казаться привлекательнымъ для всякаго крестьянина или обывателя. Въ православномъ храмѣ каждый прихожанинъ—какъ бы случайный, робкій гость. Въ старообрядчествѣ каждый молельщикъ—членъ полноправной общины и какъ бы маленькій хозяинъ своего храма, своего выборнаго духовенства.

Большое значеніе имѣетъ для вѣрующей массы и церковное богослуженіе, которое у старообрядцевъ суровѣе, значительнѣе, длительнѣе.

Наиболѣе могущественная вѣтвь старообрядчества въ настоящее время—австрійская или бѣлокриницкая церковь. Это—ближайшій и наиболѣе внушительный конкуррентъ православной церкви. Бѣлокринійцы имѣютъ полную церковную организацію: епископовъ, священниковъ, діаконовъ. По всей. Россіи идетъ у нихъ сейчасъ постройка храмовъ. Надъ молельнями являются колокольни, купола, кресты. А всего охотнѣе воздвигаются новые обширные храмы. Расходуются на это повсемѣстно сотни тысячъ рублей.

— Гнали насъ раньше „за оказательство": за кресты, колокола,—объясняли мнѣ недавно московскіе старообрядцы,—понятно, поэтому, что насъ потянуло прежде всего на церковное строительство.

Успѣшно двинулось у бѣлокринійцевъ и школьное дѣло. Руководители старообрядцевъ хорошо понимаютъ, что безъ образованія теперь вообще плохо жить на свѣтѣ. Но, видимо, и вся старообрядческая масса склонна къ образованію. Московскіе главари производили недавно среди старообрядцевъ-бѣлокринійцевъ всероссійскую анкету по школьному вопросу, и видный старообрядческій дѣятель съ радостнымъ блескомъ въ глазахъ разсказывалъ мнѣ:

— Съ умиленьемъ читаемъ отвѣты въ опросныхъ листкахъ. Какая всеобщая жажда просвѣщенія! Тянутся, со всѣхъ сторонъ тянутся къ школѣ. Есть чрезвычайно трогательные, своеобразные отвѣты. Мы вскорѣ разработаемъ анкетные листки и напечатаемъ книгу.

У бѣлокринійцевъ имѣется въ Москвѣ свой журналъ „Церковь", и вообще издательское дѣло поставлено у нихъ довольно широко.

Сильно озабочены они и духовнымъ образованіемъ для своего священства. Въ Москвѣ уже образовались временные богословскіе старообрядческіе курсы. Мечтаютъ бѣлокринійцы о собственныхъ семинаріяхъ и духовной академіи. Но является у нихъ боязнь, не создался бы и въ старообрядчествѣ, какъ въ православіи, особый классъ людей, которые къ духовному званію готовятся, словно къ ремеслу. Они желаютъ сохранить въ полной чистотѣ принципъ выборнаго духовенства. „А тогда изъ семинаристовъ придется выбирать". Пока остановились они на временныхъ курсахъ, гдѣ выбранное изъ достойнѣйшихъ прихожанъ духовенство будетъ пополнять пробѣлы своего образованія.

Второй по значительности вѣтвью старообрядчества являются „бѣглопоповцы" (общепринятое, но довольно обидное для нихъ названіе; сами себя „бѣглопоповцы" называютъ старообрядцами, пріемлющими священство православной церкви). Жили они долгіе годы въ страхѣ и гоненіи, не имѣя собственнаго духовенства. Съ большими трудностями „сманивали" они изъ православія какого-нибудь обѣднѣвшаго, захудалаго, обремененнаго семьей священника, „исправляли" его и затѣмъ тайно возили изъ города въ городъ, изъ села въ село, удовлетворяя духовную жажду многочисленныхъ приходовъ.

Теперь и они открыто воздвигаютъ храмы съ крестами и куполами. Священниковъ у нихъ достаточное число, такъ какъ переходъ изъ православія сталъ простъ и безопасенъ. Недавно въ одномъ старообрядческомъ городкѣ, гдѣ былъ я проѣздомъ, съ улыбкой разсказали мнѣ о довольно краснорѣчивомъ фактѣ.

— Былъ у насъ православный священникъ. Симпатичный, прогрессивный. Населеніе очень одобряло его. А тутъ случились проводы депутатовъ въ первую думу. Попикъ увлекся. Пѣлъ съ толпой, махалъ шляпой. Замѣтили его. Духовное начальство стало преслѣдовать, грозило переводомъ, заключеніемъ въ монастырь. Онъ взялъ да и перешелъ въ старообрядчество. Живетъ теперь припѣваючи. Очень его и тамъ любятъ.

Этотъ маленькій случай очень вразумителенъ для ревнителей православія. Отъ чиновнаго холода и утѣсненій изъ православной церкви могутъ начать пробивать тропы къ старообрядчеству не только прихожане, но и духовныя лица. И какъ разъ начнутъ отпадать наи-

болѣе живые, энергичные и потому нетерпѣливые къ утѣсненіямъ представители православія. Какъ это ни странно, косное, угрюмое, невѣжественное (для обычнаго пониманія) старообрядчество болѣе склонно сейчасъ къ церковному самоустроенію, къ живой организованности.

„Бѣглопоповцы“ успѣшно упорядочиваютъ свои внутреннія дѣла. И на первомъ планѣ у нихъ сейчасъ пріобрѣтеніе собственнаго епископа. Тогда, подобно бѣлокринійцамъ, они не будутъ нуждаться въ бѣглыхъ священникахъ и быстро создадутъ собственную стройную организацію высшаго и низшаго духовенства. На открывшемся 10 мая въ Нижнемъ Новгородѣ всероссійскомъ соборѣ „бѣглопоповцевъ“ поставленъ вопросъ о собственномъ епископѣ. Въ сущности уже рѣшено—пріобрѣсти епископа, но имѣются разныя теченія: одни за то, чтобы взять епископа изъ православной церкви, другіе—чтобы взять отъ бѣлокринійцевъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ (на нижегородскомъ соборѣ вопросъ почти разрѣшенъ въ пользу православнаго викарнаго епископа) „бѣглопоповцы“ выйдутъ на торную, широкую дорогу, являясь нежеланными и опасными конкуррентами для православія.

Далеко въ глубь народной жизни уходятъ безпоповскія вѣтви старообрядчества. До послѣдняго времени эти многочисленные группы, толки, секты почти не были доступны для наблюденія. Въ темнотѣ они жили, темнотой были окутаны, темнота наполняла ихъ враждой къ міру и недовѣріемъ другъ къ другу. Основной вѣрой у безпоповцевъ было убѣжденіе въ царствованіи нынѣ на землѣ антихриста. Такъ, по крайней мѣрѣ, увѣряли меня старообрядцы-бѣлокринійцы, близко наблюдающіе безпоповцевъ. Антихристъ уничтожилъ повсюду истинное священство и всячески преслѣдуетъ вѣрующихъ-христіанъ, т.-е. старообрядцевъ. Поэтому безпоповцы отказались навсегда отъ священства и считали всякое „мірщеніе“, всякое приближеніе къ міру ересью или грѣхомъ. Въ отдѣльныхъ толкахъ считалось и до сихъ поръ считается тяжкимъ грѣхомъ или ересью брадобритіе, употребленіе картофеля, чая, кофе, табакокуреніе. Многія тяжкія цѣпи наваливало на свой духъ безпоповское старообрядчество, и шла въ его средѣ жизнь сумрачная, суровая, фанатичная.

Неожиданные дни религіозной свободы подняли кверху, къ уровню общей жизни, и безпоповцевъ. И вызвало это на первыхъ порахъ среди нихъ, кажется, больше смятенія и тревоги, чѣмъ радости. Приходилось пересматривать и перерѣшать убѣжденія, давно затвердѣвшія, какъ гранитъ.

Если прекратились гоненія и дана религіозная свобода, то почему это? Новая хитрость антихриста? Или антихриста нѣтъ и не было? Но тогда, значитъ, многое было ошибочно въ жизни безпопов-

цевъ. Напримѣръ, не погибло, значитъ, истинное священство на землѣ...

— Не нужно поддаваться. Увлекаетъ, заманиваетъ антихристъ,— говорили было наиболѣе недовѣрчивые, отклоняясь отъ легальной общины, отъ постройки открытыхъ храмовъ.

— Какой же антихристъ?—возражали имъ свои же:—мы воздвигаемъ храмы и ставимъ на нихъ кресты, а крестъ—знаменіе побѣды надъ антихристомъ.

Большое броженіе должны были вызвать въ средѣ безпоповцевъ новые дни. Значительнымъ результатомъ этого броженія нужно считать всероссійскій соборъ безпоповцевъ-поморцевъ, состоявшійся въ маѣ въ Москвѣ. Съѣхалось со всѣхъ концовъ Россіи около 600 делегатовъ. Эта громада представляла своего рода народный парламентъ, подлинный соборъ — и даже не Россіи, а скорѣе древней Руси, потому что картина этого собора, съ коричневыми, иконописными лицами, старинными кафтанами, волосами „въ кружало“, широкими бородами и странными, не-современными рѣчами, обвѣвала наблюдателей воздухомъ до-петровской Руси.

Московскія газеты дали довольно подробное описаніе этого своеобразнаго собора (представителямъ печати соборъ оказалъ полное довѣріе и вниманіе).

Конечно, на соборъ съѣхались лучшіе выразители поморства, а въ засѣданіяхъ говорили наиболѣе талантливые и видные ораторы. Поэтому, въ сущности, соборъ невольно далъ понятіе преимущественно о передовыхъ теченіяхъ поморскаго согласія. Въ этомъ освѣщеніи многіе основные пункты поморства предстали въ довольно глубокомъ и далеко не безсмысленномъ видѣ.

По поводу антихриста ораторы говорили, что нужно разумѣть подъ этимъ именемъ не единоличнаго врага Христа. Все въ мірѣ, что ведетъ ко злу, къ ненависти, къ злобѣ, является враждебнымъ добру и любви, т.-е. Христу. Это и есть духовный антихристъ, царствующій въ мірѣ. Съ нимъ нужно бороться. По поводу священства говорилось, что церковь— внутри людей; священство не есть основаніе церкви, а поставлено оно только въ назиданіе, основа же церкви—самъ Христосъ. Сильныя, значительныя мысли высказывались по поводу избранія или посвященія духовныхъ лицъ. Хиротонія — разъясняли ораторы — есть не возложеніе рукъ, а поднятіе рукъ, баллотировка; этимъ способомъ совершалась хиротонія во времена древнихъ христіанъ, не знавшихъ церковнаго рукоположенія; большинствомъ избирались тогда епископы и священники.

Соборъ выяснилъ многіе смутные вопросы. Разрѣшилъ ѣсть картофель, пить чай и вино. Назвалъ не ересью, а только грѣхомъ брадо-

бритіе, куреніе табака. Допустилъ разныя хозяйственныя дѣла съ міромъ. Разрѣшилъ браки съ иновѣрцами. Общее впечатлѣніе отъ собора такое, что старообрядческая громада поднялась къ дневному свѣту со многими заржавленными цѣпями на плечахъ, и по властному слову собора многія цѣпи со звономъ рухнули на землю. Немало еще ихъ и осталось, но придетъ и для нихъ пора...

Вся Россія ждала себѣ свободы, и вѣровала, что свобода дастъ ей широкое творческое обновленіе жизни. Отъ свободы ждали почти чуда. Россія свободы себѣ не достала или не получила. Однимъ только старообрядцамъ какъ бы случайно упала живительная капля религіозной свободы. И въ сущности то, что теперь творится въ многомилліонной массѣ старообрядчества—почти чудо. Склепы разверзаются, вѣковое омертвѣніе спадаетъ. Трудно учесть, трудно даже наблюдать то громаднѣйшее броженіе, которое совершается сейчасъ по всѣмъ угламъ Россіи въ сотняхъ тысячъ старообрядческихъ семействъ.

Случайно, на нѣсколько дней, старообрядческій вопросъ даже въ третьей Государственной Думѣ сдѣлался „боевымъ вопросомъ“, заслонивъ другія очередныя законодательныя дѣла и охвативъ огнемъ борьбы всѣ фракціи [1]).

Во внутренней жизни Россіи старообрядческій вопросъ давно уже медленно и незамѣтно назрѣваетъ въ нѣчто значительное, всенародное (для славянства), сложное и богатое разными возможностями въ недалекомъ будущемъ.

Большія измѣненія, перегруппировки, улучшенія организаціи происходятъ въ самой старообрядческой средѣ. И немалыя послѣдствія можетъ вызвать воскресшая, расцвѣтающая старая церковь въ православномъ населеніи.

Глубоко значительно сейчасъ въ старообрядчествѣ стремленіе ко всеобщему объединенію. Отъ страшнаго удара два съ половиной вѣка назадъ старая церковь покатилась въ темную глубь народной жизни, разбиваясь по пути на отдѣльные куски. Новые удары чиновной и церковной власти загоняли старообрядчество еще глубже въ темноту жизни и все болѣе дробили старую церковь на толки, согласія, секты, ожесточенныя къ міру и неосмысленно-враждебныя другъ другу. Поистинѣ тьма закрывала очи и глушила разумъ.

Теперь, когда старообрядчество начало подниматься кверху, на дневной свѣтъ, разбитые куски старой церкви какъ бы невольно потянулись другъ къ другу.

— Мечтаемъ и стараемся создать теперь—говорили мнѣ недавно въ Москвѣ старообрядцы-бѣлокриницы—единую, объединенную цер-

---

[1]) См. ниже, внутреннее обозрѣніе.

ковъ. Въ своей средѣ мы уже примирили „окружниковъ“ съ „противу-окружниками“. Теперь стараемся объединиться съ часовенными и „бѣглопоповцами“. Въ сущности мы вѣдь отъ одного корня, разъединились совсѣмъ недавно (при первомъ бѣлокриницкомъ епископѣ Амвросіи, котораго старообрядцы взяли изъ Австріи и котораго „бѣглопоповцы“ отказались признать за подлиннаго епископа). И „бѣглопоповцы“ уже принципіально согласны объединиться съ нами. Рѣшили только сначала добыть себѣ собственнаго епископа. Затѣмъ пробуемъ примириться съ безпоповцами. Съ ними труднѣе,—очень много пунктовъ расхожденія,—но надежды и на нихъ не теряемъ.—

Послѣ поморскаго собора въ Москвѣ состоялись собесѣдованія бѣлокринійцевъ съ поморцами. Начетчики-ораторы съ обѣихъ сторонъ очень энергично нападали другъ на друга и не только не подвинули впередъ дѣло примиренія, а скорѣе отодвинули его назадъ. Но ужъ это во всѣхъ религіяхъ и вѣроисповѣданіяхъ участь вождей и начетчиковъ такая: фатальнымъ образомъ обостряютъ они споры, сѣютъ нетерпимость и раздоръ. Къ объединенію старообрядцевъ толкаетъ другая сила, болѣе значительная. Она сплотила отдѣльные толки, выработала чрезвычайное сопротивленіе внѣшнимъ утѣсненіямъ, и она же придвигаетъ сейчасъ отдѣльныя группы другъ къ другу. Сила эта—церковная общественность.

Справедливо сейчасъ говорятъ ученые знатоки раскола, что старообрядчество принесло отъ сѣдыхъ временъ много мертваго догматизма, устарѣлыхъ обрядностей, странныхъ суевѣрій, и что въ этомъ смыслѣ старообрядчество не имѣетъ живой идеи, способной къ росту и творчеству въ будущемъ.

Мнѣ кажется, старообрядчество живо, значительно и могущественно сейчасъ не догмой, а своей организованной сплоченностью, выкованной церковной общественностью. И старая церковь крѣпко вошла корнями въ живительный сокъ этой общественности. Несомнѣнно, многое обветшалое, мрачное, архаичное отпадетъ въ дальнѣйшемъ теченіи жизни отъ старообрядчества. Передовые старообрядцы уже хорошо понимаютъ это и съ большой энергіей берутся за школы, за свѣтское и духовное образованіе, за всѣ дары европейской культуры. И пока въ народной массѣ жива настоятельная жажда церковной религіозности (а скоро ли она изсякнетъ или круто измѣнится?), для старообрядчества съ его глубокими корнями въ народной почвѣ возможна еще долгая, вліятельная жизнь.

Для православной церкви, омертвившей въ себѣ общественность въ видѣ безгласнаго, безправнаго прихода и отдавшей все духовенство въ полное подчиненіе государственной власти, наступаетъ критическій моментъ.

Изъ холодѣющей православной церкви массу населенія можетъ потянуть въ оправляющуюся старую церковь, гдѣ идетъ оживленный гулъ и откуда вѣетъ тепломъ сплоченнаго, дружественно-организованнаго люда.

И для православной церкви, ради самосохраненія, останется только одинъ путь: придвинуть церковь къ народу, дать права приходу, сдѣлать духовенство выборнымъ, отодвинувъ его отъ могущественнаго гипноза правительственной власти... Можетъ быть, такая реформа окажется невыполнимой, невозможной. Но тогда, вѣроятно, и параличъ оффиціальной церкви окажется неизлечимымъ.

Общественность, общественность—вотъ животворная сила старообрядчества. И если оно отъ свѣжаго, свободнаго вѣтра культурной жизни дрогнетъ и начнетъ обваливаться, то эти общественные навыки, эта закаленная стойкость и дисциплина духа, эта долгая, сплоченная борьба противъ внѣшнихъ утѣсненій во имя внутренней духовной самостоятельности все же не пройдутъ для Россіи безслѣдно.

И. Жилкинъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюня 1909.

Окончаніе министерскаго кризиса.—Высочайшій рескриптъ 27-го апрѣля.—Толки о „пересмотрѣ“ основныхъ законовъ.—Законопроектъ о выборѣ членовъ Государственнаго Совѣта отъ западныхъ губерній. — Холмская губернія. — Старообрядцы и Государственная Дума.

Министерскій кризисъ, возбужденный законопроектомъ о штатахъ морского генеральнаго штаба, окончился побѣдой кабинета, очень похожей на пораженіе—или пораженіемъ, которому данъ внѣшній видъ побѣды. Министры остались на своихъ мѣстахъ, имъ выражено одобреніе—но вопросъ, поставившій на карту ихъ политическое существованіе, разрѣшенъ противъ нихъ, и имъ самимъ поручено пріискать форму, въ которую должно быть облечено отреченіе ихъ отъ прежняго взгляда. Въ сущности, слѣдовательно, положеніе дѣлъ измѣнилось очень мало—или не измѣнилось вовсе. Еслибы рѣчь шла только о томъ, быть или не быть министрами П. А. Столыпину и его товарищамъ, примириться съ неизвѣстностью было бы нетрудно; но неопредѣленнымъ остается государственный строй Россіи—и это болѣзненно чувствуется во всемъ и всѣми, кромѣ тѣхъ, для кого выгодна неясность.

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что Высочайшій рескриптъ 27-го апрѣля полагаетъ конецъ надеждамъ обскурантовъ на возстановленіе стараго режима. Въ рескриптѣ говорится объ „укрѣпленіи основныхъ началъ незыблемо установленнаго государственнаго строя“; правила, точнѣе отграничивающія область законодательства отъ области верховнаго управленія, предписывается выработать „въ предѣлахъ государственныхъ основныхъ законовъ“. Но вѣдь значеніе основныхъ законовъ, на сколько они касаются данной темы, установлено было совершенно точно—и совершенно одинаково—министер-

ствомъ, большинствомъ Государственной Думы и большинствомъ Государственнаго Совѣта. Министерству предстоитъ разъясненіе постановленій, уже примѣнявшихся на практикѣ—и разъясненіе ихъ въ смыслѣ прямо противоположномъ тому, въ которомъ они до сихъ поръ понимались. Возможно, почти неизбѣжно появленіе двухъ интерпретацій, идущихъ изъ одного и того же источника, но рѣшительно несовмѣстныхъ между собою. Ненормальность такого положенія вещей совершенно очевидна. Правильный изъ него выходъ только одинъ: признаніе, что такъ называемое аутентическое толкованіе законовъ входитъ—наравнѣ съ изданіемъ новыхъ, отмѣною, дополненіемъ и измѣненіемъ дѣйствующихъ законовъ—въ сферу дѣятельности законодательныхъ учрежденій. Только этимъ путемъ можно закрѣпить за закономъ надлежащую устойчивость, надлежащую твердость. „Правила", о которыхъ идетъ рѣчь въ рескриптѣ 27-го апрѣля, являются именно аутентическимъ толкованіемъ закона; утвержденію ихъ должно предшествовать, поэтому, одобреніе ихъ Государственною Думою и Государственнымъ Совѣтомъ. Опасное само по себѣ, изданіе ихъ въ другомъ порядкѣ было бы чрезвычайно опаснымъ прецедентомъ. Нѣтъ такого закона, который бы не могъ быть признанъ неяснымъ и въ который, путемъ односторонняго разъясненія, не могло бы быть вложено содержаніе, мало соотвѣтствующее его истинному смыслу.

Больше чѣмъ когда-либо вопросъ о толкованіи законовъ представляется жгучимъ именно теперь, въ виду систематическихъ, планомѣрныхъ попытокъ извратить важнѣйшіе государственные акты послѣдняго времени. Мы видѣли недавно, какія усилія дѣлаются, въ этомъ направленіи, крайней правой Государственной Думы. Къ той же цѣли стремится, съ бо̀льшею или меньшею откровенностью, въ болѣе или менѣе грубыхъ формахъ, и реакціонная печать. Рескриптъ 27-го апрѣля разсматривается „Московскими Вѣдомостями" какъ „второй случай исправленія прямымъ дѣйствіемъ Высочайшей воли основныхъ законовъ 1906-го года" (первымъ случаемъ этого рода признается, очевидно, актъ 3-го іюня 1907-го года). Чтобы доказать свою мысль, московская газета не отступаетъ передъ явнымъ искаженіемъ дѣйствительности или, по меньшей мѣрѣ, передъ возведеніемъ возможныхъ событій на степень совершившагося факта: она называетъ правила, составленіе которыхъ возложено рескриптомъ на совѣтъ министровъ, „дополнительными исправленіями соотвѣтствующихъ мѣстъ законовъ 1906-го года", между тѣмъ какъ на основаніи рескрипта правила должны быть выработаны „въ предѣлахъ, указанныхъ основными законами". Другими словами, заранѣе признается несомнѣннымъ то, что покамѣсть можно считать лишь болѣе или менѣе вѣроятнымъ: признается, что толкованіе ст. 96-ой окажется, на самомъ

дѣлѣ, ея измѣненіемъ. Съ еще меньшимъ правомъ *исправленіемъ* основныхъ законовъ провозглашается актъ 3-го іюня 1907-го года, ничего въ текстѣ этихъ законовъ не измѣнившій. Настоящее значеніе этого акта выяснено у насъ недавно въ статьѣ В. А. Маклакова и въ апрѣльскомъ внутреннемъ обозрѣніи. Какъ ни относиться къ его существу, нормальнымъ проявленіемъ законодательнаго творчества его считать нельзя. Ни рескриптъ 27-го апрѣля, ни положеніе о выборахъ въ Госуд. Думу, обнародованное 3-го іюня, не могутъ, слѣдовательно, служить базисомъ для рекомендуемаго газетой г. Льва Тихомирова общаго пересмотра основныхъ законовъ 1906-го года—пересмотра, проектируемаго ею, очевидно, не въ томъ порядкѣ, какой предусмотрѣнъ ст. 8-ою основныхъ законовъ, т.-е. не черезъ посредство Государственной Думы и Государственнаго Совѣта, призываемыхъ къ тому почином Государя Императора. „Одной лишь „верховной власти самодержавнаго монарха" — по мнѣнію „Московскихъ Вѣдомостей"—„принадлежитъ право и задача довести до конца начатую учредительную работу". Цѣлью этой работы ставится „приведеніе закона къ нормамъ дѣйствительной мысли законодателя" — мысли, которая предполагается „искаженною, невѣрно понятою" ея исполнителями.

На чемъ построено, однако, такое предположеніе? Чѣмъ можно доказать, что законодатель, тогда еще ничѣмъ не ограниченный, хотѣлъ чего-то иного, не вошедшаго въ составъ основныхъ законовъ—или не хотѣлъ того, что ими установлено? Попытку создать что-то въ родѣ доказательства мы видимъ только одну. „Московскія Вѣдомости" недоумѣваютъ, „на какомъ основаніи манифесту 17-го октября дается преимущество передъ другими актами Высочайшей воли, въ которыхъ мысль законодателя проявлялась уже давно (около шести или семи лѣтъ), и проявлялась въ выраженіяхъ нерѣдко гораздо болѣе ясныхъ". Въ искренности этого недоумѣнія нельзя не усомниться, если припомнить, что манифестъ 17-го октября, во многомъ и самомъ главномъ, представляетъ собою не дальнѣйшее развитіе ему предшествовавшихъ, а прямую ихъ отмѣну. Исходной точкой манифестовъ 26-го февраля 1903-го, 18-го февраля и 6-го августа 1905-го года служило сохраненіе, во всей ея неприкосновенности, самодержавной верховной власти; исходной точкой манифеста 17-го октября явилась, на оборотъ, рѣшимость ограничить власть монарха. Понятно, что именно этотъ государственный актъ—послѣдній по времени и уже потому упразднявшій все предшествовавшее, на сколько оно съ нимъ несогласно,—долженъ былъ стать фундаментомъ новыхъ основныхъ законовъ; понятно, что въ нихъ не могли найти мѣста отголоски манифестовъ, всецѣло относившихся къ другой, законченной эпохѣ. Пока

имѣлось въ виду только „привлеченіе избранныхъ отъ населенія людей къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній“ (Высочайшій рескриптъ 18-го февраля 1905-го года) или „включеніе въ составъ высшихъ государственныхъ учрежденій особаго *законосовѣщательнаго* установленія“ (манифестъ 6-го августа 1905-го года), до тѣхъ поръ ничто не мѣшало „сохраненію неприкосновеннымъ основного закона россійской имперіи о существѣ самодержавной власти“; но оно стало немыслимымъ, какъ только принято было „незыблемое правило“, чтобы „никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы“. Логическимъ, неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого правила явилось сначала новое учрежденіе Государственной Думы, замѣнившее собою потерявшее, ipso facto, свою силу учрежденіе 6-го августа,—а затѣмъ новая редакція основныхъ законовъ, въ которой одинаково знаменательно и то, что сказано (ст. 7, 8, 11, 86, 94), и то, что не сказано (невключеніе термина: *неограниченная* въ опредѣленіе верховной власти). Съ этой точки зрѣнія согласіе между началомъ, вновь положеннымъ во главу угла, и выводами, изъ него сдѣланными, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Нѣтъ никакого повода утверждать, что исполненіе не гармонируетъ съ мыслью, что послѣдняя должна быть освобождена отъ чуждыхъ ей элементовъ, привитыхъ къ ней неумѣлыми или недобросовѣстными исполнителями. Ручательствомъ въ томъ, что результаты соотвѣтствуютъ намѣреніямъ законодателя, служитъ самая длительность законодательной работы. Между изданіемъ манифеста 17-го октября и обнародованіемъ новой редакціи основныхъ законовъ прошло болѣе шести мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ многое измѣнилось, и измѣнилось въ смыслѣ неблагопріятномъ для нововведеній: и тѣмъ не менѣе Высочайшимъ указомъ 23-го апрѣля не только подтверждается сущность освободительнаго манифеста, но и подчеркивается установленіе точной границы между принадлежащею нераздѣльно монарху властью верховнаго управленія и властью законодательною. Такая граница сдѣлалась необходимой именно съ тѣхъ поръ, какъ законодательная власть перестала принадлежать всецѣло одному монарху.

Своеобразно толкуя „мысль законодателя“, газета г. Тихомирова ограничиваетъ задачу государственныхъ преобразованій *исключительно* тѣмъ, чтобы „страна могла развить усиленную работу по возрожденію своихъ производительныхъ средствъ, средствъ государственной обороны, просвѣщенія, а также по нравственному оздоровленію населенія“. Еслибы это было такъ, преобразованіе, предпринятое въ 1905-мъ году, ничѣмъ существенно не отличалось бы отъ другихъ, болѣе раннихъ. Увеличеніемъ производительныхъ средствъ страны

правительство было озабочено всегда, уже потому, что имъ прямо пропорціональны его собственныя средства. Нерѣдко шла рѣчь и о просвѣщеніи и нравственномъ оздоровленіи народа, конечно — своеобразно понимаемомъ, но все же составлявшемъ предметъ многочисленныхъ мѣропріятій. Особенность перемѣнъ, ознаменовавшихъ собою 1905-ый и 1906-ой гг., заключается въ томъ, что онѣ коснулись самыхъ основъ государственнаго устройства, до тѣхъ поръ не только фактически неподвижныхъ, но и провозглашавшихся навсегда неподвижными. Эта неподвижность оказалась главной причиной застоя или регресса во всѣхъ областяхъ народной жизни; къ ея устраненію были направлены, сначала нерѣшительно и робко, потомъ болѣе твердо и опредѣленно, усилія правительства. Вотъ почему обманываютъ другихъ—или самихъ себя—всѣ тѣ, кто мечтаетъ о возвратѣ къ безповоротно осужденному строю. Его защита велась долго и упорно — и если, наконецъ, была признана безнадежной, то именно потому, что исчезли, одинъ за другимъ, всѣ главные ея опорные пункты. Возстановленіе ихъ столь же невозможно, какъ повтореніе вчерашняго дня.

Откровеннѣе, чѣмъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", походъ противъ новаго строя ведется въ такихъ органахъ печати, какъ „Гражданинъ" или листки, служащіе „союзу русскаго народа". „Государю, какъ монарху"—пишетъ князь Мещерскій—„должно принадлежать право утверждать одно изъ мнѣній, высказавшихся въ законодательныхъ учрежденіяхъ, если между ними было разногласіе, и одно изъ мнѣній меньшинства, въ томъ или другомъ учрежденіи высказавшееся". Это было бы отступленіемъ не только за линію 17-го октября, но и за линію 6-го августа: вѣдь и тогда предполагалось установить, что законодательное предположеніе, отклоненное большинствомъ двухъ третей голосовъ какъ въ Государственной Думѣ, такъ и въ Государственномъ Совѣтѣ, должно считаться неосуществившимся, по крайней мѣрѣ въ данной формѣ и въ данное время. Чтобы довести свою мысль до логическаго конца, редактору „Гражданина" слѣдовало бы признать, что силу закона можетъ получить и такое мнѣніе, которое никѣмъ не было заявлено ни въ Государственной Думѣ, ни въ Государственномъ Совѣтѣ—а отсюда только одинъ шагъ до отрицанія необходимости обоихъ этихъ учрежденій или по крайней мѣрѣ одного изъ нихъ, болѣе молодого, менѣе приспособленнаго — и менѣе приспособившагося—къ единовластному режиму. Для людей въ родѣ князя Мещерскаго не существуютъ уроки исторіи, не существуетъ различія между народомъ, погруженнымъ въ спячку, и народомъ, пробудившимся отъ вѣкового сна. Какъ ни многаго оставлялъ желать старый Государственный Совѣтъ, онъ могъ бы, при другомъ удѣльномъ

вѣсѣ его „мнѣній“, предохранить Россію по крайней мѣрѣ отъ двухъ золъ, тяжело отозвавшихся и отзывающихся на ея судьбѣ: отъ отдачи подростающихъ поколѣній подъ иго псевдо-классической системы гр. Д. А. Толстого—и отъ подчиненія народной массы произволу земскихъ начальниковъ.

Путемъ ли толкованія, предвзятаго и тенденціознаго, путемъ ли прямого, ничѣмъ не замаскированнаго отреченія отъ новизны—во всякомъ случаѣ въ близкомъ будущемъ слѣдуетъ ожидать рѣшительнаго натиска на „обновленный“ строй. Носятся слухи, пріурочивающіе этотъ натискъ къ торжествамъ по случаю двухсотлѣтняго юбилея полтавской побѣды. Говорятъ о какомъ-то заявленіи „объединеннаго дворянства“, противъ котораго заранѣе считаютъ нужнымъ принять мѣры нѣкоторые представители сословія; говорятъ о массовой демонстраціи, которую собираются устроить заправилы „союза русскаго народа“. Внушительнаго значенія ни то, ни другое имѣть не можетъ. Дворянство, какъ сословіе, давно уже потеряло всякое право на первое мѣсто, на руководящую роль въ общественныхъ движеніяхъ. Ни тогда, когда оно одно имѣло возможность возвышать свой голосъ среди всеобщаго молчанія, ни тогда, когда цѣлымъ рядомъ правительственныхъ мѣръ усиленно, но безплодно, задерживался неизбѣжный упадокъ его матеріальнаго благосостоянія и общественнаго значенія, оно даже не пыталось использовать свое вліяніе для общаго блага. Оно заботилось только о себѣ, только для себя ходатайствовало о льготахъ, спокойно подчиняясь режиму, при которомъ удѣломъ массы, какъ и удѣломъ привилегированнаго меньшинства, было полнѣйшее политическое безправіе. Въ послѣдніе годы, озабоченное сохраненіемъ своихъ земельныхъ владѣній и соединеннаго съ ними вліянія на мѣстахъ, оно меньше чѣмъ когда-либо помышляетъ объ интересахъ народа, меньше чѣмъ когда-либо сознаетъ и чувствуетъ себя съ нимъ солидарнымъ. Его выступленіе, еслибы оно состоялось, ничего не прибавило бы къ тѣмъ элементамъ реакціи, которые безъ того уже имѣются на лицо. То же самое слѣдуетъ сказать и о „союзнической“ демонстраціи, кѣмъ бы она ни была инсценирована и въ какую бы ни была облечена форму. До какой степени ничтожны, въ сущности, тѣ группы, которыя на бумагѣ опредѣляютъ свою численность милліонами, а на самомъ дѣлѣ даже при дѣйствіи правилъ 3-го іюня могли провести въ Государственную Думу лишь нѣсколько десятковъ своихъ приверженцевъ—это слишкомъ хорошо извѣстно. Кого и въ чемъ можетъ убѣдить голосъ партіи, прославившейся до сихъ поръ только скандалами, грубыми выходками, склонностью (при увѣренности въ безнаказанности) къ кулачной расправѣ—и навлекающей на себя и болѣе серіозныя подозрѣнія? Нужно полагать, что отношеніе Государствен-

ной Думы къ запросу, касающемуся главарей союза русскаго народа, сдѣлаетъ невозможной какую бы то ни было активную роль союза въ полтавскихъ торжествахъ. Да и какое значеніе можетъ имѣть, вообще, заявленіе кучки людей, никѣмъ не уполномоченныхъ, стоящихъ скорѣе ниже, чѣмъ выше средняго уровня, разъ что существуютъ правильныя формы выраженія общественныхъ желаній? Какое значеніе могутъ имѣть просьбы или требованія самозванныхъ глашатаевъ народной воли, когда еще жива память о настоящемъ народномъ представительствѣ — о двухъ первыхъ Государственныхъ Думахъ? Какое значеніе можетъ имѣть голосъ одной партіи, когда за цѣлымъ рядомъ другихъ не признается права на легальное существованіе, и мнѣнія ихъ могутъ высказываться болѣе или менѣе свободно только съ думской каѳедры?.. Нѣтъ, мы рѣшительно не вѣримъ, чтобы полтавскія празднества могли послужить орудіемъ въ рукахъ реакціонной котеріи — не вѣримъ тѣмъ болѣе, что въ воспоминаніяхъ о полтавской битвѣ нѣтъ ничего, за что могла бы ухватиться черная сотня. День избавленія Россіи отъ внѣшней опасности долженъ быть днемъ объединенія, а не розни. Забыть слѣдуетъ въ этотъ день о партійныхъ распряхъ, а не пользоваться обстоятельствами, чтобы подъ шумокъ обезпечить торжество одной партіи надъ другими—торжество, которое не могло бы быть продолжительнымъ и неизбѣжно повлекло бы за собою обостреніе всѣхъ бѣдъ, раззоряющихъ и обезсиливающихъ Россію. Миръ, внѣшній миръ въ настоящую минуту далеко не обезпеченъ. Недавнее прошлое слишкомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ, что ни гарантіей противъ нарушенія мира, ни залогомъ успѣшнаго веденія и окончанія войны прежній государственный режимъ служить не могъ. Гдѣ же основаніе думать, что его возстановленіе уменьшитъ шансы войны или увеличитъ шансы побѣды?.. И развѣ имя Петра — подходящее знамя для регресса? Великій преобразователь не отступалъ ни передъ чѣмъ, чтобы поставить Россію на одну высоту съ современными ему западно-европейскими государствами. Къ аналогичной цѣли было направлено освободительное движеніе 1905-го года. Можно ли, затѣмъ, ставить подъ покровъ славнаго имени попытку уничтожить немногіе, уцѣлѣвшіе до сихъ поръ плоды этого движенія?.. Въ преданіяхъ петровскаго времени нетрудно найти мотивы, болѣе подходящіе къ настоящей минутѣ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно припомнить Пушкинскій „Пиръ Петра Великаго“.

Оставшись у власти, кабинетъ значительно передвинулся вправо. Еще меньше, чѣмъ прежде, замѣтно различіе между нимъ и группами, разсчитывающими на его наслѣдство. Прежде всего перемѣна

обнаружилась въ отношеніяхъ его къ идущему съ правой стороны Государственнаго Совѣта законопроекту объ измѣненіи порядка выборовъ членовъ Совѣта отъ западныхъ губерній. Еще недавно на этотъ законопроектъ почти никто не смотрѣлъ серіозно; едва ли вѣрили въ возможность успѣха и сами авторы его. Предоставленный самому себѣ, онъ не пошелъ бы, по всей вѣроятности, дальше первыхъ стадій законодательной процедуры и былъ бы отклоненъ безъ передачи въ коммиссію. Теперь его шансы поднялись весьма сильно: за принципъ, положенный въ его основу, высказался предсѣдатель совѣта министровъ — и передача его въ коммиссію рѣшена значительнымъ большинствомъ голосовъ (94 противъ 64). Чтобы устранить одно изъ главныхъ препятствій, стоявшихъ на его дорогѣ—близость новыхъ выборовъ, — министерствомъ внесенъ въ Государственную Думу законопроектъ о продленіи на одинъ годъ полномочій, которыя иначе черезъ нѣсколько недѣль потеряли бы свою силу. Казалось бы, что въ теченіе года можно было бы разрѣшить вопросъ гораздо проще, распространивъ на Западный край дѣйствіе земскихъ учрежденій, а слѣдовательно и общій порядокъ выборовъ въ Государственный Совѣтъ. „Въ настоящее время, однако“ — читаемъ мы въ представленіи, при которомъ внесенъ въ Думу вышеупомянутый законопроектъ, — „выяснилась невозможность ожидать введенія въ западныхъ губерніяхъ положенія о земскихъ учрежденіяхъ въ близкомъ будущемъ, такъ какъ вопросъ этотъ долженъ быть по необходимости поставленъ въ связь съ общей земской реформой въ Россіи, время осуществленія которой, въ виду сложности ея, трудно опредѣлить въ данный моментъ хотя бы приблизительно“.

Общая земская реформа была поставлена на очередь еще Высочайшимъ указомъ 12-го декабря 1904-го года. Для осуществленія ея времени было вполнѣ достаточно—конечно, при условіи разсмотрѣнія ея только въ обычномъ законодательномъ порядкѣ, безъ проведенія черезъ преддумье, т.-е. черезъ совѣтъ по дѣламъ мѣстнаго хозяйства. Допустимъ, однако, что она не могла бы быть закончена и въ теченіе года, на который предполагается продлить полномочія членовъ Государственнаго Совѣта отъ западныхъ губерній. Но что же мѣшаетъ теперь же примѣнить къ Западному краю дѣйствующее земское положеніе? Скажутъ, быть можетъ, что нельзя распространять сферу дѣйствій „выморочнаго“ закона—закона, оффиціально признаннаго несовершеннымъ и доживающаго если не послѣдніе дни, то, во всякомъ случаѣ, послѣдніе годы. Но вѣдь и несовершенное общерусское земство несравненно выше пародіи на земскія учрежденія, существующей теперь въ Западномъ краѣ. Пройдя черезъ школу стараго земства, Западный край легче и скорѣе приспособится къ новому земскому строю,

когда онъ наконецъ перестанетъ быть только проектомъ. Да и многимъ ли новое земство—если ему суждено осуществиться при нынѣшней политической конъюнктурѣ — будетъ лучше стараго?.. Невольно возникаетъ предположеніе, что министерству вообще не улыбается мысль о скоромъ введеніи земства въ Западномъ краѣ. Намъ припоминается рѣчь, произнесенная въ Государственной Думѣ, 2-го мая прошлаго года, однимъ изъ товарищей министра внутреннихъ дѣлъ. Мы можемъ предвидѣть и должны опасаться — сказалъ г. Крыжановскій, — „что въ случаѣ введенія въ Западномъ краѣ дворянскихъ выборныхъ учрежденій, еслибы за предводителями дворянства было сохранено то же положеніе въ учрежденіяхъ земскихъ и административныхъ, какое они имѣютъ во внутреннихъ губерніяхъ имперіи, то это было бы равносильно отдачѣ всего мѣстнаго правленія въ руки польскихъ помѣстныхъ классовъ". Да, введеніе въ Западномъ краѣ нынѣ дѣйствующихъ земскихъ учрежденій не только уменьшило бы полновластіе мѣстной администраціи: оно извлекло бы изъ архивной пыли Высочайшій указъ 1-го мая 1905-го года о возстановленіи въ девяти западныхъ губерніяхъ выборныхъ дворянскихъ учрежденій—указъ, подлежавшій исполненію „въ возможно непродолжительномъ времени", но остающійся неисполненнымъ до сихъ поръ, вопреки пожеланію, выраженному, годъ тому назадъ, Государственною Думой.

Допустимъ, однако, что о введеніи земства въ Западномъ краѣ не можетъ быть и рѣчи, пока не станетъ закономъ новое земское положеніе. Слѣдуетъ ли отсюда, что существующій порядокъ выбора членовъ Государственнаго Совѣта отъ западныхъ губерній долженъ быть немедленно измѣненъ, и измѣненъ именно въ направленіи, указанномъ проектомъ тридцати-трехъ? Безъ сомнѣнія — нѣтъ. Одной аномаліей больше или меньше—это вопросъ неважный, когда искусственна вся система. Разъ что право быть избраннымъ въ Государственный Совѣтъ обусловлено повсемѣстно высокимъ имущественнымъ цензомъ, разъ что членами губернскихъ земскихъ собраній, какъ и избирательныхъ съѣздовъ Западнаго края, являются, за рѣдкими исключеніями, одни лишь представители сравнительно крупнаго землевладѣнія—между западными и центральными губерніями нѣтъ, въ этомъ отношеніи, такого вопіющаго различія, которое требовало бы немедленнаго устраненія. Все, что можно было бы сдѣлать собственно въ видахъ уравненія однѣхъ мѣстностей съ другими, это—приблизить составъ избирательныхъ съѣздовъ въ западныхъ губерніяхъ къ составу губернскихъ земскихъ собраній, пополнивъ съѣзды выборными отъ мелкихъ землевладѣльцевъ, отъ городовъ и отъ крестьянскихъ обществъ. Законопроектъ тридцати-трехъ исходитъ изъ совершенно другой основной мысли—и эту мысль правительство признаетъ „въ общемъ пріемлемою". Онъ

строитъ выборы на національной почвѣ, отдѣляя русскихъ отъ поляковъ и обезпечивая за первыми перевѣсъ надъ послѣдними. Поощрять національную замкнутость, искусственно противопоставлять одну національность другой или другимъ—значитъ идти прямо въ разрѣзъ съ одною изъ главныхъ задачъ государства: единеніемъ всѣхъ его гражданъ. Чтобы обезпечить за каждою частью населенія возможность отстаивать и охранять свои права и свои интересы, существуетъ только одно дѣйствительное и раціональное средство: пропорціональное представительство. Искусственное обособленіе равносильно искусственному поддержанію антагонизма, ослабленіе и уничтоженіе котораго должно быть цѣлью здравой государственной политики. Къ несчастью, не такова, въ національномъ вопросѣ, политика нынѣшняго министерства. Оно первое подало примѣръ тенденціознаго дробленія избирателей—примѣръ, вдохновившій авторовъ разбираемаго нами законопроекта. Ихъ не устрашили результаты, достигнутые появленіемъ въ Государственной Думѣ особаго представительства отъ русскаго населенія: они не съумѣли или не захотѣли дать себѣ отчетъ въ томъ, поднимаетъ ли дѣятельность гг. Тимошкина и Алексѣева престижъ русскаго имени на Кавказѣ и въ царствѣ польскомъ.

Отталкивающее впечатлѣніе производитъ защита проекта тридцатитрехъ въ реакціонной печати—отталкивающее потому, что ей совершенно недостаетъ честности и искренности. Говорится о пятнадцати милліонахъ русскаго населенія Западнаго края, остающихся безъ представительства въ Государственномъ Совѣтѣ—какъ будто при вновь проектируемомъ порядкѣ представлены будутъ дѣйствительно милліоны, а не тысячи или, самое бо̀льшее, десятки тысячъ крупныхъ и среднихъ землевладѣльцевъ, явившихся на выборы. Говорится о пламенномъ желаніи „русскихъ дѣятелей“ играть активную роль въ заботѣ объ интересахъ своего края—тогда какъ на самомъ дѣлѣ исключительно-польское до сихъ поръ представительство Западнаго края въ Государственномъ Совѣтѣ объясняется не столько избирательнымъ закономъ, сколько поразительнымъ абсентеизмомъ русскихъ избирателей (въ витебской губерніи, напримѣръ, ихъ явилось на выборы 1906-го года только *двое*, а поляковъ—*сто пятьдесятъ четыре*). Еслибы настоящей цѣлью авторовъ законопроекта было созданіе въ Западномъ краѣ сколько-нибудь правильной избирательной системы, имъ слѣдовало бы подумать о расширеніи круга избирателей и избираемыхъ, а не о раздѣленіи ихъ на два лагеря — раздѣленіи, меньше всего отвѣчающемъ требованіямъ настоящаго момента. Есть основаніе опасаться, что дѣленіе по національностямъ, однажды проникнувъ въ избирательные порядки, совьетъ себѣ тамъ прочное гнѣздо и внесетъ сѣ-

мена раздора и въ земскія учрежденія, когда они наконецъ будутъ даны западнымъ губерніямъ. Въ самомъ дѣлѣ, обезпечивъ за собою львиную долю представительства въ Государственномъ Совѣтѣ, приверженцы обрусительной политики едва ли захотятъ поставить ее на карту—и направятъ всѣ усилія къ тому, чтобы предопредѣлить, въ ея смыслѣ, составъ губернскихъ земскихъ собраній. Для этого придется размежевать съ самаго начала русскихъ избирателей отъ не-русскихъ—размежевать ихъ еще на избирательныхъ съѣздахъ и затѣмъ провести демаркаціонную линію черезъ всѣ земскія инстанціи. Различнымъ элементамъ населенія будетъ, такимъ образомъ, внушена мысль, что интересы ихъ неодинаковы — если не противоположны — даже въ самыхъ мелкихъ общественныхъ ячейкахъ, даже въ тѣхъ узкихъ, скромныхъ сферахъ дѣятельности, гдѣ все, по видимому, призываетъ къ единодушной, дружной работѣ. Русскіе и поляки будутъ какъ бы приглашены къ борьбѣ изъ-за всякой дороги, изъ-за всякой школы, изъ-за всякаго пріемнаго покоя — изъ-за всего того, что, при другихъ условіяхъ, могло бы заставить забыть о вѣковомъ недовѣріи и старыхъ распряхъ.

Какъ отозвалось въ польскихъ сердцахъ непредвидѣнное рѣшеніе Государственнаго Совѣта, принявшаго къ своему разсмотрѣнію проектъ тридцати-трехъ — это показываетъ письмо, въ которомъ заявилъ о своемъ выходѣ изъ Совѣта бывшій въ теченіе трехъ лѣтъ его членомъ отъ витебской губерніи И. О. Корвинъ-Милевскій. Совершенно правильно приходя къ заключенію, что одобреніе, хотя бы пока только въ принципѣ, законопроекта, разъединяющаго русскихъ и поляковъ, равносильно признанію недопустимости общей ихъ работы, г. Корвинъ-Милевскій не нашелъ возможнымъ сохранить за собою званіе, принятое имъ въ надеждѣ на совершенно иной ходъ событій. Онъ былъ увѣренъ — и старался увѣрить другихъ, — что произошелъ прочный поворотъ къ болѣе безпристрастной политикѣ въ польскомъ вопросѣ. Онъ ошибся — и сходитъ со сцены, убѣжденный въ томъ, что „стремленія къ объединенію снизу ничего не стоютъ, когда господствуетъ сепаратизмъ сверху“. И дѣйствительно, *сепаратизмъ сверху* обрисовывается все яснѣе и яснѣе, именно въ то время, когда внѣшнія и внутреннія событія все больше и больше требовали бы объединенія всѣхъ государственныхъ, общественныхъ и народныхъ силъ. Еще болѣе яркимъ доказательствомъ тому служитъ постановка на очередь вопроса о выдѣленіи изъ царства польскаго восточныхъ частей губерній сѣдлецкой и люблинской и образованіи изъ нихъ новой, холмской губерніи.

Не касаясь длинной и сложной исторіи этого вопроса, остановимся на одной его особенности, отличающей его, по видимому, отъ

другихъ, болѣе или менѣе съ нимъ сходныхъ. Нерѣдко приходится слышать, что исправленіе границы царства польскаго допускалось на земскихъ съѣздахъ, въ составъ которыхъ входили представители какъ русскихъ, такъ и польскихъ прогрессивныхъ группъ. Это совершенно вѣрно, но не слѣдуетъ забывать, что исправленіе границы предполагалось двоякое: одно — въ смыслѣ отдѣленія отъ царства мѣстностей съ преобладающимъ не-польскимъ населеніемъ (сюда относится часть Холмщины), другое — въ смыслѣ присоединенія къ нему мѣстностей съ господствующимъ польскимъ населеніемъ. Понятно, что одно уравновѣшивалось бы другимъ и что предѣлы того и другого имѣлось въ виду установить по самомъ тщательномъ и безпристрастномъ изслѣдованіи всѣхъ обстоятельствъ, всѣхъ возраженій, всѣхъ пожеланій. Совершенное при такихъ условіяхъ, выдѣленіе той или другой части Холмщины не могло бы задѣть національное чувство, оскорбить національное самолюбіе поляковъ, показаться имъ чѣмъ-то въ родѣ „четвертаго раздѣла". Было бы сдѣлано, притомъ, все, чтобы оградить права меньшинства, остающагося по ту или другую сторону новой пограничной черты. Нужно ли доказывать, что въ настоящее время выдѣленіе холмской губерніи предпринимается при совершенно иной обстановкѣ?.. Указывается, далѣе, на то, что за выдѣленіе Холмщины стоитъ значительная часть ея малорусскаго населенія, враждебно относящаяся къ полякамъ. Въ какой степени это справедливо — судить не беремся; но, въ виду запутанныхъ національныхъ отношеній въ Галиціи, невозможнаго или невѣроятнаго здѣсь нѣтъ ничего. Много ли, однако, выиграютъ малороссы-жители Холмщины отъ превращенія ея, въ настоящее время, въ обыкновенную русскую губернію? На это даетъ отвѣтъ появившійся въ печати перечень дѣйствующихъ теперь въ царствѣ польскомъ правилъ, предназначенныхъ къ отмѣнѣ въ новой холмской губерніи. Сюда относятся, напримѣръ, правила, допускающія употребленіе въ мѣстномъ (гминномъ) судѣ языка, на которомъ говоритъ мѣстное населеніе. Другими словами, въ мѣстныхъ судахъ холмской губерніи употребленіе малорусскаго языка допущено не будетъ. Отмѣняются также правила объ освобожденіи отъ занятій въ дни католическихъ праздниковъ, чествуемыхъ по новому стилю; между тѣмъ, въ числѣ бывшихъ уніатовъ, недавно именовавшихся „упорствующими", а теперь открыто перешедшихъ въ католицизмъ, насчитывается много малороссовъ. Съ другой стороны, на холмскую губернію предполагается распространить законъ, въ силу котораго въ народныхъ училищахъ юго-западнаго края всѣ предметы должны быть преподаваемы на русскомъ языкѣ. Немного утѣшительнаго обѣщаетъ, слѣдовательно, холмскимъ малороссамъ переводъ изъ царства польскаго въ имперію. Степень охраны національныхъ правъ,

степень уваженія къ національнымъ особенностямъ зависитъ, вообще говоря, не отъ принадлежности данной мѣстности къ той или другой части государства, а отъ степени совершенства его правового строя. Когда равноправность національностей станетъ общепризнанной и безспорной, свободное развитіе каждой изъ нихъ будетъ установлено на твердыхъ началахъ, одинаковыхъ на всемъ пространствѣ государства — а до тѣхъ поръ возлагать какія-либо надежды на чисто формальныя перемѣщенія и переименованія, значило бы забывать мораль Крыловскаго „Квартета".

Что̀ представляетъ собою выдѣленіе холмской губерніи для поляковъ—это не требуетъ объясненія. Тѣ изъ нихъ, которые живутъ въ предназначенныхъ къ выдѣленію уѣздахъ, подвергаются всѣмъ ограниченіямъ, установленнымъ для поляковъ (напримѣръ, въ области землевладѣнія) внѣ предѣловъ царства польскаго. Теряютъ силу правила о допущеніи преподаванія польскаго языка въ городскихъ училищахъ, а для желающихъ—и въ гимназіяхъ; исчезаетъ возможность преподаванія нѣкоторыхъ предметовъ на польскомъ языкѣ въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, не пользующихся правами правительственныхъ училищъ. Всему населенію царства польскаго наносится тяжелый нравственный ударъ—наносится именно въ то время, когда особенно важнымъ, и въ видахъ внѣшней безопасности, и въ видахъ внутренняго мира, было бы сближеніе между поляками и русскими. Что̀ считалось нежелательнымъ и нецѣлесообразнымъ даже во времена Побѣдоносцева и Гурко, чему не сочувствуетъ и теперь высшая администрація царства, то предпринимается безъ всякой дѣйствительной надобности, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, въ неопредѣленной надеждѣ на „располяченіе" края, на возвращеніе къ православію тѣхъ десятковъ тысячъ, которыя формально отдѣлились отъ него лишь недавно, послѣ 17-го апрѣля 1905-го года, но въ сущности никогда къ нему не принадлежали. Вмѣсто того, чтобы устранять источники національной вражды, для нея создаются, съ легкимъ сердцемъ, новые поводы. Еслибы министерство было озабочено улучшеніемъ положенія малороссовъ, живущихъ въ Холмщинѣ, ничто не мѣшало бы ему принять мѣры, прямо направленныя къ этой цѣли: оградить права малорусскаго языка въ школѣ, мѣстномъ судѣ и мѣстномъ самоуправленіи, ускорить введеніе земскихъ учрежденій, рѣшительно порвать съ традиціоннымъ недовѣріемъ къ „украйнофильству". Ничего подобнаго мы не видимъ: въ новой административной рамкѣ малороссы холмскаго края будутъ чувствовать себя отнюдь не болѣе уютно, чѣмъ въ старой. По сю сторону границы они не найдутъ даже земства, достойнаго этого имени, не найдутъ даже освобожденія отъ квинтъ-эссенціи административнаго произвола, какую предста-

вляетъ собою генералъ-губернаторская власть. Вмѣсто варшавскаго генералъ-губернатора ими будетъ распоряжаться кіевскій: перемѣна произойдетъ только въ названіи, а не въ сущности дѣла... Трудно надѣяться, чтобы законопроектъ объ образованіи холмской губерніи встрѣтилъ противодѣйствіе въ средѣ большинства Государственной Думы. Ничего хорошаго не предвѣщаетъ, въ этомъ отношеніи, образъ дѣйствій центра во время преній о замѣщеніи судейскихъ должностей въ царствѣ польскомъ...

Когда въ наполеоновскомъ Законодательномъ Корпусѣ, въ 1867-мъ году, немногочисленной еще оппозиціей былъ поставленъ вопросъ объ отозваніи изъ Рима французскаго гарнизона, всемогущимъ тогда государственнымъ министромъ Руэромъ былъ данъ грозно и гордо прозвучавшій отвѣтъ: „Jamais“! Не прошло послѣ того и трехъ лѣтъ, какъ Римъ, очищенный французскими войсками, сталъ столицей итальянскаго королевства. Этотъ примѣръ — вмѣстѣ со многими другими, предшествовавшими и послѣдовавшими,—долженъ былъ бы показать государственнымъ людямъ, что въ политикѣ нѣтъ мѣста для слова: „никогда“. Очевиднаго, однако, сплошь и рядомъ не хотятъ видѣть; опыту, много разъ подтверждавшемуся, не хотятъ вѣрить. Кто въ данную минуту располагаетъ властью, тотъ слишкомъ часто склоненъ думать, что отъ него зависитъ не только настоящее, но и будущее. Устами товарища министра внутреннихъ дѣлъ кабинетъ П. А. Столыпина повторилъ, въ засѣданіи Государственной Думы 12-го мая, руэровскую фразу, повторилъ ее дважды, усугубляя ея рѣшительность и опредѣленность. Возражая противъ предложенія коммиссіи присвоить духовнымъ лицамъ старообрядцевъ названіе священнослужителей, г. Крыжановскій заявилъ, что „правительство, въ тѣсномъ единеніи съ св. синодомъ, считаетъ въ этомъ вопросѣ невозможными какія бы то ни было уступки“. Переходя къ другому предложенію коммиссіи — признать за старообрядцами право проповѣдыванія ихъ ученія — г. Крыжановскій выразился такъ: „эта вторая поправка коммиссіи, точно такъ же, какъ и первая, ни правительствомъ, ни св. синодомъ ни въ коемъ случаѣ, ни при какихъ обстоятельствахъ принята быть не можетъ“. Представимъ себѣ, что пять лѣтъ тому назадъ тогдашнему оберъ-прокурору св. синода (К. П. Побѣдоносцеву), вмѣстѣ съ тогдашнимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ (В. К. Плеве), пришлось бы высказаться публично о томъ, можетъ ли выраженіе: *расколъ* уступить мѣсто, въ оффиціальномъ языкѣ, выраженію: *старообрядство*, и можетъ ли быть допущенъ свободный переходъ изъ православія въ расколъ. Не подлежитъ ника-

кому сомнѣнію, что на оба вопроса былъ бы данъ отрицательный отвѣтъ, столь же категорическій и энергичный, какъ и заявленія г. Крыжановскаго. Забрезжила, однако, заря новой эпохи—и за 6-мъ пунктомъ указа 12-го декабря 1904-го года, съ его неясными еще обѣщаніями, быстро послѣдовалъ указъ 17-го апрѣля 1905-го года, положившій конецъ многовѣковымъ преслѣдованіямъ раскола и открывшій свободный выходъ изъ православной церкви. Рано или поздно — и, думается намъ, скорѣе въ близкомъ, чѣмъ въ отдаленномъ будущемъ—точно такъ же откликнется жизнь на non possumus, провозглашенное г. Крыжановскимъ. Помимо логики событій, насъ убѣждаетъ въ этомъ принятіе большинствомъ Думы всѣхъ поправокъ, внесенныхъ коммиссіей въ законопроектъ о старообрядцахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, не знаменательно ли единодушіе, установившееся въ памятный день 15-го мая между лѣвой и—за исключеніемъ немногихъ отщепенцевъ—центромъ Государственной Думы? Не знаменательно ли, что партія, постоянно стремившаяся къ единенію съ министерствомъ, забывавшая изъ-за того о своемъ знамени, не дальше какъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ измѣнившая, въ вопросѣ о порядкѣ разрѣшенія постройки гарантируемыхъ казною желѣзныхъ дорогъ, своей собственной формулѣ и присоединившаяся, путемъ явнаго нарушенія наказа, къ сторонникамъ противоположнаго, „благонамѣреннаго" мнѣнія,—не знаменательно ли, что такая партія, въ лицѣ своего вождя и бо̀льшей части своихъ членовъ, отказалась пойти туда, куда настойчиво ее звалъ представитель власти? Объясненіе этому дано, отчасти, въ рѣчи А. И. Гучкова. Что выполнено изъ обѣщаннаго манифестомъ 17-го октября?—спрашивалъ лидеръ октябристовъ. „Вы знаете, что мало. Вы знаете, что вокругъ этого создалась, сгустилась тяжелая атмосфера недовольства. Вы знаете, какія обвиненія со всѣхъ сторонъ раздаются и противъ правительства, и противъ насъ, народнаго представительства". Намѣтивъ, въ блѣдныхъ, мало убѣдительныхъ чертахъ, возможное оправданіе—или, по его собственному выраженію, *тѣнь оправданія* — застоя въ чисто политической области, онъ воскликнулъ: „Ну, а здѣсь, въ области религіозной свободы, что мѣшаетъ? Какіе вы придумаете аргументы, чтобы здѣсь положить стѣснительныя рамки"?.. Да, октябристы дѣйствительно дошли до крайней линіи своей позиціи, до крайняго предѣла своихъ уступокъ: еще одинъ шагъ по обычной дорогѣ—и они окончательно потеряли бы „свое лицо", потеряли бы право на самостоятельное существованіе. Это чувствуется въ словахъ деп. Каменскаго, который далъ, отъ имени фракціи, рѣшительный отпоръ изумительному по своей смѣлости выступленію товарища оберъ-прокурора св. синода; это прекрасно понялъ и прекрасно выразилъ А. И. Гучковъ, поставившій

на карту свою руководящую роль въ союзѣ 17-го октября. Быть или не быть союзу—рѣшеніе этого вопроса зависѣло отъ исхода преній 15-го мая. Рѣшеніе состоялось утвердительное—и союзу остается только использовать его, порвавъ всякую связь съ компрометирующими элементами. Какимъ выигрышемъ для союза было бы, например, удаленіе изъ его среды деп. Половцова, извѣстную выходку котораго старался затушевать союзъ, но не забыло и не забудетъ русское общество!

Мы едва ли ошибемся, однако, если скажемъ, что рѣчью А. И. Гучкова не исчерпывается объясненіе образа дѣйствій октябристовъ въ вѣроисповѣдныхъ вопросахъ. Весьма возможно, что онъ былъ продиктованъ не только сознаніемъ долга, но и убѣжденіемъ, что на этой почвѣ всего скорѣе можно ожидать поворота въ нашей политической жизни. Гдѣ-нибудь должна же остановиться реакція, безудержно свирѣпствующая въ послѣдніе годы; когда-нибудь должно же возобновиться прерванное движеніе—движеніе, корни котораго слишкомъ глубоко уходятъ въ русскую землю и въ народную душу. Изъ всѣхъ „свободъ" всего понятнѣе, всего дороже для народной массы свобода совѣсти. Непосредственно заинтересованы въ ней десятки милліоновъ людей. Болѣзненно почувствовались бы ея искаженія, ея урѣзки. Если проекту о старообрядцахъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ принятъ Государственной Думой, и не суждено теперь стать закономъ, то вопросы, имъ разрѣшенные, неизбѣжно будутъ подняты вновь—и отношеніе къ нимъ разныхъ партій, разныхъ слоевъ общества не будетъ забыто. Не такъ легко, наконецъ, игнорировать самый вотумъ Государственной Думы—*третьей* Думы, роспускъ которой представлялъ бы немалыя затрудненія. Расхожденіе ея съ министерствомъ, за которымъ она такъ долго безпрекословно шла, имѣетъ серіозное симптоматическое значеніе. Когда служить режиму отказывается орудіе, спеціально для него изготовленное и къ нему приспособившееся, это невольно подрываетъ вѣру въ долговѣчность самаго режима... Все это могло быть учтено тѣми изъ числа руководителей союза 17-го октября, кругозоръ которыхъ не ограниченъ завтрашнимъ днемъ.

По истинѣ поразительна слабость аргументовъ, съ помощью которыхъ велась борьба противъ поправокъ коммиссіи. Не говоримъ уже о рѣчи деп. Крупенскаго, пытавшагося устрашить центръ напоминаніемъ о дальнѣйшихъ стадіяхъ законодательной процедуры и не отступившаго (какъ и другой умѣренно-правый, г. Балалаевъ) передъ утвержденіемъ, что самимъ старообрядцамъ вовсе не нужно все предлагаемое ихъ незванными и непрошенными защитниками (!); не говоримъ о предсказаніи епископа Митрофана, что слишкомъ широкія права старообрядцевъ отзовутся пагубно на нихъ самихъ, вызовутъ

въ ихъ средѣ новыя броженія и нескончаемую смуту; не говоримъ о выспреннихъ фразахъ деп. Вязигина, разсчитанныхъ на эффектъ, но поражающихъ только полнымъ отсутствіемъ связи съ предметомъ преній („Земной градъ Божій есть только часть необъемлемой вселенской церкви Христовой; поэтому всѣ нареканія, которыя земнородные разныхъ наименованій позволили себѣ поднимать противъ этого вѣчнаго установленія, не имѣютъ никакого значенія"); не говоримъ о попыткахъ деп. Клочкова (бывшаго миссіонера) опровергнуть общераспространенное мнѣніе, считающее отличительными качествами старообрядцевъ трудолюбіе и трезвость. Остановимся только на доводахъ сколько-нибудь серіозныхъ. Первый изъ нихъ (приведенный деп. Вязигинымъ)—ссылка на основные законы, въ обходъ которыхъ идутъ, будто бы, поправки коммиссіи. Здѣсь имѣется въ виду, безъ сомнѣнія, ст. 62-ая, признающая православную вѣру первенствующею и господствующею въ россійской имперіи. Не подлежитъ, однако, никакому сомнѣнію, что изъ этого общаго начала могутъ быть выводимы—и дѣйствительно выводились—весьма различныя заключенія. Съ такимъ же правомъ—или, лучше сказать, съ такимъ же отсутствіемъ права—на ней можно строить какъ полнѣйшую нетерпимость по отношенію къ другимъ исповѣданіямъ, такъ и тѣ ограниченія ихъ свободы, о которыхъ шелъ споръ въ Госуд. Думѣ. Какъ и всякое другое общее начало, понятіе о господствующей церкви ничего въ частности не предрѣшаетъ и не опредѣляетъ. Кіевскій миссіонерскій съѣздъ былъ очень недалекъ отъ того, чтобы признать права господствующей церкви нарушенными указомъ 17-го апрѣля 1905-го года. И дѣйствительно, этотъ указъ существенно измѣнилъ положеніе церкви—но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы онъ въ чемъ бы то ни было отступилъ отъ буквы и смысла основныхъ законовъ. Другая статья основныхъ законовъ (66-ая) гласитъ, что всѣ непринадлежащіе къ господствующей церкви подданные россійскаго государства пользуются повсемѣстно свободнымъ отправленіемъ ихъ вѣры. Практическіе выводы изъ этого общаго правила измѣняются въ зависимости отъ перемѣнъ въ вѣроисповѣдной политикѣ государства—и нарушеніемъ его могло бы считаться только стѣсненіе, но отнюдь не расширеніе религіозной свободы. Что въ основныхъ законахъ нельзя найти прочныхъ точекъ опоры для реакціонныхъ или хотя бы узко-консервативныхъ стремленій въ вѣроисповѣдной сферѣ—это, очевидно, чувствовалось и правыми группами Думы; изъ всѣхъ ораторовъ, ими выставленныхъ, попытку аргументировать текстомъ основныхъ законовъ сдѣлалъ, кажется, одинъ г. Вязигинъ. Говорилъ объ основныхъ законахъ представитель министерства г. Крыжановскій—но говорилъ только мимоходомъ и не на нихъ строилъ свою критику коммиссіонныхъ поправокъ. Онъ утвер-

ждалъ, что закрѣпленіе въ законѣ за духовными лицами старообрядцевъ наименованія священнослужителей, въ виду особенностей нашего государственнаго строя, покоящагося на тѣсномъ единеніи съ православною церковью, и въ виду того, что глава государства есть по основнымъ законамъ имперіи хранитель догматовъ господствующей церкви,—было бы „равносильно разрѣшенію важнѣйшаго каноническаго вопроса путемъ государственнаго закона". Да, за силою ст. 64-ой осн. зак. „императоръ, яко христіанскій государь, есть верховный защитникъ и хранитель догматовъ господствующей вѣры"; но вѣдь собственно отсюда г. Крыжановскій ничего не выводитъ—да и ничего въ данномъ спорѣ вывести нельзя, потому что о посягательствѣ на *догматы* православной церкви никто не помышляетъ. Нельзя видѣть нарушенія *догматовъ* одной вѣры въ присвоеніи новаго *наименованія* духовнымъ лицамъ другой вѣры. Признаніе за духовными лицами старообрядцевъ права называться священнослужителями (да еще съ прибавленіемъ: „по старообрядству") оставляетъ неприкосновеннымъ ученіе православной церкви о таинствѣ священства, точно такъ же, какъ издавна практикуемое у насъ оффиціально наименованіе высшихъ католическихъ духовныхъ лицъ митрополитами, архіепископами, епископами, нисколько не измѣняетъ отношенія православной церкви къ католицизму. Новая терминологія, предложенная коммиссіей и принятая большинствомъ Думы, имѣетъ значеніе только для старообрядцевъ, отодвигая въ прошлое обидныя для нихъ воспоминанія о пренебрежительныхъ терминахъ (лже-попы и т. п.), такъ долго державшихся въ языкѣ оффиціальныхъ документовъ.

Звучали въ рѣчахъ представителей правой стороны еще двѣ ноты: говорилось о темнотѣ раскола и о слабости православной церкви. Заключеніе выводилось отсюда одно и то же: необходимость подождать съ коренными преобразованіями, отложить ихъ до того времени, когда просвѣтится народная масса и укрѣпится церковь. Не слишкомъ ли продолжительна, однако, была бы отсрочка—и, что еще важнѣе, не способствовала ли бы она устойчивости печальныхъ явленій, которыми мотивируется несвоевременность реформъ? Не ясно ли, что суевѣрія и предразсудки, сохранившіеся въ средѣ старообрядцевъ, коренились больше всего въ той замкнутости и обособленности, которую создали для нихъ жестокіе законы и суровые административные нравы,—и должны исчезнуть тѣмъ скорѣе, чѣмъ полнѣе осуществится разрывъ съ печальнымъ прошлымъ? Не ясно ли, что слабость церкви зависѣла и зависитъ въ значительной степени отъ привычки полагаться на могущественную поддержку свѣтской руки?..

Противовѣсомъ тяжелому впечатлѣнію, производимому упорнымъ отстаиваньемъ затхлой рутины, служитъ глубоко симпатичное, задушев-

ное, простое заявленіе священника Исполатова. Это былъ актъ настоящей духовной мудрости—и вмѣстѣ съ тѣмъ гражданскаго мужества. Болѣе чѣмъ вѣроятно, къ сожалѣнію, газетное извѣстіе о намѣреніи крайнихъ правыхъ настаивать на привлеченіи о. Исполатова и его немногихъ единомышленниковъ къ отвѣтственности за ихъ „антицерковное выступленіе". Къ чему бы ни привели эти настоянія, съ увѣренностью можно сказать одно: во многихъ, очень многихъ русскихъ (конечно—не „истинно-русскихъ") людяхъ слова о. Исполатова вызовутъ не соблазнъ, какъ полагаетъ епископъ Евлогій, а искреннюю радость—радость тому, что въ средѣ православнаго духовенства чувство долга не вовсе еще подавлено чувствомъ страха.

P. S. Наше обозрѣніе было уже закончено, когда въ газетахъ появилось слѣдующее извѣстіе: „въ совѣтѣ министровъ разсмотрѣны выработанныя совѣщаніемъ при участіи министровъ военнаго и морского и предсѣдателя совѣта министровъ правила, устанавливающія предѣлы толкованія ст. 14-й и 96-й Основныхъ Законовъ. Согласно этимъ правиламъ, кредиты по предметамъ, касающимся руководства и управленія арміей и флотомъ, причисляются къ бронированнымъ, а самые вопросы по существу компетенціи законодательныхъ палатъ не подлежатъ. Всѣ эти правила были разсмотрѣны въ совѣтѣ министровъ и будутъ утверждены въ порядкѣ верховнаго управленія". Мы затрудняемся повѣрить этому извѣстію, потому что оно не согласуется съ Высочайшимъ рескриптомъ 27-го апрѣля. Въ рескриптѣ вовсе не упоминается о ст. 14-ой осн. зак., не говорится ни слова о расширеніи сферы „бронированныхъ" кредитовъ и, главное, предписывается не выходить за предѣлы основныхъ законовъ, т.-е. ничего не измѣнять въ установленномъ ими порядкѣ.

ЗА СТО ЛѢТЪ

(Письмо изъ Берлина)

Какъ посравнить да посмотрѣть
Вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій:—
Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.

I.

Въ 1808 году кригсратъ фонъ-Кельнъ описывалъ прусскую резиденцію слѣдующими красками. Приближающемуся путнику, по его словамъ, „идетъ навстрѣчу чумный запахъ, ибо берлинцы выгружаютъ свои нечистоты около городскихъ воротъ". По Франкфуртскому шоссе этого запаха оказалось, повидимому, мало, и „живодеръ устроилъ тутъ вдобавокъ свое заведеніе". „Каждый можетъ себѣ представить—резонно замѣчаетъ чиновный авторъ,—какая милая смѣсь вони отъ экскрементовъ и падали охватываетъ здѣсь путешественника". Если таково было положеніе за предѣлами городской стѣны, то внутри ея дѣло обстояло не лучше. Пройдя ворота, „видишь себя посреди бѣдныхъ хижинъ, луговъ и полей". Это бы еще ничего, но „часто ничего не видишь, ибо легчайшій зефиръ поднимаетъ такую несносную пыль, что приходится напряженно закрывать глаза". Что мостовыя и канализація находились въ примитивномъ видѣ—это разумѣется само собой. „Въ сточные камни выливаютъ содержимое ночныхъ сосудовъ, выбрасываютъ кухонные остатки, дохлыхъ животныхъ, распространяющихъ ужасный смрадъ". Это въ обычное время; а „послѣ дождя уличная грязь сгребается въ кучи, и такъ какъ послѣднія лежатъ часто по нѣскольку дней и ночей, то въ темнотѣ легко вдругъ очутиться по колѣна въ грязи".

Какъ видите, сто лѣтъ назадъ столица прусскаго королевства стояла по своему благоустройству ничуть не выше нашихъ русскихъ захолустныхъ городовъ. Съ тѣхъ поръ картина преобразилась до неузнаваемости: Берлинъ, описанный фонъ-Кельномъ, не имѣетъ ничего общаго съ Берлиномъ нынѣшнимъ. Тамъ, гдѣ когда-то ютились „бѣдныя хижины", нынѣ громоздятся дворцы; гдѣ не было проходу отъ грязи, тамъ тянутся безупречныя по чистотѣ линіи асфальтовыхъ мо-

стовыхъ. И куда дѣвалась „вонь“, куда дѣвались „экскременты“ и „дохлыя животныя“, отъ которыхъ трудно было продохнуть; куда дѣвалась пыль, подымаемая „легчайшимъ зефиромъ“!.. Все исчезло съ теченіемъ временъ. Человѣческая предпріимчивость, человѣческій трудъ пересоздали мѣстность, не оставивъ и слѣда отъ прежняго благополучія.

Новый Берлинъ не походитъ на старый не только по своему благоустройству. Изумительно увеличились и размѣры его, и количество его обитателей. Сто лѣтъ назадъ въ немъ ютилось всего на всего сто пятьдесятъ тысячъ человѣкъ. Эта цифра казалась тогда колоссальной; добрые нѣмцы добраго стараго времени были убѣждены, что она неестественно велика, что она достигнута „искусственнымъ путемъ“. Нынѣ тутъ живетъ свыше двухъ милліоновъ населенія, и дальнѣйшему росту не предвидится конца.

То обстоятельство, что старый Берлинъ съ своими полуторастами тысячами жителей казался неестественно-большимъ, не покажется страннымъ, если обратить вниманіе на населенность другихъ тогдашнихъ городовъ. Историки разсказываютъ намъ, что помимо Берлина въ тогдашней Пруссіи насчитывалось еще всего только два „большихъ“ городскихъ поселенія: Потсдамъ и Франкфуртъ-на-Одерѣ. Въ первомъ изъ нихъ помѣщалось круглымъ счетомъ семнадцать, въ другомъ всего двѣнадцать тысячъ жителей. Это, повторяю, были „большіе города“, Grossstädte. Средній же городъ имѣлъ обыкновенно не болѣе четырехъ тысячъ жителей, нерѣдко же и того меньше. Цифры прямо смѣхотворныя съ точки зрѣнія теперешняго нѣмецкаго горожанина, для котораго понятіе „большой городъ“ ассоціируется по меньшей мѣрѣ съ числомъ 100.000.

Наряду съ необычайнымъ ростомъ городскихъ единицъ за тотъ же періодъ наблюдается и глубокое измѣненіе въ относительной роли города и деревни. Въ началѣ столѣтія городское населеніе значительно меньше сельскаго; къ концу оно очень къ нему близко, или даже выше. Если взять цифры, относящіяся только къ Пруссіи, то получимъ слѣдующую картину. Изъ общаго количества населенія жило (въ милліонахъ):

Годы.	Въ городахъ.	Въ деревняхъ.
1819	3	8
1828	3 1/2	9 1/3
1837	3 2/3	10 1/8
1846	4 1/2	11 2/3
1858	5 1/3	12 1/2
1864	6	13 1/3
1867	7 1/2	16 1/2

Годы.	Въ городахъ.	Въ деревняхъ.
1871	8	$16^1/_2$
1880	$9^2/_3$	$17^1/_2$
1890	$11^3/_4$	18
1895	13	19
1900	15	$19^2/_3$

Къ сожалѣнію сравнительныхъ цифръ для всей имперіи за весь истекшій періодъ не имѣется. Данныя 1900 года, охватывающія всю страну цѣликомъ, рисуютъ отношеніе между городомъ и деревней въ слѣдующемъ видѣ: изъ общаго числа въ 56 милліоновъ жителей на деревню приходится $25^1/_2$, а городъ вмѣщаетъ въ себѣ цѣлыхъ $30^1/_2$. Изъ этихъ цифръ видно, какъ рѣзко измѣнилась соціальная структура страны.

Перемѣна, дѣйствительно, огромная, и вліяніе ея на строй германской жизни по истинѣ колоссально. Изъ страны деревенской, земледѣльческой, Германія поднялась въ рангъ государствъ промышленныхъ. Въ то время какъ раньше центръ тяжести общественныхъ силъ находился въ деревнѣ, нынѣ главной основой германской культуры является городъ. И поскольку важнѣйшей формой общежитія стало сконцентрированное, тысячами матеріальныхъ и духовныхъ нитей сплоченное городское поселеніе, постольку и весь характеръ нѣмецкаго народа сталъ болѣе подвижнымъ и предпріимчивымъ. Страна „поэтовъ и мыслителей", надъ которой когда-то потѣшались отечественные сатирики, безвозвратно умерла. Ея мѣсто заняла страна фабрикантовъ, банкировъ и... пролетаріевъ.

Внутри городовъ взаимныя отношенія составныхъ частей населенія также не оставались неизмѣнными. Въ теченіе вѣка населеніе безпрерывно дифференцировалось, жизнь всего городского организма усложнялась; вмѣстѣ съ тѣмъ усложнялись и умножались функціи города, какъ особой юридической и соціальной индивидуальности. Правовое положеніе городского коллектива, его отношенія къ государству и обществу также не оставались на одномъ и томъ же мѣстѣ. Они не разъ испытывали коренныя перемѣны. Въ этихъ перемѣнахъ отразился весь ходъ соціальной исторіи нѣмецкаго народа за истекшія сто лѣтъ.

II.

Любители нѣмецкой старины обыкновенно съ восторгомъ описываютъ вольные города средневѣковья. Дѣйствительно, въ тѣ далекія времена городскія поселенія представляли собой маленькія республики,

жившія самостоятельной, разнообразной и интенсивной жизнью. Города имѣли собственныя войска: нѣкоторые изъ нихъ располагали даже собственнымъ флотомъ. Они самостоятельно рѣшали вопросы мира и войны, не только по отношенію „внутреннихъ" враговъ — городовъ и рыцарей, но и относительно иностранныхъ государствъ. Такіе размѣры городского „самоуправленія" могутъ привести въ энтузіазмъ самыхъ крайнихъ свободолюбцевъ. И на примѣрѣ нашего соотечественника Кропоткина мы дѣйствительно видимъ, что ими могутъ увлечься даже анархисты.

Подъ господствомъ абсолютизма, ведущаго свое начало со временъ реформаціи, все это республиканское великолѣпіе пошло на смарку. Абсолютизмъ лишилъ города ихъ вольностей; городское населеніе перешло на положеніе простого скопленія людей, лишеннаго почти всякихъ публичныхъ правъ. Управлялось это скопленіе тупой и своекорыстной бюрократіей, въ союзѣ съ сословными представителями. Насколько низко пала самодѣятельность и самостоятельность гражданъ при абсолютизмѣ—можно видѣть изъ характера тѣхъ остатковъ городскихъ учрежденій, которые еще сохранились при немъ. Фридрихъ фонъ-Раумеръ, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ тогдашняго городского дѣла, описываетъ эти учрежденія въ слѣдующихъ словахъ: „магистраты пополнялись въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кооптаціей, въ большинствѣ случаевъ — назначеніемъ свыше. Граждане, въ особенности во второй половинѣ XVIII-го вѣка, не оказывали на выборъ никакого замѣтнаго вліянія. Точно также не оказывали они вліянія на опредѣленіе налоговъ. Городъ распадался на двѣ ничѣмъ не связанныя между собой части. Одна, совершенно безправная, повиновалась очень неохотно и видѣла — нерѣдко съ полнымъ основаніемъ—передъ собою только пристрастныхъ, своекорыстныхъ противниковъ; другая — съ виду неограниченно-властная, не была, однако, довольна своимъ всемогуществомъ. Ибо, во-первыхъ, мѣста бургомистровъ, казначеевъ, совѣтниковъ (Bürgermeister, Kämmerer, Ratsherrn) и т. д. часто разсматривались какъ синекуры для инвалидныхъ фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ, втискиваемыхъ въ магистраты независимо отъ ихъ способности или неспособности къ управленію; во-вторыхъ, магистраты находились подъ строжайшей опекой правительства, безъ согласія котораго нельзя было почти ничего постановить или выполнить. Помимо того, почти всѣ города находились подъ наблюденіемъ „налогового совѣтника (Steuerrath), человѣка по своему образовательному цензу часто неспособнаго занять видное мѣсто въ общей администраціи, но считавшагося годнымъ къ распоряженію десяткомъ поселеній".

Результаты такой бюрократической опеки не могли, конечно, не

оказаться печальными. На примѣрѣ Берлина мы видѣли, что благоустройство городовъ во времена абсолютизма было ниже всякой критики. Пассивность населенія достигла крайнихъ предѣловъ; проявленіе малѣйшей инициативы задавливалось въ корнѣ, не только въ области городского хозяйства, но во всѣхъ рѣшительно областяхъ общественной жизни. Не смотря на свой внѣшній блескъ, самодержавное наслѣдіе Фридриха Великаго оказалось нежизнеспособнымъ и губительнымъ для развитія народа.

Дальновидные общественные дѣятели того времени понимали, что безъ пробужденія народа отъ спячки государству грозитъ полнѣйшее захирѣніе и смерть. Они сознавали также, что для этого требовались реформы, способныя поднять духъ бодрости и энергіи. Необходимо было создать условія, при которыхъ граждане могли бы проявить и развить инициативу, воспитать въ себѣ способность къ самостоятельной дѣятельности. Но, сознавая все это, они были безсильны что-либо сдѣлать. Всякое требованіе реформъ разбивалось о непреклонную волю реакціонно-настроеннаго короля и его приближенныхъ. Должно было произойти чрезвычайное событіе, чтобы власть оставила старую систему и по неволѣ вступила на путь уступокъ и реформъ.

Такимъ событіемъ явилось нашествіе Наполеона. Іенская битва положила конецъ самодержавному режиму, оказавшемуся неспособнымъ сохранить даже внѣшнее могущество государства. Это пораженіе потрясло всю страну; всѣ поняли, что такъ дальше дѣло идти не можетъ. Стремленія реформаторовъ получили поддержку со стороны, отъ которой ея можно было меньше всего ожидать. Испуганный король согласился привлечь къ правленію людей, на которыхъ онъ раньше смотрѣлъ какъ на заносчивыхъ и вредныхъ политикановъ.

Наступила эпоха реформъ. Главнѣйшая роль въ ихъ проведеніи выпала на долю барона Карла фонъ-Штейна. Призванный на постъ министра, этотъ энергичный государственный мужъ горячо принялся за неотложныя преобразованія. О томъ, къ чему онъ сознательно стремился, мы узнаемъ изъ его письма, написаннаго вскорѣ послѣ призванія въ министры: „Я считаю важнымъ — писалъ онъ Гарденбергу — разбить оковы, которыми бюрократія сдерживаетъ подъемъ человѣческой дѣятельности, уничтожить духъ жадности, грязной выгоды и приверженности къ формализму, свойственной этой (т.-е. неограниченной) формѣ правленія. Необходимо пріучить націю къ самостоятельному завѣдыванію своими дѣлами, вывести ее изъ дѣтскаго состоянія, въ которомъ вѣчно безпокойное, угодливое правительство желаетъ держать людей“. При этомъ фонъ-Штейнъ, правда, прибавлялъ: „переходъ отъ стараго порядка вещей къ новому не долженъ быть черезчуръ поспѣшнымъ. Раньше нежели люди бу-

дутъ призваны къ большимъ собраніямъ и раньше чѣмъ имъ довѣрить крупные интересы, необходимо, чтобы они постепенно пріучились къ самостоятельной дѣятельности". Изъ этого отрывка ясно видно, что Штейнъ имѣлъ въ виду не ограничиваться одними палліативами и мечталъ о коренной передѣлкѣ тогдашняго строя. Однако наступившая вскорѣ реакція не дала возможности осуществить эти мечты; изъ всѣхъ намѣченныхъ Штейномъ реформъ ему удалось довести до конца—и то въ урѣзанномъ видѣ—только одну. Эта единственная реформа и есть знаменитая штейновская Städteordnung—городовое положеніе, которое справедливо разсматривается какъ открывающее новую эпоху событіе въ исторіи Германіи. День введенія его въ жизнь можетъ быть безъ натяжки названъ „весеннимъ днемъ въ общественной жизни нѣмецкаго народа" (Гирке).

Правда, положеніе, хотя и составленное подъ вліяніемъ идей французскаго учредительнаго собранія, далеко отъ идеала современнаго демократическаго самоуправленія. Цѣлый рядъ постановленій его принадлежитъ къ числу такихъ, которыя въ настоящее время основательно считаются реакціонными. Но для правильной оцѣнки того, что сдѣлано Штейномъ, приходится брать не теперешнія мѣрки, а тогдашнія. И если сравнить „городовое положеніе" Штейна съ сословно-цеховымъ положеніемъ, дѣйствовавшимъ до него, то нельзя не признать, что мы имѣемъ дѣло съ крупнымъ шагомъ впередъ.

Въ общихъ чертахъ штейновское „положеніе" устанавливало слѣдующія основы самоуправленія. Во-первыхъ, устранялось господствовавшее до того времени раздѣленіе гражданъ на сословія, „классы" и цехи. Активными гражданами, т.-е. избирателями, являлись всѣ жители, владѣвшіе участками земли или располагавшіе доходомъ не ниже 600 марокъ въ городахъ съ десятью и болѣе тысячами жителей и не менѣе 450 марокъ въ остальныхъ городскихъ поселеніяхъ. Эти активные граждане избирали „собраніе депутатовъ", двѣ трети котораго должно было состоять изъ домовладѣльцевъ. Собраніе депутатовъ вѣдало почти всѣ дѣла и интересы города. Магистратъ былъ только исполнительнымъ органомъ и избирался собраніемъ. Надзоръ государственной власти былъ сведенъ до минимума. Всякаго рода отчужденія и займы собраніе депутатовъ имѣло право дѣлать не испрашивая на то разрѣшенія администраціи. За послѣдней, однако, сохранялось право одобренія новыхъ статутовъ, „просмотръ" счетовъ и утвержденіе избранныхъ членовъ магистрата. Кромѣ того въ рукахъ администраціи оставалась мѣстная полиція, завѣдываніе которою, впрочемъ, она могла поручать магистратамъ.

Какъ увидимъ ниже, эти изъятія изъ автономнаго начала дали администраціи могучее орудіе для борьбы съ обновленнымъ самоуправленіемъ.

III.

Введеніе закона 1808-го года сопровождалось не только торжественными засѣданіями, но и праздничнымъ звономъ колоколовъ. Это, однако, не свидѣтельствовало о томъ, что „широкая публика“ по достоинству оцѣнила совершающееся событіе. Привычная апатія давала себя чувствовать повсюду; отсутствіе интереса къ общественнымъ дѣламъ не могло сразу уступить мѣсто активному сочувствію. Съ другой стороны бюрократы и члены стараго „самоуправленія“ не могли примириться съ новыми вольностями и открыто протестовали противъ „республиканскихъ“ затѣй. На фонѣ общей пассивности дѣло получало такой видъ, какъ будто правительство насильно навязываетъ обществу извѣстныя свободы.

Чтобы подготовить общественное мнѣніе, правительственные оффиціозы стали доказывать, что отъ самоуправленія ничего страшнаго и вреднаго для страны произойти не можетъ. „Переходъ къ лучшему— говорилось въ одной инспирированной правительствомъ статьѣ, обошедшей всѣ газеты,— представляетъ большія трудности. Кто отвыкъ отъ хожденія, тотъ шатается при первыхъ шагахъ“. Возможно, что то же произойдетъ и съ самоуправленіемъ. Другого пути для воспитанія гражданъ, однако, не существуетъ. „Только посредствомъ повторныхъ попытокъ можно достигнуть силы и ловкости“ въ употребленіи ногъ. Кто—спрашивалъ дальше авторъ статьи—вообще находитъ тысячи всякихъ затрудненій при введеніи новаго городового положенія? Тѣ, „чьи интересы или чье тщеславіе задѣты возстановленіемъ правъ гражданъ, или толпа тѣхъ, кто не можетъ выйти изъ-подъ вліянія обыденщины, кто не въ состояніи понять что-нибудь выходящее изъ привычныхъ рамокъ“. Въ дѣйствительности затрудненія не столь велики и преодолѣть ихъ не будетъ стоить особеннаго труда.

Но какъ ни подбадривало правительство гражданъ, трудно было сразу устранить привычную инертность. Впрочемъ, тутъ играла роль не только привычка. Не нужно забывать, что господство абсолютизма въ другихъ областяхъ осталось неизмѣнно прежнимъ. Самоуправленіе въ городахъ явилось инороднымъ тѣломъ въ совершенно чуждомъ ему государственномъ организмѣ. Ожидать пышнаго расцвѣта самодѣятельности при такихъ условіяхъ было, конечно, невозможно.

Дѣйствительно, не успѣли нѣкоторые города ввести у себя новое городовое положеніе, какъ самодержавная бюрократія приступила къ „разъясненіямъ“. Опираясь на предоставленное ей „положеніемъ“ право утвержденія членовъ магистрата, она поспѣшила провести въ магистраты преданныхъ ей и зависимыхъ отъ нея людей, готовыхъ пля-

сать подъ ея дудку. Она пошла дальше: когда кандидаты въ городскіе головы, въ бюргермейстеры, нѣсколько разъ подрядъ не удовлетворяли требованіямъ правительства, то на мѣсто выборнаго головы назначался чиновникъ. Такимъ путемъ магистраты были низведены до положенія подчиненныхъ бюрократіи инстанцій, дѣйствующихъ съ соизволенія и по указаніямъ высшаго начальства. Мало того: не только магистраты, но даже собранія городскихъ депутатовъ (думы) подвергались нерѣдко дисциплинарнымъ взысканіямъ и штрафамъ, что ужъ совсѣмъ не соотвѣтствовало смыслу и духу штейновской реформы.

„Разъясненія" и другого рода искаженія городового положенія достигли вскорѣ такихъ размѣровъ, что оказался необходимымъ „пересмотръ" всего закона. Въ какую сторону этотъ „пересмотръ" долженъ былъ направиться, можно было знать заранѣе. Друзья и поборники дѣйствительнаго самоуправленія противодѣйствовали всѣми силами этой операціи. Когда появился проектъ передѣлки Städteordnung, знаменитый государственный дѣятель Вильгельмъ Гумбольдтъ поспѣшилъ выработать особую записку, въ которой всячески отговаривалъ монарха отъ такого начинанія. Записка отмѣчаетъ, между прочимъ, что проектъ „дѣлаетъ слишкомъ много уступокъ государственному надзору" и что вообще въ немъ гораздо слабѣе выражено стремленіе возбудить участіе гражданъ въ общественныхъ дѣлахъ, нежели въ старомъ положеніи. Краснорѣчіе Гумбольдта оказалось напраснымъ. Феодально-бюрократическая реакція взяла верхъ, и въ мартѣ 1831 года появилось новое положеніе, составленное въ ея вкусѣ.

Это новое положеніе значительно урѣзывало права депутатскаго собранія и переносило центръ тяжести самоуправленія на магистратъ. Бюджетныя полномочія депутатовъ были сведены почти къ нулю. На все и вся требовалось разрѣшеніе правительства. Вліяніе депутатскаго собранія на магистратъ было ограничено до минимума. Магистратъ являлся почти независимымъ отъ „думы" и даже превратился въ ея господина: всѣ постановленія депутатовъ должны были получать утвержденіе магистрата.

Съ этимъ реакціоннымъ закономъ Пруссія дожила до революціи 1848-го года. „Безумный годъ" далъ толчокъ къ расширенію рамокъ самоуправленія, хотя и не въ очень большомъ размѣрѣ. Введенное подъ вліяніемъ революціи положеніе 1850-го г. существовало всего три года и въ 1853-мъ году было отмѣнено. Замѣнившій его законъ, съ небольшими измѣненіями, дѣйствуетъ и понынѣ. Государственная опека получила въ немъ такое мѣсто, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ знатоковъ коммунальнаго дѣла, городского самоуправленія въ Пруссіи теперь не существуетъ. Извѣстный и у насъ авторъ цѣнныхъ сочиненій объ англійскомъ и нѣмецкомъ самоуправленіи, Гуго Линдеманъ, пишетъ

буквально слѣдующее: „городское самоуправленіе существуетъ только въ предѣлахъ предоставляемыхъ ему бюрократіей по своему усмотрѣнію. Магистратъ превратился въ подчиненный органъ правительства, черезъ посредство котораго оно управляетъ городскими депутатами. Бургомистръ же является въ той же мѣрѣ органомъ правительства по отношенію къ магистрату... Городское самоуправленіе является самоуправленіемъ только на словахъ. Въ дѣйствительности прусское административное право не знаетъ никакого самоуправленія, если подъ самоуправленіемъ понимать самостоятельное веденіе общинныхъ дѣлъ выборными лицами, независимыми и неподчиненными правительственной бюрократіи. Депутатское собраніе является нынѣ только совѣщательнымъ органомъ, которому на практикѣ принадлежитъ лишь контроль, въ особенности контроль финансовой стороны дѣятельности магистрата и бургомистра“.

Прусскіе юнкера и прусская бюрократія съумѣли, такимъ образомъ, привести самоуправленіе, въ правовомъ отношеніи, почти къ исходному пункту его развитія. И неудивительно, поэтому, что юбилейныя торжества по случаю столѣтія штейновской Städteordnung носили на себѣ отпечатокъ демонстраціи сторонниковъ самоуправленія противъ господства бюрократіи. Въ Берлинѣ либеральный бургомистръ Рейке воспользовался присутствіемъ императора, имперскаго канцлера и министровъ на юбилейномъ празднествѣ, чтобы въ своей торжественной рѣчи заявить: „духъ бюрократіи все больше и больше разгуливаетъ въ нашемъ любезномъ отечествѣ. Необходимо бороться съ нимъ точно такъ же, какъ и во времена барона Штейна“. Такія слова, да еще высказанныя прямо въ лицо высшимъ представителямъ бюрократической іерархіи, не могли остаться незамѣченными, и они все еще волнуютъ поклонниковъ бюрократическаго принципа. Не меньшее впечатлѣніе произвела и актовая рѣчь профессора Гирке, посвященная оцѣнкѣ штейновской реформы. Не смотря на ея академичность, въ ней явственно звучала демонстративная нота. По этимъ двумъ фактамъ можно себѣ представить, какъ оцѣнивается нынѣшнее самоуправленіе въ тѣхъ кругахъ, которые обыкновенно причисляются къ умѣреннымъ. Необходимо, впрочемъ, подчеркнуть, что рѣчь идетъ тутъ только о прусскомъ самоуправленіи. Южныя государства располагаютъ сравнительно лучшими порядками, значительно больше позаимствовавъ изъ сокровищницы штейновскихъ идей.

IV.

Было бы несправедливо полагать, что неудовлетворительное правовое положеніе германскаго и въ особенности прусскаго самоупра-

вленія является всецѣло виною бюрократіи. Всматриваясь поближе въ отношенія германскихъ муниципалитетовъ къ администраціи съ одной стороны и къ городской демократіи съ другой, мы поймемъ, что главнѣйшая вина лежитъ не на комъ другомъ, какъ на нынѣшнихъ хозяевахъ городского дѣла.

Въ самомъ дѣлѣ, опеку бюрократіи можно было бы легко сбросить, еслибы теперешніе хозяева муниципалитетовъ захотѣли это сдѣлать. Для этого достаточно было бы пойти рука объ руку съ широкой массой городской демократіи и не цѣпляться за привилегіи, предоставляемыя нынѣшнимъ положеніемъ домовладѣльцамъ и вообще имущимъ элементамъ. Въ дѣйствительности эти элементы и избранные ими „отцы города“ не только упорно держатся за уже имѣющіяся привилегіи, но озабочены еще полученіемъ новыхъ. Но какъ пріобрѣсти ихъ, не прибѣгая къ милости бюрократіи? Естественно, что при такихъ условіяхъ объ упорной оппозиціи, о твердомъ отстаиваніи муниципальной независимости не можетъ быть и рѣчи.

Характерной и яркой иллюстраціей къ сказанному можетъ служить исторія борьбы за демократическое избирательное право въ городскихъ общинахъ. Въ началѣ прошлаго столѣтія, когда городское поселеніе было, сравнительно, однороднымъ, вопросъ объ избирательномъ правѣ игралъ не особенно важную роль. Тѣ элементы, которые причисляли себя къ друзьямъ мѣстнаго самоуправленія, не дѣлали различія между слоями населенія. Въ особенности либеральное бюргерство рѣшительно высказывалось за всеобщее, равное и т. д. избирательное право. Еще въ 1849-мъ году либеральный бранденбургскій обербургомистръ Циглеръ говорилъ своимъ избирателямъ, что „свободное самоуправленіе возможно только на основѣ всеобщаго права избранія безъ ценза“. Но съ того времени эпигоны германскаго либерализма основательно забыли эту истину и теперь, гдѣ только возможно, отстаиваютъ существующую цензовую систему. Причина такого поворота совершенно ясна: она связана съ растущимъ вліяніемъ рабочаго класса на коммунальныя дѣла.

Это вліяніе замѣтно сказывается лишь въ послѣднія десятилѣтія. До тѣхъ поръ рабочіе мало интересовались муниципальнымъ вопросомъ и „бойкотировали“ выборы въ городскія „думы“. Еще въ восьмидесятыхъ годахъ среди дѣятелей рабочей партіи было немало голосовъ, высказывавшихся противъ занятія коммунальной политикой. Бойкотистское движеніе, однако, не имѣло успѣха; интересъ къ городскимъ дѣламъ все возрасталъ, и въ настоящее время дѣятельность соціалъ-демократіи въ городскихъ и сельскихъ обществахъ представляетъ собою одну изъ важнѣйшихъ отраслей партійной работы. Не смотря на цензовое избирательное право соціалъ-демократамъ удалось провести

въ 307 городскихъ и 1.558 сельскихъ поселеніяхъ 5,931 депутата, въ томъ числѣ въ городахъ 1.360.

Вотъ это проникновеніе социалъ-демократовъ въ органы самоуправленія и вызвало опасенія мѣстныхъ воротилъ за свое будущее. Правда, многіе выдающіеся дѣятели на коммунальномъ поприщѣ привѣтствуютъ сотрудничество соціалистовъ. Однако, въ тѣхъ коммунахъ, гдѣ „сотрудничество" переходитъ въ „соперничество", гдѣ число соціалъ-демократическихъ кандидатовъ стало уже угрожающимъ [1]), тамъ даже „свободомыслящіе" стремительно покидаютъ свое демократическое credo. И не разъ уже случалось, что съ помощью свободомыслящихъ старое избирательное право замѣнялось новымъ, прочнѣе преграждающимъ демократіи доступъ къ городскому кормилу. Такъ, еще недавно общественное мнѣніе было возбуждено коммунальными „революціями" въ Риксдорфѣ и Килѣ, въ которыхъ видное участіе принимали націоналъ-либералы и свободомыслящіе.

То же явленіе, но въ другихъ формахъ, наблюдается и при общихъ пересмотрахъ городового положенія. И тутъ привилегированные элементы успѣваютъ поставить всякія преграды и рогатки для рабочаго класса.

V.

Въ противоположность печальнымъ итогамъ правового развитія, итоги культурнаго роста городовъ за истекшее столѣтіе представляются въ высокой степени отрадными. Мы уже упомянули, какъ преобразился Берлинъ за это время. Но Берлинъ — столица, и притомъ съ 1870-го года не только прусская, но и имперская. Его развитіе не можетъ служить общимъ мѣриломъ для остальныхъ городовъ. Чтобы представить себѣ характеръ и размѣры совершившихся перемѣнъ въ провинціи, необходимо обратиться къ другимъ даннымъ.

Воспользуемся для этого матеріалами, собранными по случаю юбилея штейновской Srädteordnung профессоромъ Зильберглейтомъ. Эта работа исполнена по порученію общегерманской городской организаціи (Deutscher Städtetag) и касается только Пруссіи. Послѣднее обстоятельство не только, однако, не уменьшаетъ, но пожалуй даже повышаетъ ея цѣнность. Пруссія больше всѣхъ другихъ союзныхъ государствъ страдаетъ отъ юнкерско-бюрократической реакціи и прусскимъ городамъ больше, нежели остальнымъ, приходится жаловаться на разные препятствія и тормазы. То, что мы встрѣтимъ здѣсь по части

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ соціалъ-демократы уже располагаютъ большинствомъ голосовъ „думы". Есть даже соціалъ-демократическіе бургомистры.

внѣшняго благоустройства и внутренняго попеченія, является, слѣдовательно, минимумомъ того, что̀ достигнуто нѣмецкими городами вообще. Каковъ же этотъ минимумъ?

Просматривая текстъ и многочисленныя цифровыя таблицы Зильберглейта, поражаешься раньше всего скудостью городскихъ учрежденій въ началѣ девятнадцатаго вѣка по сравненію съ теперешнимъ временемъ. Какъ странно представить себѣ, напр., что изъ ста прусскихъ городовъ только десять имѣли тогда больницы или лечебницы. И развѣ не поразительно, что во второй половинѣ столѣтія прусскіе города не знали профессіональныхъ пожарныхъ командъ и до 1879-го года не имѣли крытыхъ рынковъ! Теперь нѣтъ города, въ которомъ бы не было больничнаго заведенія, не имѣлось пожарнаго парка, а крытые рынки попадаются почти повсюду. И какія большія суммы тратятъ города на поддержаніе этихъ учрежденій!

Бросается въ глаза и огромная разница въ интенсивности городской жизни начала и конца столѣтія. Насколько вяло и блѣдно должна была протекать жизнь стараго города, можно представить себѣ по тому, что въ Пруссіи не было ни газоваго освѣщенія, ни средствъ массоваго передвиженія: перваго — до конца двадцатыхъ, вторыхъ — до средины шестидесятыхъ годовъ. Первый газовый заводъ основанъ въ Пруссіи въ 1828-мъ году, въ Минденѣ; первый трамвай сталъ функціонировать въ Берлинѣ въ 1865-мъ году. Съ тѣхъ поръ газовое (а съ 1887 года — электрическое) освѣщеніе и трамвай стали обязательнымъ достояніемъ каждаго прусскаго города, населеннаго хотя бы 25 тысячами жителей. Во многихъ мѣстахъ первоначальныя „конки“ замѣнены уже „электричками“, а за послѣднее время появились „подземныя“ и „надземныя“ дороги, значительно ускоряющія движеніе людского потока. Благодаря этому жизнь теперешнихъ городовъ получила до необычайности напряженный характеръ, совершенно невѣдомый въ прежнія времена.

На примѣрѣ Берлина мы видѣли, какъ низко стояло санитарное дѣло сто лѣтъ тому назадъ. Канализація, чистка и поливка улицъ, водопроводъ—все это неизвѣстно было до второй половины вѣка. Правда, въ Саарбрюкенѣ канализація имѣлась уже въ XVIII столѣтіи, а примитивный водопроводъ существовалъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ уже въ 1607 году. Но только въ 1853 году Берлинъ догадывается послѣдовать примѣру Франкфурта и лишь съ 1855 года начинается повсемѣстно устройство канализаціи. Спустя нѣсколько времени, нѣкоторые города заводятъ у себя и планомѣрную чистку, а затѣмъ и поливку улицъ, на что теперь тратятся колоссальныя суммы. Кельнъ расходуетъ, напримѣръ, на это дѣло свыше милліона, Берлинъ — свыше

пяти милліоновъ марокъ ежегодно. Меньшимъ городамъ поддержаніе уличной чистоты обходится также во многія сотни тысячъ марокъ.

Оборудованіе и эксплоатація трамваевъ, водопроводовъ, газовыхъ заводовъ и тому подобныхъ предпріятій является въ настоящее время дѣломъ по преимуществу самого самоуправленія. Городъ, какъ таковой, какъ коллективная хозяйственная единица, вѣдаетъ ими черезъ своихъ представителей; онъ же присвоиваетъ себѣ огромные доходы, доставляемые этими сооруженіями. Такая хозяйственная дѣятельность не всегда признавалась задачей городского самоуправленія. Манчестерство, такъ долго господствовавшее въ XIX-мъ вѣкѣ, являлось однимъ изъ главныхъ принциповъ нѣмецкихъ общественныхъ дѣятелей добраго стараго времени. Вотъ почему они долго отклоняли всякіе проекты муниципализаціи, немало тормазя этимъ развитіе городского дѣла. Въ концѣ концовъ муниципализаторская идея все-таки взяла верхъ, и теперь задачи самоуправленія понимаются совершенно иначе, нежели въ періодъ манчестерства. Теперь само собою разумѣется, что отцы города не только должны заботиться о санитаріи, просвѣщеніи и филантропіи, но призваны также разрѣшать цѣлый рядъ хозяйственныхъ и даже соціальныхъ проблемъ.

Какъ глубоко идея муниципализаціи проникла въ сознаніе коммунальныхъ дѣятелей, это особенно отчетливо видно изъ данныхъ, опубликованныхъ недавно извѣстнымъ „Союзомъ соціальной политики" (Verein für Socialpolitik) [1]. Данныя эти касаются 2.590 нѣмецкихъ коммунъ (изъ нихъ нѣсколько сотъ сельскихъ) и рисуютъ слѣдующую картину. Болѣе всего муниципализировано водоснабженіе; 93% всѣхъ водопроводовъ являются коммунальными предпріятіями. Затѣмъ слѣдуютъ газовые заводы: изъ общаго числа коммунъ газовыми заводами располагаютъ 44%. Изъ нихъ 2/3—или точнѣе 64,5%—принадлежатъ коммунамъ. Болѣе всего имѣется собственныхъ заводовъ въ группѣ городскихъ коммунъ съ 20—50 тысячами жителей. Изъ этихъ городовъ не менѣе 80% располагаютъ коммунальными газовыми предпріятіями. Изъ большихъ городскихъ центровъ ихъ имѣютъ только 76,5%. Это объясняется тѣмъ, что большіе города заключаютъ обыкновенно контракты съ частными предпринимателями на болѣе долгіе сроки, нежели мелкіе. У многихъ крупныхъ городовъ срокъ выданныхъ въ манчестерское время концессій еще не кончился и принятіе заводовъ въ собственное вѣдѣніе еще невозможно. Изъ 1.055 электрическихъ станцій, 41,1% находятся въ собственности коммунъ. Множество городовъ располагаетъ также собственными трамваями, скотобойнями, аптеками и т. под. хозяйственными предпріятіями.

---

[1]) Ср. Hugo Lindemann, въ „Socialistische Monatshefte", 1909, 3 Heft.

Въ области соціальнаго попеченія дѣятельность городскихъ учрежденій также очень значительна. Почти повсюду существуютъ попечительства о грудныхъ младенцахъ, о туберкулезныхъ больныхъ; во многихъ мѣстахъ имѣются народныя кухни; нерѣдки также случаи, когда городъ беретъ на себя прокормъ школьныхъ дѣтей. Изъ ста прусскихъ городовъ въ 46 дѣти получаютъ пищу (главнымъ образомъ молоко и хлѣбъ) на городскія средства. Во что это обходится городамъ, видно изъ слѣдующихъ цифръ: въ 1907 году Бреславль истратилъ на питаніе дѣтей 123.678 марокъ, Гагенъ—116.200, Ганноверъ—247.368, Золингенъ—61.621. Движеніе въ пользу питанія школьныхъ дѣтей захватываетъ все бо̀льшіе круги, и представители демократіи въ городскомъ самоуправленіи энергично поддерживаютъ его. Раньше или позже расходъ на доставленіе пищи школьникамъ сдѣлается обязательной рубрикой городского бюджета. То же самое нужно сказать и о безплатномъ снабженіи учебными пособіями, введенномъ за послѣдніе годы въ нѣкоторыхъ общинахъ.

Забота о подростающемъ поколѣніи этимъ не ограничивается. Большія деньги расходуются городами на школы, на дѣтскія колоніи, на устройство развлеченій для дѣтей. На народныя школы ассигнуется съ каждымъ годомъ все больше и больше средствъ не только вслѣдствіе прироста населенія, но и потому, что повышаются расходы на каждаго учащагося. За двадцать лѣтъ эти расходы увеличились въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вдвое и втрое. Въ 1885 году, напр., Берлинъ тратилъ на одного школьника 54,88 марокъ; въ 1905 году эта сумма возросла до 94,41 м. Въ Шарлотенбургѣ за тотъ же періодъ соотвѣтственная цифра поднялась съ 48,28 до 132,27; въ Кельнѣ—съ 38,41 на 78,73; во Франкфуртѣ—съ 84,24 до 135,00; въ Шенебергѣ—съ 24,40 до 134,08; въ Познани—съ 41,48 до 73,73; въ Гильдесгеймѣ—съ 35,13 до 138,24. Почти во всѣхъ городахъ при народныхъ школахъ устроены ванны и души, которыми дѣти пользуются, конечно, безплатно. Школьные врачи (начиная съ 1895 года) имѣются почти повсюду. Берлинъ въ настоящее время содержитъ 44, Шарлотенбургъ—17, Кельнъ—30 школьныхъ врачей.

Просвѣтительная дѣятельность городовъ имѣетъ предметомъ не только дѣтей, но и взрослыхъ. Для послѣднихъ города устраиваютъ библіотеки и читальни, заботятся объ организаціи доступныхъ спектаклей, курсовъ и т. д. Всѣ эти предпріятія вошли въ кругъ интересовъ городскихъ учрежденій главнымъ образомъ за послѣднія десятилѣтія. Правда, городскія библіотеки имѣлись уже въ пятнадцатомъ вѣкѣ (въ Люнебургѣ, Ганноверѣ), но ихъ было крайне мало. До 1808 года во всей Пруссіи насчитывалось десять городскихъ книгохранилищъ—и ни

одного народнаго. Теперь болѣе 80% городовъ имѣютъ народныя библіотеки и около 50%, кромѣ того, и городскія. И здѣсь расходы по содержанію также повышаются чрезвычайно быстро: въ 1900 году Франкфуртъ тратилъ на *городскія* библіотеки 70.246 м., въ 1908—уже 122.740; Кельнъ за то же время увеличилъ свои траты съ 34 до 63 тысячъ марокъ. *Народныя* библіотеки стоили Кельну въ 1900 году всего 9.087 м.; но уже въ 1908 году сумма эта возросла до 39.150. За тотъ же періодъ Берлинъ повысилъ свои расходы съ 99½ до 153½ тысячъ, Бреславль—съ 43½ до 87½, Шарлотенбургъ—съ 14 до 46, Шенебергъ—съ 10 до 28.

Организація общедоступныхъ спектаклей ведетъ свое начало съ 1850 года и также требуетъ немало средствъ. Изъ ста прусскихъ городовъ 58 имѣютъ собственный театръ или же поддерживаютъ своими приплатами частныя предпріятія. Въ бюджетѣ на 1908 годъ Кельнъ ассигновалъ на это дѣло 497.900 марокъ (противъ 311.200 въ 1905 г.), Барменъ — 119.000 (противъ 17.500 въ 1900 г.), Дортмундъ — 124.850, Франкфуртъ—273.000, Магдебургъ—50.347.

Этимъ не исчерпываются функціи и заботы германскаго городского самоуправленія. Можно было бы составить еще длинный списокъ городскихъ учрежденій, въ который вошли бы такія интересныя предпріятія, какъ постройка домовъ для малоимущихъ, организація бюро по пріисканію труда (Arbeitsnachweis), сберегательныя кассы, дезинфекціонные институты, юридическая помощь, страхованіе на случай болѣзни, призрѣніе сиротъ, снабженіе населенія молокомъ и т. п. Но, думается, и приведеннаго достаточно для того, чтобы представить себѣ, какъ разнообразна, интенсивна и сложна дѣятельность нѣмецкихъ городовъ, какъ пышно расцвѣла она за послѣднія сто лѣтъ. Какъ благодѣтельно все это отразилось на населеніи,—видно хотя бы изъ того факта, что смертность значительно уменьшилась, во многихъ мѣстахъ до 10%.

Незачѣмъ останавливаться на вопросѣ о томъ, чему или кому города обязаны своимъ расцвѣтомъ. Безъ самоуправленія, хотя бы и обезображеннаго бюрократической опекой, развитіе городского дѣла не могло бы быть успѣшнымъ. Тому, кто въ этомъ усомнился бы, достаточно напомнить, что безъ предпріимчивости невозможно никакое развитіе, а безъ самодѣятельности предпріимчивость процвѣтать не въ состояніи.

S.

ПИСЬМО ИЗЪ АМЕРИКИ.

Текущій годъ особенно богатъ столѣтними годовщинами рожденія великихъ людей на разныхъ поприщахъ человѣческой дѣятельности: въ Европѣ въ 1809 году родились Дарвинъ, Гладстонъ, Теннисонъ, Шопенъ, Мендельсонъ, въ Америкѣ—Абрагамъ Линкольнъ, Эдгаръ Алланъ По. Благодаря, вѣроятно, своей географической, политической и общественной изоляціи отъ остального цивилизованнаго міра, Америка до сихъ поръ дала ему сравнительно очень немногихъ, признанныхъ и имъ великихъ людей. Европа все еще продолжаетъ смотрѣть на Америку съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ, какъ на страну новую, очень молодую, мало-культурную, занятую почти исключительно матеріальными интересами и побужденіями. Европа считается серьезно только съ нашимъ промышленнымъ, техническимъ и торговымъ развитіемъ, и до сихъ поръ обращала очень мало вниманія какъ на ростъ у насъ государственности, наукъ и искусствъ, такъ и на эволюцію нашихъ умственныхъ и нравственныхъ теченій. Несмотря, однако, на такое, едва ли безпристрастное отношеніе, въ американской исторіи есть люди, всемірное значеніе которыхъ и теперь не отрицается свѣдущими европейцами. Къ ихъ числу принадлежатъ Линкольнъ и По. Между ихъ личностями и жизненной дѣятельностью не было ничего общаго — но историческое ихъ наслѣдство таково, что слава обоихъ постоянно растетъ, и въ настоящемъ году вся Америка чествуетъ самыми разнообразными способами столѣтнюю годовщину ихъ рожденія.

Сынъ бѣднаго, зауряднаго фермера, Линкольнъ родился въ штатѣ Кентуки, но еще ребенкомъ былъ перевезенъ въ штатъ Иллинойсъ. Начавъ самостоятельную жизнь чернорабочимъ-дровосѣкомъ, онъ перемѣнилъ нѣсколько родовъ занятій, пока не сдѣлался въ 1837 г. адвокатомъ въ городѣ Спрингфильдѣ, теперь столицѣ штата Иллинойса. Почти четверть вѣка онъ занимался здѣсь адвокатской практикой, выступая преимущественно защитникомъ въ уголовныхъ дѣлахъ, и не разъ былъ избираемъ своимъ графствомъ въ легислатуру штата, а на одинъ срокъ—и въ палату представителей федеральнаго конгресса. Его мѣстная популярность, какъ прямодушнаго, честнаго и добраго человѣка и очень дѣльнаго и умнаго адвоката, росла медленно, но постоянно. Съ организаціей, въ половинѣ пятидеся-

тыхъ годовъ, новой республиканской партіи, онъ явился ея кандидатомъ въ федеральные сенаторы, противъ кандидата демократовъ, Стефена Дугласа, одного изъ самыхъ выдававшихся тогда государственныхъ людей и ораторовъ Союза. Рабовладѣльческій вопросъ, къ тому времени обострившійся, поглощалъ всецѣло общественное вниманіе. Дугласъ вызвалъ Линкольна на рядъ совмѣстныхъ дебатовъ по этому вопросу. Въ этихъ дебатахъ, продолжавшихся цѣлое лѣто 1858 года въ разныхъ городахъ штата, Линкольнъ проявилъ такое глубокое знаніе вопроса, такую неумолимую логику, такую ораторскую силу, что сдѣлался національной извѣстностью и естественнымъ кандидатомъ укрѣпленной имъ республиканской партіи въ президенты Союза въ кампанію 1860 года. Рѣчи обоихъ соперниковъ были впослѣдствіи изданы отдѣльной книгой и слывутъ образцами ораторскаго искусства. По силѣ и послѣдовательности во всей богатой американской юридической литературѣ имъ и по настоящій моментъ нѣтъ ничего равнаго. Линкольнъ, послѣ долгой и упорной борьбы его послѣдователей съ другими кандидатами Востока, былъ назначенъ конвентомъ республиканской партіи ея кандидатомъ въ президенты и выбранъ большинствомъ 180 голосовъ противъ 123, поданныхъ за всѣхъ трехъ его противниковъ вмѣстѣ. 4-го марта 1861 года онъ занялъ мѣсто президента въ Вашингтонѣ. Югъ отвѣтилъ на его выборъ отпаденіемъ отъ Союза; черезъ нѣсколько недѣль началась междоусобная война 1861—1865 гг. Въ 1863 г. Линкольнъ особой прокламаціей уничтожилъ рабство въ предѣлахъ Союза, въ 1864 г. былъ вторично выбранъ президентомъ большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ 24, а 15-го апрѣля 1865 г., спустя недѣлю послѣ того какъ Ли сдался съ своей арміей Гранту и конфедерація была фактически сломлена, фанатикъ Бутсъ убилъ его въ Вашингтонѣ.

Первый выборъ Линкольна въ президенты былъ сочтенъ тогдашними вожаками республиканской партіи несчастной случайностью. Утонченные вашингтонскіе политиканы, опытные государственные люди, привыкшіе къ дипломатической податливости, видѣли въ немъ только неуклюжесть и неотесанность дальняго Запада. Сьюардъ и Чэзъ, Камеронъ и Чандлеръ, какъ и десятки другихъ, считали себя неизмѣримо выше Линкольна. Министры, образовавшіе его кабинетъ, думали безусловно руководить всѣмъ ходомъ дѣлъ. Они ошиблись. Съ первыхъ же дней своего пребыванія въ Бѣломъ Домѣ Линкольнъ твердо взялъ власть въ свои руки, проявилъ удивительныя устойчивость и послѣдовательность, и, не обижая никого, повелъ разваливавшійся государственный корабль къ опредѣленно намѣченной цѣли. Онъ считалъ сохраненіе Союза выше и важнѣе всего остальнаго, взятаго

вмѣстѣ, не уклонялся отъ отвѣтственности и не останавливался ни передъ какими жертвами. Если Вашингтонъ основалъ Сѣверо-Американскій Союзъ, то Линкольнъ спасъ его отъ смерти: раздѣленіе его въ то время на двѣ части неминуемо привело бы Югъ къ диктатурѣ, можетъ быть къ монархіи и, во всякомъ случаѣ, къ дальнѣйшему распаденію. Только теперь, спустя нѣсколько десятковъ лѣтъ, можно всецѣло оцѣнить тѣ непомѣрныя трудности, которыя Линкольнъ превозмогъ силой характера и энергіей. Онъ предвидѣлъ всю тяжесть и продолжительность конфликта, все его громадное значеніе—и довелъ его до конца, тогда какъ его растерявшіеся близорукіе помощники много разъ были готовы пожертвовать цѣлостью Союза. Слава Линкольна растетъ съ каждымъ годомъ, по мѣрѣ того какъ исторія все обстоятельнѣе и полнѣе выясняетъ разныя стороны той героической эпохи.

Къ сожалѣнію, и до сихъ поръ нѣтъ сколько-нибудь полной и вѣрной его біографіи. Наши библіографы высчитали, что, помимо журнальныхъ и газетныхъ статей, вышло въ свѣтъ свыше 1.100 книгъ и брошюръ, относящихся къ біографіи Линкольна. Наиболѣе замѣчательна изъ нихъ исторія его жизни, составленная двумя его частными секретарями,—Николаи и Хэемъ, впослѣдствіи американскимъ посломъ въ Лондонѣ и министромъ иностранныхъ дѣлъ въ кабинетахъ Макъ-Кинлэя и Рузевельта. Это серьезная и детальная работа въ 10 большихъ томахъ. Другой интересный трудъ—біографія Линкольна, составленная Идой Тарбеллъ, молодой, очень талантливой дѣвушкой, посвятившей нѣсколько лѣтъ изученію источниковъ, посѣщенію мѣстъ, гдѣ протекла жизнь Линкольна, и распросу лицъ, лично его знавшихъ. Такъ какъ работа вышла въ свѣтъ цѣлымъ десяткомъ лѣтъ позже исторіи Николаи и Хэя, многія неточности послѣдней въ ней исправлены. Тѣмъ не менѣе и до сихъ поръ безпрестанно появляется множество новыхъ изслѣдованій, мемуаровъ, описаній отдѣльныхъ событій и эпизодовъ, существенно мѣняющихъ общераспространенныя о нихъ печатныя версіи, и едва ли скоро наступитъ время, когда возможна будетъ точная и полная біографія президента-мученика, какъ издавна принято у насъ называть Линкольна.

Въ Америкѣ немало прекрасныхъ скульптурныхъ памятниковъ Линкольна, а на его могилѣ воздвигнутъ національной подпиской грандіозный монументъ. Множество благотворительныхъ и образовательныхъ учрежденій носитъ его имя. Четырнадцать штатовъ признали день его рожденія народнымъ праздникомъ; нѣтъ штата, въ которомъ не было бы графства или города его имени. Организованная нѣсколько лѣтъ тому назадъ національная ассоціація купила ферму, гдѣ доселѣ стоитъ бревенчатый домъ, въ которомъ онъ родился, и воздвигаетъ теперь

надъ нимъ великолѣпное зданіе изъ мрамора и стекла, дабы сохранить историческую постройку на всѣ времена. То же сдѣлано и съ домомъ, въ которомъ Линкольнъ скончался.

Эдгаръ По, сынъ студента и бродячей актрисы, еще ребенкомъ остался круглымъ сиротой и былъ воспитанъ постороннимъ человѣкомъ, долго пытавшимся, однако, дать ему основательное образованіе; онъ учился и въ лучшихъ школахъ Англіи, и въ университетѣ штата Вирджиніи, и въ Вестъ-Пойнтѣ, военной академіи Союза. Нигдѣ, однако, онъ не кончилъ курса. Онъ часто ссорился съ своимъ воспитателемъ, даже на зло ему однажды завербовался въ солдаты; затѣмъ, разойдясь съ нимъ окончательно, взялся за журнальную и газетную работу, былъ сотрудникомъ и редакторомъ многихъ изданій — но нигдѣ долго не уживался и постоянно странствовалъ изъ одного города въ другой. Это была натура гордая, страстная, склонная къ мрачному одиночеству и самой экзальтированной мечтательности. Его личность, все больше и больше привлекающая къ себѣ вниманіе нашей интеллигенціи, и до сихъ поръ возбуждаетъ страстные споры. Отзывы его современниковъ въ большинствѣ ему неблагопріятны; историческая его характеристика какъ человѣка въ лучшемъ случаѣ двойственна. Въ 1835 г. онъ женился на очень молоденькой дѣвушкѣ, Вирджиніи Клеммъ, но есть указаніе, что „Леонора" его лучшихъ произведеній была другая женщина, ставшая ему близкой уже послѣ его женитьбы. По смерти жены онъ сталъ пить, и умеръ въ госпиталѣ отъ бѣлой горячки 9 октября 1849 года.

Эдгаръ По извѣстенъ міру какъ первоклассный поэтъ — но въ Америкѣ онъ имѣлъ огромное значеніе и какъ критикъ. Его критическія статьи и разсужденія объ искусствѣ и поэзіи далеко не одинаковаго достоинства. Большая ихъ часть написана спѣшно, малосодержательно, а нѣкоторыя и вульгарны. Но между ними немало и такихъ, которыя глубоко продуманы, производятъ и теперь большое впечатлѣніе, а въ свое время сыграли серьезнѣйшую роль въ дальнѣйшемъ развитіи американской литературы. Когда писалъ По, литература эта находилась всецѣло подъ вліяніемъ Купера, Симса и такъ называемой ново-англійской школы—теченія монотоннаго, тягучаго, маложизненнаго и чопорнаго. Какъ своими рѣзкими критическими статьями противъ спячки и заплѣсневѣлости, такъ и своей могучей поэзіей По первый освѣжилъ затхлый литературный воздухъ Америки, первый обратилъ общественное вниманіе и на романы Хоуторна, и на поэзію Лонгфелло, первый внесъ жизнь и движеніе въ американскую беллетристику. Эта его заслуга въ исторіи американской литературы выясняется теперь все больше и полнѣе. Вліяніе По на послѣдующія поколѣнія американскихъ писателей гораздо сильнѣе, чѣмъ было при-

нято думать всего двадцать лѣтъ тому назадъ. Едва ли также подлежитъ сомнѣнію, что то же вліяніе отразилось весьма существенно на многихъ англійскихъ и въ особенности французскихъ писателяхъ (Бодлэръ, Маллармэ). Современные безпристрастные изслѣдователи американскихъ литературныхъ теченій прошлаго столѣтія, не стѣсняемые злобой дня и личными вопросами того времени, склонны видѣть въ По не только великаго поэта, но и реформатора литературныхъ судебъ своего отечества.

Въ одной изъ своихъ лучшихъ критическихъ статей По опредѣляетъ поэзію какъ „ритмованное олицетвореніе красоты"—„rhythmical creation of beauty". Съ точки зрѣнія такого опредѣленія, его поэтическія произведенія представляютъ собою совершенство, не достигнутое ни однимъ поэтомъ, писавшимъ на англійскомъ языкѣ, ни до, ни послѣ него. Только Китсъ и Свинбернъ, въ нѣкоторыхъ, очень, сравнительно, немногихъ своихъ стихотвореніяхъ приближаются въ этомъ отношеніи къ По. Техника стиха По безукоризненна; она поражаетъ силой и звучностью, неизвѣстными въ бѣдномъ и вообще мало пригодномъ къ стихотворной формѣ, по своей гортанности и обилію шипящихъ звуковъ, англійскомъ языкѣ. Эта сила, эта звучность такъ велики, что способны сразу всецѣло овладѣть отзывчивымъ читателемъ. Все, что̀ написалъ По, имѣетъ болѣе или менѣе болѣзненно-мрачный оттѣнокъ, что̀ еще усиливаетъ впечатлѣніе, производимое имъ на сколько-нибудь нервную натуру. Лучшія его произведенія: „Воронъ", „Юлалюми", „Городъ въ морѣ", „Аннабель Ли", „Колокола"—извѣстны русскимъ читателямъ по нѣсколькимъ переводамъ. На мой взглядъ, всѣ эти переводы очень неудовлетворительны—что̀, впрочемъ, неизбѣжно, такъ какъ главная сила подлинника заключается въ совершенствѣ техники, въ звучности стиха и риѳмы. Нѣкоторыя строфы, даже отдѣльныя строчки давно признаны въ говорящемъ на англійскомъ языкѣ мірѣ недосягаемыми перлами по сочетанію звуковъ — такъ совершенно передаютъ онѣ не только мысль, но и настроеніе писателя.

Художественная проза По состоитъ изъ небольшого числа короткихъ разсказовъ, поразительныхъ по своей силѣ, сжатости и мрачности. Языкъ и стиль этой прозы такъ же совершенны, какъ и поэзія По. Это—одухотворенное оформленіе самыхъ сокровенныхъ изгибовъ человѣческой души и мысли—точное, ясное, опредѣленное. Что̀ думаетъ и чувствуетъ писатель, то онъ съумѣлъ передать своему читателю цѣликомъ; душа читателя какъ бы соприкасается съ духомъ автора и воспринимаетъ полностью всѣ его ощущенія.

Мнѣ уже нѣсколько разъ приходилось писать на страницахъ „Вѣстника Европы“ о панамскомъ каналѣ. Съ легкой руки Лессепса-сына и его сподвижниковъ, слово „Панама“ успѣло сдѣлаться нарицательнымъ во всемъ мірѣ, когда нужно опредѣлить однимъ словомъ какое-нибудь изъ ряду вонъ выходящее сочетаніе всевозможныхъ мошенничествъ. Кличка эта пристала, повидимому, весьма прочно къ самому предпріятію и тяготѣетъ надъ нимъ и по настоящій моментъ. Вся французская его эпоха сопровождалась и закончилась всемірнымъ скандаломъ; такимъ же скандаломъ началась и сопровождается эпоха американская. Въ свое время я описалъ, какъ безцеремонно раздѣлался президентъ Рузевельтъ съ противодѣйствовавшимъ его желаніямъ правительствомъ республики Колумбіи, какъ его агенты организовали панамскую революцію, основали покорную имъ новую республику и купили у нея и у заживо погибшей французской компаніи все предпріятіе. „Дядя Самъ“, поощряя всякую удачу, какими бы путями она ни была достигнута, заплатилъ безпрекословно пятьдесятъ милліоновъ долларовъ за каналъ и ассигновалъ сто-пятьдесятъ на его окончаніе, хотя по смѣтамъ рузевельтовской коммиссіи, очень щедрымъ, требовалось всего сто-сорокъ для покрытія всѣхъ предвидимыхъ и непредвидимыхъ издержекъ. При этомъ не разъ торжественно объявлялось, что каналъ будетъ несомнѣнно оконченъ къ 1 января 1915 года. Инженерная коммиссія, вопреки заключеніямъ иностранныхъ экспертовъ и нѣсколькихъ предшествовавшихъ американскихъ коммиссій, постановила, что возможенъ каналъ со шлюзами съ подъемомъ въ 90 футовъ. Всѣ проекты и смѣты были составлены соотвѣтственно, и работа закипѣла. Прошло шесть лѣтъ— и до обѣщаннаго окончанія канала осталось тоже всего шесть. За это время Рузевельтъ нѣсколько разъ самымъ радикальнымъ образомъ измѣнялъ всю организацію управленія работами, мѣнялъ личный составъ по своему усмотрѣнію, даже самъ ѣздилъ осматривать работы и провѣрять на мѣстѣ донесенія о ихъ ходѣ. Конгрессъ безпрекословно утверждалъ всѣ его распоряженія и ежегодно платилъ по счетамъ, несмотря на все возроставшіе дефициты. Немало времени ушло на оздоровленіе мѣстности, на постройку помѣщеній для служащихъ и рабочихъ, на заказъ и доставку на мѣсто необходимыхъ машинъ и приспособленій. Правительственные отчеты и доклады конгрессу все время дышали безусловнымъ оптимизмомъ; частныя извѣстія тоже говорили, что мѣстность оздоровлена, что вся организація дѣйствуетъ энергично и съ умѣньемъ, что работы наладились, количество ежемѣсячныхъ выемокъ поднимается и быстро, и вѣрно. Послѣ нѣсколько разъ повторенной смѣны главноуправляющаго, остановились на вполнѣ подходящемъ, повидимому, человѣкѣ, полковникѣ военно-

инженерной, службы Союза Готальсѣ (Goethals), вотъ уже года два съ большимъ успѣхомъ стоящемъ во главѣ канальной администраціи. По его иниціативѣ былъ измѣненъ и увеличенъ профиль и канала, и шлюзовъ, въ виду быстраго увеличенія въ размѣрахъ строящихся и проектируемыхъ теперь судовъ; увеличились соотвѣтственно и смѣты, въ настоящее время даже оффиціально превышающія 300 милліоновъ. Такъ какъ спеціальныя панамскія облигаціи, на постепенные выпуски которыхъ, по мѣрѣ надобности, строится каналъ, приносятъ 2% помимо ихъ погашенія, явились серьезныя сомнѣнія, можетъ ли окупаться содержаніе канала. Но это не важно: нація богата и будетъ покрывать дефицитъ, такъ какъ каналъ ей необходимъ во что бы то ни стало. Затрудненія, и гораздо болѣе существенныя, появились изъ другого источника. Весь проектъ канала со шлюзами основанъ на плотинѣ Гатунъ, которая должна образовать необходимое для работы шлюзовъ западнаго склона водохранилище. Выемка въ хребтѣ Кулебра, шлюзы восточнаго склона не представляютъ никакихъ техническихъ затрудненій, но постройка плотины Гатунъ признавалась съ самаго начала очень трудной и продолжительной. Временемъ, необходимымъ на ея возведеніе, опредѣлялось и время открытія канала. Вся почва для тяжелыхъ сооруженій тамъ крайне ненадежная: сверху—топь и болото, снизу—пористыя породы, при сильномъ давленіи пропускающія воду. Заключенія иностранныхъ и американскихъ экспертовъ противъ возможности постройки канала со шлюзами и были основаны главнымъ образомъ на такихъ свойствахъ мѣстности, гдѣ, по топографическимъ условіямъ, только и возможно возведеніе шлюзовъ западнаго склона. Надъ основаніями для плотины Гатунъ работали уже года два, когда вдругъ, въ прошломъ ноябрѣ, продолжительный тропическій ливень поднялъ уровень водъ, произвелъ давленіе на пористую подпочву, и сразу разрушилъ и смылъ все, что было до тѣхъ поръ сдѣлано. Само собою разумѣется, поднялась тревога по всей линіи; Готальсъ былъ вызванъ въ Вашингтонъ, и весь вопросъ оказался въ сущности на той же точкѣ, гдѣ былъ не только шесть лѣтъ тому назадъ, но и съ самаго начала постройки канала Лессепсомъ. Каналъ на уровнѣ моря будетъ стоить больше милліарда долларовъ и потребуетъ для своего окончанія minimum двадцать лѣтъ, если даже и удастся искусственными мѣрами преодолѣть воздѣйствіе громадной разницы высотъ прилива и отлива, достигающихъ на берегу Тихаго океана 20 футовъ и не превышающихъ $1^1/_2$—2 на берегу Караибскаго моря. Между тѣмъ въ президенты Союза былъ выбранъ Тафтъ, и эту серьезнѣйшую кашу, вызванную исключительно стремительностью Рузевельта, придется расхлебывать ему. Необходимо замѣтить, что, какъ военный министръ Союза за послѣдніе три года, постройкой канала непосред-

ственно завѣдывалъ ex officio именно Тафтъ, хотя страна и знаетъ, что самъ Рузевельтъ распоряжался всѣмъ дѣломъ. Когда Готальсъ выяснилъ сущность положенія, было рѣшено организовать новую инженерную коммиссію изъ шести членовъ, наиболѣе извѣстныхъ своимъ опытомъ въ крупныхъ работахъ этого рода и послать ее въ Панаму для изслѣдованія дѣла. Изъ газетныхъ интервью съ этими инженерами, дѣйствительно представляющими собою цвѣтъ американскаго инженернаго искусства и совершенно независимыми отъ политическихъ вліяній, и теперь уже извѣстно, что къ единогласному рѣшенію они едва ли могутъ придти. Тафтъ, предвидя, что конечное рѣшеніе придется постановить въ концѣ концовъ ему самому, пожелалъ имъ сопутствовать. Коммиссія должна вернуться не раньше конца февраля.

Къ сожалѣнію, панамскій скандалъ американскаго періода канала далеко не исчерпывается этимъ. Въ прошломъ ноябрѣ сначала одна небольшая индіанопольская газета, а за нею и нью-іоркскій „The World", самая распространенная и независимая американская газета, выступили съ сенсаціонными разоблаченіями, что только меньшая часть уплаченныхъ Союзомъ при покупкѣ канала пятидесяти милліоновъ пошла по назначенію, а большая, около двухъ третей, попала въ карманы членовъ американскаго синдиката, оборудовавшаго сдѣлку. Въ числѣ этихъ членовъ были зять президента Рузевельта, Робинсонъ, женатый на его родной сестрѣ, и братъ вновь избраннаго президента Тафта, Чарльсъ. Оказалось также, что панамская республика de facto лишена Рузевельтомъ самоуправленія, что вновь избранный тамъ президентъ Обадіасъ не что иное какъ его ставленникъ, посаженный на свое мѣсто американскимъ вмѣшательствомъ, вопреки желаніямъ всего населенія. Въ виду этихъ разоблаченій, не смотря на категорическое ихъ опроверженіе затронутыми ими лицами, предвидится формальное разслѣдованіе всего панамскаго вопроса конгрессомъ Союза. Рузевельтомъ, черезъ министра юстиціи, начато обвиненіе газеты „The World" въ клеветѣ на правительство. Это— первый случай такого рода во всей исторіи Союза. Лучшіе наши юристы высказываютъ сомнѣнія какъ въ возможности такого иска вообще, такъ и въ подсудности его вашингтонскому суду, такъ какъ его слѣдовало предъявить по мѣсту жительства отвѣтчика. Общественное мнѣніе страны отказывается покуда вѣрить этимъ разоблаченіямъ во всей ихъ цѣлостности. Тѣмъ не менѣе, панамскій переворотъ и покупка канала окутаны какой-то тайной, въ нихъ всегда подозрѣвались какія-то скрытыя пружины. Весьма возможно, что „The World" ошибается не въ фактѣ, а только въ его участникахъ. Что аккредитованный въ то время въ Вашингтонѣ представитель панамской республики и французской компаніи канала, нью-

іоркскій адвокатъ Кромвелль нечистъ въ этомъ дѣлѣ—это едва ли подлежитъ сомнѣнію; но кто его дѣйствительные сообщники изъ бывшихъ тогда у власти въ Вашингтонѣ лицъ, и насколько они попользовались—можетъ быть раскрыто только оффиціальнымъ разслѣдованіемъ. Какъ бы то ни было, панамскій вопросъ существенно поубавилъ популярность и престижъ Рузевельта и является однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ наслѣдствъ для его преемника.

П. А. Тверской.

г. Лосъ-Анжелесъ, Калифорнія.

КЪ ОЦѢНКѢ НЕДАВНИХЪ СОБЫТІЙ ВЪ ТУРЦІИ.

Извѣстія о томъ, что солдаты нѣкоторыхъ казармъ Константинополя вынудили отставку кабинета Хильми-Паши, бѣгство и укрывательство многихъ выдающихся членовъ партіи „единенія и прогресса", убійство извѣстнаго числа патріотовъ, однимъ словомъ рядъ явленій, какими сопровождается контръ-революція, вызвали, разумѣется, не во мнѣ одномъ опасеніе за будущее турецкой свободы. Но въ тотъ самый моментъ, когда въ газетахъ Лондона и Парижа сталъ опредѣленно высказываться пессимистическій взглядъ насчетъ ближайшихъ судебъ турецкой конституціи, началось стягиваніе македонскихъ войскъ вокругъ Константинополя и поставленъ былъ вопросъ о насильственномъ смѣщеніи султана Абдулъ-Гамида. Почему, спрашивается, не удалась турецкая контръ-революція и почему побѣда осталась на сторонѣ поборниковъ свободы? Во всѣхъ тѣхъ данныхъ, какія имѣются въ моемъ распоряженіи, я не могъ найти положительнаго отвѣта на этотъ вопросъ. Можно ли сказать, что либеральныя доктрины и, въ частности, идея представительной и парламентарной монархіи получили настолько широкое распространеніе въ кругахъ турецкой арміи, что противъ нихъ оказались безсильными и традиціи прошлаго, и расточительность, съ какою клевреты стараго порядка сѣяли золотомъ среди мятежниковъ? Но мы знаемъ, что еще три года тому назадъ пропаганда освободительныхъ идей встрѣчала съ трудомъ преодолимое препятствіе въ той заботливости, съ какой правительство охраняло армію отъ всякихъ внѣшнихъ воздѣйствій. Раскройте докладъ, прочитанный въ текущемъ году однимъ изъ сторонниковъ князя Сабахъ-Эддина въ Парижѣ и появившійся въ печати всего шесть недѣль тому назадъ. „Всѣ честные люди—говорилъ лекторъ—поставлены были въ необходимость отказаться отъ всякой справедливой оцѣнки ихъ заслугъ. Для нихъ были придуманы конфискація, разжалованіе, изгнаніе, тюрьма, пытка; задушеніе въ казематахъ, утопленіе въ Босфорѣ и Мраморномъ морѣ. Шпіонство сдѣлалось государственнымъ учрежденіемъ. Его ждали почести и доходы. Доносчики раздѣляли богатства страны со взяточниками. Одинъ изъ морскихъ министровъ платилъ управленію Ильдиза опредѣленный процентъ съ своихъ такъ называемыхъ „операцій", что не помѣшало ему оставить наслѣдство въ

80 милл. франковъ" [1]). Число лицъ, подвергавшихся пыткѣ, изгнанію, тайному или явному убійству, превосходитъ всякое вѣроятіе. По показаніямъ, сдѣланнымъ зятю султана Абдулъ-Гамида чиновникомъ, близко стоявшимъ къ вѣдомству политическихъ преслѣдованій, отъ 400 до 500 тысячъ человѣкъ погибли за одно послѣднее царствованіе. Нерѣдко люди исчезали только потому, что гдѣ-нибудь ими сказано было свободное слово или подписано ходатайство въ пользу заточеннаго султана Мурада. Самыхъ жестокихъ истязаній не избѣжали даже такія лица, какъ Мидхатъ-Паша. Матерей сажали въ тюрьмы въ случаѣ бѣгства изъ Константинополя ихъ сыновей, заподозрѣнныхъ въ заговорѣ противъ султана. Быстрыя теченія въ Босфорѣ и Мраморномъ морѣ не разъ приносили къ берегу „Стрѣлки Сераля" трупы одѣтыхъ людей. Даже ближайшіе свойственники султана, къ числу которыхъ принадлежалъ отецъ Сабахъ-Эддина, принуждены были искать спасенія въ бѣгствѣ исключительно въ виду заподозриванія ихъ въ приверженности къ либеральнымъ принципамъ. Всего въ 1902-мъ году открылся первый конгрессъ оттоманскихъ подданныхъ, задавшихся мыслью о необходимости политическихъ реформъ въ своемъ отечествѣ. И этому конгрессу пришлось засѣдать въ Парижѣ въ гостепріимномъ домѣ члена Французскаго Института Лефевръ-Понталиса. Самое число собравшихся едва достигло цифры 47 человѣкъ. Теперешняго президента палаты Ахмедъ-Риза за годъ до того выслали изъ Бельгіи по требованію Абдулъ-Гамида. Да и издаваемая имъ газета „Мечвереть" стала выходить только въ концѣ прошлаго вѣка. Наконецъ и въ декабрѣ 1907 года новому конгрессу либеральныхъ оттоманъ нельзя было собраться иначе, какъ въ Парижѣ; представленныхъ на немъ редакцій было всего три. При такой сравнительной недавности турецкаго либеральнаго движенія и необходимости для него искать пріюта за границей трудно допустить, чтобы либеральная проповѣдь успѣла захватить собою въ Оттоманской имперіи не одно только офицерство, но и солдатъ. А между тѣмъ недавнее возстаніе въ пользу свободы носитъ въ Турціи массовый характеръ и оканчивается рѣшительнымъ успѣхомъ: смѣной правительства, измѣненіемъ конституціи, заточеніемъ султана, казнью его приближенныхъ, конфискаціей имуществъ главы государства. И новому начальству повинуется вся имперія. Говорятъ, на сторонѣ революціи турецкія женщины, издавна недовольныя своимъ затворничествомъ и подчинившіяся вліянію европейскихъ литературъ, въ особенности французской. Но если поддержка, встрѣчаемая турецкими либералами въ ихъ собственной семьѣ, уси-

---

[1]) „La Turquie nouvelle et l'ancien régime", par Joseph Denais. Paris, 1909, стр. 30.

ливаетъ ихъ смѣлость и энергію, то, съ другой стороны, связанное съ женской эмансипаціей измѣненіе нравовъ и стародавнихъ привычекъ оправдываетъ въ глазахъ фанатизируемой духовенствомъ толпы обвиненіе младотурокъ въ неуважительномъ отношеніи къ шаріату.

Объяснить успѣхъ турецкой революціи вмѣшательствомъ державъ, покровительствомъ Англіи и Франціи, уже потому трудно, что противная сторона также оставалась не безъ благожелателей хотя бы при германскомъ дворѣ. Въ концѣ концовъ приходится откровенно признать, что въ успѣхѣ турецкаго освободительнаго движенія было основаніе сомнѣваться. Сомнѣніе это раздѣлялось многими, если не всѣми. И полученный результатъ былъ, конечно, неожиданностью.

Но такою же неожиданностью сто пятнадцать лѣтъ назадъ былъ успѣхъ французской революціи. Агентъ тосканскаго правительства Франческо Фаво, депеши котораго хранятся въ государственномъ архивѣ во Флоренціи, еще въ 1790 г. высказывалъ увѣренность въ томъ, что контръ-революція неминуема. 17 августа 1790 г. онъ доноситъ, что число недовольныхъ растетъ въ Парижѣ, такъ какъ всѣ теряютъ отъ революціи, и она пока внушаетъ больше опасеній, чѣмъ надеждъ. 21 сентября того же года онъ указываетъ на то, что возстанія, болѣе или менѣе значительныя, повторяются повсемѣстно и все чаще и чаще, и что причиною тому—нищета, отсутствіе порядка и быстрые успѣхи, дѣлаемые анархіей, конца которой нельзя предвидѣть. Въ провинціяхъ въ особенности замѣтно движеніе. Оно заключаетъ въ себѣ дурныя предвѣстія для будущаго и внушаетъ уже нѣкоторыя опасенія Національному собранію. Многіе говорятъ, что нѣчто подготовляется и что бомба разразится не дальше мѣсяца. Въ современныхъ условіяхъ каждый день можетъ случиться нѣчто новое, такъ какъ всѣмъ живется скверно и недостатокъ денегъ со дня на день грозитъ вызвать большое волненіе въ Парижѣ. Народъ страдаетъ и переноситъ многое въ надеждѣ, что конституція сдѣлаетъ его счастливымъ. Но такъ какъ ожидаемое блаженство не наступаетъ, то онъ несомнѣнно утомится; а потому надо ждать перемѣнъ, и онѣ едва ли произойдутъ спокойно. Семь дней спустя тотъ же свидѣтель сообщаетъ, что въ Нормандіи число недовольныхъ очень велико и что они не намѣрены болѣе терпѣть ношенія національной кокарды; что на югѣ Франціи, въ Лангедокѣ, полный разрывъ между католиками и протестантами, дурныхъ послѣдствій чего для революціи нельзя не предвидѣть; что вообще въ провинціяхъ растетъ число людей, враждебныхъ революціи; что члены упраздненныхъ парламентовъ со своими приверженцами стараются породить смуту; что, по всей вѣроятности, не далѣе мѣсяца послѣдуютъ событія. „Хотя парижане — пишетъ корреспондентъ 5 октября 1790 г.—и пошли на выпускъ ассигнацій

и даже готовы отпечатать новыя, но провинціалы думаютъ на этотъ счетъ иначе. Весьма вѣроятно, что ассигнаціямъ придется быть причиной разрыва страны со столицей". Національное собраніе, по словамъ тосканскаго дипломата, трепещетъ за судьбу конституціи. Оно встрѣчаетъ повсюду враговъ и заговорщиковъ, готовыхъ разрушить его дѣло. Но гибель его произойдетъ не отъ нихъ однихъ, а отъ самыхъ основъ, на которыхъ построено новое зданіе и которыя сами по себѣ никуда не годны. Еще въ концѣ мая 1791 г., говоря о томъ, что Національное собраніе отчаявается въ возможности продолжать далѣе свои засѣданія, и что въ сентябрѣ ему по всей вѣроятности будетъ положенъ конецъ, тосканскій резидентъ прибавляетъ: „Всѣ жаждутъ скорѣйшаго прекращенія его дѣятельности, и многіе думаютъ, что новаго собранія не послѣдуетъ вовсе". 13 іюня онъ сообщаетъ о томъ, что якобинцы потеряли всякую надежду, находятъ препятствія на каждомъ шагу и въ каждомъ открываютъ врага конституціи. Въ самомъ собраніи идетъ рѣчь о томъ, чтобы надѣлить ближайшую законодательную палату второй камерой. Вообще, до бѣгства короля очень распространено было представленіе о томъ, что легче ждать контръ-революціоннаго движенія, чѣмъ перехода отъ монархіи къ республикѣ. Да и послѣ насильственнаго возвращенія короля въ Парижъ мысль о республикѣ, по словамъ тосканскаго дипломата, была еще чужда Національному собранію. „Члены его—пишетъ онъ—даютъ себѣ отчетъ въ невозможности такого образа правленія въ странѣ, столь обширной и населенной, и думаютъ, что республика только упрочила бы анархію". Даже послѣ созыва Законодательнаго собранія Франческо Фаво не вѣритъ въ возможность республики. 10 октября онъ пишетъ, что среди представителей насчитываютъ не болѣе 50-ти республиканцевъ, всѣ же остальные стоятъ за монархію. Недѣлю спустя онъ увѣдомляетъ о рѣшительной непопулярности новаго собранія и говоритъ, что противъ него возстаютъ даже члены прежняго. Собраніе желало бы завоевать симпатіи народа, но не знаетъ, какъ взяться за это. Республиканцевъ сдерживаютъ люди умѣренные, „но безпорядокъ тѣмъ не менѣе такъ великъ, что безъ измѣненія конституціи никакая человѣческая мудрость не въ состояніи будетъ упрочить спокойствіе, а тѣмъ болѣе благоденствіе французскаго королевства".

Если, такимъ образомъ, можно представить разительные примѣры рѣшительнаго непониманія современниками того направленія, въ какомъ событія должны послѣдовать въ ближайшемъ будущемъ, то, съ другой стороны, извѣстны случаи, когда на разстояніи нѣсколькихъ лѣтъ съ необыкновенной опредѣленностью дѣлаемы были удачныя предсказанія наступающей революціи. Въ подтвержденіе сказаннаго я могу привести недавно отпечатанныя письма извѣстнаго Ламеннэ къ

барону Котю, члену Королевскаго совѣта въ эпоху реставраціи. По случаю распущенія палаты министерствомъ Виллеля, Ламеннэ пишетъ Котю: „Вы удивляетесь безумію правительства, которое точно сзываетъ со всѣхъ концовъ Франціи людей къ тому, чтобы они занялись его ниспроверженіемъ. Но развѣ вы не знаете, что всякая власть, какъ бы слаба она ни была, всегда гибнетъ по собственной винѣ. Не могло и теперешнее правительство избѣжать общаго закона. Быть можетъ, оно протянуло бы еще годъ или два, но ему неизбѣжно предстояло пасть, такъ какъ Франція долѣе ждать не въ состояніи. Вы предвидите, что ближайшіе выборы обезпечатъ успѣхъ революціи. Я думаю то же самое, но полагаю, что торжество ея не будетъ немедленнымъ. Революція будетъ задержана, если приложено будетъ стараніе къ тому, чтобы ее ускорить. Это не значитъ, чтобы окончательное торжество ея не казалось мнѣ неизбѣжнымъ не только во Франціи, но во всей Европѣ и даже за ея предѣлами". Это письмо написано было 7 декабря 1827 г., а 17 марта слѣдующаго года, возвращаясь къ тому же вопросу, Ламеннэ объясняетъ причину своей увѣренности въ неизбѣжности переворота, говоря: „Демократическій принципъ, который составляетъ въ настоящее время господствующее начало во Франціи, развивается и неизбѣжно будетъ развиваться, и никакая человѣческая власть не въ состояніи будетъ остановить этого развитія, пока оно не достигнетъ своего крайняго предѣла. Этотъ принципъ развивается въ сферѣ духовныхъ вопросовъ, вызывая анархію религіозныхъ мнѣній и толкая насъ въ сторону раскола. Его поступательный ходъ сказывается и въ области политики, что побуждаетъ насъ перейти къ правительству лѣваго центра и поведетъ насъ несомнѣнно къ созданію или республики во вкусѣ Конвента, или деспотической имперіи. Вотъ по крайней мѣрѣ что мнѣ кажется несомнѣннымъ. Будущее покажетъ, ошибся ли я". 14 января 1829 г., критикуя брошюру Котю, озаглавленную: „Единственное средство выйти изъ современнаго кризиса", Ламеннэ пишетъ: „Ваша ошибка состоитъ въ томъ, что вы вѣрите въ возможность предупредить революцію, которая, въ разныхъ только формахъ, гнѣздится въ головахъ всѣхъ. Нѣтъ учрежденій, которыхъ природа была бы исключительно матеріальною. Всѣ получаютъ силу отъ соотвѣтствія ихъ общему настроенію умовъ. Когда такого соотвѣтствія нѣтъ на лицо, лучшія комбинаціи оказываются неудачными въ томъ или другомъ отношеніи и не ведутъ къ намѣченной цѣли". 10 февраля 1830 г., т.-е. на разстояніи немногихъ мѣсяцевъ отъ переворота, Ламеннэ высказываетъ ту же увѣренность, говоря: „Въ теперешнихъ условіяхъ власть не содержитъ въ себѣ ничего обезпечивающаго спасеніе общества. Жизнь не можетъ быть дана ею или при

ея посредствѣ. Вотъ почему я смотрю на революцію, или даже на рядъ революцій, какъ на нѣчто неизбѣжное. Онѣ пугаютъ меня настолько, насколько могутъ пугать необходимые кризисы".

Постараемся разобраться въ причинахъ, по которымъ одни изъ современниковъ не видятъ того, что творится предъ ихъ глазами, и по которымъ, наоборотъ, другіе удачно предсказываютъ будущее на разстояніи ряда лѣтъ. Нельзя предвидѣть будущаго не давши себѣ вѣрнаго отчета въ господствующихъ теченіяхъ времени. Ихъ обыкновенно бываетъ много, и на первый взглядъ человѣку неподготовленному или жившему въ иной средѣ они могутъ показаться противорѣчивыми, увлекающими общество въ разныя стороны. Немудрено, поэтому, если тосканскій агентъ, проведшій всю свою жизнь подъ властью просвѣщеннаго деспота Леопольда Тосканскаго — быть-можетъ самаго разумнаго и послѣдовательнаго изъ всѣхъ тѣхъ, какими богата вторая половина XVIII столѣтія,—не могъ замѣтить того, что французы въ 1789 г. сознательно стремились къ торжеству демократіи. Они одно время надѣялись достигнуть его въ союзѣ съ королемъ. Развѣ французская монархія со временъ Людовика XIII и кардинала Ришельё не вступила въ рѣшительный конфликтъ съ феодализмомъ, съ его политическими, если не соціальными пережитками? Развѣ торжество Мазарини надъ Фрондою князей и послѣдовавшій затѣмъ абсолютизмъ Людовика XIV не покончили вполнѣ съ притязаніями родовитыхъ семей на раздѣлъ власти съ королемъ? Развѣ Людовикъ XVI съ своими министрами-реформаторами, Тюрго и Неккеромъ, не обнаружилъ готовности освободить французское простонародье и отъ соціальнаго ярма, связаннаго съ преобладаніемъ земельной аристократіи? Развѣ первые удары революціи, павшіе на сеньеріальную систему, не встрѣтили сочувствія и поддержки въ самомъ Людовикѣ XVI и не породили въ народѣ надежду осуществить ту „démocratie royale", ту, сказали бы мы, демократическую монархію, сдѣлаться которой Французское королевство стремилось еще со временъ первой борьбы съ феодализмомъ Филиппа-Августа и Людовика IX-го Святого, когда на знамени королевскихъ уполномоченныхъ въ провинціи было начертано начало равенства всѣхъ передъ единымъ закономъ и едиными королевскими судами. Только убѣдившись, со времени бѣгства Людовика XVI, что иноземные правители не потерпятъ торжества демократіи во Франціи, вмѣшаются въ ея дѣла и направятъ въ нее свои дружины, руководящіе круги, народные представители, дѣятели политическихъ клубовъ и собираемыхъ на площадяхъ митинговъ, усумнились въ возможности совмѣстить монархическую форму съ владычествомъ демократіи и пошли на опытъ республиканскаго режима. Демократическая тенденція была

настолько сильна и въ послѣдующее время, что когда потребность порядка вызвала возстановленіе сильной власти, этой властью могъ сдѣлаться только демократическій цезарь Наполеонъ. Немудрено, поэтому, если вполнѣ оцѣнивавшій важность и значеніе демократическаго принципа Ламеннэ не могъ вѣрить въ прочность попятныхъ движеній въ сторону возстановленія политическаго господства не только военно-придворной аристократіи, но и той, основу которой составляетъ зажиточность. Буржуазный режимъ іюльской монархіи казался ему не менѣе осужденнымъ на гибель, чѣмъ аристократическій—временъ реставраціи, и по одной и той же причинѣ: несоотвѣтствія обоихъ демократическимъ тенденціямъ вѣка. Разсчетъ Ламеннэ былъ безошибоченъ, такъ какъ отправлялся отъ признанія, что нельзя ждать мирнаго рѣшенія того противорѣчія, какое представляетъ демократизмъ большинства населенія и желаніе правительства обезпечить перевѣсъ аристократіи или плутократіи.

Если съ только-что установленной точки зрѣнія мы разберемъ причины успѣха и неуспѣха такихъ, напр., государственныхъ потрясеній, какъ наступившія въ одинъ и тотъ же годъ, 1648, англійская революція и французская Фронда, то намъ немудрено будетъ отмѣтить причину успѣха одной и гибели другой. Со временъ Елизаветы Англія представляетъ собою картину все болѣе и болѣе расширяющейся розни между послѣдователями государственной религіи, принадлежащими къ руководящимъ сословіямъ—и раскольниками, или такъ называемыми диссентерами, вербующимися главнымъ образомъ изъ простонародья. Демократическая организація пресвитеріанской церкви, не знавшей другого начальства, кромѣ избранныхъ паствою священниковъ и членовъ мѣстныхъ синодовъ, вполнѣ отвѣчала уравнительнымъ стремленіямъ народной массы и подготовляла въ ней идею однохарактерной политической реформы. Если прибавить, что преданность прежней вѣрѣ побуждала значительную часть зажиточныхъ классовъ переносить преслѣдованія, направленныя противъ католиковъ, и что послѣдствіемъ этого была потеря правительствомъ поддержки значительной части населенія, не охваченнаго расколомъ, то легко было предвидѣть, что монархи, высказывавшіе увѣренность, что безъ епископа не будетъ и короля, т.-е. что ихъ власть тѣсно связана съ господствомъ епископальной церкви, неизбѣжно очутятся въ коллизіи съ духовными и матеріальными интересами главнѣйшей массы своихъ подданныхъ. Когда къ религіознымъ преслѣдованіямъ присоединился ростъ денежныхъ тягостей населенія и произвольность средствъ и способовъ добывать деньгу, необходимо должны были возникнуть условія, при которыхъ англійскимъ королямъ предстояло или измѣнить насильственно форму правленія, или пойти навстрѣчу народному запросу на религіозную и

политическую свободу. Карлъ I, при содѣйствіи своихъ министровъ, герцога Бёкингама и лорда Страффорда, дважды сдѣлалъ попытку приближенія англійскихъ порядковъ къ абсолютизму континентальной Европы. И если его походъ противъ англійской конституціи имѣлъ послѣдствіемъ демократизацію парламента, паденіе аристократіи и монархіи, то потому, что проводимыя имъ начала шли въ разрѣзъ съ господствующимъ теченіемъ, одинаково демократическимъ и въ церкви, и въ государствѣ. Побѣда не сразу была достигнута, и побѣдившіе не съумѣли удержать за собою всего пріобрѣтеннаго. Отсюда—временная реставрація Стюартовъ и неизбѣжность второй англійской революціи, безъ которой самоуправленіе общества и свобода раскола не могли бы быть обезпечены.

Сопоставимъ теперь съ англійской революціей французскую Фронду. Она съ самаго начала заключаетъ въ себѣ внутреннія противорѣчія. Фронда раздвоена. Рядомъ съ Фрондою парламента и верховныхъ палатъ мы имѣемъ Фронду принцевъ крови, съ Конде во главѣ. Одна озабочена сохраненіемъ по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ чертъ сословной монархіи и съ этой цѣлью готова перенесть на верховные суды и палаты функціи законодательнаго контроля, принадлежавшія до 1614 г. генеральнымъ штатамъ. Другая желаетъ возродить полуавтономію княжескихъ родовъ, упразднить установленную кардиналомъ Ришельё систему административной централизаціи и связанное съ нею административное единство Франціи и во главѣ провинцій и укрѣпленныхъ мѣстъ поставить главъ аристократическихъ родовъ, обращая ввѣренныя ихъ управленію области въ своего рода удѣлы. Обѣ Фронды стоятъ одно время другъ другу въ рѣшительной оппозиціи. Королева-регентша и всемогущій кардиналъ Мазарини надѣются сломать первую Фронду, Фронду судебныхъ палатъ, опираясь на князей. Но князья, враждебные столько же иноземному временщику и притязаніямъ его правительства на неограниченное самодержавіе, сколько и либеральнымъ притязаніямъ новаго судебнаго дворянства (noblesse de robe), выдѣляются въ особый лагерь. Мы видимъ ихъ то объединенными съ правительствомъ, съ цѣлью сломать противодѣйствіе палатъ, то идущими съ послѣдними рука въ руку, съ цѣлью возстановить прежнюю феодальную автономію на мѣсто централизованной и абсолютной монархіи, то, наконецъ, заигрывающими съ простонародьемъ и поднимающими его одинаково на обоихъ противниковъ. Къ концу Фронды выступаетъ на сцену четвертый претендентъ: въ средѣ парижской черни раздаются голоса въ пользу республики [1]). Но это движеніе слишкомъ слабо и во всякомъ случаѣ

---

[1]) Такая партія встрѣчается и въ Бордо, подъ именемъ „ormée“. Ее составляло

только усиливаетъ желаніе и судебной знати, и знати феодальной, пойти на мировую съ правительствомъ. Чтобы не видѣть торжества князей, президентъ парижскаго парламента, Матьё Моле, готовъ отказаться отъ самаго обезпеченія за палатами законодательнаго контроля. И если кардиналъ Ретцъ одно время заигрываетъ съ Конде́ и предводимой имъ партіей, то достаточно подъема черни, подстрекаемой князьями, чтобы обратить и его въ сторонника соглашенія со дворомъ. Такимъ образомъ Фронда падаетъ потому, что въ ней движеніе попятное борется въ равной мѣрѣ и съ либерализмомъ судебныхъ палатъ, и съ радикализмомъ простонародья, и съ устраняющимъ всякія средостѣнія абсолютизмомъ преемника Ришельё. Движеніе внутренно противорѣчивое, шедшее, въ общемъ, наперекоръ господствующему теченію времени, т.-е. стремленію къ равенству, хотя бы и въ безправіи, не могло имѣть продолжительнаго и серьезнаго успѣха. Оно окрещено было уже современниками названіемъ „фронды", т.-е. именемъ дѣтской игрушки, и не остановило собою завоевательнаго хода французскаго самодержавія.

Подводя итогъ всему сказанному, мы необходимо останавливаемся на той мысли, что одно изученіе прошлаго и настоящаго, одно раскрытіе этимъ путемъ господствующихъ интересовъ и теченій общественной мысли даетъ ключъ къ правильной оцѣнкѣ того, насколько можетъ быть успѣшна попытка насильственнаго ниспроверженія существующаго политическаго, религіознаго или общественнаго уклада, другими словами—насколько совершающіяся передъ нами событія должны быть названы мятежомъ или, наоборотъ, революціей. Различіе между обоими вѣдь создается однимъ только успѣхомъ. А успѣхъ, какъ мы видѣли, зависитъ прежде всего отъ соотвѣтствія движенія сознаннымъ нуждамъ преобладающей части общества. Преобладаніе же даетъ не одна масса, но также степень ея сознательности и сила организаціи. Этимъ, и только этимъ, объясняется, почему турецкое движеніе, по всей вѣроятности не имѣющее на своей сторонѣ всѣхъ—и даже большинства—жителей Оттоманской имперіи, тѣмъ не менѣе оказалось успѣшнымъ, изъ мятежа стало революціей. Вѣдь въ немъ поражаютъ прежде всего сознательное отношеніе солидарно дѣйствующаго меньшинства къ ближайшей изъ преслѣдуемыхъ имъ цѣлей и образцовая организація какъ внутреннихъ кадровъ, такъ и системы внѣшнихъ сношеній съ отдаленными союзниками, въ рядахъ которыхъ

бѣднѣйшее населеніе. Оно не прочь было наброситься на богатые кварталы. Въ составъ „ormée" входили гугеноты, готовые, по словамъ современниковъ, пойти тою же дорогою, что и Англія, т.-е. склонные къ республикѣ. См. ст. Лависса въ 1-ой части VII т. „Histoire de France", 1905 г., стр. 58.

масонскія ложи идутъ дружно и рука объ руку съ правительствами Франціи, Англіи и Италіи.

Въ этомъ и ни въ чемъ другомъ надо искать разгадки такъ поразившихъ воображеніе событій, развернувшихся этой весною на разстояніи между почти европейскими Салониками и полу-азіатскимъ Константинополемъ.

Максимъ Ковалевскій.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюня 1909 г.

Внутреннія дѣла во Франціи.—Министерство Клемансо и рабочій классъ.—Почтово-телеграфныя забастовки и синдикальныя организаціи. — Проектъ устава для чиновниковъ и ихъ союзовъ.—Социальные законы—о пенсіяхъ для рабочихъ и о подоходномъ налогѣ.—Финансовые планы и партійные счеты въ Германіи.

Республиканское правительство во Франціи должно постоянно выдерживать борьбу на два фронта: съ одной стороны оно имѣетъ противъ себя всѣ консервативные и клерикальные элементы французскаго общества, а съ другой — всѣ крайнія лѣвыя соціалистическія группы, опирающіяся на значительную часть рабочаго класса. Оппозиція клерикаловъ и реакціонеровъ перестала уже считаться опасною для республики; она какъ будто затихла, отказалась отъ прямой и открытой борьбы, усвоила тактику пассивнаго сопротивленія и мирныхъ легальныхъ демонстрацій, но тѣмъ не менѣе нисколько не потеряла своей внутренней силы и энергіи. Клерикальный духъ крѣпко держится не только въ высшихъ, но и въ среднихъ и низшихъ слояхъ населенія; женское воспитаніе находится еще главнымъ образомъ въ рукахъ католическаго духовенства, а пока французскія женщины не эмансипировались отъ клерикальныхъ вліяній, до тѣхъ поръ не можетъ быть и рѣчи объ упадкѣ клерикализма во Франціи. Внѣшнія ограничительныя мѣры, принимаемыя государствомъ противъ неумѣренныхъ притязаній и посягательствъ католической церкви, приводятъ, конечно, къ извѣстнымъ реальнымъ результатамъ, но не измѣняютъ настроенія вѣрующихъ и скорѣе усиливаютъ, чѣмъ ослабляютъ, въ ихъ глазахъ, авторитетъ „преслѣдуемыхъ“ духовныхъ дѣятелей и учрежденій. Могущество религіозныхъ и монастырскихъ конгрегацій отчасти сломлено республикою, но клерикалы не признаютъ себя окончательно побѣжденными и терпѣливо ждутъ возмездія. Эти непримиримые враги республики твердо разсчитываютъ на какіе-нибудь будущіе благопріятные повороты судьбы и съ особеннымъ чувствомъ удовлетворенія слѣдятъ за развитіемъ рѣзкаго антагонизма между республиканскимъ правительствомъ и рабочимъ классомъ. Разумѣется само собою, что успѣхи революціоннаго соціализма не обѣщаютъ ничего хорошаго клерикаламъ; но эти успѣхи грозятъ несомнѣнными опасностями су-

ществующей буржуазной республикѣ, а въ дѣйствительное торжество соціализма клерикалы не вѣрятъ.

При министерствѣ Комба правительство и парламентъ были почти всецѣло поглощены борьбою съ клерикализмомъ; нынѣшній кабинетъ Клемансо-Бріана вынужденъ неустанно бороться съ соціалистами и рабочимъ классомъ. Министерство Комба мало занималось вопросами соціальной политики и рабочаго законодательства, и однако соціалисты были имъ довольны; правительство Клемансо тратитъ много силъ на проведеніе крупныхъ соціально-экономическихъ реформъ, и тѣмъ не менѣе оно возбуждаетъ противъ себя постоянное неудовольствіе въ соціалистическомъ лагерѣ. Это зависитъ прежде всего отъ того обстоятельства, что самъ Клемансо и нѣкоторые изъ его коллегъ по министерству выступали въ былое время горячими защитниками рабочихъ, а теперь дѣйствуютъ противъ нихъ не хуже и не лучше буржуазныхъ охранителей. Соціалисты не могутъ забыть, что теперешній министръ юстиціи, Аристидъ Бріанъ, вышелъ изъ ихъ среды и произносилъ когда-то страстныя рѣчи въ пользу безпощадной всеобщей забастовки, призванной нанести смертельный ударъ всему капиталистическому строю; онъ допускалъ и оправдывалъ также неизбѣжныя насилія, связанныя съ послѣдовательнымъ проведеніемъ такой забастовки. А теперь тотъ же Бріанъ, въ качествѣ министра, допускаетъ и оправдываетъ принудительныя и карательныя мѣры, направленныя противъ устроителей и участниковъ всеобщей забастовки. Нѣкогда Клемансо жестоко громилъ министровъ, посылавшихъ войска противъ рабочихъ, а теперь онъ самъ направляетъ военныя силы въ мѣстности, гдѣ происходятъ волненія рабочихъ. Эти внутреннія противорѣчія въ поведеніи нынѣшнихъ министровъ даютъ матеріалъ для ядовитой полемики, при помощи которой ничтожные и случайные инциденты разростаются до степени серьезныхъ политическихъ конфликтовъ. Въ мартѣ текущаго года началась и окончилась забастовка въ почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ Парижа и нѣкоторыхъ другихъ городовъ; въ маѣ опытъ повторился въ менѣе значительныхъ размѣрахъ, но уже при болѣе активномъ участіи „всеобщей конфедераціи труда", представляющей собою въ настоящее время средоточіе синдикальнаго рабочаго движенія во Франціи. Почтово-телеграфные служащіе волновались по разнымъ причинамъ, не имѣющимъ въ себѣ ничего политическаго; они жаловались на неправильность повышеній и наградъ по службѣ, на произволъ и грубое обращеніе нѣкоторыхъ начальствующихъ лицъ, на фаворитизмъ, поощряемый многими вліятельными депутатами,—и конечно, они легко могли бы добиться удовлетворенія законными способами, еслибы ихъ руководители съ самаго начала не придали всему дѣлу ярко-оппозиціоннаго оттѣнка.

Съ другой стороны, и министры отнеслись къ возникшему спору слишкомъ формально и не позаботились безпристрастно выяснить факты, о которыхъ подробно говорилось въ печати. Служащіе были почему-то особенно раздражены противъ товарища министра публичныхъ работъ, Симіана, которому приписывали оскорбительные отзывы о женщинахъ-телеграфисткахъ. Министръ Барту вступился за своего товарища и произнесъ въ палатѣ достаточно убѣдительную рѣчь, которую затѣмъ рѣшено было распространить посредствомъ афишъ по всѣмъ общинамъ страны; самъ Симіанъ рѣшительно отрицалъ справедливость взведенныхъ на него обвиненій, и палата не могла не повѣрить обоимъ правительственнымъ ораторамъ, тѣмъ болѣе, что оппозиція упорно вдавалась въ общія теоретическія соображенія. Вопросъ остался по существу неяснымъ послѣ мартовской забастовки, и тѣ же недоумѣнія выразились и въ майской забастовкѣ.

Имѣютъ ли право должностныя лица и въ частности почтово-телеграфные чины устраивать стачку для достиженія лучшихъ условій своей службы? Могутъ ли служащіе участвовать въ синдикатахъ наравнѣ съ другими категоріями наемныхъ рабочихъ? Объ этомъ съ одинаковою энергіею и настойчивостью высказываются самыя противоположныя мнѣнія. Убѣжденные соціалисты, депутаты Самба̀, Руанэ, самъ Жоресъ, находятъ забастовку вполнѣ допустимою и законною; сторонники правительства, напротивъ, видятъ въ ней прямое нарушеніе служебнаго долга. Оппозиція протестуетъ противъ увольненія въ отставку главныхъ забастовщиковъ и требуетъ для нихъ амнистіи; министерство категорически отказываетъ въ этомъ. Таково было положеніе, когда палата, въ засѣданіи 22 марта, формально одобрила дѣйствія правительства; это же положеніе повторяется и въ маѣ, послѣ ряда шумныхъ митинговъ, въ которыхъ видная роль принадлежитъ уже комитету „всеобщей конфедераціи труда". Обычная атмосфера многолюдныхъ публичныхъ собраній, съ обиліемъ грозныхъ рѣчей, разгорячала умы и способствовала принятію крайнихъ рѣшеній; многіе дѣятели рабочихъ синдикатовъ признавали своевременнымъ объявить всеобщую забастовку, чтобы оказать реальную поддержку почтово-телеграфнымъ чиновникамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ испытать силу и могущество „конфедераціи труда".

Къ этой смѣлой мысли склонилось и большинство членовъ комитета. Отъ имени конфедераціи труда появился манифестъ о немедленной всеобщей забастовкѣ; но, къ удивленію вдохновителей этого акта, публика отнеслась къ нему равнодушно. Изъ рабочихъ синдикатовъ откликнулся на призывъ одинъ только союзъ строительныхъ рабочихъ, и сами заинтересованные чины не обнаруживали готовности идти на проломъ по пути, указанному комитетомъ. Ассоціація почтово-

телеграфныхъ служащихъ принимала близко къ сердцу интересы уволенныхъ товарищей и созывала особые митинги для обсужденія ихъ участи; о всеобщей забастовкѣ мало кто думалъ серьезно, хотя на нее часто ссылались какъ на сильнѣйшую угрозу для буржуазіи. Въ самомъ составѣ комитета „конфедераціи труда" произошелъ расколъ; главный секретарь, Ніель, высказалъ публично сомнѣніе въ цѣлесообразности всеобщей забастовки и подвергся за свое вольнодумство суровымъ упрекамъ, послѣ чего долженъ былъ выйти въ отставку. Такимъ образомъ „большевики" взяли верхъ въ конфедераціи, и никто уже не мѣшалъ имъ осуществлять широкіе революціонные планы. Тѣмъ не менѣе взглядъ низложеннаго секретаря вполнѣ оправдался на дѣлѣ, и возвѣщенная всеобщая забастовка заглохла безслѣдно.

Результатъ этотъ нетрудно было предвидѣть. Всеобщая забастовка есть то могучее орудіе, которое должно въ надлежащій моментъ остановить весь ходъ капиталистическаго хозяйства и обезпечить торжество новаго строя. Это послѣдній, окончательный залогъ побѣды въ рукахъ рабочаго класса. Употреблять это средство для второстепенныхъ или случайныхъ цѣлей, или въ видѣ предварительнаго опыта— представляется слишкомъ неразсчетливымъ; это было бы даже профанаціею въ глазахъ вѣрующихъ соціалистовъ. Всеобщая забастовка можетъ имѣть успѣхъ и привести къ желаннымъ послѣдствіямъ только въ томъ случаѣ, если она дѣйствительно явится плодомъ единодушнаго самоотверженнаго порыва трудящихся массъ, если весь рабочій классъ будетъ охваченъ энтузіазмомъ вѣры въ новыя начала соціальной жизни. Такіе порывы нельзя устраивать по произволу, и нельзя пріурочивать ихъ къ нуждамъ отдѣльной категоріи привилегированныхъ рабочихъ, напр. почтово-телеграфныхъ. Матеріальныя и душевныя силы рабочаго класса не могутъ и не должны растрачиваться на безплодныя демонстраціи; ихъ нужно беречь для будущаго, и это отлично сознаютъ сами рабочіе. Синдикаты рабочихъ отличаются отъ партійныхъ политическихъ союзовъ именно тѣмъ, что они не поддаются соблазнамъ парламентской дипломатіи, не слѣдуютъ чужому руководству, а подчиняются только внушеніямъ своего собственнаго сознанія и интереса. Синдикаты рабочихъ сохраняютъ чисто профессіональный характеръ; въ нихъ не имѣютъ доступа интеллигентные доктринеры, не принадлежащіе къ числу рабочихъ, и это придаетъ союзамъ внутреннюю цѣльность и единство. По идеѣ центральная „конфедерація труда" должна объединять всѣ существующіе отдѣльные синдикаты рабочихъ, и слѣдовательно всю совокупность организованной рабочей массы; но въ дѣйствительности она, во-первыхъ, обнимаетъ только извѣстную часть или опредѣленные разряды рабочихъ, и во-вторыхъ, она скорѣе и легче мѣстныхъ синдикатовъ подпадаетъ

подъ вліяніе постороннихъ доктринерскихъ элементовъ. Во Франціи считается болѣе девяти милліоновъ рабочихъ; изъ нихъ организована приблизительно десятая часть,—девятьсотъ тысячъ человѣкъ. Третья доля этого числа, т.-е. около трехсотъ тысячъ, входитъ въ составъ тѣхъ 2.500 синдикатовъ, которые связаны съ центральною „конфедераціею труда"; остальные синдикаты, въ количествѣ трехъ тысячъ, существуютъ самостоятельно и насчитываютъ въ своемъ составѣ до шестисотъ тысячъ членовъ. Притомъ изъ общаго числа рабочихъ, объединенныхъ конфедераціею, не болѣе ста тысячъ человѣкъ настроено болѣе или менѣе революціонно [1]); большинство членовъ проникнуто духомъ профессіональной осторожности. Между тѣмъ, комитетъ конфедераціи, дѣйствующій въ Парижѣ, невольно вовлекается въ политическую борьбу и входитъ въ роль руководящаго òргана французскаго рабочаго класса, чтò совершенно не соотвѣтствуетъ реальному значенію и положенію комитета. При данныхъ условіяхъ „конфедерація труда" не можетъ считаться центральнымъ òрганомъ французскихъ рабочихъ и не обладаетъ средствами для проведенія всеобщей забастовки въ странѣ. Объявивъ забастовку помимо согласія численнаго большинства всѣхъ вообще рабочихъ, комитетъ совершилъ принципіальную и практическую ошибку; значеніе этой ошибки усиливается еще тѣмъ, что забастовка мотивировалась интересами и соображеніями, имѣющими лишь очень отдаленную связь съ нуждами профессіональныхъ рабочихъ.

Какъ мы ни относились бы къ доводамъ парламентскихъ и синдикальныхъ ораторовъ и публицистовъ, одно мы должны признать несомнѣннымъ: лица, состоящія на службѣ государства не по срочному найму, не могутъ быть причисляемы къ арміи наемныхъ рабочихъ, эксплуатируемыхъ капиталистами, и само государство никакъ не можетъ быть сравниваемо съ корыстолюбивымъ хозяиномъ, относительно котораго допустимы извѣстные способы защиты. Почтово-телеграфные и прочіе чины служатъ не министерству Клемансò, а французскому обществу и государству; они работаютъ не для частныхъ выгодъ и интересовъ своихъ начальниковъ, а для пользы публики и цѣлой націи; министры являются для нихъ не хозяевами, а такими же отвѣтственными, какъ они сами, старшими чиновниками, временно-управляющими, уполномоченными представителями хозяина-народа. Служащіе имѣютъ права и обязанности независимо отъ своихъ отношеній къ начальникамъ, и самыя эти права и обязанности имѣютъ характеръ публичный, а не частный; такъ же точно начальствующія лица не имѣютъ никакихъ частныхъ правъ и интересовъ относительно под-

---

[1]) Приводимъ эти цифры изъ еженедѣльнаго „Times" отъ 21 мая.

чиненныхъ, и потому нѣтъ почвы для антагонизма, основаннаго на противоположности экономическихъ интересовъ. Если существуютъ злоупотребленія, то они зависятъ не отъ природы вещей, а отъ недостатка законнаго контроля и отвѣтственности. Дурное положеніе мелкихъ чиновниковъ, служащихъ государству, не имѣетъ ничего общаго съ эксплуатаціею рабочихъ капиталистами, ибо капиталисты платятъ рабочимъ изъ своихъ средствъ и эксплуатируютъ ихъ трудъ для своихъ выгодъ, а представители государства назначаютъ жалованье служащимъ не изъ своего кармана. Подчиненные могутъ быть недовольны начальствомъ, могутъ жаловаться даже на министровъ, разоблачать злоупотребленія, требовать для нихъ суда и слѣдствія, но ни въ какомъ случаѣ они не въ правѣ причинять вредъ государству и обществу подъ предлогомъ борьбы съ опредѣленными личностями. Депутатъ Самба̀ говорилъ въ палатѣ, что почтово-телеграфная забастовка не вреднѣе желѣзнодорожной, и однако послѣдняя не вызываетъ столь рѣзкихъ принципіальныхъ протестовъ, когда къ ней прибѣгаютъ служащіе на частныхъ желѣзныхъ дорогахъ; если же допускать произвольное прекращеніе желѣзнодорожныхъ сообщеній, то надо мириться и съ произвольною пріостановкою дѣятельности почты и телеграфа. Въ этой аргументаціи есть слабый пунктъ: пока желѣзныя дороги могутъ находиться въ рукахъ частныхъ владѣльцевъ, до тѣхъ поръ и за занятыми на этихъ дорогахъ рабочими можетъ быть признано право относиться къ желѣзнодорожнымъ хозяевамъ какъ ко всякимъ другимъ промышленнымъ капиталистамъ и пользоваться соотвѣтственною свободою при столкновеніяхъ съ ними; но гдѣ желѣзнодорожное хозяйство имѣетъ не частный, а публичный характеръ, тамъ устанавливаются нормальныя отношенія и условія службы для желѣзнодорожныхъ рабочихъ, и объ эксплуатаціи послѣднихъ органами государственной или общественной власти не можетъ быть и рѣчи. Почтово-телеграфные служащіе не имѣли основанія обращаться къ сочувствію и поддержкѣ частныхъ рабочихъ, и „конфедерація" рабочихъ синдикатовъ напрасно пыталась распространить на нихъ свою опеку, ибо обиженные правительствомъ работники имѣютъ къ своимъ услугамъ болѣе властныхъ и авторитетныхъ заступниковъ въ парламентѣ.

Чтобы урегулировать положеніе должностныхъ лицъ, министерство Клемансо внесло въ палату, 25-го мая, проектъ закона о правахъ и обязанностяхъ чиновниковъ, о порядкѣ ихъ выбора и назначенія, о повышеніяхъ по службѣ, о дисциплинѣ, о чиновничьихъ союзахъ и ассоціаціяхъ. Все содержаніе законопроекта направлено къ тому, чтобы гарантировать интересы служащихъ отъ произвола и фаворитизма, предупредить злоупотребленія и забастовки. Для разби-

рательства дѣлъ о проступкахъ, влекущихъ за собою дисциплинарную отвѣтственность, учреждаются особые дисциплинарные совѣты въ двухъ инстанціяхъ; но „въ случаяхъ коллективнаго или условленнаго прекращенія служебныхъ занятій всѣ дисциплинарныя взысканія могутъ быть налагаемы безъ участія дисциплинарныхъ совѣтовъ и безъ соблюденія указанныхъ формальностей". Чиновникамъ предоставляется свободно соединяться въ союзы, „въ видахъ изученія и защиты своихъ профессіональныхъ интересовъ", при чемъ членами могутъ быть только служащіе въ одномъ вѣдомствѣ или учрежденіи, или занимающіе сходныя должности въ центральныхъ управленіяхъ министерствъ, въ управленіяхъ департаментскихъ и общинныхъ. Соединеніе этихъ ассоціацій и союзовъ ассоціацій между собою и съ другими организаціями безусловно воспрещается. Эти чиновничьи ассоціаціи пользуются весьма широкими правами и полномочіями; онѣ всегда могутъ обращаться непосредственно къ начальникамъ и министрамъ съ заявленіями о своихъ нуждахъ и желаніяхъ; имъ запрещено только побуждать служащихъ къ единовременному прекращенію занятій. Отдѣльные параграфы законопроекта заключаютъ въ себѣ прямые отголоски недавнихъ конфликтовъ, и не смотря на безспорное желаніе ограничить ассоціаціонный пылъ мелкихъ должностныхъ лицъ, эта чиновничья конституція производитъ впечатлѣніе очень либеральнаго акта.

Несравненно болѣе важные законопроекты—о пенсіяхъ для рабочихъ и о подоходномъ налогѣ—разсмотрѣны уже палатою депутатовъ и перешли въ сенатъ. Сенатская коммиссія закончила еще въ февралѣ подробное обсужденіе пенсіоннаго закона, но только въ концѣ мая появилась въ печати первая часть обширнаго доклада, составленнаго сенаторомъ Кювинò. Законъ, состоящій изъ 37 статей, имѣетъ въ виду „работниковъ и служащихъ обоего пола, въ промышленности, въ торговлѣ, въ рабочихъ ассоціаціяхъ, въ либеральныхъ профессіяхъ и въ земледѣліи, а также домашнихъ слугъ"; всѣмъ этимъ разрядамъ лицъ обезпечивается при извѣстныхъ условіяхъ, по мѣрѣ достиженія 65 лѣтъ, пожизненная ежегодная плата въ 120 франковъ, независимо отъ возможной пенсіи по старости или инвалидности. Пожизненная ежегодная выдача составляется изъ взносовъ нанимателей, въ размѣрѣ девяти франковъ въ годъ за работника или служащаго старше 18-ти лѣтъ, и половины этой суммы за работника или служащаго моложе восемнадцати лѣтъ; сверхъ того дѣлаются дополнительные взносы изъ государственнаго казначейства. Пенсія старости образуется изъ обязательныхъ и факультативныхъ взносовъ заинтересованныхъ лицъ и изъ приплатъ государства; размѣръ обязательныхъ взносовъ—три франка въ годъ въ возрастѣ отъ 15 до 18

лѣтъ, и шесть франковъ въ годъ послѣ 18 лѣтъ. Всякій застрахованный можетъ потребовать заблаговременной ликвидаціи своей пенсіи, начиная съ 55-лѣтняго возраста; для этого нужно только состоять плательщикомъ опредѣленной категоріи въ продолженіе не менѣе десяти лѣтъ. Приплаты казначейства назначаются ежегодно и отмѣчаются въ разсчетной книжкѣ каждаго участника-страхователя. Всѣ общества взаимопомощи, предпринимательскія или смѣшанныя кассы и синдикаты могутъ непосредственно устраивать страхованіе своихъ членовъ для полученія пенсій. При министрѣ труда и подъ его предсѣдательствомъ учреждается высшій совѣтъ для разбора всѣхъ вопросовъ, связанныхъ съ примѣненіемъ закона. Несогласія и споры между хозяевами и рабочими относительно величины обязательныхъ взносовъ будутъ разсматриваться и рѣшаться особою третейскою коммиссіею изъ семи членовъ. Финансовая сторона закона служитъ еще предметомъ предположеній и гипотезъ; но нѣтъ сомнѣнія, что потребуются очень крупныя суммы для осуществленія сложной системы ежегодныхъ пенсій массамъ рабочихъ.

По статистическимъ даннымъ, сообщаемымъ въ докладѣ Кювинò и приведеннымъ въ газетѣ „Temps" отъ 30 мая, рабочихъ и служащихъ числится во Франціи всего 10.452.425, изъ нихъ въ промыслахъ, торговлѣ и либеральныхъ профессіяхъ — 6.740.837, въ земледѣліи, лѣсоводствѣ и рыбныхъ промыслахъ — 3.711.588; если прибавить еще число домашнихъ слугъ — 956.195, то общая цифра обязательныхъ участниковъ страхованій по новому закону составитъ 11.408.620 человѣкъ. Число лицъ этой группы въ возрастѣ менѣе 65 лѣтъ—11.331.495, а именно фермеровъ и половниковъ—790.140, рабочихъ и служащихъ—9.660.196, домашнихъ слугъ—881.159. Общая сумма наемной платы, получаемой всѣми этими категоріями рабочихъ, превышаетъ десять милліардовъ франковъ, а такъ какъ обязательные страховые взносы хозяевъ и рабочихъ установлены въ размѣрѣ 4% съ заработной платы, то ежегодная цифра платежей не можетъ быть менѣе 400 милліоновъ франковъ. Расходы государства по управленію вновь создаваемыми пенсіонными кассами опредѣляются министромъ труда, Вивіани, въ 14 милліоновъ, но болѣе компетентный въ этомъ случаѣ министръ финансовъ Кальò предвидитъ цифру „гораздо болѣе значительную", столь значительную, что Кювинò не рѣшается ее привести. Что касается приплатъ государственнаго казначейства, то онѣ оказываются колоссальными: вмѣстѣ съ расходами по администраціи онѣ составятъ вначалѣ не менѣе 312 милліоновъ франковъ, потомъ дойдутъ до 545 милліоновъ и въ заключеніе остановятся приблизительно на 426 милліонахъ. И это сверхъ 400 милліоновъ, вносимыхъ ежегодно хозяевами и рабочими! Подоб-

ныя цифры пугаютъ французскую публику, и часть прессы искусно жонглируетъ ими, чтобы подорвать довѣріе къ новому соціальному законодательству. Но всякая крупная реформа требуетъ финансовыхъ жертвъ, и уже тотъ фактъ, что законъ принятъ палатою депутатовъ и одобренъ сенатскою коммиссіею, исключаетъ мысль объ его разорительности или пагубности для государства, о немъ много толкуетъ „Temps". Финансовое благополучіе страны одинаково дорого для всѣхъ буржуазныхъ партій французскаго парламента.

Систематическая кампанія, предпринятая значительною частью республиканской печати противъ проекта подоходнаго налога, также не помѣшала министерству довести эту работу до конца. Законопроектъ, изложенный въ сотнѣ статей, предполагаетъ упраздненіе цѣлаго ряда старыхъ прямыхъ налоговъ и послѣдовательно проводитъ коренную реформу всей податной системы на началахъ прогрессивнаго обложенія. Доходы ниже ежегодной суммы въ 1.250 франковъ признаются вообще свободными отъ налога; съ недвижимой собственности и съ денежныхъ капиталовъ взимается 4% ежегоднаго дохода, съ доходовъ промышленныхъ и торговыхъ—3½%, съ доходовъ сельско-хозяйственныхъ, служебныхъ пенсій, заработковъ и жалованій, съ либеральныхъ профессій — 3%. Довольно сложные разсчеты примѣняются къ доходамъ разныхъ категорій для опредѣленія части, свободной отъ налога, и для установленія нормы процента; величина этихъ долей и процента ставится въ зависимость отъ мѣста жительства плательщика и отъ высоты дохода. Сверхъ этого обложенія доходовъ по отдѣльнымъ ихъ категоріямъ, назначается еще дополнительный налогъ со всей суммы дохода, превышающей пять тысячъ франковъ и получаемой главою семьи не только за себя лично, но и за другихъ членовъ семьи. Особый добавочный налогъ взимается съ крупныхъ магазиновъ, торгующихъ разными товарами оптомъ и въ розницу на сумму болѣе пятисотъ тысячъ франковъ въ годъ; размѣръ обложенія—отъ одного до трехъ процентовъ съ цифры годового оборота. Коммерческія и прочія общества всякаго рода платятъ съ дохода отъ одного до десяти милліоновъ—4%, съ дохода выше десяти до двадцати милліоновъ—5%, съ дохода выше 20 милліоновъ—5½%. Наибольше возраженій вызывается системою выясненія доходовъ отдѣльныхъ плательщиковъ. Каждый плательщикъ обязанъ ежегодно сообщать мѣстному контролеру прямыхъ налоговъ точныя свѣдѣнія о своихъ доходахъ; эти заявленія разсматриваются и провѣряются въ мѣстной податной коммиссіи, дополняются и исправляются въ случаѣ надобности. Если заявленіе не доставлено въ назначенный срокъ, или если плательщикъ не отвѣтитъ на требованіе представить нужныя разъясненія, то доходы оцѣниваются и опредѣляются самою коммиссіею. Въ

случаѣ оказавшейся невѣрности сообщенныхъ свѣдѣній виновный подвергается штрафу въ размѣрѣ половины скрытаго имъ дохода.

Нельзя отрицать, что эти способы опредѣленія и провѣрки доходовъ оставляютъ большой просторъ личному усмотрѣнію и произволу представителей мѣстной администраціи. Чиновничество во Франціи не отличается вообще большою деликатностью обращенія, и во многомъ до сихъ поръ сохранило еще отчасти традиціи временъ второй имперіи; поэтому предоставленіе широкой дискреціонной власти второстепеннымъ должностнымъ лицамъ по крайне щекотливымъ для плательщиковъ хозяйственнымъ и финансовымъ вопросамъ—кажется многимъ чѣмъ-то совершенно недопустимымъ и служитъ источникомъ общей тревоги и всякихъ опасеній. Эти „инквизиціонныя" мѣры касаются преимущественно высшихъ и среднихъ классовъ французской буржуазіи, издавна привыкшихъ пользоваться фактически привилегированнымъ положеніемъ въ странѣ. Эти вліятельные элементы французскаго общества, конечно, не дадутъ себя въ обиду, и если возможны злоупотребленія или ошибки со стороны исполнительныхъ органовъ финансовой администраціи, то скорѣе въ смыслѣ поблажки интересамъ крупныхъ плательщиковъ, чѣмъ въ духѣ чрезмѣрной требовательности и придирчивости. При безусловной враждѣ буржуазіи къ принципу подоходнаго налога, настойчивое проведеніе радикальной податной реформы составляетъ великую заслугу министерства Клемансò и особенно министра финансовъ Кальò.

Въ Германіи вопросъ о выработанной правительствомъ программѣ новыхъ налоговъ на общую сумму въ 500 милліоновъ марокъ все болѣе осложняется разными политическими недоумѣніями и комбинаціями, въ которыхъ отчасти запутался самъ канцлеръ князь Бюловъ, извѣстный мастеръ въ наукѣ лавированія. Дѣло находится еще на разсмотрѣніи финансовой коммиссіи имперскаго сейма, но группировка и настроеніе партій обрисовались уже съ достаточною яркостью. Консерваторы и аграріи рѣшительно отвергли тѣ проекты налоговъ, которые невыгодны для крупнаго землевладѣнія, и выразили полную готовность одобрить всѣ тѣ, которые касаются массы потребителей, интересовъ торговли, промышленности и либеральныхъ профессій. Откровенная прямолинейность, съ какою дѣйствуютъ въ этомъ направленіи представители юнкерства за-одно съ партіею центра, смутила даже долготерпѣливыхъ и скромныхъ націоналъ-либераловъ; наконецъ, 28 мая, либеральные и соціалъ-демократическіе члены коммиссіи вышли изъ ея состава, предоставивъ противникамъ обсуждать и рѣшать спорные вопросы вполнѣ свободно, безъ участія какой бы то

ни было оппозиціи. Коммиссія охотно воспользовалась этой возможностью и на слѣдующій же день благополучно закончила свои занятія.

Консервативныя группы, подкрѣпленныя сближеніемъ съ партіею центра, стараются во что бы то ни стало привлечь правительство на сторону образовавшагося новаго большинства и положить конецъ призрачному существованію безпочвеннаго либерально-охранительнаго „блока“. Это было бы, конечно, самое простое и удобное рѣшеніе, еслибы католическій центръ обнаружилъ бо̀льшую степень уступчивости и дружелюбія по отношенію къ князю Бюлову. Отречься отъ покорной либеральной части „блока“ и промѣнять ее на притязательную и властолюбивую партію центра было бы слишкомъ рискованно и даже едва ли возможно при обострившемся внутреннемъ кризисѣ, а прибѣгнуть къ роспуску парламента—значило бы сдѣлать скачокъ въ темноту, что̀ вообще не соотвѣтствуетъ характеру нынѣшняго канцлера. Но такъ какъ вопросъ о финансовой реформѣ требуетъ опредѣленнаго рѣшенія въ ту или другую сторону, а добровольная отставка Бюлова представляется мало вѣроятною, то не остается другого исхода, кромѣ попытки устроить новые парламентскіе выборы. Само собою разумѣется, что это рѣшеніе наиболѣе желательно для оппозиціи: оно оживило бы надежду на благотворный поворотъ въ общемъ ходѣ внутреннихъ дѣлъ Германіи.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюня 1909.

I.

— Н. Минскій. На общественныя темы. Спб., 1909. Стр. 284. Ц. 1 р.

Талантливый поэтъ, начавшій свою литературную дѣятельность стихотвореніями на гражданскіе мотивы, долго держался потомъ въ сторонѣ отъ всякихъ общественныхъ и политическихъ вопросовъ, увлекался философскими и религіозными исканіями, создалъ особую мистическую теорію мэонизма и только въ послѣдніе годы вновь обнаружилъ интересъ къ политикѣ. Многихъ удивило его неожиданное выступленіе въ качествѣ редактора боевой соціалъ-демократической газеты въ революціонное время; казалось, что по общему характеру своихъ идей онъ не могъ имѣть ничего общаго съ проповѣдниками экономическаго матеріализма и классовой борьбы. Увлеченный бурнымъ потокомъ событій 1905-го года, онъ напечаталъ, между прочимъ, „гимнъ рабочихъ", въ которомъ переложилъ въ довольно прозаическіе стихи воинственные партійные лозунги: „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь... Въ бой послѣдній, какъ на праздникъ, снаряжайтесь.— Кто не съ нами, тотъ нашъ врагъ, тотъ долженъ пасть...—Міръ возникнетъ изъ развалинъ, изъ пожарищъ,—Нашей кровью искупленный міръ...—Братья-други, счастьемъ жизни опьяняйтесь,—Наше все, чѣмъ до сихъ поръ владѣетъ врагъ" и т. д. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ случаѣ Н. М. Минскій отдалъ дань восторжествовавшему тогда направленію значительной части нашей передовой интеллигенціи и что въ дѣйствительности онъ вовсе не желалъ ни крутой расправы съ врагами-капиталистами, ни пожарищъ, ни опьяненія побѣдителей-проле-

таріевъ достигнутымъ ими „счастьемъ жизни"; это были только аллегоріи, выражавшія его искреннее сочувствіе къ рабочему классу, какъ и ко всѣмъ вообще обездоленнымъ и обиженнымъ.

Вышедшая теперь книга Н. М. Минскаго обстоятельно выясняетъ его истинные взгляды, симпатіи и антипатіи въ области соціальнаго вопроса; значительнѣйшая часть книги (стр. 1—190) занята серьезными этюдами о соціализмѣ, о рабочемъ движеніи и рабочей партіи, о синдикализмѣ и анархизмѣ. Обычныя свойства писательскаго таланта автора—живой образный стиль, блестящее остроуміе, яркія сопоставленія и параллели, склонность къ парадоксамъ, оригинальная смѣлость аргументаціи,—сказываются и въ разсужденіяхъ на самыя скучныя темы.

Въ небольшой вступительной статьѣ объ „идеѣ русской революціи" высказываются общія замѣчанія объ историческихъ судьбахъ Россіи и русскаго народа, сравнительно съ западно-европейскою исторіей, причемъ изъ крайне ограниченнаго фактическаго матеріала дѣлаются необыкновенно широкіе выводы. Широта размаха составляетъ главный недостатокъ—или, быть можетъ, достоинство—общественно-политическихъ разсужденій Н. М. Минскаго. Имѣя предъ собою какой-нибудь частный конкретный вопросъ, онъ беретъ его съ отвлеченной философской стороны, углубляется въ далекое прошлое, мечтаетъ о будущемъ и создаетъ загадку, которую и рѣшаетъ по-своему взамѣнъ поставленнаго вопроса. Въ этюдѣ о „соціалъ-гуманизмѣ" онъ останавливается, напр., надъ объясненіемъ причины, почему евреи принимали видное участіе въ русской революціи. „Существуетъ же, должно быть,—говоритъ онъ,—какая-нибудь внутренняя связь между русской революціей и еврействомъ, если враги революціи, желая унизить ее въ глазахъ народа, такъ упорно называютъ ее еврейскою. Связь эта несомнѣнна и даже по своей природѣ глубже и неразрывнѣе, чѣмъ можетъ показаться съ перваго взгляда... Если взглянуть на судьбу древняго Израиля съ большого отдаленія, съ высоты орлинаго полета, что мы увидимъ?.." и т. д. Тема сразу расширяется здѣсь до безконечности или, вѣрнѣе, замѣняется совершенно другою. Оказывается, что личность была одинаково подавлена у евреевъ и у русскихъ, и „то, что оба народа, чуждые по происхожденію, внѣшности, языку, обычаямъ, но родственные по процессу развитія личности, сошлись для общаго культурнаго дѣла, кажется какимъ-то чудомъ, загадкой исторіи" (стр. 56). Чудеснымъ, напоминающимъ подвигъ Голгоѳы, является и самоотверженіе еврейскаго юноши, идущаго на смерть за „свободу того народа, который, можетъ быть, въ это самое время, участвуя въ погромѣ, предаетъ мучительной смерти его отца или мать"; чудесно и то, что „русскій философъ и пророкъ

Владиміръ Соловьевъ на одрѣ смерти молится за еврейскій народъ",—чего нельзя себѣ, конечно, представить относительно Гегеля, Конта или Спенсера (которые, впрочемъ,—замѣтимъ отъ себя,—не были ни пророками, ни вѣрующими мистиками). Взглянувъ на дѣло съ высоты орлинаго полета, съ точки зрѣнія судебъ древняго Израиля и московской Руси, авторъ наткнулся на рядъ чудесъ; но еслибы онъ ограничился разсмотрѣніемъ вопроса въ его реальной постановкѣ, то легко обошелся бы, разумѣется, безъ всякихъ фантастическихъ загадокъ. Прежде всего, въ русской революціи участвовали не евреи вообще, не еврейскій народъ съ его трехъ-тысячелѣтней исторіей, разсѣянный по разнымъ странамъ міра, и даже не русское еврейство съ его темною пятимилліонною массою, а только часть русско-еврейской молодежи, прошедшей русскую школу и воспитанной на русской литературѣ. Эта еврейская молодежь сошлась съ русскою не вслѣдствіе „одинаковости душевнаго строя" обоихъ народовъ, а просто потому, что страстная жажда освобожденія отъ вѣкового гнета, по понятнымъ причинамъ, свойственна русско-еврейской интеллигенціи не менѣе, если не болѣе, чѣмъ русской. Сходство цѣлей и идеаловъ поддерживалось единствомъ умственнаго источника, откуда почерпалось вдохновеніе; оно сближало и объединяло людей вопреки всякимъ племеннымъ и національнымъ различіямъ. Врагъ былъ одинъ и тотъ же для обѣихъ сторонъ, и совмѣстныя освободительныя усилія представлялись вполнѣ естественными. Вдаваться по этому поводу въ философію исторіи очевидно не было надобности; но слишкомъ простое и общедоступное объясненіе могло бы казаться банальнымъ, а этого болѣе всего избѣгаетъ Н. М. Минскій.

Разбирая главныя теченія революціоннаго и теоретическаго соціализма, авторъ свободно критикуетъ ихъ и дѣлаетъ много интересныхъ замѣчаній о характерѣ и тенденціяхъ соціалъ-демократіи. Онъ принципіально высказывается противъ существенныхъ основъ соціалъ-демократической программы. „Становясь на сторону рабочаго въ его борьбѣ съ международнымъ капиталомъ,—говоритъ онъ,—мы, русская интеллигенція, совершили бы актъ духовнаго самоубійства, еслибы, забывъ свое призваніе и свой общечеловѣческій идеалъ, приняли цѣликомъ ученіе европейской соціалъ-демократіи со всѣмъ его философскимъ обоснованіемъ и психологическимъ содержаніемъ... Въ основѣ всѣхъ притязаній и надеждъ европейскаго пролетаріата лежитъ не общечеловѣческая любовь, а то же вожделѣніе свободы и комфорта, которое въ свое время вдохновляло третье сословіе и привело къ теперешнему раздору" (стр. 63). Идеалы пролетаріевъ и соціалистовъ—чисто мѣщанскіе; борьба ихъ съ капиталистами „сводится къ борьбѣ мелкихъ мѣщанъ будущаго съ крупными мѣщанами прошлаго". Только

русская революція, проникнутая идеями „соціалъ-гуманизма“, призвана „обновить и облагородить самый образъ жизни людей, обобществить не только орудія и продукты производства, но и мысли и чувства рабочаго, сдѣлать борьбу классовъ невозможной не только по внѣшнимъ, но и по внутреннимъ мотивамъ“. Наши „теоретики соціализма, выученики Запада, принесшіе къ намъ теорію историческаго матеріализма, также чужды намъ въ этой части программы и также у насъ безпочвенны, какъ тѣ немногіе писатели и художники, которые желаютъ пересадить къ намъ эстетизмъ съ его европейскими корнями эгоизма и распущенности. Теорію историческаго матеріализма мы должны выкинуть за бортъ, какъ смертельную и къ тому же чуждую отраву“ (стр. 70). Что касается проповѣдниковъ и вождей соціалъ-демократіи, то они связаны съ пролетаріатомъ только идейными и нравственными мотивами и такимъ образомъ служатъ живымъ опроверженіемъ теоріи экономическаго матеріализма и классовой борьбы. Въ самостоятельныхъ синдикатахъ рабочихъ авторъ видитъ стихійный протестъ противъ двусмысленныхъ стремленій и особенностей соціалъ-демократической партіи, руководимой буржуазными интеллигентами; въ этомъ отношеніи имъ справедливо признается крупная роль синдикальнаго движенія во Франціи (стр. 153—190).

Изъ приведенныхъ цитатъ можно видѣть, что Н. М. Минскій не былъ соціалъ-демократомъ ни во время редактированія имъ соціалъ-демократической газеты, ни во время составленія имъ „гимна рабочихъ“. Его случайный союзъ съ кружкомъ марксистовъ для совмѣстнаго изданія партійнаго органа былъ только продуктомъ недоразумѣнія. Въ статейкѣ объ исторіи своего редакторства въ „Новой Жизни“ онъ не безъ горечи разсказываетъ, какъ „товарищи“ обязались по договору предоставить ему самостоятельное завѣдываніе литературно-философскимъ отдѣломъ—и тотчасъ же нарушили это условіе съ безцеремонною рѣзкостью. „Послѣ перваго же номера, сразу опредѣлившаго успѣхъ газеты,—говоритъ г. Минскій,—редакціонная коллегія забрала въ свои руки все изданіе, такъ что за исключеніемъ перваго листа я ни одного номера не подписалъ и не выпускалъ“. Ему не позволили даже напечатать отвѣтъ на фельетонъ Горькаго о мѣщанствѣ русской интеллигенціи и литературы, и если онъ оставался номинально редакторомъ при такихъ условіяхъ, то только потому, что не хотѣлъ губить газету, служившую хорошему и симпатичному дѣлу. Конечно, — поясняетъ авторъ,—„товарищи поступили со мною, мягко выражаясь, некорректно, нарушили данное мнѣ слово, но передъ собою и своими партійными интересами они были вполнѣ правы. Имъ нужна была газета, и чтобы получить ее, они готовы были на всѣ честныя слова, зная напередъ, что сила вещей ока-

жется на ихъ сторонѣ“ (стр. 198). Подъ вліяніемъ этого непріятнаго личнаго опыта г. Минскій ужъ слишкомъ рѣзко отзывается о нашей соціалъ-демократіи. „Русскіе соціалъ-демократы—по его словамъ—за тѣ нѣсколько дней и недѣль, когда въ ихъ рукахъ очутилось вліяніе и даже какъ будто руководительство событіями, показали, какая непроходимая бездна лежитъ между ихъ партійной доктриной и практикой и духовнымъ творчествомъ всего человѣчества. Съ безпредѣльною надменностью, похожею на идейную слѣпоту, они затоптали въ грязь всѣ высшія духовныя цѣнности, начиная отъ творчества геніальныхъ художниковъ, продолжая философской пытливостью мысли и кончая религіозными исканіями духа“. Этотъ суровый приговоръ надъ партіей, почти нераздѣльно владѣвшей и отчасти нынѣ владѣющей умами значительной части русской молодежи, не только неоснователенъ по существу, но и въ высшей степени несправедливъ. Нельзя судить и осуждать цѣлое умственное движеніе по даннымъ исключительной и кратковременной эпохи „бури и натиска“, когда самые уравновѣшенные и отвѣтственные дѣятели забывали свои принципы и обнаруживали полную растерянность среди общаго хаоса.

Въ заключительномъ отдѣлѣ книги съ особеннымъ интересомъ читаются остроумныя полемическія статьи о Мережковскомъ и о Леонидѣ Андреевѣ, о Розановѣ и о Львѣ Толстомъ.

II.

— Н. Покровскій. Назрѣвшіе вопросы русской жизни. I. Гдѣ настоящее освободительное движеніе? II. Политическія убійства и смертная казнь. Спб., 1909, стр. 53. Ц. 40 к.

Разсужденія г. Н. Покровскаго заключаютъ въ себѣ отголоски смутныхъ понятій и взглядовъ, характеризующихъ средній обывательскій, такъ называемый благонамѣренный патріотизмъ. Съ одной стороны, авторъ какъ будто сознаетъ ложь и гниль стараго режима, а съ другой—никакъ не можетъ примириться съ его дѣйствительнымъ обновленіемъ. Насъ побѣдили японцы — говоритъ онъ — вслѣдствіе „нашего административнаго, государственнаго и общественнаго разлада“; въ эту войну „у насъ обнаружилось такое большое разстройство государственнаго организма, что тутъ только дуракъ не воспользовался бы обстоятельствами“. Откуда же явилось это пагубное разстройство государства въ эпоху безраздѣльнаго господства исконныхъ началъ? По мнѣнію г. Покровскаго, въ этомъ виноваты, во-первыхъ, революціонеры, мѣшавшіе правителямъ осуществлять необходимыя реформы, и во-вторыхъ, охранители, стремившіеся изъ корыстныхъ

видовъ завладѣть движеніемъ государственнаго корабля. „Охранители эксплуатировали православіе, самодержавіе и народность въ личныхъ своихъ интересахъ; имъ нужно было не благо Россіи, а нужно было идти противъ реформъ Александра II, защищать интересы своей партіи, т.-е. возвратиться къ старымъ порядкамъ". А такъ какъ охранители пользовались значительнымъ вліяніемъ въ высшихъ сферахъ и часто сами принадлежали къ составу правительства, то фактически государство могло находиться въ рукахъ дѣятелей, враждебныхъ народнымъ интересамъ, противъ чего и протестовала либеральная оппозиція. Но теперь—какъ увѣряетъ г. Покровскій—прежніе защитники самовластья превратились въ порядочныхъ людей. „Послѣ японской войны и 17 октября 1905 года охранители поняли свои ошибки и стали правдивыми патріотами. Такъ напр. нынѣшняя газета „Свѣтъ", подъ редакціею сына В. В. Комарова, сдѣлалась вполнѣ передовою (!) газетою. Подобное же измѣненіе проявилось тогда же съ „Московскими Вѣдомостями" и съ вліятельнымъ клубомъ бывшихъ охранителей—„Русскимъ собраніемъ". Новѣйшія патріотическія организаціи, какъ напр. „союзъ русскаго народа", не имѣютъ ничего общаго съ прежними охранителями; это—настоящіе патріоты (!), самыя увлеченія ихъ—здоровыя увлеченія. Покойный Грингмутъ, не смотря на свое преображеніе послѣ 1905 г., „не достоинъ развязать ремень обуви д-ра Дубровина" (стр. 11).

Это неожиданное восхваленіе „союзниковъ" и ихъ достойнаго вождя тѣмъ болѣе удивительно, что авторъ тутъ же рѣзко осуждаетъ всѣхъ вообще реакціонеровъ, противниковъ разумнаго прогресса. По его словамъ, „зло, которое надѣлали Россіи охранители, теперь на глазахъ у всѣхъ; японская война все обнаружила" (стр. 12). „Еслибы Александръ III царствовалъ дольше, онъ убѣдился бы, какъ пагубны для государства эти охранители"... (стр. 13); но убѣдиться въ этомъ ему было крайне трудно, такъ какъ „даже такой геніальный человѣкъ, какъ Побѣдоносцевъ, перешелъ въ лагерь охранителей", испугавшись, „что новые порядки коснутся его личнаго благосостоянія; о благѣ родины и народа онъ пересталъ думать и сдѣлался главою охранительной партіи" (стр. 20). Принципъ „Россія для русскихъ" былъ понятъ охранителями въ особомъ смыслѣ и уступилъ мѣсто болѣе откровенной формулѣ: „Россія для насъ"; русскіе патріоты старались „завладѣть на окраинахъ хорошими позиціями и общественными пирогами", напустили на Финляндію „ораву русскихъ охранителей" и возбудили повсюду ненависть къ русскимъ въ областяхъ съ иноплеменнымъ населеніемъ. Почему же охранители стали распоряжаться Россіею по своему? Потому что революціонеры уничтожили зародышъ конституціи Александра II и подняли въ Россіи „вредные

и низменные элементы, губительные для государства"; они „развязали руки охранителямъ, которые довели Россію до Мукдена и Цусимы" (стр. 17, 33 и др.).

Г. Покровскій серьезно доказываетъ, что освободительное движеніе создано и поддерживается не революціонерами, не либералами и прогрессистами, а правительствомъ, которое будто бы по собственной инициативѣ, помимо всякихъ требованій оппозиціи, предпринимало всѣ реформы, включая и конституціонную. Правительственной реакціи нѣтъ и быть не можетъ. „Реакція—но противъ кого? Противъ самого себя; да развѣ есть въ этомъ смыслъ?" (стр. 26). „Безсмысленно воображать, что правительство сочиняетъ реформы, чтобы ихъ не вводить" (стр. 28). Самъ же авторъ однако признаетъ, что многочисленные хорошіе указы и манифесты оставались мертвой буквой и исчезали „въ пучинѣ бюрократическаго моря". Вся исторія послѣднихъ лѣтъ представлена у автора какъ-то навыворотъ: правительство „продолжало свое освободительное движеніе", издало манифестъ 17 октября, а оппозиціонные элементы только мѣшали; даже передъ изданіемъ манифеста „вспыхнула забастовка желѣзныхъ дорогъ, какъ противодѣйствіе освободительному движенію правительства" (стр. 30). Манифестъ ничѣмъ будто бы не отличался отъ другихъ, и ему стали напрасно придавать особое значеніе, какъ конституціонному акту, хотя въ немъ вовсе нѣтъ слова „конституція"; либеральныя партіи упорно не довѣряли правительству, но „правительство оказалось въ разныхъ случаяхъ не довѣряющимъ себѣ самому" (стр. 36). Авторъ совѣтуетъ третьей Думѣ „взять въ свои руки освободительное движеніе, начатое Александромъ II и продолжаемое императоромъ Николаемъ II", а революціонерамъ—„бросить затѣи своего освободительнаго движенія и стать горячими сторонниками третьей Думы". Но какъ совмѣстить съ этимъ „здоровыя увлеченія" устроителей погромовъ и великія заслуги д-ра Дубровина?

Во второй части своей брошюры г. Н. Покровскій повторяетъ общеизвѣстные банальные доводы противъ политическихъ убійствъ и въ защиту смертныхъ казней. Между прочимъ, онъ дѣлаетъ неправильныя ссылки на чужія мнѣнія для характеристики мнимыхъ тенденцій либераловъ. По его увѣренію, „проф. Кузьминъ-Караваевъ не считаетъ убійство съ политическою цѣлью—убійствомъ; это видно, напр., изъ его статьи подъ словомъ „убійство" въ „Энциклопедическомъ словарѣ" Брокгауза; онъ говоритъ въ ней о разнаго рода убійствахъ ...но о политическихъ убійствахъ вовсе не упоминаетъ (стр. 45). Между тѣмъ, справившись въ указанной статьѣ словаря (томъ 34, стр. 401), мы найдемъ въ ней два отдѣльныхъ пункта о политическихъ убійствахъ (1 и 12), со ссылкою на слова: бунтъ, возстаніе,

государственныя преступленія и др. А г. Покровскій, опираясь на мнимое молчаніе г. Кузьмина-Караваева, смѣло заключаетъ: „До тѣхъ поръ, пока политическія убійства будутъ защищаемы (sic!) такимъ образомъ, отмѣна смертной казни за убійство можетъ имѣть только вредное значеніе". Въ другомъ мѣстѣ авторъ выдаетъ уже за фактъ, что, „по взгляду либераловъ въ родѣ проф. Кузьмина-Караваева", убійства, совершаемыя революціонерами, не считаются убійствами (стр. 48). Г. Покровскій, очевидно, не понимаетъ, что подобные пріемы, прямо идущіе въ разрѣзъ съ дѣйствительностью, недопустимы въ добросовѣстномъ спорѣ — да и многаго онъ не понимаетъ и не можетъ понять, и это обстоятельство служитъ единственнымъ оправданіемъ тѣхъ сумбурныхъ „мыслей", противорѣчій и недоразумѣній, которыми наполнена его брошюра.—Л. Слонимскій.

III.

— А. И. Чупровъ. Рѣчи и статьи. Томъ II, Москва, 1909.

Вслѣдъ за первымъ томомъ, появленіе котораго уже было отмѣчено на страницахъ „Вѣстника Европы" (см. апрѣльскую книгу этого года, стр. 793), въ настоящее время вышелъ и второй томъ посмертнаго изданія сочиненій покойнаго А. И. Чупрова. Этотъ новый томъ распадается на три отдѣла, представляющіе значительный интересъ по затрогиваемымъ ими вопросамъ: 1) крестьянское хозяйство, 2) мелкій кредитъ и кооперація и 3) аграрный вопросъ.

Первый отдѣлъ по своему содержанію близко примыкаетъ къ извѣстной книгѣ А. И. Чупрова: „Мелкое земледѣліе и его основныя нужды", появившейся незадолго до его смерти. Заключающіяся въ этомъ отдѣлѣ статьи знакомятъ читателя съ тѣми мѣрами, которыя, согласно указаніямъ практики, могутъ быть принимаемы для воспособленія мелкому крестьянскому хозяйству. Особеннаго вниманія заслуживаютъ статьи, посвященныя чрезвычайному подъему земледѣлія, наблюдаемому за послѣднее время въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Италіи. Живя въ теченіе ряда лѣтъ въ разныхъ частяхъ этой страны, А. И. немало силъ потратилъ на ознакомленіе съ ея сельскимъ хозяйствомъ. Пораженный его успѣхами, онъ ревностно принялся за изученіе тѣхъ причинъ, которыя къ нимъ привели. Въ результатѣ получилась яркая и живая картина, покоившаяся не только на тщательномъ изученіи многочисленныхъ статистическихъ и иныхъ матеріаловъ, но и на собственномъ непосредственномъ наблюденіи и на личномъ знакомствѣ съ многими изъ итальянскихъ государственныхъ и

мѣстныхъ дѣятелей. Эта картина, изображенная первоначально на страницахъ „Русскихъ Вѣдомостей" за 1900 и 1901 гг., въ стройной связи выводитъ передъ читателемъ систему тѣхъ мѣръ, совокупное дѣйствіе которыхъ повлекло за собой подъемъ и расцвѣтъ итальянскаго мелкаго земледѣлія. Для русской публики эта картина явилась какъ бы откровеніемъ, воочію, на основаніи неоспоримыхъ фактовъ, показывавшимъ, чего можетъ достигнуть самодѣятельность населенія, направленная цѣлесообразно организованной агрономической помощью.

Мысль о необходимости послѣднихъ двухъ элементовъ, для того чтобы желанная цѣль—поднятіе мелкаго хозяйства—могла быть осуществлена, проходитъ красной нитью черезъ всѣ статьи перваго отдѣла. Тѣмъ бо̀льшею горечью звучитъ рѣчь А. И., когда ему приходится говорить о тѣхъ преградахъ, которыя у насъ на каждомъ шагу ставятся какъ самому населенію въ его стремленіи совмѣстными силами улучшить свою участь, такъ и тѣмъ дѣятелямъ, которые хотятъ помочь населенію. Особенно ярко сказалось это въ статьѣ „Горькія мысли (по поводу ареста А. А. Зубрилина)". Прежде чѣмъ разстаться съ первымъ отдѣломъ, мы хотѣли бы отмѣтить еще „Письма изъ Южной Германіи", первоначально печатавшіяся въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" за 1873 годъ: для ознакомленія съ личностью А. И. эти „Письма" представляютъ большой интересъ, свидѣтельствуя о томъ, въ какой мѣрѣ уже тогда въ экономическомъ міровоззрѣніи А. И. вопросъ о поднятіи мелкаго сельскаго хозяйства выдвигался на первый планъ.

Второй отдѣлъ посвященъ вопросу о мелкомъ кредитѣ и коопераціи. Въ помѣщенныхъ здѣсь статьяхъ съ одной стороны дается совершенно законченное теоретическое обоснованіе организаціи мелкаго кредита, приспособленнаго къ нуждамъ крестьянскаго хозяйства. Съ другой стороны читатель найдетъ въ этомъ отдѣлѣ немало фактическихъ свѣдѣній по вопросу о кооперативныхъ учрежденіяхъ вообще и объ организаціи кредита на кооперативныхъ началахъ въ частности, какъ въ Западной Европѣ, такъ и въ Россіи. Статья „Основы крестьянской кредитоспособности" и вторая половина статьи „О значеніи кредита для подъема крестьянскаго хозяйства" появляются въ печати впервые.

Особый интересъ представляетъ *третій* отдѣлъ, посвященный аграрному вопросу въ Россіи. Вошедшія сюда статьи могутъ быть разбиты на двѣ группы: къ первой относятся тѣ изъ нихъ, которыя были написаны въ разгаръ обсужденія аграрнаго вопроса нашими передовыми партіями, и заключаютъ въ себѣ, въ сжатомъ видѣ, аграрную программу покойнаго А. И., близкую по своему содержанію къ программамъ конституціонно-демократической партіи и партіи демократическихъ

реформъ. Во вторую группу входятъ статьи, написанныя по поводу указа 9 ноября 1906 г. Живя на отдаленной чужбинѣ, А. И. со свойственной ему чуткостью зорко слѣдилъ за всѣмъ тѣмъ, что происходило на родинѣ; съ особымъ вниманіемъ онъ относился къ мѣрамъ нашего правительства въ области аграрной политики. Относящіяся сюда статьи, собранныя нынѣ въ разбираемомъ томѣ и заключающія въ себѣ суровую критику этихъ мѣръ, принадлежатъ, на нашъ взглядъ, къ лучшему изъ всего того, что было написано на эту тему, почему мы ихъ особенно рекомендуемъ вниманію читателей.

Наслѣдникамъ А. И. Чупрова остается еще издать третій томъ „Рѣчей и статей" А. И., чтобы закончить предпринятое ими изданіе. Этотъ томъ появится вѣроятно къ осени: въ него войдутъ главнымъ образомъ статьи по желѣзнодорожному хозяйству и торговой политикѣ. Однако работами, включенными въ „Рѣчи и статьи", далеко не исчерпывается литературное наслѣдіе покойнаго: въ составъ этого наслѣдія входитъ, какъ извѣстно, цѣлый рядъ капитальныхъ работъ по желѣзнодорожному хозяйству, давно уже распроданныхъ и сдѣлавшихся недоступными для читателей, а равно и пользующіеся большимъ распространеніемъ учебники по разнымъ экономическимъ дисциплинамъ. Нельзя, поэтому, не привѣтствовать постановленія совѣта Московскаго университета, рѣшившаго издать собраніе сочиненій А. И., съ включеніемъ въ это изданіе обѣихъ диссертацій А. И. (Желѣзнодорожное хозяйство, тт. I и II, М., 1875 и 1878), важнѣйшихъ изъ читанныхъ имъ курсовъ и тѣхъ изъ его работъ и докладовъ, которые носятъ болѣе спеціальный характеръ и поэтому не вошли въ „Рѣчи и статьи".

А. Посниковъ.

IV.

— Иванъ Рукавишниковъ. „Молодая Украина". Спб. 1909 г. Цѣна 1 р.

Въ предисловіи, предпосланномъ г. Рукавишниковымъ „Молодой Украинѣ", между прочимъ находятся слѣдующія слова: „Я, летящій міръ, вѣка смотрящій милліонами глазъ своихъ въ Силу Неба и въ Красоту Неба, смотрящій въ Бога, послалъ взгляды мои въ одинъ край. И увидѣлъ я тамъ искры малыя. Увидѣлъ міры. И провелъ я линіи, потому что захотѣлъ увидѣть созвѣздіе... Въ этой книгѣ я—это ты и я. Въ этой книгѣ ты—это я и ты". Въ переводѣ на обыкновенный русскій языкъ слова эти должны обозначать, что г. Рукавишниковъ познакомился съ украинской поэтической литературой, взялъ изъ нея то, что ему показалось цѣннымъ, перевелъ и при переводѣ стремился слить

свои настроенія съ настроеніями переводимыхъ имъ авторовъ. То же, что книга называется „Молодая Украина", показываетъ, что г. Рукавишниковъ рѣшилъ познакомить русскую публику съ новѣйшей украинской литературой.

Предпріятіе такого рода можно было бы только привѣтствовать. Новая украинская литература характеризуется чертами, которыя даютъ ей особое мѣсто въ ряду другихъ литературъ. Это, прежде всего, литература демократическая, полная высокаго паѳоса гражданственности и чистаго аромата непосредственной поэзіи. То, что ея патрономъ, ея наивысшимъ, непревзойденнымъ доселѣ выраженіемъ былъ Шевченко, создало въ ней литературную традицію непрекращающагося общенія и обмѣна съ народомъ, съ народнымъ языкомъ, съ живымъ народнымъ творчествомъ. Это общеніе и этотъ обмѣнъ сказываются во всемъ: во внутреннемъ строеніи украинскихъ литературныхъ произведеній, особенно—поэтическихъ, во внѣшней формѣ ихъ, въ лексикѣ, въ метрикѣ, въ пользованіи образами, въ созданіи настроеній, сказываются даже въ такомъ, казалось бы, внѣшнемъ обстоятельствѣ, какъ то, что виднѣйшіе представители украинской литературы послѣ Шевченка вышли почти исключительно изъ крестьянской среды или изъ слоевъ, близкихъ къ этой средѣ. Этой органической связью съ подпочвой народнаго творчества объясняются та подвижность поэтическаго языка и та свѣжесть поэтическаго изобрѣтенія, которыя такъ характерны для новѣйшей украинской поэзіи.

Поэзія эта русскимъ читателямъ донынѣ остается почти неизвѣстною. Къ сожалѣнію, попытку г. Рукавишникова измѣнить это положеніе должно признать рѣшительно неудавшеюся. Тотъ, кто, заинтересовавшись его переводами, прочтетъ ихъ, узнаетъ лишь имена шестнадцати украинскихъ поэтовъ, но ознакомится не съ ихъ произведеніями, не съ ихъ творчествомъ, а съ произведеніями и творчествомъ самого г. Рукавишникова, достаточно извѣстнаго по четыремъ томамъ его оригинальныхъ стихотвореній, полныхъ излишествами модернизма и искусственнаго оригинальничанья. Прежде всего неудачно само заглавіе. „Молодая Украина" г. Рукавишникова содержитъ въ себѣ произведенія и молодыхъ авторовъ, и такихъ, какъ напр. Иванъ Франко, который имѣетъ уже за собою свыше 35 лѣтъ литературной дѣятельности. Неудаченъ и подборъ стихотвореній. Взяты (пользуемся для краткости старой терминологіей) лишь произведенія чистаго искусства, что для украинской литературы по меньшей мѣрѣ не характерно; но это, конечно, нельзя ставить въ вину переводчику, который воленъ избрать для перевода то, что болѣе соотвѣтствуетъ его силамъ и его настроенію. Грѣхъ г. Рукавишникова состоитъ въ томъ, что онъ въ своей книгѣ далъ не пере-

воды, даже не перепѣвы, а почти исключительно стихотворенія, имъ самимъ сочиненныя, ни въ чемъ не схожія съ оригиналомъ. Чтобы не быть голословнымъ, возьмемъ первые попавшіеся примѣры.

Въ оригиналѣ (у О. Луцкаго) говорится: „Прощайте, друзья: лѣса и овраги!" У г. Рукавишникова эта простая фраза передается такъ: Прощайте, „чертяки-утесы съ плѣшивыми лбами и полные влаги овраги".

Въ оригиналѣ (у Л. Украинки): „Брошу свои печали зеленымъ вѣтвямъ, пущу въ чащу свою тоску". У г. Рукавишникова: „Кину, кину я тоску въ очи Лѣсу-старику. Я нарушу заповѣдь! Нарушу!"

Въ оригиналѣ (у П. Карманскаго): „Надвинулись черныя тучи, жалобно каркаетъ воронъ; я уѣхалъ, ты забыла — сердце плачетъ, плачетъ". У г. Рукавишникова: „Гнется дубъ, сосна завыла. Сердце плачетъ, плачетъ. Я уѣхалъ. Ты забыла. Кто-то солнце прячетъ. Сердце скорбь глотаетъ тучу".

Въ оригиналѣ (у П. Карманскаго): „Ты стремишься къ солнцу, я все еще блуждаю по сжатому полю напрасныхъ надеждъ. Никто не вспомнитъ, никто не спроситъ... Или, быть можетъ... Но нѣтъ! — мы чужіе съ тобою. Ты стремишься къ солнцу, я все еще блуждаю"... У г. Рукавишникова: „Я вѣчный бродяга. Ты солнечна. Безсолнечный въ мірѣ исканія, я знаю всѣ мѣры страданія. Чужіе мы въ мірѣ исканія страданія. ...Я черный бродяга. Ты солнечна. Чужіе мы"...

Эти примѣры можно бы было умножить безъ конца. Безцеремонно г. Рукавишниковъ навязываетъ переводимымъ имъ авторамъ несвойственные имъ краски, образы, слова, цѣлыя фразы, иногда все содержаніе стихотворенія. Въ передачѣ русскаго модерниста отъ украинскихъ авторовъ не остается ничего, кромѣ фамилій и (не всегда) названія стихотвореній; ихъ творчество остается такимъ же неизвѣстнымъ русскимъ читателямъ, какимъ оно было и до переводовъ г. Рукавишникова. Издавъ свои переводы, г. Рукавишниковъ славы переводчика не пріобрѣлъ, но украинскимъ авторамъ нанесъ несомнѣнный вредъ: незнакомый съ ихъ произведеніями читатель можетъ подумать, что они всѣ сплошь модернисты, и притомъ модернисты дурного тона, кричащіе въ лѣсу о желаніи „нарушить заповѣдь", воспѣвающіе „утесы-чертяки" или водящіе за собою „преступнорожденныхъ ими дѣтей", какъ это ни съ того, ни съ сего приписалъ одному изъ поэтовъ г. Рукавишниковъ.

Напрашивается, въ заключеніе, еще одно замѣчаніе, имѣющее отношеніе не къ украинскимъ поэтамъ, а къ современнымъ русскимъ модернистамъ, въ ставѣ которыхъ г. Рукавишниковъ не изъ послѣднихъ. При внимательномъ анализѣ указанныхъ выше „заповѣдей", „чертякъ", „дѣтей" и т. д. оказывается, что они явились не по внутреннему

требованію поэта, а лишь для восполненія и скрытія непревзойденныхъ техническихъ трудностей: для созвучія, размѣра, каданса, иногда просто риѳмы. Эти вставки — плоды не творчества, а безсилія переводчика. Не тѣмъ ли же безсиліемъ должно объяснить если не всѣ современныя модернистскія излишества, то бо̀льшую ихъ часть?

М. Славинскій.

Въ теченіе мая мѣсяца поступили въ редакцію нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Аверьяновъ, Ф. А.—Какъ избавиться отъ сыпучихъ песковъ. Спб., 1909 г. Цѣна 20 коп.

Агаповъ, Д. В.—Геометрія на новыхъ началахъ. Безъ параллельныхъ. Оренбургъ, 1909 г. Цѣна 75 к.

Агаповъ, Д. В.—Измѣреніе угловъ помощью угломѣра линейной системы. № 1. Оренбургъ, 1909 г. Цѣна 40 к.

Амараджиби, С. В., княгиня. — Сборникъ стихотвореній грузинскихъ поэтовъ въ русскомъ переводѣ. Москва, 1909 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Андреевичъ.—Опытъ философіи русской литературы. Изд. 2-е. Спб., 1909 г. Цѣна 1 р. 20 к.

Ардовъ, Т. (В. Тарадовъ). — Отраженіе личности и критическіе опыты. Москва, 1909 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Ашъ, Шоломъ.—Разсказы и пьесы. Т. III. Спб., 1909 г. Цѣна 1 р.

Бехтеревъ, В. М., академикъ. — Внушеніе и его роль въ общественной жизни. Изд. 3-е. Спб., 1908 г. Цѣна 1 р.

Брейтманъ, М.—Школьная гигіена. Изд. 3-е. Спб., 1909 г. Цѣна 60 к.

Будринъ, П. В., проф.—Селекція сельско-хозяйственныхъ рабочихъ и значеніе ея въ отношеніи хлѣбовъ. Харьковъ, 1909 г. Цѣна 20 к.

Вейнингеръ, Отто.—Послѣднія слова. Москва, 1909 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Вороновъ, А. Г.—Очередные вопросы наслѣдственнаго права. Спб., 1909 г. Цѣна 30 к.

Дюги, Леонъ.—Соціальное право, индивидуальное право и преобразованіе государства. Перев. пр.-доц. А. Ященко, съ пред. проф. А. С. Алексѣева. Москва, 1909 г. Цѣна 50 к.

Гальковскій, И. М.—Стихотворенія. Спб., 1909 г. Цѣна 2 р.

Гамсунъ, Кнутъ. — Собраніе сочиненій. Т. XI. Спб., 1909 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Гейне, А. Н., пр.-доц.—Авторское право на произведенія зодчества. Спб.

Г—кенъ, А.—Бетховенъ. Жизнь, личность, творчество. Часть I. Спб., 1909 г. Цѣна 1 р.

Гиппинсъ, А. I. — Нева и Ніеншанцъ. Съ вступительной статьей А. С. Лаппо-Данилевскаго. Часть I и II. Спб., 1909 г.

Гриневская, Изабелла.—Суровые дни. Драматическая поэма изъ временъ Пугачевщины. Спб., 1909 г. Цѣна 2 р.

Грустный, Сергѣй. — Загадки жизни. I — XXXV. Москва, 1909 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Гурмонъ, де, Реми.—Леда и Джіоконда. Переводъ съ франц. Н. Г. Молоствова, съ предисловіемъ А. Л. Волынскаго. Спб., 1909 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Земцевъ, В.—Къ вопросу о земскомъ самоуправленіи въ Прибалтійскомъ краѣ. Рига, 1909 г. Цѣна 1 р.

Зензиновъ, М. М.—Чай и пошлина. Москва, 1909 г. Цѣна 5 к.

Зиновьевъ, Н. А. — На современныя темы. IV. Министерскій проектъ реформы мѣстнаго управленія. Спб., 1909 г. Цѣна 40 к.

Жуковскій, Ю. Г.—XIX вѣкъ и его нравственная культура. Спб., 1909 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Кабановъ, Н.—Полная грамматика эсперантскаго языка. Москва, 1909 г. Цѣна 40 к.

Каллашъ, В. В.—Н. В. Гоголь въ воспоминаніяхъ современниковъ и перепискѣ. Москва, 1909 г. Цѣна 1 р.

Катаевъ, Николай.—Русскіе интеллигенты. Сборникъ. Спб., 1909 г. Цѣна 80 коп.

Каупе, В.—Грудной ребенокъ, вскармливаніе его и уходъ за нимъ. Пер. съ нѣм. В. Я. Канеля, съ пред. пр.-доц. А. Н. Филиппова. Москва, 1909 г. Цѣна 75 к.

Короленко, Владиміръ.—Исторія моего современника. I. Раннее дѣтство и годы ученія. Спб., 1909 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Ларинъ, Юрій. — Рабочіе нефтяного дѣла. (Изъ быта и движенія 1903—1908 гг.). Москва, 1909 г. Цѣна 60 к.

Леонтьевъ, А. А. — Крестьянское право. Систематическое изложеніе особенностей законодательства о крестьянахъ. Спб., 1909 г. Цѣна 2 р. 50 к.

Мельшинъ, Л. (П. Ф. Якубовичъ). — Пасынки жизни. Разсказы. Изд. 3-е. Спб., 1909 г. Цѣна 1 р.

Михаилъ, Архимандритъ. — „Законный" бракъ. Сборникъ статей. Спб., 1909 г. Цѣна 60 к.

Пантюховъ, И. И., д-ръ. — Значеніе антропологическихъ типовъ въ русской исторіи. Кіевъ, 1909 г. Цѣна 50 к.

Петцольдъ, Іозефъ. — Введеніе въ философію чистаго опыта. Т. I. Авторизированный переводъ съ нѣм. Г. А. Котляра съ предисловіемъ автора къ русскому изданію. Спб., 1909 г. Цѣна 2 р.

Прокоповичъ, С. Н.—Бюджеты петербургскихъ рабочихъ. Спб., 1909 г.

Пружанскій, Н.—Бездна жизни. Повѣсти и разсказы. Спб., 1909 г. Цѣна 1 рубль.

Пястъ, В. Л.—Ограда. Книга стиховъ. Спб., 1909 г. Цѣна 75 к.

Рейснеръ, М. А.—Л. Андреевъ и его соціальная идеологія. Опыты соціологической критики. Спб., 1909 г. Цѣна 1 р.

Ржига, Ѳ. В. — Учебникъ русскаго языка. Часть I. Этимологія. Нижній-Новгородъ, 1909 г. Цѣна 60 к.

Рождествинъ, А.—Личность и творчество Гоголя. Изд. 2-е. Казань, 1909 г. Цѣна 25 к.

Рождествинъ, А.—Поэзія Тургенева. Казань, 1908 г. Цѣна 15 к.

Рубакинъ, Н. А. — Птичьи гнѣзда. Разсказы объ искусствѣ въ мірѣ животныхъ. Съ 37 рисунками. Спб., 1909 г. Цѣна 50 к.

Саловъ, В. В.—Земледѣліе — главная основа благосостоянія Россіи. Спб., 1909 г. Цѣна 1 р.

Свавицкій, А., и *Шеръ*, В.—Очеркъ положенія рабочихъ печатнаго дѣла въ Москвѣ. Спб., 1909 г. Цѣна 50 к.

Сологубъ, Θедоръ.—Книга очарованій. Спб., 1909 г. Цѣна 1 р.

Станковъ, Иванъ. — Легенда Вавилона. Магъ Данвантори. Спб., 1909 г. Цѣна 75 к.

Тавридинъ, Н. Н.—Здѣсь. Эскизы. Харьковъ, 1909 г. Цѣна 1 р.

Тарановскій, Θ. В.—Норманская теорія въ исторіи русскаго права. Варшава, 1909 г.

Толстой, Л. Н.—Воскресенье. Романъ. Изд. „Посредника". Москва, 1909 г. Цѣна 55 к.

Туганъ-Барановскій, М. И.—Основы политической экономіи. Спб., 1909 г. Цѣна 3 р.

Эртель, А. И. — Собраніе сочиненій. Т. IV. Цѣна 1 р. 50 к. Т. V и VI. Цѣна 2 р. 50 к. вмѣстѣ. Москва, 1909 г.

— Вопросы и нужды учительства. Сборникъ I. Ред. Е. А. Звягинцева. Москва, 1909 г. Цѣна 10 к.

— Домъ Трудолюбія въ г. Воронежѣ въ 1907 г. Воронежъ, 1909 г.

— Еврейская Старина. Трехмѣсячникъ Еврейскаго Историко-Этнографическаго Общества. Выпускъ I. Спб., 1909 г.

— „Зарницы". Литературно-политическій сборникъ. № 2. Спб., 1909 г. Цѣна 1 р. 50 к.

— Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ. Изд. т-ва бр. Гранатъ. Выпускъ 21-й.

— Краткій обзоръ дѣятельности Рижской городской управы за 1908 г. Рига, 1909 г.

— Литературно-художественные альманахи. Изд. „Шиповникъ". Книга IX. Спб., 1909 г. Цѣна 1 р.

— Московскій городской народный университетъ имени А. А. Шанявскаго. 1909—1910 академическій годъ. Москва, 1909 г.

— Наглядныя пособія, учебники и учебныя пособія. № 1-й. 1909—1910 учебн. годъ. Изд. т-ва Сытина. Москва, 1909 г.

— Очерки философіи коллективизма. Сборникъ I. Спб., 1909 г. Цѣна 1 р. 50 к.

— Отчетъ библіотеки и читальни Общества пособія бѣднымъ евреямъ г. Мелитополя за 1908 г. Мелитополь, 1909 г.

— Отчетъ Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ за 1908 г., представленный директоромъ музеевъ г. министру народнаго просвѣщенія. Москва, 1909 г.

— Отчетъ о дѣятельности консультаціи присяжныхъ повѣренныхъ при Нижегородскомъ Окружномъ Судѣ за 1908 г. Нижній-Новгородъ, 1909 г.

— По вѣхамъ. Сборникъ статей объ интеллигенціи и „національномъ лицѣ". Москва, 1909 г. Цѣна 1 р.

— Русскій біографическій словарь. Смѣловскій-Суворина. Спб., 1909 г.

— Скорая медицинская помощь въ Одессѣ. Къ пятилѣтію дѣятельности. Одесса, 1908 г.

— Словарь литературныхъ типовъ. Гоголь. Выпускъ IV. Спб., 1909 г. Цѣна 1 р. 25 к.

— Словарь литературныхъ типовъ. Лермонтовъ. Выпускъ III. Спб., 1909 г. Цѣна 1 р.

— Статистика несчастныхъ случаевъ съ рабочими въ промышленныхъ заведеніяхъ, подчиненныхъ надзору фабричной инспекціи, за 1906 г. Спб., 1909 г.

— Статистико-экономическій обзоръ Херсонской губ. за 1906 г. Годъ двадцатый. Херсонъ, 1909 г.

— Труды врачей станціи скорой медицинской помощи въ Одессѣ. Выпускъ II. Одесса, 1908 г.

— Турецкій сборникъ. Къ событіямъ на ближнемъ востокѣ. Подъ ред. І. М. Бикермана. Спб., 1909 г. Цѣна 1 р. 25 к.

— Фіорды. Сборникъ I. Датскіе, норвежскіе и шведскіе писатели въ пер. А. и П. Ганзенъ. Наше царство. Романъ Іогана Бойэра. Спб., 1909 г. Цѣна 1 р.

— Бобчевъ, Н., д-ръ. Н. В. Гоголь въ Българско. София, 1909 г.

— XVI Congrès international de Médecine. Deuxième circulaire. Budapest, avril 1909.

— Katalog 366. Spanien und Portugal. Karl W. Hiersemann. Leipzig, 1909.

— Le livre d'or de „La renaissance du livre". Premier fascicule. Paris, 1909.

— Максимовъ, С., д-ръ. Екатерина II. Писателка. Бургазъ, 1909 г. Цѣна 1 л. 80 сот.

— Статистика за търговията на Царство България съ чуждитѣ държави, Прѣзъ 1907 година. София 1909 г.

— D'Ulmes, Tony. La vie de Monique. Roman. Paris, 1909. Prix 3 fr. 50 c.

— L'Institut général psychologique. 1900—1909. Notes et documents. Paris, 1909.

— The Anglo-Russian Literary Society—Proceedings February, March and April, 1909. London.

СЛАВЯНСКІЙ СЪѢЗДЪ.

Въ теченіе пяти дней, съ 11 по 15 мая, происходили въ Петербургѣ засѣданія славянскаго съѣзда. Это собственно не былъ съѣздъ въ общепринятомъ значеніи этого слова; это были совѣщанія такъ называемаго славянскаго исполнительнаго комитета, организовавшагося въ прошломъ году на пражскомъ съѣздѣ и пополнившаго свой составъ представителями различныхъ общественныхъ и политическихъ группъ Петербурга и Москвы, при чемъ, однако, какъ это выяснилось къ концу совѣщаній, эти представители обладали лишь правомъ совѣщательнаго голоса. Это послѣднее обстоятельство въ значительной мѣрѣ способствовало тому, что вынесенныя комитетомъ резолюціи и по своему количеству, и по содержанію далеко не во всемъ совпали съ ясно выраженнымъ настроеніемъ совѣщаній.

Работы совѣщаній шли въ трехъ направленіяхъ: пленарныя засѣданія посвящены были обсужденію общихъ вопросовъ политическаго и культурно-національнаго характера; засѣданія коммиссій (банковской и выставочной) имѣли цѣлью продвинуть впередъ реализацію высказанныхъ на пражскомъ съѣздѣ пожеланій по предмету основанія славянскаго банка въ Прагѣ и организаціи славянской выставки въ Москвѣ; наконецъ, засѣданія исполнительнаго комитета должны были установить движеніе всей работы, приготовить резолюціи по вопросамъ, поднятымъ въ совѣщаніяхъ, и опредѣлить время и мѣсто долженствующаго собраться славянскаго съѣзда въ подлинномъ значеніи слова. Въ промежуткахъ между засѣданіями, по обычной традиціи, устраивались обѣды, банкеты и вечера съ соотвѣтствующими случаю рѣчами, привѣтствіями, заявленіями.

Предоставляя спеціалистамъ оцѣнку работы банковской и выставочной коммиссій, обратимся къ пленарнымъ засѣданіямъ и къ резолюціямъ исполнительнаго комитета, какъ къ наиболѣе важному изъ всего, что происходило на съѣздѣ.

И по составу участниковъ, и по обсуждавшимся вопросамъ, и по характеру и движенію преній пленарныя засѣданія петербургскихъ совѣщаній значительно отличались отъ прошлогоднихъ пражскихъ. Въ прошломъ году вся работа пленарныхъ засѣданій посвящена была вопросамъ дѣлового характера, среди которыхъ фигурировали неосу-

ществленные и донынѣ—банкъ, выставка, телеграфное бюро, туристское и сокольское общеніе, общеніе журналистовъ, ученыхъ и т. д. Вопросы общаго характера обсуждались въ частныхъ совѣщаніяхъ отдѣльныхъ группъ, проявляясь вовнѣ лишь въ видѣ резолюцій и декларацій отъ имени этихъ группъ и частныхъ совѣщаній. Оцѣнку и характеристику общаго настроенія пражскихъ совѣщаній приходилось возсоздавать по разбросаннымъ и неспаяннымъ заявленіямъ отдѣльныхъ группъ, подчасъ отдѣльныхъ даже лицъ. На петербургскихъ совѣщаніяхъ дѣловые вопросы сократились до minimum'а и стали достояніемъ коммиссій; вопросы общаго характера заняли все вниманіе и все время весьма продолжительныхъ пленарныхъ засѣданій, а резолюціи были составлены отъ имени всего славянскаго исполнительнаго комитета, получивъ, такимъ образомъ, моментъ обязательности, чего не было въ резолюціяхъ пражскихъ.

Отличались петербургскія совѣщанія отъ пражскихъ и тономъ, характеромъ, содержаніемъ преній. Въ Прагѣ господствовало мирное, однородное одушевленіе людей, впервые ознакомившихся другъ съ другомъ, видѣвшихъ передъ собою, казалось, недалекія очертанія славянскаго мира и благоденствія, основаннаго на испытанномъ, старомъ лозунгѣ: свобода, равенство и братство. Не было еще тогда факта аннексіи Босніи и Герцеговины, не было холмскаго вопроса, въ перспективѣ виднѣлось улучшеніе національной судьбы поляковъ царства польскаго, флеромъ благодушнаго невѣдѣнія прикрывались острые углы вопроса украинскаго. Все это способствовало росту широкихъ надеждъ, радостныхъ ожиданій, все это создавало оптимистическое настроеніе. Однородности настроенія въ значительной мѣрѣ способствовалъ и сравнительно однородный составъ участниковъ пражскихъ совѣщаній, особенно русской делегаціи. Иную картину дали совѣщанія петербургскія. Составъ участниковъ потерялъ свою однородность: изъ числа западныхъ делегатовъ убыли галицкіе поляки, которые разочаровались въ возможности въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ подойти къ реализаціи неославянскихъ перспективъ; пополнилось представительство чеховъ и сербовъ, появился представитель словаковъ, и — что̀ самое важное — увеличилось и усложнилось русское представительство. Участіе въ совѣщаніяхъ приняла компактная группа представителей московскаго общества славянской культуры, являющагося прогрессивно-демократическимъ крыломъ русскаго славизма; участвовали въ засѣданіяхъ также и отдѣльные выдающіеся общественные и политическіе дѣятели, въ томъ числѣ и уклонившіеся въ прошломъ году отъ поѣздки въ Прагу — М. М. Ковалевскій, П. Н. Милюковъ, Ѳ. И. Родичевъ. Участники съѣзда, какъ русскіе, такъ и другіе, явственно разбились на три

группы: правую образовали немногочисленные представители стараго славянофильства, съ примкнувшими къ нимъ представителями старорусской партіи изъ Галиціи; лѣвая составилась изъ указанныхъ выше новыхъ русскихъ участниковъ совѣщаній и дѣйствовавшихъ съ ними за-одно представителей поляковъ; центръ, состоявшій главнымъ образомъ изъ представителей австрійскихъ славянъ, поддерживалъ преимущественно заявленія лѣваго крыла совѣщаній. Пренія велись страстно, въ рѣзкихъ тонахъ, и иногда нужна была вся предсѣдательская опытность д-ра Крамаржа, чтобы удержать ихъ въ надлежащихъ границахъ.

Четыре вопроса были поставлены на очередь совѣщаній и заполнили собою всѣ пленарныя засѣданія: аннексія Босніи и Герцеговины, русская политика въ царствѣ польскомъ, холмскій вопросъ, украинскій вопросъ. Всѣ эти вопросы были оселкомъ, посредствомъ котораго можно было испробовать приверженность участниковъ совѣщаній къ лозунгу неославизма: но только по двумъ изъ нихъ исполнительный комитетъ, независимый въ своихъ рѣшеніяхъ отъ пленарныхъ совѣщаній, постановилъ резолюціи, а именно по вопросамъ босно-герцеговинскому и польскому.

Вопросъ объ аннексіи Босніи и Герцеговины былъ выдвинутъ сербской делегаціей и вызвалъ оживленныя пренія. Со стороны русскихъ посыпались упреки по адресу австрійскихъ славянъ, особенно чеховъ, раздалась рѣзкая критика ихъ образа дѣйствій; чехи оправдывались, поясняя и аргументируя, опредѣляя свою позицію въ качествѣ австрійскихъ гражданъ. Резолюція исполнительнаго комитета, посвященная этому вопросу, смягчаетъ рѣзкіе углы и обходитъ политическую сторону вопроса, останавливаясь передъ совершившимся фактомъ. Она гласитъ: „Выслушавъ заявленіе сербскихъ членовъ комитета и совѣщанія по вопросу объ аннексіи Босніи и Герцеговины, смутившей весь славянскій міръ, славянскій исполнительный комитетъ полагаетъ, что чисто политическая сторона, затронутая въ заявленіи, не входитъ въ кругъ вѣдѣнія комитета, но проситъ всѣхъ славянскихъ депутатовъ австрійскаго парламента приложить всѣ усилія къ тому, чтобы для Босніи и Герцеговины было установлено самое широкое автономное управленіе, обезпечивающее политическое, культурно-національное и экономическое развитіе этого края; въ то же время призываетъ всѣхъ делегатовъ свободныхъ славянскихъ народовъ направить свои усилія къ развитію культурной связи съ братьями въ Босніи и Герцеговинѣ".

Вопросъ о русско-польскихъ отношеніяхъ, трактовавшійся въ связи съ вопросомъ холмскимъ, прошелъ еще болѣе бурно и рѣзко, чѣмъ боснійскій. Страдательной стороной въ этомъ вопросѣ явились пра-

вые, на которыхъ обрушились вся лѣвая и весь центръ. Тщетно правые пытались защитить политику, дѣлящую славянъ на гражданъ разныхъ разрядовъ, низводящую поляковъ на степень „сора“ и лишающую ихъ самыхъ примитивныхъ національныхъ правъ: большинство совѣщанія было глухо къ ихъ доводамъ и неумолимо къ ихъ образу дѣйствій. Особеннаго напряженія и негодующей силы достигли пренія, когда совѣщанію стало извѣстнымъ, что нѣкоторые изъ русскихъ участниковъ пражскихъ совѣщаній своимъ голосованіемъ въ Гос. Думѣ и Гос. Совѣтѣ поддерживали мѣропріятія, направленныя противъ поляковъ. Такое голосованіе было сочтено совѣщаніемъ за измѣну лозунгу неославизма, говорящему о равенствѣ, братствѣ и свободѣ всѣхъ славянскихъ народовъ. Правъ былъ предсѣдатель, когда, резюмируя пренія пленарныхъ засѣданій, заявилъ о ясно выраженномъ совѣщаніями нежеланіи имѣть такихъ измѣнниковъ въ своей средѣ. „Кто голосуетъ за подавленіе однихъ славянъ другими, тотъ самъ себя вычеркиваетъ изъ списка неославистовъ“,— таково было резюме д-ра Крамаржа, и слова эти нашли отраженіе въ резолюціи исполнительнаго комитета, въ которой говорится: „Обсудивъ поднятые въ засѣданіи исполнительнаго комитета вопросы, касающіеся русско-польскихъ отношеній, исполнительный комитетъ находитъ, что русско-польское соглашеніе въ Россіи и внѣ ея можетъ быть достигнуто только неуклоннымъ примѣненіемъ принциповъ пражскаго съѣзда, т.-е. признанія полнаго равноправія обоихъ народовъ, недопустимости никакихъ исключительныхъ законовъ, и признаніемъ за каждымъ народомъ на его родной землѣ права на языкъ, школу и учрежденія, обезпечивающія его національное развитіе“.

Поднятый проф. Погодинымъ вопросъ о необходимости признанія за украинскимъ (малорусскимъ) народомъ права на культурно-національное самоопредѣленіе вызвалъ рѣзкое столкновеніе между правой, руководимой проф. Филевичемъ, и представителями московскаго общества славянской культуры. Вопросъ этотъ, равно какъ и холмскій, остался открытымъ до будущаго съѣзда, и произошло это благодаря отсутствію въ составѣ исполнительнаго комитета представителя отъ украинцевъ, мѣсто котораго остается вакантнымъ и нынѣ.

Кромѣ указанныхъ резолюцій, исполнительнымъ комитетомъ постановлено созвать въ 1910 году славянскій съѣздъ; мѣстомъ съѣзда рѣшено избрать Софію, столицу независимаго отнынѣ Болгарскаго царства.

М. Славинскій.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ

1 іюня 1909.

Къ пріѣзду И. И. Мечникова.—Дѣло А. А. Лопухина и азефовщина.—Изъ воспоминаній А. С. Пругавина.—Рѣшеніе общаго собранія сената.—Запросъ о союзѣ русскаго народа.—Обязательное постановленіе градоначальника о застежкахъ на накидкахъ.—О. Я. Пергаментъ и обстоятельства его смерти и погребенія.

Третій уже десятокъ лѣтъ русскимъ патріотамъ—въ дѣйствительномъ, а не въ „казенно-истинномъ" смыслѣ слова,—приходится испытывать вмѣстѣ и тяжелое, обидное чувство, и чувство отрадное, пріятно раздражающее національное самолюбіе. Обидное—потому, что Ильѣ Ильичу Мечникову не нашлось мѣста въ Россіи, что онъ долженъ былъ для своихъ научныхъ работъ покинуть родину. Отрадное—потому, что на чужбинѣ онъ, русскій, пріобрѣлъ міровую извѣстность.

Послѣ долгихъ лѣтъ отсутствія, И. И. Мечниковъ, хотя временно, но опять среди насъ. Его можно видѣть, можно слышать. И тысячи врачей и естествоиспытателей, представителей другихъ отраслей науки, представителей литературы, студентовъ и курсистокъ стремятся попасть туда, гдѣ знаютъ, что онъ будетъ говорить. Съ жадностью ловятъ каждое его слово—и не ошибаются въ своихъ ожиданіяхъ: Мечниковъ охотно дѣлится знаніями, опытомъ, онъ говоритъ просто, ясно, съ юношеской живостью, всякое его движеніе, всякое замѣчаніе полны жизни.

Отдавшись всецѣло научнымъ изслѣдованіямъ и работамъ въ пастеровскомъ институтѣ, И. И. Мечниковъ не порывалъ духовной связи съ нами. Онъ слѣдилъ за нашими эпидеміями, и изъ культурнаго Запада ему особенно ярко стала видна основная причина нашихъ болѣзней и нашей смертности: некультурность житейской обстановки. Объ этомъ онъ говорилъ въ засѣданіи, посвященномъ вопросу о холерѣ, и затѣмъ въ другомъ засѣданіи, предметомъ сужденій на которомъ была „пролетарская болѣзнь"—возвратный тифъ. „Въ западной Европѣ — говорилъ И. И. Мечниковъ — возвратнаго тифа нѣтъ; онъ исчезъ изъ Ирландіи, гдѣ былъ открытъ, исчезъ изъ Силезіи, гдѣ тоже бѣдно, и лишь въ славянскихъ уголкахъ, въ Герцеговинѣ да въ Россіи, вы его найдете: его такъ и зовутъ „русской болѣзнью"—и Западъ съ удивленіемъ спрашиваетъ насъ: почему же не находите

вы мѣръ борьбы, когда Роб. Кохъ умудрился съ своимъ отрядомъ уберечься въ Африкѣ отъ опаснаго „тифознаго“ клеща? Вѣдь въ Берлинѣ выписываютъ изъ Москвы клоповъ, насосавшихся здѣсь кровью тифозныхъ больныхъ, и тамъ ихъ изучаютъ. Во Франціи человѣка, пришедшаго въ ночлежный домъ, раздѣваютъ, обмываютъ, даютъ на ночь другую одежду, а за это время дезинфецируютъ его платье. Въ этихъ двухъ, ничѣмъ, какъ будто, между собой не связанныхъ фактахъ не найдемъ ли мы отвѣтъ на изумляющій Европу вопросъ?“ И. И. призывалъ русскихъ бактеріологовъ использовать развитіе возвратнаго тифа въ Петербургѣ для изученія еще неразрѣшенныхъ вопросовъ объ условіяхъ его распространенія. „Сдѣлайте это,—горячо восклицалъ онъ,—и вы окажете услугу и наукѣ, и человѣчеству“.

Петербургъ первымъ встрѣтилъ великаго ученаго. Отсюда его ждетъ Москва. Пріемъ, оказанный И. И. Мечникову—одно изъ немногихъ отрадныхъ общественныхъ явленій въ нынѣшнее безвременье...

Исключительный общественный интересъ, который вызвало и продолжаетъ вызывать дѣло А. А. Лопухина, конечно, не есть интересъ скандала—суда надъ бывшимъ директоромъ департамента полиціи и присужденія къ каторгѣ одного изъ самыхъ вліятельныхъ людей при В. К. Плеве. Предметомъ всеобщаго вниманія съ момента возникновенія дѣла были и до сихъ поръ остаются не столько Лопухинъ, сколько Азефъ, не столько выдача Азефа, сколько многолѣтнее „сотрудничество“ охраннымъ отдѣленіямъ и департаменту полиціи этого агента-провокатора. Болѣе того: къ дѣлу приковала вниманіе не личность Азефа, не его личное сотрудничество, а азефовщина, какъ система политическаго сыска, ярко вскрывшаяся въ разоблаченіяхъ революціоннаго трибунала. И общество имѣло полное основаніе ожидать, что разборъ дѣла А. А. Лопухина прольетъ, наконецъ, свѣтъ на явленіе, одинаково какъ будто съ нимъ осуждаемое правительствомъ. Оно могло этого ожидать, помня рѣчь П. А. Столыпина въ засѣданіи Государственной Думы 11-го февраля.

Предсѣдатель совѣта министровъ далъ тогда совершенно вѣрное опредѣленіе понятій „провокаторъ“ и „провокація“ и столь же вѣрно провелъ ту границу допустимаго пользованія дѣятельностью „сотрудниковъ“, за которою кончается сыскъ и начинается искусственное созданіе посягательствъ. „По революціонной терминологіи—говорилъ онъ—всякое лицо, доставляющее свѣдѣнія правительству, есть провокаторъ“. „Между тѣмъ,—продолжалъ П. А. Столыпинъ,—правительство должно совершенно открыто заявить, что оно считаетъ провокаторомъ только такое лицо, которое само принимаетъ на себя иниціа-

тиву преступленія, вовлекая въ это третьихъ лицъ, которыя вступили на этотъ путь по побужденію агента-провокатора. Такимъ образомъ, агентъ полиціи, который проникъ въ революціонную организацію и даетъ свѣдѣнія полиціи, или революціонеръ, освѣдомляющій правительство или полицію, ео ipso еще не могутъ считаться провокаторами. Но если первый изъ нихъ, на ряду съ этимъ, не только для видимости, для сохраненія своего положенія въ партіи, высказываетъ сочувствіе видамъ и задачамъ революціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ одновременно побуждаетъ кого-нибудь, подстрекаетъ кого-нибудь совершить преступленіе, то, несомнѣнно, онъ будетъ провокаторомъ; а второй изъ нихъ, если онъ будетъ уловленъ въ томъ, что онъ играетъ двойную роль, что онъ въ части сообщалъ о преступленіяхъ революціонеровъ правительству, а въ части самъ участвовалъ въ тѣхъ преступленіяхъ, несомнѣнно, уже станетъ тягчайшимъ уголовнымъ преступникомъ" [1]).

И отправляясь отъ этихъ опредѣленій, предсѣдатель совѣта министровъ, касаясь дѣятельности Азефа, былъ очень остороженъ: онъ многократно повторялъ, что говоритъ на основаніи свѣдѣній департамента полиціи; въ концѣ рѣчи онъ сказалъ: „въ настоящее время у меня нѣтъ въ рукахъ данныхъ для обвиненія Азефа въ такъ называемой провокаціи". Слѣдовательно, П. А. Столыпинъ не исключалъ возможности ошибки съ своей стороны и, называя Азефа такимъ же сотрудникомъ полиціи, „какъ и многіе другіе", основывался лишь на отсутствіи твердо установленныхъ данныхъ, которыя свидѣтельствовали бы, что Азефъ и эти „многіе другіе" суть, по его выраженію, „тягчайшіе уголовные преступники". П. А. Столыпинъ говорилъ: „Насколько правительству полезенъ въ этомъ дѣлѣ свѣтъ, настолько же для революціи необходима тьма". О поступкѣ Лопухина онъ упоминалъ не для того, чтобы оцѣнивать его, ибо „его оцѣнитъ нелицепріятный судъ". Словомъ, вся рѣчь П. А. Столыпина краснорѣчиво давала понять, что завѣса надъ азефовщиной не спущена, что, напротивъ, на судѣ она будетъ поднята во всю ширину и что судебная повѣрка доводовъ защиты, быть-можетъ, если не опрокинетъ данныя департамента полиціи, то существенно ихъ дополнитъ и видоизмѣнитъ.

„Нелицепріятный" судъ особаго присутствія сената завѣсы не поднялъ. Защитѣ было отказано въ оглашеніи документовъ, представленныхъ въ доказательство того, что Азефъ въ длинномъ рядѣ случаевъ игралъ двойственную роль, „что онъ въ части сообщалъ о преступленіяхъ революціонеровъ правительству, а въ части самъ уча-

---

[1]) Цитировано по приложенію къ № 990 „Россіи".

ствовалъ въ тѣхъ преступленіяхъ". Особое присутствіе пошло еще дальше въ съуженіи рамокъ процесса. Когда Лопухинъ, во время судебнаго слѣдствія, заявилъ о своемъ желаніи представить объясненія по поводу оглашенныхъ документовъ, то первоприсутствующій его остановилъ замѣчаніемъ, что онъ можетъ дать объясненія въ послѣднемъ словѣ. Когда же онъ въ послѣднемъ словѣ сдѣлалъ попытку представить объясненія, сенаторъ Варваринъ оборвалъ его словами: „Я не могу допустить, чтобы вы касались тѣхъ фактовъ, которые не прошли на судебномъ слѣдствіи".

При такомъ способѣ веденія дѣла естественно осталось впечатлѣніе, что объективная правда лежитъ отнюдь не въ свѣдѣніяхъ департамента полиціи, поскольку ихъ раскрылъ передъ Думой П. А. Столыпинъ. Въ результатѣ процесса сомнѣнія обратились въ увѣренность и относительно Азефа, и относительно „многихъ другихъ" сотрудниковъ департамента полиціи, — но, конечно, въ направленіи, прямо противоположномъ тому, въ которомъ стремился разбить сомнѣнія обвинительный актъ. Имена оффиціальныхъ „сотрудниковъ"—гг. Рачковскаго, Ратаева и Зубатова — слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы ихъ горячее заступничество за Азефа могло быть принято за вѣрное отраженіе объективной правды. Пять лѣтъ каторги, назначенныя А. А. Лопухину, также не могли способствовать удовлетворенію общественнаго интереса. Ибо въ основу такого невѣроятнаго по суровости приговора особое присутствіе сената положило признаніе, что Лопухинъ вступилъ, какъ участникъ, въ сообщество, составившееся для учиненія цареубійства. Но общество знаетъ, и никакія тонкости юридическихъ построеній его не въ силахъ разубѣдить въ томъ, что Лопухинъ, какъ былъ чужимъ человѣкомъ для цареубійцъ, террористовъ и вообще для революціи, такъ имъ и остался, не смотря на то, что выдалъ Бурцеву „сотрудничество" Азефа.

Съ точки зрѣнія общественнаго правопониманія, приговоръ особаго присутствія сената не покрылъ самаго простого вопроса: какъ квалифицировано было бы дѣяніе Лопухина, если бы онъ, узнавъ изъ газетъ, что среди соціалистовъ-революціонеровъ возникли подозрѣнія насчетъ Азефа, опубликовалъ бы по собственной иниціативѣ, ни съ кѣмъ не вступая ни въ сношенія, ни въ переговоры: „да, въ мое время Азефъ былъ сотрудникомъ департамента полиціи"? Въ такомъ случаѣ, очевидно, никакія юридическія комбинаціи не въ силахъ были бы привести къ выводу, что онъ „принялъ участіе" въ сообществѣ, внутри котораго „работалъ" Азефъ. Такъ неужели же каторга или безнаказанность могутъ разграничиваться различіемъ, заключающимся въ томъ, что Лопухинъ не по собственной иниціативѣ и не въ газетахъ первоначально опубликовалъ правду объ Азефѣ, а сообщилъ ее

на словахъ, конкретнымъ лицамъ — въ вагонѣ, у себя на квартирѣ въ Петербургѣ или въ гостинницѣ въ Лондонѣ, все равно? А изъ отсутствія отвѣта на этотъ вопросъ, помимо воли, еще возникаютъ два дальнѣйшихъ. Во-первыхъ, не для того ли назначена Лопухину суровая кара, чтобы показать „сотрудникамъ", какъ тщательно охраняется ихъ безопасность? Во-вторыхъ, дѣйствительно ли правительство такъ смотритъ на провокаціонные пріемы сыска, какъ говорилъ П. А. Столыпинъ? Въ дѣлѣ, подобномъ дѣлу Лопухина, слова, изъ какого бы авторитетнаго источника они ни исходили и какъ бы они категорично ни были сказаны, не могутъ замѣнить свѣта фактовъ.

А факты объ азефовщинѣ продолжаютъ сыпаться. Въ Парижѣ агентъ-провокаторъ Рипсъ, польскій еврей, родомъ изъ Минска, стрѣлялъ въ начальника московской тайной полиціи, фонъ-Коттена. И обстоятельства, разоблаченныя парижской печатью, прямо говорятъ о провокаціи, которой требовалъ отъ Рипса фонъ-Коттенъ. По поводу этого покушенія, 19 мая въ петербургскихъ газетахъ было напечатано слѣдующее телефонное сообщеніе изъ Москвы: „Изъ Парижа сообщаютъ, что предстоящій процессъ полковника фонъ-Коттена обѣщаетъ быть интереснымъ, благодаря цѣлому ряду свидѣтельскихъ показаній и документальныхъ данныхъ о дѣятельности русской охранной полиціи, какъ за границей, такъ и въ Россіи. По слухамъ, редакторъ журнала „Былое", В. Л. Бурцевъ, собравшій въ своемъ архивѣ массу данныхъ о дѣятельности охраннаго отдѣленія, представитъ на судъ нѣкоторые документы. Кромѣ того, съ этимъ дѣломъ, какъ оказывается, связано и имя Азефа, что дастъ возможность сказать на судѣ то, что осталось недосказаннымъ на процессѣ Лопухина. Въ качествѣ свидѣтелей по дѣлу о покушеніи на фонъ-Коттена выступятъ нѣкоторые видные русскіе эмигранты". Неужели и свѣтъ установленной на судѣ правды придетъ къ намъ тоже изъ-за границы, какъ пришелъ свѣтъ разоблаченій революціоннаго трибунала?

Появились въ печати факты, доказывающіе, что провокація, — и именно какъ вовлеченіе третьихъ лицъ въ преступленія, задуманныя агентами сыска, — возведена въ систему не со вчерашняго дня; она имѣетъ у насъ богатое и долголѣтнее прошлое. Въ этомъ отношеніи наибольшій интересъ представляютъ воспоминанія А. С. Пругавина — писателя, имя котораго гарантируетъ абсолютную точность изложенія. „Рѣчь" посвятила этимъ воспоминаніямъ нѣсколько фельетоновъ. Г. Пругавинъ разсказываетъ о своемъ знакомствѣ въ восьмидесятыхъ годахъ, въ Москвѣ, съ Зубатовымъ — въ то время организаторомъ конспиративныхъ кружковъ, всячески завлекавшимъ молодежь на путь нелегальныхъ дѣйствій и затѣмъ устраивавшимъ „провалы". Онъ вспоминаетъ объ Оленинѣ, приходившемъ къ нему, по поруче-

нію Зубатова, съ просьбою дать статью для нелегальнаго изданія,—о томъ Оленинѣ, который считалъ Зубатова своимъ другомъ и, благодаря этому другу, попалъ въ тюрьму, а затѣмъ въ ссылку, гдѣ и умеръ. „Но вотъ, мало-по-малу,—пишетъ г. Пругавинъ,—начинаютъ возникать подозрѣнія относительно Зубатова. Студентъ Петровской академіи Иконниковъ, состоявшій въ одномъ кружкѣ съ Зубатовымъ, весной 1887 года былъ вызванъ на допросъ къ начальнику московской охраны Бердяеву, который, между прочимъ, отличался необыкновенной болтливостью. При допросѣ Бердяевъ, желая показать Иконникову, что ему уже все извѣстно по дѣлу, высказалъ такія вещи, о которыхъ Иконниковъ говорилъ только одному Зубатову и о которыхъ поэтому никто болѣе не могъ знать. Тогда у Иконникова сложилось убѣжденіе въ предательствѣ и провокаторствѣ Зубатова. Пріѣхавъ въ Петровскую академію, онъ объявилъ объ этомъ членамъ своего кружка. Однако поколебать довѣріе, которымъ пользовался Зубатовъ въ разныхъ московскихъ кружкахъ, оказалось не такъ-то легко. Въ сознаніи молодежи совсѣмъ не умѣщалась мысль объ измѣнѣ Зубатова, того Зубатова, который такъ неутомимо распространялъ всегда запрещенныя книги, такъ горячо отстаивалъ и распространялъ революціонныя идеи,—который былъ такъ смѣлъ въ организаціи нелегальныхъ кружковъ и всевозможныхъ предпріятій конспиративнаго характера".

„Конечно,—заключая воспоминанія, дѣлаетъ общій выводъ г. Пругавинъ,—мы какъ нельзя болѣе далеки отъ мысли приписывать причины революціоннаго движенія исключительно дѣятельности гг. Зубатовыхъ и К°. Каждый хорошо понимаетъ, что упомянутое движеніе было вызвано глубокими и сложными причинами. Все это, разумѣется, не подлежитъ никакому сомнѣнію, но въ то же время не подлежитъ сомнѣнію и тотъ фактъ, что дѣятелямъ охраны, сыска и провокаціи, героямъ въ родѣ Зубатова, удалось сдѣлать очень и очень много для того, чтобы заставить культурное движеніе свернуть съ его прямой дороги и направить его въ русло нелегальной, конспиративной борьбы". Въ восьмидесятые годы Зубатовы успѣшно сворачивали культурное движеніе въ русло конспираціи. Въ девятисотые—Зубатовы выросли въ Азефовъ, которымъ удалось сдѣлать очень и очень много для того, чтобы вложить въ руки „увлеченныхъ на преступный путь, но идейныхъ, готовыхъ жертвовать собою, молодыхъ людей и дѣвушекъ",—о нихъ говорилъ 11 февраля П. А. Столыпинъ,—браунинги и бомбы...

23 мая дѣло А. А. Лопухина слушалось въ кассаціонномъ порядкѣ въ общемъ собраніи кассаціонныхъ департаментовъ сената. Слушалось оно въ отличныхъ отъ нормальныхъ правилъ условіяхъ. Законъ исходитъ изъ признанія авторитетности особаго присутствія

сената въ соблюденіи процессуальныхъ формъ и потому не допускаетъ обжалованія ихъ нарушенія. Ст. 1061[7] уст. угол. суд. опредѣляетъ, что „на приговоры особаго присутствія правительствующаго сената по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ допускаются кассаціонныя жалобы и протесты лишь относительно нарушенія закона и неправильнаго его толкованія при опредѣленіи преступленія и рода наказанія“. Сверхъ того, согласно ст. 1061[8], общее собраніе кассаціонныхъ департаментовъ, въ случаѣ удовлетворенія жалобы, не отмѣняетъ приговора для новаго разсмотрѣнія дѣла по существу, а „само постановляетъ окончательный, не подлежащій обжалованію, приговоръ о наказаніи осужденнаго на точномъ основаніи законовъ“

Первоприсутствующій въ общемъ собраніи, сенаторъ Желеховскій, въ мягкихъ и корректныхъ выраженіяхъ, но съ полной неуклонностью, останавливалъ всякую попытку вывести разсмотрѣніе дѣла изъ этихъ рамокъ. Ни въ докладѣ, ни въ объясненіяхъ прис. пов. А. Я. Пассовера и подсудимаго, ни въ заключеніи оберъ-прокурора, даже упомянута не была слѣдующая любопытная справка, приведенная въ жалобѣ: „Правительствующій сенатъ, въ рѣшеніи по дѣлу Савельевыхъ, состоявшемся по докладу сенатора Варварина (1899 г., № 45), разъяснилъ, что подсудимому невозбранно принадлежитъ право представлять суду объясненія по всѣмъ предметамъ дѣла въ теченіе судебнаго слѣдствія, и что это право не можетъ быть судомъ замѣнено предоставленіемъ права дать объясненіе въ послѣднемъ словѣ подсудимаго, по окончаніи судебнаго слѣдствія и послѣ заключительныхъ преній“. Споръ вращался въ предѣлахъ толкованія понятій „сообщество“ и „соучастіе“ по уголовному уложенію. Оберъ-прокуроръ высказался за оставленіе жалобы безъ послѣдствій. И когда общее собраніе приступило къ совѣщанію, присутствовавшая публика не сомнѣвалась, что приговоръ будетъ оставленъ въ силѣ—настолько утратилась уже вѣра въ сенатъ. Сверхъ ожиданія, общее собраніе измѣнило приговоръ и, взамѣнъ пяти лѣтъ каторги, назначило А. А. Лопухину ссылку на поселеніе. Съ чувствомъ облегченія была выслушана и эта резолюція. Но чувство облегченія, само собою разумѣется, касалось личной судьбы А. А. Лопухина. Въ приговорѣ осталось признаніе, что онъ вступилъ, въ качествѣ участника, въ сообщество соціалистовъ-революціонеровъ; отвергнуто лишь то, что онъ—участникъ сообщества, цѣль дѣятельности котораго составляетъ посягательство на неприкосновенность особы царствующаго Императора.

Не менѣе чѣмъ азефовщина, т.-е. провокаторская дѣятельность агентовъ и сотрудниковъ сыска, нуждается въ свѣтѣ дѣятельность

ихъ непосредственно преступная въ сообществѣ съ „каморрой народной расправы“ и съ тѣми членами союза русскаго народа, на совѣсти которыхъ лежитъ убійство М. Я. Герценштейна и Г. Б. Іоллоса и покушеніе на графа Витте. Прольетъ ли свѣтъ на эти „пріемы сыска“ и на роль главы союза, А. И. Дубровина, предстоящее обсужденіе въ Думѣ внесеннаго оппозиціей запроса—вѣрнѣе, прольютъ ли свѣтъ объясненія правительства?

Авторы запроса формулировали резолютивную его часть въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Извѣстно ли министрамъ юстиціи и внутреннихъ дѣлъ, что 1) главный совѣтъ союза русскаго народа организовалъ, съ вѣдома полиціи и охраннаго отдѣленія, боевыя дружины, которыя вооружались револьверами и бомбами при содѣйствіи чиновъ полиціи; 2) что цѣлый рядъ членовъ союза русскаго народа и его боевыхъ дружинъ состояли одновременно агентами охраны; 3) что тѣ же лица принимали участіе въ совершеніи убійствъ М. Я. Герценштейна и Г. Б. Іоллоса и въ подготовленіи покушеній на гр. С. Ю. Витте и П. Н. Милюкова, при содѣйствіи главнаго совѣта союза русскаго народа и его предсѣдателя А. И. Дубровина. И если извѣстно, какія мѣры приняли или предполагаютъ принять министры юстиціи и внутреннихъ дѣлъ для прекращенія подобной преступной дѣятельности союза и своихъ агентовъ“. Въ мотивахъ, въ сущности, нѣтъ ни одного факта, который не сообщался бы въ свое время въ печати. Но объединенные вмѣстѣ и включенные въ формально предъявленный министрамъ запросъ—эти извѣстные факты рисуютъ подавляющую картину.

Полицейскій приставъ объяснялъ Ларичкину, обвиняемому въ убійствѣ М. Я. Герценштейна, „что члены союза русскаго народа имѣютъ право производить обыски и аресты: первые, по возможности, въ присутствіи полиціи, а послѣдніе—и безъ ея помощи и содѣйствія“. „Когда пристава отбирали оружіе у союзниковъ, предсѣдатель союза А. И. Дубровинъ приказывалъ вернуть его, что и исполнялось чинами полиціи безпрекословно“. „Половневъ состоялъ агентомъ охраннаго отдѣленія, членомъ главнаго совѣта союза русскаго народа, начальникомъ путиловской боевой дружины и начальникомъ боевой дружины союза активной борьбы съ революціей и анархіей“. „Убитый Федоровымъ Казанцевъ былъ агентомъ охраннаго отдѣленія, членомъ союза русскаго народа и состоялъ секретаремъ графа Буксгевдена, находящагося и нынѣ на службѣ въ качествѣ чиновника особыхъ порученій при московскомъ генералъ-губернаторѣ“. „Яковлевъ, состоящій агентомъ охраннаго отдѣленія, членомъ главнаго совѣта союза русскаго народа, ближайшій сотрудникъ А. И. Дубровина, какъ выяснилось на судѣ, вмѣстѣ съ Дезобри отправлялъ обвинявшихся въ убійствѣ Герценштейна Половнева, Ларичкина и Рудзика, послѣ постановленія

финляндскаго суда объ ихъ арестѣ, изъ С.-Петербурга, при чемъ тотъ же Яковлевъ передавалъ отъ союза деньги женѣ Рудзика и далъ паспортъ Рудзику. Тотъ же Яковлевъ завѣдуетъ боевымъ кабинетомъ, въ которомъ хранятся револьверы и бомбы".

Въ засѣданіи Думы 12 мая, когда запросъ былъ впервые оглашенъ и обсуждалось предложеніе признать его спѣшнымъ, правые шумѣли, смѣялись; г. Марковъ 2-ой, безъ малѣйшаго замѣчанія предсѣдателя, заявлялъ, что „чѣмъ скорѣе будетъ вынесено на эту каѳедру разбирательство этого дурацкаго запроса, тѣмъ лучше". Какъ отнеслись къ запросу и что говорили по поводу его крайніе правые въ коммиссіи—образно описано въ № 131 „Рѣчи".

„Г. Новицкій напоминалъ Пергаменту, что вѣдь въ Одессѣ вооружены не только правыя, но и лѣвыя организаціи, — чѣмъ и вызвалъ реплику Пергамента, что, однако, преслѣдуются за вооруженія одни только лѣвые. Г. Исѣевъ, бывшій предсѣдатель саратовскаго отдѣла союза русскаго народа, пошелъ дальше. Онъ прямо заподозрилъ авторовъ запроса въ тайномъ намѣреніи „разоружить" союзъ русскаго народа, тогда какъ другія организаціи останутся вооруженными. Но и г. Исѣеву не удалось побить рекордъ. Г. Образцовъ, товарищъ предсѣдателя екатеринославскаго отдѣла союза, пошелъ еще дальше. Онъ выразилъ уже не подозрѣніе, а полную увѣренность, что все дѣло въ заговорѣ бюрократіи противъ всей страны. „Въ Россіи не было революціи, не было освободительнаго движенія, — рѣшительно заявилъ онъ:—былъ заговоръ въ С.-Петербургѣ". И со свойственной ему картинностью г. Образцовъ набросалъ картину погрома мѣстной гимназіи „жидами" при полномъ бездѣйствіи войскъ, парализованныхъ какими-то секретными бумажками изъ столицы. Но и г. Образцовъ былъ превзойденъ — г. Келеповскимъ. Г. Келеповскій былъ членомъ союза и повѣдалъ коммиссіи тѣ разговоры, которые ему приходилось слышать въ этой средѣ на темы, затронутыя запросомъ. Конечно, въ союзѣ эти темы не трактовались серьезно: объ этомъ только „шутили". Такъ, „въ шутливомъ тонѣ" говорилось въ союзѣ о томъ, что графа Витте надо повѣсить, что не мѣшало бы бросить какой-нибудь черный предметъ подъ автомобиль, на которомъ поѣдетъ графъ Витте, что хорошо бы было послать какого-нибудь хулигана напугать П. Н. Милюкова, чтобы онъ спрятался, и т. д."... „Г. Пуришкевичъ увѣрялъ коммиссію и своихъ сотоварищей, что у нихъ „масса двѣнадцати-дюймовыхъ зарядовъ", что они „подавлены матеріаломъ" о томъ, какъ г. Веберъ подкупалъ „всякую подкупную дрянь". По его словамъ, союзъ есть власть и закрыть его нельзя, такъ какъ союзъ защищаетъ... весь русскій народъ. Вообще, по словамъ г. Пуришкевича, онъ „находится въ курсѣ всего, что происходило, несмотря на разно-

мыслiе съ Дубровинымъ изъ-за хулиганскаго характера „Русскаго Знамени“: теперь этого разномыслiя нѣтъ“. Въ заключенiе г. Пуришкевичъ обѣщалъ „выйти на трибуну и расколошматить“ ка-детовъ и кончилъ приглашенiемъ, „какъ это ни противно“, вотировать за Милюкова. На просьбу предсѣдателя взять назадъ „неудобное“ выраженiе, г. Пуришкевичъ заявилъ, что идетъ завтракать, а потому назадъ своихъ словъ не возьметъ“.

Коммиссiя, большинствомъ голосовъ оппозицiи и октябристовъ запросъ приняла, нѣсколько лишь видоизмѣнивъ резолютивную часть. Такимъ образомъ, запросъ будетъ обсуждаться въ Думѣ. Но когда? Правительство имѣетъ право потребовать для себя мѣсячный срокъ, который истечетъ послѣ роспуска Думы на каникулы. Слѣдовательно, обсужденiе можетъ быть отложено на осень. Союзники, однако въ этомъ не увѣрены, и „Русское Знамя“, не смотря на хвастливыя увѣренiя г. Пуришкевича, замѣтно нервничаетъ. Запросъ, впрочемъ, не помѣшалъ тому, что на столбцахъ одесской „Резины“ снова появился зловѣщiй черный крестъ и рядомъ съ нимъ— перечень именъ „враговъ“ родины.

Выдержки изъ приказовъ и обязательныхъ постановленiй мѣстныхъ администраторовъ уже перестали быть предметомъ не только газетныхъ передовицъ, но даже корреспонденцiй, посылаемыхъ въ столичныя газеты. Изъ десятковъ, если не сотенъ, распоряженiй, дѣлаемыхъ губернаторами и градоначальниками на основанiи правилъ объ охранѣ, т.-е. въ цѣляхъ борьбы съ революцiей и крамолой, въ столицахъ печатаются уже только отдѣльныя немногiя распоряженiя. И печатаются они на газетныхъ задворкахъ, мелкимъ шрифтомъ, въ видѣ простыхъ заимствованiй изъ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостей. Всему, очевидно, есть мѣра и граница. Есть она и для вниманiя печати къ губернаторской литературѣ. Но тонутъ изъ-за этого среди самыхъ третьестепенныхъ извѣстiй иной разъ настоящiе перлы, которые ярко свидѣтельствуютъ, что „успокоенiе“ отнюдь не остановило развитiя литературы обязательныхъ постановленiй и что, напротивъ, эта литература захватываетъ все новыя и новыя области обывательской жизни.

Одинъ изъ такихъ перловъ мы прочли на послѣднемъ столбцѣ № 122 „Новой Руси“. „Мною замѣчено,—такъ начинается обязательное постановленiе одесскаго градоначальника, генерала Толмачева,—что многiе студенты, ученики и ученицы учебныхъ заведенiй и частныя лица носятъ накидки съ арматурой въ видѣ бронзированной головы льва, а также у меня имѣются свѣдѣнiя, что накидки эти съ указанной арматурой продаются въ мѣстныхъ магазинахъ. Принимая

во вниманіе, что арматура на накидкахъ въ видѣ бронзированной головы льва, согласно Высочайшему приказу по флоту, присвоена лишь офицерамъ морского вѣдомства,—на основаніи ст. 15 положенія объ усиленной охранѣ, я постановилъ воспретить частнымъ лицамъ, за исключеніемъ офицеровъ морского вѣдомства, ношеніе и продажу накидокъ съ упомянутой выше арматурой. Виновные въ неисполненіи настоящаго обязательнаго постановленія будутъ подвергаться штрафу до 500 рублей или аресту до трехъ мѣсяцевъ".

Конечно, это постановленіе о „бронзированной головѣ льва", прежде всего, смѣшно. Оно смѣшно и по содержанію, и по своеобразности изложенія, ибо выходитъ, что въ Одессѣ одни офицеры морского вѣдомства могутъ безвозбранно не только носить накидки съ арматурой въ видѣ бронзированной головы льва, но и торговать такими накидками. Конечно, оно, по практическому значенію—ничтожная мелочь, сравнительно съ устраненіемъ профессоровъ отъ участія въ засѣданіяхъ университетскаго совѣта, съ удаленіемъ врачей еврейской больницы, съ попыткой регламентировать въ порядкѣ охраны употребленіе анестезирующихъ средствъ, даже съ запретомъ одесситамъ покупать и читать „Рѣчь". Но съ принципіальной точки зрѣнія, именно мелочностью своею, оно наводитъ на самыя серьезныя мысли.

Обязательное постановленіе губернатора или градоначальника есть уголовный законъ, заключающій въ себѣ, во-первыхъ, запретъ и, во-вторыхъ, карательную угрозу, на случай нарушенія запрета. По общему правилу, уголовный законъ составляетъ актъ верховной законодательной власти въ государствѣ. Смыслъ допускаемаго отступленія отъ этого общаго правила коренится въ томъ, что въ дѣйствующемъ положеніи объ охранѣ выражено словами: „когда общественное спокойствіе въ какой-либо мѣстности будетъ нарушено преступными посягательствами противъ существующаго государственнаго строя или безопасности частныхъ лицъ и ихъ имуществъ, или подготовленіемъ таковыхъ, *такъ что для охраненія порядка примѣненіе дѣйствующихъ постоянныхъ законовъ окажется недостаточнымъ*". „Недостаточность" постоянныхъ законовъ, слѣдовательно, есть единственное оправданіе права административной расправы съ населеніемъ черезъ посредство обязательныхъ постановленій. И при этомъ требуется „недостаточность" въ совершенно опредѣленномъ отношеніи: для охраненія порядка, нарушеннаго преступными посягательствами противъ существующаго государственнаго строя или безопасности частныхъ лицъ и ихъ имуществъ. Слѣдовательно, далѣе, каждое обязательное постановленіе должно находиться въ тѣснѣйшей логической связи слѣдствія съ причиной—съ невозможностью путемъ примѣненія постоянныхъ законовъ

бороться съ посягательствами противъ государственнаго строя или безопасности частныхъ лицъ и ихъ имуществъ. Но законъ объ охранѣ, при всей эластичности и широтѣ даваемыхъ имъ администраціи полномочій, все-таки не ограничивается этими общими указаніями, а идетъ далѣе. Въ ст. 15 преподаны указанія конкретныя, въ видѣ перечня предметовъ, по которымъ могутъ быть издаваемы обязательныя постановленія. Перечень, правда, не имѣетъ исчерпывающаго характера. Однако, включенные въ него примѣры съ полной ясностью говорятъ, какого рода предметы имѣлъ въ виду законодатель.

О связи между ношеніемъ „многими" студентами, учениками, ученицами и частными лицами накидокъ „съ арматурой въ видѣ бронзированной головы льва" и посягательствами противъ безопасности частныхъ лицъ и ихъ имуществъ, само собою разумѣется, говорить не приходится. Надо думать, что генералъ Толмачевъ не могъ усмотрѣть также связи между ношеніемъ такихъ накидокъ и посягательствами на существующій государственный строй. Ибо какъ ни мало понятно сочетаніе терминовъ „самодержавный" и „представительный" въ приложеніи къ существующему нынѣ въ Россіи государственному строю, однако едва ли самая пылкая фантазія способна подмѣтить въ накидкахъ съ бронзированной головой льва признаки хотя бы подготовленія къ посягательствамъ противъ государственнаго строя. Что касается перечня ст. 15 положенія объ охранѣ, то полагаемъ, что также внѣ предѣловъ наиболѣе пылкой фантазіи лежитъ признаніе запрета носить накидки съ головой льва *подобнымъ* „обязанности владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ и ихъ управляющихъ по внутреннему наблюденію въ границахъ ихъ владѣнія", способамъ сего наблюденія и порядку „опредѣленія и смѣщенія лицъ, на которыхъ будутъ возложены владѣльцами упомянутыя обязанности",—о чемъ только и говоритъ ст. 15.

Житейски-обывательская суть обязательнаго постановленія „о бронзированной головѣ льва" покрывается вопросомъ: какъ смѣютъ „какіе-то" студенты, „какіе-то" ученики и ученицы и частныя лица (еще, пожалуй, евреи!) носить накидки, сходныя съ накидками, которыя носятъ флотскіе офицеры? Нетрудно догадаться, что именно это чувство своеобразно понимаемой обиды, для котораго, а вовсе не для борьбы съ революціей, оказалось недостаточно „постоянныхъ" законовъ, подсказало генералу Толмачеву использовать свои охранныя полномочія. Что въ томъ, что этими полномочіями онъ снабженъ, казалось бы, не для борьбы съ застежками накидокъ и вообще съ капризами моды? Что въ томъ, что въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ Кіевѣ ходятъ и будутъ ходить въ накидкахъ „съ арматурой въ видѣ

бронзированной головы льва“ и морскіе офицеры, и студенты, и частныя лица? Что въ томъ, что изъ-за капризовъ моды студенты и частныя лица нарядились, вѣроятно и въ Одессѣ, какъ въ Петербургѣ, не только въ накидки съ бронзированной головой льва, но (о, ужасъ!) въ тужурки „защитнаго“ цвѣта и съ четырьмя карманами, точь въ точь какъ присвоенныя Высочайшимъ приказомъ сухопутнымъ офицерамъ? Развѣ имѣютъ какое-нибудь значеніе границы закона передъ всесильнымъ „не позволю!“ или „не допущу!“ энергичнаго градоправителя? Развѣ всѣ предшествующія распоряженія одесскаго градоначальника не построили моста, соединившаго законъ, въ его практическомъ примѣненіи, съ обязательнымъ постановленіемъ о застежкахъ накидокъ?.. Пусть вездѣ носятъ бронзированныя головы льва, а „у меня“ не допущу!..

Мы помнимъ то давнее время, когда правила объ охранѣ были вновѣ. Мы помнимъ тотъ шумъ и тѣ толки, которые вызвало въ Петербургѣ требованіе, на основаніи закона объ охранѣ, освѣщать такъ называемыя черныя лѣстницы въ домахъ. Тогда отвергалось право такого требованія, ибо удобство сокрытія преступниковъ на неосвѣщенныхъ лѣстницахъ считалось еще недостаточнымъ поводомъ для сверхзаконнаго налога на домовладѣльцевъ. Тогда не было конституціи. Тогда былъ самодержавно-неограниченный строй... Теперь строй самодержавно-представительный. Теперь есть Дума—органъ надзора за законностью дѣйствій администраціи. Теперь возглашена гражданская свобода. Теперь законность возведена въ правительственный принципъ... Теперь въ кругъ объектовъ борьбы съ крамолой вошли застежки...

Въ извѣстномъ всеподданнѣйшемъ докладѣ, имѣющемъ помѣтку: „принять къ руководству“, графъ Витте писалъ: „Принципы правового порядка воплощаются лишь постольку, поскольку населеніе получаетъ къ нимъ привычку—гражданскій навыкъ. Сразу пріуготовить страну со 135-ти-милліоннымъ разнороднымъ населеніемъ и обширнѣйшей администраціей, воспитанными на иныхъ началахъ, къ воспріятію и усвоенію нормъ правового порядка—не по силамъ никакому правительству. Вотъ почему далеко недостаточно власти выступить съ лозунгомъ гражданской свободы. Чтобы водворить въ странѣ порядокъ, нужны трудъ, неослабѣвающая твердость и послѣдовательность“. Обязательное постановленіе о застежкахъ — не мѣра воспитанія населенія и администраціи въ принципахъ правового порядка. Нѣтъ, это болѣе того: это результатъ другихъ воспитательныхъ мѣръ, проводящихся три года съ неослабѣвающей твердостью и послѣдовательностью. „Твердость“, „трудъ“ и „послѣдовательность“ дали плоды: одесскій градоначальникъ наложилъ запретъ на модныя застежки; на-

селеніе молча приняло запретъ. „Разнородное“ населеніе Одессы такъ воспитано, что и не думаетъ ни протестовать, ни жаловаться. Въ него охранные принципы уже воплотились, оно уже „пріуготовлено“ къ воспріятію всего, что угодно градоначальнику...

Внезапная смерть О. Я. Пергамента—крупное событіе дня въ Петербургѣ и во всей Россіи. Его похороны, по многотысячной толпѣ, провожавшей покойнаго, и по общественному вниманію, напомнили конецъ сентября 1905 г. и похороны князя С. Н. Трубецкого. Причины, конечно, лежатъ, прежде всего, въ личности покойнаго, въ его широкой извѣстности, какъ выдающагося общественнаго дѣятеля—члена Думы, адвоката и писателя. Но, кромѣ того, не могли не привлечь вниманія обстоятельства его смерти и условія, въ которыя чуть-было не поставила православная духовная власть его погребеніе.

Математикъ по образованію, уже послѣ нѣсколькихъ лѣтъ преподавательства въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ сдавшій экзаменъ по юридическимъ наукамъ, О. Я. Пергаментъ сравнительно недавно, въ 1899 г., вступилъ въ одесскую адвокатуру. Ко времени введенія въ Одессѣ сословно-адвокатскаго самоуправленія, онъ былъ однимъ изъ младшихъ присяжныхъ повѣренныхъ, по числу лѣтъ пребыванія въ сословіи. Не смотря, однако, на это, выборъ перваго въ Одессѣ предсѣдателя совѣта присяжныхъ повѣренныхъ палъ на него. Въ этомъ званіи, а также въ званіи гласнаго одесской городской думы, застала его буря освободительнаго движенія. Вихрь бури и воля мѣстнаго генералъ-губернатора выбросили его было изъ родного города на Уралъ. Но тамъ онъ оставался недолго. Въ 1907 году Одесса послала его своимъ представителемъ во вторую Думу, а затѣмъ—въ третью.

Въ Государственной Думѣ, еще во второй, О. Я. сразу занялъ выдающееся положеніе не только какъ блестящій ораторъ, но какъ глубокій знатокъ права, отечественнаго и иностраннаго, и какъ тонкій юристъ, отдававшій всего себя трудной коммиссіонной работѣ. Въ недолгіе три съ половиной мѣсяца существованія второй Думы онъ участвовалъ въ занятіяхъ всѣхъ коммиссій, разсматривавшихъ наиболѣе сложные вопросы права — въ судебной, о неприкосновенности личности, по наказу, по запросамъ, въ редакціонной. Въ третьей Думѣ покойный, какъ и всѣ депутаты оппозиціоннаго меньшинства, оказался въ сторонѣ отъ творческой законодательной работы. Конечно, не ему было творить нормы права въ коммиссіи, поставившей себѣ задачей изысканіе наиболѣе легкихъ и доступныхъ путей для

„прикосновенности“ къ личности, къ имуществу и къ корреспонденціи русскаго „гражданина“. Здѣсь онъ естественно игралъ роль критика. И, какъ критикъ, О. Я. Пергаментъ всегда больно билъ своихъ противниковъ—математической точностью анализа, логичностью доводовъ и безукоризненностью ораторской формы. Цѣлый рядъ его думскихъ рѣчей навѣрное еще съ полной свѣжестью сохраняется въ памяти слѣдившихъ за „большими“ днями въ третьей Думѣ.

Немного меньше года назадъ, послѣ рѣчи при обсужденіи законопроекта о сыскныхъ отдѣленіяхъ, О. Я. Пергаментъ получилъ вызовъ на дуэль отъ г. Маркова 2-го. Онъ вызовъ принялъ, и дуэль, по счастью окончившаяся безкровно, состоялась. Тогда было много толковъ по поводу принятія имъ вызова. Его осуждали. Приводили въ примѣръ П. Н. Милюкова и Ѳ. И. Родичева, неоднократно отказывавшихся отъ дуэли. Мы, съ своей стороны, писали въ іюльской хроникѣ прошлаго года, что хотя „принадлежимъ къ рѣшительнымъ противникамъ дуэлей вообще и, въ особенности, дуэлей парламентскихъ“, но „никогда не рискнули бы осудить г. Пергамента за принятіе вызова“. „Онъ — говорили мы далѣе — сдѣлалъ все, что̀ могъ. Онъ заявилъ секундантамъ г. Маркова, что не имѣлъ намѣренія его оскорбить, и категорически отказался отъ какихъ бы то ни было дальнѣйшихъ шаговъ въ цѣляхъ мирнаго разрѣшенія вопроса. Какъ это ни трагично, обстоятельства не допускали для него возможности поступить иначе. Въ Думѣ создалось какое-то бретерство со стороны правыхъ,—бретерство въ прямомъ разсчетѣ на отказъ отъ дуэли. Они бранятся, инсинуируютъ, чуть что̀ — требуютъ къ барьеру, и отказъ поминутно подчеркиваютъ оскорбительными: „ага!—испугался“. Только рѣшительнымъ отпоромъ можно положить этому конецъ. Если бы г. Пергаментъ не принялъ вызова, его положеніе въ Думѣ стало бы невыносимымъ. Независимо отъ политическихъ убѣжденій г. Пергамента, нельзя забывать, что онъ по рожденію—еврей“.

И, дѣйствительно, отпоръ, сдѣланный покойнымъ, положилъ конецъ бретерству „истинно-русскихъ“ членовъ Думы. За всю вторую сессію не было ни одного случая требованія къ барьеру. О. Я. Пергаментъ имѣлъ мужество пойти противъ рѣшенія своей парламентской фракціи и, быть можетъ, противъ своихъ убѣжденій. Но этимъ онъ оказалъ неоцѣнимую услугу и партіи народной свободы, и достоинству званія члена Думы. Къ чести г. Маркова нельзя не отмѣтить вѣнка съ надписью: „храброму противнику“, возложеннаго имъ на гробъ О. Я. Пергамента.

Оффиціально признано, что смерть О. Я. послѣдовала отъ паралича сердца. Былъ пущенъ слухъ, что имѣло мѣсто самоубійство. Не подлежитъ сомнѣнію, что ближайшей причиной трагической кончины покой-

наго было постановленіе судебнаго слѣдователя о привлеченіи его къ уголовной отвѣтственности, внесенное въ Думу министромъ юстиціи вмѣстѣ съ требованіемъ объ устраненіи его отъ участія въ собраніяхъ Думы. О. Я. Пергаментъ имѣлъ несчастіе взять на себя защиту знаменитой въ своемъ родѣ авантюристки Ольги Штейнъ, совмѣстно съ присяжными повѣренными Л. А. Базуновымъ и г. Аронсономъ. Во время разбора дѣла Штейнъ, какъ извѣстно, бѣжала. Затѣмъ она была выдана американскими властями и осуждена. При производствѣ слѣдствія объ обстоятельствахъ побѣга, она и ея сожитель Шульцъ дали весьма подробныя объясненія, въ которыхъ и иниціативу, и организацію побѣга приписали защитникамъ. Такъ создалось обвиненіе Пергамента, Базунова и Аронсона въ укрывательствѣ Штейнъ—обвиненіе цѣликомъ основанное на оговорѣ, правдивость котораго безъ остатка разбивается слѣдующими мѣстами изъ занесенныхъ въ постановленіе показаній Штейнъ и Шульца: „Въ первый же день слушанія дѣла... прис. пов. Пергаментъ сказалъ ей, что онъ весьма мрачно смотритъ на исходъ дѣла и *умолялъ* Ольгу Штейнъ уѣхать за-границу. Штейнъ отвѣтила на эту просьбу отказомъ, но на слѣдующій день г. Пергаментъ возобновилъ свои убѣжденія, и 2 декабря вечеромъ, вызвавъ Ольгу Штейнъ къ себѣ на квартиру, категорически заявилъ ей, что считаетъ ея отъѣздъ за границу неизбѣжнымъ“... „По окончаніи засѣданія (3 декабря) Пергаментъ и Базуновъ еще въ засѣданіи суда стали убѣждать Ольгу Штейнъ немедленно уѣхать изъ Петербурга“... „Въ квартирѣ Базунова, какъ онъ, такъ и Пергаментъ, вновь стали убѣждать Штейнъ уѣхать, и когда Штейнъ, *опустившись на колѣни* передъ Базуновымъ, стала просить его не настаивать на ея отъѣздѣ, онъ сказалъ, что если она не поѣдетъ, то онъ больше въ засѣданіе не пойдетъ“... Не правда ли, дышетъ истиной отъ разсказа о колѣнопреклоненно просящей дозволить ей сѣсть въ тюрьму Ольгѣ Штейнъ и о присяжномъ повѣренномъ, хотя бы получившемъ крупный гонораръ,—что подчеркивается въ постановленіи,—который „умоляетъ“ ее уѣхать за границу?

Министерская газета „Россія“ не нашла ничего лучшаго, какъ на другой день послѣ похоронъ О. Я. Пергамента помѣстить совершенно неприличную статью г. Денисова, полную инсинуацій по адресу „политическихъ друзей“ покойнаго и намековъ, касающихся его самого [1]). Если онъ былъ правъ—подсказывала вопросъ своимъ читате-

[1]) Г. Меньшиковъ въ „Новомъ Времени“ и „Русское Знамя“, по степени неприличія, оставили г. Денисова далеко позади себя. Сужденія этихъ газетъ вызываютъ сплошное чувство гадливости.

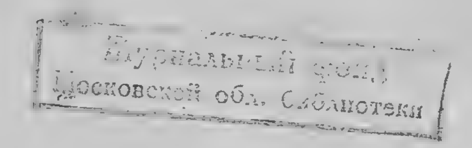
лямъ газета,—то вѣдь „вздорное, само себя опровергающее обвиненіе было бы представлено на разрѣшеніе представителей общественной совѣсти, т.-е. суда присяжныхъ, о чемъ покойный зналъ и, вѣря въ свою правоту, могъ бы быть совершенно покоенъ за исходъ процесса". Да, онъ это зналъ и въ оправдательный приговоръ присяжныхъ могъ вѣрить. Но онъ зналъ также, что до этого исхода на него, не переставая, лились бы потоки грязи. Онъ зналъ, что министерство добилось бы своего: показать всей Россіи его, — гордаго, блестящаго, талантливаго представителя Одессы въ Государственной Думѣ,—на одной позорной скамьѣ съ Ольгой Штейнъ и съ Шульцемъ. Онъ зналъ, что не встрѣтилъ бы моральной поддержки со стороны Думы, — той поддержки, какую получилъ Л. А. Базуновъ отъ петербургскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ. Онъ зналъ, что по поводу требованія объ устраненіи его изъ Думы октябристы забыли бы распри съ правыми и съ злорадствомъ вотировали бы за предложеніе г. Щегловитова. Онъ зналъ, что требованіе было бы исполнено съ такой же исключительной быстротой, съ какой министръ юстиціи внесъ 15 мая въ Думу постановленіе, датированное 13 мая и прошедшее въ одинъ день, къ тому же неприсутственный, всѣ инстанціи между судебнымъ слѣдователемъ и министромъ. Онъ все это зналъ. Онъ зналъ, что отъ него хотятъ отнять честь — сердце не выдержало и отдало жизнь... „Изящный" Пергаментъ былъ человѣкъ сильный. Изъ-за его обычной сдержанности не видно было, что стоила ему многолѣтняя травля. Внезапная смерть въ цвѣтущемъ возрастѣ это показала...

Православная церковь, въ лицѣ ея высшей іерархіи, едва не отказала Пергаменту въ погребеніи по христіанскому обряду. Только вмѣшательство Н. А. Хомякова и П. А. Столыпина побудило „сонмъ" епископовъ сдѣлать уступку. Сперва препятствіемъ было выставлено отсутствіе удостовѣренія, что покойный не самъ лишилъ себя жизни. Когда это препятствіе было устранено, митрополитъ объявилъ родственникамъ О. Я. и прибывшимъ вмѣстѣ съ ними членамъ Думы А. Ѳ. Бобянскому и М. С. Аджемову, „что къ соблюденію церковныхъ обрядовъ встрѣчается препятствіе, на которое указалъ, на состоявшемся въ этотъ день совѣщаніи пятнадцати владыкъ, архіепископъ Дмитрій херсонскій, а именно,—отсутствіе свѣдѣній о томъ, чтобы О. Я. Пергаментъ выполнялъ обряды православной церкви". „Владыка призналъ—писали при этомъ газеты,—что такой случай встрѣчается впервые за все время его долгаго пастырскаго служенія, но онъ ничего не можетъ сдѣлать, въ виду заключенія совѣщанія владыкъ".

Да, такихъ случаевъ „до конституціи" не бывало... Мы разсуждаемъ не съ канонически-догматической точки зрѣнія. Мы разсуждаемъ съ точки зрѣнія народнаго пониманія духа православнаго

вѣроученія. Неужели не въ всепрощающей любви величіе христіанства? Неужели для того, чтобы православная церковь молилась о прощеніи грѣховъ усопшаго—нужны справки о бытіи его у исповѣди и причастіи? Несоблюдающаго обрядовъ вѣры церковь считаетъ болѣе грѣшнымъ, чѣмъ соблюдающаго. Такъ вѣдь тѣмъ болѣе долгъ церкви молиться за него...

Издатель М. М. Ковалевскій. Редакторъ К. К. Арсеньевъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ТРЕТЬЯГО ТОМА

Май—Іюнь, 1909.

Книга пятая. — Май. стр.

Книга шестая. — Іюнь.

